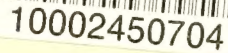

LUX
LIBERTAS

ИСТОРІЯ

ЦАРСТВОВАНІЯ

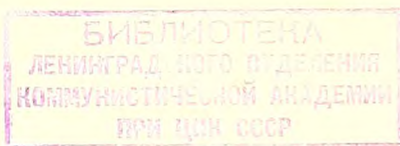
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

и

РОССІИ ВЪ ЕГО ВРЕМЯ.

СОЧИНЕНІЕ
автора Исторіи отечественной войны 1812 года.

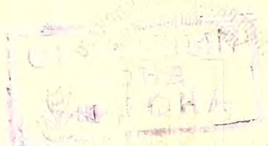
Томъ III.

1869.

Печатано по Высочайшему повелѣнію.

СОДЕРЖАНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ГЛАВА XXVI.

Административныя распоряженія и труды по законодательной части. Народное просвѣщеніе.

(1805—1811 г.).

Съ 1805 года дѣятельность нашего правительства по части администраціи была отвлечена войною противъ Франціи, а по заключеніи Тильзитскаго мира—вооруженіями противъ Турціи, Швеціи и Австріи. Кромѣ наборовъ, сдѣланныхъ въ 1805 и 1806 годахъ, манифестомъ 30 ноября 1806 года призвана—какъ уже сказано — милиція изъ 31-й губерніи, въ числѣ 612,000 человѣкъ ([1]). Когда-же, послѣ сраженія при Пултускѣ, непріятель пріостановилъ наступленіе, найдено было возможнымъ ограничить милицію одною третью прежде призванныхъ людей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, повелѣно принять въ ней участіе прочимъ губерніямъ; такимъ образомъ составилось „подвижное земское войско,“ по разсчету одного ратника съ 57-ми ревизскихъ душъ, въ числѣ 252,000 человѣкъ ([2]). По заключеніи Тильзитскаго мира, было прекращено существованіе земскаго войска ([3]), однакоже войны, веденныя нами съ Турками и Шведами, заставили обратить ратниковъ на укомплектованіе арміи ([4]) и сдѣлать наборы: въ 1808 году по

5-ти рекрутъ съ 500 душъ; въ 1809-мъ — также по 5-ти; въ 1810-мъ — по 3 рекрута, въ 1811-мъ — по 4 и передъ самымъ открытіемъ войны 1812 года по 2 рекрута съ 500 душъ (5). По случаю движенія войскъ къ границѣ, въ 1806 году, собрано, для учрежденія подвижныхъ магазиновъ и запаснаго артиллерійскаго парка, съ губерній: полтавской, черниговской, слободско-украинской (харьковской), херсонской, екатеринославской и кіевской, 5.700 фуръ, до 6.500 воловъ и 3.800 погонщиковъ, да изъ волынской губерніи 536 повозокъ и 1.072 лошади (6). Въ 1808 году, для подвижныхъ магазиновъ Финляндской арміи, собрано съ губерній: петербургской, новгородской и тверской 550 одноконныхъ подводъ съ 300 погонщиковъ, съ платою отъ 100 до 150-ти рублей за каждую (7). Въ 1809-мъ году былъ сдѣланъ такой-же нарядъ подводъ и погонщиковъ съ новгородской и тверской губерній (8).

Чрезвычайныя издержки, которыхъ требовали войны, нами веденныя съ 1805-го года, вмѣстѣ съ упадкомъ народнаго богатства, отъ стѣсненія внѣшней торговли послѣ Тильзитскаго мира, были причиною быстраго упадка нашихъ ассигнацій. Одновременно съ увеличеніемъ цѣны всѣхъ вещей, поступавшія въ казну подати составляли половину, а въ послѣдствіи четверть прежнихъ государственныхъ доходовъ. Дефицитъ пополнялся новыми внутренними долгами, или выпусками ассигнацій, что неминуемо вело къ большему еще упадку ихъ цѣнности. Въ такомъ затруднительномъ положеніи финансовъ, когда масса обращавшихся въ народѣ ассигнацій простиралась до 577-ми милліоновъ, правительство, въ 1810-мъ году, рѣшилось прекратить ихъ выпуски. Для пополненія-же дефицита, найдено необходимымъ прибѣгнуть къ двумъ мѣрамъ: 1) къ увеличенію по-

датей и 2) къ открытію внутренняго займа. Возвышены подати подушныя и оброчныя съ крестьянъ и мѣщанъ; установлены новые налоги, въ обѣихъ столицахъ, съ торгующихъ крестьянъ, съ иностранныхъ ремесленниковъ, съ домовъ и купеческихъ капиталовъ. Увеличена цѣна на соль и подать съ мѣди. Положено взимать таможенный доходъ, считая талеръ въ 4 рубля ассигнаціями *). Наконецъ возвышена пошлина на гербовую бумагу и на бумагу для паспортовъ ([9]). Для погашенія внутренняго займа, часть государственныхъ имуществъ, именно оброчныя статьи, часть казенныхъ лѣсовъ, арендныя и нѣкоторыя другія имѣнія, обращены въ публичную продажу, съ тѣмъ ограниченіемъ, что населенныя земли могли быть пріобрѣтаемы только дворянами и купцами 1-й гильдіи. Весь заемъ, въ 100 милліоновъ рублей ассигнаціями, раздѣленный на пять равныхъ частей, долженъ былъ открываться постепенно. Уплату назначено производить, за земли и лѣса въ три года, а за арендныя имѣнія въ теченіе пяти лѣтъ, облигаціями, выдаваемыми отъ учрежденной, 6-го іюля 1810 года, „Государственной Коммисіи Погашенія Долговъ" и приносящими 6% дохода; за такія облигаціи, въ первую часть займа, принимались капиталы, по разсчету двухъ ассигнаціонныхъ рублей за одинъ рубль серебромъ, которые казна обязалась возвратить въ 1817 году, серебромъ 83⅓ пробы, или золотомъ, по курсу противъ серебра; капиталы, вносимые безсрочно, принимались по полтора рубля ассигнаціями за серебряный рубль и приносили 4½%. Правительство обязалось выплачивать проценты и капиталы въ положенные сроки

*) Прежде платили таможенную пошлину, внося въ казну по два рубля съ половиною ассигнаціями за талеръ: такимъ образомъ, эта подать была увеличена болѣе нежели въ полтора раза.

серебромъ $83^{1}/_{3}$ пробы. Вырученные-же коммисией отъ продажи имѣній суммы должны были служить для уплаты внутренняго долга. Облигаціи принимались, не только при покупкѣ казенныхъ имѣній, но и въ залоги по всѣмъ подрядамъ и поставкамъ, по ассигнаціонной ихъ цѣнѣ ([10]).

Въ продажу были назначены: оброчныхъ казенныхъ земель, въ 26-ти губерніяхъ, до 3-хъ милліоновъ десятинъ; изъ пустопорожнихъ, въ 11-ти губерніяхъ, все количество остававшееся за надѣломъ крестьянъ; мельницы, рыбныя ловли, и проч. въ 47-ми губерніяхъ; въѣзжихъ казенныхъ лѣсовъ до 400,000 десятинъ; лѣсовъ въ западныхъ губерніяхъ до $1^{1}/_{2}$ милліона десятинъ; арендныхъ, старостинскихъ и другихъ казенныхъ имѣній, въ восьми западныхъ и трехъ остзейскихъ губерніяхъ, до 350,000 душъ ([11]). Эти имущества, оцѣненныя въ 183 милліона рублей, по превышенію дѣйствительнойй продажной цѣны надъ оцѣнкою, могли принести до 200 милліоновъ. На 1811-й годъ было объявлено къ продажѣ имѣній на 4.429,000 рублей серебромъ и 5,148,000 рублей ассигнаціями, изъ коихъ по 1-е октября дѣйствительно продано на 292,458 рублей серебромъ, 1,367,000 рублей ассигнаціями и 159,000 рублей облигаціями. Первая-же часть займа, въ 20 милліоновъ рублей, открыта 1-го іюля 1810 года и окончена 27 мая 1811 года, въ продолженіи 11-ти мѣсяцевъ. Такимъ образомъ продажа государственныхъ имуществъ шла весьма медленно, чему полагали причинами: во 1-хъ, недостатокъ описей и плановъ этихъ имуществъ; во 2-хъ, излишнія формальности при проджѣ ([12]).

Условія займа были весьма благопріятны для капиталистовъ: правительство, реализировавъ первую часть его и получивъ 20 милліоновъ рублей ассигнаціями, или, по тогдашнему курсу, около пяти мил-

ліоновъ рублей серебромъ, обязывалось давать по 6% на 10 милліоновъ рублей серебромъ, т. е. въ дѣйствительности 12%, и чрезъ шесть лѣтъ (въ 1817 году) уплатить двойной капиталъ. Несмотря однакоже на невыгоду для казны подобной финансовой операціи, упадокъ курса нашихъ ассигнацій съ 1810 года былъ несравненно медленнее прежняго, что̀, по всей вѣроятности, должно быть приписано, съ одной стороны, прекращенію новыхъ выпусковъ ассигнацій, а съ другой — возстановленію морской торговли, значительно увеличившему отпускъ за границу русскихъ продуктовъ.

Въ основаніе нашей новой монетной системы были приняты два главныя правила: 1) чтобы внезапными перемѣнами въ ней не нанесть ущерба частнымъ интересамъ — „сколько-бы перемѣны сіи ни казались для казны выгодными" — и 2) чтобы утвердить ее на твердыхъ началахъ, для всей Имперіи единообразныхъ и достойныхъ общаго довѣрія. Въ этихъ видахъ, монетною единицею установленъ серебряный рубль тогдашняго достоинства, т. е. вѣсомъ во ста рубляхъ 5 фунтовъ и 6 золотниковъ серебра $83^1/_3$ пробы. Самая монета, назначавшаяся къ чекану, раздѣлена на три сорта: 1) банковую — серебряные рубль и полтина; 2) размѣнную серебряную — въ 20, 10 и 5 копѣекъ — „съ небольшимъ въ вѣсѣ пріумноженіемъ и съ соразмѣрнымъ тому въ пробѣ уменьшеніемъ"; 3) размѣнную мѣдную, въ 2, 1 и $^1/_2$ копѣйки, достоинство коей опредѣлено „по отношенію цѣны мѣди въ слиткахъ на серебро." Старыя мѣдныя деньги положено выводить изъ обращенія, по мѣрѣ выпуска новой серебряной и мѣдной монеты, а за переливъ мѣдной монеты установлено такое-же наказаніе, какое назначено за дѣланіе фальшивой монеты. Счетъ на иностранную монету въ Им-

періи прекращенъ и запрещенъ ввозъ мѣлкой иностранной монеты, извѣстной подъ названіемъ „биллона“ ([13]). Вслѣдъ за тѣмъ опредѣлены проба и вѣсъ серебряной монеты, согласно предшествовавшему постановленію, именно: чистаго серебра въ рублѣ четыре золотника 21 доля, а въ полтинѣ два золотника $10^1/_2$ долей. Размѣнную-же монету положено дѣлать 72-й пробы, но такого-же внутренняго достоинства, какъ и банковую монету, такъ, чтобы двадцатикопѣечникъ былъ вѣсомъ одинъ золотникъ 12 долей и содержалъ въ себѣ 81 долю чистаго серебра, а гривенники и пяти-копѣечники по соразмѣрности. Наконецъ мѣдную монету назначено дѣлать по 24 рубля въ пудъ ([14]).

Преобразованіе государственнаго совѣта, въ началѣ 1810 года, подало поводъ къ существеннымъ измѣненіямъ министерствъ. Въ представленной тогда государственнымъ секретаремъ Сперанскимъ запискѣ, онъ, сознавая пользу учрежденія министерствъ, доказывалъ важныя несовершенства системы 1802 года. По его мнѣнію, они заключались: 1) *въ недостаткѣ отвѣтственности*, которая — писалъ онъ — должна существовать не на словахъ, а на дѣлѣ; 2) *въ неточномъ раздѣленіи дѣлъ*, происшедшемъ отъ того, что, при введеніи новаго порядка дѣлъ, слишкомъ держались старыхъ учрежденій, изъ опасенія „строя новое зданіе, разрушить все прежнее до основанія.“ Такимъ образомъ къ министерству внутреннихъ дѣлъ отнесены полиція и соляная часть, учреждено особое министерство коммерціи, составляющей только вѣтвь общей народной промышленности, и оставлена безъ всякаго устройства одна изъ важнѣйшихъ частей — общая полиція; 3) Въ *недостаткѣ правильнаго образованія министерствъ*, отъ чего дѣла не

бывъ раздѣлены по существу своему, стекались въ однѣ руки, слѣдствіемъ чего были пустое многодѣліе и безпорядокъ ([15]).

На основаніи идей, подробно изложенныхъ въ запискѣ Сперанскаго, послѣдовало преобразованіе министерствъ. Манифестомъ 25-го іюля объявлено о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ, въ исполнительномъ порядкѣ, на пять главныхъ частей, подвѣдомственныхъ, сообразно пространству и существу каждой, одному, или нѣсколькимъ министрамъ. На такомъ основаніи, всѣ государственныя дѣла были раздѣлены слѣдующимъ образомъ: 1) *Внѣшнія сношенія.* Министерство иностранныхъ дѣлъ. 2) *Внѣшняя безопасность.* Министерства военное и морское. 3) *Государственная экономія.* Министерства: внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и финансовъ. Государственное казначейство. Ревизія государственныхъ счетовъ. Главное управленіе путей сообщенія. 4) *Устройство Суда.* Министерство юстиціи. 5) *Внутренняя безопасность.* Министерство полиціи. Кромѣ того, духовныя дѣла всѣхъ исповѣданій, кромѣ православнаго, разсѣянныя по разнымъ департаментамъ, были соединены и составили *Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій.*

Министерства *иностранныхъ дѣлъ, военное, морское* и *юстиціи* остались въ тѣхъ предѣлахъ, кои были постановлены манифестомъ 8-го сентября 1802 года.

Изъ прежняго *министерства внутреннихъ дѣлъ* нѣкоторыя части отошли къ министерству финансовъ, другія составили новое министерство полиціи, а въ новомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, которому главнымъ предметомъ назначено попеченіе о земледѣліи и промышленности, оставлены, кромѣ того: колоніи, почты и публичныя зданія.

Къ министерству *народнаго просвѣщенія* присоединены всѣ вообще Академіи и учебныя заведенія, кромѣ духовныхъ.

Къ министерству *финансовъ* поступили: департаментъ внѣшней торговли (бывшее министерство коммерціи); соляная часть, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, составившая вмѣстѣ съ бергъ-коллегіею департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ; департаментъ казначейства (бывшее Государственное казначейство); вновь учрежденный департаментъ государственныхъ имуществъ, составленный изъ бывшаго лѣснаго департамента и другихъ частей различныхъ вѣдомствъ. Кромѣ того, въ составѣ министерства остался департаментъ податей и сборовъ (бывшая камеръ-коллегія). Ему-же были подчинены банки: заемный, ассигнаціонный и коммерческій. Отъ министерства-же финансовъ отошелъ *государственный контроль*, порученный барону Балтазару Балтазаровичу фонъ-Кампенгаузену. Это былъ одинъ изъ тѣхъ Нѣмцевъ, надъ которыми подъ часъ трунитъ русское досужество въ отместку за торжествующую на нашей родинѣ „нѣмецкую интеллигенцію.“ Но, по увѣренію современниковъ — баронъ Кампенгаузенъ соединялъ съ умомъ холоднымъ, но весьма обширнымъ, и съ твердымъ характеромъ, старинную добросовѣстную ученость, трудолюбіе и познанія, необходимыя для государственнаго человѣка. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые возвышаютъ своими личными качествами занимаемыя ими мѣста.

Министерство полиціи было ввѣрено назначенному въ началѣ 1809 года С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ и генералъ-адъютантомъ, Александру Дмитріевичу Балашову. Одаренный большимъ умомъ, тактомъ, ловкостью, Балашовъ соеди-

нялъ въ себѣ хитрость Грека и скромность Нѣмца со смѣтливостью и смѣлостью Русскаго.

Еще въ 1809 году, экспедиція водяныхъ коммуникацій была преобразована въ министерство, подъ названіемъ *Главнаго управленія путей сообщенія* ([16]), порученное супругу Великой Княгини Екатерины Павловны, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ генералъ-губернаторомъ тверскимъ, новгородскимъ и ярославскимъ.

Наконецъ, *Главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій,* весьма незначительное по кругу своихъ дѣйствій, но возведенное на степень особаго министерства, было ввѣрено оберъ-прокурору святѣйшаго синода, князю Александру Николаевичу Голицыну, который, оставшись оберъ-прокуроромъ и въ званіи статсъ-секретаря, сохранилъ право вносить доклады свои прямо къ Государю ([17]).

Такимъ образомъ всѣ дѣла въ исполнительномъ порядкѣ были распредѣлены между одиннадцатью министерствами и главными управленіями. Преобразованія сихъ вѣдомствъ, довершенныя изданіемъ въ 1811 году *Общаго учрежденія Министерствъ* ([18]), были неокончательны, но существенны и прочны. По словамъ М. А. Корфа: „Перемѣнялись царствованія, перемѣнялись многократно люди и системы, передѣлывались всѣ уставы, старые и новые, а учрежденіе министерствъ полвѣка стоитъ неподвижно, не только въ главныхъ началахъ, но почти и во всѣхъ подробностяхъ, будто изданное вчера, хотя въ практическомъ его примѣненіи къ каждому министерству порознь, даже въ общемъ его дѣйствіи, оно развилось не на тѣхъ, быть можетъ, нитяхъ, которыя были приготовлены Сперанскимъ“ ([19]). На основаніи манифеста объ изданіи общаго учрежденія ми-

нистерствъ, всѣ они долженствовали быть снабжены особенными учрежденіями. Составленіе проектовъ было возложено на самихъ министровъ, при чемъ каждый изъ нихъ, считая ввѣренную ему часть управленія — по выраженію Сперанскаго — „за пожалованную деревню,“ старался наполнить свое вѣдомство людьми и деньгами, къ наибольшему распространенію своей власти. Сперанскому пришлось передѣлывать эти проекты, умѣрять и соглашать притязанія министровъ и нерѣдко возбуждать противъ себя ихъ неудовольствіе и ненависть ([20]).

При общемъ образованіи министерствъ, частныя учрежденія каждаго изъ нихъ были изданы только для двухъ: финансовъ и полиціи; въ исходѣ 1811 года внесены въ государственный совѣтъ проекты подобныхъ-же учрежденій: для министерствъ военнаго, просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и для главнаго управленія иностранныхъ исповѣданій; но вышло въ началѣ 1812 года, одно лишь *образованіе военнаго министерства.*

Тогда-же Высочайше утверждено. „Учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи“ — служившее у насъ руководствомъ по военной части въ теченіи болѣе полувѣка ([21]), памятникъ трудолюбія и опытности Барклая де-Толли. Приступивъ къ составленію сего замѣчательнаго военнаго кодекса, онъ принялъ за основаніе существовавшія у насъ постановленія и собралъ свѣдѣнія о всѣхъ законахъ, изданныхъ для французской арміи съ 1791-го года. Въ Коммисіи, по представленію Барклая, учрежденной, подъ его предсѣдательствомъ, для составленія военныхъ уставовъ и уложеній, были членами генералы: Оппerманъ, баронъ Егоръ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій. князь Петръ Михайловичъ Волконскій, Гогель, графъ Сенъ-Пріестъ и полковникъ

Перскій (въ послѣдствіи директоръ 1-го кадетскаго корпуса). Свидѣтельствомъ живаго участія въ этомъ трудѣ самаго Александра 1-го, служатъ слѣдующія слова доклада военнаго министра: „Понеже отъ самаго первоначальнаго плана оному, до послѣдней отдѣлки каждой его части, составлялось оно, обработывалось и исправлялось подъ непосредственнымъ руководствомъ и по замѣчаніямъ Вашего Величества, то и не буду излагать я ни причинъ, ни цѣли сего образованія, совершенно Вашему Величеству извѣстныхъ; но ограничусь токмо поднесеніемъ онаго на Высочайшее утвержденіе“ (22).

По плану Сперанскаго, надлежало дать новое образованіе Сенату такимъ образомъ, чтобы, совершенно отдѣливъ правительственныя дѣла отъ судныхъ, поручить первыя сенату *правительствующему*, а послѣднія — сенату *судебному*. Правительствующій сенатъ — одинъ для всей Имперіи — долженъ былъ состоять изъ министровъ, начальниковъ главныхъ управленій и товарищей министровъ, а судебный, размѣщенный по четыремъ округамъ, въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Казани и Кіевѣ, изъ сенаторовъ, отъ правительства и по выбору дворянства. Проекты этихъ учрежденій были разсмотрѣны въ особомъ комитетѣ, изъ графа Завадовскаго, князя Лопухина и графа Кочубея, потомъ разосланы, въ печатныхъ экземплярахъ, ко всѣмъ членамъ государственнаго совѣта, и наконецъ, въ іюнѣ 1811 года, внесены въ общее его собраніе. Нѣкоторые изъ членовъ возражали противъ введенія новаго порядка, замѣтивъ, что: во 1-хъ, перемѣна учрежденія, великими монархами установленнаго и цѣлый вѣкъ существовавшаго, произведетъ невыгодное впечатлѣніе на умы;

во 2-хъ, раздѣленіе сената умалитъ его важность, повлечетъ за собою значительныя издержки и затруднитъ пріисканіе способныхъ людей, какъ въ сенаторы, такъ и въ канцелярскія должности; въ 3-хъ, назначеніе части сенаторовъ по выбору противно разуму самодержавія и скорѣе обратится во вредъ, нежели въ пользу, будучи произведено подъ вліяніемъ мѣстныхъ властей, либо богатыхъ помѣщиковъ. Наконецъ, въ 4-хъ, полагали, что не было основанія вручать судебному сенату одну изъ существенныхъ принадлежностей самодержавной власти: окончательное, безъ права жалобы Государю, рѣшеніе тяжебныхъ дѣлъ ([23]).

По прочтеніи всѣхъ различныхъ мнѣній, въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, постановлено поручить Сперанскому составить сводъ ихъ, раздѣливъ его на три части, изъ коихъ 1-я заключала-бы въ себѣ замѣчанія, относящіяся вообще къ сенату; 2-я, мнѣнія на счетъ правительствующаго сената, а 3-я, мнѣнія касательно судебнаго сената. За тѣмъ положено: составить изъ всѣхъ замѣчаній вопросы, подлежащіе рѣшенію совѣта ([24]).

Въ слѣдующихъ засѣданіяхъ совѣта, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, по прочтеніи всѣхъ частей свода, были предложены слѣдующіе вопросы.

По 1-й части. Существуетъ-ли необходимость и польза вводить новое учрежденіе сената? Благовременно-ли будетъ неотлагательно ввести сіе учрежденіе? Первый вопросъ рѣшенъ утвердительно, а по второму большинство членовъ изъявило мнѣніе: отложить преобразованіе до удобнѣйшаго времени; но Государь утвердилъ мнѣніе меньшинства, предоставя себѣ назначить опредѣлительно къ тому время.

По 2-й части. Изъ 25-ти вопросовъ, относя-

щихся къ учрежденію правительствующаго сената, обратили на себя особенное вниманіе слѣдующіе четыре: 1-й (по Своду 2-й). Двоякій образъ производства дѣлъ по искамъ на казну, порядкомъ правительственнымъ и судебнымъ, можетъ-ли быть удобенъ? Рѣшенъ утвердительно. 2-й (по Своду 5-й). Не нужно-ли точнѣе опредѣлить дѣла, относящіяся къ совѣту и сенату? За исключеніемъ одного члена, всѣ прочіе (20) полагали опредѣленіе, въ проектѣ начертанное, совершенно достаточнымъ. 3-й (по Своду 9-й). Должно-ли въ предметахъ, подлежащихъ вѣдѣнію правительствующаго сената, рѣшать дѣла по большинству голосовъ. За исключеніемъ одного голоса, изъявлено утвердительное мнѣніе. 4-й (по Своду 11-й). Должно-ли журналы въ правительствующемъ сенатѣ подписывать всѣмъ членамъ? Три члена полагали — подписывать всѣмъ, а восмнадцать предложили, чтобы члены, неодобрившіе журнала, могли представлять свои мнѣнія, неостанавливая однакоже исполненія дѣла. Государь утвердилъ заключеніе большинства. Всѣ прочіе вопросы по второй части также рѣшены утвердительно, съ нѣкоторыми измѣненіями [25].

По 3-й части. Изъ 29-ти вопросовъ, относящихся къ учрежденію судебнаго сената, обратили на себя особенное вниманіе шесть. 1-й (по Своду 1-й). О раздѣленіи сената на четыре округа: двѣнадцать членовъ полагали ввести раздѣленіе, а девять — не раздѣлять. Государь утвердилъ мнѣніе большинства. 2-й (по Своду 12-й). О назначеніи части сенаторовъ по выборамъ: 15 членовъ полагали допустить выборъ, а семь — не допускать. Государь утвердилъ мнѣніе большинства. 3-й (по Своду 14-й). Должно-ли губернаторовъ судить, согласно проекту учрежденія, въ верховномъ уголовномъ судѣ, или

въ сенатѣ? 17 членовъ изъявили первое мнѣніе, а пять — второе. Государь утвердилъ заключеніе большинства, съ тѣмъ, чтобы и директоры министерскихъ департаментовъ были подсудны верховному уголовному суду. 4-й (по Своду 19-й). Должно-ли учредить рекетмейстерскія присутствія? За исключеніемъ одного, всѣ члены признали учрежденіе нужнымъ, и Государь утвердилъ ихъ мнѣніе. 5-й. Какой срокъ назначить тяжущимся для дополненія записокъ? Шесть членовъ положили, согласно проекту, одну недѣлю; одиннадцать — двѣ недѣли; пять — мѣсяцъ. Государь утвердилъ, согласно мнѣнію большинства, срокъ въ двѣ недѣли. 6-й. Объ окончательныхъ рѣшеніяхъ сената. Вопросъ сей, по существу своему, раздѣленъ на два слѣдующіе: А) Допускать-ли жалобы на рѣшенія сената? Тринадцать членовъ полагали допускать, съ разными ограниченіями; а девять — не допускать вовсе. Государь утвердилъ послѣднее мнѣніе. В) На какихъ правилахъ учредить переносъ дѣлъ въ самомъ сенатѣ, по разногласію? Положено большинствомъ голосовъ и утверждено Государемъ: составить особенное положеніе, на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Три единообразныя рѣшенія разныхъ судебныхъ мѣстъ считать окончательными. 2) По сему, если отдѣленіе сената единогласно утвердитъ единообразное рѣшеніе двухъ инстанцій, то такое рѣшеніе считать окончательнымъ. 3) Напротивъ, если отдѣленіе сената утвердитъ одно какое-либо изъ предшествовавшихъ рѣшеній, или положитъ собственное рѣшеніе, отъ нихъ различное, переносить дѣло въ департаментъ сената. 4) Переносъ дѣлъ изъ департамента въ общее собраніе установить на тѣхъ-же правилахъ, и 5) Въ общемъ собраніи рѣшать дѣла окончательно, по большинству голосовъ ([26]).

Вообще на сторонѣ проекта, составленнаго Сперанскимъ, было большинство членовъ государственнаго совѣта. Императоръ Александръ не только утвердилъ мнѣніе большинства, но по нѣкоторымъ вопросамъ одобрилъ заключеніе меньшинства, согласно проекту; тѣмъ не менѣе однакоже этому дѣлу несуждено было осуществиться. Исполненіе проекта требовало многихъ предварительныхъ мѣръ, въ особенности денежныхъ средствъ, въ которыхъ наше правительство тогда крайне нуждалось, готовясь къ войнѣ противъ Наполеона, уже неизбѣжной. Государь, по убѣжденіямъ самаго Сперанскаго, отложилъ преобразованіе сената до благопріятнѣйшаго времени ([27]).

Преобразованія высшихъ государственныхъ учрежденій вызвали порицаніе приверженцевъ стараго порядка. Въ числѣ противниковъ Сперанскаго явился и знаменитый Карамзинъ. Нося титулъ исторіографа съ 1803 года, онъ постоянно жилъ въ Москвѣ и не былъ извѣстенъ лично Императору Александру до посѣщенія Государемъ въ 1810 году Грановитой Палаты, хотя Александръ, наслышавшись о достоинствахъ Карамзина, имѣлъ намѣреніе, еще въ началѣ этого года, поручить ему министерство народнаго просвѣщенія. Просвѣщенная сестра Императора, Великая Княгиня Екатерина Павловна любила Карамзина и находясь въ Твери, бесѣдовала съ нимъ о Сперанскомъ и современныхъ нововведеніяхъ; по ея вызову, Карамзинъ изложилъ письменно свои замѣчанія, въ видѣ Записки „О древней и новой Россіи". Въ 1811 году, Императоръ Александръ поручилъ министру юстиціи Дмитріеву, другу Карамзина, пригласить его въ Тверь, куда самъ тогда отправился. Представленный Государю Великою Княгинею, Карамзинъ прочелъ ему нѣсколько отрывковъ

изъ своей Исторіи и долго разговаривалъ съ нимъ „о самодержавіи“, при чемъ Александръ выказалъ въ своихъ сужденіяхъ болѣе либерализма, нежели его собесѣдникъ. Въ тотъ-же день Великая Княгиня вручила Государю Записку исторіографа, которую сама находила „очень сильною“, но, замѣтя особенное благоволеніе Монарха къ Карамзину, не считала опаснымъ отдать ее. На слѣдующій день, при отъѣздѣ Императора изъ Твери, Карамзинъ былъ пораженъ его холодностью. По всей вѣроятности, Государь, утромъ, успѣвъ прочесть, или пробѣжать Записку, и найдя въ ней рѣзкое порицаніе своихъ дѣйствій, былъ недоволенъ сужденіями смѣлаго исторіографа. Нельзя не сознаться въ томъ, что Записка „О древней и новой Россіи“, твореніе ума высокаго, посвященнаго въ таинства прошлаго, грѣшила невѣдѣніемъ настоящаго. При многообъемлющей учености Карамзина, ему недоставало знанія подробностей государственнаго управленія. Увлекаясь крайнимъ консерватизмомъ, онъ нерѣдко, противъ собственной воли, осуждалъ то, чего вовсе не было въ предложенныхъ нововведеніяхъ, и старался возвысить устарѣлые, отжившіе свое время уставы ([28]). Конечно -- Записка „О древней и новой Россіи“, не оказала вліянія на послѣдовавшее вскорѣ послѣ того паденіе Сперанскаго, и хотя Государь, убѣдясь въ благонамѣренности Карамзина, приблизилъ его къ себѣ, однакоже, судя по дальнѣйшему ходу нашей администраціи, не обратилъ большаго вниманія на его идеи.

Преобразованіе высшихъ государственныхъ учрежденій, вмѣстѣ съ усиліями Сперанскаго уменьшить расходы по всѣмъ министерствамъ, поселили недоброжелательство къ нему въ высшихъ сферахъ общества. Не менѣе нажилъ онъ себѣ непріятелей двумя

проектами указовъ, утвержденныхъ Государемъ въ 1809 году: одного о придворныхъ званіяхъ и другаго объ экзаменахъ на гражданскіе чины.

Императоръ Александръ всегда смотрѣлъ неблагопріятно на придворные чины, если съ ними не были соединены другія обязанности; въ особенности-же не жаловалъ онъ молодыхъ камергеровъ и камеръ-юнкеровъ, служащихъ для внѣшняго блеска придворныхъ выходовъ и баловъ, и называлъ ихъ полотёрами. Онъ немогъ хладнокровно видѣть, какъ сыновья знатныхъ людей, получивъ едва не въ колыбели камеръ-юнкерскія и камергерскія званія, дававшія прямо чинъ: первыя 5-го, а вторыя — 4-го класса, проводили жизнь въ праздности, а когда рѣшались вступать на дѣйствительную службу, не были приготовлены ни къ чему дѣльному и занимали высшія мѣста, къ огорченію служакъ, своихъ подчиненныхъ, и въ ущербъ принятыхъ на себя обязанностей. Это вопіющее злоупотребленіе было прекращено Высочайшимъ повелѣніемъ: камергерамъ и камеръ-юнкерамъ, не состоящимъ въ военной и гражданской службѣ, избрать, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, родъ дѣйствительной службы; на будущее время, эти званія, пожалованныя кому-либо по уваженію къ заслугамъ предковъ, считать отличіями неприносящими никакого чина; наконецъ, всякому, получившему такія званія, продолжать, вмѣстѣ съ исполненіемъ придворныхъ обязанностей, дѣйствительную службу, на равнѣ съ прочими дворянами, безъ чего онъ будетъ отставленъ ([29]).

Казалось-бы, что такое постановленіе, заграждавшее путь къ чинамъ и отличіямъ только лишь неспособнымъ людямъ, долженствовало быть встрѣчено общимъ одобреніемъ. Вышло иначе: порицали Сперанскаго, упрекая его, какъ человѣка новаго, вышед-

шаго изъ ничтожества, въ зависти и недоброжелательствѣ къ лицамъ знатнаго происхожденія, въ республиканскомъ направленіи, въ вольнодумствѣ. Говорили, будтобы Императоръ Александръ, возбуждая въ своихъ подданныхъ идеи о равенствѣ, уничтожалъ дотолѣ сохранившійся у насъ призракъ аристократіи и стремился къ водворенію въ Россіи такого порядка, какой существуетъ въ Турціи, гдѣ сынъ верховнаго визиря не пользуется никакими преимуществами предъ сыномъ простолюдима, и проч. [30].

Еще болѣе шума надѣлалъ другой указъ, въ составленіи котораго вмѣстѣ съ Сперанскимъ участвовалъ графъ Завадовскій.

При Петрѣ Великомъ, на основаніи табели о рангахъ 1722 года, чины означали самыя мѣста: коллежскій регистраторъ былъ регистраторъ коллегіи; коллежскій секретарь—секретарь коллегіи, и т. д. точно также, какъ прапорщикъ—субалтернъ-офицеръ; поручикъ—помощникъ и заступающій мѣсто ротнаго командира; капитанъ—ротный и полковникъ—полковой командиры. Но въ послѣдствіи, при Императрицѣ Екатеринѣ II-й, для производства въ чины по статской службѣ, до коллежскихъ ассесоровъ, были назначены сроки выслуги [31], а Императоръ Павелъ распространилъ такое производство по срокамъ до статскихъ совѣтниковъ [32]. Молодые люди, благодаря покровительству родныхъ и друзей ихъ семействъ, проживая въ Петербургѣ и проводя время весело и праздно, (по большей части въ Англійскомъ клубѣ), достигали повышенія въ чины, дававшіе имъ почетное положеніе въ обществѣ. Другіе чиновники, дѣльцы, въ совершенствѣ изучившіе канцелярскій порядокъ, но весьма часто невѣжды во всемъ прочемъ, выслуживъ положенные сроки, также повышались на-равнѣ съ своими товарищами, получившими

хорошее образованіе. Такой порядокъ дѣлъ противорѣчилъ обнародованному въ 1803 году указу, *объ устройствѣ училищъ,* коимъ постановлено, чтобы, черезъ пять лѣтъ со времени указаннаго образованія учебной части, никто не былъ опредѣляемъ къ должностямъ, требующимъ юридическихъ и другихъ познаній, не окончивъ курса въ общественномъ или частномъ училищѣ ([33]). Учрежденіе четырехъ новыхъ университетовъ и многихъ гимназій позволяло надѣяться, что всѣ свободныя состоянія, въ особенности-же дворянство, поспѣшатъ воспользоваться новыми средствами для образованія своихъ дѣтей. Но правительство находило, что число учащихся въ новооткрытыхъ заведеніяхъ не вполнѣ соотвѣтствовало просвѣщеннымъ его видамъ, и что дворянство, въ сравненіи съ прочими сословіями, не выказало достаточно готовности содѣйствовать мѣрамъ принятымъ для народнаго образованія. Надлежало, повидимому, на пользу науки, непонятую въ обществѣ, употребить понудительныя мѣры ([34]).

Императоръ Александръ, въ концѣ лѣта 1809 года, страдая отъ ушиба ноги, (слѣдствія котораго, какъ извѣстно, по временамъ чувствовалъ Государь до самой кончины своей), оставался нѣсколько дней безвыходно въ Петергофѣ. Тамъ былъ составленъ и подписанъ указъ, 6-го августа, о правилахъ производства въ чины по гражданской службѣ. О предстоявшемъ изданіи его зналъ одинъ только графъ Аракчеевъ, который тогда-же поспѣшилъ исходатайствовать нѣсколькимъ изъ своихъ приближенныхъ завѣтные чины коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника ([35]).

Находя главнымъ поводомъ равнодушія къ образованію удобность достигать чиновъ не заслугами и отличными познаніями, а однимъ лишь пребыва-

ніемъ на службѣ. правительство признало нужнымъ поставить, чтобы: во 1-хъ, впредь не производить никого въ коллежскіе ассесоры, хотябы онъ и выслужилъ опредѣленныя лѣта, безъ предъявленія свидѣтельства одного изъ русскихъ университетовъ, въ успѣшномъ окончаніи тамъ курса, либо въ выдержаніи установленнаго испытанія; во 2-хъ, такое-же университетское свидѣтельство требовалось и для производства въ статскіе совѣтники, съ тѣмъ еще, чтобы представляемый состоялъ на службѣ вообще не менѣе десяти лѣтъ, и въ числѣ разныхъ должностей по крайней мѣрѣ два года былъ дѣйствительно: совѣтникомъ, прокуроромъ, правителемъ канцеляріи, или начальникомъ экспедиціи. Къ указу была приложена программа, для испытанія въ университетахъ чиновниковъ на производство въ помянутые чины, по коей требовалось: „грамматическое знаніе русскаго языка и правильное на немъ сочиненіе; знаніе, по крайней мѣрѣ, одного изъ иностранныхъ языковъ и удобность переводить съ него на русскій; основательное знаніе правъ: естественнаго, Римскаго и частнаго гражданскаго, съ приложеніемъ послѣдняго къ русскому законодательству, и свѣдѣнія въ государственной экономіи и законахъ уголовныхъ; основательное знаніе отечественной исторіи; исторія всеобщая съ географіею и хронологіей; первоначальныя основанія статистики, особенно русскаго государства; наконецъ знаніе, по крайней мѣрѣ, начальныхъ основаній математики и общія свѣдѣнія въ физикѣ“ (36).

Это постановленіе, какъ и должно было ожидать, возбудило горькія жалобы въ многочисленной средѣ чиновниковъ, нехотѣвшихъ и неспособныхъ пріобрѣсти требуемыя отъ нихъ познанія. Трудно, почти невозможно, было ожидать, чтобы люди, живущіе

однимъ жалованьемъ и неимѣющіе почти вовсе свободнаго времени, могли удѣлять часть его для занятія науками. Изъ этого выходило, что даже самые способные изъ нихъ были осуждены оставаться весь вѣкъ въ однихъ и тѣхъ-же чинахъ. Что̀ оставалось имъ дѣлать? Безкорыстные люди, имѣвшіе насущный хлѣбъ, могли бросить службу, неудовлетворявшую ихъ честолюбію, а недобросовѣстные и неимущіе были вынуждены вознаграждать себя казнокрадствомъ и взятками за потерю надежды улучшить свое состояніе усердною службою. Нельзя не сознаться, что въ этихъ жалобахъ была нѣкоторая доля справедливости: конечно — не служба создана для чиновниковъ, а чиновники существуютъ для службы; тѣмъ не менѣе однакоже люди, посвятившіе себя извѣстнаго рода дѣятельности, по вызову правительства, имѣли нѣкоторыя права на участіе общества. Но такова большею частью судьба преобразованій: въ началѣ они нарушаютъ частные интересы; въ послѣдствіи-же дѣло улаживается и они обращаются къ пользѣ всѣхъ и каждаго. Указъ 6-го августа 1809 года имѣлъ цѣлью открыть дорогу образованнымъ людямъ и имѣть на службѣ способныхъ чиновниковъ. Къ сожалѣнію, онъ былъ понятъ, или правильнѣе сказать, перетолкованъ въ превратномъ смыслѣ. Противъ него кричали не одни подъячіе. Карамзинъ, замѣтивъ, что въ самыхъ просвѣщенныхъ государствахъ требуются отъ чиновниковъ только необходимыя по службѣ свѣдѣнія: отъ инженера — инженерная наука, отъ судьи — законовѣдѣніе, и проч. пишетъ: „У насъ предсѣдатель гражданской палаты обязанъ знать Гомера и Ѳеокрита, секретарь сената — свойства оксигена и всѣхъ газовъ *), вице-

*) *О древней и новой Россіи.* Въ программѣ для испытанія чиновниковъ не было впрочемъ ни греческаго языка, ни химіи.

губернаторъ — пифагорову фигуру, надзиратель въ домѣ сумашедшихъ — римское право, или умрутъ коллежскими и титулярными совѣтниками. Ни сорокалѣтняя дѣятельность государственная, ни важныя заслуги, не освобождаютъ отъ долга знать вещи совсѣмъ для насъ чуждыя и безполезныя"…. Издѣваясь надъ постановленіемъ о гражданскихъ чинахъ, знаменитый исторіографъ упустилъ изъ вида пользу общихъ, энциклопедическихъ свѣдѣній для умственнаго развитія; никто не станетъ спорить, что чиновнику, прежде всего, нужно основательное знаніе всего того, что̀ прямо требуется для исполненія его обязанностей, но не подлежитъ также сомнѣнію, что человѣкъ, получившій многостороннее образованіе и при томъ обладающій спеціальными свѣдѣніями, либо опытностью, по своей части, можетъ, при одинаковыхъ способностяхъ, принести болѣе пользы, нежели тотъ, котораго весь умственный запасъ ограничивается тѣснымъ кругомъ его служебныхъ обязанностей. Конечно — никакой экзаменъ въ наукахъ не можетъ быть вѣрнымъ мѣриломъ для сужденія о будущихъ дѣловыхъ способностяхъ чиновниковъ, потому что подобныя испытанія недостаточны для оцѣнки дѣятельности, силы воли и другихъ качествъ, которыя гораздо полезнѣе школьныхъ свѣдѣній и могутъ проявиться не иначе какъ въ послѣдствіи, на дѣйствительной службѣ. Недостатки помянутаго указа не замедлили впрочемъ обнаружиться, что̀ заставило сперва сдѣлать въ немъ нѣкоторыя изъятія, а потомъ и вовсе отмѣнить его. Но онъ принесъ несомнѣнную пользу, заставя учиться ([37]).

Въ числѣ административныхъ распоряженій, относящихся къ этому періоду, замѣчательно присое-

диненіе выборгской губерніи (Старой Финляндіи) къ новопріобрѣтенной, по Фридрихсгамскому миру Финляндіи ([38]). Извѣстно, что было время, когда Императоръ Александръ намѣревался также образовать, на западной границѣ Имперіи, особую область, въ которую должны были войти, какъ часть, нѣкоторыя изъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, и что только вліяніе Поццо-ди-Борго, Карамзина и другихъ лицъ, отклонило его отъ исполненія этой идеи, могшаго имѣть роковыя послѣдствія. Такія распоряженія, кромѣ вліянія князя Чарторыскаго въ юности Александра, по всей вѣроятности, были внушены примѣромъ Наполеона, окружившаго Францію вассальными владѣніями. Но самъ Наполеонъ, при первой возможности, старался слить ихъ съ Французскою Имперіей: по крайней мѣрѣ, онъ поступилъ такъ съ Голландіей и большою частью Италіи, и кто знаетъ, что̀ было-бы, еслибы онъ долѣе господствовалъ въ Европѣ?

Продовольствіе народа необходимѣйшими потребностями побудило къ принятію, въ періодѣ времени съ 1806 по 1811 годъ, особенныхъ мѣръ, изъ коихъ главнѣйшія состояли: 1) въ разрѣшеніи, для снабженія солью с.-петербургской и псковской губерній, покупки до милліона пудовъ иностранной соли, обходившейся слишкомъ 25-ю копѣйками на пудъ дешевле доставляемой чрезъ Нижній Новгородъ ([39]). Вслѣдъ за тѣмъ, учреждена экспедиція астраханскихъ соляныхъ промысловъ ([40]). 2) По случаю неурожая въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и войны, въ 1806 году, запрещенъ вывозъ изъ Имперіи хлѣба, по всей западной границѣ ([41]), и пріостановлено винокуреніе на 6 мѣсяцевъ въ западныхъ губерніяхъ ([42]). Для

снабженія новопріобрѣтенной Финляндіи. было отправлено туда въ 1808 году болѣе 700,000 и въ 1809 милліонъ пудовъ элтонской и пермской соли([43]). Хорошій урожай въ 1808 году дозволилъ разрѣшить въ слѣдующемъ году выпускъ хлѣба за границу([44]). Тогда-же усилена разработка молдавской горной соли([45]). Въ 1810 году, не смотря на предшествовавшій урожай, ввозили изъ-за границы хлѣбъ въ Россію, но вскорѣ, по представленію литовскаго военнаго губернатора Кутузова, полагавшаго, что чрезъ ввозъ хлѣба могло выдти изъ нашихъ западныхъ губерній значительное количество серебра, и что внутренній избытокъ оставался безъ употребленія, запрещено было ввозить хлѣбъ въ Россію([46]). Съ 1812 года разрѣшена была свободная продажа соли, съ уплатою въ казну пошлины отъ 40 до 45 копѣекъ съ пуда, за исключеніемъ илецкой соли, пошлина съ которой оставлена прежняя([47]).

Водвореніе поселенцевъ за Байкаломъ, предпринятое еще въ 1800 году, но производившееся безъ надлежащаго порядка и подававшее поводъ къ нѣкоторымъ злоупотребленіямъ, было опредѣлено особымъ Положеніемъ, коимъ установленъ дѣятельный надзоръ надъ забайкальскими поселенцами, улучшено ихъ содержаніе, назначена достаточная сумма на первоначальное ихъ обзаведеніе и предоставлены имъ разныя льготы([48]). Для переселенія на Кавказъ, также сопряженнаго со многими затрудненіями, по недостатку надзора и нужныхъ средствъ, было издано подобное-же Положеніе([49]). Въ 1810 году, переселено изъ Кабарды на Кавказскую линію 269 Осетинъ([50]). Для усиленія Черноморскаго войска, охранявшаго границы отъ набѣговъ горскихъ народовъ, разрѣшено двадцати пяти тысячамъ обывателей малороссійскихъ губерній переселиться на по-

жалованныя войску земли. Черноморцы сами желали этого переселенія, по причинѣ незначительнаго числа ихъ и частыхъ нападеній горцевъ, и даже переманивали къ себѣ жителей Малороссіи, которые, терпя недостатокъ въ землѣ, охотно переселялись въ Черноморье ([51]). Переселенія иностранныхъ колонистовъ въ новороссійскій край, Крымъ и въ окрестности Петербурга продолжались съ успѣхомъ до 1810 года, когда комитетъ, учрежденный для сокращенія государственныхъ расходовъ, разсуждая о водвореніи иностранныхъ выходцевъ, вывелъ слѣдующее заключеніе: „одна колонистская семья, около столицы водворяющаяся, стоитъ казнѣ на первоначальное обзаведеніе слишкомъ 5,000 рублей, тогда какъ крестьяне, природные подданные, переселяясь изъ губерній многолюдныхъ въ мѣста незаселенныя, и составляя полезнѣйшія для государства колоніи, никакой почти ссуды не имѣютъ, такъ, что пособіе нѣмецкой семьѣ, свободной отъ рекрутской службы и другихъ повинностей, даваемое, моглобы съ вѣроятностью обращено быть на переселеніе семей 50-ти русскихъ крестьянъ, къ существенной пользѣ самихъ ихъ и государства“. На основаніи этого вывода, повелѣно, отмѣнивъ сумму, назначенную на переселеніе иностранныхъ выходцевъ, сообщить нашимъ миссіямъ и консульствамъ, что русское правительство не станетъ болѣе выдавать никакихъ ссудъ колонистамъ, но тѣмъ изъ нихъ, кои пожелаютъ переселиться въ Россію на собственный счетъ, правительство окажетъ полное покровительство, отведетъ земли и вообще дастъ такія-же льготы, какими пользовались ихъ товарищи ([52]). Запрещены самовольные переходы Оренбургскихъ Башкиръ въ другія губерніи и приняты мѣры для водворенія въ оренбургской губерніи и улучшенія быта кочевыхъ

Киргизовъ ([53]). Отведены земли кочевымъ Калмыкамъ въ астраханской, кавказской и саратовской губерніяхъ ([54]).

Римско-католическое духовенство, въ началѣ царствованія Александра I, устроило пропаганду для привлеченія уніатскихъ священниковъ и паствы ихъ къ переходу въ римскій обрядъ, дѣйствуя на нихъ обѣщаніями мірскихъ выгодъ, угрозами и побоями. Для прекращенія такихъ несовмѣстныхъ съ духомъ христіанства дѣйствій послѣдовало запрещеніе склонять уніатовъ къ принятію римскаго обряда ([55]). Вообще-же правительство поступало весьма кротко съ иновѣрцами и раскольниками, и только лишь Духоборцы, явно уличенные въ поданіи соблазна и въ безпорядкахъ нарушающихъ общее спокойствіе, были отдаваемы въ солдаты, либо, по неспособности къ военной службѣ, отсылались на работы въ заводахъ ([56]).

Правительство, заботясь объ улучшеніи положенія помѣщичьихъ крестьянъ, упреждало въ этомъ отношеніи понятія просвѣщеннѣйшихъ людей русскаго общества. Чтобы убѣдиться въ томъ, достаточно вспомнить слова Карамзина *), по поводу указа, запрещавшаго помѣщикамъ продавать своихъ крѣпостныхъ въ рекруты ([57]). Приведя всевозможные софизмы въ защиту такого торга, добрый, гуманный Карамзинъ недовольствуется тѣмъ, и платя дань современнымъ предубѣжденіямъ, ратуетъ противъ освобожденія помѣщичьихъ людей. Принявъ за аксіому, что они, получивъ свободу, лишатся земли, авторъ выводитъ заключеніе, что либо крестьяне добровольно останутся у помѣщиковъ, которые подпишутъ имъ самыя тягостныя условія, либо настанетъ бродяжничество съ мѣста на мѣсто, къ несомнѣн-

---

*) *О древней и новой Россіи.*

ному вреду казны и земледѣлія. „Не знаю — продолжаетъ Карамзинъ — хорошо-ли сдѣлалъ Годуновъ, отнявъ у крестьянъ свободу, (ибо тогдашнія обстоятельства несовершенно извѣстны), но знаю, что теперь имъ неудобно возвратить оную. Тогда они имѣли навыкъ людей вольныхъ, нынѣ имѣютъ навыкъ рабовъ; мнѣ кажется, что для твердости бытія государственнаго безопаснѣе порабощать людей, нежели дать имъ не во̀-время свободу, для которой надобно готовить человѣка исправленіемъ нравственнымъ“.... Далѣе читаемъ: „Не осуждаю Александрова закона, дающаго право селеніямъ откупаться отъ господъ съ ихъ согласія, но многія-ли столь богаты? Многіе-ли захотятъ отдать послѣднее за вольность? Крестьяне человѣколюбивыхъ владѣльцевъ довольны своею участью; крестьяне худыхъ — бѣдны: то и другое мѣшаетъ успѣху сего закона“ ([58]).

Дѣйствительно — число помѣщичьихъ людей, тогда сдѣлавшихся свободными хлѣбопашцами, было довольно ограничено *), но, тѣмъ не менѣе, правительство, способствуя частному освобожденію крестьянъ, выказывало сочувствіе къ дѣлу, совершившемуся въ наше время волею Царя Милостиваго. Вмѣстѣ съ тѣмъ принимались самыя дѣйствительныя мѣры къ пресѣченію злоупотребленій помѣщичьей власти: владѣльцы, уличенные въ жестокомъ обращеніи съ своими людьми, отдавались на судъ дворянства губерніи, къ которой принадлежали, и обыкновенно были присуждаемы къ церковному покаянію, а имѣнія ихъ поступали въ опеку ([59]). При осмотрѣ рязанской губерніи сенаторомъ Руничемъ, оказалось, что изъ сей губерніи и другихъ мѣстъ при-

*) Всего уволено помѣщиками и куплено въ казну, съ 1803 по 1811 годъ, около 24,000 душъ,

возились на Урюпинскую ярмарку скованные помѣщичьи люди, для продажи ихъ въ разницу. Для прекращенія такой „постыдной торговли, ни съ человѣчествомъ, ни съ законами, несовмѣстной" ([60]), повелѣно запретить продажу людей безъ земли ([61]). Невольники таврическихъ владѣльцевъ, извѣстные подъ названіемъ *яссырей*, получили свободу ([62]).

Какъ, не смотря на всѣ попеченія правительства о распространеніи въ Имперіи прививанія коровьей оспы, число воспользовавшихся симъ спасительнымъ средствомъ не превышало въ 1807 году съ небольшимъ осьмой, а въ 1808 шестой части всего числа новорожденныхъ дѣтей, то постановлено: во 1-хъ, возложить на духовенство истребленіе совѣтами и увѣщаніями закоренѣлыхъ предразсудковъ противъ прививанія оспы; во 2-хъ, для надзора за тѣмъ, учредить особые комитеты въ столицахъ, губернскихъ городахъ и уѣздахъ, и въ 3-хъ, установить награды какъ членамъ такихъ комитетовъ и медицинскимъ чиновникамъ, такъ и всѣмъ, кои окажутъ въ семъ дѣлѣ полезное содѣйствіе: каждому, привившему оспу двумъ тысячамъ дѣтей въ одинъ годъ, назначенъ былъ подарокъ, а привившему тремъ тысячамъ въ годъ, сверхъ подарка, уменьшался къ полученію ордена Св. Владиміра изъ 35 лѣтъ одинъ годъ ([63]).

Въ 1810 году, въ соединенномъ засѣданіи двухъ департаментовъ Государственнаго Совѣта: Военнаго и Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ, разсматривалась внесенная, по Высочайшему повелѣнію, въ Совѣтъ записка объ удобнѣйшемъ комплектованіи арміи нижними чинами. По разсмотрѣніи ея, Совѣтъ полагалъ: ограничить срокъ службы нижнихъ чиновъ пятнадцатью годами, и по прошествіи ихъ обращать бывшихъ казенныхъ крестьянъ въ ихъ прежнія мѣ-

ста жительства, а помѣщичьихъ — къ ихъ владѣльцамъ. „Но какъ Положеніе о столь важномъ для обывателей и правительства предметѣ должно соотвѣтствовать, сколь можно ближе, выгодамъ народа“, то Совѣтъ считалъ нужнымъ, чтобы министръ полиціи истребовалъ чрезъ гражданскихъ губернаторовъ, мнѣніе дворянъ и казенныхъ поселянъ: во 1-хъ, о срокѣ службы, по прошествіи коего нижніе воинскіе чины моглибы возвращаться въ сельское состояніе еще совершенно способными воздѣлывать землю и имѣть дѣтей, что̀ составляетъ основаніе силы государства; во 2-хъ, принесетъ-ли предполагаемое обращеніе нижнихъ чиновъ въ первобытное состояніе существенную пользу помѣщикамъ и обществамъ, и проч. По истребованіи-же такихъ мнѣній и по соображеніи ихъ съ пользою казны и выгодами обывателей, предполагалось внести выписку изъ мнѣній и заключеніе департаментовъ на усмотрѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта ([64]).

Но безпрестанныя войны, веденныя въ теченіи многихъ лѣтъ, заставили оставить безъ исполненія этотъ проектъ и замѣнить его нѣсколько лучшимъ устройствомъ рекрутскихъ наборовъ.

Значительное увеличеніе нашей арміи въ 1807 году, затруднившее поставку суконъ на обмундированіе войскъ, побудило прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ для удовлетворенія сей потребности. Въ 1808 году было разрѣшено купить 200 тысячъ аршинъ крестьянскихъ суконъ, сѣраго и бѣлаго, на солдатскія шинели ([65]). Тогда-же все недостающее для арміи количество суконъ было расписано на вольныя фабрики, соразмѣрно ихъ заведеніямъ и съ прибавкою по 10 коп. на аршинъ противъ цѣнъ платимыхъ Коммисаріатомъ вольнымъ фабрикантамъ. Когда-же почти всѣ владѣльцы фабрикъ,

чрезъ гражданскихъ губернаторовъ, объявили, что они не могутъ сдѣлать требуемую отъ нихъ поставку, тогда, по необходимости, были продолжены на годъ мундирные сроки во всѣхъ полкахъ армейскихъ и гарнизонныхъ, а для поощренія выставившихъ положенную пропорцію суконъ, сдѣлана надбавка на цѣну ихъ, и, кромѣ того, награждали фабрикантовъ: чинами, подарками, медалями и проч. Затрудненіе, въ которомъ находилась казна, получать необходимое для войскъ количество суконъ, побудило подтвердить указъ 1797 года, на основаніи коего воспрещалось обращать въ вольную продажу сукна нужныя на обмундированіе арміи. Попеченіе объ исправной поставкѣ суконъ и наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ сдѣланныхъ по сему предмету правилъ было возложено на гражданскихъ губернаторовъ ([66]). Вслѣдъ за тѣмъ, для усиленія выдѣлки суконъ, назначено было дѣлать частнымъ людямъ отъ казны пособія, состоящія: въ денежныхъ ссудахъ; отводѣ земель, для водворенія иностранныхъ суконныхъ фабрикантовъ, и въ дозволеніи купцамъ и другихъ званій людямъ, неимѣвшимъ права пріобрѣтать населенныя имѣнія, покупать къ фабрикамъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы принадлежность ихъ была временная и отнюдь не болѣе двадцати лѣтъ, по прошествіи коихъ они должны были поступать въ званіе свободныхъ мастеровыхъ ([67]). Для разсмотрѣнія состоянія мануфактуръ въ Россіи, и въ особенности суконныхъ, и для пріисканія удобнѣйшихъ средствъ къ распространенію фабричной промышленности, былъ учрежденъ особый комитетъ ([68]), по заключенію котораго ассигнованъ капиталъ для поощренія фабрикантовъ, имѣющихъ нужду въ денежныхъ ссудахъ ([69]).

Относительно правъ состояній, важнѣйшія постановленія, въ теченіи времени съ 1806-го по 1812-й годъ, заключались въ слѣдующемъ:

Во 1-хъ, купеческому сословію дарованы новыя преимущества и отличія, въ числѣ коихъ были: право первостатейнымъ купцамъ (дѣйствительнымъ купцамъ 1-й гильдіи) носить шпаги и пріѣзжать на выходы ко дворцу; освобожденіе всего купечества, на вѣчныя времена, отъ лежавшей на немъ рекрутской денежной повинности (70).

Во 2-хъ, указъ 22 мая 1801 года, освобождавшій священниковъ и діаконовъ, впавшихъ въ уголовныя преступленія отъ тѣлеснаго наказанія, распространенъ и на женъ священно-служительскихъ (71).

Въ 3-хъ, запрещенъ переходъ крестьянъ и мѣщанъ изъ великороссійскихъ губерній въ западныя, гдѣ, вмѣсто подушной подати, взимался налогъ съ домовъ (72).

Въ 4-хъ, на основанія положенія о Евреяхъ 1804 года, повелѣно перемѣстить ихъ, въ волынской и подольской губерніяхъ, изъ селеній въ города (73).

Въ отношеніи къ дѣламъ по имуществамъ, повелѣно, чтобы въ губерніяхъ, возвращенныхъ отъ Польши, при веденіи тяжбъ, къ польскимъ документамъ были прилагаемы русскіе ихъ переводы (74).

Въ 1809 году, при Коммисіи составленія законовъ былъ учрежденъ особенный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи, Петра Васильевича Лопухина, и самая коммисія преобразована, согласно проекту Сперанскаго, который, еще въ 1808 году, сперва былъ присутствующимъ въ совѣтѣ коммисіи, состоявшемъ только изъ министра юстиціи и его товарища Новосильцова, а потомъ,

по увольненіи Новосильцова въ отпускъ, назначенъ товарищемъ министра юстиціи. При новомъ образованіи Коммисіи, должности референдаріевъ, редакторовъ, и проч. были упразднены, и въ замѣнъ ихъ учреждены начальники отдѣленій, особо для каждаго права: гражданскаго, уголовнаго, торговаго, и проч. Вскорѣ послѣ того, 1-го генваря 1810 года, вмѣстѣ съ открытіемъ новаго Государственнаго Совѣта Коммисія опять подверглась преобразованію, по проекту самаго Сперанскаго. Она была обращена въ учрежденіе, состоящее при Государственномъ Совѣтѣ, и всѣ работы ея опредѣлено вносить на разсмотрѣніе департамента законовъ. Собственный совѣтъ коммисіи былъ упраздненъ и начальникомъ ея назначенъ Сперанскій, въ званіи директора ([75]).

Мы уже не разъ имѣли случай упоминать о Сперанскомъ, какъ важномъ дѣятелѣ административныхъ преобразованій со времени Тильзитскаго мира. Послѣ замѣчательной монографіи барона Корфа, какъ дѣятельность Сперанскаго, такъ и труды его, сдѣлались извѣстны всей русской читающей публикѣ. Ежели результаты его занятій не всегда имѣли плодотворныя послѣдствія, то причину тому должно искать въ его исключительномъ положеніи: сынъ сельскаго священника, получившій одностороннее воспитаніе, онъ брошенъ былъ волею прихотливой Фортуны въ среду государственныхъ дѣлъ, требовавшую многосторонняго образованія. Онъ вышелъ на незнакомое ему поприще не во всеоружіи свѣдѣній необходимыхъ для государственнаго человѣка, а съ неутомимою жаждою пріобрѣсть тѣ, коихъ ему недоставало; онъ явился одинъ, безъ громкаго имени, безъ связей; ему надлежало, въ одно и тоже время, искать опоры въ людяхъ стоявшихъ у кормила Имперіи, довершать свои природныя способности само-

образованіемъ, (что̀ тогда, по скудости средствъ, было гораздо труднѣе, нежели въ наше время), и составлять предположенія обширныхъ весьма трудныхъ государственныхъ реформъ. И когда онъ, благодаря своимъ необыкновеннымъ дарованіямъ, сдѣлался главнымъ сотрудникомъ Государя и уже не имѣлъ нужды въ покровителяхъ, тогда настала для него трудная пора борьбы со всѣми завидовавшими его возвышенію, видѣвшими въ немъ „счастливаго выскочку.“ Напрасно Сперанскій окружалъ себя даровитыми молодыми людьми, ему преданными; ихъ слабый голосъ былъ заглушаемъ воплями недовольныхъ Сперанскимъ: всякая мѣра, затрогивавшая чьи-либо интересы, приписывалась ему; всякому его дѣйствію, всякому слову, придавался смыслъ вредный общей пользѣ, спокойствію и выгодамъ государства. Его считали безбожникомъ, человѣкомъ, для котораго не было ничего святаго, врагомъ Россіи, готовымъ измѣнить отечеству и Монарху, своему благодѣтелю.

Самъ онъ, какъ нерѣдко случается съ наиболѣе тонкими людьми, подалъ на себя оружіе своимъ непріятелямъ, хвастливымъ либерализмомъ, нескрытымъ пренебреженіемъ всего русскаго, пристрастіемъ къ Франціи и ея повелителю, развившимся послѣ свиданія Императоровъ въ Эрфуртѣ, гдѣ Наполеонъ обворожилъ Сперанскаго своимъ вниманіемъ. Извѣстна склонность Императора Александра къ представительнымъ формамъ правленія, которыми онъ плѣнялся, какъ бывшій ученикъ республиканца Лагарпа, но увлеченіе его было подобно тому, какое испытываютъ дилетанты искусства, восхищаясь прекрасною картиною. Александръ вскорѣ убѣдился на дѣлѣ, что ни обширность Россіи, ни состояніе нашего гражданскаго общества, не дозволяли осуще-

ствить мечту его. Отлагая день за день исполненіе созданной имъ утопіи, Императоръ Александръ охотно бесѣдовалъ съ своими приближенными о задуманномъ имъ уложеніи, о вредѣ произвола, и проч. Сперанскій, угождая Государю, являлся жаркимъ защитникомъ свободныхъ уставовъ, и тѣмъ возбуждалъ противъ себя упреки въ вольнодумствѣ, въ желаніи низпровергнуть все освященное временемъ и обычаями. Не находя опоры ни въ комъ изъ стоявшихъ у Монаршаго престола, окруженный людьми новыми, неимѣвшими никакого вѣса, (изъ коихъ многіе готовы были оставить его при первой невзгодѣ). Сперанскій, по необходимости, былъ скрытенъ, замкнутъ въ самомъ себѣ. Послѣдствія трудовъ, поручаемыхъ ему Государемъ, являлись внезапно, безъ приготовленія, оскорбляли самолюбіе и выгоды многихъ, колебали существующій порядокъ и грозили еще большими потрясеніями. Во всѣхъ сферахъ общества, самые благонамѣренные люди, любя Монарха, порицали дѣйствія правительства, какъ плоды проектовъ ненавидимаго временщика—Сперанскаго.

А Сперанскій, въ то самое время, находясь въ Коммисіи составленія законовъ—„не давалъ никакой цѣны отечественному законодательству, называлъ его варварскимъ и находилъ совершенно безполезнымъ и лишнимъ обращаться къ его пособію“ (76).

Пристрастіе къ Франціи заставило Сперанскаго, при составленіи книги новыхъ русскихъ законовъ, принять за основаніе наполеоновъ кодексъ. Отстранивъ отъ участія въ своемъ трудѣ опытныхъ отечественныхъ законовѣдцевъ, онъ вошелъ въ сношеніе, по рекомендаціи самаго Наполеона, во время его пребыванія въ Эрфуртѣ, съ извѣстными французскими юристами, Локрè (Locré) и Леграˋ (Legras), и, по указанію Талейрана, съ Дюпономъ (Dupont de Némours).

Эти правовѣды были назначены корреспондентами нашей коммисіи. Но участіе ихъ въ составленіи новаго уложенія ограничилось нѣсколькими письмами. Самъ Сперанскій представилъ проектъ только двухъ главъ его, *права лицъ* и *права вещественнаго*, разсмотрѣнію коихъ, въ 1810 году, были посвящены 43 засѣданія департамента законовъ и общаго собранія государственнаго совѣта. Императоръ Александръ лично предсѣдательствовалъ во всѣхъ совѣщаніяхъ общаго собранія. По многимъ статьямъ происходило разногласіе, которое рѣшалось Государемъ въ самомъ засѣданіи. По окончаніи разсмотрѣнія, 14 декабря 1810 года, обѣихъ частей уложенія, онѣ были напечатаны, для вторичнаго пересмотра въ исправленномъ видѣ, и хотя были назначены собственно для членовъ совѣта, однакоже сдѣлались извѣстны въ публикѣ и подали поводъ къ порицаніямъ и колкимъ насмѣшкамъ ([77]). Въ статьѣ Карамзина, находимъ отголосокъ тогдашняго общаго мнѣнія. По словамъ его:... „въ Манифестѣ объявлено, что первая часть законовъ готова, что немедленно будутъ готовы и слѣдующія. Въ самомъ дѣлѣ издаются двѣ книги, подъ именемъ проекта уложенія. Чтожъ находимъ? Переводъ наполеонова кодекса.

„Какое изумленіе для Россіянъ! Какая пища для злословія! Благодаря Всевышняго, мы еще не подпали желѣзному скипетру сего завоевателя, у насъ еще не Вестфалія, не Италіянское Королевство, не Варшавское Герцогство, гдѣ кодексъ наполеоновъ, со слезами переведенный, служитъ уставомъ гражданскимъ. Для того-ли существуетъ Россія, какъ сильное государство, около 1000 лѣтъ; для того-ли около 100 лѣтъ трудимся надъ сочиненіемъ своего полнаго уложенія, чтобы торжественно предъ лицомъ

Европы признаться глупцами и подсунуть нашу сѣдую голову подъ книжку, слѣпленную въ Парижѣ 6-ю или 7-ю эксъ-адвокатами и эксъ-якобинцами? Петръ Великій, любилъ иностранное, однакоже не велѣлъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ околичностей, взять наприм. шведскіе законы и назвать ихъ русскими, ибо вѣдалъ, что законы народа должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній, мѣстныхъ обстоятельствъ. Мы имѣли-бы 9 уложеній, если-бы надлежало только переводить. Правда, благоразумные авторы сего проекта иногда чувствуютъ невозможность писать для Россіянъ то, что̀ писано во французскомъ подлинникѣ, и дошедши въ переводѣ до главы о супружествѣ, о разводѣ, обращаются отъ Наполеона къ Кормчей Книгѣ, но вездѣ видно, что они шьютъ намъ кафтанъ по чужой мѣркѣ. Кстати-ли начинать наприм. русское уложеніе главою о правахъ гражданскихъ, коихъ въ истинномъ смыслѣ не было и нѣтъ въ Россіи? У насъ только политическія или особенныя права разныхъ государственныхъ состояній, у насъ дворяне, купцы, мѣщане, земледѣльцы, и проч. Всѣ они имѣютъ свои особенныя права; общаго нѣтъ, кромѣ названія Русскихъ.

„Оставляя все другое, спросимъ: время-ли теперь предлагать Россіянамъ законы французскіе, хотя-бы оные и могли быть удобно примѣнены къ нашему государственному состоянію? Мы всѣ такъ! Всѣ любящіе Россію, Государя, ея славу, благоденствіе, ненавидимъ сей народъ, обагренный кровію Европы, осыпанный прахомъ столь многихъ державъ разрушенныхъ, и въ то время, когда имя Наполеона приводитъ сердца въ содраганіе, мы положимъ его кодексъ на святой алтарь отечества“.

Далѣе Карамзинъ предлагалъ собрать всѣ указы

и постановленія, отъ уложенія Царя Алексѣя Михайловича до нашего времени, привести ихъ въ систему, по статьямъ, наконецъ — отмѣнить, прибавить и исправить все то, что̀ окажется нужнымъ по современному гражданскому состоянію Россіи. Въ случаѣ-же, еслибы не нашлось у насъ людей способныхъ составить прагматическій кодексъ, надлежало — по мнѣнію Карамзина — издать полный сводъ русскихъ законовъ, согласивъ противорѣчія, исключивъ лишнее и дополнивъ необходимое, т. е. сдѣлать почти тоже, что̀ въ послѣдствіи дѣйствительно было сдѣлано, при Императорѣ Николаѣ ([78]).

Разбирая труды Коммисіи Составленія Законовъ, или, лучше сказать, ея директора, Карамзинъ, иногда жертвовалъ безпристрастіемъ и истиною для остраго слова. Тѣмъ не менѣе однакоже голосъ его весьма важенъ, потому что онъ выражалъ общественное мнѣніе. Никто болѣе Сперанскаго не былъ способенъ къ приведенію въ стройную систему хаоса русскихъ законовъ, но самые свѣдущіе изъ нашихъ юристовъ приступали къ этому дѣлу съ какою-то робостью, затруднявшею успѣхъ его, и трудъ Сперанскаго считался дерзкимъ посягновеніемъ на отечественные уставы, освященные временемъ и обычаемъ.

По части народнаго просвѣщенія, въ семъ періодѣ, замѣчательны постановленія о производствѣ въ офицеры университетскихъ студентовъ, не только изъ дворянъ, но и прочихъ сословій, по прослуженіи 6-ти мѣсяцевъ во фронтѣ ([79]).

Въ 1810 году, для образованія юношества, особо предназначеннаго для занятій по важнѣйшимъ частямъ государственной службы, учрежденъ Царско-Сельскій (Императорскій Александровскій) Лицей.

Постановлено принимать въ заведеніе воспитанниковъ изъ дворянъ, отъ десяти до двѣнадцати-лѣтняго возраста, имѣющихъ нѣкоторыя пріуготовительныя свѣдѣнія, именно: грамматику русскаго и французскаго, либо нѣмецкаго языка; ариѳметику до тройнаго правила; понятія объ общихъ свойствахъ тѣлъ и начальныя основанія географіи и исторіи. Воспитанники должны были оставаться въ Лицеѣ шесть лѣтъ, и изучивъ въ продолженіи этого времени науки: нравственныя, естественныя, математическія, историческія, языки: русскій, французскій, нѣмецкій, латинскій и словесность, выходить на дѣйствительную службу чиновниками различныхъ классовъ, смотря по ихъ способностямъ и успѣхамъ въ наукахъ. Поощреніями служили: изображеніе именъ отличившихся воспитанниковъ золотыми буквами на бѣлой доскѣ, выставленной въ классѣ; книги съ одобрительною надписью; золотыя и серебряныя медали. Взысканія ограничивались: отдѣленіемъ въ классѣ за особенный столъ; выставленіемъ именъ лѣнивыхъ воспитанниковъ на черной доскѣ бѣлыми буквами; посаженіемъ на хлѣбъ и на воду, не болѣе однакоже какъ на два дня; уединеннымъ заключеніемъ, не болѣе какъ на три дня, въ продолженіи коего директоръ былъ обязанъ посѣщать наказаннаго и дѣлать ему приличныя увѣщанія [80]. Весьма замѣчательно, что въ ту эпоху лицей былъ первымъ закрытымъ заведеніемъ, въ которомъ были запрещены тѣлесныя наказанія, существовавшія въ прочихъ училищахъ.

Императоръ Александръ, съ самаго начала своего царствованія, озаботился вопросами о преобразованіи духовныхъ училищъ, находившихся въ жалкомъ состояніи, и о назначеніи достаточнаго содержанія

духовному причту. Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, при вступленіи въ должность оберъ-прокурора синода, поручилъ префекту Невской академіи и архимандриту Сергіевской пустыни Евгенію составить планъ Положенія по симъ предметамъ, тѣсно связаннымъ между собою. Евгеній, вскорѣ затѣмъ, рукоположенный въ епископы и отправленный въ Новгородъ, для управленія тамошнею эпархіей, исполнилъ данное ему порученіе и представилъ составленный имъ проектъ князю Голицыну, въ 1805 году. Въ этомъ проектѣ, весьма основательно составленномъ, не было однакоже указано, откуда взять значительныя суммы, необходимыя для предположенныхъ преобразованій. У насъ тогда было 4 духовныя академіи, 36 семинарій и 115 низшихъ духовныхъ училищъ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ, учащихся было до 29-ти тысячъ, а на содержаніе всей духовной учебной части отпускалось всего 185 тысячъ рублей *). На преобразованіе однихъ училищъ требовалось, кромѣ помянутой суммы, ежегодно полтора милліона рублей.

Князь Голицынъ, по Высочайшему повелѣнію, передалъ проектъ Евгенія, члену синода, могилевскому архіепископу Анастасію, тому самому, котораго Екатерина Великая называла *русскимъ Массильономъ*, и поручилъ ему составить новый планъ преобразованія духовныхъ училищъ. Занимаясь этимъ трудомъ, Анастасій открылъ источникъ для покрытія расходовъ по задуманному преобразованію.

Еще въ 1721 году Императоръ Петръ І-й повелѣлъ, чтобы право исключительной продажи восковыхъ свѣчъ принадлежало церквамъ, и чтобы никто

---

*) Съ 1807 года, отпускалось на содержаніе духовныхъ училищъ ежегодно 338,863 рубля.

изъ купеческаго сословія не занимался такимъ торгомъ ([81]). Но въ послѣдствіи сила этого указа ослабѣла, а съ 1755 года, на основаніи Таможеннаго Устава, разрѣшено крестьянамъ торговать, въ числѣ мелочныхъ товаровъ, и восковыми свѣчами. Архіепископъ Анастасій подалъ простую, но въ теченіи полувѣка никому не приходившую въ голову, мысль—возстановить исключительное право продажи церковныхъ свѣчъ въ пользу духовнаго вѣдомства, и приведеніе въ исполненіе этой мысли доставило милліоны безъ отягощенія казны и безъ новыхъ налоговъ.

Представленные княземъ Голицынымъ проекты Евгенія и Анастасія были переданы Государемъ Сперанскому. Сперанскій, нелюбившій безусловно соглашаться съ тѣмъ, что̀ было сдѣлано безъ его вѣдома, предложилъ Государю учредить особый комитетъ для обсужденія этого важнаго дѣла. Докладъ о комитетѣ былъ Высочайше утвержденъ 29-го ноября 1807 года, и тогда-же назначены членами комитета: митрополитъ с.-петербургскій Амвросій, епископъ калужскій Ѳеофилактъ товарищъ и другъ Сперанскаго, оберъ-священникъ Державинъ, оберъ-прокуроръ князь Голицынъ и статсъ-секретарь Сперанскій. Планъ Евгенія былъ устраненъ, и уставъ написанъ новый, Сперанскимъ и Ѳеофилактомъ. Положено, оставя по прежнему 4 академіи, въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани, и 36 семинарій, имѣть въ каждой епархіи до десяти уѣздныхъ и 30-ти приходскихъ училищъ. Но хотя на содержаніе учебныхъ заведеній деньги были готовы, однакоже число какъ уѣздныхъ, такъ и приходскихъ училищъ, рѣдко простиралось болѣе трехъ, или пяти, въ епархіи; да и вообще вниманіе синода и епархіальныхъ архіереевъ было обращено преимущественно на семинаріи.

На содержаніе духовныхъ училищъ назначалось:
Четырехъ Академій, на каждую по 55.800 рубл.
36 семинарій, на каждую отъ 12.850 до 17.000 рубл.
На уѣздное училище отъ 950 до 1,500 рубл.
На приходское училище отъ 400 до 550 рубл.
Всего-же полагалось ежегодно 1,669,450 рубл.

Относительно-же содержанія 31,070 церковныхъ причтовъ, положено раздѣлить ихъ на семь разрядовъ, и 16,452-мъ причтамъ первыхъ четырехъ разрядовъ, вмѣстѣ съ отмѣною платы за мірскія требы. назначить отъ 300 до 1,000 рублей въ годъ, что составило-бы около 7-ми милліоновъ рублей. Относительно-же 14,618-ти причтовъ, послѣднихъ трехъ разрядовъ, комитетъ полагалъ: приписывать приходы ихъ къ церквамъ первыхъ четырехъ разрядовъ, либо предоставить на волю прихожанъ ихъ содержаніе, коего крайнею мѣрою назначено 300 рублей.

Для составленія капитала, необходимаго на содержаніе духовныхъ училищъ и церковныхъ причтовъ, по заключенію комитета, опредѣлены:

Во 1-хъ, пятая часть экономическихъ церковныхъ суммъ, всего . . . . . . 1,120.000 руб.

Во 2-хъ, церковный доходъ отъ продажи свѣчъ, полагаемый ежегодно . . . . до 3.000.000 „

Въ 3-хъ, часть суммы, потребной на устройство училищъ, отпускаемая изъ казны, ежегодно до 1.000.800 „

Всѣ эти суммы, обращаясь въ Банкѣ, должны были, въ теченіи шести лѣтъ, составить, вмѣстѣ съ процентами, капиталъ около 25-ти милліоновъ рублей.

По истеченіи-же первыхъ шести лѣтъ, ежегодныя средства къ содержанію духовныхъ округовъ должны были заключаться:

1) въ доходѣ съ помянутаго капитала 1,247,450 р.
2) въ доходѣ отъ продажи свѣчъ . 3,000,000 „
3) въ ежегодномъ пособіи отъ казны 2,000,000 „

Что вмѣстѣ составило-бы ежегодно по 6,247,450 рублей, сумму довольно близкую къ той, которая была исчислена для содержанія духовныхъ училищъ и церковныхъ причтовъ ([82]).

Успѣхъ этихъ мѣръ былъ блистателенъ. Съ 1816 года, можно было совершенно прекратить отпускъ денегъ изъ казны на содержаніе духовныхъ училищъ, а въ 1826 году, кромѣ содержанія улилищъ на свѣчной доходъ, изъ остатковъ образовался капиталъ въ 40 милліоновъ рублей. Но рѣшеніе втораго вопроса — улучшеніе состоянія и поднятіе въ нравственномъ отношеніи приходскаго духовенства, освобожденіемъ его отъ зависимости прихожанамъ — было отложено на неопредѣленное время. Положеніе приходскихъ священниковъ сдѣлалось хуже прежняго. Съ одной стороны — преобладаніе чернаго духовенства надъ бѣлымъ усилилось, потому что назначеніе и переводы съ мѣста на мѣсто священниковъ стали зависѣть исключительно отъ архіереевъ, а съ другой — выходъ изъ духовнаго сословія, стѣсненный ограниченіями въ гражданскихъ правахъ, сдѣлался весьма затруднителенъ ([83]).

При утвержденіи виленскаго и дерптскаго университетовъ, даровано право остающимся, послѣ умершихъ профессоровъ, адъюнктовъ и учителей, вдовѣ и дѣтямъ—получать единовременныя выдачи и пенсіи, какъ одной, такъ и другимъ особо. Во всѣхъ-же прочихъ университетахъ эти выдачи и пенсіи производились вмѣстѣ вдовамъ съ дѣтьми. Но въ 1811 году, права всѣхъ университетовъ на

единовременныя выдачи и пенсіи вдовамъ и сиротамъ были уравнены ([84]).

Какъ учрежденіе въ Тобольскѣ университета, на капиталъ, пожертвованный въ 1803 году статскимъ совѣтникомъ Демидовымъ, не могло быть вскорѣ исполнено, то, съ согласія самаго Демидова, въ 1810 году, вся эта сумма, вмѣстѣ съ процентами простиравшаяся до 70,000 рублей, была обращена въ пользу нуждавшейся въ пособіи тобольской гимназіи ([85]).

Въ 1806 году, по представленію попечителя харьковскаго учебнаго округа, графа Потоцкаго, учреждена въ Таганрогѣ Коммерческая гимназія, въ коей постановлено преподавать, кромѣ предметовъ полагаемыхъ въ губернскихъ гимназіяхъ, италіянскій и греческій языки и коммерческія науки ([86]).

ГЛАВА XXVII.

Финансы.

(1806 — 1811 г.).

Передъ началомъ десятилѣтія войнъ, веденныхъ Россіей въ царствованіе Александра I, наши финансы находились въ довольно удовлетворительномъ состояніи. Дефициты были незначительны; внѣшній долгъ простиравшійся до 88.300,000 голл. гульден. ($47\frac{1}{4}$ милл. рубл. сер.) началъ погашаться; количество ассигнацій выпущенныхъ съ 1801 по 1804 годъ не превосходило 40 милліоновъ, а общее ихъ количество всего на все простиралось до 260-ти милліоновъ при годовомъ доходѣ въ 100 милліоновъ рублей (1). Серебряный рубль, ходившій въ концѣ XVIII столѣтія на ассигнаціи съ лажемъ 47 коп., въ 1805 году, обращался съ лажемъ 25 копѣекъ: слѣдовательно — ассигнаціонный рубль, прежде утратившій около трети своей нарицательной цѣны, значительно возвысился и терялъ только пятую часть.

Въ 1804 и 1805 годахъ, разрывъ съ Франціей увеличилъ ежегодные расходы на военную часть девятью милліонами рублей (съ 34 на 43 милл. рубл.) ассигнаціями; въ послѣдующее время войны, веденныя нами одновременно съ Французами и Турками,

потребовали огромныхъ издержекъ и повели къ значительнымъ выпускамъ ассигнацій.

Въ 1806 году, подобно тому какъ и въ предыдущемъ, государственные доходы простирались около 100 милліоновъ, а вмѣстѣ съ остатками, недоимками, взысканіями, и проч. поступило въ казну до 126-ти милліоновъ рублей. Присоединивъ къ тому суммы, заимствованныя изъ разныхъ источниковъ для увеличенія средствъ государственнаго казначейства, какъ съ возвратомъ, такъ и безвозвратно, получимъ общій итогъ денежныхъ средствъ, состоявшихъ въ распоряженіи правительства на 1806 годъ, около 143 милліоновъ рублей. Изъ нихъ израсходовано въ томъ году до 122½ милліоновъ. Прочія-же суммы: 20,353,000 рублей принадлежали частью къ долгамъ за прежнее время, частью къ капиталу, поступившему изъ Ассигнаціоннаго Банка, для удовлетворенія требованій по военному и морскому министерствамъ.

Въ 1806 году, на военно-сухопутную и морскую части вмѣстѣ издержано около 60-ти милліоновъ рублей (48 милл. рубл. серебр.), слѣдовательно почти половина государственныхъ расходовъ. На содержаніе гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ около 4,400,000; на постройку общественныхъ зданій болѣе милліона; на водвореніе иностранныхъ колонистовъ до 600,000 рублей. Содержаніе университетовъ, гимназій и училищъ потребовало около 2,700,000; министерство юстиціи почти столько-же. На содержаніе лѣснаго управленія 440,000; на расходы по горной части болѣе 1,340,000; виннымъ поставщикамъ около 5,000,000 рублей; пенсія князю Понятовскому, съ 15-го мая 1802 по 1807 годъ 92,000 рублей; выдано князю Багратіону, подъ залогъ имѣнія жены его, 250,000. На производство работъ по водянымъ сообщеніямъ отпущено 625,000 рублей, и проч. ([2]).

Въ 1807 году, государственный доходъ возвысился до 121,600,000 рублей, а вмѣстѣ съ недоимками, остатками, и проч. простирался около полутораста милліоновъ (по курсу сто милліоновъ рублей серебромъ) ([3]). Какъ веденныя нами войны съ Франціей и Оттоманскою Портою потребовали чрезвычайныхъ издержекъ, то средства, состоявшія въ распоряженіи государственнаго казначейства, были усилены изъ разныхъ источниковъ до 192-хъ милліоновъ (128 милл. рублей серебромъ) и сдѣланы значительные выпуски бумажныхъ денегъ ([4]).

Расходы въ этомъ году были около 160-ти милліоновъ рублей (по курсу на серебро до 107-ми милл. рубл.). Оставалось къ 1-му генваря 1808 года до 32 милліоновъ рублей ассигнаціями, изъ коихъ болѣе трети назначены на уплату прежде ассигнованныхъ расходовъ. На военно-сухопутную и морскую части издержано $80\frac{1}{2}$ милліоновъ, слѣдовательно болѣе половины всѣхъ израсходованныхъ суммъ. На министерство народнаго просвѣщенія около 3-хъ милліоновъ. За купленныя въ казну населенныя имѣнія заплачено 340 тысячъ рублей. На постройку разныхъ казенныхъ зданій отпущено $1\frac{1}{4}$ милліонъ; на сооруженіе Казанскаго Собора 670 тысячъ; на различныя постройки, водяныя сообщенія, сооруженіе новой биржи, исправленіе государственныхъ дорогъ, израсходовано 3,200,000 рублей ([5]).

Въ 1808 году доходы простирались до $111\frac{1}{3}$ милліоновъ, а вмѣстѣ съ остававшимися отъ предшествовавшаго года суммами и съ присоединеніемъ недоимокъ, взысканій и разныхъ остатковъ, до $156\frac{1}{4}$ милліоновъ ассигнаціями (78—88 милл. рубл. серебромъ) ([6]). Всего-же съ суммами заимствованными изъ другихъ источниковъ и съ выпущенными въ этомъ году ассигнаціями было въ распоряженіи государ-

ственнаго казначейства 300 милліоновъ рублей ассигнаціями (150—170 милліоновъ рублей серебромъ).

Расходы на военную и морскую части, въ этомъ году, простиравшіеся до 140 милліоновъ рублей, потребовали почти половину всей помянутой суммы. Изъ 28-ми милліоновъ, отпущенныхъ на министерство внутреннихъ дѣлъ, поступило: на присутственныя мѣста около 5-ти милліоновъ; на водвореніе Евреевъ, чиншевой шляхты и иностранцевъ болѣе 800,000; на построеніе Казанскаго Собора 400,000 рублей. Изъ 54,349,000, выданныхъ министерству финансовъ, отпущено: придворнымъ банкирамъ около 9½ милліоновъ, въ Заемный банкъ и въ Воспитательный домъ 4,600,000; въ Удѣльный департаментъ 800,000; въ Ассигнаціонный банкъ около 4½ милліоновъ; лифляндскому вице-губернатору, статскому совѣтнику Дюгамелю, на секретные расходы въ Ригѣ, выдано 5,720,000; прусскому посланнику барону Шладену, на извѣстное Его Величеству употребленіе, около 2-хъ милліоновъ, и проч. Вообще-же всѣ расходы въ 1808 году простирались до 248,200,000 рублей ассигнаціями. Оставалось къ 1-му генваря 1809 года до 52-хъ милліоновъ, въ числѣ коихъ: на удовлетвореніе расходовъ за прежнее время около 19-ти милліоновъ, на безостановочный отпускъ суммъ ассигнованныхъ по военной части болѣе 20-ти милліоновъ, запасная сумма 800,000 и чистый остатокъ до 12-ти милліоновъ рублей (7).

Въ 1809-мъ году, поступило въ казну доходовъ около 127½ милліоновъ, а вмѣстѣ съ остававшимися суммами, (изъ коихъ часть въ серебрѣ увеличилась на ассигнаціи отъ значительнаго упадка ихъ курса), до 195-ти милліоновъ рублей ассигнаціями (до 80-ти милліоновъ рубл. сер.) (8). Съ присоединеніемъ-же суммъ заимствованныхъ изъ различныхъ источниковъ,

въ распоряженіи государственнаго казначейства состояло около 357-ми милліоновъ рублей ассигнаціями ($146^{1}/_{2}$ милл. рубл. серебр.). Расходы вообще простиралися до $278^{1}/_{2}$ милліоновъ ($114^{1}/_{4}$ милл. рубл. серебр.). Оставалось къ 1-му генваря 1810 года $78^{1}/_{2}$ милліоновъ ассигнаціями, въ числѣ коихъ: на удовлетвореніе неуплаченныхъ расходовъ за прежнее время около 30-ти милліоновъ, на текущіе расходы по военной части $24^{1}/_{2}$ милліона и чистый остатокъ $24^{1}/_{2}$ милліона.

На военную и морскую части въ 1809 году израсходовано 136 милліоновъ. На министерство внутреннихъ дѣлъ около $32^{1}/_{2}$ милліоновъ, и въ томъ числѣ: на содержаніе министерства и губернскихъ присутственныхъ мѣстъ $20^{3}/_{4}$ милліоновъ и на построеніе Казанскаго Собора 477,000 рублей. На министерство финансовъ отпущено до 82,780,000 рублей, и въ томъ числѣ: временныя пенсіи $2^{1}/_{2}$ милліона; арендные доходы съ пожалованныхъ имѣній около $1^{3}/_{4}$ милліона; лифляндскому и эстляндскому дворянскимъ банкамъ заимообразно 1,150,000; крестьянамъ пермской и вятской губерній, причисленнымъ къ казеннымъ горнымъ заводамъ, заимообразно 1,186,000; банкирамъ Штиглицу, Берингу и Бетлингу, на извѣстное Его Величеству употребленіе, 13,200,000; придворнымъ банкирамъ на разные заграничные расходы около 4,700,000; прусскому посланнику барону Шладену 2,570,000; негоціанту Миллеру 1,130,000 рублей (9).

Въ началѣ 1810 года, наши финансы были весьма разстроены. Безпрестанныя войны, въ теченіи пяти лѣтъ, требовали чрезвычайныхъ расходовъ, а стѣсненіе внѣшней торговли, на основаніи условій Тильзитскаго трактата, повело къ упадку народнаго богатства, уменьшенію косвенныхъ налоговъ и недо-

бору прямыхъ податей. Слѣдствіемъ того были постоянные дефициты, пополняемые огромными выпусками бумажныхъ денегъ, упадавшихъ въ цѣнѣ съ ужасающею быстротою. Въ 1802 году, при 220 милліонахъ ассигнацій пущенныхъ въ обращеніе, онѣ теряли отъ 20 до 27%, а въ 1810 году, при выпускѣ 577 милліоновъ ассигнацій, промѣнъ ихъ дошелъ въ началѣ года до 150-ти, а въ концѣ до 300%, или, говоря другими словами, серебряный рубль, въ продолженіи года, возвысился въ цѣнѣ отъ 2 р. 50 к. до 4-хъ рублей ассигнаціями. По смѣтѣ министерства финансовъ на 1810 годъ, годовой дефицитъ былъ исчисленъ въ 80 милліоновъ, а безпрестанно возраставшая дороговизна всѣхъ товаровъ заставляла предвидѣть значительные сверхштатные расходы.

Государственный совѣтъ, коему было поручено сообразить средства для пополненія дефицита, разсматривалъ вопросы: во 1-хъ, слѣдовать-ли прежней финансовой системѣ, или прибѣгнуть къ возвышенію налоговъ; во 2-хъ, какіе изъ этихъ налоговъ наименѣе обременительны, и въ 3-хъ, какіе принять способы для поддержанія государственнаго кредита? Разсматривая различныя средства для возстановленія равновѣсія между доходами и расходами, именно: 1) займы внѣшніе и внутренніе, 2) новые выпуски ассигнацій, 3) сокращеніе издержекъ и 4) возвышеніе налоговъ, совѣтъ пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Займы внѣшніе, еслибы даже и были возможны, должны служить къ уплатѣ чрезвычайныхъ расходовъ, а не къ пополненію обыкновенныхъ ежегодныхъ недостатковъ. *Займы внутренніе* могутъ быть сдѣланы изъ банковъ, либо у частныхъ лицъ. Государственное казначейство, временно пользуясь капи-

талами банковъ, занимаетъ ихъ, такъ сказать, у самаго себя; займы-же у частныхъ людей, кромѣ маловажнаго негласнаго займа, по семи %, никогда у насъ не существовали.

Ассигнаціи представляютъ временное пособіе, но какъ, при чрезмѣрномъ ихъ количествѣ, за каждымъ новымъ выпускомъ ихъ слѣдуетъ возвышеніе цѣнъ на всѣ продукты, то государственное казначейство, платя за все дороже прежняго, входитъ въ новые долги. Налогъ, въ видѣ ассигнацій, приводитъ въ неизвѣстность цѣну казенныхъ и частныхъ имуществъ до такой степени, что никто не можетъ навѣрно знать, что̀ имѣетъ сегодня и что̀ будетъ имѣть завтра, а, между тѣмъ, безпрестанное пониженіе ассигнаціоннаго рубля можетъ наконецъ лишить его всякой цѣны. По заключенію совѣта — „изъ всѣхъ извѣстныхъ податей, налогъ ассигнаціями есть и для частныхъ людей, и для Государства, самый тягостный и разорительный".

Государственный совѣтъ полагалъ, что *сокращеніе издержекъ* есть самое дѣйствительное средство къ достиженію предположенной цѣли. Въ смѣтахъ министерствъ уже было сдѣлано сокращеніе расходовъ на сумму болѣе 20-ти милліоновъ. Департаментъ государственной экономіи счелъ нужнымъ продолжать пересмотръ и сокращеніе смѣтъ, невводя сдѣланныхъ предположеній въ дѣйствительные разсчеты казначейства, но отлагая все то, что̀ можетъ быть сбережено, на уплату государственныхъ долговъ, на пополненіе недостающихъ суммъ и на непредвидимыя издержки.

На счетъ *возвышенія налоговъ*, Совѣтъ изъявилъ мнѣніе, что многіе изъ доходовъ могли быть усилены, но что необходимыя для того соображенія требовали много времени и неудовлетворили-бы настоя-

тельнымъ требованіямъ наступившаго (1810) года. Новые источники неокладныхъ сборовъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, не могутъ быть исчислены съ точностью и по непривычкѣ къ нимъ народа былибы весьма для него тягостны, не принеся большой пользы казнѣ. И потому департаментъ предпочелъ прямые налоги, какъ утвердившіеся привычкою и подлежащіе точному исчисленію. Количество новыхъ податей простиралось до 45-ти милліоновъ, но, сравнивая его съ налогомъ минувшаго года, въ видѣ около ста милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ *), оказывалось, что новая подать была менѣе обременительна, нежели прежняя. Предлагая эту мѣру, совѣтъ принялъ во вниманіе, что казна получала по курсу менѣе нежели половину своего прежняго дохода, и что вообще прямыя подати у насъ, въ сравненіи съ прочими государствами, весьма умѣренны, а, между тѣмъ, возвышеніе цѣнъ на всѣ сельскія произведенія, коихъ главный потребитель казна, увеличило хозяйственные прибытки народа болѣе нежели вдвое; обыкновенные-же расходы его остались прежніе. Тѣмъ не менѣе однакоже департаментъ государственной экономіи счелъ долгомъ нескрыть, что увеличеніе податей одновременно на 45 милліоновъ было весьма обременительно, при стѣсненномъ положеніи нашей торговли и при закрытіи многихъ путей, служившихъ для движенія нашей промышленности.

За тѣмъ, перейдя къ изысканію способовъ для поддержанія государственнаго кредита, совѣтъ полагалъ вѣрнѣйшимъ къ тому средствомъ гласность въ финансовыхъ дѣйствіяхъ, потому что скрытность ихъ заставляетъ предполагать болѣе запутанности

*) Въ 1809 году дѣйствительно выпущено до 56-ти милліоновъ рублей ассигнаціями.

и опасностей, нежели сколько ихъ существуетъ на самомъ дѣлѣ ([10]).

Манифестомъ 2-го февраля 1810 года, вмѣстѣ съ прекращеніемъ впредь новыхъ выпусковъ ассигнацій, было возвѣщено о мѣрахъ принятыхъ къ уменьшенію государственныхъ расходовъ и объ увеличеніи нѣкоторыхъ податей, именно: 1) подушная подать, со всѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, опредѣлена по два рубля съ души; 2) сверхъ собираемой съ казенныхъ крестьянъ подати, положено взимать, въ различныхъ губерніяхъ, отъ двухъ до трехъ рублей съ ревизской души; 3) съ мѣщанъ, въ окладѣ состоящихъ, прибавить по пяти рублей съ души; 4) возвысить, соразмѣрно тому, подушную и оброчную подати въ западныхъ губерніяхъ Имперіи; 5) съ крестьянъ, производящихъ торгъ въ обѣихъ столицахъ, кромѣ подати ими платимой въ городскіе доходы, взимать въ казну отъ 25-ти рублей до четверти процента съ капитала соотвѣтствующаго 2-й гильдіи; 6) наложить въ обѣихъ столицахъ на иностранныхъ ремесленниковъ: на мастеровъ по сту, подмастерьевъ по сорока и учениковъ по двадцати рублей въ годъ; 7) въ обѣихъ столицахъ, взимать въ казну съ домовъ полупроцентный сборъ; 8) сверхъ платимой съ купеческихъ капиталовъ подати, наложить на нихъ сборъ по полупроцента съ рубля; 9) возвысить цѣну соли, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ она доселѣ продавалась по сороку копѣекъ за пудъ, до рубля; 10) увеличить на три рубля подать съ каждаго выплавленнаго пуда мѣди; 11) таможенный доходъ взимать, соотвѣтственно существующему курсу, не по 2 р. 50 к какъ было прежде, а по 4 рубля ассигнаціями, за талеръ; 12) увеличить пошлину съ гербовой бумаги и съ бумаги для внутреннихъ паспортовъ ([11]).

По смѣтѣ, составленной министромъ финансовъ на 1811 годъ, оказалось количество предполагаемыхъ доходовъ . . . . 166,843,000 руб.
а расходовъ . . . . 243,757,000 „
слѣдовательно дефицитъ . . . 76,914,000 „

Для пополненія такого недостатка, имѣлось новыхъ, не вошедшихъ въ смѣту статей дохода на 24 милліона, да изъ числа статей расхода можно было отсрочить 4,400,000, и затѣмъ все еще недоставало 48½ милліоновъ, а вмѣстѣ съ долгами военныхъ департаментовъ 65 милліоновъ рублей. Государственный Совѣтъ, при обсужденіи средствъ къ пополненію этого дефицита, принялъ во вниманіе слѣдующія обстоятельства: разстройство государственнаго кредита отъ чрезмѣрнаго множества выпущенныхъ ассигнацій; недостатокъ въ метталической монетѣ; постоянное возвышеніе цѣнъ на всѣ предметы; упадокъ нашего курса, при огромномъ перевѣсѣ внѣшней торговли въ пользу иностранцевъ, угрожающій дальнѣйшимъ пониженіемъ; наконецъ — войны съ Турціей и Персіей, увлекающія за границу послѣдніе остатки нашего серебра. Россія почти исключительно ограничивается земледѣльческою промышленностью, которой произведенія по тяжеловѣсности своей, могутъ быть вывозимы только моремъ; напротивъ того, мануфактурные продукты, въ коихъ мы имѣемъ надобность, большею частью, легкаго вѣса и могутъ быть ввозимы сухимъ путемъ на всемъ пространствѣ нашихъ границъ. Стѣсненіе нашей морской торговли вело къ тому, что Россія, пріобрѣтая отъ иностранцевъ ихъ товары, не могла дать имъ въ обмѣнъ почти ничего, кромѣ звонкой монеты. Въ эту эпоху, мы были принуждены давать имъ за прежнюю цѣну тройное количество своихъ произведеній: вмѣсто 9-ти пудовъ желѣза — 28; вмѣсто трехъ пу-

довъ сала—9, и т. п. Иностранные-же товары продавались намъ на серебро и вмѣстѣ съ упадкомъ курса стоили намъ дороже нежели прежде. Не смотря однакоже на оскудѣніе нашего народнаго богатства, роскошь и расточительность замѣтно усилились.

Въ такихъ обстоятельствахъ, возвышеніе налоговъ былобы и несвоевременно. и безуспѣшно. Еще не прошло полгода, какъ они были увеличены на 45 милліоновъ, а прибавить къ нимъ еще 65 милліоновъ — значило-бы возвысить подати почти на цѣлый годовой доходъ государства. А какъ вмѣстѣ съ налогомъ возвышаются цѣны всѣхъ произведеній народнаго труда, то увеличиваются также издержки казны, да и самое взиманіе податей дѣлается болѣе затруднительнымъ. И по тому совѣтъ полагалъ единственнымъ средствомъ къ возстановленію равновѣсія между государственными приходами и расходами сокращеніе издержекъ по всѣмъ министерствамъ.

Въ отношеніи къ арміи и флоту, департаментъ экономіи подъ сокращеніемъ издержекъ не разумѣлъ уменьшенія вооруженныхъ силъ необходимыхъ для безопасности государства, а предлагалъ принятіе мѣръ къ ограниченію расходовъ на продовольствіе и снабженіе всѣмъ нужнымъ арміи; по морской-же части. считалъ нужнымъ уничтожить нѣкоторыя безполезныя заведенія. По заключенію департамента, невозможно было обезпечить равновѣсіе между государственными приходами и расходами, пока не введено повсемѣстно строгое и постоянное сбереженіе денегъ, начавъ съ столицы, коей примѣръ, имѣя сильное вліяніе на все государство, могъ послужить къ общему водворенію бережливости. Департаментъ полагалъ, что „пока всѣ вообще государственные люди не будутъ руководиться духомъ

той умѣренности, каковую Самъ Монархъ въ Особѣ Своей являетъ, до тѣхъ поръ нельзя достигнуть сокращенія государственныхъ расходовъ".

Въ случаѣ прекращенія въ семъ году (1810) войны съ Турціей и Персіей, департаментъ считалъ возможнымъ сберечь до 20 милліоновъ. Уплату-же состоявшихъ по военной части долговъ предполагалось отсрочить, платя, между тѣмъ, кредиторамъ по 6% въ годъ, до окончательнаго ихъ удовлетворенія (12).

Въ іюлѣ 1810 года, министръ финансовъ внесъ въ государственный совѣтъ записку о возстановленіи равновѣсія между доходами и расходами, продажею части государственныхъ имуществъ, именно:

1) *Оброчныхъ статей.* Изъ числа около 4,700,000 десятинъ, приносившихъ дохода 332,000 рублей, продать до 3-хъ милліоновъ десятинъ, цѣною примѣрно по 10 рублей за десятину, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, на 30 милліоновъ рублей. Кромѣ того, за рыбныя ловли и проч. приносившія до 280,000 рублей, можно было выручить до 5-ти милліоновъ рублей.

2) *Казенныхъ лѣсовъ.* Въ Великороссійскихъ губерніяхъ, изъ 700,000 десятинъ въѣзжихъ лѣсовъ, поступившихъ въ собственность казны, продать 366,000 десятинъ, примѣрно по 20-ти рублей, на 7 милліоновъ рублей. Да изъ лѣсовъ въ западныхъ губерніяхъ, $1\frac{1}{2}$ милліона десятинъ, на 30 милліоновъ.

3) *Арендныхъ имѣній*, находящихся въ эстляндской, лифляндской и 8-ми западныхъ губерніяхъ. Заключая въ себѣ до 350,000 душъ мужеска пола, они приносили дохода до 130,000 талеровъ и 300,000 рублей серебромъ. Министръ надѣялся продажею ихъ выручить до 100 милліоновъ рублей ассигнаціями. Для удовлетворенія-же лицъ, получающихъ

аренды и вообще имѣющихъ права на эти имѣнія, можно было уплачивать должныя имъ суммы изъ капиталовъ, вырученныхъ за проданныя имѣнія (13).

Всѣ эти мѣры съ нѣкоторыми измѣненіями удостоились Высочайшаго утвержденія (14).

Для прекращенія непомѣрной роскоши и возстановленія по возможности равновѣсія между привозомъ иностранныхъ товаровъ и выпускомъ русскихъ произведеній, было обнародовано, въ концѣ 1810 года, Положеніе о внѣшней торговлѣ на 1811 годъ. На основаніи правилъ, заключавшихся въ семъ Положеніи, и новаго тарифа, нѣкоторые изъ предметовъ роскоши были совершенно запрещены, а другіе обложены высокими пошлинами (15).

Въ 1810-мъ году, поступило въ казну доходовъ около 191½ милліоновъ, а вмѣстѣ съ оставшимися отъ прошлаго года суммами, недоимками, и проч. до 278,600,000 рублей ассигнаціями (около 90 милліоновъ рублей серебромъ) (16). Присоединивъ къ тому суммы поступившія изъ различныхъ источниковъ, оказывается, что на сей годъ, въ распоряженіи государственнаго казначейства было всего 335,200,000 р. (108½ милл. рубл. сер.). Главными статьями дохода были: подушный и оброчный сборъ съ однодворцевъ и крестьянъ 41,709,000 рублей; подушныя съ помѣщичьихъ крестьянъ 17,637,000 р. съ мѣщанъ и цѣховыхъ 2,788,000 р. съ удѣльныхъ крестьянъ 1,804,000 р. подушныхъ въ западныхъ губерніяхъ 1,354,000 р. податей съ Грузіи 248,000 р. Съ капиталовъ, объявленныхъ купцами, по 1¾%, всего 5,410,000 р. Съ казенныхъ лѣсовъ и горныхъ заводовъ 3,725,000 р. оброчныхъ статей около милліона; таможенной пошлины 11,185,000 р. съ питейныхъ откуповъ 29 милліоновъ и пошлина за вино, отпускаемое казною 7,434,000 рублей; отъ продажи

соли 14,560,000; почтовой сборъ 1,000,000; гербовая бумага 4,786,000; паспорты 2,445,000; вмѣсто поставки рекрутъ натурою, 4,075,000 рублей, и проч.

Расходы вообще простирались до 279-ти милліоновъ (около 90 милл. рубл. серебр.). Оставалось къ 1-му генваря 1811 года до 56 милліоновъ (18 милл. рубл. серебр.), въ числѣ коихъ $35^3/_4$ милліоновъ на уплату расходовъ за прежнее время.

Израсходовано: на военное министерство около 128-ми милліоновъ и на морское 19,600,000 рублей; на министерство иностранныхъ дѣлъ около 2,600,000; на министерство внутреннихъ дѣлъ 28 милліоновъ, и въ томъ числѣ: на построеніе Казанскаго Собора 288,000 и на водвореніе колонистовъ 2 милліона; на министерство народнаго просвѣщенія $2^1/_2$ милліона; на министерство юстиціи 3 милліона; на министерство финансовъ 73,700,000 рублей и въ томъ числѣ: на пенсіи 4,650,000; арендные доходы съ пожалованныхъ имѣній около $2^1/_2$ милліоновъ; виннымъ поставщикамъ около 4-хъ милліоновъ; прусскому двору $3^1/_2$ милліона рублей ($1^1/_2$ милл. талеровъ) и проч. На министерство коммерціи 1,230,000; на управленіе путей сообщенія 3,685,000, и въ томъ числѣ: на разныя сооруженія 1,368,000; на улучшеніе трехъ водныхъ системъ ведущихъ къ Петербургу 370,000; на окончаніе Свирскаго канала 200,000; на проведеніе канала изъ Мсты въ Волховъ 250,000 рублей, и проч. ([17]).

По окончательномъ разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ смѣтъ министерства финансовъ на 1811 годъ, совѣтъ полагалъ, что для покрытія недостающихъ суммъ могли послужить, кромѣ дохода съ тарнопольской области, удержанія въ казначействѣ суммъ изъ Банка, капитала духовныхъ училищъ, и возвышенія цѣны Илецкой соли, слѣ-

дующія средства: 1) сокращеніе расходовъ; 2) остатки отъ неполнаго числа воинскихъ чиновъ, отъ увольненія въ отпуски, отъ убыли пансіонеровъ, и проч. 3) доходы отъ конфискаціи товаровъ; 4) зачеты суммъ уплаченныхъ изъ доходовъ 1810 года, и 5) отсрочка уплаты суммъ должныхъ казною. По заключенію департамента государственной экономіи, помянутыя средства могли покрыть предполагаемый въ 1811 году дефицитъ съ избыткомъ болѣе 3-хъ милліоновъ рублей ([18]).

Въ 1811-мъ году поступило въ государственную казну доходовъ около 256-ти милліоновъ рублей, а вмѣстѣ съ остатками, недоимками, и проч. 337½ милліоновъ (до 84½ милл. рубл. серебр.) ([19]). Къ тому отпущено изъ различныхъ источниковъ, для усиленія средствъ казначейства, болѣе 18-ти милліоновъ, слѣдовательно всего въ приходѣ было до 355½ милліоновъ (около 89-ти милл. рубл. серебр.). Главными статьями дохода были:

Подушный и оброчный сборъ съ однодворцевъ и казенныхъ крестьянъ: въ губерніяхъ 1-го класса по 10 р. 2-го — по 9-ти, 3-го и 4-го — по 8-ми съ души	44,007,319 р.
Подушныхъ съ крестьянъ удѣльныхъ и причисленыхъ къ разнымъ вѣдомствамъ, по 2 рубля съ души .	1.945.838 „
Съ помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, по 2 р. съ души . .	19,045,000 „
Подымная подать въ западныхъ губерніяхъ	2.414.855 „
Подушныхъ съ мѣщанъ и цѣховыхъ	3.349.405 „
Подать съ Грузіи	618,595 „
Съ капиталовъ купцами объявленныхъ	5.271.705 „

Съ арендныхъ и старостинскихъ имѣній	2,732,483	р.
Съ поіезуитскихъ имѣній и капиталовъ	597,700	„
Съ казенныхъ лѣсовъ	1,405,490	„
Съ казенныхъ земель, мельницъ, и проч.	1,000,000	„
Съ казенныхъ горныхъ заводовъ	2,288,414	„
Съ частныхъ горныхъ заводовъ	1,474,000	„
Доходъ по винной части . . .	75,000,000	„
Отъ продажи соли	16,325,000	„
Прибыли по Заемному Банку .	1,890,000	„
Таможенныхъ пошлинъ до . .	16,000,000	„
Почтовый сборъ до	7,000,000	„
Съ подорожныхъ	717,000	„
За гербовую бумагу	2,576,000	„
За паспорты	2,504,000	„
Полупроцентный сборъ съ домовъ въ столицахъ	700,000	„
Рекрутскихъ вмѣсто поставки натурою	1,500,000	„
Долговъ отъ разныхъ лицъ . .	3,362,000	„
Изъ кабинета Е. В. съ переводомъ долга на государственное казначейство	4,488,000	„
Отъ Удѣльнаго департамента заимообразно	2,500,000	„
Отъ 25-ти-лѣтней экспедиціи .	4,000,000	„
Остатокъ отъ расхода за прошлый годъ	5,000,000	„
Доходъ пріобрѣтенный за Дунаемъ	300,000	„
Отъ продажи конфискованныхъ товаровъ	12,658,000	„
Отъ передѣлки мѣдной монеты .	1,075,000	„

Расходы вообще простирались до 272-хъ милліоновъ (до 68-ми милл. рубл. серебр.). Оставалось къ 1-му генваря 1812 года, большею частью на удовлетвореніе неуплаченныхъ расходовъ, около 83.400,000 р. (20,850,000 рубл. серебр.). Недоимокъ оставалось 43,243,052 рубля $44^1/_2$ коп. а въ долгу за казною 61,054,020 р. $61^1/_2$ коп.

Въ 1811-мъ году израсходовано: на военное министерство около $122^1/_2$ и на морское до $14^1/_2$ милліоновъ; на министерство иностранныхъ дѣлъ 4 милліона; на министерство внутреннихъ дѣлъ около $7^1/_4$ милліоновъ, и въ томъ числѣ: на сооруженіе казенныхъ зданій 2 милліона и на водвореніе колонистовъ 818,000 рублей; на министерство народнаго просвѣщенія $3^1/_2$ милліона, и въ томъ числѣ на содержаніе академій, университетовъ, гимназій и училищъ болѣе 3-хъ милліоновъ; на министерство юстиціи 3,100,000 рублей; на министерство финансовъ около 91 милліона, и въ томъ числѣ: расходы по винной части $27^3/_4$ милліоновъ; на горные заводы 4,218,626 рублей, на добычу соли 16,766,706 и на вывозъ соли съ Дедюхинскихъ заводовъ 1,264,870 рублей; воспитательнымъ домамъ болѣе 9-ти милл.; заемному банку и 25-ти-лѣтней экспедиціи 2,440,000; департаменту удѣловъ 124,320; прусскому двору 1,560,000; долгъ военнаго министерства 2 милліона, и проч. На министерство путей сообщенія 3,376,000 руб. и въ томъ числѣ: на гидротехническія работы 174,000; на разныя сооруженія около 1-го милліона и на исправленіе дорогъ 2 милліона рублей; на министерство полиціи около 8-ми милліоновъ ([20]).

ГЛАВА XXVIII.

Литература. Литературныя и ученыя общества. Пожертвованія частныя на пользу просвѣщенія и богоугодныхъ заведеній. Внутреннія водяныя сообщенія. Тарифъ 1810 года.

(1805—1811 г.).

Въ продолженіи многолѣтнихъ войнъ, веденныхъ Александромъ I-мъ, голосъ Музъ небылъ заглушенъ громомъ оружія. На мѣсто дѣятелей вѣка Екатерины, явились другіе: *Карамзинъ*, въ 1811 году, довелъ „Исторію государства россійскаго" до XV столѣтія; *Крыловъ*, языкомъ вымысла говоря истину, издалъ, еще въ 1805 году, въ первый разъ, собраніе своихъ басень; *Дмитріевъ* посвящалъ свободное отъ государственныхъ трудовъ время изящной словесности; *Озеровъ*, возобновя память о подвигахъ Донскаго, предрекъ побоища при Бородинѣ и Лейпцигѣ; *Жуковскій* воспѣлъ русскихъ воиновъ, павшихъ при Аустерлицѣ, въ ожиданіи мести на другихъ поляхъ битвы; *Гнѣдичъ* приступилъ къ переводу на отечественный языкъ Иліады; *Батюшковъ*, при свѣтѣ бивачныхъ огней, создавалъ образцы русскаго слова; *князь Вяземскій*, отъ юности любимецъ Аполлона, возбудилъ сочувствіе къ себѣ тогдашняго общества бойкою защитою Карамзина. Какъ обыкновенно бы-

ваетъ, въ благопріятныя для умственнаго развитія эпохи, литература сдѣлалась исключительнымъ занятіемъ для многихъ, и хотя нѣкоторые изъ нихъ оказались непризванными жрецами Аполлона, однакоже и между такими нашлись люди, приносившіе пользу народному просвѣщенію, ежели не личными своими трудами, то вліяніемъ своимъ на общественное мнѣніе: бездарный графъ Дмитрій Иван. Хвостовъ былъ маленькимъ меценатомъ для начинающихъ писателей. Уваженіе къ голосу общества заставило даже чуждавшагося русской грамоты Аракчеева принять участіе въ Карамзинѣ и ходатайствовать объ отпускѣ суммы необходимой на изданіе въ свѣтъ его исторіи.

Въ 1811 году, почти одновременно, были учреждены, въ Петербургѣ и Москвѣ, два литературныхъ общества. Въ мартѣ, ветеранъ русскаго слова, вице-адмиралъ Шишковъ положилъ основаніе одному изъ нихъ, подъ названіемъ: *Бесѣда любителей русскаго слова.* Цѣль „Бесѣды" состояла въ томъ, чтобы, противодѣйствуя вліянію и нововведеніямъ Карамзина, сохранить первобытную чистоту отечественнаго языка и изгнать вкравшіеся въ него иностранные слова и обороты. Но какъ первообразъ нашей рѣчи, славянскій языкъ невполнѣ достаточенъ для выраженія новыхъ предметовъ и понятій, то Шишковъ и его адепты составляли со всевозможными натяжками новыя слова, въ родѣ: *шарокатъ*, вмѣсто биліарда, *мокроступы*, въ замѣнъ галошей, и т. п. Шишковисты, или Славянофилы*) упрекали послѣдователей Карамзина въ приторной чувствительности, указывая на „Бѣдную Лизу" самаго Карамзина и на сентиментальныя идиліи князя Шаликова;

*) Въ то время, названіе Славянофиловъ давалось не въ смыслѣ панславизма, а означало приверженцевъ славянскаго языка.

а поборники Карамзина честили своихъ противниковъ названіемъ грубыхъ Вандаловъ.

Самъ Державинъ, соревнуя успѣху „Бесѣды", отдалъ для засѣданій общества большую залу великолѣпнаго дома своего, на Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста, гдѣ теперь Римско-Католическая Духовная Коллегія. Въ этой, ярко освѣщенной, залѣ происходили вечернія торжественныя собранія „Бесѣды". Члены и почетнѣйшіе гости занимали средину ея, вокругъ столовъ, а для прочихъ посѣтителей устроены были мѣста вдоль стѣнъ, уступами въ три яруса. Чтобы придать собраніямъ болѣе блеска, дамы являлись въ бальныхъ костюмахъ, мужчины въ мундирахъ, государственные сановники и генералы въ лентахъ. Внѣшнимъ убранствомъ завѣдывалъ властелинъ современной русской сцены, князь Шаховской. Находившіеся въ составѣ общества 24 члена, изъ коихъ къ каждому было приписано по нѣскольку сотрудниковъ, раздѣлялись на четыре разряда, чередовавшіеся между собою для чтеній. Попечителями въ разрядахъ были: графъ Завадовскій, Мордвиновъ, министръ просвѣщенія графъ Разумовскій и министръ юстиціи Дмитріевъ; а предсѣдателями: Шишковъ, Державинъ, А. С. Хвостовъ и Захаровъ. Въ почетные члены были избраны многіе вельможи и особы высшаго духовенства; въ числѣ ихъ находились: епископы вологодскій Евгеній и тульскій Амвросій, графъ А. С. Строгановъ, С. К. Вязмитиновъ, графъ Ѳ. В. Растопчинъ, А. Л. Нарышкинъ, В. С. Поповъ, президентъ Академіи Наукъ Нартовъ, князь П. М. Волконскій, А. Д. Балашовъ, О. И. Козодавлевъ, князь А. Н. Голицынъ, М. М. Сперанскій, драматическій писатель Озеровъ, авторъ „Ябеды" Вас. Вас. Капнистъ, Н. М. Карамзинъ (?) и три извѣстныя тогда писательницы: княжна К. С. Урусова,

А. П. Бунина и А. А. Волкова. Такимъ образомъ „Бесѣда", явно враждебная Карамзину, силою общественнаго мнѣнія, была принуждена избрать его въ свои почетные члены.

Занятія „Бесѣды" состояли въ еженедѣльныхъ чтеніяхъ, продолжавшихся не менѣе трехъ часовъ и довольно скучныхъ, по содержанію большей части читаемыхъ сочиненій. Тѣмъ не менѣе однакоже дамы и свѣтскіе люди считали обязанностью выказывать свое сочувствіе къ отечественной словесности, участіемъ въ торжествахъ ея, въ такую эпоху, когда ихъ отцы, мужья и братья отстаивали грудью Россію, и по тому собранія „Бесѣды", посѣщаемыя съ примѣрнымъ самоотверженіемъ, были весьма людны. Изрѣдка Крыловъ оживлялъ засѣданія чтеніемъ своимъ басень. Несмотря на безплодность занятій „Бесѣды" и на неприличные нападки ея на Карамзина и его послѣдователей, должно сознаться, что покровительство отечественной словесности и уваженіе къ ней высшаго круга столицы оказали благотворное вліяніе на общественное мнѣніе и способствовали единомыслію Русскихъ въ роковую эпоху 1812 года.

Успѣхъ „Бесѣды" повелъ къ образованію въ Петербургѣ другаго, болѣе скромнаго, общества *любителей наукъ, словесности и художествъ,* изъ литераторовъ и ученыхъ, не вошедшихъ въ составъ перваго. Учредителемъ и президентомъ его былъ Дмитрій Иван. Языковъ, переводчикъ Шлецерова Нестора, *О существѣ законовъ* Монтескьё, и проч. Общество собиралось въ одной изъ залъ Михайловскаго зàмка. Въ числѣ членовъ его были: извѣстный баснописецъ Измайловъ и славянскій филологъ нѣмецъ Остенекъ, изъ любви къ Россіи принявшій фамилію Востокова и оказавшій важныя услуги русскому языкознанію.

Были въ сѣверной столицѣ еще и другія литературныя общества, или, лучше сказать, частные кружки, собиравшіеся у страстнаго любителя искусствъ и литературы, Алексѣя Никол. Оленина и другихъ. Въ домѣ Оленина, въ его гостиной, оживленной присутствіемъ жены его, Елисаветы Марковны, урожденной Полтарацкой, ежедневно встрѣчалось нѣсколько литераторовъ и художниковъ, Крыловъ, Гнѣдичъ, Кипренскій, братья Брюловы, и проч. Туда стекались всѣ литературныя новости: стихотворенія, извѣстія о театрахъ, о книгахъ, о картинахъ, все, что̀ могло возбудить и питать любопытство людей просвѣщенныхъ. Тамъ, несмотря на военные громы, потрясавшіе Европу и грозившіе нашему отечеству, политика уступала мѣсто литературѣ.

Изъ всѣхъ помянутыхъ обществъ, одна лишь „Бесѣда" оставила кое-какіе слѣды своего существованія, напечатавъ съ 1811 по 1815 годъ 19 или 20 книжекъ „Чтеній", отличающихся педантизмомъ и бездарностью (1).

Въ 1811 году, при московскомъ университетѣ, было также основано *Общество любителей россійской словесности*, уставъ котораго удостоился Высочайшаго утвержденія 6-го іюня. Это общество имѣло цѣлью: „распространять свѣдѣнія о правилахъ и образцахъ здравой словесности и доставить публикѣ обработанныя сочиненія, въ стихахъ и прозѣ, на россійскомъ языкѣ, разсмотрѣнныя предварительно и прочтенныя въ собраніи". Общество состояло: изъ 35-ти дѣйствительныхъ членовъ и изъ сотрудниковъ, молодыхъ начинающихъ литераторовъ. Всѣ дѣйствительные члены и сотрудники обязывались представлять обществу ежегодно, по крайней мѣрѣ, по одному сочиненію. Труды ихъ разсматривались *въ приготовительныхъ* собраніяхъ, состояв-

шихъ изъ предсѣдателя, секретаря и двухъ или трехъ дѣйствительныхъ членовъ. Общія-же собранія общества были: *обыкновенныя*, ежемѣсячно, кромѣ іюня, іюля и августа, и *торжественныя*, однажды въ годъ; кромѣ того, положено было, въ случаѣ надобности, созывать и *чрезвычайныя* собранія. Чтенія производились въ присутствіи публики, и читанныя сочиненія издавались на счетъ общества, которое, сверхъ того, обязывалось печатать свои *лѣтописи* и другія обще-полезныя книги.

Въ первомъ засѣданіи общества, 6-го іюля 1811 года, попечитель московскаго университета Павелъ Иван. Кутузовъ предложилъ членамъ прочесть уставъ и избрать должностныхъ лицъ. Первыми изъ нихъ были: предсѣдатель Прокоповичъ-Антонскій, секретарь Каченовскій и казначей Дружининъ, а въ приготовительномъ собраніи: временной предсѣдатель Мерзляковъ, секретарь Цвѣтаевъ и члены Сандуновъ и Тимковскій.

Въ первый періодъ своего существованія, до нашествія Французовъ, общество успѣло издать четыре тома *Трудовъ* своихъ: въ первыхъ трехъ томахъ, кромѣ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ стихотвореній, были помѣщены, въ числѣ прочихъ, статьи: 1) рѣчь Антонскаго при открытіи общества; 2) разсужденія: Мерзлякова — о россійской словесности, Калайдовича — о синонимахъ и Болдырева — о глаголахъ. Четвертый томъ заключалъ въ себѣ *лѣтописи* общества. Кромѣ того, готовились къ печати: рѣшенія разныхъ научныхъ вопросовъ; разборы замѣчательнѣйшихъ новыхъ книгъ; жизнеописанія университетскихъ профессоровъ, и проч. Всѣхъ засѣданій общества было двѣнадцать. Послѣднее торжественное засѣданіе происходило, при многочисленномъ стеченіи публики, 7-го іюня 1812 года. Обще-

ство, согласно уставу, прекративъ свои занятія на три мѣсяца, предполагало собраться въ началѣ сентября, но въ это самое время Москва была наводнена французскими войсками и въ общемъ пожарѣ ея сгорѣлъ университетъ съ большею частью своихъ сокровищъ науки. Только лишь въ концѣ 1815 года открылась возможность возобновить занятія и собранія „общества любителей россійской словесности“ (2).

Подобныя-же литературныя общества образовались и при другихъ университетахъ. Еще въ 1806 году, было основано при казанскомъ университетѣ *Общество любителей отечественной словесности*, состоявшее въ началѣ изъ пяти членовъ; главнымъ дѣятелемъ въ немъ былъ Ибрагимовъ. Къ концу года было 12 членовъ; тогда-же составлено Положеніе о занятіяхъ общества, въ послѣдствіи одобренное министромъ просвѣщенія графомъ Завадовскимъ, и представленъ попечителю казанскаго учебнаго округа Румовскому годовой отчетъ о занятіяхъ общества. Въ 1811 году оно уже состояло изъ 32 членовъ. Предполагалось издавать „Труды“ общества, но борьба съ Наполеономъ, заслонившая собою всѣ прочіе интересы народной жизни, смерть Румовскаго и перемѣны въ устройствѣ университета были причиною почти совершеннаго прекращенія занятій общества въ 1812 году.

По утвержденіи устава общества, 8 іюля 1814 года, оно праздновало это событіе, 12 декабря тогоже года, въ публичномъ собраніи, на которомъ присутствовало до трехъ сотъ посѣтителей. 8-го іюля 1815 года опять было торжественное засѣданіе общества: въ обоихъ собраніяхъ читаны: оды, похвальныя слова и разсужденія о разныхъ предметахъ изящной словесности. По уставу, общество должно

было имѣть торжественныя собранія черезъ три года, и кромѣ того было чрезвычайное засѣданіе, 24-го сентября 1816-го года, по случаю смерти Державина: передъ украшеннымъ различными эмблемами бюстомъ поэта, прочли четыре произведенія его: *Лебедь*, *Памятникъ*, *Богъ* и *Безсмертіе*, краткую біографію Державина, стихи въ честь ему и разсужденіе объ услугахъ, имъ оказанныхъ русской словесности. Тогда-же предположено поставить ему памятникъ. Въ сентябрѣ 1817-го года, вышла первая и единственная книжка *Трудовъ* общества (3).

Учрежденное еще въ 1804-мъ году, подъ предсѣдательствомъ профессора Чеботарева, при московскомъ университетѣ, *Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ*, въ послѣдствіи принесшее столь большую пользу отечественной Исторіи, въ первыя шесть лѣтъ своего существованія выказало чрезвычайно малую дѣятельность, издавъ всего на все 80 страницъ. По докладу о томъ Государю министра народнаго просвѣщенія графа Разумовскаго, Высочайше повелѣно: учредить другое общество изъ болѣе дѣятельныхъ членовъ, и утвержденъ уставъ его, 21 генваря 1811-го года. Главною цѣлью общества положены: критическій разборъ древнихъ русскихъ лѣтописей, сличеніе ихъ списковъ, исправленіе вкравшихся въ нихъ погрѣшностей и изданіе ихъ. Пожертвованная Зоемъ Павл. Зосимою, на изданіе Несторовой Лѣтописи, сумма, 3.600 рублей, дала возможность обществу, возобновленному подъ предсѣдательствомъ П. А. Бекетова, немедленно приступить къ занятіямъ, согласно съ уставомъ его (4).

Въ томъ-же 1811 году, при московскомъ университетѣ, образовалось, по предположенію подполковника Ник. Ник. Муравьева, *Общество Математиковъ*. По уставу его, удостоившемуся Высочайшаго

одобренія, въ апрѣлѣ 1811 года. цѣлью общества, кромѣ безденежнаго чтенія математическихъ курсовъ, было изданіе полезныхъ книгъ по части математики (5). Самъ Н. Н. Муравьевъ намѣревался читать лекціи по военнымъ наукамъ. Въ числѣ молодыхъ ученыхъ, изъявившихъ готовность принять участіе въ этомъ предпріятіи, былъ сынъ его (въ послѣдствіи — графъ) Михаилъ Николаевичъ. Не смотря однакоже на усердное содѣйствіе обществу попечителя университета, дѣло не состоялось, потому что главный двигатель его не принадлежалъ къ университету и обратилъ свою дѣятельность на другіе предметы (6).

Общество испытателей природы, основанное при московскомъ университетѣ еще въ 1804 году, занималось: 1) пополненіемъ свѣдѣній по естественной исторіи различныхъ мѣстностей Россіи; 2) собраніемъ произведеній Россіи, по части: минералогіи, ботаники, зоологіи, земледѣлія и промышленности; 3) открытіемъ такихъ произведеній, кои могутъ составить новую вѣтвь русской торговли. Труды членовъ, на всѣхъ европейскихъ языкахъ, предполагалось издавать въ журналѣ общества. Первымъ предсѣдателемъ общества былъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, владѣлецъ знаменитаго Горенскаго сада, близъ Москвы; а первымъ директоромъ профессоръ зоологіи и сравнительной анатоміи Фишеръ (7). Полезные труды общества вскорѣ удостоились Высочайшаго благоволенія. Императоръ Александръ, въ 1807 году, дозволилъ обществу именоваться *Императорскимъ*, а въ слѣдующемъ году пожаловалъ ему, на составленіе систематическаго описанія московской губерніи въ отношеніи къ топографіи, статистикѣ, естественной исторіи, опредѣленію географической долготы и широты мѣстъ, и

проч. единовременно 5,000 рублей. Въ 1809-мъ году, общество приступило къ занятіямъ по сему предмету (8).

Съ 1805 года, открыло свои дѣйствія, учрежденное также при московскомъ университетѣ, *Общество соревнованія медицинскихъ и физическихъ наукъ*, имѣвшее цѣлью: во 1-хъ, распространять въ Россіи всякаго рода полезныя знанія, касающіяся до физики и врачебной науки; во 2-хъ, возбуждать любовь къ симъ наукамъ, какъ между своими членами, такъ и между прочими любителями учености, и въ 3-хъ, обогащать новыми открытіями, опытами и замѣчаніями физику и врачебную науку (9).

О произведеніяхъ отечественной словесности этого періода буду говорить на столько, на сколько они оказали вліянія на жизнь народа и духъ общества. Въ такомъ смыслѣ, первое мѣсто занимаютъ драматическія творенія, доступныя и читающей, и нечитающей публикѣ, и образованному, и неграмотному люду, хотя и въ различной степени. И тогда, какъ и теперь, мы неимѣли народнаго театра, пробавляясь переводами иностранныхъ піесъ, либо, болѣе или менѣе, удачными переложеніями ихъ на русскіе нравы и обычаи. Но уже и тогда пристрастіе къ иностранному, и особенно къ французскому, возбуждало насмѣшки, воспитаннаго въ школѣ Княжниныхъ и Фонвизиныхъ, Крылова. Его *Урокъ дочкамъ* и *Модная Лавка*, игранныя въ 1805 и 1806 годахъ, жестоко бичевали галломанію. Зрители, наполнявшіе театръ, хохотали отъ души, но Крылову неудалось произвести переворотъ въ общественномъ мнѣніи: высшій кругъ, болѣе чѣмъ когда-либо, управляемый женщинами, считалъ французскій языкъ исключи-

тельно способнымъ для выраженія благородныхъ чувствъ и высокихъ мыслей, употребляя могучее русское слово только лишь для домашняго обихода. Но когда Французы, поработивъ большую часть Европы, стали угрожать политической самобытности Россіи, наше общество, какъ-бы отрезвясь, одушевилось жаркимъ патріотизмомъ. Одновременно съ открытіемъ нашей предпослѣдней войны съ Наполеономъ, въ 1807 году, появился на русской сценѣ „Дмитрій Донской“ Озерова. Восторгъ зрителей не имѣлъ предѣловъ, и при послѣднихъ словахъ народной драмы: *Великъ россійскій Богъ!* раздались рыданія въ партерѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, имѣла огромный успѣхъ трагедія Крюковскаго: „Пожарскій“ ([10]). Ни миръ въ Тильзитѣ, ни свиданіе Императоровъ въ Эрфуртѣ, не измѣнили общественнаго мнѣнія, враждебнаго французамъ. Крутое измѣненіе политическихъ отношеній Россіи, застой внѣшней торговли, колебаніе курса, дороговизна предметовъ общаго потребленія: все это, отчуждая Русскихъ отъ остальной Европы, заставляло ихъ дружно сомкнуться между собою для отпора предстоявшему нашествію чужеземныхъ полчищъ. Въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, наше общество увлекалось не только звучными стихотвореніями Тиртея-Жуковскаго, но и такими произведеніями отечественной словесности, которыхъ достоинство исключительно заключалось въ своевременности ихъ появленія, каковы напр. были: статья графа Растопчина: *Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ* и комедія его-же: *Вѣсти, или убитой живой.*

Совершенно иное значеніе имѣли басни Крылова: доступныя, по содержанію своему, для всякаго грамотнаго Русскаго, онѣ оказали и будутъ оказывать глубокое, постоянное вліяніе на развитіе многихъ поколѣній нашего народа.

Главнѣйшимъ-же памятникомъ отечественной словесности, въ этомъ періодѣ, и вообще въ царствованіе Александра I-го, есть исполинскій трудъ Карамзина, предпринятый въ то время, когда Россія сомнѣвалась въ возможности имѣть Исторію пережитаго ею тысячелѣтія, доступную для каждаго, занимательную для кого-либо кромѣ немногихъ ученыхъ, достойную русскаго народа. И вотъ нашелся человѣкъ, обладавшій врожденнымъ чувствомъ высокаго, добраго, прекраснаго, открывшій сокровища въ огромной грудѣ сухихъ, безжизненныхъ лѣтописей. Къ счастью для насъ и для собственной славы, Карамзинъ, плѣнясь драматическимъ интересомъ нѣкоторыхъ эпизодовъ и характеровъ, являвшихся, въ видѣ оазисовъ, среди пустыни прочихъ событій, счелъ предположенный имъ трудъ болѣе легкимъ, нежели оказалось въ послѣдствіи, и надѣялся довести его въ пять или шесть лѣтъ до Романовыхъ. Еслибы онъ предвидѣлъ, какія затрудненія предстояли ему при разработкѣ найденныхъ имъ въ послѣдствіи источниковъ, то быть-можетъ устрашился-бы огромности такого труда, и мы неимѣли-бы его Исторіи. Но онъ, приступая къ ней, самъ остерегался всего того, что̀ могло открыть ему отдаленность предположенной имъ цѣли, и даже непосовѣтовался съ ученымъ Шлецеромъ, который лучше его постигалъ важность такой задачи, и вѣроятно отговорилъ-бы Карамзина отъ намѣренія писать Русскую Исторію. Сама судьба хотѣла, чтобы Карамзинъ ознакомился съ предстоявшимъ ему трудомъ невдругъ, а по мѣрѣ его исполненія, и къ тому-же обстоятельства благопріятствовали, какъ нельзя болѣе, его успѣху. Россія, сознавая свои силы и будущее призваніе, жаждала знать свое прошедшее. Люди, близкіе къ Государю, Дмитріевъ и Муравьевъ, со-

дѣйствовали исполненію намѣренія Карамзина, первый, заставя его написать къ Муравьеву о желаніи своемъ — приступить къ сочиненію русской Исторіи, а второй — исходатайствовавъ у Государя назначеніе Карамзина Исторіографомъ, съ производствомъ ему пенсіи. Великая Княгиня Екатерина Павловна, осыпавъ его ласками, пригласила къ себѣ въ Тверь. Карамзинъ пробылъ тамъ шесть дней, обѣдалъ постоянно во дворцѣ и читалъ по вечерамъ свою Исторію Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Павловичу. Императоръ Александръ, наслышась отъ своей любимой сестры о достоинствахъ Карамзина, имѣлъ мысль, въ началѣ 1810 года, поручить ему министерство народнаго просвѣщенія, съ званіемъ директора, потому что онъ былъ только надворнымъ совѣтникомъ, но Сперанскій отклонилъ это назначеніе, какъ несовмѣстное съ малымъ чиномъ Карамзина. Въ декабрѣ 1810 года, онъ опять ѣздилъ въ Тверь, былъ осыпанъ новыми знаками милости Великой Княгини и бесѣдовалъ съ нею о современномъ состояніи Россіи, о преобразованіяхъ, предпринятыхъ правительствомъ, выражая искренно свое мнѣніе, неблагопріятное многимъ нововведеніямъ. Просвѣщенная, пылкая, очарованная Карамзинымъ, Великая Княгиня просила его изложить свои мысли на бумагу. „Братъ мой — сказала она — достоинъ ихъ слышать". Исполняя волю ея, Карамзинъ составилъ записку „О древней и новой Россіи" (11).

Въ этой запискѣ, Карамзинъ является человѣкомъ благороднымъ, отважившимся высказать не всегда пріятныя истины, знающимъ Исторію своего отечества, но чуждымъ знанія современной его администраціи. Желая пламенно блага Россіи, но будучи, по характеру своему, врагомъ всякихъ крутыхъ мѣръ.

онъ полагалъ. что полезнѣе улучшать существующія учрежденія. нежели замѣнять ихъ новыми. Очевидно, что Карамзинъ, крайній консерваторъ. не сочувствовалъ идеямъ реформатора Сперанскаго, и что. осуждая ихъ, онъ не могъ быть безпристрастнымъ. Станемъ-ли удивляться тому, что Императоръ Александръ былъ недоволенъ рѣзкостью тона Записки Карамзина, и что она не оказала ни малѣйшаго вліянія на административныя мѣры, принятыя въ послѣдствіи?

Передъ нашествіемъ Французовъ, Карамзинъ готовился перейти къ XVI вѣку. Но буря, разразившаяся надъ Россіею. заставила его пріостановить трудъ свой, и Карамзинъ, уже на склонѣ жизни, хотѣлъ стать въ ряды защитниковъ отечества (12): таково было въ ту эпоху общее настроеніе русскаго общества.

Періодическихъ изданій было немного. Въ Петербургѣ, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ издавалась газета „Сѣверная Почта", называемая политическою, но преимущественно наполненная извѣстіями объ успѣхахъ выдѣлыванія свекловичнаго сахара и кунжутнаго масла. на которое обращалъ большое вниманіе тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ, по причинѣ введенной у насъ, въ угоду Наполеону, континентальной системы. Въ Петербургѣ-же тогда издавались журналы: *С.-Петербургскій Вѣстникъ. Сѣверный Вѣстникъ, Сѣверный Меркурій;* преисполненный мистицизма, *Сіонскій Вѣстникъ,* издаваемый Александромъ Ѳедор. Лабзинымъ. и *Улей,* безобразный по внѣшнему виду своему и пустой по содержанію: редакторомъ послѣдняго былъ бездарный Анастасевичъ. подъ руководствомъ стольже бездарнаго графа Хвостова. Московская журналистика брала верхъ надъ Петербургскою. Съ 1802 года Ка-

рамзинъ сталъ издавать *Вѣстникъ Европы*, который пользовался заслуженнымъ успѣхомъ; когда-же Карамзинъ обратилъ свою дѣятельность на монументальный трудъ — Исторію Россіи, Вѣстникъ Европы былъ переданъ имъ Каченовскому, (еще тогда не проявившему въ себѣ Зоиловыхъ качествъ), и Жуковскому. Ученый, добросовѣстный Петръ Иван. Макаровъ былъ редакторомъ журнала: *Московскій Меркурій;* Михаилъ Иван. Макаровъ издавалъ: плохой *Журналъ для милыхъ* и такой-же *Московскій Курьеръ*. Съ 1808 по 1825 годъ, Сергѣй Никол. Глинка занимался, въ числѣ многихъ предпринятыхъ имъ трудовъ, изданіемъ Журнала: *Русскій Вѣстникъ*, появившагося весьма кстати въ то время, когда все отечественное сдѣлалось дороже и милѣе для Русскихъ, по мѣрѣ опасности, угрожавшей съ Запада. Какъ истинный патріотъ, Глинка не старался угождать современному духу общества, а выражалъ свои искреннія задушевныя убѣжденія въ превосходствѣ всего отечественнаго надъ иностраннымъ. Въ обычныя безмятежныя эпохи упрекали-бы автора въ „квасномъ" патріотизмѣ, но когда приходилось намъ отстаивать нашу народную самобытность, не надѣясь ни на кого, кромѣ самихъ себя, тогда журналъ Глинки, при всѣхъ несовершенствахъ своихъ, былъ полезенъ и дорогъ для Русскихъ. Сергѣй Николаевичъ, по вліянію своему на современное общество, заслуживаетъ почетное мѣсто въ нашей исторіи. Человѣкъ, который, получивъ отъ графа Растопчина, въ 1812 году, двѣсти тысячъ рублей „на возбужденіе народа противъ Французовъ", возвратилъ эту сумму, до послѣдней копѣйки, съ отзывомъ, что: „любовь Русскихъ къ отечеству не имѣетъ надобности въ возбужденіи деньгами". — такой человѣкъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ дѣятелей ([13]).

Народное образованіе и въ этомъ періодѣ подвигалось впередъ, не смотря на затрудненія, происходившія отъ сословныхъ предразсудковъ и отъ непониманія пользы просвѣщенія. Даже люди, считавшіеся образованными, по своему положенію въ обществѣ, бесѣдуя откровенно съ профессорами, сознавались, что они посылаютъ своихъ дѣтей въ школы изъ подражанія другимъ, а сами не видятъ въ томъ никакой существенной пользы. Разночинцы ограничивали обученіе дѣтей своихъ русскою грамотою и потомъ оставляли ихъ при себѣ, для пособія въ производимой промышленности, а дворяне, большею частью, не отдавали въ училища дѣтей своихъ, изъ опасенія, чтобы они, сидя на однихъ скамьяхъ съ товарищами изъ купеческаго и мѣщанскаго званій, не усвоили-бы ихъ обращеніе и привычки. Мѣлкопомѣстные владѣльцы, не имѣя возможности дать своимъ дѣтямъ хорошее домашнее воспитаніе, иногда принимали къ себѣ, въ качествѣ учителей, иностранцевъ, изъ коихъ многіе не только не имѣли никакихъ научныхъ свѣдѣній, но даже не знали своего природнаго языка. Были и такіе отцы семейства, которые опредѣляли своихъ дѣтей въ школу, единственно для того, чтобы сбыть ихъ съ рукъ, и за тѣмъ уже оставляли всякую заботу о нихъ. Инородцы низовыхъ губерній, новообращенные Чуваши и проч. боялись училищъ, полагая, что оттуда всѣхъ возьмутъ въ солдаты; а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ наприм. въ Тамбовѣ, народъ предпочиталъ офиціальнымъ училищамъ домашнихъ раскольничьихъ учителей, преподававшихъ единственно чтеніе и письмо, по букварю, часослову, псалтырю и особымъ прописямъ. Вообще среда, въ которой учители, выпущенные изъ университета, проходили свое скромное поприще, была чрезвычайно неблa-

гопріятна для дальнѣйшаго ихъ развитія; тѣмъ не менѣе однакоже многіе изъ нихъ, подавляемые нищетою, но поддержанные благотворнымъ вліяніемъ науки, сохранили свое нравственное достоинство (14).

Въ 1811 году, сѣверная столица украсилась однимъ изъ знаменитыхъ памятниковъ зодчества: 15 сентября, ровно черезъ десять лѣтъ вѣнчанія на царство Александра, былъ освященъ новый Казанскій Соборъ, заложенный еще при Императорѣ Павлѣ. Строителемъ храма былъ извѣстный любитель художествъ и покровитель художниковъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ. Устранивъ отъ строенія собора, соорудившаго Михайловскій замокъ, самозванца-архитектора Бренна, графъ Строгановъ предложилъ поручить сей трудъ русскому художнику Воронихину, который былъ обязанъ ему какъ своими познаніями, такъ и пріобрѣтенною славою отличнаго зодчаго. Замѣчательно, что всѣ живописныя и скульптурныя произведенія этого храма исключительно принадлежатъ академикамъ и воспитанникамъ С.-Петербургской Академіи Художествъ: *Шебуеву* — изображеніе въ куполѣ Господа Вседержителя во славѣ и подъ куполомъ образа: Василія Великаго и Григорія Богослова; *Егорову* — мѣстный образъ Тайная Вечеря; *Боровиковскому* — большой иконостасъ у главныхъ Царскихъ Дверей; изъ произведеній-же рѣзца: *Мартосу* — изображенія Іоанна Предтечи и Архангела Гавріила, и барельефъ: Источеніе Моисеемъ воды изъ камня; *Прокофьеву* — барельефъ: Избавленіе отъ зміевъ въ пустынѣ; *Щедрину* — барельефъ: Несеніе креста; *Демуту* — изображенія Св. Апостола Андрея и Архистратига Михаила; *Пименову* — изображенія князей Св. Влади-

міра и Св. Александра Невскаго; *Моисееву:* Св. Евангелистъ Маркъ, и проч. (15).

Освященіе новаго храма происходило съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи Государя, при несмѣтномъ стеченіи народа. Графъ Строгановъ былъ пожалованъ въ сей день изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ въ первый классъ, но недолго суждено было ему радоваться окончанію труда своего; черезъ десять дней онъ умеръ почти скоропостижно, оставя память вельможи, соединявшаго въ себѣ обще-европейское образованіе съ русскимъ хлѣбосольствомъ древняго боярина, въ пышныхъ чертогахъ коего находили угощеніе и привѣтъ не только люди знатнаго рода, но и всѣ отличавшіеся талантами и свѣдѣніями (16).

—

Изъ пожертвованій, сдѣланныхъ въ семъ періодѣ на пользу просвѣщенія, замѣчательнѣйшими были слѣдующія:

Графъ Илья Андреевичъ Безбородко изъявилъ желаніе учредить и содержать на свой счетъ при нѣжинской гимназіи пансіонъ, для 60-ти воспитанниковъ.

Графиня Платеръ назначила на устройство госпиталя и хирургическаго отдѣленія при волынской гимназіи полтораста тысячъ злотыхъ (22,500 рубл. сер.), обязываясь за себя и наслѣдниковъ своихъ платить ежегодно по шести процентовъ съ сей суммы (17).

Астраханскій купецъ Агабабовъ испросилъ Высочайшее соизволеніе на учрежденіе въ Астрахани армянскаго училища и пожертвовалъ на содержаніе его болѣе 60-ти тысячъ рублей (18).

Надворный совѣтникъ Кусовниковъ внесъ, на

построеніе домовъ для приходскихъ училищъ въ Петербургѣ, 50 тысячъ рублей ([19]).

Иркутской губерніи, одиннадцати бурятскихъ родовъ главный тайша Галсанъ Марадаевъ изъявилъ желаніе всѣхъ родоначальниковъ учредить училище, для обученія дѣтей русскому и монгольскому языкамъ ([20]).

Коллежскій совѣтникъ Злобинъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, платилъ, за содержаніе и обученіе двѣнадцати сиротъ въ саратовскомъ пансіонѣ, ежегодно до 5,000 рублей ([21]).

Коллежскій совѣтникъ Ланевскій-Волкъ пожертвовалъ, на содержаніе двѣнадцати бѣдныхъ дворянскихъ дѣтей въ рогачевскомъ уѣздномъ училищѣ, деревню Озерище съ 82-мя душами ([22]).

Членъ разныхъ ученыхъ обществъ Лернетъ назначилъ, въ пользу волынской гимназіи, 250,000 злотыхъ (37,500 рубл. сер.) и всѣ проценты отъ капиталовъ, могущихъ остаться по его смерти ([23]).

Войска донскаго, Аксайской станицы, казакъ Шрамковъ выстроилъ для училища домъ, стоившій около 2,000 рублей, и внесъ на содержаніе училища 1,000 рублей ([24]).

Маіоръ Алымовъ внесъ 20,000 рублей на содержаніе изъ процентовъ съ этой суммы въ слободско-украинской (харьковской) гимназіи неимущихъ воспитанниковъ ([25]).

Важнѣйшія пожертвованія на богоугодныя заведенія были сдѣланы слѣдующими лицами:

Въ 1808 году, коллежскій совѣтникъ Злобинъ внесъ на заведеніе больницъ для рабочихъ на волжскихъ судахъ, въ Саратовѣ, Камышинѣ, Царицынѣ и Хвалынскѣ, 40,000 руб. и отдалъ на сей-же предметъ домъ съ садомъ въ Саратовѣ, стоившій ему 12,000 рублей ([26]).

Въ 1809 году, на капиталъ пожертвованный княземъ Радзивиломъ, устроена въ Бердичевѣ богадѣльня на 60 человѣкъ ([27]).

Въ 1810 году, постановлено, чтобы учредители новыхъ благотворительныхъ заведеній обезпечивали ихъ содержаніе на будущее время ([28]). Согласно съ этимъ положеніемъ, именитымъ гражданиномъ Герценштейномъ, въ мѣстечкѣ Шаргородѣ подольской губерніи, построенъ каменный домъ для богадѣльни на 48 человѣкъ, снабженный всѣмъ нужнымъ, и внесено на содержаніе заведенія 20,000 рублей ассигнаціями и 4,000 злотыхъ (600 рубл. сер.). Генералъ Тутолминъ изъявилъ желаніе построить въ старицкомъ успенскомъ монастырѣ, тверской губерніи, церковь и больницу на 20 человѣкъ, назначивъ на содержаніе ихъ ежегодно 10,000 рублей. Дѣйствительный камергеръ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Голицынъ, по завѣщанію своего тестя, фельдмаршала князя Прозоровскаго, предложилъ выстроить въ Кіевѣ инвалидный домъ для 6-ти оберъ-офицеровъ и 24-хъ нижнихъ чиновъ; отставной солдатъ Саматовъ изъвилъ желаніе построить на свой счетъ въ городѣ Курганѣ, тобольской губерніи, больницу на 16 человѣкъ, а курганскіе жители обязались содержать ихъ. Устроены богадѣльни купцами: Бородинымъ, въ гор. Глазовѣ, вятской губерніи; Посниковымъ во Псковѣ и Кекинымъ въ Переславлѣ, владимірской губерніи. Пожертвовано въ пользу благотворительныхъ заведеній: дворянами Бородиными 21,480 рублей; архангельскимъ купечествомъ 12,000 рублей; московскимъ купцомъ Москвенковымъ 10,000 рублей, и проч. ([29]).

Въ 1811 году, пожертвованы для устройства богоугодныхъ заведеній дома: вдовою иркутскаго купца Ситникова, женою якутскаго почтмейстера Климан-

това; купцами: костромскимъ Углечаниновымъ, нерчинскимъ Сухановымъ, сарапульскими Верещагинымъ и Курбатовымъ. Смоленскій помѣщикъ, поручикъ Энгельгардтъ изъявилъ желаніе построить въ городѣ Бѣломъ больницу на 50 человѣкъ; масальскій помѣщикъ Богдановъ пожертвовалъ 5,000 рублей для раненыхъ Молдавской арміи и 1,000 рублей для калужскаго дворянскаго пансіона; поручикъ Пашковъ— домъ, для содержанія изъ доходовъ его 50-ти бѣдныхъ московскихъ мѣщанъ; подпоручикъ Карауловъ обязался снабжать устроенный имъ въ городѣ Городищахъ, пензенской губерніи, госпиталь медикаментами и провизіей, распространивъ это обязательство и на своихъ наслѣдниковъ, если они не внесутъ на сей предметъ 15,000 рублей. Надворный совѣтникъ Варвацій изъявилъ намѣреніе вносить ежегодно по смерть 500 рубл. на содержаніе устроенной имъ въ Астрахани больницы; прапорщикъ Богдановъ внесъ въ калужскій приказъ общественнаго призрѣнія, 5,000 рублей, на содержаніе изъ процентовъ при тамошнемъ училищѣ дѣтей милиціонныхъ офицеровъ; государственный крестьянинъ тобольской губерніи Зольниковъ пожертвовалъ на постройку близъ Тобольска, въ деревнѣ Завальной, больницы 2,000 рубл. и обязался давать ежегодно на содержаніе ея по сту рублей; генералъ-лейтенантъ Лунинъ построилъ въ имѣніи своемъ Желудовѣ, рязанской губерніи, больницу на 70 человѣкъ, какъ для своихъ, такъ и для государственныхъ крестьянъ, аптеку, лабораторію, ботаническій садъ и оспо-прививательное заведеніе; харьковскій помѣщикъ, протоіерей Самборскій устроилъ въ селѣ Стратиловѣ и принялъ на свое содержаніе двѣ больницы, вдовій и сиротскій дома, училище для малолѣтнихъ поселянъ, и проч. ([30]).

Капиталы приказовъ общественнаго призрѣнія

въ концѣ 1810 года вообще простирались до шести милліоновъ рублей ([31]).

Императоръ Александръ, утвердивъ учрежденное въ Вильнѣ, подъ предсѣдательствомъ епископа Коссаковскаго, Филантропическое общество, повелѣлъ отпустить въ капиталъ его изъ Кабинета 10,000 рублей ([32]).

По части внутреннихъ водяныхъ сообщеній, въ 1805—1812 годахъ, совершены слѣдующія работы:

1) Повелѣно приступить къ возобновленію проектированнаго еще при Петрѣ Великомъ, Ивановскаго канала, для соединенія Дона съ Шатью, по предположенію генерала Трузсона, и отпускать изъ государственнаго казначейства, въ теченіи десяти лѣтъ, на исполненіе работъ, сумму 2,664,000 рублей ([33]).

2) Приняты мѣры къ улучшенію Вышневолоцкой системы и разрѣшено отпустить на сей предметъ изъ государственнаго казначейства, сверхъ 250,000 рублей изъ ассигнованныхъ на водяныя сообщенія въ 1805 и 1806 годахъ суммъ, еще 1,049,000 рублей, въ теченіи слѣдующихъ четырехъ лѣтъ ([34]).

3) Повелѣно приступить къ работамъ для улучшенія всѣхъ трехъ водяныхъ путей, ведущихъ къ Петербургу, и отпущены необходимыя для того суммы ([35]).

Утверждены точныя правила для судоходства по Маріинскому каналу и Вышневолоцкому водному пути ([36]).

Наконецъ — Высочайше утверждены составленное Его Высочествомъ, принцемъ Ольденбургскимъ, учрежденіе объ управленіи водяными и сухопутными сообщеніями, и образованіе, по его-же представленію, особаго корпуса инженеровъ путей сообщенія ([37]).

Въ слѣдствіе условій Тильзитскаго мира, наложено было амбарго на англійскія суда и товары ([38]). Прекращеніе торговли съ Англичанами, уменьшивъ значительно выпускъ за границу русскихъ сырыхъ произведеній, имѣло весьма неблагопріятныя послѣдствія для нашего государственнаго хозяйства *). Чтобы сколько нибудь возстановить балансъ иностранной торговли, уменьшеніемъ ввоза предметовъ роскоши, за кои мы не имѣли возможности платить ничѣмъ, кромѣ наличной монеты, въ концѣ 1810 года, былъ изданъ новый тарифъ, на основаніи котораго запрещенъ ввозъ многихъ издѣлій иностранныхъ фабрикъ, а другіе товары обложены высшею противъ прежняго пошлиною ([39]). Это постановленіе, имѣвшее единственною цѣлью прекращеніе роскоши и возвышеніе отечественной промышленности, было принято Наполеономъ за нарушеніе Тильзитскаго трактата и послужило ему однимъ изъ предлоговъ къ войнѣ противъ Россіи.

*) См. особое Прилож. къ этой главѣ

ГЛАВА XXIX.

Канунъ войны 1812 года.

По заключеніи Шёнбрунскаго трактата, 2 (14) октября, могущество Наполеона возвысилось ослабленіемъ Австріи. Отторгнутыя отъ нея земли съ народонаселеніемъ въ 3.700.000 душъ, за исключеніемъ тарнопольской области съ 400.000 душъ, присоединенной къ Россіи, поступили во владѣніе Франціи, либо вассаловъ ея, членовъ Рейнскаго союза; Наполеонъ располагалъ силами и средствами 72.000.000 душъ. Австрія сохранила 20 милліоновъ. Изъ всѣхъ державъ европейскаго материка, одна лишь Россія, по массѣ своего народонаселенія, и еще болѣе по своему географическому положенію, могла бороться съ Наполеономъ; Государи и народы, угнетенные завоевателемъ, надѣялись найти въ ней опору при будущихъ усиліяхъ своихъ; къ ней одной, къ ея Монарху взывали о помощи — и германскіе владѣтели, и великодушные защитники Тироля, оставленные собственнымъ правительствомъ на произволъ побѣдителя, и даже братъ Наполеона, одинъ изъ вѣнчанныхъ рабовъ его, Король Голландскій Людовикъ искалъ покровительства Россіи отъ притѣсненій французскаго правительства ([1]).

Наполеонъ, распространивъ свое вліяніе до самой Вислы, незаблуждался однакоже на счетъ своего настоящаго положенія; отъ него не укрылись угрожавшія ему опасности: онъ вполнѣ оцѣнилъ важность и народной войны въ Испаніи, и упорнаго сопротивленія въ 1809 году Австріи, и враждебныхъ ему тайныхъ обществъ образовавшихся въ Германіи. Огромныя средства, бывшія въ распоряженіи повелителя Франціи, казались ему недостаточны; онъ искалъ союзника, нашелъ его въ Императорѣ Александрѣ и не довѣрялъ ему. Быть-можетъ, еслибъ состоялся родственный союзъ съ россійскимъ царственнымъ домомъ, задуманный Наполеономъ, онъ ограничился-бы совершеннымъ порабощеніемъ Германіи и отказался-бы, по крайней мѣрѣ на время, отъ своихъ гигантскихъ плановъ: покоренія Россіи, завоеванія Константинополя и похода въ Индію. Но еще вѣроятнѣе, что и въ случаѣ кровной связи Наполеона съ Императоромъ Александромъ, не моглобы насытиться властолюбіе завоевателя. Вражда Наполеона къ Александру существовала и тогда, когда еще не было никакихъ тому поводовъ. Несомнѣннымъ свидѣтельствомъ непріязни Императора Французовъ къ Россіи служатъ мемуары о положеніи дѣлъ въ Европѣ, составленные, въ началѣ 1809 года, во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Въ одномъ изъ этихъ любопытныхъ документовъ, между прочимъ, находимъ:

....„Союзъ Франціи съ Россіей противенъ прямымъ выгодамъ тюильрискаго кабинета, потому что столь важное для него вліяніе на Швецію, Данію, Польшу и Турцію уничтожается преобладаніемъ, присвоеннымъ Русскими на Сѣверѣ и Востокѣ. И, кромѣ того, союзъ съ Россіею не можетъ намъ принести пользы по отношеніямъ ея къ Англіи и Австріи.

Конечно петербургскій кабинетъ можетъ стремиться временно (momentanément) къ ослабленію господства Англичанъ на моряхъ, но онъ никогда не захочетъ уничтоженія ихъ колоніальной и торговой системы, питающей Россію..... Большая часть русскихъ продуктовъ такого свойства, что они могутъ найти сбытъ только въ Англіи, либо по милости (sous le bon plaisir) Англичанъ. Подобное-же сближеніе между Россіею и Австріей существуетъ на Вислѣ и Дунаѣ, служащихъ проводниками русской торговли на материкѣ Европы. Напротивъ того, Франція связана съ Россіей только побочными выгодами: такой союзъ ненадеженъ, опасенъ для насъ и можетъ принести пользу одной лишь Россійской Имперіи". Въ заключеніи сказано, что „выгоды наполеоновой династіи требуютъ неразрывнаго присоединенія Испаніи, ослабленія Австріи и принятія всевозможныхъ мѣръ (tous les moyens directs ou indirects) къ тому, чтобы предупредить распространеніе Россіи и отодвинуть ея границы за Черное море" (?) ([2]).

Вслѣдъ за тѣмъ, по желанію Наполеона, *получить болѣе обстоятельныя соображенія на счетъ обѣихъ Галицій и Русской Польши*, былъ представленъ ему другой мемуаръ. Довѣріе, коимъ пользовался у Наполеона составитель мемуара Дюрокъ, не позволяетъ сомнѣваться, что въ поданномъ имъ мнѣніи были изложены собственныя идеи Императора Французовъ.

Упомянувъ о Тильзитскомъ трактатѣ и о конвенціи, заключенной въ Эрфуртѣ, Дюрокъ говоритъ, что всѣ послѣдствія сихъ договоровъ послужили въ пользу Россіи, которая немедленно пріобрѣла Финляндію. „За тѣмъ — по словамъ его — петербургскій кабинетъ получилъ еще важнѣйшую выгоду — располагать средствами всего того, что осталось отъ Монархіи Великаго Фридриха. Недавнее путешествіе

Короля и Королевы Прусскихъ въ Петербургъ, пріемъ тамъ имъ сдѣланный, политическія связи, во имя благодарности и дружбы, все это довершило зависимость Пруссіи отъ Россіи. Императоръ Александръ, въ Эрфуртѣ, достигнувъ удаленія отъ своей границы французскихъ войскъ, занимавшихъ прусскія области, получилъ возможность усилить армію дѣйствующую противъ Оттоманской Порты. Онъ господствуетъ въ Сербіи, не пославъ туда ни одного человѣка.... Уже сѣверная часть Турціи подъ властью Русскихъ (sous le canon des Russes); Греція подчинена ихъ политикѣ и связана съ ними единствомъ вѣры; владычество Французовъ въ Далмаціи ненадежно; еще шагъ, и — Италія въ опасности. Россійскій колоссъ подвигается къ югу, грозя исторгнуть у Франціи господство на Средиземномъ морѣ, столь важное для ея величія, столь необходимое для благосостоянія южныхъ областей ея; въ случаѣ потери его, оно можетъ быть возвращено только кровавою встрѣчею французскихъ легіоновъ съ опасными союзниками, на равнинахъ Адріанополя.

„И все это пріобрѣла Россія въ Эрфуртѣ цѣною согласія на возстановленіе порядка въ Испаніи и сомнительнымъ разрывомъ Русскихъ съ вѣнскимъ дворомъ.....

....„Въ настоящее время, петербургскій и лондонскій дворы, съ одинаковою злобою, возбуждаютъ Австрію противъ Франціи. Но одинъ изъ нихъ дѣйствуетъ открыто, даетъ субсидіи и вызываетъ явное вооруженіе, чтобы сдѣлать диверсію въ пользу Испанцевъ. Другой таитъ свои замыслы, и зная, что Австрія рано или поздно будетъ увлечена въ войну, медлитъ, въ надеждѣ, что съ наступленіемъ глубокой осени, болѣзни, труды, лишенія, измѣны и пагубный климатъ уничтожатъ 200 тысячъ Французовъ

въ Испаніи. Одни люди смѣняются другими; но система остается одна и таже. Основная идея этой системы заключается въ томъ, что Россія пользуется ошибками и ослабленіемъ всѣхъ прочихъ державъ для нашествій на Польшу, Швецію, Оттоманскую Порту и для господства въ Германіи. Какъ выгоды Франціи противоположны такой системѣ, то петербургскій кабинетъ принимаетъ живое участіе въ судьбѣ Пруссіи и сохраняетъ неразрывныя связи съ Австріею и Англіей.... И вотъ почему существованіе Польши столь важно и даже необходимо для преобладанія Франціи и для безопасности Европы (!). Постыдное равнодушіе, съ коимъ дозволили мы раздробить эту храбрую націю, повело къ паденію выродившейся династіи (d'une dynastie degénerée). Императоръ Наполеонъ рядомъ дивныхъ подвиговъ исправилъ эту важную ошибку прошлаго столѣтія. Онъ довершитъ свое твореніе и передастъ его своимъ преемникамъ. Но это наслѣдіе упрочится на незыблемыхъ основахъ только тогда, когда Бурбоны не будутъ имѣть пристанища въ Европѣ, когда австрійскій домъ потеряетъ всѣ свои владѣнія въ Германіи, и когда Россія лишится всякаго политическаго вліянія на страны, лежащія по сю сторону Двины и Днѣпра....

„Никто не дерзнетъ начертать плана дѣйствій для величайшаго изъ полководцевъ, но не подвержено сомнѣнію, что основаніемъ европейской политики должны быть разрушеніе Австріи и ослабленіе Россіи.... Когда Австрія будетъ подавлена, петербургскій дворъ приметъ правила сообразныя съ своимъ положеніемъ и ограничится такою долею вліянія и владычества, какую найдетъ приличнымъ предоставить ему Императоръ Французовъ“.

Представляя Императору Александру копію этого мемуара, князь Куракинъ писалъ:

....„Словомъ сказать, все, что сказано здѣсь, на счетъ средствъ къ расширенію и упроченію могущества Франціи, доказываетъ лучше, нежели самыя убѣдительныя разсужденія, какъ опасно было-бы для Россіи допустить паденіе австрійскаго дома"... (3).

Наполеонъ, побѣдивъ австрійскую армію на поляхъ Ваграма и при Цнаймѣ, и открывъ переговоры о мирѣ, пригласилъ Императора Александра принять въ нихъ участіе: Наполеонъ желалъ, ведя негоціацію совокупно съ Россіей, побудить тѣмъ Австрійцевъ къ большей уступчивости, и въ случаѣ возобновленія войны, пользоваться рѣшительнымъ содѣйствіемъ нашего правительства. Но Императоръ Александръ, разгадавъ виды своего союзника, извѣстилъ его, что, предоставляя ему вполнѣ соблюденіе выгодъ Россіи, не считаетъ нужнымъ имѣть собственнаго уполномоченнаго на совѣщаніяхъ о мирѣ съ Австріею. Наполеонъ, озлобленный противъ Россіи слабымъ содѣйствіемъ ему нашихъ войскъ въ войнѣ съ Австріей, выказывалъ свое недоброжелательство къ Императору Александру, нарушивъ многократно данныя въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ обѣщанія — не увеличивать герцогства варшавскаго. Уступка нашему правительству тарнопольской области могла имѣть важность только въ такомъ случаѣ, еслибы Россія получила Броды, гдѣ производилась довольно значительная торговля съ Турціей. Самое достоинство Россіи было оскорблено тѣмъ, что въ Шёнбрунскомъ трактатѣ не было упомянуто о ней на-равнѣ съ Франціей, а сказано только вскользь о возобновленіи нами дружественныхъ связей съ австрійскимъ правительствомъ. Наполеонъ, съ своей стороны, былъ недоволенъ 3-ею статьею Фридрихсгамскаго трак-

тата, на основаніи которой Россія обѣщала содѣйствовать всякому измѣненію континентальной системы въ пользу Швеціи ([4]).

Мы уже имѣли случай видѣть, что Императоръ Александръ, не смотря на невыгодныя послѣдствія Тильзитскаго мира — стѣсненіе заграничной русской торговли и упадокъ курса нашихъ государственныхъ бумагъ, избѣгалъ разрыва съ Наполеономъ. По заключеніи Шёнбрунскаго трактата, Александръ ограничился требованіемъ, чтобы Императоръ Французовъ формально обязался въ томъ, что Польша никогда не будетъ возстановлена. Въ такомъ смыслѣ составленная конвенція была подписана французскимъ посломъ въ Петербургѣ Коленкуромъ, 24 декабря 1809 года (5 генваря 1810 года) и получена въ Парижѣ въ половинѣ (въ концѣ) генваря. Наполеонъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи долго не давали отвѣта на предложеніе русскаго правительства — утвердить эту конвенцію, отмалчивались; наконецъ, уже черезъ четыре мѣсяца, 4 іюня н. ст. Коленкуръ получилъ изъ Парижа проектъ другой конвенціи, на основаніи которой Наполеонъ обязывался: „никогда не способствовать никакому предпріятію, клонящемуся къ возстановленію Польши“. Между тѣмъ, послѣдовало важное событіе: Наполеонъ, лишась надежды вступить въ родственный союзъ съ россійскимъ царствующимъ домомъ, соединился бракомъ съ дочерью Императора Франца. Императоръ Александръ, выведенный изъ затруднительнаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ сватовствомъ Наполеона, противнымъ его Августѣйшей родительницѣ и любимой сестрѣ, изъявилъ свое совершенное удовольствіе князю Куракину, который, несмотря на мучительные припадки подагры, присутствовалъ въ церкви при брачномъ торжествѣ

Императора Французовъ; тогда-же былъ посланъ въ Парижъ, для принесенія Наполеону поздравленія, отъ имени нашего Государя, одинъ изъ главныхъ русскихъ сановниковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, братъ русскаго посла въ Парижѣ, князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ. Наполеонъ, съ своей стороны, увѣрялъ нашего Государя, что фамильная связь съ домомъ Габсбурговъ нисколько не измѣнитъ дружественныхъ отношеній Франціи къ Россіи. Но всѣ поступки его обнаруживали недоброжелательство къ Императору Александру. Отказъ въ ратификаціи акта заключеннаго Коленкуромъ заставлялъ насъ подозрѣвать Наполеона въ намѣреніи способствовать, если не прямо, то косвенно, возстановленію Польши, и тѣмъ паче, что онъ требовалъ отъ нашего Государя формальнаго отказа на будущее время отъ присоединенія прочихъ польскихъ областей къ Россіи. Французское правительство безпрестанно дѣлало мелочныя придирки къ агентамъ русскихъ миссій: все это возбуждало взаимныя недоразумѣнія и подавало намъ поводъ недовѣрять Франціи. Князь Куракинъ, человѣкъ миролюбивый и сговорчивый, не переставалъ однакоже остерегать насъ на счетъ враждебныхъ замысловъ Наполеона. „Я вовсе не желалъ-бы видѣть разрывъ союза, подававшаго намъ основательныя надежды — писалъ онъ графу Румянцову. — Но военные успѣхи Французовъ, ослабленіе Австріи и родственная съ нею связь, всѣ эти обстоятельства значительно понизили цѣну нашего союза. Теперь уже не Рейнъ, а Висла — граница Франціи. Туда должны быть направлены всѣ наши оборонительныя средства. Не осталась-ли Россія единственною изъ всѣхъ державъ европейскаго материка, сохранившею и свою территорію, и свои силы? Развивая ихъ и заставя

страшиться себя, мы успѣемъ болѣе, нежели угожденіями, снискать пріязнь Франціи.... Будемъ ея друзьями, но не допустимъ обмануть себя“ (Je resume donc — soyons ses amis sans être sa dupe) (5).

Наполеонъ, съ своей стороны, также недовѣрялъ нашему правительству и неусыпно слѣдилъ за всѣмъ касавшимся къ Россіи. По его приказанію, министръ Шампаньи писалъ къ Куракину, будтобы въ Вѣнѣ образовалось сборище изъ Русскихъ и иностранцевъ состоявшихъ въ русской службѣ, объявляющихъ себя друзьями Англіи, заклятыхъ враговъ спокойствія и мира Европы. Въ числѣ этого сборища, по словамъ Шампаньи, былъ прежній посолъ Россіи въ Вѣнѣ, графъ Разумовскій (6).

Въ такихъ обстоятельствахъ, каждый случай, каждое событіе, подавали поводъ къ недоразумѣніямъ между с.-петербургскимъ и тюильрискимъ дворами. Когда, послѣ внезапной кончины принца августенбургскаго Карла Августа, шло дѣло объ избраніи, на мѣсто его, наслѣдника шведскаго престола, Король, любившій покойнаго принца, хотѣлъ назначить его брата; Наполеонъ, преобладавшій надъ ослабленною, безпомощною Швеціей, предложилъ избрать Короля Датскаго, по всей вѣроятности, желая образовать сильное Скандинавское государство на границѣ Россіи. Поручикъ баронъ Мёрнеръ, посланный въ Парижъ съ дупликатомъ депеши, въ коей было изъявлено желаніе Короля Шведскаго — имѣть наслѣдникомъ принца августенбургскаго, давно уже питалъ убѣжденіе, что для Швеціи было выгоднѣе вручить корону кому-либо изъ славныхъ сподвижниковъ Наполеона, французскихъ маршаловъ. Эта идея молодаго поручика осуществилась, благодаря стеченію многихъ обстоятельствъ. Бернадотъ, со времени дѣйствій его корпуса въ сѣверной Гер-

маніи, пріобрѣлъ общее расположеніе Шведовъ ласковымъ обхожденіемъ съ плѣнными шведскими офицерами. Во Франціи-же считали его республиканцемъ, не поддававшимся ни искательствамъ, ни угрозамъ Наполеона, который дѣйствительно не любилъ его. При всей незначительности своего общественнаго положенія, Мёрнеръ имѣлъ въ Парижѣ и Стокгольмѣ вліятельныхъ знакомыхъ, облегчившихъ успѣхъ задуманнаго имъ предпріятія. Многіе изъ членовъ шведскаго сейма, подавая голосъ въ пользу Бернадота, мнили угодить могущественному Императору Французовъ, который, напротивъ того, согласился на возвышеніе маршала только для того, чтобы удалить его отъ себя, и не настаивалъ на избраніи Короля Датскаго, остерегаясь возбудить противъ себя подозрѣнія Императора Александра ([7]). Напротивъ того, у насъ, недовѣряя Наполеону, полагали, что колебаніе его, согласиться на принятіе Бернадотомъ шведскаго наслѣдства, было притворно ([8]).

Наполеонъ, окончивъ со славою войну съ Австріею и породнившись съ древнею династіей Габсбурговъ, не находилъ предѣловъ своимъ властолюбивымъ замысламъ. По возвращеніи въ 1810 году изъ путешествія въ Голландію, онъ сказалъ: „Чрезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ.... Остается только Россія, но я подавлю ее.... Парижъ распространится до Сенъ-Клу.... Я строю ежегодно по пятнадцати кораблей; какъ только у меня ихъ будетъ полтораста, я буду господствовать и на морѣ". (Dans cinq ans je serai le maitre du monde; il ne reste que la Russie, mais je l'écraserai.... Paris viendra jusqu'à St. Cloud. Je batis quinze vaisseaux par an; je n'en mettrai pas un à la mer jusqu'à ce que j'en aie cent cinquante; j'y serai le maitre comme sur la terre) ([9]). „Еще три

года и я буду владыкою свѣта“ (encore trois ans et je serai le maître de l'Univers) сказалъ онъ тогда-же графу Вреде ([10]). Не смотря на предостереженія Судьбы — потерю сраженія при Асцернѣ и геройскую борьбу съ Французами Испанцевъ и Тирольцевъ, Наполеонъ, ослѣпленный лестью, считалъ себя выше человѣчества ([11]). Одаренный способностью быстраго соображенія, онъ весьма часто не обсуживалъ важнѣйшихъ предметовъ съ надлежащею внимательностью; его воображеніе, увлекаясь за предѣлы возможнаго, вводило въ ошибки его обширный разумъ, а холодные, себялюбивые разсчеты ума нерѣдко заглушали голосъ сердца и не дозволяли развиться въ немъ порывамъ великодушія и добродѣтели. Не довѣряя вполнѣ никому, и даже друзьямъ своимъ, презирая людей вообще, не вѣря въ добро, онъ искалъ одной славы и не заботился ни о выборѣ средствъ къ ея достиженію, ни о гибельныхъ послѣдствіяхъ своихъ успѣховъ. Никто не отрицалъ въ немъ геніяльности, но напрасно льстецы называли его Великимъ, потому что въ основаніи истиннаго величія должны лежать дѣла добра, а не безплодные подвиги. Въ 1810 году, когда могущество его достигало высшей степени, все преклонялось предъ нимъ въ боязливомъ молчаніи. На его большихъ выходахъ, гдѣ собирались Короли, принцы, высшіе сановники, военные люди и знаменитые ученые, господствовала гробовая тишина. Каждое слово его, жадно ловимое и быстро передаваемое иностранными агентами во всѣ страны Европы, возбуждало толки, надежды, опасенія. Наполеонъ, на придворныхъ выходахъ, въ мундирѣ со звѣздою Почетнаго Легіона, со шляпою подъ мышкою, порывисто переходилъ отъ одного лица къ другому, то даря привѣтомъ, то оледеняя явнымъ презрѣніемъ. Его взоръ.

постоянно задумчивый, мрачный, опущенный внизъ, по временамъ обращался къ кому-либо изъ присутствующихъ и какъ будто пронизывалъ его мысли. При улыбкѣ, скользившей на устахъ завоевателя, глаза оставались неподвижны, либо черты лица его принимали какое-то страшное выраженіе смѣха подавленнаго суровостью. Его рѣчь была коротка, отрывиста, и даже ласковое слово его отзывалось обычною угрюмостью и казалось гнѣвнымъ ([12]).

Въ 1810 году, Наполеонъ, господствуя самовластно во Франціи и обладая силами половины всей Европы ([13]), распоряжалъ произвольно судьбою своихъ вассаловъ. Дѣло началось съ одного изъ наполеоновыхъ братьевъ, Людовика. Получивъ отъ щедротъ Императора Французовъ Голландію, Людовикъ заботился о благѣ своихъ подданныхъ и не обращалъ вниманія на требованія — такъ называемой — высшей политики Великой Имперіи (de la haute politique du Grand Empire). Главнымъ поводомъ къ неудовольствію Наполеона на его брата было допущеніе въ голландскія гавани американскихъ кораблей, нагруженныхъ англійскими товарами. Сначала Наполеонъ запретилъ Голландцамъ всякія торговыя сношенія со всѣми ихъ сосѣдями, что̀, при войнѣ съ Англіею, поставляло Голландію въ безвыходное положеніе; но потомъ убѣдясь, что отъ Короля Людовика нельзя было ожидать, ни содѣйствія морскими силами, ни строгаго исполненія континентальной системы, рѣшился присоединить Голландію къ Французской Имперіи. Король Людовикъ, приведенный въ отчаяніе, обращался къ покровительству могущественнаго союзника Франціи, Императора Александра, и даже имѣлъ намѣреніе затопить Голландію, открывъ шлюзы плотинъ ограждающихъ сію страну, и призвать себѣ въ помощь смертельныхъ враговъ своего брата,

Англичанъ. Съ большимъ лишь трудомъ согласился онъ уступить требованіямъ Наполеона, который, отказавшись на-время отъ завладѣнія Голландіей, присоединилъ къ Франціи только Сѣверный Брабантъ, Зеландію и часть Гельдріи, но за то сильно занялъ прочія области своего брата французскими войсками и таможенною стражею. Въ такомъ положеніи, Королю Людовику не оставалось ничего болѣе, какъ сложить съ себя корону, что̀ онъ и сдѣлалъ, отказавшись отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына, 2-го іюля н. ст. 1810 года, но Наполеонъ, еще до полученія о томъ извѣстія, рѣшилъ судьбу Голландіи, присоединивъ ее къ Французской Имперіи ([14]).

Въ ноябрѣ того-же года, были также присоединены къ Франціи владѣнія Валезской республики (Valais), а 1 (13) декабря Ганзеатическіе города и все прибрежье Нѣмецкаго моря до Эльбы, пространствомъ болѣе 600 квадратныхъ миль съ 1,173,000 жителей. Князь Куракинъ, узнавъ о томъ, еще за два дня до обнародованія декрета, немедленно сообщилъ герцогу Кадорскому (Шампаньи), что „хотя союзныя и дружественныя отношенія, существующія между Россіею и Франціей, заставляютъ предполагать, что Е. В. Императоръ Наполеонъ вошелъ въ соглашеніе съ моимъ Августѣйшимъ Государемъ на счетъ присоединенія къ Франціи Ганзеатическихъ городовъ, однакоже это событіе имѣетъ такое важное вліяніе на коммерческія выгоды Россіи, что считаю долгомъ довести о томъ наипоспѣшнѣе до свѣдѣнія Его Величества Императора Александра“ ([15]).

Въ числѣ владѣтелей, потерпѣвшихъ отъ декрета 1 (13) декабря, находился и дядя Россійскаго Монарха, герцогъ Ольденбургскій, коего страна, обхваченная новыми пріобрѣтеніями Наполеона, не могла

остаться отъ него независимою. Наполеонъ, по видимому, изъ уваженія къ Императору Александру, извѣстилъ герцога, что совершенно предоставляетъ на его волю — сохранить свои владѣнія, либо, въ замѣну ихъ, получить другія, но что, въ первомъ случаѣ, онъ подвергнется нѣкоторымъ неудобствамъ, именно прохожденію французскихъ войскъ чрезъ земли герцогства и учрежденію въ нихъ французскихъ таможень ([16]). Чтобы дать понятіе объ участи, угрожавшей герцогу, въ случаѣ сохраненія имъ своихъ владѣній, достаточно сказать, что, по свидѣтельству повѣреннаго въ его дѣлахъ при тюильрискомъ дворѣ, г. Мальцана, содержаніе трехъ тысячъ человѣкъ французскаго войска, стоявшихъ въ герцогствѣ, стоило ему ежедневно 10,000 франковъ, или болѣе нежели втрое всего получаемаго имъ дохода ([17]). Несмотря однакоже на то, герцогъ, дорожа привязанностью жителей страны, принадлежавшей его предкамъ почти тысячу лѣтъ, предпочелъ сохранить свои прежнія владѣнія, о чемъ, сообщивъ французскому правительству, извѣстилъ въ тоже время Императора Александра, какъ главу голштейнскаго дома.

Но едва лишь Государь успѣлъ получить письмо герцога, какъ дѣло приняло крутой оборотъ: французскіе чиновники, прибывшіе въ ольденбургскія владѣнія, объявили, что имъ велѣно опечатать всѣ казенныя суммы и образовать управленіе герцогства, какъ области уже присоединенной къ Франціи. Императоръ Александръ, показавъ видъ, что такіе произвольные поступки произошли отъ недоразумѣнія французскихъ коммисаровъ, на счетъ данныхъ имъ предписаній, приказалъ князю Куракину поставить на видъ герцогу Кадорскому: во 1-хъ, что, по 12-й статьѣ Тильзитскаго трактата, герцогу было обезпечено владѣніе принадлежавшею ему страною,

и во 2-хъ, что герцогство обязано своимъ существованіемъ Россіи, и въ случаѣ пресѣченія господствующаго въ немъ дома должно быть возвращено Россійской Имперіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было сообщить, что ежели, сверхъ всякаго чаянія, герцогъ будетъ лишенъ своихъ владѣній, то Императоръ найдется вынужденнымъ сдѣлать формальный протестъ, для огражденія правъ, какъ своего дяди, такъ и своихъ собственныхъ ([18]).

На эти представленія, лично изложенныя княземъ Куракинымъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, Шампаньи не далъ удовлетворительнаго отвѣта, говоря, что онъ еще не получилъ на то разрѣшенія отъ Императора Наполеона, либо стараясь отклонить домогательства нашего правительства. По словамъ его: „Наполеонъ, предлагая герцогу сохранить его владѣнія, не ожидалъ, чтобы онъ согласился остаться въ Ольденбургѣ, гдѣ уже не могъ пользоваться правами владѣтельнаго князя, а сдѣлался-бы подданнымъ Франціи. И по тому Императоръ Наполеонъ, побуждаемый чувствами уваженія къ Россійскому Монарху желаетъ щедро вознаградить герцога. Правда, что предлагаемый въ замѣнъ Ольденбурга Эрфуртъ составляетъ, по своему пространству, только пятую часть прежнихъ владѣній герцога, что число жителей его менѣе, но за то почва его плодороднѣе, жители богаче ольденбургскихъ, а доходы обоихъ владѣній почти одинаковы. Въ Эрфуртѣ нѣтъ дворца, но, сколько мнѣ помнится, есть большой домъ, въ которомъ, на первое время, можно помѣститься. Императоръ Наполеонъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы вознаградить герцога; онъ не поцеремонился ни съ герцогомъ аремберіскимъ, ни съ принцами сальмскими, которыхъ владѣнія присоединены къ Имперіи, да и сами они сдѣлались

французскими подданными, сохранивъ только княжескіе титулы. Ежели Императоръ поступилъ иначе съ герцогомъ ольденбургскимъ, то единственно изъ уваженія къ вашему Государю".

На замѣчаніе князя Куракина, что „Ольденбургъ уже почти тысячу лѣтъ принадлежитъ дому, нынѣ царствующему въ Россіи", Шампаньи отвѣчалъ, что „за тысячу лѣтъ предъ симъ, Карлъ Великій владѣлъ Гамбургомъ и всею окрестною страною". — „Должно — прибавилъ онъ — покоряться неизбѣжной силѣ обстоятельствъ. Небольшія государства не могутъ сохранить своей самобытности, коль скоро она несогласна съ выгодами великихъ державъ", и проч. ([19]). Такія сужденія совершенно согласовались съ обычною политикою тогдашняго французскаго правительства, которое громогласно объявляло, что „присоединеніе ганзеатическихъ городовъ, Лауэнбурга и прибрежья отъ Эмса до Эльбы было необходимо, сообразно обстоятельствамъ" (la réunion des villes hanséatiques etc. est commandée par les circonstances) ([20]).

Императоръ Александръ, твердо рѣшась отстаивать права своего дома и достоинство Имперіи, повелѣлъ князю Куракину вручить французскому министру иностранныхъ дѣлъ декларацію, заключавшую въ себѣ формальный протестъ противъ нарушенія существующихъ трактатовъ. Герцогъ Кадорскій долго уговаривалъ князя Куракина взять назадъ протестъ, говоря, что „Императоръ Наполеонъ находилъ его несообразнымъ съ чувствами дружбы, питаемыми имъ къ нашему Государю, и немогущимъ послужить ни къ чему, кромѣ подтвержденія слуховъ о близкомъ разрывѣ Россіи съ Франціей". Когда-же всѣ убѣжденія французскаго министра были отвергнуты княземъ Куракинымъ, Шампаньи пріо-

ѣхалъ къ нему и, положивъ передъ нимъ на столъ пакетъ съ декларацiей, повторилъ свои прежнiе доводы о несвоевременности протеста ([21]).

Императоръ Александръ, изъявивъ неудовольствiе свое князю Куракину, за то, что онъ не передалъ протестъ французскому министру ([22]), приказалъ отправить ко всѣмъ нашимъ резидентамъ, для сообщенiя дворамъ, при которыхъ они находились, слѣдующую ноту:

„Его Императорское Величество съ удивленiемъ узналъ, что его союзникъ, Императоръ Французовъ, Король Италiйскiй, опредѣливъ постановленiемъ сената границы своего государства, включилъ въ объемъ Францiи герцогство ольденбургское. Его Величество поставилъ на видъ Императору, союзнику своему, точно также, какъ нынѣ поставляетъ на видъ всей Европѣ, что, по Тильзитскому договору, упрочено было спокойное владѣнiе герцогствомъ законному своему государю.

„Его Величество напомнилъ Императору Наполеону и напоминаетъ всѣмъ державамъ, что, по договорамъ 1767 и 1773 годовъ, Россiя уступила Королю Датскому всѣ свои владѣнiя въ Голштинiи и получила въ замѣнъ ихъ графства Ольденбургъ и Дельменгорстъ, которыя, по извѣстнымъ договорамъ, въ коихъ необходимо долженствовали принять участiе многiя державы, возведены были въ владѣтельное герцогство, въ пользу младшаго колѣна того-же самаго голштейнъ-готторпскаго дома, къ которому принадлежитъ Его Императорское Величество.

„Императоръ полагаетъ, что это государство, обязанное бытiемъ своимъ великодушiю его Имперiи, не можетъ быть уничтожено безъ нарушенiя справедливости и правъ его, и по тому находитъ себя вынужденнымъ оградить, отъ имени своего и

наслѣдниковъ своего престола, всѣ права и обязательства, установленныя помянутыми договорами.

„Какую важность моглибъ имѣть союзы, еслибы договоры, служащіе имъ основаніемъ, не сохранялибы своей силы? Но, чтобы не подать повода къ какому-либо недоразумѣнію, Его Величество объявляетъ, что союзъ его съ Императоромъ Французовъ былъ слѣдствіемъ важныхъ политическихъ интересовъ, которые остаются неизмѣнны, и что, по тому, предполагая блюсти за сохраненіемъ сего союза, онъ ожидаетъ взаимнаго попеченія отъ Государя, на дружбу коего имѣетъ право. Эта общность выгодъ обѣихъ Имперій, входившая въ соображенія Петра Великаго и встрѣчавшая тогда и впослѣдствіи много препятствій, уже много принесла пользы и Россіи, и Франціи. По этому необходимо соблюдать союзъ сихъ державъ и Его Величество посвятитъ тому всѣ свои попеченія“ (23).

При всей умѣренности выраженій протеста, Наполеонъ, привыкшій къ безусловной покорности Государей, былъ весьма недоволенъ русскою нотою. Раболѣпство къ нему простиралось до того, что наши резиденты съ большимъ лишь трудомъ могли вручить протестъ дворамъ, при коихъ находились.

А, между тѣмъ, насильственные захваты Наполеона угрожали его сосѣдямъ новыми хищеніями. Безпрестанно домогаясь окончательной уплаты суммъ, должныхъ ему прусскимъ правительствомъ (24), онъ не выводилъ своихъ войскъ изъ крѣпостей на Одерѣ и старался пріобрѣсть, въ замѣну остальной контрибуціи, Силезію, или, по крайней мѣрѣ, часть этой страны: такимъ образомъ, стремясь утвердиться на Одерѣ и располагая самовластно силами варшавскаго герцогства, онъ становился въ грозномъ положеніи къ Россіи (25).

Континентальная система, чудовищное произведеніе наполеонова самовластья, подавала поводъ къ безпрестаннымъ столкновеніямъ Франціи съ прочими державами. Какъ открытая, честная морская торговля была запрещена во всѣхъ странахъ, не только подвластныхъ, но и союзныхъ Наполеону, то контрабанда развилась въ огромномъ размѣрѣ. Англичане устроили на островѣ Гелиголандѣ, противъ устья Эльбы, склады колоніальныхъ товаровъ, на триста или четыреста милліоновъ франковъ (около ста милліоновъ рублей сер.). Къ нижней части острова приставали суда, а верхняя, съ которою служили сообщеніемъ деревянныя лѣстницы, была укрѣплена и занята гарнизономъ въ 600 человѣкъ, съ многочисленною артиллеріей; нѣсколько военныхъ судовъ крейсеровали кругомъ острова. Оттуда контрабандисты перевозили товары на берега сѣверной Германіи и Голландіи и, съ содѣйствіемъ туземныхъ жителей, обезоруживали, либо истребляли французскую таможенную стражу. Независимо отъ того, запрещенная торговля явно производилась на всемъ европейскомъ материкѣ, подъ неутральнымъ флагомъ, американскими и греческими судами. Наполеонъ, видя несостоятельность континентальной системы, запретилъ впускъ американскихъ судовъ во всѣ подвластныя ему гавани и домогался того-же отъ своихъ союзниковъ ([26]): мекленбургскіе порты были заняты французскими войсками и таможенною стражею; огромное количество товаровъ захвачено по всему прибрежью Нѣмецкаго моря; Пруссія принуждена заградить входъ неутральнымъ судамъ въ свои гавани; новый французскій тарифъ, на основаніи котораго взимались непомѣрныя пошлины съ иностранныхъ товаровъ, введенъ во всѣхъ владѣніяхъ Рейнскаго Союза и въ Швейцаріи. Наполеонъ также требо-

валъ строжайшаго соблюденія континентальной системы отъ Даніи, Швеціи и Россіи. Копенгагенскій дворъ враждовалъ Англіи, но не хотѣлъ лишиться выгодъ, которыя приносила ему торговля колоніальными товарами на голштинской границѣ; Швеція не могла отказаться отъ торговыхъ сношеній съ Англіей, которая одна лишь могла доставить ей соль и прочіе необходимые для нея продукты; наконецъ, Россія, точнымъ исполненіемъ условій принятыхъ въ Тильзитѣ, была приведена въ крайнее положеніе: въ продолженіи трехъ лѣтъ, мы были лишены возможности отпускать за границу моремъ наши громоздкія произведенія и пріобрѣтали колоніальные и мануфактурные товары дорогою цѣною, на звонкую монету, слѣдствіемъ чего былъ упадокъ курса. За ассигнаціонный рубль, ходившій въ 1807 году по 67-ми копѣекъ серебромъ, давали въ 1810 году только по 25-ти копѣекъ. Чтобы дать понятіе о тогдашней дороговизнѣ колоніальныхъ товаровъ, достаточно сказать, что за пудъ сахара платили по 80-ти и даже до ста рублей ассигнаціями, что̀ составляло на серебро отъ 20-ти до 25-ти рублей. Такимъ образомъ, въ угоду Наполеона, вредя Англичанамъ, мы не менѣе вредили самимъ себѣ. Подобное строгое соблюденіе континентальной системы было тѣмъ болѣе неумѣстно у насъ, что самъ Наполеонъ несоблюдалъ ее въ точности. Тріанонскимъ тарифомъ 5-го августа и послѣдующими декретами, 12 сентября и 19 октября н. ст. 1810 года, была разрѣшена продажа такъ называемыхъ *исключительныхъ дозволеній* (licences) на ввозъ во Францію колоніальныхъ товаровъ, съ уплатою таможенной пошлины въ 40 и 50 процентовъ ихъ цѣнности, и съ условіемъ вывоза на одну съ ними цѣну французскихъ мануфактурныхъ произведеній, въ числѣ коихъ не менѣе трети

шелковыхъ издѣлій. Такимъ образомъ негоціантъ, пріобрѣтавшій *дозволеніе*, вносилъ за него: 1) нѣкоторую плату, количество коей измѣнялось сообразно случайности или ловкости лица, получавшаго разрѣшеніе; 2) таможенныя пошлины, по тріанонскому тарифу, за ввозъ товаровъ, и 3) опредѣленную, по общему положенію, пошлину, за вывозъ французскихъ фабричныхъ продуктовъ. Какъ на товарахъ, вывозимыхъ изъ Франціи, нельзя было выиграть ничего, потому что ввозъ ихъ въ Англію былъ весьма затруднителенъ, то спекуляторы, промышлявшіе *дозволеніями*, отдавали французскія издѣлія контрабандистамъ почти даромъ, либо даже бросали ихъ въ море. Очевидно, что колоніальные товары продавались такою цѣною, какая могла покрыть огромную пошлину за нихъ внесенную и потерю фабричныхъ издѣлій купленныхъ во Франціи. Для избѣжанія этой потери, было необходимо прибѣгать къ различнымъ уловкамъ: вывозить плохія издѣлія французскихъ фабрикъ, составлять фальшивыя вѣдомости мнимыхъ статей вывоза и производить контрабандную торговлю. Наполеонъ старался предупредить эти злоупотребленія строгими мѣрами, но самая продажа исключительныхъ дозволеній способствовала развитію въ огромномъ размѣрѣ контрабанды и лихоимства. Къ тому-же цѣль континентальной системы, уничтоженіе торговли и могущества Англіи, не была достигнута, потому что Англичане, потерявъ на-время сообщеніе съ европейскимъ материкомъ, пріобрѣли монополію морской торговли во всѣхъ прочихъ частяхъ свѣта. Введеніе континентальной системы возбудило общее неудовольствіе во всѣхъ странахъ, какъ подвластныхъ, такъ и союзныхъ Наполеону. Императоръ Александръ, по заключеніи въ Тильзитѣ союза съ Франціей, принялъ

эту систему, какъ мѣру враждебную Англіи, но не отказался отъ торговли съ неутральными державами: американскія суда имѣли свободный доступъ въ наши гавани, между тѣмъ какъ англійскія, покушавшіяся торговать подъ неутральнымъ флагомъ, были конфискуемы. Послѣдствіями такихъ мѣръ были: почти совершенное прекращеніе вывоза русскихъ сырыхъ продуктовъ; невыгодное состояніе баланса торговли и упадокъ нашего вексельнаго курса. Но всѣ эти жертвы, принесенныя въ угоду Наполеону, казались ему недостаточными; онъ хотѣлъ, чтобы изобрѣтенная имъ континентальная система и тріанонскій тарифъ соблюдались въ союзныхъ ему странахъ строже, нежели въ самой Франціи. Италія, Германія, Швейцарія, Голландія и Данія безпрекословно исполнили его волю. Швеція, немогшая существовать безъ морской торговли, производила ее тайно и подверглась неудовольствію властителя Франціи. Наполеонъ домогался, чтобы русское правительство недопускало неутральныхъ судовъ въ свои гавани, утверждая, будтобы настоящихъ неутральныхъ судовъ не было, и что всѣ они производили торгъ англійскими товарами. Императоръ Александръ повелѣлъ отвѣчать на это неумѣстное требованіе, что онъ намѣренъ ненарушимо сохранять союзъ съ Франціей и наносить всевозможный вредъ непріятелямъ обѣихъ державъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ на видъ французскому правительству, что тарифы и прочія внутреннія постановленія не имѣютъ ничего общаго съ обязанностями международнаго союза и составляютъ дѣло частное, которымъ каждое государство распоряжается, обращая вниманіе исключительно на пользу своихъ подданныхъ. Далѣе — сказано было, что лучшимъ доказательствомъ строгости русскихъ таможенъ въ отношеніи контрабандной тор-

говли служитъ конфискація 96-ти англійскихъ кораблей (27). Когда-же Наполеонъ, въ разговорѣ съ флигель-адъютантомъ Чернышевымъ, настаивалъ на принятіе нами новыхъ торговыхъ постановленій введенныхъ во Франціи, Императоръ Александръ приказалъ написать князю Куракину, для сообщенія французскому правительству, слѣдующій отзывъ:

„Что касается до принятія торговыхъ уставовъ иностраннаго тарифа, безъ соображенія его съ источниками и развитіемъ народнаго богатства собственной страны, Его Величество не рѣшится на это никогда. Это было-бы нерадѣніемъ о благѣ своихъ подданныхъ, и ослабило-бы народную преданность, которою Государь дорожитъ и на которую имѣетъ право. Великая Держава, соблюдая и великія пользы, должна дѣйствовать самостоятельно, какъ въ предѣлахъ собственныхъ, такъ и въ сношеніяхъ тѣснѣйшей дружбы съ другими государствами" (28).

Точно также выразился Императоръ Александръ, въ разговорѣ съ Коленкуромъ. „Я буду стараться вредить Англичанамъ — сказалъ онъ — но не считаю себя обязаннымъ принять мѣры сверхъ условій трактата заключеннаго мною съ Императоромъ Наполеономъ. Каждый въ правѣ распоряжаться у себя сообразно съ собственною пользою" (29).

Наполеонъ, гордившійся безусловнымъ подчиненіемъ своей волѣ прочихъ Государей, изъявилъ обуявшее имъ негодованіе мѣлочными мѣрами противъ руской торговли, возвысивъ пошлины на поташъ, рыбій жиръ и другіе предметы, привозимые изъ Россіи. Князь Куракинъ сначала ходатайствовалъ о сбавкѣ пошлинъ на русскіе товары, но потомъ оставилъ это дѣло, полагая, что наше правительство могло съ выгодою воспользоваться случаемъ для возвышенія

пошлинъ на предметы роскоши, привозимые изъ Франціи ([30]).

Положеніе 19 (31) декабря 1810 года, о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ, подало Наполеону новый поводъ къ жалобамъ на недоброжелательство нашего правительства къ Франціи. Хотя въ этомъ постановленіи подтверждены были мѣры принятыя противъ Англичанъ, однакоже Наполеонъ считалъ тарифъ 19 декабря исключительно враждебнымъ торговлѣ съ Франціей. И дѣйствительно, въ числѣ запрещенныхъ товаровъ были: шелковыя матеріи, ленты, сукна, полотна, батисты, кружева, бронзовыя и фарфоровыя вещи; виноградныя вина обложены пошлиною 80-ти рублей съ оксофта, а ввозъ иностранныхъ водокъ запрещенъ совершенно. Напротивъ того, уменьшены пошлины съ колоніальныхъ товаровъ. При составленіи новаго тарифа, имѣли цѣлью уменьшить вывозъ звонкой монеты во Францію, за предметы роскоши, въ замѣнъ которыхъ мы не могли отпускать сухимъ путемъ русскихъ громоздкихъ произведеній, и вообще мы имѣли въ виду: *покупать менѣе и продавать болѣе нежели прежде*. Князь Куракинъ, въ разговорѣ съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сознавался, что „послѣдствіемъ нашего новаго тарифа будетъ уменьшеніе ввоза французскихъ товаровъ въ Россію", но замѣтилъ, что „такое ограниченіе къ намъ ввоза касалось не одной лишь Франціи, но и всей Германіи, съ которою мы также находимся въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ". Когда-же Шампаньи сказалъ, что „Императору Наполеону не было предварительно сообщено о намѣреніи русскаго правительства — ввести новый тарифъ", князь Куракинъ отвѣчалъ, что „нашъ Государь не считалъ нужнымъ извѣщать Императора Наполеона о мѣрахъ, касаю-

щихся ко внутреннему устройству своего государства, и къ тому-же — прибавилъ онъ — Императоръ Наполеонъ также не счелъ нужнымъ заранѣе увѣдомить Императора Александра о своемъ намѣреніи — присоединить къ Франціи ганзеатическіе города и прочія области сѣверной Германіи" ([31]).

Въ началѣ 1811 года, уже явно обнаруживалось враждебное расположеніе Наполеона къ Россіи. По мѣрѣ охлажденія къ Императору Александру, онъ выказывалъ благосклонность къ польскимъ выходцамъ проживавшимъ въ Парижѣ, старался привлечь на свою сторону Швецію, подавая шведскому правительству надежду возвращенія не только Финляндіи, но и остзейскихъ губерній, и манилъ Турокъ обѣщаніями содѣйствовать имъ въ отнятіи у Россіи Дунайскихъ Княжествъ, и даже Крыма. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пополнялъ свою армію новою конскрипціею, подъ предлогомъ (мнимаго) нерасположенія къ нему Россіи, посылалъ артиллерію и значительное число ружей въ герцогство варшавское, укрѣплялъ Данцигъ и усиливалъ гарнизонъ этой крѣпости. Съ нашей стороны укрѣпляли Ригу, приступили къ построенію новой крѣпости въ Бобруйскѣ ([32]); составлены изъ дивизій корпусы и изъ кавалерійскихъ полковъ особыя дивизіи ([33]); пѣхотнымъ полкамъ данъ новый составъ ([34]). Одна изъ дивизій стоявшихъ въ Финляндіи и пять дивизій Молдавской арміи были направлены къ западной границѣ. Многіе полагали, что еще въ 1811 году произойдетъ столкновеніе между вооруженными силами великихъ державъ сѣвера и запада. Но Императоръ Александръ тогда еще не окончилъ войны съ Турками и всячески старался избѣжать борьбы съ Наполеономъ, а Наполеонъ былъ озабоченъ нерѣшительною и дорого стоившею ему войною въ Испаніи. Оба могу-

чіе соперники, зная важность предстоявшей встрѣчи, медлили и продолжали вести между собою переговоры. Наполеонъ домогался совершеннаго прегражденія неутральнымъ судамъ входа въ наши гавани, отмѣны нашего новаго тарифа и согласія на вознагражденіе имъ предложенное герцогу ольденбургскому, а Императоръ Александръ желалъ, чтобы Наполеонъ утвердилъ конвенцію на счетъ Польши и совершенно удовлетворилъ его дядю за потерянныя имъ владѣнія. Съ этою цѣлью, въ началѣ 1811 года, былъ посланъ съ письмомъ Государя въ Парижъ флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ. Проѣздомъ чрезъ Стокгольмъ, гдѣ поручено было ему увѣрить шведское правительство „въ совершенномъ согласіи видовъ Россіи и Франціи", Чернышевъ слышалъ отъ Наслѣднаго принца (Бернадота), что Швеція, объявивъ, по желанію Наполеона, войну Англіи, была не въ силахъ вредить ей, и что правительство не могло исполнить требованія Франціи, на счетъ конфискаціи колоніальныхъ товаровъ находившихся въ странѣ, потому что подобныя мѣры были противны конституціи. Наполеонъ, узнавъ о томъ отъ Чернышева, сказалъ ему, что онъ предупреждалъ принца, какія непріятности ожидаютъ его, если ему неудастся отмѣнить конституцію; что не стоило труда управлять государствомъ со связанными руками, будучи рабомъ своенравнаго, буйнаго народа; что одна уже свобода печати была дѣломъ чудовищнымъ, совершенно противнымъ королевской власти. Когда Чернышевъ сталъ говорить о затруднительномъ положеніи Швеціи, гдѣ огромные магазины были завалены желѣзомъ, неимѣвшимъ сбыта, между тѣмъ какъ легко было предвидѣть недостатокъ въ соли, и въ особенности на соленье рыбы въ случаѣ успѣшнаго улова, Наполеонъ сказалъ: „дѣйстви-

тельно положеніе этого государства очень жалко, но какъ въ настоящее время бѣдствуютъ всѣ, то и оно должно терпѣть въ свою очередь", и прибавилъ почти шопотомъ: „ежели Англичане выдержатъ еще хотя сколько-нибудь, то не знаю, что̀ изъ этого выйдетъ". На увѣренія Чернышева, что Императоръ Александръ по прежнему расположенъ къ Франціи и намѣренъ держаться континентальной системы, Наполеонъ изъявилъ сомнѣніе. „Впрочемъ—сказалъ онъ — если Императоръ Александръ считаетъ эту систему противною выгодамъ своей страны, (что̀, можетъ быть, и правда), то я не приписываю тому большой важности и не стану за это воевать съ Русскими; скорѣе вамъ придетъ охота идти въ Парижъ, нежели мнѣ въ Петербургъ". Потомъ, когда зашла рѣчь о невыгодномъ положеніи нашихъ финансовъ, Наполеонъ сказалъ: „все затрудненіе происходитъ отъ того, что вашъ Государь ведетъ себя какъ рыцарь, уплачивая совѣстливо Австріи и Пруссіи всѣ военныя издержки; онъ никогда не поставилъ-бы себя въ такое положеніе, еслибы поступалъ, какъ я, разсчетливо (en homme de calcul); я никогда не терплю недостатка въ деньгахъ" (35).

Въ апрѣлѣ 1811 года, Чернышевъ опять былъ посланъ къ Наполеону съ собственноручнымъ письмомъ Императора Александра. Говоря съ Чернышевымъ о недоразумѣніяхъ между Россіею и Франціей, Наполеонъ сказалъ, что „всѣ они были не важны и что онъ незаботился бы о томъ, еслибы мы неиздали новаго тарифа, взволновавшаго всю Европу". Увѣряя, будтобы вооруженія въ герцогствѣ варшавскомъ были незначительны, онъ клялся всѣмъ, что̀ есть священнаго въ мірѣ, что онъ всего менѣе заботится о возстановленіи Польши (que le rétablissement de la Pologne était le cadet de ses soucis).

За тѣмъ, перейдя снова къ дѣламъ по торговлѣ, сталъ упрекать наше правительство въ томъ, что у насъ жгли запрещенные французскіе товары. Когда-же Чернышевъ отвѣчалъ, что это было введено у насъ еще при Императрицѣ Екатеринѣ, Наполеонъ съ жаромъ возразилъ: „позвольте мнѣ сказать вамъ, что въ то время Россія предписывала законы всей Европѣ (dictait la loi à toute l'Europe), и къ тому-же не считалась въ числѣ просвѣщенныхъ государствъ; въ настоящее-же время, сдѣлавшись европейскою націей, она не можетъ уклоняться отъ соблюденія вообще установленныхъ правилъ. Я жгу англійскіе товары потому, что веду съ Англіей непримиримую войну..... Въ отвѣтъ на сдѣланное мнѣ оскорбленіе, я приказалъ жечь въ своихъ гаваняхъ лѣсъ, поташъ, пеньку, желѣзо, вообще все, что приходитъ изъ Россіи: вотъ каковъ союзъ нашъ съ вами!“ За тѣмъ, прочитавъ письмо Императора Александра, Наполеонъ сталъ увѣрять, что напрасно у насъ подозрѣваютъ его въ враждебныхъ замыслахъ, и упрекалъ наше правительство въ передвиженіи нѣсколькихъ дивизій съ Дуная къ Днѣстру, что, по словамъ его, отнявъ у Россіи возможность окончить войну съ Турками, было невыгодно для самаго Императора Александра. „Сожалѣю о томъ — сказалъ онъ — не какъ Императоръ Французовъ, а какъ человѣкъ искренно ему преданный и невстрѣчавшій никого, кто соединялъ-бы въ себѣ доброту характера съ такимъ плѣнительнымъ обращеніемъ.....“ „Съ одной стороны—продолжалъ онъ—вы враждуете съ Англичанами и Турками, слѣдуя системѣ Франціи; съ другой — не рѣшась помириться съ Турками, вы угрожаете имъ по прежнему, и чрезъ то возбуждаете противъ себя Австрію, а выводя войска изъ Турціи, тревожите Францію..... Вы поставили себя въ не-

пріязненное положеніе со всѣми..... Даю честное слово, что если только вы не начнете со мною войны, я не начну ее въ продолженіи четырехъ лѣтъ (?). Выжиданіе—для меня чистый выигрышъ; я уже разсчиталъ все: война съ вами остановитъ развитіе моихъ морскихъ силъ, но шестисотъ милліоновъ моей казны станетъ на все; употребивъ въ семъ году 100 милліоновъ на чрезвычайные расходы, буду имѣть 300 тысячъ человѣкъ, не считая войскъ Рейнскаго Союза; на будущій годъ, издержавъ 50-ю милліонами болѣе, буду имѣть 600 тысячъ человѣкъ, а черезъ четыре года выставлю 800 или 900 тысячъ, и тогда — можетъ-ли Россія дѣйствовать противъ меня такими-же силами? Если вы не вѣрите мнѣ, я готовъ показать вамъ казну мою, а въ октябрѣ можете видѣть, сколько у меня будетъ войскъ, какъ только они придутъ изъ Италіи, Илиріи, Голландіи, и проч.“ Наконецъ, истощивъ все, что̀ только можно было привести для устрашенія Россіи могуществомъ Франціи, Наполеонъ прибавилъ, что, несмотря на все имъ сказанное, онъ искренно желаетъ мира, потому что не надѣется ничего выиграть войною съ нами, даже въ случаѣ успѣха. На замѣчаніе Наполеона, что пріѣздъ Чернышева и врученное имъ письмо Государя нисколько не подвинули дѣла впередъ, Чернышевъ отвѣчалъ, что, не зная намѣреній Императора Александра, онъ не можетъ о томъ ничего сказать, но что, въ отношеніи къ конвенціи, въ которую Императоръ Наполеонъ изъявилъ желаніе включить дѣла по Ольденбургу и Польшѣ, а равно новый торговый трактатъ между Россіею и Франціей, онъ слышалъ отзывъ графа Румянцова, по словамъ котораго: „слѣдовало только положить ольденбургскій и польскій вопросы въ одинъ мѣшокъ, и смѣшавъ ихъ вмѣстѣ, вытрясти, чтобы

утвердить самый искренній и прочный союзъ между Россіею и Франціей, на перекоръ Англичанамъ, и даже Нѣмцамъ". Но едва лишь Чернышевъ успѣлъ произнести эти слова, какъ Наполеонъ гнѣвно отвѣчалъ ему: „нѣтъ! Мы еще не дошли до такой крайности: отдать герцогство варшавское за Ольденбургъ — верхъ безумія! Что̀ подумали-бы Поляки, еслибы мы уступили хоть пядь ихъ земли тогда, когда Россія обращается къ намъ съ угрозами.... Мы не всѣ еще вымерли; знаю, что вы располагаете великими средствами, что ваши войска храбры, и я довольно давалъ сраженій, чтобы убѣдиться, отъ какой малости зависитъ успѣхъ ихъ, но если онъ будетъ на моей сторонѣ, то заставлю Россію раскаяться въ ея поступкахъ и она потеряетъ нетолько свои польскія области, но и Крымъ." Послѣ того, Наполеонъ, спросивъ у Чернышева: желаютъ-ли у насъ войны, сказалъ: „теперь — хотите-ли, чтобы я съ вами откровенно объяснился о всемъ этомъ: мнѣ говорятъ — Императоръ Александръ желаетъ мира; Императоръ Наполеонъ также желаетъ его; графъ Румянцовъ и Шампаньи раздѣляютъ наше желаніе; тѣмъ не менѣе я опасаюсь, что будемъ воевать." Наполеонъ снова изъявилъ свою готовность вознаградить герцога ольденбургскаго и подписать конвенцію о герцогствѣ варшавскомъ, лишь-бы въ ней не было ничего противнаго его чести, но, прежде всего, требовалъ, чтобы мы не жгли французскихъ товаровъ и, въ случаѣ согласія на то, предлагалъ одновременно съ обѣихъ сторонъ прекратить вооруженія.

Донося Государю о разговорѣ своемъ съ Наполеономъ, Чернышевъ изъявилъ мнѣніе, что намъ предстояло три различныхъ способа дѣйствій: во 1-хъ, заключить, на какихъ-бы то ни было условіяхъ, миръ съ Турками, и обративъ силы къ западу, вторгнуться

въ Германію, привлечь на свою сторону Пруссію и побудить къ возстанію всѣ народы, угнетенные Наполеономъ; во 2-хъ, воспользоваться готовностью Наполеона къ продолженію переговоровъ и стараться, чтобы онъ уступилъ Данцигъ съ округомъ, въ замѣнъ Ольденбурга, и очистилъ три прусскія крѣпости, занятыя французскими войсками, что̀ могло-бы служить ручательствомъ, въ отношеніи къ Польшѣ, и въ 3-хъ, продолжать переговоры, чтобы выиграть время, въ ожиданіи еще большаго ослабленія наполеоновыхъ силъ войною въ Испаніи *) ([36]).

Между тѣмъ неблагопріятный для Французовъ ходъ дѣлъ на Пиренейскомъ полуостровѣ заставилъ Наполеона выказать расположеніе къ миру съ Россіей и отправить генерала Лористона въ Петербургъ, на мѣсто Коленкура, котораго онъ давно уже былъ намѣренъ отозвать за то, что, по словамъ Наполеона, онъ „сдѣлался Русскимъ.“ Дѣйствительною-же причиною неудовольствія Наполеона было то, что Коленкуръ постоянно увѣрялъ его въ миролюбіи русскаго правительства, чему онъ не хотѣлъ вѣрить, уже рѣшась вести войну съ Императоромъ Александромъ. Незадолго передъ отозваніемъ Коленкура, Наполеонъ приказалъ написать ему, что „французское правительство никогда не было такъ наклонно къ миру, какъ въ настоящее время, и что армія не будетъ усилена.“ Получивъ эту депешу, Коленкуръ тотчасъ сообщилъ ее лично Императору Александру. Государь, имѣя неоспоримыя доказательства, что Наполеонъ дѣятельно готовился къ войнѣ, отвѣчалъ на увѣренія Коленкура: „это противно всѣмъ получен-

*) Императоръ Александръ, по поводу этихъ мыслей Чернышева, Собственноручно сдѣлалъ замѣчаніе: «Pourquoi n'ai-je pas beaucoup de ministres comme ce jeune homme?» (Почему у меня нѣтъ многихъ министровъ, подобныхъ этому молодому человѣку?).

нымъ мною свѣдѣніямъ, господинъ герцогъ, но ежели вы скажете мнѣ, что этому вѣрите, то и я измѣню свое убѣжденіе." Такое кроткое воззваніе къ честности благороднаго человѣка побѣдило скрытность дипломата: Коленкуръ всталъ, взялъ свою шляпу, поклонился почтительно Государю и ушелъ, не сказавъ ни слова ([37]). Въ другой разъ, получивъ изъ Парижа какую-то депешу, онъ проговорился одной изъ своихъ знакомыхъ: „бываютъ минуты, когда честный человѣкъ желаетъ смерти" (il y a des moments où un honnête homme voudrait être mort) ([38]).

Въ послѣднее время пребыванія Коленкура при нашемъ дворѣ, Императоръ Александръ, не видя большой надобности скрывать истину, а, можетъ быть, и желая выказать, что его нельзя было застать врасплохъ, сознался французскому посланнику, что онъ дѣйствительно готовится къ войнѣ. „Но я приступилъ къ тому не прежде, сказалъ Государь, какъ получивъ вѣрныя свѣдѣнія о приведеніи въ оборонительное состояніе Данцига, объ усиленіи Торна, о довершеніи укрѣпленій Модлина, объ увеличеніи арміи Даву и данцигскаго гарнизона; о приказаніи даннымъ Полякамъ и Саксонцамъ, быть готовыми къ выступленію. Получивъ всѣ эти свѣдѣнія, я повелѣлъ соорудить укрѣпленія, но не впереди, а позади границъ моей Имперіи, на Двинѣ и Днѣпрѣ: въ Ригѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ, Кіевѣ, то есть, почти въ такомъ-же разстояніи отъ Нѣмана, въ какомъ отъ Парижа — Страсбургъ. Ежели-бы вашему государю вздумалось укрѣпить Парижъ, могъ-ли-бы я на то жаловаться? Я не вывелъ изъ Финляндіи цѣлыхъ дивизій, а только возвратилъ въ дивизіи, расположенныя въ Литвѣ, полки дѣйствовавшіе противъ Шведовъ, — преобразовалъ гарнизонные баталіоны въ линейныя войска, — измѣнилъ организацію моихъ

депо, усилилъ гвардію, чтобы сдѣлать ее достойною сравненія съ наполеоновою. Наконецъ — я вывелъ пять дивизій изъ Турціи; вы сами тому причиною, помѣшавъ мнѣ пожать условленные плоды нашего союза, весьма скудные въ сравненіи съ вашими завоеваніями. Словомъ сказать, я не допущу напасть на себя врасплохъ. Мои генералы уступаютъ въ достоинствѣ вашимъ; я не могу равняться съ Наполеономъ ни въ искусствѣ командовать войсками, ни въ опытности, но у меня хороши солдаты, мои подданные мнѣ преданы, и мы всѣ готовы скорѣе погибнуть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволить, чтобы съ нами поступали какъ съ Голландцами и Гамбургцами. Но, даю вамъ честное слово, что первый выстрѣлъ будетъ не мой. Я допущу васъ перейти черезъ Нѣманъ. Повторяю вамъ — я не хочу войны и мой народъ не желаетъ ее; но ежели нападутъ на насъ, то постоимъ за себя“ (39).

Прибывшій на мѣсто Коленкура въ Петербургъ, 9-го мая 1811 года, генералъ Лористонъ уступалъ ему въ способностяхъ по дипломатической части и не успѣлъ пріобрѣсть въ такой степени благосклонность Императора Александра. На одномъ изъ разводовъ, когда Государь заговорилъ съ нимъ о какой-то эволюціи, онъ отвѣчалъ: „на эти пустяки у насъ во Франціи не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія“. На слѣдующемъ разводѣ, Государь не сказалъ ему ни слова (40).

Императоръ Александръ не скрылъ и отъ Лористона, что въ Россіи производились вооруженія, но прибавилъ, что единственною ихъ причиною были тѣ, которыми угрожалъ Наполеонъ. „Я вовсе не ищу войны и не начну ее, ежели вы меня къ тому не принудите — сказалъ онъ; даю вамъ слово, что не поступлю иначе. Американцы имѣютъ доступъ

въ мои гавани, потому что я не могу обойтиться совершенно безъ торговли, и что, по условіямъ Тильзитскаго договора, я обязанъ къ соблюденію, не берлинскаго и миланскаго декретовъ, а уставовъ, руководствующихъ въ сношеніяхъ съ нейтральными государствами; я держусь этихъ уставовъ точнѣе нежели Франція; что-же касается до приготовленій моихъ, то я готовъ отмѣнить ихъ, если только взаимно условимся прекратить вооруженія". Государь, прощаясь съ Коленкуромъ, просилъ его довести до свѣдѣнія Наполеона всю истину. „Повторите и вы, въ свою очередь, все, что̀ отъ меня слышали — сказалъ онъ Лористону. Но вамъ не повѣрятъ, какъ не вѣрили и вашему предмѣстнику. Скажутъ, что я обольстилъ, обманулъ васъ, и что вы изъ Француза сдѣлались Русскимъ."

И Лористонъ, точно также, какъ и Коленкуръ, доносилъ своему правительству, что Императоръ Александръ вовсе не желаетъ войны и ни въ какомъ случаѣ не будетъ ея зачинщикомъ. „Я могу видѣть и доносить только то, что̀ вижу — писалъ Лористонъ. — Я излагаю дѣло въ настоящемъ видѣ, и ежели мы не останемся довольны тѣми уступками, которыя возможны, то будемъ воевать, потому что сами искали войны и — сколько я имѣлъ случай замѣтить — война эта будетъ тяжкая".

Всѣ эти увѣренія не могли поколебать рѣшимости Наполеона, вести войну съ Россіею, и только убѣдили его въ томъ, что Русскіе не станутъ дѣйствовать наступательно, и что онъ можетъ отложить открытіе дѣйствій до слѣдующаго года ([41]).

Князь Куракинъ, отвѣчая на неоднократный вызовъ герцога Кадорскаго — объявить, какое именно вознагражденіе за Ольденбургъ желаетъ наше правительство, сообщилъ новому министру Марѐ, соб-

ственное свое предположеніе — отдать герцогу ольденбургскому часть варшавскаго герцогства, присоединивъ Эрфуртъ съ округомъ къ Саксоніи ([42]), но и эта попытка русскаго посланника не имѣла никакихъ послѣдствій.

Неизбѣжность войны между Россіею и Франціей была очевидна для всей Европы, ожидавшей въ томительномъ безпокойствіи столкновенія великихъ державъ. Наполеонъ, желая заранѣе отклонить отъ себя упрекъ въ предстоявшей войнѣ и выставить Императора Александра зачинщикомъ ея, воспользовался къ тому случаемъ и, въ день рожденія своего, 3 (15) августа, во время большаго съѣзда при тюильрискомъ дворѣ, обратился къ князю Куракину съ длинною рѣчью, преисполненною неудовольствія на наше правительство.

„Вотъ уже шесть мѣсяцевъ — сказалъ онъ — какъ мы ведемъ переговоры, а дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ; шесть мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я предложилъ вознаградить герцога ольденбургскаго. Позволяя производить контрабанду въ своемъ владѣніи, онъ нарушалъ явно свои обязанности ко мнѣ, протектору Рейнскаго союза; я могъ-бы, на основаніи стариннаго германскаго права, отнять у него владѣніе (le mettre au ban). Стоитъ-ли небольшое герцогство, приносящее полміліона франковъ дохода, того, чтобы изъ-за него ссорились великія державы, находившія столь много выгодъ въ дружественныхъ связяхъ между собою? Нѣсколько уже разъ я просилъ вашего Государя, чтобы онъ самъ назначилъ вознагражденіе за герцогство гдѣ-либо въ Германіи; не могу приписать его молчанія ничему, кромѣ видовъ на пріобрѣтеніе Данцига, или части герцогства варшавскаго; но я не уступлю ни шага земли принадлежащей владѣнію, которое обя-

зано мнѣ своимъ существованіемъ. Не смотря на всѣ ваши увѣренія, Россія стремится овладѣть имъ (elle veut l'engloutir), но я не дамъ въ Польшѣ ничего.... ничего.

„Я не хочу воевать съ вами — продолжалъ Наполеонъ — но вы сами вызываете меня. Къ чему ведетъ протестъ, посланный вашимъ правительствомъ всѣмъ дворамъ европейскимъ? Не постигаю вашей политики: Россія воюетъ съ Англіею, воюетъ съ Турціею и враждуетъ съ Франціею. Самъ Императоръ Александръ объявилъ графу Лористону, что вы готовитесь къ войнѣ, и объявилъ тогда, когда я и не помышлялъ о разрывѣ съ вами. Находясь въ сомнѣніи, я по неволѣ долженъ принять мѣры предосторожности. Я также ставлю армію на военную ногу; мнѣ это стоитъ уже сто милліоновъ, но я не прекращу своихъ приготовленій годъ, два, три, пока не рѣшу съ вами всѣхъ спорныхъ вопросовъ.

„Вы повредили себѣ самимъ, уменьшивъ дѣйствующую армію въ Турціи, и отнявъ, чрезъ то, у себя возможность заключить выгодный миръ съ Турками. Ослабивъ свою армію пятью дивизіями, выведенными изъ Валахіи, вы не могли не только дѣйствовать наступательно, но оборонять даже съ успѣхомъ длинную линію по Дунаю отъ Виддина до Чернаго моря. За чѣмъ вы очистили Рущукъ, занятіе котораго, въ видѣ мостоваго укрѣпленія, и маневрированіе на обѣихъ сторонахъ рѣки были единственными средствами къ оборонѣ Валахіи? Истинное искусство обороны состоитъ въ умѣньѣ переходить къ наступленію.

„Повторяю еще, что не хочу ни воевать съ вами, ни возстановлять Польшу. Но, въ случаѣ войны, если успѣхъ будетъ на моей сторонѣ, то первымъ слѣдствіемъ его будетъ самобытность Польши.

„Я призвалъ къ оружію конскриптовъ, усилилъ полки мои новыми баталіонами, увеличилъ данцигскій гарнизонъ. Въ ноябрѣ буду имѣть 200 тысячъ человѣкъ, кромѣ 80 тысячъ посланныхъ на укомплектованіе арміи въ Испанію; въ будущемъ году наберу 200 тысячъ конскриптовъ, не считая войскъ Рейнскаго союза и герцогства варшавскаго; черезъ два года, могу выставить противъ васъ 600 тысячъ. Вы надѣетесь на союзниковъ вашихъ..... гдѣ они? Не на Австрійцевъ-ли, съ которыми вели войну въ 1809 году и у коихъ взяли область при заключеніи мира?... Не на Шведовъ-ли, у которыхъ отняли Финляндію?... Не на Пруссію-ли, отъ которой отторгли часть владѣній, не смотря на то, что были съ нею въ союзѣ? Пора намъ кончить наши споры. Императоръ Александръ и графъ Румянцовъ будутъ отвѣчать предъ лицемъ свѣта за всѣ бѣдствія, могущія постигнуть Европу въ случаѣ войны..... Легко начать войну, но трудно опредѣлить, когда и чѣмъ она кончится..... Напишите вашему Императору о всемъ, что̀ отъ меня слышали. Я увѣренъ, что онъ обсудитъ, какъ слѣдуетъ, общее наше дѣло“ ([43]).

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе о неожиданной выходкѣ Наполеона, приказалъ канцлеру написать князю Куракину, что это не охладитъ дружественныхъ отношеній Россіи къ французскому правительству, которыя останутся неизмѣнными, но что Государь съ удивленіемъ и прискорбіемъ замѣтилъ выраженіе наполеоново: будтобы Онъ желаетъ пріобрѣсть Данцигъ, либо другую часть герцогства варшавскаго. Императоръ Александръ приказалъ объявить опредѣлительно, что онъ нисколько не думаетъ о присвоеніи какой-либо части герцогства, и что, не помышляя о распространеніи границъ своей Имперіи, заботится только объ ея

спокойствіи и благосостояніи. Далѣе было писано. что послѣдній рекрутскій наборъ, по 4 человѣка съ 500 душъ, имѣлъ цѣлью не увеличеніе арміи. а только пополненіе убыли ея въ войнахъ съ Турками и Персіянами и въ слѣдствіе повальныхъ болѣзней. Вмѣстѣ съ тѣмъ сообщено объ отправленіи обратно въ Англію нѣсколькихъ кораблей прибывшихъ въ Петербургъ съ селитрою, не смотря на то, что мы имѣли въ ней большую нужду (44).

Императоръ Александръ отклонилъ предложеніе берлинскаго двора, который, будучи озабоченъ вооруженіями своихъ сосѣдей, предлагалъ посредничество между Россіею и Франціей. По этому поводу, Государь повелѣлъ сообщить тюильрискому кабинету, что онъ не придаетъ важности недоразумѣніямъ съ французскимъ правительствомъ. и по тому отказался отъ посредничества Пруссіи (45). Наполеонъ, впослѣдствіи пользуясь откровеннымъ объясненіемъ Императора Александра, сказалъ прусскому посланнику генералу Круземарку. будтобы нашъ Государь отозвался насмѣшливо (avec dérision) о предложенномъ Пруссіей посредничествѣ. Императоръ Александръ также не принялъ посредничества Австріи, находя его несовмѣстнымъ съ дружескими отношеніями Россіи къ Франціи. Наполеонъ. говоря о томъ съ Круземаркомъ, сказалъ: „вообще кажется, что въ настоящее время Россія съ Австріей находятся въ весьма холодныхъ отношеніяхъ; по неволѣ подумаешь, что въ нашъ вѣкъ недовѣряютъ ближайшимъ друзьямъ своимъ“. (Il parait en général que dans ce moment-ci il regne beaucoup de froideur dans les relations de la Russie avec l'Autriche: on dirait que dans le siècle où nous vivons, le amis les plus naturels et les plus directs ne sauraient s'inspirer d'autres sentimens que ceux de la méfiance) (46).

Вражда къ Россіи, до времени скрываемая тюильрискимъ дворомъ, подала поводъ къ ссорѣ французскаго и русскаго резидентовъ въ Неаполѣ. Русскій посланникъ князь Сергій Николаевичъ Долгоруковъ, замѣтивъ, на первой дипломатической аудіенціи Короля Іоахима, что французскій и австрійскій резиденты хотѣли становиться выше его, не соблюдая очереди, (какъ было обычно принято между представителями императорскихъ дворовъ), счелъ долгомъ отстоять свое право. Въ 1-й день генваря н. ст. 1812 года, при входѣ въ залу, гдѣ надлежало приносить поздравленіе Королю съ Новымъ Годомъ, князь Долгоруковъ, ставшій правѣе всѣхъ прочихъ дипломатическихъ агентовъ, уже готовъ былъ переступить черезъ порогъ, когда находившійся лѣвѣе его, французскій посланникъ Дюранъ (baron de Durand) кинулся впередъ и толкнулъ его, сказавъ: „Ah! pour cela, ça ne sera pas". (Ну, ужъ этого не будетъ!). Князь Долгоруковъ однакоже успѣлъ удержать Француза и первымъ представился Королю, который, замѣтя шумъ, обратился къ обоимъ министрамъ съ словами: „Господа! Я не могу приписать этого ничему, кромѣ вашего желанія меня видѣть, остальное-же не касается меня", и потомъ заговорилъ объ изверженіяхъ Везувія. По выходѣ отъ Короля, Дюранъ сталъ доказывать, будтобы онъ имѣлъ право пользоваться преимуществами французскаго посла при дворѣ зятя наполеонова; но князь Долгоруковъ поставилъ ему на видъ, что при дворахъ находятся представители державъ, а не семейные агенты. Баронъ Дюранъ, сознавая слабость своихъ доводовъ, донесъ Королю, будтобы Долгоруковъ взялся за шпагу въ присутствіи Его Величества, и побудилъ слабаго Іоахима жаловаться нашему Государю на мнимую дерзость русскаго по-

сланника. Тогда-же Дюранъ и генералъ Эксельманъ вызвали на поединокъ князя Долгорукова, который имѣлъ намѣреніе выждать прибытіе на свое мѣсто другаго резидента, а потомъ выдти на дуэль по очереди съ обоими Французами. Но когда состоявшій при посольствѣ камеръ-юнкеръ Константинъ Христофоровичъ Бенкендорфъ, поссорясь съ Эксельманомъ, вызвалъ его на дуэль и противники положили рѣшить дѣло неотлагательно, князь Долгоруковъ счелъ должнымъ немедленно дать удовлетвореніе Дюрану. Слѣдствіемъ того была одновременная встрѣча Долгорукова и Бенкендора съ Дюраномъ и Эксельманомъ, въ 7 часовъ утра, въ Пуццоле, у храма Сераписа. Дрались на шпагахъ; секундантомъ Русскихъ былъ единственный нашъ туристъ, тогда находившійся въ Неаполѣ, баронъ Григорій Александровичъ Строгановъ; секундантомъ Французовъ баронъ Форбенъ (Forbin). Всѣ участвовавшіе въ обоихъ поединкахъ, будучи ранены, помирились между собою (47).

Нерасположеніе къ Наполеону и Французамъ въ Россіи, возникшее со временъ Аустерлица и Тильзита, проявлялось во всѣхъ народныхъ сословіяхъ. За исключеніемъ немногихъ галломановъ, воспитанныхъ иностранцами, вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, ненавидѣла Наполеона и радовалась его неудачамъ въ Испаніи. Вѣсти о несогласіяхъ нашего правительства съ Наполеономъ ходили въ образованномъ кругу, жадно ловились публикою, проникали въ массу народа и были встрѣчаемы съ такимъ-же восторгомъ, какъ извѣстія объ успѣхахъ русскаго оружія въ Турціи (48). Одни желали войны съ Франціей, надѣясь поквитаться за Аустерлицъ и Фридландъ; другіе, напуганные постоянными неудачами европейскихъ коалицій, видя большую часть

Европы подъ пятою Наполеона, отчаявались въ успѣхѣ, но всѣ одинаково стремились выдти изъ тягостнаго положенія, въ которое были поставлены почти совершеннымъ прекращеніемъ торговли, упадкомъ курса, дороговизною необходимѣйшихъ предметовъ, чрезвычайными налогами, усиленными наборами. Одни порицали Румянцова и самаго Императора Александра, упрекая ихъ въ пристрастіи къ Наполеону и Франціи. Другіе оправдывали правительство невозможностью противиться завоевателю, побѣждавшему всѣхъ враговъ своихъ. Ненавидя Наполеона, какъ виновника золъ постигшихъ Россію, приписывали ему всѣ невзгоды: винили его клевретовъ въ пожарахъ городовъ, въ распространеніи фальшивыхъ ассигнацій*). Появившаяся осенью 1811-го года огромная комета была, во мнѣніи многихъ, провозвѣстницею новыхъ неслыханныхъ бѣдствій. Опасаясь нашествія на Россію Наполеона, во главѣ покоренныхъ имъ народовъ, думали видѣть въ немъ духа тьмы Аполліона, гонителя церкви Христовой. Въ такихъ ожиданіяхъ русскій народъ встрѣтилъ роковой, вѣчно славный, 1812 годъ.

---

*) Это обвиненіе было не безъ основанія: одинъ изъ наиболѣе заслуживающихъ довѣріе современныхъ историковъ, Бернгарди пишетъ, что Наполеонъ заплатилъ Королю Саксонскому шесть милліоновъ талеровъ долга фальшивымч русскими ассигнаціями, которыя въ послѣдствіи были захвачены нашими войсками въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ. (Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. Zw. Aufl. I. 248.).

ГЛАВА XXX.

Водвореніе русскаго владычества въ Закавказьѣ и на Кавказѣ.

(1805 — 1812 г.).

Въ 1805 году, въ то самое время, когда Россія была принуждена обратить главную массу вооруженныхъ силъ на поддержаніе своихъ союзниковъ противъ Наполеона, открылись враждебныя намъ дѣйствія со стороны Персіи. Еще въ концѣ 1804 года, персидскій шахъ Баба-ханъ возбуждалъ жителей Грузіи и Дагестана къ вооруженію противъ Русскихъ. Пользуясь неудачею нашего покушенія на Эривань, онъ объявилъ, что страшно наказавъ „невѣрныхъ", онъ довершитъ ихъ пораженіе послѣ Навруза (магометанскаго новаго года), что силы его несмѣтны, и что звукъ трубъ его раздастся не только въ Грузіи, но въ Кизлярѣ и Астрахани (1). Эти хвастливыя воззванія, благодаря мѣрамъ предосторожности, принятымъ княземъ Циціановымъ, неимѣли успѣха. Шамхалъ тарковскій и ханы мусульманскихъ областей отвергли фирманы (граматы) шаха и выдали его посланцевъ Циціанову. Тѣмъ не менѣе, однакоже, Баба-ханъ неоставилъ своего намѣренія: весною 1805 года, получены были въ Тифлисѣ свѣдѣнія

о сборѣ значительной арміи въ Таврисѣ. Русскій главнокомандующій, располагая малочисленнымъ войскомъ, предполагалъ отвлечь Персіянъ диверсіей, и съ этою цѣлью хотѣлъ послать каспійскую флотилію съ дессантомъ къ Энзили и Решту, но прежде еще, нежели она успѣла отплыть, Персіяне выступили изъ Тегерана, въ двухъ сильныхъ колоннахъ: одна, подъ личнымъ начальствомъ шаха, двинулась къ Таврису, а другая, ведомая его сыномъ Аббасъ-мирзою, стала у Кара-дага, выславъ передовой отрядъ Пиръ-Кули-хана къ Худопиринскому мосту на Араксѣ, противъ карабахскаго ханства; тогда-же Персіяне заняли Эривань. Князь Циціановъ, имѣя для обороны всего Закавказья только 20.000 человѣкъ съ 30-ю орудіями, стянулъ небольшую часть войскъ къ Елисаветполю и Бомбаки и послалъ нѣсколько сотъ человѣкъ пѣхоты и 30 казаковъ съ тремя орудіями, подъ начальствомъ маіора Лисаневича, въ Шушу. Когда-же получено было извѣстіе о наступленіи Пиръ-кули-хана къ Араксу, главнокомандующій выслалъ въ помощь Лисаневичу полковника Карягина и маіора Котляревскаго, съ однимъ баталіономъ: всего-же въ Шушѣ было собрано до 900 человѣкъ; за тѣмъ, у Елисаветполя оставалось три некомплектныхъ баталіона, да въ Бомбаки Кавказскій гренадерскій и Саратовскій полки: съ этими войсками князь Циціановъ долженъ былъ удерживать непріятеля, имѣвшаго, по самымъ умѣреннымъ показаніямъ, до 70.000 человѣкъ.

Недостатокъ въ силахъ былъ блистательно вознагражденъ мужествомъ русскихъ войскъ и начальниковъ ихъ. 21 іюня (3 іюля) полковникъ Карягинъ, съ шестью стами человѣкъ пѣхоты при двухъ орудіяхъ, двинулся на встрѣчу Пиръ-кули-хану, имѣвшему три тысячи (а по другимъ свѣдѣніямъ — 10 ты-

сячъ) человѣкъ. Небольшое наше каре, окруженное густыми пѣшими и конными толпами, отбивалось въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Въ ночи, Персіяне построили на высотахъ, окружавшихъ русскій лагерь, четыре фальконетныя батареи и отрѣзали нашъ отрядъ отъ ручья, откуда русскіе солдаты добывали воду. Чтобы выдти изъ такого стѣснительнаго положенія, оставалось одно средство — овладѣть непріятельскими батареями—и въ полчаса всѣ пятнадцать орудій были захвачены храбрыми егерями. Тѣмъ не менѣе, однакоже, Карягинъ, уже лишась половины своего отряда—33-хъ убитыми и 164-хъ ранеными—укрѣпился по возможности и послалъ въ Шушу просить помощи. Но Лисаневичъ не могъ поддержать его, по ненадёжности туземцевъ, готовыхъ принять сторону шаха. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, Карягинъ и Котляревскій, оба раненые, потерявъ большую часть своихъ офицеровъ и солдатъ, и будучи обложены 15-ю тысячами человѣкъ прибывшаго въ помощь Пиръ-кули-хану Аббасъ-Мирзы, оборонялись четверо сутокъ; когда-же у Русскихъ оставалось только полтораста человѣкъ, они рѣшились, по предложенію Котляревскаго, на смѣлый, едва-ли когда бывалый, подвигъ — пробиться сквозь сильнѣйшаго во сто разъ непріятеля и овладѣть сосѣдственною крѣпостью Шахъ-Булахъ. Отрядъ выступилъ въ ночь на 28-е іюня (на 10-е іюля); солдаты взялись своими руками помогать изнуреннымъ конямъ, запряженнымъ подъ орудія; на трехъ верховыхъ лошадяхъ ѣхали раненые: Карягинъ, Котляревскій и одинъ изъ офицеровъ; другихъ раненыхъ несли на рукахъ. Проводникомъ служилъ преданный Карягину, елисаветпольскій житель Юзбаша (староста) Аванесъ. Отразивъ напавшій на нихъ непріятельскій отрядъ, Русскіе къ разсвѣту подошли къ Шахъ-Булаху, между

тѣмъ какъ Персіяне грабили брошенный нашими войсками обозъ. Крѣпость, занятая полуторастами человѣкъ, была взята штурмомъ ([2]).

Но тамъ ожидалъ русскихъ воиновъ лютый врагъ— голодъ. Въ продолженіи недѣли, наши солдаты питались травою и кониною. Получено было свѣдѣніе, что самъ шахъ, съ несмѣтнымъ войскомъ, идетъ къ Шахъ-Булаху, чтобы подавить горсть Русскихъ, а о Лисаневичѣ не было никакого слуха. Оставалось испытать послѣднее средство къ спасенію — пробраться къ другой небольшой крѣпости — Мухрату, въ 25-ти верстахъ отъ Шахъ-Булаха, представлявшей большія удобства къ упорной оборонѣ. Полковникъ Карягинъ, оставя въ Шахъ-Булахѣ 30 человѣкъ и приказавъ имъ дѣлать обычные оклики, выступилъ съ прочими скрытно, въ ночи на 9-е (21-е) іюля, и взялъ съ собою оба орудія и раненыхъ. На маршѣ отряда встрѣтилась канава, черезъ которую нельзя было перевезти орудій. Нѣсколько солдатъ, по предложенію отряднаго шута, Гаврила Сидорова, вызвались, положивъ на плеча ружья, устроить изъ нихъ настилку моста, по которому переправились черезъ канаву оба орудія. Къ сожалѣнію, герой Сидоровъ былъ смертельно ушибенъ колесомъ соскользнувшимъ съ ружей. Оплошность Персіянъ дозволила часовымъ, оставленнымъ въ жертву непріятелю, присоединиться къ отряду. Вступивъ въ занятую непріятелемъ крѣпость Мухратъ, Карягинъ донесъ князю Циціанову, что считаетъ себя совершенно безопаснымъ отъ нападенія Персіянъ ([3]). Движеніе Циціанова на выручку отряда Карягина способствовало ему примкнуть къ нашимъ главнымъ силамъ, не превышавшимъ 2,370 человѣкъ ([4]). Несмотря однакоже на малочисленность ихъ, Персіяне поспѣшно ушли за Араксъ.

Какъ экспедиція генерала Завалишина къ Энзели неимѣла успѣха, и онъ былъ принужденъ отступить отъ Баку, то князь Цицiановъ приказалъ ему снова идти съ эскадрою къ этой крѣпости и овладѣть ею. Для содѣйствія Завалишину направился отъ Елисаветполя къ Баку самъ главнокомандующій, съ отрядомъ изъ 1,700 человѣкъ при 10-ти орудіяхъ (5). На маршѣ туда русскихъ войскъ, 25 декабря (6 генваря 1806 г.), Мустафа-ханъ ширванскій, съ подвластнымъ ему народомъ, вступилъ въ подданство Россіи: покореніемъ сей области возстановилась торговая связь между Грузіею и Астраханью. Для довершенія господства Россіи въ восточномъ Закавказьѣ оставалось овладѣть крѣпостями Баку и Эриванью. Князь Цицiановъ писалъ изъ Ширвани бакинскому хану, что, твердо рѣшась овладѣть Бакою, или умереть подъ стѣнами ея, онъ требуетъ отъ хана покорности, а въ противномъ случаѣ возьметъ крѣпость штурмомъ. „Недумайте—писалъ онъ—чтобы я стращалъ васъ, по персидскому обычаю; надѣюсь, что, въ три года моего пребыванія въ здѣшней странѣ, ваше высокостепенство убѣдились, что я всегда исполнялъ свое слово.“ Послѣ переговоровъ, продолжавшихся болѣе двухъ мѣсяцевъ, наконецъ Гуссейнъ-Кули-ханъ согласился покориться безусловно, изъявивъ надежду, что Государь нелишитъ его владѣнія ханствомъ. Князь Цицiановъ, въ тотъ-же день, 4 (16) февраля 1806 года, именемъ Государя, предложилъ хану весьма снисходительныя условія. „Любезный Гуссейнъ-Кули-ханъ! писалъ Цицiановъ. — Посылая вамъ офиціальную депешу, въ лицѣ русскаго генерала, долгомъ считаю, по старому знакомству, отнестись къ вамъ, какъ брату и другу. Какъ вы предаетесь въ мою волю, то увѣряю васъ всемогущимъ Богомъ, въ котораго вѣрую, что не только

неоставлю васъ, какъ вы въ письмѣ своемъ изъяснили, но выгоды собственныя ваши и вашихъ подданныхъ буду наблюдать какъ мои, зная, что милосердіе всемилостивѣйшаго Государя и ангело-подобнаго Императора безпредѣльно. Все старое забудемъ и останемся на вѣчныя времена друзьями“......

Въ условленный день для сдачи крѣпости, 8 (20) февраля, князь Циціановъ, съ конвоемъ изъ 200 человѣкъ, назначенныхъ для занятія Баку, подъѣхалъ къ колодцу, въ полуверстѣ отъ крѣпости, гдѣ ожидали его городскіе старшины съ ключами отъ воротъ и съ хлѣбомъ-солью. Циціановъ, принялъ хлѣбъ-соль и возвратилъ ключи, изъявивъ желаніе получить ихъ отъ самаго хана. Немедленно выѣхалъ изъ крѣпости Гуссейнъ-Кули-ханъ въ сопровожденіи пяти бековъ. Какъ только князь Циціановъ завидѣлъ его, то поѣхалъ къ нему на встрѣчу съ подполковникомъ княземъ Эристовымъ и однимъ казакомъ, оставя конвой у колодца. Но едва лишь они приблизились къ бакинскимъ всадникамъ, какъ, по знаку, поданному ханомъ, состоявшіе въ его свитѣ беки выстрѣлили въ Циціанова и Эристова и стали рубить ихъ саблями; только одинъ казакъ успѣлъ ускакать. Въ ту-же минуту раздался съ крѣпостной стѣны залпъ орудій по отряду, стоявшему у колодца. Убійцы, захвативъ тѣла убитыхъ, отрѣзали голову князю Циціанову и послали ее въ подарокъ шаху. Вслѣдъ за тѣмъ, русскія войска, сѣвъ на суда, отправились въ Астрахань ([6]).

Такова была кончина героя на поляхъ брани, просвѣщеннаго, опытнаго администратора порученныхъ ему областей. Въ короткое время его управленія Закавказьемъ, многое было сдѣлано, еще болѣе было предпринято. Его дѣятельность не ограничивалась улучшеніемъ матеріальнаго быта жите

лей, проложеніемъ новыхъ путей, развитіемъ земледѣлія и торговли; убѣжденный въ томъ, что просвѣщеніе служитъ самою прочною основою народнаго благосостоянія, онъ, не смотря на скудость средствъ состоявшихъ въ его распоряженіи по этой части, заводилъ училища и старался о приготовленіи грузинскаго дворянства къ поступленію въ военную службу, „чтобы отвлечь этихъ молодыхъ людей отъ праздности, источника пороковъ, и научить ихъ предпочитать славу добычѣ“ ([7]).

На мѣсто князя Циціанова былъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи графъ Гудовичъ. Новый главнокомандующій, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, больной, угрюмый, неприступный, не могъ вознаградить потерю начальника, обожаемаго войсками, страшнаго врагамъ Россіи.

Еще до прибытія Гудовича, владѣтель Карабаха Ибрагимъ-ханъ, измѣнивъ нашему правительству, обратился къ своему зятю, персидскому шаху, прося его защиты. Двадцать тысячъ Персіянъ, предводимыхъ Аббасъ-мирзою, перешли черезъ Араксъ и вторгнулись въ Карабахъ; другіе отряды двинулись къ озеру Гокча и къ Елисаветполю. Командовавшій временно въ Грузіи, генералъ-лейтенантъ Глазенапъ отрядилъ въ Карабахъ генералъ-маіора Небольсина и маіора Котляревскаго съ двумя баталіонами Троицкаго полка и съ командою 17-го егерскаго полка, всего въ числѣ до 1,700 человѣкъ. 13 (25) іюня, русскій отрядъ встрѣтился близъ Аскеранской крѣпости съ главнымъ непріятельскимъ корпусомъ. Раздраженный постоянными неудачами, Аббасъ-мирза заставилъ свое войско принести присягу — побѣдить „невѣрныхъ“, или умереть. Но не смотря ни на огромное превосходство въ числѣ войскъ, ни на выгодную позицію, ни на данную

клятву, Персіяне бѣжали за Араксъ, оставя на мѣстѣ побоища до тысячи человѣкъ ([8]). Генералъ Булгаковъ овладѣлъ крѣпостью Баку. Весь Дагестанъ покорился Россіи.

Переговоры о перемиріи съ Персіянами дали возможность графу Гудовичу, въ 1807 году, обратить главныя силы ввѣренныхъ ему войскъ противъ Турокъ. Отрядивъ генералъ-маіора Небольсина, съ 14-ю ротами пѣхоты и однимъ казачьимъ полкомъ, для наблюденія за Персіянами, Гудовичъ послалъ, для отвлеченія вниманія турецкихъ начальниковъ, небольшіе отряды къ Поти и Карсу, а самъ, съ 4,500 человѣкъ, двинулся къ Ахалкалаки и штурмовалъ эту крѣпость, въ ночи съ 8-го на 9-е (съ 20-го на 21-е) мая, но былъ отбитъ, съ потерею полуторы тысячи человѣкъ и двухъ орудій, и отступилъ къ Цалкѣ. Ободренный неудачею русскихъ войскъ, сераскиръ Юссуфъ-паша, собравъ 20 тысячъ человѣкъ, выступилъ отъ Карса къ рѣкѣ Арпачаю; тогда-же къ Эривани скопилось многочисленное полчище Персіянъ. Въ такихъ обстоятельствахъ графъ Гудовичъ, желая предупредить исполненіе замысловъ непріятеля рѣшительнымъ ударомъ, соединился съ отступившимъ отъ Карса отрядомъ генералъ-маіора Несвѣтаева, сосредоточилъ на Арпачаѣ около 6,000 человѣкъ, атаковалъ сераскира, 18 (30) іюня, и разбилъ его на голову; непріятель, потерявъ 8 орудій, укрылся, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, въ Карсѣ. Побѣда при Арпачаѣ доставила Гудовичу чинъ генералъ-фельдмаршала. Въ томъ-же году, Черноморская эскадра явилась неожиданно подъ стѣнами Анапы, 27 мая (8 іюня). Командовавшій ею, контръ-адмиралъ Пустошкинъ, открывъ сильную канонаду по крѣпости, высадилъ баталіонъ, овладѣлъ Анапою, разорилъ тамошнія укрѣпленія и

возвратился въ Севастополь. Извѣстіе о заключеніи Тильзитскаго трактата остановило военныя дѣйствія и имѣло послѣдствіемъ заключеніе перемирія съ Турціею и Персіей, въ Узинъ-Килиссѣ.

Почти весь 1808-й годъ прошелъ въ бездѣйствіи: Турки вели съ нами переговоры, затрудняемые посредничествомъ Наполеона, а Персіяне долго не могли забыть неудачи своихъ прежнихъ покушеній. Но, наконецъ, въ октябрѣ, Аббасъ-мирза, получивъ извѣстіе о предстоящемъ разрывѣ нашего перемирія съ Турками, выступилъ къ Нахичевани. Фельдмаршалъ немедленно послалъ противъ него отрядъ въ три тысячи человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Небольсина, который, перейдя черезъ снѣжныя вершины Карабаха, встрѣтился съ непріятелемъ, 28 октября (9 ноября), и послѣ упорнаго, двѣнадцать часовъ продолжавшагося, боя, обратилъ въ бѣгство Персіянъ и занялъ Нахичевань (9).

Въ февралѣ 1809 года, на мѣсто уволеннаго, по болѣзни, фельдмаршала графа Гудовича, былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Закавказьѣ генералъ отъ кавалеріи Тормасовъ. Силы, ему ввѣренныя, простирались до 42 тысячъ человѣкъ, но большая часть ихъ находилась на Кавказской линіи; остальныя-же войска, въ числѣ 18,500 человѣкъ, должны были охранять Грузію отъ нападеній горскихъ племенъ и со стороны враждовавшаго намъ имеретинскаго царя Саломона, удерживать въ повиновеніи Грузинъ, волнуемыхъ сношеніями съ Персіянами, и сопротивляться вторженіямъ полчищъ Турціи и Персіи. Междуусобія сосѣдственныхъ нашимъ границамъ турецкихъ пашей недозволяли имъ предпринять какое-либо важное покушеніе на подвластную Россіи страну; со стороны-же Персіи мы были на время обезпечены переговорами о мирѣ,

которые однакоже неимѣли успѣха, по проискамъ англійскаго посланника въ Тегеранѣ. Великобританское правительство выслало Персіянамъ значительное количество орудій и ружей, командировало офицеровъ для обученія персидскихъ сарбазовъ и не щадило ни золота, ни пышныхъ обѣщаній, для возбужденія шаха къ продолженію войны противъ Русскихъ. Вмѣсто мира съ Россіею, Баба-ханъ заключилъ союзъ съ непріязненною намъ Портою и выслалъ, въ августѣ 1810 года, одного изъ сорока своихъ сыновей, Мамадъ-Али-мирзу, съ двѣнадцатью тысячами конницы, на границу Бомбаки. Охранявшій эту область, небольшой отрядъ генералъ-маіора Портнягина двинулся противъ Персіянъ, 17 (29) августа; появленіе его авангарда, состоявшаго изъ двухъ эскадроновъ Нарвскихъ драгунъ, заставило непріятеля кинуться въ турецкія владѣнія, откуда Персіяне вторгнулись въ землю Борчалинцевъ, грабя и разоряя татарскія владѣнія. Непріятели, дѣйствуя одною конницею, безъ артиллеріи и обозовъ, появлялись внезапно -- то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, опустошали страну, уводили жителей, отгоняли скотъ, но уклонялись отъ встрѣчи съ нашими войсками, а, между тѣмъ, писали, отъ имени Бабахана, въ Грузію, Имеретію, къ ахалцыхскому пашѣ и горскимъ народамъ, возбуждая ихъ къ вооруженію противъ Русскихъ. Войска наши, окруженныя со всѣхъ сторонъ явными либо тайными врагами, изнурялись безпрестанными усиленными переходами съ одного мѣста на другое (10). Не смотря однакоже на то, главнокомандующій, пользуясь вліяніемъ нашихъ постоянныхъ успѣховъ на Персіянъ, обратилъ часть силъ противъ измѣнившаго русскому правительству, Имеретинскаго Царя Саломона; полковникъ Симоновичъ разбилъ встрѣченныя имъ въ Имеретіи

полчища, привелъ жителей страны къ присягѣ на вѣрность Россіи и взялъ въ плѣнъ царя Соломона([11]). Въ послѣдствіи ему удалось уйти изъ Тифлиса, но его враждебныя покушенія уже немогли быть для насъ опасны. Войска наши дѣйствовали стольже удачно противъ закубанскихъ горцевъ и на прибрежьѣ Чернаго моря. Еще въ ноябрѣ 1809 года, генералъ-маіоръ князь Орбеліани, пройдя черезъ Имеретію, овладѣлъ крѣпостью Поти. Въ іюлѣ 1810 года, капитанъ-лейтенантъ Додтъ заставилъ сдаться крѣпость Сухумъ-Кале, въ коей найдено 64 орудія и болѣе 1,000 пудовъ пороха; по возстановленіи разрушенныхъ верковъ, Додтъ, оставя въ крѣпости гарнизонъ, отплылъ обратно въ Севастополь ([12]). Крѣпость Суджукъ-Кале была взята, въ декабрѣ тогоже года, отрядомъ высланнымъ изъ Анапы, по распоряженію дюка де Ришельё ([13]).

По случаю экспедиціи, сдѣланной командовавшимъ на Кавказской линіи, генераломъ отъ инфантеріи Булгаковымъ, противъ Закубанскихъ и Кабардинскихъ народовъ, Императоръ Александръ пожелалъ знать мнѣніе объ этомъ предпріятіи генерала Тормасова. Исполняя волю Государя, Тормасовъ, въ письмѣ военному министру, изложилъ свои мысли слѣдующимъ образомъ:

„Народы сіи, какъ всѣ Азіятцы вообще, имѣютъ нравъ буйный, горячій и мстительный; для обузданія ихъ неоспоримо нуженъ страхъ, но необходимо также въ отношеніи къ нимъ соблюдать справедливость. Горцы, при послабленіи, дѣлаются наглы, а при строгости, даже жестокой, но справедливой, покорны до рабства и вѣрны, во всемъ значеніи этого слова; при несправедливой-же, и въ особенности при продолжительной строгости, выходятъ изъ всѣхъ границъ и готовы на все, даже превышающее

ихъ силы, чтобы удовлетворить своему мщенію". По мнѣнію генерала Тормасова: „съ перемѣною правилъ обращенія съ ними, можно ожидать перемѣны ихъ поведенія. Начальники войскъ на линіи слѣдовали такой системѣ, чтобы держать сопредѣльные намъ народы не только въ повиновеніи, но въ жесточайшемъ рабствѣ, дѣйствуя противъ нихъ силою оружія, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы укротить гордый духъ ихъ, и послѣдствіемъ того было не покореніе, а отчаянное ожесточеніе сихъ народовъ. Кабардинцы, сильнѣйшіе изъ горцевъ, могутъ служить тому примѣромъ: народъ сей былъ нѣкогда многочисленъ и великодушенъ. Вѣчной памяти достойный Государь, Императоръ Петръ I нашелъ въ семъ мужественномъ и покорномъ себѣ народѣ лучшую опору при дѣйствіяхъ противъ Дербента и Дагестана. Оставалось только поддержать такое расположеніе Кабардинцевъ къ Россіи.

„Устроеніе Кавказской Линіи, сіе мудрое предначертаніе, необходимое для удержанія въ повиновеніи сильнаго народа, несостоявшаго въ прямомъ подданствѣ Россіи, не могло быть принято имъ равнодушно. Кабардинцы покушались низпровергнуть это учрежденіе, но убѣдившись въ превосходствѣ могущества Россіи, присягнули къ вѣрности нашему правительству. Тогда можнобъ было, снисходя къ ихъ природнымъ свойствамъ, обычаямъ, понятіямъ, и даже сохранивъ ихъ внутреннее управленіе, привлечь ихъ къ себѣ благотвореніемъ, сопряженнымъ съ строгою справедливостью. Сколько былобы пользы для Россіи, еслибы сей многочисленный и воинственный народъ, привлеченный признательностью, содѣлался членомъ обширной Россійской Имперіи, чему конечно послѣдовали-бы и прочіе горскіе народы. Вмѣсто того, расширеніе Кавказской Линіи, на счетъ

лучшей земли, сдѣлало Кабардинцевъ недовѣрчивыми къ намъ; жестокость начальниковъ привела ихъ въ уныніе, а принятая нами система — поселять вражду между владѣльцами, узденями и народомъ и производить посреди ихъ междуусобія — пріучила ихъ къ войнѣ. Наконецъ, суетное желаніе нѣкоторыхъ изъ начальствовавшихъ на линіи — отличить себя военными дѣйствіями противъ Кабардинцевъ, вмѣсто того, чтобы привлечь ихъ къ себѣ кроткимъ и справедливымъ управленіемъ, ввело въ обыкновеніе предпринимать каждый годъ дѣйствія противъ нихъ, или другихъ народовъ, нерѣдко безъ всякой причины. Такъ поступали мы съ ними съ самаго устроенія Кавказской Линіи.

„И такъ весьма естественно, что горскіе народы не могутъ быть привязаны къ Россіи, и хотя нѣкоторые изъ нихъ, по слабости своей, показываютъ видъ покорности, однако прежнія впечатлѣнія долго останутся неизгладимы. Не находя силъ своихъ достаточными для сопротивленія, они покоряются, даютъ аманатовъ, присягаютъ и, скрывъ на-время свою ненависть къ намъ, снова обнаруживаютъ ее при первомъ удобномъ къ тому случаѣ“.

Изъ всего этого, сдѣлавъ выводъ не только о безполезности, но и вредѣ экспедиціи Булгакова противъ Закубанцевъ и Кабардинцевъ, тѣмъ болѣе, что между сими народами свирѣпствовала зараза, генералъ Тормасовъ полагалъ вѣрнѣйшими средствами для усмиренія и привлеченія ихъ: во 1-хъ, прервать сообщеніе горцевъ съ Турціей, что̀ завладѣніемъ черноморскихъ крѣпостей и пристаней уже исполнено; во 2-хъ, мирнымъ туземцамъ, занимающимся земледѣліемъ и скотоводствомъ, оказывать покровительство и доставлять всевозможныя выгоды, что̀ отчасти исполнено учрежденіемъ въ прошломъ году, для

Кабардинцевъ, солянаго магазина при Прохладнинскомъ пограничномъ карантинѣ; въ 3-хъ, какъ магометанское духовенство имѣетъ вліяніе и на гражданское управленіе краемъ, то стараться, чтобы опредѣляемые въ сіе званіе люди были благонамѣренны, кротки и преданы Россіи; въ 4-хъ, содержать кордонную стражу на линіи строжайшимъ образомъ, такъ, чтобы хищническія шайки, при каждомъ покушеніи прорваться внутрь страны, были истребляемы, чего можно достигнуть достаточнымъ числомъ войскъ и частыми укрѣпленіями на кордонѣ. Наконецъ, въ 5-хъ, привлекать горцевъ въ наши города, устроить тамъ мечети, жилища для духовенства и школы для образованія юношества, а также открыть торговыя сношенія между сими народами и жителями кавказской губерніи. Но генералъ Тормасовъ полагалъ, что: „послѣ экспедиціи генерала Булгакова, нельзя ожидать, чтобы горскіе народы, безъ страха, съ чистосердечнымъ довѣріемъ, могли являться къ нему по дѣламъ своимъ“ ([14]).

Разсматривая предположенія Тормасова, находимъ, что:

Во 1-хъ, занятіе черноморскаго берега въ послѣдствіи оказалось безполезнымъ; во 2-хъ, покровительство земледѣльческой промышленности туземцевъ непривело къ желаемой цѣли, а замедлило успѣхъ военныхъ дѣйствій; въ 3-хъ, мусульманскій фанатизмъ недопускалъ для насъ возможности пріобрѣсти вліяніе на магометанское духовенство; только тогда мы утвердили на прочномъ основаніи наше господство въ странѣ, когда устранили это сословіе отъ управленія краемъ, замѣнивъ шаріатъ адатомъ *);

---

*) *Шаріатъ* — духовный судъ. *Адатъ* — судъ на основаніи обычая, имѣющаго силу закона.

въ 4-хъ, что̀ касается до строжайшаго содержанія кордонной стражи на линіи, то такая мѣра, при всей пользѣ своей, оказалась неисполнимою, даже и въ послѣднее время, когда у насъ было на Кавказѣ несравненно болѣе войскъ, нежели прежде. Горецъ отправлялся въ набѣгъ на хорошей свѣжей лошади, когда ему вздумалось, и избиралъ для прорыва слабѣйшій пунктъ; напротивъ того, казакъ долженъ былъ находиться постоянно въ готовности къ отраженію непріятеля, уставалъ самъ, изнурялъ лошадь, и, всё-таки, подвергался нечаянному нападенію. Наконецъ, въ отношеніи къ водворенію у туземцевъ торговли, просвѣщенія и осѣдлости въ городахъ, должно замѣтить, что горцы нелюбятъ городской жизни, предпочитая удобствамъ ея просторъ и отсутствіе полиціи. Торговыя-же сношенія съ горцами производились успѣшно только тамъ, гдѣ не мѣшалось правительство, съ карантинными и таможенными чиновниками ([15]).

Генералъ Тормасовъ, стараясь выиграть время, продолжалъ и въ 1810 году переговоры съ Персіянами въ Аскерани и поддерживалъ вражду между сосѣдственными намъ турецкими пашами. Предвидя однакоже, что, съ наступленіемъ лѣта, непріятели не оставятъ его въ покоѣ, онъ выслалъ отряды для охраненія пограничныхъ областей. Когда-же, въ маѣ 1810 года, получено было въ Тифлисѣ извѣстія о наступленіи Персіянъ къ Араксу, Тормасовъ направилъ противъ нихъ генералъ-маіора Небольсина, съ находившимися въ Карабахѣ полками Троицкимъ, 17-мъ егерскимъ, донскимъ казачьимъ Попова 16-го и татарскою милиціей; полковнику-же Котляревскому, съ однимъ изъ баталіоновъ 17-го егерскаго полка, было поручено овладѣть крѣпкимъ пунктомъ Мигри. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что непріятель, на-

ступавшій къ Араксу, былъ гораздо многочисленнѣе, нежели полагали прежде, и по тому главнокомандующій, опасаясь подвергнуть Котляревскаго вѣрной гибели, поспѣшилъ отмѣнить данное приказаніе и предписалъ ему возвратиться, какъ можно поспѣшнѣе, въ Шушу. Это предписаніе было отправлено 24-го іюня (6-го іюля), а 15-го (27-го) считавшаяся неприступною крѣпость Мигри уже была взята Русскими.

Укрѣпленное селеніе Мигри, расположенное у подошвы двухъ кряжей отвѣсныхъ скалъ, съ устроенными на нихъ батареями, было занято двухъ-тысячнымъ гарнизономъ. Дороги, къ нему ведущія, одна, огибавшая горы внизъ по Араксу, и другая, по рѣчкѣ Мигри, были преграждены засѣками и обороняемы батареями. Котляревскій, желая сберечь людей, рѣшился миновать обѣ дороги и пробраться съ своимъ отрядомъ, безъ артиллеріи, наискось карабахскихъ хребтовъ, по тропинкамъ считавшимся непроходимыми. У него было всего на все 400 солдатъ 3-го баталіона 17-го егерскаго полка и 40 карабахскихъ всадниковъ. Выступивъ изъ лагеря при фортѣ Копани, въ 50-ти верстахъ отъ Мигри, 12 (24) іюня, Котляревскій то спускался въ ущелья, то взбирался на утесы, по краямъ пропастей, и прибылъ, въ ночи на 15 (27), къ мѣстечку Гярову, въ разстояніи пяти верстъ отъ Мигри. На слѣдующее утро, вьючный обозъ, состоявшій при отрядѣ, былъ оставленъ въ Гяровѣ, подъ прикрытіемъ Карабахцевъ; самъ-же Котляревскій, осмотрѣвъ мѣстность, направилъ своихъ егерей противъ крѣпости тремя отдѣльными частями: полтораста человѣкъ, подъ личнымъ его начальствомъ, двинулись по правому хребту; другіе полтораста, маіора Дьячкова — по лѣвому хребту, а остальные сто — прямо противъ селенія. Въ три

часа по полудни раздались первые выстрѣлы. Овладѣвъ передовыми высотами, Котляревскій, въ ожиданіи ночи, остановилъ егерей внѣ выстрѣловъ главнаго укрѣпленія. Съ наступленіемъ-же темноты, онъ взялъ сто человѣкъ изъ состоявшаго при немъ отряда и тихо спустившись вмѣстѣ съ ними съ горы, соединился съ егерями направленными прямо противъ селенія; остальнымъ-же пятидесяти человѣкамъ правой колонны велѣно податься впередъ по хребту кряжа и тревожить непріятеля съ фланга; Дьячковъ получилъ приказаніе штурмовать пять батарей лѣваго кряжа, какъ только услышитъ пальбу въ селеніи. Между тѣмъ, отъ высланныхъ въ стороны татарскихъ разъѣздовъ, пришло свѣдѣніе о движеніи въ помощь крѣпости сильныхъ персидскихъ отрядовъ. Медлить было нѣкогда. Атакованное на разсвѣтѣ селеніе взято въ девять часовъ утра; тогда-же Дьячковъ овладѣлъ тремя батареями и съ содѣйствіемъ самаго Котляревскаго выбилъ непріятеля изъ двухъ остальныхъ. За тѣмъ весь отрядъ двинулся противъ праваго хребта, взялъ съ боя нѣсколько батарей и остановился передъ послѣднею изъ нихъ, совершенно неприступною батареей Сабетъ, сооруженною на утесѣ въ три сажени вышины. Тамъ укрылся извѣстный Абулъ-Фетъ-ханъ съ двумя стами Персіянами. Котляревскій, убѣдясь въ невозможности штурмовать это укрѣпленіе, обложилъ его со всѣхъ сторонъ и отвелъ воду, что̀ заставило непріятелей, въ слѣдующую-же ночь, кидаться съ утесовъ и искать спасенія въ бѣгствѣ. Персіяне потеряли убитыми до трехъ сотъ человѣкъ; съ нашей стороны убиты поручикъ Роговцовъ и 6 егерей; ранено 29 человѣкъ: въ числѣ послѣднихъ былъ самъ Котляревскій ([16]). Главнокомандующій, совершенно неожиданно получивъ извѣстіе о взятіи Мигри, пред-

писалъ Небольсину вытребовать оттуда Котляревскаго съ его отрядомъ ([17]), но прежде еще, нежели могло быть исполнено это распоряженіе, Котляревскій, усиленный двумя ротами, отстоялъ крѣпость отъ подступившихъ къ ней 10-ти тысячъ Персіянъ, подъ начальствомъ Аббаса-мирзы, и когда непріятель 5 (17) іюля, снявъ осаду, сталъ отступать къ Араксу, наши егеря, въ слѣдующую ночь, напали на превосходнѣйшій въ десять разъ арріергардъ персидскаго принца и истребили значительную часть его, потерявъ сами 4 человѣка убитыми и 13 ранеными ([18]). Получивъ, между тѣмъ, переданное Небольсинымъ приказаніе главнокомандующаго — очистить Мигри, Котляревскій донесъ, что занятіе этого пункта необходимо для удержанія въ спокойствіи окрестныхъ жителей; по словамъ его, опасности отъ непріятеля непредвидѣлось; провіанта, прибывшаго подъ конвоемъ двухъ ротъ, присланныхъ ему въ помощь, было достаточно; а для перевозки его, а равно больныхъ и раненыхъ, неимѣлось подводъ. Самъ главнокомандующій, убѣдясь въ важности Мигри, приказалъ Небольсину не выводить оттуда отряда.

Вскорѣ послѣ того, генералъ-маіоръ маркизъ Паулуччи, съ двумя баталіонами 9-го и 15-го егерскихъ полковъ, двумя стами казаковъ и отрядомъ татарской конницы, атаковалъ, въ ночи на 5 (17) сентября, соединенныя персидско-турецкія войска, въ числѣ до 10,000 человѣкъ собравшіяся у Ахалкалаки, и разбилъ ихъ на-голову. Весь непріятельскій лагерь съ несмѣтною добычею и 4 знамени достались въ руки побѣдителей, которыхъ уронъ состоялъ въ 4 убитыхъ и 17-ти раненыхъ ([19]).

Не смотря на геройскіе подвиги сподвижниковъ Тормасова, положеніе нашей малочисленной арміи, долженствовавшей, для обороны пространства въ

полторы тысячи верстъ, вдоль Кавказа, раздробляться на множество отрядовъ, и противодѣйствовать соединеннымъ усиліямъ Персіянъ и Турокъ, было весьма затруднительно. Жители Имеретіи и Грузіи страдали отъ голода; въ войскѣ обнаружилась чума, что̀ было главною причиною неудачи давно уже задуманнаго Тормасовымъ покушенія овладѣть Ахалцыхомъ ([20]). Въ Дагестанѣ готовилось возстаніе. Главнокомандующій, имѣя въ Закавказьѣ неболѣе 18,000 человѣкъ, просилъ Государя о присылкѣ новой дивизіи для занятія Линіи и крѣпостей, съ тѣмъ, чтобы войска, уже привыкшія къ азіятской войнѣ, были обращены противъ Персіи и заставилибы шаха исполнить требованія нашего правительства. Но въ то время отношенія Наполеона къ Россіи становились болѣе и болѣе сомнительны. Надлежало собрать по возможности вооруженныя силы на западныхъ границахъ, и самъ Тормасовъ, по собственной просьбѣ его, былъ отозванъ въ сентябрѣ 1811 года изъ Грузіи, для принятія начальства надъ 3-ю резервною обсерваціонною арміей, стоявшею на Волыни.

Прибывшій на его мѣсто изъ Петербурга, маркизъ Паулуччи, италіянскій уроженецъ, бывшій дежурный генералъ и начальникъ штаба Грузинскаго корпуса, предполагалъ открыть дѣйствія взятіемъ крѣпости Ахалкалаки. Исполненіе этого труднаго предпріятія было поручено полковнику Котляревскому, съ двумя баталіонами Грузинскаго гренадерскаго полка и сотнею казаковъ. Подобно тому, какъ и при экспедиціи къ Мигри, ему надлежало идти не по дорогѣ, ведущей долиною Куры и чрезъ Борджомское ущеліе, а по тропинкамъ, чрезъ Тріалетскія горы, зимою, когда на вершинахъ горныхъ хребтовъ стужа невыносима. Взявъ съ собою на

вьюкахъ складныя лѣстницы, Котляревскій выступилъ изъ Гори, въ ночи на 4-е (16-е) декабря, и переправясь черезъ Куру, собралъ войска своего малочисленнаго отряда. Въ продолженіи трехъ сутокъ люди шли черезъ горы, по глубокому снѣгу, при густыхъ мятеляхъ. 7-го (19-го), на разсвѣтѣ, Котляревскій расположился въ горномъ ущельѣ, недоходя 25-ти верстъ до Ахалкалаки. Оттуда начиналась безлѣсная мѣстность, недозволявшая скрытно приблизиться къ крѣпости, и по тому дальнѣйшее движеніе было отложено до ночи. Какъ только настала темнота, отрядъ выступилъ тремя колоннами, по 200 гренадеръ и 20-ти стрѣлковъ въ каждой: одну изъ нихъ велъ самъ Котляревскій; другія были поручены подполковникамъ Степанову и Ушакову; кромѣ того, для фальшивыхъ атакъ, двинулись особыя три команды, каждая изъ 20-ти гренадеръ. Подойдя къ крѣпости на такое разстояніе, что уже были слышны оклики часовыхъ, Котляревскій далъ отдохнуть людямъ цѣлый часъ, и потомъ повелъ ихъ на приступъ. Турки только тогда бросились къ ружью, когда наши войска стали переходить черезъ скалистый оврагъ, у самыхъ крѣпостныхъ стѣнъ. Штурмъ начался въ три часа по полуночи. Солдаты въ мигъ приставили къ валу лѣстницы и кинулись на непріятельскія орудія; капитанъ Шультенъ первый овладѣлъ тремя ближайшими батареями. Наши гренадеры, переколовъ оборонявшихся отчаянно Турокъ, овладѣли крѣпостью и цитаделью, въ продолженіи полутора часа. На батареяхъ взято 16 орудій, до 40 пудовъ пороха и много снарядовъ; отбито два знамя. Уронъ нашъ состоялъ въ одномъ убитомъ и 29-ти раненыхъ ([21]). Котляревскій, въ награду этого подвига, былъ произведенъ, на 29-мъ году отъ рода, въ генералъ-маіоры, Грузинскому

гренадерскому полку пожалованы георгіевскія знамена. Замѣтимъ, что Котляревскій испросилъ, въ ознаменованіе одержаннаго успѣха, помилованіе одному храброму унтеръ-офицеру, имъ-же самимъ отданному подъ судъ, за грубость во фронтѣ ротному командиру (22).

По взятіи Ахалкалаки, Котляревскій оставилъ тамъ присланный къ нему въ помощь баталіонъ 46-го егерскаго полка, обезпечивъ его продовольствованіе хлѣбомъ, найденнымъ въ крѣпости, и скотомъ, захваченнымъ въ окрестной странѣ, отправилъ въ Грузію плѣнныхъ и 368 душъ выведенныхъ имъ семействъ и самъ выступилъ въ Гори, 16 (28) декабря. Вслѣдъ за тѣмъ, Паулуччи, получивъ извѣстіе объ истребленіи въ Карабахѣ Персіянами цѣлаго баталіона Троицкаго полка, назначилъ Котляревскаго начальникомъ отряда, въ числѣ до полуторы тысячи человѣкъ, съ тремя орудіями, долженствовавшаго собраться въ Новой Шемахѣ. Съ своей стороны, Котляревскій сдѣлалъ распоряженія къ переправѣ черезъ Араксъ, но когда наши войска, 15 (27) марта 1812 года, достигли сей рѣки, то Худоперинскій мостъ уже былъ сломанъ разбойническими шайками, а переправа въ бродъ отъ сильныхъ дождей и оттепели сдѣлалась невозможною. Котляревскій принужденный ограничиваться дѣйствіями по лѣвую сторону Аракса, возвратилъ до 400 семействъ, бѣжавшихъ къ Персіянамъ, и отбилъ до 15,000 штукъ рогатаго скота (23). По возвращеніи изъ экспедиціи, онъ принялъ мѣры для удержанія въ повиновеніи взволнованнаго края. Самъ Паулуччи, вызванный на театръ войны противъ Наполеона, сдалъ начальство надъ войсками въ Закавказьѣ генералъ-лейтенанту Ртищеву, человѣку уже преклонныхъ лѣтъ, не от-

личавшемуся ни рѣшимостью, ни военными подвигами. Заключеніе нами мира съ Турками въ 1812 году не побудило шаха къ уступчивости, и, напротивъ того, Персіяне, въ надеждѣ на успѣхъ противъ Русскихъ, принужденныхъ обратить всѣ усилія противъ Наполеона, готовились къ новому вторженію въ Грузію ([24]).

III-й ПЕРІОДЪ

царствованія Императора Александра I.

(1812—1815 г.).

ГЛАВА XXXI.

Приготовленія къ войнѣ обѣихъ сторонъ.

„Si vis pacem, para bellum“, (если желаешь мира, будь готовъ къ войнѣ): это правило древнихъ Римлянъ, какъ и многія другія народныя повѣрья, не всегда оправдывается на дѣлѣ, и даже весьма часто случается, что ведутъ войну за тѣмъ только, чтобы приготовленія къ ней не остались напрасны.

Въ 1811-мъ году и въ началѣ 1812-го года, обѣ великія державы, Россія и Франція, вооружались, увѣряя одна другую и объявляя во всеуслышаніе Европы, что имѣютъ въ виду единственно огражденіе собственной безопасности и не нарушать мира, но это не помѣшало ихъ столкновенію. Наполеонъ, уже рѣшась вторгнуться въ Россію, все еще увѣрялъ Императора Александра въ своей преданности ему. 13 (25) февраля 1812 года, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Марè пригласилъ къ себѣ флигель-адъютанта Чернышева и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ тюильрискій дворецъ. Наполеонъ, при-

нявъ Чернышева, въ присутствіи Марè, объявилъ ему, что намѣренъ послать его съ письмомъ къ Императору Александру. „Письмо мое будетъ коротко — сказалъ Наполеонъ — потому что Государи не должны писать длинныхъ писемъ, если не могутъ сообщить другъ другу ничего пріятнаго". Остальное-же онъ просилъ Чернышева передать Государю на словахъ. Наполеонъ изъявилъ сожалѣніе, что канцлеръ (графъ Румянцовъ), въ разговорѣ съ Лористономъ, приписывалъ всѣ недоразумѣнія и смуты, волновавшія Европу, намѣренію французскаго правительства возстановить Польшу и варшавскимъ интригамъ *). Повторивъ свои обычныя увѣренія, что онъ вовсе не думалъ о томъ, Наполеонъ продолжалъ: „Чтобы возобновить на прежнемъ основаніи тѣсную дружественную связь между союзными Имперіями, надлежитъ обратиться къ Тильзитскому трактату, условиться въ совершенномъ исключеніи англійскихъ судовъ изъ вашихъ гаваней и запретить ввозъ колоніальныхъ товаровъ. Считаю неумѣстною шуткою увѣренія, будтобы къ вамъ приходятъ только одни Американцы, тогда, когда я имѣю въ рукахъ документы вашихъ заказовъ на лондонской биржѣ, и когда извѣстно во всей Европѣ, что Англичане подъ американскимъ флагомъ имѣютъ доступъ въ Ригу и другіе порты Россіи, откуда ихъ товары перевозятся сухимъ путемъ въ Австрію, Пруссію, и даже во Францію, что̀ уничтожаетъ вполнѣ всѣ строгія мѣры, принятыя въ подвластныхъ мнѣ странахъ.... Не разъ уже я объявлялъ, что буду воевать съ вами, какъ только вы откажетесь отъ постановленій Берлинскаго и Миланскаго декретовъ, которые вашъ

*) *Собственноручная замѣтка Императора Александра* на донесеніи Чернышева: «Jamais rien de pareil n'a été articulé». (Никогда ничего подобнаго не было сказано).

Государь обязался исполнять по условіямъ Тильзитскаго трактата *). Напрасно Россія льститъ себя возможностью, воюя съ Англіею, вести съ нею недозволенную торговлю (un commerce illicite): подобное нарушеніе договоровъ моглабы позволить себѣ только какая-либо небольшая бѣдная страна, подобная Швеціи.... По моему мнѣнію, обнародованіе новаго русскаго тарифа было знакомъ измѣненія вашей политической системы". Далѣе — Наполеонъ привелъ въ доказательство непріязни къ нему Императора Александра протестъ по ольденбургскому герцогству. „Несчитаю себя отвѣтственнымъ въ моихъ поступкахъ предъ Европою — сказалъ онъ. — Государь вашъ своимъ протестомъ сдѣлалъ мнѣ вызовъ; желая искренно мира съ Россіей, я не принялъ этого вызова и не отвѣчалъ на него, потому что могъ отвѣчать только объявленіемъ войны. Впрочемъ, если вы будете поступать по прежнему, то я объявлю, что герцогъ ольденбургскій, не выславъ своего контингента, въ послѣднюю войну противъ Австріи **), и слѣдовательно нарушивъ обязанности члена Рейнскаго Союза, потерялъ правà на свои владѣнія, на которыя не признаю правъ Россійскаго Императорскаго дома. Только лишь изъ снисхожденія къ вашему Государю я до сей поры не объявилъ о томъ, желая устроить это дѣло по дружески". Наполеонъ снова повторилъ свои жалобы

*) *Собственноручная замѣтка Государя:* «Jamais le traité de Tilsit n'a rien stipulé sur les décrêts de Berlin et de Milan, qui n' y sont pas nommés seulement» (Въ Тильзитскомъ трактатѣ ничего не постановлено о Берлинскомъ и Миланскомъ декретахъ, которые тамъ даже не упомянуты).

**) *Собственноручная замѣтка Государя:* «il n' y a pas été même requis de le faire, car ce contingent existait à peine et commençait seulement a se former» (Онъ даже не былъ приглашенъ къ тому; его контингентъ едва лишь собирался и только началъ формироваться).

на упорное молчаніе нашего правительства касательно вознагражденія герцога. „Развѣ Императоръ Александръ уже побѣдилъ меня? — сказалъ онъ. — Развѣ онъ презираетъ насъ до того, что не хочетъ съ нами входить ни въ какія объясненія? Вотъ уже пятнадцать мѣсяцевъ, какъ я добиваюсь, чтобы прислали инструкцію князю Куракину*). Ежели онъ не пользуется довѣріемъ своего правительства, пусть пришлютъ графа Нессельрода; уже четыре мѣсяца извѣщаютъ, что онъ сюда ѣдетъ, а его все еще нѣтъ. Почему не дали полномочья вамъ, еще за годъ предъ симъ, не смотря на то, что вы находитесь здѣсь только въ качествѣ военнаго агента**). Вы довольно знакомы съ ходомъ дѣлъ, показали способность къ такимъ порученіямъ, и въ то время легко былобы все уладить. Моя политика такъ незамысловата (ma politique est si ronde), я такъ мало скрытенъ, что для меня все равно, кому-бы не поручили вести переговоры, хотябы даже Маркову. Что-же касается моихъ приготовленій къ войнѣ, то въ нихъ можете видѣть не враждебныя намѣренія, а послѣдствія моей системы: не въ моихъ правилахъ дѣйствовать и оставаться въ бездѣйствіи, дѣлать сложа руки, и идти не трогаясь съ мѣста, (je ne sais pas agir et ne pas agir, faire et ne pas faire, marcher et ne pas marcher), и по тому, какъ я только потерялъ довѣріе къ вамъ и былъ принужденъ готовиться къ войнѣ, то принялся за дѣло не шутя".

*) *Собственноручная замѣтка Государя:* «Le prince Kourakin a été muni de ceux nécessaires pour tout entendre, mais on ne pouvait lui donner ceux de conclure sans référer à sa cour, et c'est là ce qu'on exige». (Князь Куракинъ былъ снабженъ полномочьемъ, но не могъ утвердить условій, не снесясь съ своимъ дворомъ, а это именно отъ него и требовали).

**) *Собственноручная замѣтка Государя:* «Des pouvoirs à un jeune officier! Cela serait assez plaisant». (Полномочье молодому офицеру! Это былобы довольно забавно).

(je l'ai fait tout de bon). Наполеонъ поставилъ на видъ, что онъ предупреждалъ о томъ графа Шувалова *), и въ особенности князя Куракина, 15 августа. „Получивъ свѣдѣніе о вашихъ вооруженіяхъ,— продолжалъ онъ — я долженъ былъ принять мѣры, чтобы неотлагательно расположить мои аванпосты на Вислѣ и главныя силы на Одерѣ. Быть-можетъ,

*) Графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ получилъ дозволеніе представиться Наполеону, который долго говорилъ съ нимъ о недоразумѣніяхъ возникшихъ между Россіею и Франціей. На счетъ ольденбургскаго дѣла, Наполеонъ выразился, будтобы никто не повѣритъ участію Императора Александра въ судьбѣ его дяди, и что это послужило только предлогомъ къ протесту. За тѣмъ, говоря о передвиженіяхъ русскихъ войскъ изъ Молдавіи къ западнымъ границамъ Имперіи, сказалъ: «меня увѣряютъ, что вашъ Государь хочетъ провозгласить себя Королемъ Польскимъ, и что въ настоящее время хлопочетъ о томъ бывшій вашъ министръ, князь Адамъ Чарторыскій». Когда-же Шуваловъ, засмѣявшись, отвѣчалъ: «Ваше Величество, конечно, вы этому не вѣрите», Наполеонъ согласился съ нимъ, но замѣтилъ, что не понимаетъ нашихъ дѣйствій. «Чего хочетъ отъ меня Императоръ Александръ? — спросилъ онъ. — Пусть оставятъ меня въ покоѣ. Откуда взяли, будтобы я намѣренъ возстановить Польшу?» — «Я этого не думаю — отвѣчалъ Шуваловъ — потому что варшавское герцогство для васъ выгоднѣе Польши. Что-же касается до насъ, то безпокойный характеръ Поляковъ и сформированная ими армія заставляетъ насъ принимать мѣры предосторожности». — Вы правы — сказалъ Наполеонъ — но въ ихъ арміи не 60 тысячъ, а только 30. Я не хочу воевать съ Россіею; это не имѣло-бы никакой цѣли; я, слава Богу, не сошелъ съ ума. Не ужели думаютъ, что я пожертвую — быть можетъ — двумя стами тысячъ Французовъ для Польши? Король Саксонскій писалъ мнѣ, что вы угрожаете герцогству варшавскому; я отвѣчалъ ему, чтобы онъ вооружилъ Данцигъ; я послалъ туда войска Рейнскаго Союза и приказалъ объявить, что это сдѣлано для защиты противъ Англичанъ, но я ихъ послалъ противъ васъ. Я долженъ принять мѣры для своей безопасности». За тѣмъ Наполеонъ сталъ говорить о дружбѣ своей къ нашему Государю: «Одинъ лишь Богъ знаетъ, какъ я люблю его — сказалъ онъ — а онъ, какъ поступаетъ со мною? Объявляетъ протесты, вмѣсто взаимнаго объясненія; это дѣло касается моей чести: если я скажу вамъ, вы ошибаетесь, вы это стерпите; но ежели я скажу, вы солгали — это обида. Не обязана-ли Россія союзу со мною величайшими выгодами? Императоръ Павелъ, котораго войска дѣйствовали побѣдоносно въ Италіи, поплатился за то увеличеніемъ государственнаго долга, а Императоръ Александръ, послѣ двухъ неудачныхъ войнъ, пріобрѣлъ Финляндію, Молдавію, Валахію и часть Польши», и проч. (Изъ письма къ Государю графа Шувалова, отъ 3-го (15-го) мая 1812 года, изъ Парижа).

если получу вскорѣ удовлетворительный отвѣтъ, я не переведу ихъ за эту рѣку; иначе — буду принужденъ выдвинуть ихъ къ Вислѣ: во всякомъ случаѣ, имѣю право идти до Данцига". На это Чернышевъ отвѣчалъ, что „именно такое право и возбуждало справедливыя опасенія нашего Государя, и что безъ того мы не были-бы въ необходимости собрать на всякій случай значительныя силы. Императоръ Александръ не помышлялъ о войнѣ за пятнадцать мѣсяцевъ тому назадъ, за годъ, за полгода, когда французская армія въ Германіи была несравненно менѣе; въ настоящее-же время, сборъ французскихъ войскъ въ Пруссіи оправдываетъ нашу недовѣрчивость и неминуемо подѣйствуюетъ на общественное мнѣніе въ Петербургѣ". — „А кто въ этомъ виноватъ? — перервалъ Наполеонъ. — По словамъ вашимъ, вы не хотите войны; за чѣмъ-же отказываетесь вести переговоры? За чѣмъ продолжаете вооружаться? Вы прежде считали выступленіе моихъ войскъ изъ Пруссіи побѣдою; а теперь — сами заставляете меня снова занять Пруссію. Положительно увѣряю васъ, что въ этомъ году не начну войны (?), если только вы не вторгнетесь въ герцогство варшавское, или во владѣнія Короля Прусскаго, котораго считаю своимъ союзникомъ (!). Мнѣ легче оставаться на военномъ положеніи, нежели вамъ: у меня еще остается 300 милліоновъ, а вы принуждены прибѣгнуть къ новымъ налогамъ; Лористонъ пишетъ мнѣ, что объ этомъ недавно разсуждали въ вашемъ Государственномъ Совѣтѣ".

По словамъ Наполеона, если въ Россіи еще не рѣшились вести войну, то можно было войти въ соглашеніе (s'entendre encore), на слѣдующихъ основаніяхъ:

Во 1-хъ, совершеннаго исполненія условій Тиль-

зитскаго трактата и принятія мѣръ противъ Англичанъ, вмѣстѣ съ допущеніемъ нѣкоторыхъ изъятій въ пользу русской торговли, въ видѣ исключительныхъ дозволеній (licences).

Во 2-хъ, заключить коммерческій трактатъ, который, не нарушая сущности новаго русскаго тарифа, устранилъ-бы все непріятное и оскорбительное для французскаго правительства.

Наконецъ, въ 3-хъ, Наполеонъ желалъ условиться на счетъ герцогства ольденбургскаго такъ, чтобы уничтожить непріятное впечатлѣніе протеста, отказомъ со стороны Россіи въ удовлетвореніи герцога, либо принятіемъ вознагражденія, лишь-бы къ тому не были назначены ни Данцигъ, ни какая-либо другая часть варшавскаго герцогства.

Наполеонъ, увѣряя Чернышева въ своемъ благорасположеніи къ Императору Александру, сказалъ:

„Признаюсь, что за два года предъ симъ я никогда не повѣрилъ-бы возможности разрыва между Россіею и Франціей, пока мы въ живыхъ, и какъ Императоръ Александръ молодъ, а я долженъ жить долго (et moi, je dois vivre longtemps), то считалъ наши взаимныя чувства ручательствомъ спокойствія Европы; моя преданность къ нему не измѣнилась; вы можете его увѣрить въ томъ отъ меня, сказавъ, что если суждено двумъ величайшимъ державамъ въ свѣтѣ драться между собою изъ-за пустяковъ (pour de peccadilles de demoiselles), я буду воевать по-рыцарски, безъ всякой ненависти, безъ малѣйшаго озлобленія, и даже, при удобномъ случаѣ, готовъ пригласить его позавтракать вмѣстѣ со мною на аванпостахъ. Сообщивъ вамъ мои истинныя чувствованія, посылаю васъ къ Императору Александру, какъ собственнаго повѣреннаго въ дѣлахъ, и остаюсь въ надеждѣ, что еще можно уладить дѣло, не про-

ливая крови ста тысячъ храбрыхъ, за то, что мы поспорили о цвѣтѣ какой-нибудь ленточки (parce que nous ne sommes pas d'accord sur la couleur d'un ruban). Если у васъ дѣйствительно хотятъ избѣжать разрыва съ Франціей, пришлите поскорѣе кого-либо для переговоровъ; чѣмъ долѣе станете медлить, тѣмъ болѣе будутъ мои приготовленія; если-же вы рѣшились воевать, то все будетъ зависѣть не отъ политики, а отъ военныхъ соображеній" (¹). За тѣмъ, Наполеонъ отпустилъ Чернышева, вручивъ ему письмо къ Императору Александру, слѣдующаго содержанія:

„Государь, братъ мой! По прибытіи курьера съ донесеніемъ отъ графа Лористона, отправленнымъ 6-го числа сего мѣсяца, я счелъ нужнымъ поговорить съ полковникомъ Чернышевымъ о непріятныхъ событіяхъ, происшедшихъ въ теченіи послѣднихъ пятнадцати мѣсяцевъ. Отъ Вашего Величества единственно зависитъ все кончить. Прошу В. В. никогда не сомнѣваться въ моемъ желаніи явить доказательства отличнаго уваженія къ Вашей Особѣ.

„Парижъ.

„24-го февраля 1812" (²).

По отбытіи полковника Чернышева изъ Парижа, французская полиція открыла, что онъ незадолго предъ тѣмъ добылъ подробное расписаніе наполеоновой арміи. Это надѣлало много шума и стоило жизни одному изъ чиновниковъ французскаго военнаго министерства, Мишелю, который сообщилъ помянутыя свѣдѣнія Чернышеву (³).

Въ дѣйствительности-же доставленное имъ знаменитое расписаніе не имѣло большой важности, потому что весьма точныя извѣстія о составѣ и передвиженіяхъ французскихъ войскъ постоянно получались въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ отъ князя Куракина.

Въ то время, когда полковникъ Чернышевъ прибылъ въ Петербургъ съ лаконическимъ посланіемъ Наполеона, приготовленія французскаго правительства къ нашествію на Россію были уже окончены, и самъ Наполеонъ намѣревался вскорѣ выѣхать изъ Парижа. Предпринимая гигантское предпріятіе, онъ собралъ огромныя средства. Кромѣ Франціи, Италіи и Рейнскаго Союза, непосредственно повиновавшихся его волѣ, онъ старался ополчить противъ Россіи всѣхъ ея сосѣдей, что̀ отчасти и удалось ему. Только лишь Швеція, оскорбленная вторженіемъ Французовъ въ принадлежавшую ей часть Помераніи, и Турція, предпочитавшая миръ сомнительнымъ успѣхамъ войны, отклонили предложенія Наполеона. Напротивъ того, Пруссія и Австрія были принуждены принять его сторону.

Положеніе Пруссіи, при разрывѣ Россіи съ Франціей, казалось безвыходно. Наполеонъ не могъ дозволить прусскому правительству оставаться неутральнымъ: оставалось принять сторону одной изъ воюющихъ державъ. Народъ и войска прусскія ненавидѣли Французовъ и повелителя ихъ, и самъ Король справедливо считалъ Наполеона заклятымъ врагомъ своимъ. Но отъ Короля, менѣе нежели когда-либо, можно было тогда ожидать рѣшительнаго шага. Совершенно подавленный бѣдствіями, постигшими его страну, не имѣя никакихъ надеждъ на лучшую будущность, Фридрихъ-Вильгельмъ, во время болѣзни, прекратившей дни его супруги, Королевы Луизы, сказалъ: «Wenn sie nicht mein wäre, würde sie leben, aber da sie meine Frau, stirbt sie gewiss». (Еслибы она не принадлежала мнѣ, то жила-бы, но какъ она жена моя, то умретъ на-вѣрно). Къ тому-же Пруссія находилась въ рукахъ Французовъ и не могла разсчитывать на неотлагательную защиту Русскихъ,

потому что Императоръ Александръ не желалъ быть зачинщикомъ войны и повелѣлъ сказать Фридриху-Вильгельму, что Пруссіи не остается ничего болѣе, какъ отклонить грозившій ей ударъ заключеніемъ союза съ Наполеономъ. Прискорбенъ былъ такой союзъ для Короля; еще прискорбнѣе было искать его, какъ милости, у высокомѣрнаго непріятеля. По условіямъ трактата 12 (24) февраля 1812 года, прусское правительство обязалось предоставить, на время войны, въ распоряженіе Наполеона всѣ свои владѣнія, кромѣ крѣпостей Грауденца и Кольберга, Силезіи и Глаца, содѣйствовать Французамъ двадцати-тысячнымъ корпусомъ, не дѣлать никакихъ новыхъ наборовъ безъ согласія Франціи и поставить для французскихъ войскъ 600.000 центнеровъ (полтора милліона пудовъ) муки, 44,000 воловъ, три тысячи обывательскихъ фуръ, и пр. и пр. Генералъ-интендантъ французской арміи Дюмасъ пишетъ, что Пруссія тогда оставалась въ долгу у Франціи на сумму 43-хъ милліоновъ франковъ; но Наполеонъ запретилъ сводить счеты съ прусскимъ правительствомъ до окончанія войны, помѣстивъ въ инструкціи Дюмасу замѣчательную фразу: «Après le compte établi, la Prusse restera encore reliquataire» (По уплатѣ долга, за Пруссіей все еще останется недоимка) ([4]). Несмотря на то, что союзъ Короля съ Наполеономъ оправдывался самою необходимостью, многіе изъ лучшихъ прусскихъ офицеровъ, тотчасъ вышли въ отставку. Въ числѣ ихъ были: Шарнгорстъ, Гнейзенау и Бойенъ; примѣру ихъ послѣдовали: Шазо, Клаузевицъ, графъ Дона, Гольцъ, Люцовъ, вообще-же до трехъ сотъ человѣкъ, изъ коихъ нѣкоторые поступили на службу въ русскую армію ([5]). Блюхеръ, незадолго предъ тѣмъ, по настоянію французскаго правительства, лишенный начальства надъ войсками

въ Помераніи и прибывшій въ Берлинъ, не скрывалъ негодованія на господство „проклятыхъ Вельховъ“ (Sakerments-Welschen) и „дьявольскаго Бонапарта“ (Schwernotskerl von Bonaparte). Цастровъ и подобные ему дипломаты дрожали отъ страха, слыша такія рѣчи, и даже нежаловавшій Французовъ Гарденбергъ находилъ опаснымъ пребываніе въ Берлинѣ „стараго рубаки.“ Король, вспомнивъ, что Блюхеръ не получилъ награды за оказанныя имъ въ 1806 году заслуги, пожаловалъ ему помѣстье Кунцендорфъ (Kunzendorf), близъ Нейссе, въ Силезіи, куда онъ тогда-же отправился ([6]).

Положеніе Австріи, сохранившей огромныя средства, было болѣе независимо, и она могла-бы остаться неутральною. Но вѣнскій дворъ, во всѣ времена славившійся дальновидностью своей политики, (хотя иногда и ошибавшійся въ разсчетахъ), сообразилъ, что, въ случаѣ успѣха дѣйствій наполеоновыхъ, казавшагося несомнѣннымъ, можно было, находясь съ нимъ въ союзѣ и содѣйствуя ему, получить какія-либо выгоды, и напротивъ того, отказавшись отъ участія къ войнѣ, навлечь на себя неудовольствіе Наполеона и новыя бѣдствія. Со стороны-же Императора Александра, при успѣхѣ его, Австрія была обезпечена увѣренностью въ незлобіи его характера и собственными пользами Россіи, требовавшими союза съ германскими державами противъ бича Европы. На основаніи такого разсчета, 2 (14) марта, былъ подписанъ договоръ, по условіямъ котораго Австрія и Франція взаимно ручались за цѣлость владѣній, обязывались помогать одна другой тридцати-тысячнымъ корпусомъ войскъ съ 60-ю орудіями и принимали подъ свою защиту владѣнія Оттоманской Порты; австрійское правительство подтверждало условіе соблюдать запретительную систему противъ Англіи.

По особому секретному трактату, Австрія, будучи освобождена отъ участія въ войнахъ Франціи за Пиренеями, давала обѣщаніе, въ случаѣ войны Наполеона съ Россіею, выставить вспомогательный корпусъ, который долженъ былъ состоять подъ начальствомъ австрійскаго генерала, но дѣйствовать по распоряженіямъ (dans la ligne prescrite) Его Величества Императора Французовъ. Наполеонъ обязался сохранить за Австріей владѣніе Галиціею, даже и въ случаѣ возстановленія Польши. Еслибы Императоръ Австрійскій счелъ удобнымъ получить въ замѣну Галиціи иллирійскія провинціи, то Наполеонъ обязывался согласиться на то, а по успѣшномъ окончаніи войны обѣщалъ не только вознаградить Австрію, за всѣ пожертвованія и убытки, но доставить ей такое увеличеніе владѣній, которое послужило бы памятникомъ искренняго союза между обѣими державами ([7]).

Въ отношеніи Швеціи, Наполеонъ сперва ограничился соблюденіемъ континентальной системы въ Помераніи, потомъ распространилъ такія-же домогательства на всѣ шведскія владѣнія, и наконецъ потребовалъ совершеннаго исключенія не только англійскихъ, но и американскихъ судовъ изъ шведскихъ гаваней. Въ послѣднихъ-же числахъ 1810 года, онъ изъявилъ свою волю, чтобы Швеція объявила войну Англіи, угрожая, въ случаѣ ослушанія, войною съ Франціею. Король шведскій былъ принужденъ исполнить это требованіе. По мѣрѣ его уступчивости возрастали притязанія французскаго правительства: желая поставить Швецію въ зависимость отъ себя на-равнѣ съ Рейнскимъ Союзомъ, Наполеонъ хотѣлъ отправить 6,000 (по другимъ свѣдѣніямъ 2,000) шведскихъ матросовъ на французскій флотъ, стоявшій въ Брестѣ; Король Карлъ XIII-й,

отклонилъ это домогательство, какъ противное основнымъ законамъ государства. Вслѣдъ за тѣмъ Швеція была принуждена принять въ Готенбургъ французскую таможенную стражу. Англичане, не обращая вниманія на объявленную имъ Шведами войну, не принимали никакихъ враждебныхъ мѣръ противъ ихъ торговли; напротивъ того, Наполеонъ, считавшійся ихъ союзникомъ, дозволялъ французскимъ каперамъ перехватывать шведскія суда и забирать насильно въ нѣмецкихъ гаваняхъ шведскихъ матросовъ. А, между тѣмъ, французскій резидентъ въ Стокгольмѣ баронъ Алькьѐ (Alquier), человѣкъ весьма дерзкій *), позволялъ себѣ неумѣстныя выходки въ сношеніяхъ съ шведскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, барономъ Энгештромомъ, что̀ заставило Наполеона, въ октябрѣ 1811 года, смѣнить своего неугомоннаго агента. За тѣмъ, недоразумѣнія, возникшія по поводу драки экипажей двухъ французскихъ каперовъ съ нѣсколькими шведскими солдатами, въ Стральзундѣ, подали Французамъ предлогъ къ занятію вооруженною рукою Помераніи, въ концѣ генваря (въ началѣ февраля) 1812 года. Жители этой области были обложены тяжкими податями; нѣсколько судовъ, принадлежавшихъ правительству, захвачены; два шведскихъ полка обезоружены и отправлены во Францію ([8]). Наполеонъ, надѣясь, что эти строгія мѣры заставятъ шведское правительство покориться его произволу, сообщилъ черезъ герцога Бассано супругѣ Наслѣднаго шведскаго принца, тогда находившейся въ Парижѣ, ноту, заключавшую въ себѣ обѣщаніе возвратить Померанію, если Швеція согласится: во 1-хъ, прервать строжайшими мѣрами

*) Наполеонъ, говоря объ Алькьѐ, сказалъ: «Ce buffle me faira encore des ennemis partout». (Этотъ буйволъ надѣлаетъ мнѣ вездѣ непріятелей).

всякое сообщеніе съ Англичанами, и во 2-хъ, содѣйствовать Наполеону противъ Россіи тридцати или сорока-тысячною арміею; а въ вознагражденіе за то Наполеонъ обязывался: возвратить Швеціи отъ Россіи Финляндію и купить у Шведовъ на 20 милліоновъ франковъ колоніальныхъ товаровъ, заплативъ за нихъ, какъ только они будутъ доставлены въ Данцигъ, или въ Любекъ (9).

Какъ не подлежало сомнѣнію, что Швеція, заключивъ союзъ съ Франціей противъ Россіи, навлекла-бы на себя войну съ Англіей, блокаду морскихъ береговъ, совершенное прекращеніе торговли и общую бѣдность, то шведское правительство, отклонивъ предложенія Наполеона (10), заключило союзный трактатъ съ Россіею: 1) обѣ державы взаимно ручались за цѣлость владѣній; 2) условлено послать на берега Германіи, противъ Франціи и ея союзниковъ, корпусъ войскъ, въ числѣ отъ 25-ти до 30-ти тысячъ человѣкъ Шведовъ и отъ 15-ти до 20-ти тысячъ Русскихъ; 3) Императоръ Александръ обязался содѣйствовать присоединенію Норвегіи къ Швеціи, по соглашенію съ Королемъ Датскимъ, либо силою оружія: въ первомъ случаѣ, намѣревались предложить Королю вознагражденіе въ Германіи: въ случаѣ-же отказа его, союзники положили дѣйствовать противъ Даніи соединенными силами; 4) по присоединеніи Норвегіи къ Швеціи, союзная армія долженствовала двинуться въ Германію; 5) положено пригласить Короля Великобританскаго къ принятію участія въ союзѣ (11). Наполеонъ, зная, что Наслѣдный принцъ шведскій имѣлъ виды на присоединеніе Норвегіи, послалъ къ нему шведскаго консула въ Парижѣ Синьоля (Signeul), которому было поручено убѣдить принца, чтобы онъ оставилъ притязаніе на помянутую страну, и предложить ему,

вмѣстѣ съ заключеніемъ союза противъ Россіи: 1) Померанію, 2) Финляндію, 3) Мекленбургъ и 4) Штетинъ съ округомъ до Вольгаста; 5) шесть милліоновъ франковъ на предварительныя вооруженія и ежемѣсячно по милліону въ продолженіи войны, и наконецъ 6) немедленное вознагражденіе за всѣ дотаціи, которыми принцъ пользовался во Франціи, что̀ составляло до 15-ти милліоновъ франковъ. Но тогда Бернадотъ уже склонился на сторону непріятелей Наполеона и предложенія Синьоля были отвергнуты ([12]).

Столь-же безуспѣшны были старанія Наполеона возбудить Оттоманскую Порту къ продолженію войны противъ Россіи. Несмотря на интриги французскаго агента въ Константинополѣ, Латуръ-Мобура, Турки, обезпокоиваемые поисками русскихъ отрядовъ, зимою съ 1811 на 1812 годъ, искали мира и, не обращая вниманія на прекращеніе перемирія, неотзывали своихъ уполномоченныхъ изъ Бухареста. А, между тѣмъ, опасность, угрожавшая Россіи съ запада, заставила насъ умѣрить прежнія требованія. Такое взаимное расположеніе обѣихъ сторонъ благопріятствовало развязкѣ дѣла. Императоръ Александръ, недовольный медленностью переговоровъ, требовалъ отъ Кутузова, именемъ Отечества, обратить всѣ возможныя усилія къ достиженію мира, но не давалъ ему положительнаго наставленія на счетъ смягченія уступокъ требуемыхъ отъ Порты. Кутузовъ отвѣчалъ: „Всемилостивѣйшій Государь, Вы изволите вызывать меня именемъ Отечества, которое конечно я люблю всѣми чувствами, но гдѣ имя Ваше, Государь, тамъ не надобно мнѣ гласа Отечества“. Императоръ Александръ, наконецъ, выведенный изъ терпѣнія тщетнымъ ожиданіемъ мира, послалъ на смѣну Кутузова адмирала Чичагова. Од-

ною изъ причинъ, побудившихъ Государя назначить Чичагова главнокомандующимъ Дунайской арміи и Черноморскаго флота и генералъ-губернаторомъ Молдавіи и Валахіи, были дошедшія до Императора жалобы туземцевъ на притѣсненія ими терпимыя отъ нашихъ войскъ. Къ тому-же Государь недовѣрялъ Австріи, въ то время уже вступившей въ союзъ съ Франціей, и предполагалъ обезпечить себя отъ враждебныхъ покушеній обѣихъ державъ, возбудивъ возстаніе славянскихъ народовъ и направя Дунайскую армію, усиленную ихъ ополченіями, къ Адріатическому морю. Для такой диверсіи было необходимо заключить съ Портою оборонительный и наступательный союзъ, либо, по крайней мѣрѣ, войти въ соглашеніе съ Турками, на счетъ движенія нашей арміи чрезъ принадлежащія имъ области ([13]). Но когда Чичаговъ пріѣхалъ въ Бухарестъ, уже были подписаны, 5 (17) мая, предварительныя условія мира*). Кутузовъ, при заключеніи ихъ, отступивъ отъ данныхъ ему по нѣкоторымъ статьямъ Высочайшихъ повелѣній, руководился желаніемъ прекратить войну съ Портою прежде нашествія Наполеона, уже стоявшаго на границахъ Россіи ([14]). По условіямъ трактата, подписаннаго 16-го (28-го) мая, въ Бухарестѣ, Россія получила Бессарабію, отодвинувъ границу съ Европейскою Турціей съ Днѣстра къ Пруту. Касательно-же обоюдной азіятской границы, было сказано только, что: „Россія возвращаетъ Блистательной Портѣ владѣнія и крѣпости въ Азіи, покоренныя русскимъ оружіемъ“. (Ст. VI). Такое изложеніе 6-й статьи Бу-

---

*) Въ то время ходили слухи, будтобы канцлеръ Румянцовъ предупредилъ Кутузова о прибытіи, на смѣну ему, Чичагова, и что Кутузовъ, узнавъ о томъ, ускорилъ заключеніе мира, и даже, для достиженія сей цѣли, показалъ турецкимъ уполномоченнымъ какія-то письма Наполеона, заключавшія въ себѣ проектъ раздѣла турецкихъ владѣній.

харестскаго трактата дало намъ возможность удержать за собою всѣ области Закавказья до Арпачая, Аджарскихъ горъ и Чернаго моря, по праву и прямому смыслу трактата. И дѣйствительно — по изгнаніи Персовъ за Араксъ, еще до начала войны съ Турціей, Грузія, Мингрелія и Шурагель принадлежали Россіи по праву завоеванія, скрѣпленнаго добровольнымъ подданствомъ туземцевъ, и въ послѣдствіи, при заключеніи мира съ Персіей, включены въ число владѣній, пріобрѣтенныхъ отъ нея Россіею. Турція-же не имѣла никакихъ правъ на эти области и изъявляла потомъ на нихъ притязанія, собственно по проискамъ Англіи. Слѣдовательно — на основаніи 6-й статьи трактата, мы обязались возвратить Портѣ только собственныя ея владѣнія, *оружіемъ нашимъ завоеванныя.* По этому, когда пришлось исполнять условія трактата, министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Румянцовъ, въ августѣ 1812 года, писалъ главноуправляющему въ Грузіи, что „на основаніи Бухарестскаго трактата, вовсе не слѣдуетъ отдавать Туркамъ областей, которыя прежде и въ продолженіи послѣдней войны съ Портою добровольно намъ покорились, и по тому отъ Порты никакія притязанія на эти области приняты быть не могутъ, а возвратить слѣдуетъ тѣ только крѣпости и замки, съ землями къ нимъ принадлежащими, которые въ нынѣшнюю войну завоеваны у Турокъ силою оружія“. Это условіе было въ точности выполнено, и вмѣстѣ съ тѣмъ Россія выполнила и свое призваніе въ отношеніи христіанскихъ племенъ за Кавказомъ, уже два вѣка умолявшихъ наше правительство о защитѣ ихъ отъ Мусульманъ. Такимъ образомъ хитрый Кутузовъ, ведя переговоры въ Бухарестѣ, въ присутствіи такого искуснаго противника, каковъ былъ знаменитый въ послѣдствіи лордъ Радклифъ, умѣлъ про-

вести его и склонить Турокъ „подписать объ Азіи статью *темную, запутанную*, которая, при выполненіи условій, дала-бы возможность сохранить то, что̀ теперь занимаемъ“. Такъ писалъ Кутузовъ, еще при веденіи переговоровъ, и — сдержалъ слово ([15]).

Совершивъ великій подвигъ заключенія мира, Кутузовъ писалъ Государю: „Предаюсь великодушію Вашего Императорскаго Величества. Что я ничего лучшаго сдѣлать не могъ, тому причиною положеніе дѣлъ въ Европѣ; что я никакихъ не упустилъ стараній и способовъ, тому свидѣтель Богъ. Уважьте, Всемилостивѣйшій Государь, что, при всѣхъ лестныхъ обѣщаніяхъ, отъ Франціи Портѣ дѣлаемыхъ, и при ожиданіи непріятностей, въ случаѣ отказа Порты, заключить миръ, выгоднѣйшій Ясскаго и Кайнарджискаго, ибо Порта лишается своихъ лучшихъ пяти крѣпостей и съ немалымъ пространствомъ земли, дѣло не пустое. Но ежели за всѣмъ тѣмъ выгоднѣе будетъ разорвать все мною сдѣланное, въ такомъ случаѣ приму безъ роптанія все, что̀ касательно меня послѣдовать можетъ; несчастіе частнаго человѣка съ пользою общею ни въ какой разсчетъ невходитъ“.

Адмиралъ Чичаговъ былъ весьма недоволенъ заключеніемъ мира, лишившимъ его вліянія на наши дѣла съ Турціею. Онъ старался выказать въ глазахъ Императора Александра невыгоды Бухарестскаго трактата, и предлагалъ Государю отказать въ ратификаціи его и домогаться, чтобы Порта заключила съ нами союзъ противъ Франціи, либо, по крайней мѣрѣ, дозволила намъ провести Молдавскую армію, чрезъ турецкія владѣнія, въ Иллирію и Италію, для отвлеченія туда части наполеоновыхъ силъ. Въ случаѣ-же отказа Турокъ и возобновленія съ ними войны, Чичаговъ предполагалъ обѣщать жителямъ Молдавіи и Валахіи, что они никогда не будутъ воз-

вращены Портѣ, и уже началъ формировать въ Княжествахъ туземныя войска. Чичаговъ предполагалъ дѣйствовать рѣшительно, направясь чрезъ Балканы прямо на Константинополь, одновременно съ дѣйствіями эскадры, на которой должна была отплыть изъ Одессы туда-же дивизія герцога Ришельё ([16]). Но Императоръ Александръ зналъ, что всякое покушеніе на столицу султановъ могло возбудить недоброжелательство Англичанъ, и считалъ болѣе полезнымъ собрать вооруженныя силы на западной границѣ Имперіи, для противодѣйствія Наполеону, нежели отдѣлить особую армію противъ Турокъ, и по тому Государь, хотя и былъ недоволенъ условіями Бухарестскаго трактата, однакоже утвердилъ его. Кутузовъ, 12 (24) мая, сдавъ начальство надъ арміей Чичагову, отправился въ свое помѣстье Горошки, волынской губерніи, откуда, по полученіи извѣстія о переходѣ Наполеона чрезъ Нѣманъ, поѣхалъ въ Петербургъ ([17]).

Остается сказать объ отношеніяхъ Россіи къ Англіи.

Послѣдствіемъ Тильзитскаго мира былъ разрывъ между сими державами ([18]), но обѣ онѣ уклонялись отъ враждебныхъ дѣйствій одной противъ другой, и взаимная непріязнь обнаружилась только стѣсненіемъ торговли, происками Англичанъ, замедлившими заключеніе мира Россіи съ Персіей и Турціей, содѣйствіемъ шведскому флоту въ Балтійскомъ морѣ и отводомъ въ Портсмутъ эскадры Сенявина.

При такомъ взаимномъ расположеніи обѣихъ державъ, возстановленіе между ними дружественныхъ связей должно было послѣдовать немедленно по открытіи войны Наполеономъ противъ Россіи.

Сравнивая политическія отношенія въ 1812 году Россіи и Франціи къ прочимъ державамъ, находимъ,

что Наполеонъ, располагая самовластно силами значительной части Европы, пользовался, кромѣ того, содѣйствіемъ Австріи и Пруссіи. Напротивъ того, Императоръ Александръ могъ разсчитывать только на помощь Швеціи и на субсидіи Англіи. Россія была предоставлена собственнымъ своимъ средствамъ; но твердость духа, выказанная Монархомъ въ рѣшительную годину, и единодушіе всѣхъ народныхъ сословій въ святомъ дѣлѣ защиты роднаго края усугубили нашу силу. Къ тому-же, мы имѣли право надѣяться на сочувствіе народовъ, стонавшихъ подъ игомъ Франціи. Напротивъ того, могущество Наполеона въ это время, не только въ Европѣ, но и въ самой Франціи, опиралось единственно на войска. Побѣды его еще ослѣпляли славолюбивыхъ Французовъ, но не согрѣвали сердецъ ихъ огнемъ преданности властителю, принесшему въ жертву военной славѣ благо своихъ народовъ. Конскрипты скрывались по лѣсамъ, уклоняясь отъ службы, не представлявшей имъ никакой отрадной будущности. Ихъ отцы, матери и жены проклинали виновника общихъ бѣдствій; страна, лишенная лучшей части молодаго поколѣнія, обложенная тяжкими налогами, бѣднѣла замѣтно отъ стѣсненія торговли. Въ самомъ Парижѣ рабочій народъ жаловался на постоянно возраставшую цѣну хлѣба и прочихъ необходимѣйшихъ потребностей ([19]). Въ Италіи, Голландіи, Германіи, вездѣ, гдѣ водворялось господство Наполеона, роптали на введеніе ненавистной континентальной системы. Владѣтели Рейнскаго Союза, увлеченные на сторону Франціи, потворствомъ ихъ деспотизму и расширеніемъ своихъ владѣній, не заботились о привязанности своихъ подданныхъ, которые, видя въ нихъ не защитниковъ общаго отечества — Германіи, а рабовъ Наполеона, образовали тайныя общества, въ ожи-

даніи времени, когда долженъ былъ пробить желанный часъ освобожденія Европы. Еще въ 1809 году, на многихъ пунктахъ, обнаруживались вспышки негодованія германскихъ народовъ, и хотя эти покушенія были подавлены въ самомъ зародышѣ, однакоже возникли снова, и кровь Шиля и Гофера, оросивъ родную землю, принесла обильную жатву мести.

Наполеонъ, ослѣпленный военными успѣхами, еще болѣе ослѣпленный лестью, заглушавшею вопли народовъ, надѣялся на свою огромную армію, которой Императоръ Александръ не могъ противопоставить и половиннаго числа войскъ. Силы, назначенныя для нашествія на Россію, вообще простирались до 600,000 человѣкъ съ 1,242 полевыми орудіями, но въ началѣ (въ половинѣ) мая были собраны въ Пруссіи, Саксоніи, герцогствѣ варшавскомъ и Галиціи только до 450.000 человѣкъ; остальные-же 150,000 частью находились еще назади, частью были сформированы въ послѣдствіи. Весьма замѣчательно, что эта, такъ называемая „Великая армія“ считала въ рядахъ своихъ болѣе половины иностранныхъ войскъ ([20]). Императоръ Алексардръ, въ началѣ дѣйствій, могъ выставить для обороны западныхъ границъ не болѣе 200 тысячъ человѣкъ съ 960 орудіями; но ведя войну въ сосѣдствѣ источниковъ военныхъ средствъ, пользовался ими для укомплектованія и усиленія своей арміи.

Ближайшею, непосредственною цѣлью нашествія Наполеона было подчиненіе Россіи своему произволу: само собою разумѣется, что послѣдствіемъ того былобы распространеніе континентальной системы на всю Европу. Но въ это время Наполеонъ уже убѣдился на опытѣ въ несостоятельности такого средства для покоренія Англіи, и по тому предпринялъ достичь своей цѣли завоеваніемъ Индіи. Онъ надѣялся, одер-

жавъ рѣшительную побѣду надъ Русскими, побудить Императора Александра къ заключенію съ нимъ союза и къ принятію участія въ его предпріятіи: такимъ образомъ, Россія, доставя Наполеону сильный контингентъ и огромныя средства, послужила-бы ему ступенью при исполненіи гигантскихъ его замысловъ. Чрезвычайныя затрудненія похода въ нашу страну не укрылись отъ его вниманія, но онъ надѣялся преодолѣть ихъ, дѣлалъ огромныя приготовленія и принималъ мѣры (хотя весьма недостаточныя) на случай неудачи.

Наполеонъ предполагалъ собрать въ Данцигѣ годовой запасъ провіанта на 400 или 500 тысячъ человѣкъ и фуража на 100 тысячъ лошадей, и въ дѣйствительности успѣлъ въ томъ; но ему предстояло еще болѣе трудное дѣло — устроить подвозы этихъ запасовъ въ слѣдъ за войсками. На средства нашихъ западныхъ губерній нельзя было надѣяться, и въ особенности весною, когда сами жители нерѣдко терпятъ нужду въ хлѣбѣ. И по тому Наполеонъ находился въ необходимости имѣть при войскахъ огромные обозы: кромѣ восьми фурштадтскихъ баталіоновъ, съ полутора тысячью сухарныхъ фуръ, возимыхъ на четырехъ лошадяхъ и вмѣщавшихъ въ себѣ трехъ-дневный запасъ провіанта для одного баталіона, у него было четыре баталіона одноконныхъ повозокъ и пять баталіоновъ воловыхъ фуръ, которыя могли двигаться по самымъ дурнымъ дорогамъ, и къ тому-же волы не требовали почти никакого присмотра и по доставкѣ провіанта назначались въ пищу войскамъ. Вообще-же эти семнадцать фурштадтскихъ баталіоновъ, съ пятью или шестью тысячами повозокъ, состояли изъ 8-ми или 10-ти тысячъ погонщиковъ съ 18-ю или 20-ю тысячами лошадей и воловъ; въ кавалеріи и артиллеріи было

болѣе 100 тысячъ строевыхъ и подъемныхъ лошадей. Очевидно, что для такого множества животныхъ нельзя было ни найти на мѣстѣ, ни вести за собою, достаточное количество фуража, и по тому Наполеонъ отложилъ походъ до появленія подножнаго корма, въ концѣ мая.

Кромѣ двухъ понтонныхъ парковъ, во сто понтоновъ каждый, Наполеонъ приказалъ имѣть при арміи канаты, якори и прочіе пеньковые и желѣзные матеріалы, для постройки мостовъ изъ лѣса найденнаго на мѣстахъ переправы. „Съ такими средствами для насъ нѣтъ препятствій“ (nous dévorerons tous les obstacles) писалъ онъ. Готовясь идти въ невѣдомую страну, Наполеонъ старался по возможности пріобрѣсть свѣдѣнія о Россіи и приказалъ гравировать Сто-листовую, или, такъ называемую, Подробную карту нашихъ западныхъ губерній, съ переводомъ надписей на французскій языкъ; эта, весьма плохая, карта была разослана многимъ изъ его генераловъ, но не могла имъ принести пользы. Французскимъ агентамъ въ Россіи, и въ числѣ ихъ секретарю посольства Превò, поручено было собрать подробныя свѣдѣнія о губерніяхъ: эстляндской, лифляндской, курляндской, псковской, витебской, могилевской, минской, виленской, гродненской, бѣлостокской, волынской, кіевской, подольской и херсонской ([21]).

Не смотря на безпрестанныя войны, веденныя Россіею съ 1805-го по 1812-й годъ, и на бывшее послѣдствіемъ ихъ разстройство нашихъ финансовъ, русская армія была значительно усилена и получила несравненно лучшее тактическое образованіе противъ прежняго; въ особенности-же артиллерія, благодаря дѣятельности графа Аракчеева, была дове-

дена, по современному ея состоянію въ Европѣ, до высокой степени совершенства. Въ 1811 году, когда уже не сомнѣвались въ неизбѣжности войны съ Наполеономъ, составлены изъ гарнизонныхъ баталіоновъ 13-ть новыхъ пѣхотныхъ полковъ, сформирована вновь 27-я пѣхотная дивизія изъ 6-ти полковъ ([22]), вообще-же армейская пѣхота усилилась 23-мя полками, (считая въ томъ числѣ и Морскіе полки). Лейбъ-гвардіи Финляндскій баталіонъ переформированъ въ трехъ-баталіонный Л. Гв. Финляндскій полкъ, а одинъ изъ баталіоновъ Преображенскаго полка — въ Лейбъ-гвардіи Литовскій полкъ ([23]). Сформированъ 3-й учебный гренадерскій баталіонъ([24]). Учреждены вновь два кирасирскихъ полка ([25]). Полевая артиллерія значительно усилена сформированіемъ новыхъ ротъ, Л. Гв. конная артиллерія раздѣлена на двѣ роты, а Л. Гв. артиллерійскій баталіонъ переименованъ въ Л. Гв. артиллерійскую бригаду ([26]). Въ началѣ 1812 года, русская армія находилась въ составѣ: 514-и баталіоновъ, 410-и эскадроновъ, 159-ти артиллерійскихъ ротъ и 2-хъ піонерныхъ полковъ, вообще-же въ числѣ, по штатному положенію, 480-и тысячъ человѣкъ съ 1,600 орудіями, (не считая учебныхъ и гарнизонныхъ войскъ и вновь сформированныхъ, 1-го мая 1812 года, изъ рекрутъ, 12-ти пѣхотныхъ полковъ). Значительная часть войска была размѣщена по южнымъ границамъ Имперіи ([27]). Дѣйствующія арміи, вообще въ числѣ 200 тысячъ человѣкъ, расположились въ западныхъ пограничныхъ губерніяхъ. Первая линія резервовъ, составленння изъ части запасныхъ войскъ (вторыхъ баталіоновъ и 5-хъ, 9-хъ и 10-хъ эскадроновъ) дѣйствующей арміи, въ числѣ до 35-ти тысячъ человѣкъ, стояла по Западной Двинѣ, Березинѣ, Днѣпру и у Мозыря на Припети ([28]). Вторую линію ре-

зервовъ образовали рекрутскія депо, учрежденныя въ 1808 году и получившія новое устройство въ 1811 году. Изъ рекрутъ собранныхъ въ депо были сформированы четвертые (резервные) трехъ-ротные баталіоны пѣхотныхъ полковъ, шестые, одиннадцатые и двѣнадцатые (резервные-же) эскадроны кавалерійскихъ полковъ и 24 новыя артиллерійскія роты ([29]). Въ мартѣ 1812 года, повелѣно составить изъ запасныхъ войскъ 18 пѣхотныхъ и 8 кавалерійскихъ дивизій ([30]). Для снабженія арміи боевыми припасами, учреждено 58 запасныхъ парковъ, расположенныхъ въ три линіи: парки 1-й линіи (подвижные) заключали въ себѣ комплектное число зарядовъ для артиллеріи, патроновъ, кремней и лабораторныхъ припасовъ, и были снабжены повозками и лошадьми; а парки 2-й и 3-й линій (неподвижные), безъ повозокъ и лошадей, служили для пополненія перволинейныхъ. Лошади подвижныхъ парковъ (534 въ каждомъ) были собраны передъ открытіемъ дѣйствій, съ каждаго пятисотеннаго рекрутскаго участка по одной, въ губерніяхъ: остзейскихъ, бѣлорусскихъ, западныхъ и малороссійскихъ; перевозку-же боевыхъ припасовъ изъ парковъ 2-й и 3-й линій въ 1-ю повелѣно производить на обывательскихъ подводахъ.

Въ началѣ войны, магазины для продовольствованія арміи были устроены въ западныхъ губерніяхъ, по направленіямъ ведущимъ отъ Нѣмана и Буга къ Петербургу, Москвѣ и Кіеву. На первый разъ было приготовлено: муки болѣе шестисотъ тысячъ кулей, крупъ болѣе пятидесяти шести тысячъ четвертей и овса до восьмисотъ тысячъ четвертей ([31]). По замѣчанію генерала Канкрина, вообще всѣ наши начальныя заготовленія провіанта и фуража принесли мало пользы, потому что были собраны на немногихъ пунктахъ, въ слишкомъ большомъ количествѣ. Къ

счастью, значительная часть запасовъ израсходовалась на войска еще до открытія дѣйствій; нѣкоторые запасы вывезены при отступленіи, остальные сожжены; въ особенности-же была чувствительна потеря магазина заложеннаго въ Колтынянахъ ([32]).

На счетъ общаго плана дѣйствій русской арміи, существуетъ много различныхъ мнѣній; утверждали даже, будтобы въ первую половину похода, отъ вторженія Наполеона въ наши предѣлы до занятія Французами Москвы, мы дѣйствовали безъ всякаго опредѣленнаго плана, на удачу. Такое мнѣніе совершенно ложно. Народный здравый смыслъ, подкрѣпленный историческими преданіями, открылъ, что суровый климатъ и огромное протяженіе страны, вмѣстѣ съ недостаткомъ жизненныхъ средствъ, могутъ въ оборонительной войнѣ быть нашими союзниками, и что мы должны вести такую войну, замедляя развязку дѣла до глубокой осени и зимы, отступая на большое пространство и опустошая области предоставляемыя непріятелю, подобно тому какъ поступали наши предки, при нашествіяхъ Татаръ, Поляковъ и Шведовъ. Еще въ древности, такой образъ дѣйствій способствовалъ тогдашнимъ жителямъ южной Россіи, Скиѳамъ, поставить въ самое бѣдственное положеніе несмѣтныя полчища Дарія. Ближайшій примѣръ успѣха такихъ-же дѣйствій представляла Сѣверная война: въ 1707 году, когда Карлъ XII-й уже готовился вторгнуться въ Россію, Петръ I собралъ въ Жолкіевѣ своихъ военачальниковъ, Шереметева, Меншикова, Репнина, и проч. для совѣщанія о планѣ обороны государства, въ случаѣ вторженія Шведовъ въ наши предѣлы. На этомъ военномъ совѣтѣ было принято предложеніе Шереметева:

„не принимать сраженія въ Польшѣ, тѣмъ паче. что, въ случаѣ неудачи, мы не могли расчитывать на содѣйствіе тамошнихъ жителей. И по тому отступать, не вдаваясь въ рѣшительный бой, опустошать за собою страну, задерживать непріятеля на переправахъ, и неупуская его изъ вида, безпрестанно тревожить нападеніями легкихъ отрядовъ.“ Исполненіе этого плана довело до крайности шведскую армію и вмѣстѣ съ чрезвычайною стужею зимы съ 1708-го на 1709-й годъ облегчило побѣду подъ Полтавою. Что понятіе о такомъ способѣ дѣйствій было усвоено между нашими военными, тому свидѣтельствомъ служатъ слова слышанныя Нибуромъ (въ послѣдствіи знаменитымъ историкомъ) отъ Барклая де-Толли, еще въ 1807 году, когда Барклай, будучи тяжело раненъ подъ Прейсишъ-Эйлау, лежалъ въ Мемелѣ. „Еслибы мнѣ довелось воевать противъ Наполеона въ званіи главнокомандующаго — сказалъ онъ — то я избѣгалъ-бы генеральнаго сраженія и отступалъ-бы, увлекая за собою французскую армію, ослабляя ее на каждомъ шагу недостаткомъ въ жизненныхъ запасахъ и частными нападеніями, а, между тѣмъ, сохраняя собственныя войска и усиливая ихъ подкрѣпленіями, пока Наполеонъ, вмѣсто рѣшительной побѣды, нашелъ-бы вторую Полтаву“ ([33]). Въ сочиненіи „Письма изъ Россіи“, италіянца графа Фаньяни (Fagnani), появившемся въ свѣтъ еще до открытія войны 1812 года, упоминается, что многіе изъ Русскихъ говорили автору объ отступленіи внутрь страны, какъ средствѣ для ослабленія непріятельской арміи и для выигранія времени, пока наступленіе глубокой осени и зимы прекратитъ возможность продолжать военныя дѣйствія. Успѣхъ Веллингтона въ Португаліи и бѣдственное отступленіе Массены отъ Торресъ-Ведрасъ были ближайшимъ примѣромъ

выгодъ, доставляемыхъ выжидательною системою. Генералъ Фрейгангъ, служившій въ 1812 году поручикомъ генеральнаго штаба, (Свиты Е. В. по квартирмейстерской части), разсказывалъ, что, по отъѣздѣ Императора Александра, въ маѣ 1812 года, изъ Шавли, гдѣ онъ производилъ смотръ 1-му корпусу, офицеры генеральнаго штаба спрашивали у генерала Доврѐ и полковника Дибича: „что̀ будетъ?“ — „Мы отступимъ.“ — „Далеко-ли?“ — „Какъ угодно будетъ Наполеону, хоть до Волги“, отвѣчали они.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что предположеніе истощить наступающую непріятельскую армію походомъ и голодомъ было достаточно распространено въ Россіи, и что у насъ, для приведенія въ исполненіе такого плана дѣйствій, не имѣлось большой надобности во внушеніяхъ иностранцевъ. Очевидно, что онъ не былъ готовымъ планомъ соображеній кого-либо одного изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ нашего управленія, а развился постепенно, вмѣстѣ съ ходомъ войны. Первоначальный-же планъ образовался изъ различныхъ мнѣній, предположеній и видовъ, и въ этомъ предварительномъ трудѣ главными участниками, кромѣ самаго Императора, были Фуль и Барклай де-Толли. Императоръ Александръ обладалъ искусствомъ военныхъ соображеній, на сколько это доступно человѣку большаго ума, не посвященному на опытѣ во всѣ подробности военнаго ремесла: обсуживая довольно правильно стратегическіе планы, онъ нигдѣ не выказалъ искусства въ тактическомъ отношеніи, и даже, по свидѣтельству современниковъ, близкихъ къ нему, затруднялся оріентироваться на полѣ сраженія. Не имѣвъ случая въ молодости изучить теорію военнаго искусства, онъ пользовался наставленіями трудолюбиваго составителя военныхъ плановъ Фуля. Генералъ Фуль,

перешедшій изъ прусскаго генеральнаго штаба въ русскую службу, считался между своими земляками геніяльнымъ человѣкомъ, но хотя ему нельзя было отказать ни въ умѣ, ни въ образованіи, однакоже его свѣдѣнія были крайне односторонны. Погруженный въ щепетильное изученіе дѣйствій Юлія Цезаря и Фридриха Великаго, онъ не разгадалъ ихъ духа, не разъяснилъ своихъ свѣдѣній здравымъ изслѣдованіемъ и не дополнилъ ихъ понятіемъ о новѣйшихъ, болѣе близкихъ, военныхъ событіяхъ. Упражняясь весь свой вѣкъ въ трудахъ, непримѣнимыхъ ни къ чему дѣльному, онъ, въ продолженіи шестилѣтняго пребыванія въ Россіи, не изучилъ даже русскаго языка и не пріобрѣлъ ни малѣйшихъ свѣдѣній о государственныхъ и военныхъ учрежденіяхъ Россіи. Императоръ Александръ имѣлъ большое довѣріе къ нему, пока не убѣдился въ его неспособности ([34]).

По мѣрѣ того, какъ война между Россіею и Франціей содѣлывалась болѣе и болѣе вѣроятною, составляемы были планы для противодѣйствія Наполеону, такъ что въ продолженіи 1811 года число ихъ простиралось до двадцати: немногіе лишь изъ нихъ заключали въ себѣ проекты наступательныхъ дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью занятіе Пруссіи и герцогства варшавскаго и возбужденіе къ возстанію сѣверной Германіи; всѣ-же прочіе, оборонительные, большею частью, были основаны на выжиданіи противника въ предѣлахъ собственной страны и ослабленіи его продолжительнымъ отступленіемъ. Важнѣйшими изъ такихъ плановъ были два: первый, маіора Вольцогена, представленный чрезъ князя Волконскаго Государю, въ августѣ 1810 года, подъ заглавіемъ: „Записка о способѣ вести войну противъ Наполеона“ (Denkschrift über Napoleon und die Art gegen ihn Krieg zu führen); а второй французскаго

эмигранта, графа д'Аллонвиля (d'Allonville), автора „Записокъ государственнаго человѣка“ (Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état), поднесенный Императору Александру, въ генварѣ 1811 года, адмираломъ графомъ Николаемъ Семеновичемъ Мордвиновымъ, обратившій на себя вниманіе Государя и сообщенный тогда-же Барклаю де-Толли (Mémoire politique et militaire sur les circonstances présentes).

Оба эти плана, въ главныхъ основаніяхъ, согласны между собою: въ обоихъ предлагается противопоставить быстрымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ Наполеона препятствія, могущія вовлечь его въ войну медленную и продолжительную, избѣгать генеральныхъ сраженій, отступать внутрь страны, не теряя непріятеля изъ вида, задерживая его занятіемъ выгодныхъ позицій и укрѣпленныхъ лагерей, и дѣйствуя въ тылу его легкими отрядами. Но существенное различіе между этими планами состоитъ въ расположеніи главныхъ силъ на театрѣ войны: д'Аллонвиль совѣтовалъ держать по возможности силы сосредоточенными, а для противодѣйствія смѣлымъ обходамъ, которыми Наполеонъ рѣшалъ судьбу войнъ, имѣть позади дѣйствующей арміи другую армію — резервную, въ такомъ разстояніи, чтобы она могла поддерживать главныя силы и охранять ихъ сообщенія. Напротивъ того, Вольцогенъ предлагалъ имѣть двѣ арміи, расположенныя подъ входящимъ угломъ, что̀, по его мнѣнію, дозволяло намъ, при наступленіи непріятеля противъ одной изъ нашихъ армій, направить другую ему въ тылъ. Вообще-же Вольцогенъ ограничивался военными соображеніями, а д'Аллонвиль, кромѣ того, предлагалъ и политическія мѣры, наиболѣе сообразныя съ тогдашнимъ положеніемъ Россіи ([35]).

Подобныя-же идеи были изложены русскимъ воен-

нымъ агентомъ въ Вѣнѣ, полковникомъ барономъ Тюйль фонъ-Сераскеркеномъ (Thuil von-Seraskerken) и находившимся въ Парижѣ флигель-адъютантомъ полковникомъ Чернышевымъ.

Въ запискѣ къ военному министру, Барклаю де-Толли, полковника Тюйля, отъ 10 (22) сентября 1811 года, авторъ излагаетъ причины неудачи прежнихъ войнъ съ Франціей, именно: во 1-хъ, *разногласіе между союзниками*. По его мнѣнію, слѣдовало заключить миръ съ Турками и сблизиться съ Англіей, которая могла оказать помощь морскими силами, субсидіями и диверсіями въ Испаніи. Во 2-хъ, недостатокъ въ основательныхъ соображеніяхъ и средствахъ *для веденія продолжительной упорной войны* противъ непріятеля, рѣшающаго успѣхъ быстрыми дѣйствіями. Только лишь въ Испаніи слѣдуютъ правилу: *не дѣлать того, чего желаетъ противникъ*, жертвуютъ временно провинціями, негоняются за одержаніемъ побѣдъ и стараются продлить войну. Въ 3-хъ, доселѣ почти всегда предоставляли Наполеону *упрежденіе* въ дѣйствіяхъ, что̀ приносило ему важныя выгоды. По мнѣнію автора, надлежало, продолжая съ непріятелемъ переговоры, для выигранія времени, войти въ сношенія съ прочими державами, приготовиться къ войнѣ и начать ее не тогда, когда того пожелаетъ Наполеонъ, а когда найдемъ удобнымъ сами. Въ 4-хъ, нерѣдко мѣшала успѣху *ошибочная оцѣнка собственныхъ средствъ:* гораздо лучше отказаться отъ блистательныхъ, но сомнительныхъ предпріятій, нежели подвергнуть себя опасности и несвоевременно истощить свои средства.

Россія, по словамъ автора, можетъ съ выгодою вести оборонительную войну противъ сильнѣйшаго противника: сосѣдство Балтійскаго моря способствуетъ намъ дѣлать высадки въ тылъ непріятеля;

въ продолженіи осени и зимы, суровый климатъ нашей страны затрудняетъ его дѣйствія; наши превосходныя легкія войска тревожатъ и изнуряютъ его; наша армія отличается мужествомъ и твердостью въ перенесеніи трудовъ и лишеній; напротивъ того, войска Наполеона истощены войною въ Испаніи и во всѣхъ повинующихся ему странахъ раздается ропотъ неудовольствія: въ такихъ обстоятельствахъ, ведя благоразумно и упорно войну, мы вправѣ надѣяться на успѣхъ дѣйствій.

Въ отвѣтъ на эту записку, военный министръ приказалъ: „сообщить автору, что онъ съ большимъ удовольствіемъ прочелъ его мемуаръ, въ которомъ изложены мысли справедливыя и вполнѣ удобныя къ примѣненію на самомъ дѣлѣ.“

Въ письмѣ къ канцлеру, графу Румянцову, полковникъ Чернышевъ, сказавъ, что, Наполеонъ, въ случаѣ войны противъ Россіи, какъ и во всѣхъ веденныхъ имъ войнахъ, будетъ стремиться къ быстрой развязкѣ дѣла, и замѣтивъ, что всегда должно дѣлать противное желанію непріятеля, говоритъ: „Необходимо продлить борьбу по возможности. Самый опытъ показалъ намъ, что таковъ единственный способъ, могущій дать намъ почти несомнѣнную надежду побѣдить Наполеона, который всегда приходилъ въ замѣшательство и запутывался, какъ только встрѣчалъ сколько-нибудь продолжительное сопротивленіе; но доселѣ еще никогда не умѣли пользоваться затрудненіями, въ коихъ онъ находился, потому что не заботились своевременно собрать необходимыя къ тому силы. Должно вести медленную, нерѣшительную войну, удерживать непріятеля, пользуясь каждою преградою, имѣть всегда подъ рукою значительные резервы, для поддержанія дѣйствующей арміи въ случаѣ неудачи, либо для того, чтобы

воспользоваться ошибками противника: такими средствами можно совершенно разстроить военную систему Наполеона, (dérouter completement le système de guerre de Napoléon), заставить его отказаться отъ его намѣреній и совершенно истощить его силы“ (36).

И князь Куракинъ, почти въ тоже время, предлагалъ: „избѣгать рѣшительныхъ сраженій, ограничиваться малою войною, подобно тому, какъ было въ Испаніи, и истреблять голодомъ огромныя массы, противъ насъ направленныя“ (37).

Такимъ образомъ мнѣніе о необходимости длить оборону, избѣгая развязки дѣла, дѣйствуя легкими войсками, и пользуясь огромнымъ протяженіемъ страны, недостаткомъ жизненныхъ средствъ и суровымъ климатомъ для ослабленія непріятельской арміи, такое мнѣніе было усвоено въ Россіи еще до начала войны 1812 года.

Тѣмъ неменѣе, не смотря на господство у насъ понятія о неизбѣжности медленной, продолжительной борьбы съ Наполеономъ, были предлагаемы и другіе планы дѣйствій, совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Въ 1811 году, когда Пруссія еще колебалась въ нерѣшимости и Наполеонъ еще не успѣлъ довершить свои приготовленія къ нашествію на Россію, нѣкоторые изъ нашихъ военныхъ людей считали полезнымъ дѣйствовать наступательно, съ тою цѣлью, чтобы съ одной стороны спасти Пруссію отъ вторженія Французовъ и присоединить къ нашей арміи ея вооруженныя силы, а съ другой — обезоружить войска варшавскаго герцогства и воспользоваться средствами этой страны. Полагали, будтобы Императоръ Александръ могъ привлечь на свою сторону Поляковъ, провозгласивъ себя владыкою возстановленнаго Королевства Польскаго: поборниками этой идеи были польскіе магнаты: Адамъ

Чарторыскій, Ксаверій Браницкій, Михаилъ Огинскій, и финляндскій уроженецъ Армфельдтъ, который, пользуясь довѣріемъ Россійскаго Монарха, совѣтовалъ Государю возстановить Польшу, давъ ей конституцію, особое управленіе и собственную армію, что̀, по мнѣнію Армфельдта, доставило-бы Императору Александру власть, основанную на нравственномъ вліяніи, болѣе прочномъ, нежели матеріальная сила. Впрочемъ, самъ Армфельдтъ сознавалъ, что возстановленіе Польши находило въ Россіи мало сочувствія ([38]). Замѣтимъ, что польскіе аристократы, не ограничиваясь обращеніемъ герцогства варшавскаго въ королевство, предлагали составить великое герцогство литовское, изъ губерній: гродненской, виленской, минской, витебской, могилевской, кіевской, подольской и волынской, и областей бѣлостокской и тарнопольской, съ особымъ управленіемъ, во главѣ коего желали имѣть великую княгиню Екатерину Павловну. Императоръ Александръ, выслушавъ чтеніе записки, по сему предмету составленной Огинскимъ, сказалъ, что многія изъ заключавшихся въ ней идей сходятся съ его собственными видами, но отклонилъ дальнѣйшее сужденіе объ этомъ дѣлѣ ([39]). Неподлежитъ сомнѣнію, что Государь, зная дѣйствительныя пользы Россіи, но не желая возбудить вражду безпокойныхъ сосѣдей, въ такое время, когда намъ угрожало нашествіе Наполеона, предоставилъ себѣ устроить въ послѣдствіи судьбу Польши.

Въ началѣ 1812 года, когда берлинскій дворъ находился въ томительномъ опасеніи войны между Россіею и Франціей, генералъ Кнезебекъ, посланный Королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ въ Петербургъ, для личнаго удостовѣренія въ намѣреніяхъ Императора Александра, въ послѣдствіи приписы-

валъ себѣ исключительно заслугу плана дѣйствій, приведеннаго въ исполненіе Русскими и доставившаго имъ торжество надъ огромными полчищами Наполеона. Кнезебекъ увѣрялъ, будтобы Императоръ Александръ, принявъ его на-единѣ, сообщилъ ему нѣсколько плановъ дѣйствій, представленныхъ нашему правительству, и въ числѣ ихъ планъ Фуля, предложившаго занять укрѣпленный лагерь у Дриссы и дѣйствовать оттуда во флангъ наступающему противнику. По свидѣтельству самаго Кнезебека, онъ, отвергнувъ всѣ эти предположенія, подалъ Государю совѣтъ завлечь Наполеона внутрь страны, избѣгая рѣшительной встрѣчи, опустошая предоставляемыя непріятелю области и тревожа его съ фланговъ и тыла легкими войсками. Императоръ, выслушавъ меня — пишетъ Кнезебекъ - сказалъ: *не заключу съ Наполеономъ мира, хотя-бы пришлось мнѣ отступить до Казани*", и съ самодовольствіемъ прибавляетъ: „И данное имъ мнѣ слово заставило его устоять въ рѣшимости незаключать мира!" Изъ этого слѣдуетъ, будто бы Государь исполнилъ свое намѣреніе только потому, что проговорился о томъ Кнезебеку. Вотъ какое понятіе даетъ Кнезебекъ объ Императорѣ Александрѣ, кроткомъ, привѣтливомъ, дарившемъ каждаго ласковымъ словомъ, уступчивомъ въ мѣлочахъ, но твердомъ въ дѣлахъ важныхъ, не требовавшемъ въ рѣшительныхъ случаяхъ жизни - ни поддержки, ни одобренія.

Предположенія, касавшіяся предстоявшей войны, поступали на разсмотрѣніе Барклая де-Толли и вмѣстѣ съ идеями Фуля, тогда еще пользовавшагося славою большаго знатока въ военномъ искусствѣ, оказывали вліяніе на собственный образъ мыслей Барклая, что̀ можно видѣть изъ записокъ, поднесенныхъ имъ Государю, въ теченіи 1811 и въ началѣ 1812 года.

Основаніемъ плана дѣйствій, составленнаго Фулемъ былъ сдѣланный имъ, изъ дѣйствій Фридриха Великаго и принца Генриха, односторонній выводъ: *вести оборонительную войну двумя арміями, изъ которыхъ одна удерживала-бы непріятеля съ фронта, между тѣмъ какъ другая дѣйствовала-бы ему во флангъ и тылъ.* Кромѣ того, Фуль занялъ отъ Бюлова идею, будтобы *лучшій способъ удерживать наступающаго противника заключается въ томъ, чтобы расположиться въ сторонѣ отъ прикрываемаго пути, занявъ* — такъ называемую — *фланговую позицію.* По плану Фуля, предполагалось вести оборонительную войну, на пространствѣ, ограниченномъ съ одной стороны западными предѣлами Имперіями, а съ другой Двиною и Днѣпромъ *), двумя арміями, одною во 120, а другою въ 80 тысячъ человѣкъ. Полагая наиболѣе вѣроятнымъ, что Наполеонъ направится на Вильно, и далѣе къ Петербургу, либо къ Москвѣ, Фуль совѣтовалъ сосредоточить при открытіи дѣйствій первую армію у Свенцянъ за Вильною, а вторую у Луцка; при дальнѣйшемъ-же наступленіи непріятеля, слѣдовало, по мнѣнію Фуля, первой арміи отступить въ укрѣпленный лагерь при Дриссѣ, который, находясь въ разстояніи одного перехода отъ Друи, двухъ переходовъ отъ Плоцка и пяти или шести отъ Витебска, могъ служить: 1) для прикрытія пути дѣйствій, проходящаго отъ Вильна чрезъ Великія-Луки къ Боровичамъ, и 2) въ видѣ фланговой позиціи, для охраненія путей, ведущихъ отъ Вильна: 1) чрезъ Друю на Петербургъ, 2) чрезъ Полоцкъ на Петербургъ, и 3) чрезъ Витебскъ къ Москвѣ. Сосредочивъ главную армію въ дрисскомъ

*) Основываясь на дѣйствіяхъ въ войну 1807 года, происходившихъ на небольшомъ пространствѣ между Вислою и Нѣманомъ, полагали, что Наполеонъ, ни въ какомъ случаѣ, не пойдетъ далѣе Двины и Днѣпра.

лагерѣ и владѣя обоими берегами Двины, мы надѣялись остановить непріятеля, принужденнаго раздѣлить силы для обложенія нашего лагеря; а между тѣмъ предполагалось направить 2-ую армію усиленную казачьими полками Платова, на сообщенія непріятеля, который, находясь въ опустошенной странѣ, не могъ оставаться тамъ и долженъ былъ отступить ([40]). Но многія данныя, на которыхъ Фуль основывалъ успѣхъ своего плана, существовали только въ его воображеніи: 2-я армія, вмѣсто 80-ти тысячъ человѣкъ, по отдѣленіи отъ ней почти половины войскъ для непосредственнаго прикрытія волынской губерніи, была въ числѣ только сорока тысячъ; Динабургъ, гдѣ предполагалось устроить магазины подъ защитою укрѣпленій, тогда еще не былъ укрѣпленъ; Себежъ, другой пунктъ, назначенный для складовъ провіанта, не былъ ни снабженъ запасами, ни прикрытъ укрѣпленіями. Лагерь при Дриссѣ находился на весьма невыгодной для обороны мѣстности и былъ укрѣпленъ генераломъ Оппермановъ (по проекту самаго Фуля) чрезвычайно дурно: слѣдовательно — не удовлетворялъ главному условію всякаго укрѣпленнаго лагеря, служить надежнымъ убѣжищемъ арміи.

Барклай не раздѣлялъ убѣжденія въ достоинствѣ этого плана, но уступая вліянію — съ одной стороны Беннигсена, Багратіона и другихъ военныхъ людей, предлагавшихъ дѣйствовать наступательно, а съ другой — Фуля, поддержаннаго самимъ Государемъ, колебался въ нерѣшимости и нѣсколько разъ измѣнялъ свои предположенія. До пріѣзда его въ армію, всѣ были увѣрены въ томъ, что мы будемъ вести наступательную войну, и даже въ такомъ смыслѣ даны были предписанія: князю Багратіону, графу Витгенштейну, Эссену 1-му, Лаврову ([41]) и генералъ-интен-

данту Канкрину ([42]). По прибытіи-же Барклая въ главную квартиру 1-й арміи, сообщены были корпуснымъ командирамъ утвержденныя Государемъ правила для военныхъ дѣйствій, состоявшія въ томъ, что каждая изъ армій, въ случаѣ наступленія противъ ней превосходныхъ силъ, должна была отступать, между тѣмъ какъ другая армія, не имѣющая противъ себя столь значительныхъ въ числѣ войскъ, назначалась для рѣшительнаго наступленія во флангъ и тылъ непріятеля ([43]). Въ послѣдствіи, огромное превосходство Наполеона въ силахъ побудило насъ принять мѣры къ сосредоточенію нашихъ главныхъ армій; а убѣдясь въ неудобствахъ дрисскаго лагеря, мы продолжали отступленіе внутрь страны. Такимъ образомъ самая необходимость привела насъ къ исполненію плана, давно уже нами усвоеннаго, и хотя основныя идеи его не явились вдругъ, какъ Минерва во всеоружіи изъ головы Юпитера, однакоже мы не имѣли надобности въ поученіяхъ Вольцогена и Кнезебека, которые, принявъ на себя обязанность нашихъ наставниковъ, не сказали намъ ничего новаго.

Императоръ Александръ, готовясь къ войнѣ, но желая сохранить миръ и рѣшаясь для достиженія этой цѣли сдѣлать новыя предложенія, повелѣлъ князю Куракину вручить Наполеону собственноручное письмо свое, въ которомъ изъявлялъ согласіе на принятіе герцогомъ ольденбургскимъ другаго владѣнія и на облегченіе нашего тарифа въ пользу французской торговли, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ, чтобы, для избѣжанія всякихъ поводовъ къ столкновенію между Россіею и Франціею, выведены были наполеоновы войска изъ Пруссіи и уменьшонъ гарнизонъ въ Данцигѣ.

Наполеонъ, принявъ русскаго посла, сказалъ ему, что онъ сожалѣетъ о времени, которое было потеряно въ напрасныхъ объясненіяхъ, единственно потому, что резидентъ нашъ не имѣлъ полномочія заключить соглашеніе. „Вмѣсто того, чтобы условиться со мною — продолжалъ Наполеонъ — вы вооружились и поставили меня въ необходимость сдѣлать то-же. Не скрою передъ вами, что я готовъ совершенно. Мои войска стоятъ на Вислѣ.... Герцогъ Бассано сказалъ мнѣ, что вы хотите заставить меня очистить Пруссію. Не могу этого сдѣлать. Ваше требованіе обидно. Вы приступаете ко мнѣ съ ножемъ. Моя честь не позволяетъ мнѣ исполнить ваше желаніе. Вы, благородный человѣкъ, дѣлаете такое предложеніе!... Станемъ-те договариваться. Условимся между собою во взаимныхъ нашихъ требованіяхъ“. Князь Куракинъ отвѣчалъ, что, прежде всякаго объясненія, надлежало съ нашей стороны увѣриться въ исполненіи главнаго условія, предложеннаго Государемъ, — очищенія Пруссіи и уменьшенія данцигскаго гарнизона. „Вы поступаете — прервалъ Наполеонъ — какъ Пруссаки передъ Іенскимъ сраженіемъ: они требовали, чтобы я вывелъ войска свои изъ Германіи. Не могу согласиться на очищеніе Пруссіи. Дѣло это касается моей чести“. — „Но, ваше величество, — продолжалъ нашъ посолъ — сами признали, совмѣстно съ Императоромъ Александромъ, что для прочности союза Россіи и Франціи необходимо сохранить въ пространствѣ между ними независимое владѣніе: этому условію должна была удовлетворять Пруссія, и съ тою-же цѣлію герцогство варшавское отдано Саксоніи. Не въ правѣ-ли мы требовать того, что̀, по собственному мнѣнію вашего величества, существенно содѣйствуетъ къ сохраненію союза между Имперіями: именно — чтобы

Пруссія сохранила свою независимость и чтобы конвенція, заключенная съ нею вашимъ величествомъ, была приведена въ исполненіе". — „Не могу на это согласиться — отвѣчалъ Наполеонъ. — Будемъ вести переговоры, но не говорите о такомъ требованіи".

Князь Куракинъ настаивалъ въ необходимости исполнить волю своего Государя, и упомянулъ объ огромныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ французскаго правительства, заставившихъ Императора Александра принять мѣры предосторожности, безъ всякихъ замысловъ противъ Франціи. „Но ваша послѣдняя конвенція съ Пруссіею — продолжалъ русскій посолъ, — конвенція, которой условія, безъ сомнѣнія, противны пользамъ Россіи, потому что они не были сообщены нашему правительству; но слѣдствія этой конвенціи, очевидно обнаружившіяся движеніемъ вашихъ армій къ Одеру и вашихъ передовыхъ войскъ къ Вислѣ, ставятъ васъ, въ отношеніи къ намъ, въ положеніе враждебное. Я получилъ повелѣніе объявить министерству вашего императорскаго величества, что переходъ значительныхъ силъ французской арміи черезъ Одеръ будетъ принятъ нами за объявленіе войны, и что, въ такомъ случаѣ, и съ нашей стороны могутъ быть предприняты наступательныя дѣйствія, безъ всякой враждебной цѣли, а единственно для занятія позицій выгодныхъ въ оборонительномъ отношеніи". Наполеонъ отвѣчалъ, что корпусъ Даву уже на Вислѣ. — „Положеніе мое совершенно различно отъ вашего — сказалъ онъ. — Войска мои расположены въ земляхъ, принадлежащихъ мнѣ, либо моимъ союзникамъ. Герцогство варшавское, какъ владѣніе, принадлежащее къ Рейнскому Союзу, находится подъ моимъ покровительствомъ. Король Прусскій — союзникъ мой. Я обязанъ защищать ихъ. Напротивъ того, вы не можете пе-

рейти за черту своихъ границъ, не нарушивъ неприкосновенности чужихъ владѣній.... Не получая столь долго никакого отвѣта отъ Императора Александра на мое письмо, отправленное чрезъ полковника Чернышева, я приказалъ Даву быть готову къ отраженію силы силою, а Лористону – выѣхать изъ Петербурга со всѣми резидентами Рейнскаго Союза, при первомъ извѣстіи объ открытіи военныхъ дѣйствій".

За тѣмъ Наполеонъ сказалъ, что маршалъ Даву получилъ приказаніе остановиться на лѣвомъ берегу Вислы, но потомъ проговорился, что войска его подвинулись за Пассаржу — будто бы для удобнѣйшаго продовольствованія. „Дѣйствительно—замѣтилъ русскій посолъ — „трудно будетъ снабжать въ этой странѣ провіантомъ и фуражемъ полумилліонную армію, которая, по словамъ вашего величества, противъ насъ собрана". — „О! что касается до этого — возразилъ Наполеонъ — я не встрѣчу никакихъ затрудненій. Я предвидѣлъ все и заблаговременно учредилъ огромные магазины въ Торнѣ и Данцигѣ. У меня готово десять тысячъ повозокъ для перевозки провіанта, а фуражъ выростетъ подъ ногами лошадей (le fourrage naitra sous les pieds des chevaux), вездѣ, куда пойдетъ моя кавалерія.... Вы недовольны моимъ договоромъ съ Пруссіею. Она вамъ предлагала свое посредничество; вы отклонили его. Прусскому Королю не оставалось ничего болѣе, какъ сблизиться со мною. Австрія также предлагала вамъ свои услуги и получила тоже отказъ"... — „Какъ! - сказалъ Куракинъ — неужели изъ словъ вашего императорскаго величества я долженъ заключить, что Австрія также противъ насъ?" — „Да, безъ сомнѣнія,— отвѣчалъ Наполеонъ, — ежели откроется война, то Австрійцы будутъ дѣйствовать за-одно съ моими

войсками“. Вслѣдъ за тѣмъ Наполеонъ упрекалъ наше правительство въ томъ, что оно не умѣло воспользоваться, какъ слѣдовало, союзомъ съ Франціею; спрашивалъ, справедливы-ли слухи объ отъѣздѣ Императора Александра въ Вильну, и повторилъ, что не можетъ исполнить нашихъ требованій. — „Впрочемъ — прибавилъ онъ — если вамъ непремѣнно велѣно домогаться ихъ исполненія, дайте такой оборотъ дѣлу, чтобы я могъ принять ваши условія“ ([44]).

Послѣднія слова, сказанныя Наполеономъ, подали нашему послу нѣкоторую надежду на сохраненіе мира. Но на всѣ свои требованія о рѣшительномъ отвѣтѣ, при свиданіяхъ съ герцогомъ Бассано, онъ получалъ постоянно одинъ и тотъ-же отвѣтъ, что „еще не было дано о томъ повелѣнія Императоромъ Наполеономъ“. Единственнымъ послѣдствіемъ бесѣды Наполеона съ княземъ Куракинымъ, было отправленіе графа Нарбонна, изъ Берлина въ Петербургъ, съ собственноручнымъ письмомъ Наполеона къ Императору Александру и съ нотою герцога Бассано, въ которой французскій министръ, излагая ходъ разногласій между имперіями съ своей точки зрѣнія, предлагалъ средства къ взаимному соглашенію. Дѣйствительною-же цѣлью поѣздки Нарбонна было наблюденіе за дѣйствіями русскаго правительства. „Ваше порученіе — писалъ ему Марè — имѣетъ цѣль политическую и военную. Для достиженія ихъ, вы должны оставаться при Императорѣ Александрѣ сколь можно долѣе“. Между тѣмъ, уже было извѣстно въ Парижѣ о неотлагательномъ отъѣздѣ Наполеона, и по тому князь Куракинъ, желая получить опредѣлительный отвѣтъ отъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, рѣшился послать къ нему 25-го апрѣля (7-го мая) ноту, въ которой писалъ, что ежели на слѣдующій день не послѣдуетъ согласія на пред-

ложенія нашего правительства, то онъ найдется въ необходимости потребовать свои паспорты для выѣзда изъ Франціи ([45]).

Но и эта попытка, какъ и всѣ прежнія, не имѣла успѣха. Герцогъ Бассано отправился изъ Парижа въ Дрезденъ, не повидавшись съ княземъ Куракинымъ, а 27-го апрѣля (9-го мая) уѣхалъ изъ Сенъ-Клу въ Дрезденъ и самъ Наполеонъ.

ГЛАВА XXXII.

Паденіе Сперанскаго. Императоръ Александръ въ Вильнѣ и Москвѣ.

Войнѣ 1812 года предшествовало важное событіе въ нашей администраціи — паденіе Сперанскаго.

Со времени преобразованія государственнаго совѣта, Сперанскій, нося званіе государственнаго секретаря и директора коммисіи составленія законовъ, былъ душею всѣхъ нововведеній, по административной, законодательной и финансовой частямъ, состоялъ, въ званіи канцлера Абоскаго университета, членомъ главнаго правленія училищъ, занимался по дѣламъ ново-присоединенныхъ областей, бѣлостокской и тарнопольской, и проч. Награды, ему пожалованныя, соотвѣтствовали трудамъ его. Въ началѣ 1812 года, Сперанскій — послѣ пятнадцати-лѣтней службы — уже тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена Св. Александра Невскаго, пользовался довѣренностью Императора Александра, которая, при склонномъ къ увлеченію характерѣ Государя, имѣла видъ дружбы, на сколько это возможно при отношеніяхъ Монарха къ подданному. Императору Александру было пріятно держать при себѣ человѣка даровитаго, обязаннаго ему всѣмъ, исключительно ему

преданнаго. Сперанскій, стремясь оправдать благосклонность Государя новыми заслугами, посвящалъ все свое время общественнымъ дѣламъ и велъ бытъ отшельника, удѣляя лишь немногіе часы отдыху, въ кругу своего семейства и нѣсколькихъ лицъ къ нему близкихъ, и не заботясь о связяхъ, пріобрѣтеніе коихъ было-бы нетрудно для человѣка ласкаемаго Фортуною. Самъ онъ, говоря въ послѣдствіи о своей невзгодѣ, прибавлялъ: „Еслибы я былъ въ фамильныхъ связяхъ съ знатными родами, то, безъ сомнѣнія, дѣло приняло-бы другой оборотъ. Кто хочетъ держаться въ свѣтѣ, тотъ долженъ непремѣнно стать на якорѣ изъ обручальнаго кольца“. Весьма естественно, что быстрое возвышеніе Сперанскаго возбудило противъ него всѣхъ тѣхъ, которые не сознавали, что таланты — даръ Божій — не даются каждому, что Сперанскій достигъ наградъ и почестей тяжкими трудами; никто изъ нихъ не подумалъ о безсонныхъ ночахъ, проведенныхъ имъ въ заботѣ о пользѣ общей. Сперанскаго ненавидѣли многіе: одни за то, что онъ, по ихъ понятіямъ, занялъ принадлежащее имъ мѣсто; другіе, за то, что предложенными имъ нововведеніями нарушилъ ихъ интересы. Мы уже имѣли случай сказать, сколько враговъ надѣлали ему постановленія о придворныхъ и о гражданскихъ чиновникахъ. Извѣстно было также, что Сперанскій считалъ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ краеугольнымъ камнемъ всѣхъ улучшеній государственной администраціи и предполагалъ образовать среднее сословіе, ограничить число дворянъ и создать изъ крупныхъ собственниковъ аристократію, подобную той, какая существуетъ въ Англіи. Упрекали такъ-же Сперанскаго въ томъ, что онъ позволилъ напечатать сочиненіе графа Стройновскаго: *объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами*. Его-же обвиняли

въ плохомъ состояніи нашихъ финансовъ, приписывая упадокъ курса мѣрамъ, принятымъ по его совѣту; а народъ считалъ его виновникомъ тогдашняго увеличенія налоговъ. Въ числѣ враговъ Сперанскаго были люди благомыслящіе, но пристрастные къ прежнимъ уставамъ и недовѣрявшіе нововведеніямъ, заимствованнымъ у иностранцевъ. Самъ онъ возбуждалъ сомнѣніе въ своемъ патріотизмѣ, расточая похвалы чужеземнымъ учрежденіямъ, порицая все русское, изъявляя удивленіе къ ненавистному тогда въ Россіи Наполеону. Какъ Сперанскій, по самому положенію своему, не былъ откровененъ, то причиною его скрытности полагали необходимость таить преступные замыслы. Только лишь тѣ, которые имѣли случай сблизиться съ нимъ, — а такихъ было немного — отдавали ему должную справедливость; прочіе-же всѣ недовѣряли ему, толковали въ дурную сторону каждый его поступокъ, приписывали ему и то, въ чемъ не имѣлъ онъ ни малѣйшаго участія, и даже сомнѣвались, либо, по крайней мѣрѣ, изъявляли сомнѣніе въ его способностяхъ, находя все сдѣланное имъ вреднымъ для Россіи. Въ числѣ петербургскихъ недоброжелателей Сперанскаго были люди, занимавшіе важныя мѣста и имѣвшіе вѣсъ въ обществѣ. Графъ Аракчеевъ, завидуя благосклонности Государя къ Сперанскому, ненавидѣлъ въ немъ человѣка образованнаго, либеральнаго. Министръ полиціи Балашовъ смотрѣлъ на него враждебно, какъ на противника всякихъ произвольныхъ дѣйствій. Баронъ (въ послѣдствіи графъ) Армфельдтъ соперничалъ съ нимъ по дѣламъ Финляндіи. Министръ финансовъ Гурьевъ досадовалъ на него за сокращеніе штатовъ своего вѣдомства и за вмѣшательство по ввѣренной ему части. Немало было враговъ у Сперанскаго и въ Москвѣ,

тогда наполненной падшими сановниками, праздными барами и всякаго рода старовѣрами, ополчившимися на реформатора, во славу предразсудковъ и мраколюбія (1). Но, кромѣ ихъ, возстали противъ Сперанскаго болѣе для него опасные, Карамзинъ и Растопчинъ. Первый, въ поднесенной Государю запискѣ: „О древней и новой Россіи“, высказалъ порицаніе многихъ дѣйствій Сперанскаго. Сама Великая Княгиня Екатерина Павловна, преданная Отечеству всѣми возвышенными чувствами души своей, видя презрѣніе Сперанскаго ко всему русскому и пристрастіе къ Франціи, считала его измѣнникомъ, готовымъ предать Государя, своего благодѣтеля, и при всякомъ случаѣ старалась остеречь обожаемаго ею брата отъ замысловъ его любимца. Ежедневно, Государь слышалъ отъ ближайшихъ къ нему лицъ одни и тѣже извѣты; вездѣ — и въ дворцахъ, и въ хижинахъ, ходила молва объ измѣнѣ Сперанскаго. Александръ долго не обращалъ вниманія на эти толки, но наконецъ былъ увлеченъ общимъ мнѣніемъ. Чтобы устоять противъ голоса всей Россіи, въ тотъ часъ, когда нашествіе Наполеона требовало отъ Царя, болѣе нежели когда-либо, сродниться душею съ народомъ, чтобы устоять тогда и прикрыть невиннаго щитомъ дарованной Богомъ власти — надлежало стать выше человѣчества, и.... Александръ рѣшился наказать Сперанскаго, какъ преступника, не имѣя достовѣрныхъ доказательствъ преступленію. Не разъ уже оскорбленный до глубины души неблагодарностью близкихъ людей, Государь не могъ обсудить хладнокровно дѣйствія Сперанскаго, хотѣлъ предать его смертной казни, и только лишь великодушное вмѣшательство Паррота спасло Монарха отъ поступка, котораго послѣдствіями были бы собственное раскаяніе и порицаніе Исторіи.

Еще въ 1802 году, при обозрѣніи Императоромъ Александромъ дерптскаго университета, проректоръ Парротъ обратилъ на себя вниманіе Государя замѣчательною рѣчью, произнесенною по случаю этого событія. Сочувствуя всему прекрасному, юный Монархъ пожелалъ видѣть Паррота у себя и поставилъ его въ самыя близкія отношенія къ своей Особѣ. Парротъ, исполняя волю Государя, весьма часто писалъ ему, въ тонѣ не подданнаго, а друга, о предметахъ правительственныхъ и домашнихъ, и получалъ отъ него весьма искреннія — можно сказать — задушевныя письма; а пріѣзжая въ Петербургъ, шелъ прямо въ государевъ кабинетъ и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ Императоромъ, довѣрявшимъ ему свои государственныя и семейныя тайны. Въ то время, когда гроза монаршаго негодованія готовилась разразиться надъ Сперанскимъ, Парротъ, проведя нѣсколько дней въ Петербургѣ, и собравшись ѣхать обратно въ Дерптъ, посѣтилъ Государя въ послѣдній разъ, ввечеру 15 (27) марта, и услышавъ отъ него строгій приговоръ Сперанскому, рѣшился, на слѣдующій день послать Монарху письмо, въ которомъ старался отклонить его отъ принятаго имъ въ пылу гнѣва намѣренія (2). Вотъ эти замѣчательныя строки, дѣлающія столько-же чести подданному, написавшему ихъ, сколько и Государю, благосклонно принявшему отзывъ своего друга.

„Одиннадцать часовъ ночи. Вокругъ меня глубокая тишина. Сажусь писать моему возлюбленному, моему боготворимому Александру, съ которымъ не хотѣлъ-бы никогда разлучаться. Уже сутки прошли со времени нашего прощанья, но сердце влечетъ меня еще разъ возобновить его на письмѣ.... Въ минуту, когда Вы вчера довѣрили мнѣ горькую скорбь Вашего сердца объ измѣнѣ Сперанскаго, я

видѣлъ Васъ въ первомъ пылу страсти и, надѣюсь, что теперь Вы уже далеко откинули отъ себя мысль разстрѣлять его. Не могу скрыть, что слышанное мною отъ Васъ набрасываетъ на него большую тѣнь; но въ томъ-ли Вы расположеніи духа, чтобы взвѣсить справедливость обвиненій, а еслибъ и были въ силахъ нѣсколько успокоиться, то Вамъ-ли его судить; всякая-же коммисія, наскоро для того наряженная, могла-бы состоять только изъ его враговъ. Не забудьте, что Сперанскаго ненавидятъ за то, что Вы слишкомъ его возвысили. Никто не долженъ стоять надъ министрами кромѣ Васъ самихъ. Не подумайте, чтобы я хотѣлъ ему покровительствовать: я не состою съ нимъ ни въ какихъ сношеніяхъ, и знаю даже, что онъ нѣсколько меня ревнуетъ къ Вамъ. Но если-бы и предположить, что онъ точно виновенъ, чего я еще вовсе не считаю доказаннымъ, то, все-же, опредѣлить его вину и наказаніе долженъ законный судъ, а у Васъ, въ настоящую минуту, нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа, нужныхъ для назначенія такого суда. По моему мнѣнію, совершенно достаточно будетъ удалить его изъ Петербурга и надсматривать за нимъ такъ, чтобы онъ не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріятелемъ. Послѣ войны всегда еще будетъ время выбрать судей изъ всего, что̀ около Васъ найдется правдивѣйшаго. Мои сомнѣнія въ дѣйствительной виновности Сперанскаго подкрѣпляются, между прочимъ, и тѣмъ, что въ числѣ второстепенныхъ донощиковъ на него находится отъявленный негодяй Р..... уже однажды продавшій другаго своего благодѣтеля. Докажите умѣренностію Вашихъ распоряженій въ этомъ дѣлѣ, что Вы не поддаетесь тѣмъ крайностямъ, которыя стараются Вамъ внушить. Отъ находящихъ свой интересъ слѣдить за Вашимъ

характеромъ, не укрылась, я это знаю, свойственная Вамъ черта подозрительности, и ею-то и хотятъ на Васъ дѣйствовать. На нее-же вѣроятно разсчитываютъ и непріятели Сперанскаго, которые не перестанутъ пользоваться открытою ими слабою струною Вашего характера, чтобы овладѣть Вами" ([3]).

17 (29) марта, въ воскресенье, Сперанскій обѣдалъ у одной изъ своихъ знакомыхъ, Г-жи Вейкардтъ. Туда пріѣхалъ фельдъегерь съ приказаніемъ Сперанскому явиться къ Государю, въ 8 часовъ вечера. Сперанскій, котораго не требовали съ докладомъ уже болѣе мѣсяца, поспѣшилъ домой, чтобы приготовить и взять съ собою бумаги по важнѣйшимъ дѣламъ, и прибывъ во дворецъ въ назначенное время, нашелъ въ секретарской комнатѣ пріѣхавшаго также съ докладомъ, князя Александра Николаевича Голицына. Сперанскаго позвали прежде. Государь долго занимался съ нимъ обычнымъ порядкомъ. Окончивъ докладъ и уложивъ на-скоро бумаги въ портфёль, Сперанскій ожидалъ разрѣшенія уйти, но Императоръ, быстро вставъ съ кресла, отошелъ нѣсколько шаговъ назадъ, и принявъ свойственную ему величественную позу, сказалъ: „подождите, Михаилъ Михайловичъ, мнѣ нужно еще поговорить съ вами", и за тѣмъ сталъ упрекать своего бывшаго любимца — въ нарушеніи государственной тайны, въ порицаніи дѣйствій правительства, въ стремленіи ниспровергнуть издавна существующій порядокъ управленія и поколебать государство разстройствомъ финансовъ. „Вы хотѣли даже уничтожить сенатъ — созданіе Петра Великаго", сказалъ онъ. Изливъ свое неудовольствіе, Государь, видимо тронутый, кончилъ рѣчь словами: „Послѣ смерти отца моего, я сегодня перенесъ наибольшее огорченіе. Прощайте, Михаилъ Михайловичъ". Сперанскій, откланявшись и уже

притворяя за собою дверь, замѣтилъ смущеніе Государя и невольно увлеченный волновавшими его самаго чувствами, опять вошелъ въ кабинетъ и бросился цѣловать руку своего вѣнчаннаго благодѣтеля, но Александръ не дозволилъ того и обнялъ Сперанскаго, сказавъ: „Прощайте! Я дамъ вамъ знать, кому вы должны передать ваши обязанности“ ([4]). Выйдя отъ Государя, уже въ десять часовъ, Сперанскій, съ заплаканными глазами, почти въ безпамятствѣ, сталъ убирать въ секретарской свои бумаги, оборотясь къ князю Голицыну спиною, чтобъ скрыть свое смятеніе, и замкнувъ портфёль, ушелъ изъ комнаты; но потомъ, какъ-бы придя въ себя, отворивъ дверь, сказалъ князю: „прощайте, ваше сіятельство“, и удалился. Спустя нѣсколько минутъ, Государь выслалъ сказать князю Голицыну, что не можетъ его принять и проситъ пріѣхать завтра, послѣ засѣданія государственнаго совѣта.

Вотъ все, что можно сказать достовѣрнаго на счетъ послѣдней аудіенціи Сперанскаго у Государя въ 1812 году; самъ онъ избѣгалъ говорить о томъ, и даже на вопросы своей дочери отвѣчалъ, что „про то вѣдаетъ и долженъ быть судьею—одинъ Богъ“ ([5]).

Изъ дворца Сперанскій проѣхалъ къ Магницкому ([6]), гдѣ засталъ жену его въ слезахъ и узналъ, что Магницкаго въ тотъ-же вечеръ увезли въ Вологду. Возвратясь къ себѣ, (въ домъ у Таврическаго сада), Сперанскій нашелъ у подъѣзда почтовую кибитку, а въ передней — частнаго пристава Шипулинскаго. На вопросъ Сперанскаго: „что вамъ нужно?“ приставъ указалъ дверь въ его кабинетъ. Тамъ нашелъ онъ одного изъ главныхъ недоброжелателей своихъ, министра полиціи Балашова и правителя канцеляріи министерства де-Санглена, завѣдывавшаго всѣми дѣлами по тайной полиціи. Бала-

шовъ объявилъ Сперанскому волю Государя — опечатать его кабинетъ, а его самого отправить въ Нижній Новгородъ. Сперанскій, желая оградить себя отъ новыхъ извѣтовъ, просилъ позволенія отложить нѣкоторыя изъ своихъ бумагъ въ особый пакетъ, за своею печатью, для передачи, вмѣстѣ съ нѣсколькими строками имъ тогда-же написанными, прямо Государю. Балашовъ согласился. Въ числѣ бумагъ, запечатанныхъ въ пакетѣ на имя Государя, были двѣ дешифрированныя депеши, присланныя отъ нашего посла при копенгагенскомъ дворѣ и взятыя Сперанскимъ изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, безъ Высочайшаго на то разрѣшенія, за что̀ въ послѣдствіи былъ посаженъ въ крѣпость выдавшій ихъ чиновникъ министерства Бекъ. По поводу этого дѣла, Императоръ Александръ сказалъ министру юстиціи Дмитріеву: „Сперанскій до того былъ наглъ, что захотѣлъ участвовать въ государственныхъ тайнахъ“ ([7]).

По передачѣ бумагъ Балашову, надлежало ѣхать. Сперанскій не имѣлъ духа разбудить тещу и дочь, чтобы съ ними проститься, и осѣнивъ крестнымъ знаменіемъ дверь ихъ спальни, оставилъ записку, въ которой, извѣщая ихъ о своемъ отъѣздѣ на-время въ Нижній Новгородъ, приглашалъ обѣихъ пріѣхать къ нему весною. За тѣмъ, уже послѣ полуночи, онъ, въ сопровожденіи пристава, отправился въ ссылку ([8]).

Неожиданная вѣсть о паденіи Сперанскаго, быстро разнесшаяся по всей Россіи, была встрѣчена общею радостью. Никто не сожалѣлъ о немъ, и напротивъ того, многіе, удивляясь милосердію Государя, роптали на его кротость, спасшую измѣнника отъ заслуженной кары; общая ненависть къ изгнанному временщику была такъ сильна, такъ распространена въ народѣ, что Сперанскій, пожелавъ взгля-

путь на Макарьевскую ярмарку, едва не былъ убитъ въ гостиномъ дворѣ разъяренною чернью (9).

Еще и теперь не вполнѣ разъясненъ вопросъ: дѣйствительно-ли былъ виновенъ Сперанскій? Но если и можно его въ чемъ либо упрекнуть, то конечно не въ томъ, въ чемъ обвиняли его въ смутную эпоху 1812 года, когда пристрастіе къ Наполеону и Франціи было въ понятіяхъ русскаго народа государственною измѣною. Что Сперанскій не былъ измѣнникомъ, доказательствомъ тому служитъ довѣріе къ нему въ послѣдствіи Императора Александра и его преемника.

По удаленіи Сперанскаго, дѣла, бывшія пищею его кипучей дѣятельности, перешли въ вѣдѣніе нѣсколькихъ лицъ: старшему изъ статсъ-секретарей Оленину повелѣно докладывать бумаги въ государственномъ совѣтѣ; работы по коммисіи составленія законовъ поручены особому совѣту, подъ предсѣдательствомъ Розенкампфа; канцлеромъ Абоскаго университета избранъ графъ Армфельдтъ; важнѣйшимъ-же изъ прежнихъ званій Сперанскаго, именно государственнаго секретаря, облеченъ поборникъ древняго языка Руси, посредственный писатель, но горячій патріотъ, вице-адмиралъ Шишковъ. Замѣтимъ, что Шишковъ, нося это званіе, не занимался дѣлами государственнаго совѣта, ограничиваясь редакціей манифестовъ и другихъ актовъ, и сопутствуя Государю при поѣздкахъ его въ 1812 году въ армію и въ послѣдующихъ годахъ за границу (10). Порученіе Шишкову такой обязанности показывало, что правительство, готовясь вести народную войну, выдвигало впередъ людей извѣстныхъ особенною любовью къ отечеству. Въ подобномъ-же духѣ было сдѣлано назначеніе московскимъ главнокомандующимъ графа Растопчина.

Этотъ замѣчательный потомокъ Чингисъ-хана, получивъ отличное домашнее образованіе, началъ службу, въ 1775 году, 12-ти лѣтъ отъ рода, пажемъ, и тогда еще обратилъ на себя вниманіе Великой Екатерины остротою ума и живостью характера. Въ 1784 году, Растопчинъ, будучи поручикомъ Преображенскаго полка, вышелъ въ отставку и долго жилъ за границею, большею частью въ Берлинѣ, а возвратясь въ отечество, былъ пожалованъ, въ 1792 году, въ камеръ-юнкеры, и въ этомъ званіи часто былъ назначаемъ дежурнымъ къ Великому Князю Наслѣднику, что̀ въ послѣдствіи послужило къ его возвышенію. 8 ноября 1796 года, въ день восшествія на престолъ Императора Павла, Растопчинъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ генералъ-адъютантомъ; а спустя нѣсколько дней, пожалованъ кавалеромъ Св. Анны 1-й степени. Въ слѣдующемъ году, 5-го апрѣля, въ день Высочайшаго Коронованія, онъ награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго и помѣстьемъ въ орловской губерніи. Несмотря на ограниченность круга своихъ занятій, Растопчинъ, находясь безотлучно при Государѣ, могъ дѣлать много добра и не упускалъ къ тому случаевъ. Такъ, между прочимъ, ему удалось отстоять Карамзина, на котораго былъ поданъ Павлу доносъ, въ вольнодумствѣ и безбожіи. Въ 1799 году, Растопчинъ, уже въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, получилъ графское достоинство, пожалованъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго и назначенъ первоприсутствующимъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ томъ-же году, онъ испросилъ, въ замѣну предложеннаго ему Императоромъ княжескаго достоинства, повышеніе отца своего, отставнаго маіора въ дѣйствительные статскіе совѣтники и пожалованіе его орденомъ Св. Анны 1-й степени.

Кромѣ того, графъ Растопчинъ, въ разное время, получилъ отъ Государя 3.000 душъ, съ 33-мя тысячами десятинъ земли. Управляя дѣлами Иностранной Коллегіи, на правахъ министра, онъ поддерживалъ Суворова противъ самовластнаго въ вѣнскомъ кабинетѣ Тугута; но не устоялъ самъ противъ дворскихъ интригъ и былъ удаленъ за нѣсколько дней до кончины Павла. Съ этого времени началось многолѣтнее бездѣйствіе Растопчина. Поселясь въ Москвѣ, онъ объявилъ открытую войну галломанамъ — „отечество коихъ—по словамъ его—на Кузнецкомъ мосту, а царство небесное—Парижъ“, и ратуя перомъ и словомъ, противъ „людей соединяющихъ въ себѣ глупость русскую съ иноземною“, издалъ: „Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ“, комедію: „Вѣсти, или убитый живой“ и „Письма Силы Андреевича Богатырева“. Его литературныя произведенія нравились не всѣмъ, но образумили многихъ. Лѣтнюю пору графъ Растопчинъ проводилъ въ принадлежавшемъ ему селѣ Вороновѣ (московской губерніи), гдѣ прилежно занимался хозяйствомъ, завелъ ферму, на которой водворилъ Англичанина, „со всѣмъ причтомъ и инструментами“, и предпринялъ улучшить устройство простой русской сохи. По словамъ его: „онъ нашелъ опытомъ, что наша соха болѣе выгодна, нежели думаютъ, для мягкой почвы; неудобства-же ея состоятъ въ томъ, что она проводитъ борозды уже, нежели плугъ, и что она лежитъ на рукахъ пахаря, отъ воли коего не совсѣмъ зависитъ пущать ее глубоко въ землю и пахать ровно...“ „А я — продолжаетъ Растопчинъ — сдѣлаю сошники шире обыкновенныхъ, и къ разсохѣ сзади придѣлаю колесо, которое, подымаясь и опускаясь по волѣ, дозволитъ пахать мельче или глубже“.

Въ 1809 году, Императоръ Александръ, посѣтивъ

Москву, говорилъ съ Растопчинымъ и былъ восхищенъ силою и живостью его рѣчи. Тогда-же онъ сдѣлался лично извѣстнымъ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ и по ея приглашенію нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Тверь. Въ 1810 году, его назначили оберъ-камергеромъ Высочайшаго Двора, но исполненіе обязанности по этому званію было поручено Александру Львовичу Нарышкину. По видимому, Государь избѣгалъ столкновеній пылкаго Растопчина съ надмѣннымъ Коленкуромъ. Оставаясь въ Москвѣ, Растопчинъ сообщалъ Императору опасенія свои на счетъ намѣреній Наполеона и козней французскаго правительства; его-же внушеніямъ отчасти приписывали паденіе Сперанскаго. Наконецъ— настало время, когда образъ мыслей и поступки Растопчина, противные политикѣ Тильзитскаго трактата, должны были послужить на пользу Россіи, въ борьбѣ ея на жизнь и смерть съ Наполеономъ. Отъ Москвы, сердца Россіи, много зависѣлъ успѣхъ общаго дѣла, и Растопчинъ умѣлъ заставить биться крѣпче сердце нашей родины. Императоръ Александръ, Высочайшимъ приказомъ 29 мая 1812 года, переименовавъ его въ генералы отъ инфантеріи, назначилъ главнокомандующимъ въ Москву, и никто въ эту незабвенную эпоху не могъ лучше его исполнить такую обязанность. Какъ человѣкъ, и онъ дѣлалъ ошибки, увлекаясь усердіемъ и нерѣдко преступая предѣлы врученной ему власти, но нельзя не сознаться, что призваніе Растопчина на поприще отечественной войны было дѣломъ Промысла, хранящаго Россію ([11]).

Обратимся къ событіямъ на западныхъ границахъ Имперіи.

Неимѣніе точныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ На-

полеона и о главномъ направленіи его войскъ не позволило намъ сосредоточить силы на небольшомъ пространствѣ. Наполеонъ, распущенными съ умысломъ слухами, успѣлъ увѣрить насъ, будтобы значительная часть его войскъ собиралась въ герцогствѣ варшавскомъ ([12]), а въ Галиціи находилась армія выставленная австрійскимъ правительствомъ, что̀ заставило насъ раздѣлить силы на три арміи: 1-я Западная, подъ начальствомъ военнаго министра, генерала отъ инфантеріи Барклая де-Толли, въ числѣ 110-ти тысячъ человѣкъ ([13]), была расположена между Россіенами и Лидою, имѣя главную квартиру въ Вильнѣ; 2-я Западная, генерала отъ инфантеріи князя Багратіона, въ числѣ 37-ми, а вмѣстѣ съ долженствовавшею прибыть изъ Москвы 27-ю дивизіей, до 45-ти тысячъ человѣкъ ([14]), стояла между Нѣманомъ и Бугомъ, имѣя главную квартиру въ Волковискѣ; 3-я резервная Обсерваціонная армія, подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи Тормасова, въ числѣ 46-ти тысячъ человѣкъ ([15]), находилась на Волыни, имѣя главную квартиру въ Луцкѣ.

Главнокомандующій 1-ю Западною арміей, Барклай де-Толли, обладавшій военною опытностью и большими свѣдѣніями по военной и административной частямъ, былъ извѣстенъ прямодушіемъ характера, хладнокровіемъ и непоколебимостью. Его преданность къ Государю и Россіи не имѣли предѣловъ. Его дѣятельность въ особенности проявлялась въ усиліяхъ къ прекращенію злоупотребленій вкравшихся въ военное управленіе, что̀ принесло несомнѣнную пользу, но вызвало злобу и неудовольствіе его предмѣстника, графа Аракчеева, который, въ качествѣ предсѣдателя департамента военныхъ дѣлъ, старался вредить ему при всякомъ случаѣ. Барклай де-Толли былъ недовѣрчивъ и несообщителенъ, но

принималъ живое участіе въ судьбѣ своихъ подчиненныхъ; въ одной изъ поданныхъ имъ Государю записокъ, находимъ: „необходимо улучшить положеніе нашихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которые терпятъ бо̀льшую нужду нежели солдаты, не требующіе ничего, кромѣ хорошаго обращенія, то есть чтобъ ихъ считали людьми способными любить отечество, если это чувство не подавлено въ нихъ палочными ударами“ ([16]). Но у Барклая недоставало дара одушевлять войска и говорить съ русскими солдатами; и народъ — и армія — считали его иностранцемъ, что̀ въ отечественную войну 1812 года было несчастіемъ для него самаго и мѣшало общей пользѣ. При всей твердости своего характера, Барклай нерѣдко былъ принужденъ, угождая общему мнѣнію, дѣйствовать противно своему собственному, что̀ поставляло его въ фальшивое положеніе и поселяло недовѣрчивость къ нему въ арміи.

Главнокомандующій 2-ю арміей, князь Багратіонъ, сроднившійся съ русскими войскали на полѣ чести, постоянно водившій ихъ къ побѣдѣ, либо прикрывавшій ихъ своею грудью, былъ, какъ выражался о немъ графъ Растопчинъ — „генералъ по образу и подобію Суворова“, котораго считался любимцемъ. Блистательные подвиги нашихъ войскъ: очаковскій и прагскій штурмы, переправа черезъ Адду, побѣды на Требіи и при Нови, бой при Шёнграбенѣ и битва при Прейсишъ-Эйлау: всѣ эти подвиги неразлучны съ именемъ Багратіона. Справедливый къ заслугамъ своихъ подчиненныхъ, онъ очаровывалъ всѣхъ окружавшихъ его и былъ ими обожаемъ. Довѣрчивость Багратіона къ ближайшимъ сподвижникамъ его была неограниченна, что̀ иногда подавало имъ возможность употреблять во зло его благосклонность. Уступая Барклаю де-Толли въ образованіи, теоретиче-

скихъ свѣдѣніяхъ и административной опытности, Багратіонъ умѣлъ говорить съ русскимъ солдатомъ, и напоминая Суворова, заставлять войска дѣйствовать по-суворовски.

Императоръ Александръ зналъ и цѣнилъ высоко способности обоихъ военачальникомъ, но будучи увѣренъ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи бороться съ геніяльнымъ Наполеономъ, не назначилъ общаго вождя Западныхъ армій и оставилъ въ сомнѣніи вопросъ о взаимномъ ихъ старшинствѣ: Барклай соединялъ въ лицѣ своемъ должность военнаго министра и главнокомандующаго сильнѣйшей арміи; а Багратіонъ былъ старѣе въ чинѣ, хотя и произведенъ былъ одновременно съ Барклаемъ.

Подъ начальствомъ Барклая де-Толли и князя Багратіона командовали корпусами многіе отличные генералы. Въ числѣ ихъ были: великодушный, храбрый Витгенштейнъ, предназначенный утѣшать своими побѣдами Россію въ годину бѣдствій; мужественный видомъ и духомъ, рыцарь Багговутъ; Тучковъ, одинъ изъ трехъ братьевъ, купившихъ своею кровью предстоявшее торжество Русскихъ надъ Французами; непоколебимый въ опасностяхъ Дохтуровъ; вѣрный, и въ войнѣ, и въ мирѣ, защитникъ славы и чести Россіи, графъ Паленъ; ласковый, привѣтливый, начальникъ, образованный воинъ, Раевскій, и кумиръ Донцовъ, гроза Французовъ, Платовъ.

Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣніе о сосредоточеніи французскихъ войскъ близъ западныхъ границъ Имперіи, отправился въ главную квартиру 1-й арміи, находившуюся въ Вильнѣ. 9-го апрѣля ст. ст. въ два часа по полудни, по совершеніи молебствія въ Казанскомъ соборѣ митрополитомъ

Амвросіемъ, Государь, сопровождаемый мольбами во множествѣ стекшагося на пути его народа, выѣхалъ изъ столицы и 14-го прибылъ въ Вильно. При Его Величествѣ находились: принцы Георгій Ольденбургскій и Александръ Виртембергскій, канцлеръ графъ Румянцовъ, графъ Кочубей, графъ Николай Александровичъ Толстой, государственный секретарь Шишковъ, генералы: Беннигсенъ, графъ Аракчеевъ, Балашовъ, князь Петръ Михайловичъ Волконскій и графъ Комаровскій, графъ Нессельродъ, графъ Армфельдтъ, баронъ Штейнъ, генералъ Фуль, и проч. ([17]).

Первыя двѣ недѣли пребыванія Государя въ Вильнѣ, съ половины до конца апрѣля, прошли въ смотрахъ войскъ и въ соображеніяхъ предстоявшихъ дѣйствій.

Въ концѣ апрѣля прибылъ въ нашу главную квартиру, съ письмомъ отъ Наполеона, графъ Нарбоннъ, бывшій камеръ-юнкеръ принцессы Аделаиды, тетки Короля Людовика XVI, военный министръ его, въ бурную эпоху Революціи, потомъ эмигрантъ, и наконецъ одинъ изъ генералъ-адъютантовъ Наполеона, который, отдавая справедливость уму и благородству характера Нарбонна, говорилъ, что изъ всѣхъ состоявшихъ при французскомъ императорскомъ дворѣ лицъ, чаще другихъ говорилъ правду бывшій королевскій придворный. Въ письмѣ Наполеона заключалось повтореніе прежнихъ домогательствъ его, на счетъ отмѣны тарифа 1810 года и совершеннаго прерванія торговли съ Англичанами; дѣйствительная-же цѣль поѣздки Нарбонна состояла въ томъ, чтобы вывѣдать намѣренія Императора Александра. Государь принялъ незванаго гостя благосклонно и пригласилъ его на смотръ 3-й дивизіи Коновницына. Впрочемъ — Россійскій Монархъ, по

словамъ Нарбонна, выказалъ себя предъ нимъ неизмѣннымъ въ принятой имъ рѣшимости отразить силу силою. Указавъ на лежавшую предъ нимъ карту Россіи, Императоръ Алелсандръ сказалъ: „Я не ослѣпляюсь мечтами; я знаю въ какой мѣрѣ Императоръ Наполеонъ обладаетъ способностями великаго полководца, но на моей сторонѣ — пространство и время. Во всей этой враждебной для васъ землѣ, нѣтъ мѣста, которое оставилъ-бы я безъ сопротивленія, прежде, нежели соглашусь заключить постыдный миръ. Я не начну войны, но не положу оружія, пока хотя одинъ непріятель будетъ оставаться въ Россіи“ ([18]).

По прибытіи въ Вильну Штейна, 31 мая (12 іюня), Императоръ Александръ приказалъ графу Нессельроду спросить у него, какое мѣсто желалъ-бы занять онъ, и получилъ отвѣтъ, что онъ, не имѣя намѣренія вступить въ нашу службу, хотѣлъ-бы ограничить свою дѣятельность предметами касающимися Германіи. Государь, приказавъ оставить при себѣ прусскаго министра, принялъ его весьма милостиво и долго бесѣдовалъ съ нимъ о современной политикѣ, объясняя обстоятельства, побудившія къ заключенію мира въ Тильзитѣ. Тогда-же Императоръ Александръ изъявилъ Штейну свою непоколебимую рѣшимость вести войну со всевозможною настойчивостью, и охотнѣе подвергнуться всякимъ опасностямъ и бѣдствіямъ, нежели согласиться на безславный миръ ([19]). Государь, по предложенію Штейна, учредилъ особый комитетъ, долженствовавшій заниматься изысканіемъ средствъ для возбужденія войскъ и жителей Германіи противъ Наполеона; въ комитетъ были назначены членами: принцъ ольденбургскій Георгъ, графъ Кочубей, Штейнъ и прибывшій

въ главную квартиру изъ Берлина, тамошній нашъ резидентъ генералъ графъ Ливенъ ([20]).

Во время пребыванія Государя въ Вильнѣ, военные чины главной квартиры испросили дозволеніе дать Государю праздникъ, въ загородномъ домѣ Закретѣ, принадлежавшемъ генералу Беннигсену. Распорядителемъ праздника назначили графа Армфельдта. Положено было построить для танцевъ въ саду длинную открытую галлерею, сооруженіе которой поручили лучшему изъ виленскихъ архитекторовъ, Шульцу. Наканунѣ дня, назначеннаго для бала, когда едва лишь успѣли построить галлерею, она обрушилась. Къ счастію, въ то время, тамъ никого не было. Строитель ея пропалъ безъ вѣсти, но какъ нашли его шляпу на берегу Виліи, то и заключили, будтобы онъ бросился въ воду изъ опасенія, чтобы его не сочли измѣнникомъ, готовившимъ гибель Государю. Праздникъ былъ отложенъ и его успѣли дать уже тогда, когда Французы переправились черезъ Нѣманъ ([21]).

Наполеонъ, вмѣстѣ съ Императрицею Маріею-Луизою, 4 (16) мая, пріѣхалъ въ Дрезденъ, гдѣ уже были собраны почти всѣ Государи Рейнскаго Союза и многія другія знатныя особы. На слѣдующій день, туда-же прибылъ Императоръ Францъ съ своею супругою. Король Прусскій готовился принять Наполеона у себя въ Берлинѣ, но, вмѣсто того, получилъ приглашеніе присоединиться къ сонму вѣнчанныхъ гостей Короля Саксонскаго и пріѣхалъ въ Дрезденъ 14 (26) мая. Наполеонъ, опасаясь, чтобы нравственное могущество Александра не распространилось на Варшаву, счелъ нужнымъ послать туда ловкаго агента, чтобы ослѣпить легкомысленные умы туземцевъ пышными фразами, блескомъ празднествъ

и льстивыми обѣщаніями. Это порученіе было возложено на Прадта, архіепископа мехельнскаго (Malines), которому предписано, между прочимъ: „довести Поляковъ до восторга, но не до безумія“. Вслѣдъ за тѣмъ, Лористонъ получилъ повелѣніе — отправиться, для веденія переговоровъ, изъ Петербурга въ Вильну, но Императоръ Александръ не изъявилъ согласія на эту поѣздку; да еслибы она и состоялась, то не повела-бы къ отклоненію войны. По прибытіи графа Нарбонна въ Дрезденъ, когда курьеръ, посланный къ Лористону, еще неуспѣлъ доѣхать до Петербурга, Наполеонъ ускорилъ движеніе своихъ войскъ къ русскимъ границамъ и самъ выѣхалъ 16 (28) мая, изъ Дрездена въ Данцигъ, гдѣ пробылъ съ 26 по 31 (съ 7 по 12 іюня н. ст.) и объявилъ, что этотъ городъ присоединяется къ Французской Имперіи; а за тѣмъ перенесъ свою главную квартиру въ Кёнигсбергъ и проведя тамъ 4 дня, отправился въ Вильковишки, куда прибылъ 9 (21) іюня. Въ это время „Великая армія“ уже приближалась къ Нѣману, и Наполеонъ могъ убѣдиться собственными глазами въ томъ, что страна, чрезъ которую прошла она, была разорена совершенно, и что кавалерія, артиллерія, и въ особенности обозы арміи, уже успѣли разстроиться. Немедленно были приняты мѣры для уменьшенія обозовъ, доставки провіанта и фуража водою изъ Данцига въ Вильну и для отправленія въ слѣдъ за арміею понтоновъ, осаднаго парка, одежды, обуви, и проч. Напрасно историки войны 1812 года обвиняли Наполеона въ недостаткѣ дѣятельности, въ нерадѣніи о войскахъ. Напрасно не узнавали въ немъ полководца дѣйствовавшаго со славою въ Италіи и Германіи. Снабженіе всѣмъ нужнымъ полумилліонной арміи, съ 200,000 лошадей, въ Пруссіи, странѣ истощенной прежнею

войною и несмѣтными контрибуціями, выходило изъ предѣловъ возможнаго. Тѣмъ не менѣе, однакоже, Наполеону удалось, противъ растянутыхъ на 300 верстъ нашихъ Западныхъ армій, собрать почти тройныя силы и расположить ихъ сообразно предположенному имъ плану дѣйствій. Имѣя свѣдѣнія о распредѣленіи русскихъ войскъ, и даже о видахъ русскихъ военачальниковъ (22), Наполеонъ, сколько можно судить изъ отданныхъ имъ приказаній, имѣлъ намѣреніе прорвать длинную линію, занимаемую нашими арміями и разобщить ихъ одну отъ другой. Переправа черезъ Нѣманъ близъ Ковна представляла удобнѣйшій пунктъ для вторженія въ Россію по многимъ обстоятельствамъ: во 1-хъ, рѣка Нѣманъ тамъ образуетъ входящій уголъ, откуда можно было въ три перехода достигнуть Вильны, средоточія всѣхъ главныхъ пунктовъ окрестной страны; во 2-хъ, переправясь у Ковна, Наполеонъ могъ овладѣть обоими берегами Виліи и не позволить намъ оборонять переправу чрезъ сію рѣку, и въ 3-хъ, мѣстность у Ковна, по превышенію лѣваго берега Нѣмана надъ правымъ, представляла непріятелю выгоды въ тактическомъ отношеніи. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, Наполеонъ сосредоточилъ противъ Ковна у Пильвишекъ главныя силы, въ числѣ до 220-ти тысячъ человѣкъ (23). Другая масса войскъ, до 80-ти тысячъ человѣкъ (24), подъ начальствомъ вице-короля, назначенная для содѣйствія разобщенію нашихъ армій, была расположена у Маріамполя и Кальвари, правѣе и нѣсколько позади главныхъ силъ, чтобы преждевременнымъ появленіемъ не побудить насъ къ сосредоточенію силъ; съ подобною-же цѣлью была оставлена, еще болѣе назади, у Новогрода и впереди Пултуска, третья масса войскъ, также въ числѣ 80-ти тысячъ человѣкъ (25), подъ начальствомъ

Короля Вестфальскаго, долженствовавшая направиться противъ 2-й Западной арміи, не прежде какъ по отрѣзаніи ея отъ 1-й арміи главными силами: такимъ образомъ, Наполеонъ предполагалъ, занявъ Вильну, устремить свою главную массу противъ Барклая, къ Двинѣ, а другую часть, подъ начальствомъ маршала Даву, вправо, во флангъ князя Багратіона, атакованнаго, между тѣмъ, съ фронта войсками Короля Іеронима; кромѣ того, на оконечностяхъ „Великой арміи" двигались Шварценбергъ, съ 30,000 Австрійцевъ, къ Дрогичину на Бугѣ, и Макдональдъ, съ сводным҃ъ корпусомъ, также въ числѣ до 30,000 человѣкъ, къ Тильзиту на нижнемъ Нѣманѣ, для встрѣчи русскихъ войскъ, отброшенныхъ въ стороны главными силами Наполеона [26]. Отдавая справедливость этому искусному плану дѣйствій, нельзя однакоже не замѣтить, что онъ былъ весьма сложенъ, и по тому исполненіе его требовало чрезвычайной точности; главное-же неудобство его заключалось въ томъ, что армія Короля Вестфальскаго, находясь слишкомъ далеко назади прочихъ наполеоновыхъ войскъ и двигаясь по дурнымъ дорогамъ, не могла принять указаннаго ей участія въ дѣйствіяхъ.

По прибытіи въ Вильковишки, Наполеонъ, 10 (22) іюня, объявилъ въ приказѣ по войскамъ слѣдующее воззваніе:

„Солдаты! Вторая польская война началась! Первая кончилась подъ Фридландомъ и въ Тильзитѣ, гдѣ Россія клялась вѣчно сохранять союзъ съ Франціей и враждовать съ Англіей. Она нарушила эту клятву! Она отказывается объяснить свои странныя дѣйствія, пока французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, предоставя ей въ жертву нашихъ союзниковъ. Россія увлекается рокомъ! Она не избѣгнетъ

судьбы своей. Неужели она думаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины Аустерлица? Она предлагаетъ намъ безчестіе, либо войну: выборъ не подлежитъ сомнѣнію. И такъ — впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи! Вторая польская война будетъ славна для Франціи столькоже сколько и первая, но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и прекратитъ полувѣковое кичливое вліяніе Россіи на дѣла Европы" ([27]).

На слѣдующій день, въ 9 часовъ вечера, началась наводка понтонныхъ мостовъ на Нѣманѣ, у селенія Понѣмуня, близъ Ковна, и въ часъ пополуночи заколыхались мосты подъ тяжестью необозримыхъ колоннъ и обозовъ. Извѣстіе о переправѣ непріятеля пришло въ Вильну ночью съ 12-го (24-го) на 13-е (25-е) іюня. Государь, въ то время, находился на балѣ, данномъ генералъ-адъютантами Его Величества, въ Закретѣ. Министръ полиціи Балашовъ тихонько доложилъ о томъ Государю. Императоръ Александръ, повелѣвъ Балашову сохранять въ тайнѣ роковую вѣсть, оставался на балѣ еще около часа, а потомъ провелъ въ трудахъ большую часть ночи: корпусамъ 1-й арміи предписано отступать къ Свенцянамъ, Платову — ударить во флангъ непріятелю, князю Багратіону — поддерживать Платова ([28]); государственный секретарь Шишковъ получилъ отъ Государя повелѣніе: „написать приказъ войскамъ и въ Петербургъ къ фельдмаршалу графу Салтыкову о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы, и между прочимъ сказать, что не будетъ мира, покуда хотя одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставаться въ нашей землѣ" ([29]).

Бумаги эти, подписанныя Государемъ въ туже ночь, были слѣдующаго содержанія:

„Приказъ нашимъ арміямъ.

„Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки Французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій Императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковнѣ, открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего инаго, какъ, призвавъ на помощь свидѣтеля и заступника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ".

„Въ Вильнѣ. Іюня 13-го 1812 года.

„Александръ".

„Фельдмаршалу графу Салтыкову.

„Графъ Николай Ивановичъ!

„Французскія войска вошли въ предѣлы нашей Имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я для сохраненія мира истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ Престола и пользою моего народа. Всѣ старанія мои были безуспѣшны. Императоръ

Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Незапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается мнѣ инаго, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и храбрость войскъ моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона Отечества, сохраненіе независимости и чести народной, принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ моемъ. Пребываю къ вамъ благосклонный".

„Вильна. Іюня 13-го дня 1812 года.

„Александръ".

Императоръ Александръ, предпринимая борьбу съ сильнымъ противникомъ, скорбѣлъ о бѣдствіяхъ, угрожавшихъ его подданнымъ, и не упускалъ никакого средства къ отвращенію войны, даже и тогда, когда исчезла послѣдняя надежда на сохраненіе мира. 13 (25) іюня, въ девять часовъ вечера, Государь, пославъ за генералъ-адъютантомъ Балашовымъ, сказалъ ему: „Ты вѣрно не знаешь, зачѣмъ тебя я призвалъ: Я намѣренъ тебя послать къ Императору Наполеону. Я сейчасъ получилъ донесеніе изъ Петербурга, что нашему министерству иностранныхъ дѣлъ прислана нота отъ французскаго посольства, въ которой изъяснено, что какъ нашъ посолъ въ Парижѣ князь Куракинъ неотступно требовалъ, два раза въ одинъ день, паспортовъ ѣхать изъ Франціи,

то это принимается за разрывъ и повелѣвается равномѣрно и графу Лористону просить паспортовъ и ѣхать изъ Россіи". Государь прибавилъ: „И такъ, я хотя весьма слабую, но вижу причину, въ первой еще разъ, которую беретъ предлогомъ Наполеонъ для войны; но и та ничтожна, потому что Куракинъ сдѣлалъ это самъ собою, а отъ Меня не имѣлъ повелѣнія; онъ увидѣлъ, что всѣ ѣдутъ изъ Парижа, не только Наполеонъ, но и Бассано, и счелъ, что ему не у кого будетъ послѣ вытребовать себѣ паспортовъ, и для того настоятельно требовалъ его прежде ихъ еще выѣзда. А какъ, между тѣмъ, присылка была ко Мнѣ отъ Наполеона его генералъ-адъютанта графа Нарбонна, который и министромъ былъ военнымъ прежде, то въ соотвѣтственность сего и рѣшился Я послать тебя. Хотя впрочемъ, между нами сказать, Я не ожидаю отъ сей посылки прекращенія войны, но пусть-же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы".

Государь прочелъ и вручилъ Балашову собственноручное письмо свое къ Наполеону, повелѣвъ объявить ему, что: „если онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ начаться могутъ, съ условіемъ однимъ, но непреложнымъ, чтобы арміи его вышли за границу; въ противномъ-же случаѣ, Государь даетъ слово, покуда хотя одинъ вооруженный Французъ будетъ въ Россіи, не говорить и не принять ни одного слова объ мирѣ" ([30]).

---

13 (25) іюня, главныя силы Наполеона двинулись къ Вильнѣ, кромѣ корпуса Удино, посланнаго по правой сторонѣ Виліи, по дорогѣ къ Вилькомиру, а 16 (28) Наполеонъ торжественно вступилъ въ

Вильну. Императоръ Александръ, сдѣлавъ распоряженія для сосредоточенія 1-й арміи у Свенцянъ, послалъ флигель-адъютанта Бенкендорфа къ князю Багратіону, съ повелѣніемъ отвести ввѣренныя ему войска, на соединеніе съ 1-ою арміей, къ Вилейкѣ, а въ случаѣ невозможности къ тому, идти на Минскъ къ Борисову ([31]).

Генералъ Балашовъ, задерживаемый на всякомъ шагу, не прежде 18 (30) іюня возвратился въ Вильну, гдѣ Наполеонъ принялъ его, на слѣдующій день, въ своемъ кабинетѣ, той самой комнатѣ, откуда онъ былъ отправленъ нашимъ Государемъ. Исполняя данное ему порученіе, Балашовъ объявилъ Наполеону, что „Государь и теперь готовъ на миръ, если Французы немедленно отойдутъ за наши границы", и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ, что „наше правительство еще не вошло ни въ какія сношенія съ Англіею".

Наполеонъ отвѣчалъ укорами, поносилъ состоявшихъ при Императорѣ Александрѣ, Армфельда, Штейна. „Неужели вы думаете — сказалъ онъ — что я пришелъ къ вамъ только за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ.... Напрасно вы надѣетесь на своихъ солдатъ; до Аустерлица они считали себя непобѣдимыми; теперь они заранѣе увѣрены, что мои войска побьютъ ихъ". — „Смѣю увѣрить ваше величество — перервалъ Балашовъ — что русскія войска съ нетерпѣніемъ желаютъ боя, и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ наши границы подвержены опасности. Эта война будетъ ужасна; вы будете имѣть дѣло не съ одними войсками, преданными Государю и Отечеству". Наполеонъ спорилъ съ Балашовымъ, увѣрялъ, что Русскіе еще никогда не начинали войны въ столь невыгодныхъ обстоятельствахъ. „Мы надѣемся окончить ее съ успѣ-

хомъ“ — отвѣчалъ Балашовъ. „Вы ничего не могли сдѣлать вмѣстѣ съ Австріею — продолжалъ Наполеонъ, — а теперь со мною идетъ вся Европа; на кого вы надѣетесь?“ — „Мы сдѣлаемъ, что̀ сможемъ“ — сказалъ Балашовъ. Наполеонъ, узнавъ, что Русскіе заключили миръ съ Турками, отозвался съ презрѣніемъ о Турціи и Швеціи, угрожалъ уничтожить Пруссію и кончилъ рѣчь изъявленіемъ наклонности къ миру. „Увѣрьте отъ моего имени Императора Александра — сказалъ онъ — что я ему преданъ по прежнему.... что умѣю цѣнить его высокія качества. Боже, Боже мой! Какъ прекрасно былобы его царствованіе, еслибы онъ не разладилъ со мною... Не стану долѣе удерживать васъ, генералъ! Вы получите отъ меня письмо къ вашему Государю“.

По выходѣ отъ Наполеона, Балашовъ былъ приглашенъ Дюрокомъ къ обѣду Императора, въ семь часовъ. На этомъ обѣдѣ, куда, кромѣ Балашова, были приглашены Бертье, Бессьеръ и Коленкуръ, Наполеонъ, между прочимъ, спросилъ у Балашова: „Много-ли жителей въ Москвѣ?“ — „300 тысячъ“. — „А домовъ?“ — „10 тысячъ“. — „А церквей?“ — „Болѣе 240“. — „Къ чему такое множество?“ — „Русскій народъ набоженъ“. — „Полноте, какая теперь набожность?“ — „Извините меня, ваше величество — сказалъ Балашовъ — можетъ быть въ Германіи и Италіи мало набожныхъ, но ихъ еще много въ Испаніи и Россіи“. Наполеонъ, недовольный намёкомъ на Испанію, замолчалъ, но вдругъ, снова обратясь къ Балашову, спросилъ: „по какой дорогѣ можно пройти къ Москвѣ?“ — „Ваше величество поставили меня въ большое затрудненіе — отвѣчалъ Балашовъ. — Русскіе, какъ и Французы, говорятъ, что къ Риму можно пройти по всякой дорогѣ. Въ Москву тоже многіе пути. Карлъ XII туда шелъ на Полтаву“.

Послѣ обѣда, Наполеонъ, со всѣми сидѣвшими съ нимъ за столомъ, перейдя въ кабинетъ, снова сталъ упрекать въ недоброжелательствѣ къ себѣ Императора Александра и угрожалъ выгнать изъ Германіи всѣхъ владѣтельныхъ князей, родныхъ Государя. „Мнѣ сказывали — продолжалъ Наполеонъ, будтобы онъ принялъ начальство надъ арміей. Къ чему это? Война — мое ремесло; я привыкъ къ нему. Императоръ Александръ долженъ царствовать, а не командовать войсками. Напрасно беретъ онъ на себя такую отвѣтственность“. И пройдя нѣсколько разъ черезъ комнату, Наполеонъ вдругъ остановился передъ Коленкуромъ, тронулъ его слегка за ухо и сказалъ ему: „ну что-же вы ничего не говорите, угодникъ Императора Александра? Готовы-ли лошади для генерала; дайте ему моихъ; ему далеко ѣхать“ ([32]).

Порученіе, данное Балашову, было послѣднимъ сношеніемъ нашего Государя съ Наполеономъ. Неуспѣвъ предупредить нашествіе на Россію, Императоръ Александръ не прекращалъ войны, пока не освободилъ Европу отъ преобладанія Франціи.

По занятіи Вильны, Наполеонъ устремилъ главныя силы въ различныхъ направленіяхъ, для разобщенія русскихъ войскъ, а самъ, съ гвардіей, остановился въ Вильнѣ. Тамъ пробылъ онъ 18 дней, занимаясь собраніемъ свѣдѣній о невѣдомой ему Россіи и вооруженіемъ Литвы и Польши. Желая привлечь къ себѣ литовское дворянство, онъ удѣлялъ свои досуги на пріемъ почетнѣйшихъ лицъ окрестной страны и являлся на балы, гдѣ выказывалъ себя ласковымъ и привѣтливымъ, но самые закоснѣлые ненавистники Россіи не увлекались его офиціальною любезностью, вспоминая объ очаровательномъ обращеніи Александра ([33]). Нѣсколько дней спустя по прибытіи Наполеона въ Вильну, предста-

вилась ему депутація, присланная изъ Варшавы. Депутаты надѣялись, что онъ изъявитъ имъ свои намѣренія на счетъ Польши; но, вмѣсто того, услышали вызовъ къ вооруженію противъ Россіи и обѣщаніе покровительства въ общихъ неопредѣлительныхъ выраженіяхъ ([34]). Не помышляя о мнимомъ возрожденіи Поляковъ къ новой политической жизни, Наполеонъ считалъ ихъ годными только на убой (chair à canon), вмѣстѣ съ прочими войсками „Великой арміи“. Да и не могъ онъ поступать иначе: еслибы онъ положительно объявилъ о возстановленіи Польши, то Австрія направила-бы ему въ тылъ всѣ свои вооруженныя силы.

Продолжительное пребываніе Наполеона въ Вильнѣ оказало невыгодное вліяніе на дѣйствія его арміи. Изъ всѣхъ военачальниковъ, получившихъ образованіе въ его практической школѣ, никто не могъ замѣнить его, и въ особенности при чрезвычайныхъ затрудненіяхъ войны въ Россіи. Усиленные переходы по дурнымъ дорогамъ, чрезвычайныя лишенія, ненастье и наступившіе послѣ него жары: все это имѣло послѣдствіемъ множество больныхъ, отсталыхъ и мародёровъ; число послѣднихъ въ іюлѣ доходило до 50,000. Армія, составленная изъ разноплеменныхъ солдатъ, большею частью уроженцевъ странъ пользующихся умѣреннымъ климатомъ, была не въ силахъ выдержать тяжкое испытаніе и замѣтно таяла ([35]). Весьма естественно, что, въ такихъ обстоятельствахъ, непріятелю не удалось отрѣзать ни малѣйшей части русскихъ войскъ: въ концѣ іюня (въ первой половинѣ іюля), 1-я Западная армія сосредоточилась въ лагерѣ при Дриссѣ. Какъ въ тоже самое время князь Багратіонъ, не успѣвъ ни присоединиться къ главнымъ силамъ у Вилейки, ни предупредить непріятеля въ Минскѣ, находился на

маршѣ отъ Несвижа къ Бобруйску, въ значительномъ разстояніи отъ Барклая де-Толли, то Наполеонъ, пользуясь тѣмъ, предпринялъ обрушиться съ главною массою силъ на 1-ую Западную армію, которая, повидимому, должна была оставаться продолжительное время въ укрѣпленномъ дрисскомъ лагерѣ. Съ этою цѣлью, онъ, оставя Мюрата съ частью силъ у Замоши, съ фронта противъ 1-й арміи, двинулся самъ, съ гвардіей и корпусомъ Сенъ-Сира, къ Глубокому, а вице-короля, съ прочими его войсками, послалъ къ Докшицамъ, предполагая двинуться въ обходъ нашего лагеря и атаковать 1-ую армію съ лѣваго фланга.

Дѣйствительно — мы имѣли намѣреніе удерживаться у Дриссы. По вступленіи въ лагерь, 27 іюня (9 іюля), отданъ былъ по войскамъ слѣдующій Высочайшій приказъ:

„Русскіе воины! Наконецъ вы достигли той цѣли, къ которой стремились. Когда непріятель дерзнулъ вступить въ предѣлы нашей Имперіи, вы были на границѣ, для наблюденія оной. До совершеннаго соединенія арміи нашей временнымъ и нужнымъ отступленіемъ удерживаемо было кипящее ваше мужество — остановить дерзкій шагъ непріятеля. Нынѣ всѣ корпуса первой нашей арміи соединились на мѣстѣ предназначенномъ. Теперь предстоитъ новый случай оказать извѣстную вашу храбрость и пріобрѣсти награду за понесенные труды. Нынѣшній день, ознаменованный Полтавскою побѣдою, да послужитъ вамъ примѣромъ! Память побѣдоносныхъ предковъ вашихъ, да возбудитъ васъ къ славнѣйшимъ подвигамъ! Они мощною рукою разили враговъ своихъ; вы, слѣдуя по стезямъ ихъ, стремитесь къ уничтоженію непріятельскихъ покушеній на Вѣру, честь, Отечество и семейства ваши. Правду

нашу видитъ Богъ и ниспошлетъ на васъ свое благословеніе“.

Пребываніе Императора Александра въ Дриссѣ ознаменовалось весьма важными мѣрами въ политическомъ, военномъ и административномъ отношеніяхъ. Дунайской арміи повелѣно, вмѣсто предположеннаго, по проекту Чичагова, движенія въ Италію обратиться на Волынь, для соединенія съ Тормасовымъ, которому тогда-же предписано открыть наступательныя дѣйствія ([36]). Императоръ Александръ, чрезъ Наслѣднаго шведскаго принца, открылъ переговоры о мирѣ съ Англичанами, что̀ имѣло послѣдствіемъ заключеніе союза между Россіею и Великобританіей, 6 (18) іюля, въ Эребро (Oerebro). Тогда-же, по предложенію Штейна, Государь согласился дать завѣреніе вѣнскому двору, въ томъ, что русскія войска, въ случаѣ отступленія Шварценберга въ Галицію, не перейдутъ границъ сей области въ продолженіи полутора мѣсяца ([37]). Объявленъ манифестъ о наборѣ въ нѣсколькихъ губерніяхъ по 5-ти рекрутъ съ 500 душъ ([38]). Кромѣ 12-ти новыхъ полковъ, формируемыхъ княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ, повелѣно генералъ-лейтенанту Клейнмихелю составить изъ рекрутскихъ депо еще шесть полковъ ([39]). Кіевскому военному губернатору, генералу отъ инфантеріи Милорадовичу предписано сформировать изъ рекрутскихъ депо въ Калугѣ корпусъ въ 55 баталіоновъ, 26 эскадроновъ и 14 артиллерійскихъ ротъ, и быть въ совершенной готовности къ выступленію. Тогда-же впервые выражено намѣреніе Государя — образовать общее ополченіе. „Я рѣшился — писалъ онъ Барклаю де-Толли — призвать народъ къ истребленію врага, вторгнувшагося въ наши предѣлы, какъ къ такому дѣлу, котораго тре-

буетъ самая Вѣра, Надѣюсь, что мы въ этомъ отношеніи не уступимъ Испанцамъ" (40).

Въ лагерѣ при Дриссѣ былъ назначенъ начальникомъ штаба 1-й Западной, сто-тысячной арміи Ермоловъ. Такое назначеніе одного изъ младшихъ генераловъ въ арміи, (410-го по общему списку генералъ-маіоровъ), тридцати пяти лѣтъ отъ рода, не смотря на ходатайство уже сильнаго тогда графа Аракчеева объ одномъ изъ старшихъ генералъ-лейтенантовъ, Ник. Алексѣев. Тучковѣ, было основано на довѣріи, внушенномъ Императору Александру распорядительностью Ермолова въ командованіи 1-ю гвардейскою дивизіей. Государь, призвавъ его къ себѣ, непосредственно по назначеніи въ начальники штаба, поручилъ ему писать прямо на Высочайшее имя о всемъ, что̀ найдетъ нужнымъ. Эти письма, заключавшія въ себѣ стольже откровенныя, сколько и рѣзкія сужденія о нѣкоторыхъ ошибкахъ Барклая де-Толли, о недовѣріи къ нему войскъ и о неспособности къ военному дѣлу генерала Эртеля, возбудили противъ Ермолова не только зависть и недоброжелательство главной квартиры, но и холодность барклаева преемника, Кутузова. Самъ Барклай никогда немогъ простить Ермолову этихъ писемъ, а враги Ермолова не упустили случая выставить его интригантомъ. Но общественное мнѣніе постоянно было на его сторонѣ. Никто не имѣлъ болѣе Ермолова — ни ожесточенныхъ недоброжелателей въ старшихъ и равныхъ себѣ, ни усердно преданныхъ поклонниковъ въ своихъ подчиненныхъ. Офицеры и солдаты, плѣняясь его воинственнымъ видомъ, его прямодушіемъ (невсегда искреннимъ) и краснорѣчивою русскою рѣчью, покорялись его вліянію и готовы были идти за нимъ въ огонь и въ воду. Если мы къ этимъ немногимъ чертамъ прибавимъ, что

Ермоловъ, одаренный большимъ умомъ и счастливою памятью, развилъ самообразованіемъ свои высокія природныя качества, то дадимъ нѣкоторое понятіе о семъ замѣчательномъ военномъ человѣкѣ, дипломатѣ и администраторѣ, тѣмъ, которые не имѣли случая знать его лично.

Неудобства занятаго 1-ю Западною арміей лагеря при Дриссѣ были очевидны для многихъ. Находясь въ сторонѣ отъ главныхъ путей ведущихъ внутрь Имперіи, онъ не прикрывалъ ни одного изъ нихъ непосредственно; въ тактическомъ-же отношеніи онъ также былъ весьма невыгоденъ: укрѣпленія его были весьма слабы; лѣсъ, въ разстояніи полуверсты отъ лѣваго крыла нашей позиціи, способствовалъ непріятелю скрытно приблизиться и повести атаку сосредоточенными силами; лагерь былъ изрѣзанъ глубокими оврагами, затруднявшими передвиженіе войскъ; спуски къ мостамъ были круты; наконецъ — броды на Двинѣ, выше и ниже лагеря, дозволяли непріятелю перейти на правую сторону рѣки и обложить нашу армію. Самъ Барклай выражалъ сомнѣніе въ достоинствѣ укрѣпленнаго лагеря ([41]); прочіе наши генералы были такого-же мнѣнія, а исправлявшій временно должность начальника штаба, генералъ Паулуччи не давалъ покою Фулю, называя — какъ-бы ошибкою — нашу позицію лагеремъ подъ Пирною ([42]). Но никто не рѣшался сказать, что для спасенія арміи надлежало оставить лагерь, котораго укрѣпленіе стоило намъ годовой работы и немалыхъ издержекъ. Къ счастью, въ штабѣ главнокомандующаго былъ весьма свѣдущій офицеръ и — что еще важнѣе — человѣкъ съ твердымъ характеромъ, отважившійся сказать правду. Полковникъ Мишо̀, сардинскій инженеръ, перешедшій въ русскую службу, пріѣхавъ въ Дриссу, 26-го

іюня, на-канунѣ прибытія туда Государя, и осмотрѣвъ лагерь, довелъ свое мнѣніе о его неудобствахъ, чрезъ князя П. М. Волконскаго, до свѣдѣнія Императора. Государь тотчасъ отправился въ лагерь, съ своею свитою, въ которой находился и Фуль, и лично убѣдился въ невыгодахъ занятой позиціи. Когда-же, изъ донесенія возвратившагося изъ 2-й арміи поручика Граббе, оказалось, что значительныя непріятельскія силы были устремлены въ обходъ Дриссы, Государь собралъ военный совѣтъ, въ которомъ участвовали: Барклай де-Толли, принцъ Георгій Ольденбургскій, графъ Аракчеевъ, князь Волконскій, Мишо и Вольцогенъ. Тамъ было рѣшено оставить дрисскій лагерь, и вслѣдъ за тѣмъ, по предложенію герцога Александра Виртембергскаго, поддержанному Барклаемъ, положено выступить къ Витебску ([43]).

4 (16) іюля. Барклай де-Толли двинулся по правой сторонѣ Двины къ Полоцку. Графъ Витгенштейнъ, съ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, былъ оставленъ у Дриссы, для прикрытія страны между Двиною и Новгородомъ. 6-го (18-го), 1-я армія достигла Полоцка. Барклай, по совѣту своего начальника штаба, генералъ-маіора Ермолова, предполагалъ переправиться на лѣвый берегъ Двины, у Будиловой, между Полоцкомъ и Витебскомъ, и идти на соединеніе съ Багратіономъ, къ Оршѣ, но отмѣнилъ это движеніе, потому что на пространствѣ между Двиною и Днѣпромъ не было устроено магазиновъ ([44]).

Въ продолженіи пребыванія главной квартиры въ Дриссѣ, государственный секретарь Шишковъ, исполняя волю Государя, который, незадолго предъ тѣмъ, сказалъ Балашову: „вы-бы съ графомъ Аракчеевымъ и Шишковымъ сходились иногда и совѣтовались между собою“, предложилъ Балашову свое

мнѣніе — о неудобствахъ пребыванія Государя въ арміи. Полагая, что присутствіе Императора при войскахъ лишало главнокомандующаго надлежащей самостоятельности и слагало съ него должную отвѣтственность, Шишковъ думалъ, что всякая неудача окажетъ болѣе сильное вліяніе на войска и народъ, при Государѣ, нежели въ его отсутствіи, и что пребываніе Императора внутри Имперіи и мѣры тамъ лично имъ принятыя могли возбудить народъ къ общему вооруженію. Такія соображенія побудили пламенѣвшаго любовью къ отечеству Шишкова подать Государю, за подписью своею, Аракчеева и Балашова, записку, въ которой изложены были всѣ ихъ мысли по этому предмету ([45]).

Императоръ Александръ, убѣжденный доводами ближайшихъ къ нему лицъ, согласился оставить армію, отправилъ съ генералъ-адъютантомъ княземъ Трубецкимъ въ Москву воззваніе къ Первопрестольной столицѣ и манифестъ о всеобщемъ ополченіи ([46]), и самъ выѣхалъ туда-же изъ Полоцка, въ ночи на 7-е (19-е) іюля. На всемъ пути, Государь остановился только на одинъ день въ Смоленскѣ. Тамъ дворянство, достойное доблестныхъ своихъ предковъ, предупреждая волю Монарха, изъявило чрезъ губернскаго предводителя Лесли готовность выставить двадцать тысячъ и болѣе воиновъ на защиту отечества.

11 (23) іюля, ожидали Государя въ Москвѣ. Народъ толпился въ улицахъ и на площадяхъ, готовясь встрѣтить желаннаго гостя. Многіе отправились на Поклонную гору, въ надеждѣ испросить позволеніе — выпрячь лошадей изъ царской коляски и нести ее на себѣ. Тысячи людей различнаго званія отправились пѣшкомъ по смоленской дорогѣ, сокращая время удалыми русскими пѣснями; шедшіе

впереди достигли, на закатѣ солнца, 17-й версты; наконецъ, уже въ 10-мъ часу вечера, узнали, что Императоръ остается ночевать въ Перхушковѣ (первой станціи отъ Москвы), гдѣ встрѣтилъ его графъ Растопчинъ. Народъ хлынулъ назадъ, но подмосковные крестьяне села Покровскаго остались на дорогѣ ожидать Государя и отправили въ Перхушково двухъ гонцевъ, которые, прискакавъ во всю прыть, извѣстили своихъ о выѣздѣ царскаго экипажа изъ села Перхушкова. Дѣйствительно, Императоръ Александръ, уклоняясь отъ торжественной встрѣчи, пожелалъ въѣхать въ столицу ночью. Несмотря однакоже на то, вся дорога съ послѣдней станціи до заставы была полна народа, такъ что отъ взятыхъ многими фонарей было свѣтло, какъ днемъ. Государь пріѣхалъ въ Москву около полуночи; при немъ находились: оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютанты: Балашовъ, князь Волконскій, графъ Комаровскій, и вице-адмиралъ Шишковъ ([47]).

12 (24) іюля, едва лишь стала заниматься заря, повалилъ народъ на Красную площадь; уже всѣ знали о пріѣздѣ Государя. Съ восходомъ солнца, ярко сіявшаго въ сей торжественный день, наполнился Кремль Русскими, жаждавшими видѣть Царя своего, котораго съ ними еще ближе сроднила опасность, угрожавшая общей Матери-Россіи. Александръ вышелъ изъ дворца въ девять часовъ, и въ тоже мгновеніе раздался звонъ колоколовъ, и громогласное ура! огласило московскіе стогны. Еслибы Наполеонъ могъ быть свидѣтелемъ встрѣчи Россійскаго Монарха москвитянами, то оставилъ-бы дерзкую надежду покорить страну, гдѣ преданность къ Царю соединяетъ неразрывно чувствованія и помыслы многихъ милліоновъ. Александръ, выйдя на Красное

крыльцо, остановился, видимо растроганный зрѣлищемъ, напоминавшимъ времена Минина и Пожарскаго; казалось въ свѣтломъ взорѣ благодушнаго Царя отражалась любовь подданныхъ — дѣтей его. Прошло нѣсколько минутъ; началось шествіе Государя къ Успенскому собору, замедляемое народомъ, немогшимъ наглядѣться на Александра, провожавшимъ его криками: „Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! Да сохранитъ тебя Господь Богъ!“ При входѣ въ соборъ, преосвященный викарій московскій Августинъ, привѣтствуя Монарха краткимъ словомъ, въ заключеніе сказалъ: „съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!“ Послѣ обѣдни совершено благодарственное молебствіе, съ колѣнопреклоненіемъ и пушечною пальбою, по случаю полученнаго Государемъ въ Смоленскѣ извѣстія о ратификаціи мира съ Турками.

15 (27) іюля, назначено было собраться дворянству и купечеству въ обширныхъ залахъ Слободскаго дворца. Еще до прибытія Государя, графъ Растопчинъ приказалъ прочесть въ обоихъ собраніяхъ Высочайшій манифестъ и пламенною рѣчью приглашалъ всѣхъ и каждаго къ принятію участія въ защитѣ отечества. Дворянство положило выставить десятаго человѣка, по примѣру Смольянъ, и образовать ополченіе въ 80,000 человѣкъ. Купечество назначило общій денежный сборъ и открыло частную подписку. Войдя въ залу дворянскаго собранія, Государь, встрѣченный съ восторгомъ, объяснилъ въ краткихъ словахъ положеніе Государства — „которое войска, при всѣхъ усиліяхъ храбрости и самоотверженія не могли отстоять отъ многочисленной арміи Наполеона, составленной изъ порабощенныхъ имъ народовъ“, и напомнивъ, что уже не разъ государство было обязано своимъ спасеніемъ дворян-

скому сословію, сказалъ: „Настало время для Россіи показать Свѣту ея могущество! Я твердо рѣшился истощить всѣ средства Моей обширной Имперіи, прежде, нежели покоримся высокомѣрному непріятелю. Въ полной увѣренности взываю къ вамъ: вы, подобно вашимъ предкамъ, не позволите восторжествовать врагамъ; этого ожидаютъ отъ васъ Отечество и Государь!“ Въ отвѣтъ Монарху раздались восклицанія: „Готовы умереть за тебя, Государь! Не покоримся врагу; все, что̀ имѣемъ, отдаемъ тебѣ“. Трудно было разслышать слова, внушаемыя преданностью, но въ смыслѣ ихъ не могло быть сомнѣнія: его выражали невольныя слезы бывшихъ въ собраніи. Государь, самъ чрезвычайно растроганный, узнавъ отъ московскаго губернскаго предводителя дворянства Вас. Дмитр. Арсеньева о готовности дворянъ выставить по десяти ратниковъ со ста душъ, сказалъ: „Иного я не ожидалъ отъ васъ; вы оправдали Мое о васъ мнѣніе“ (48). Потомъ, перейдя въ залу, гдѣ было собрано купечество, Государь объявилъ депутатамъ, что для отраженія непріятелей требовались значительныя денежныя средства, что вскорѣ будутъ возобновлены дружественныя сношенія съ Англіею, готовою открыть свои гавани русской торговлѣ, но что всѣмъ надеждамъ на благосостояніе нашей страны угрожаетъ нашествіе Наполеона. И здѣсь Государь изъявилъ свою увѣренность въ содѣйствіи своихъ вѣрныхъ подданныхъ; и здѣсь встрѣтилъ такую-же готовность жертвовать ему и Россіи имуществомъ и собою. По отбытіи Императора, въ продолженіи двухъ часовъ, купечество подписалось на полтора милліона рублей (49). За обѣдомъ въ Кремлевскомъ дворцѣ, куда были приглашены почетнѣйшіе изъ московскихъ жителей, Императоръ Алек-

сандръ нѣсколько разъ повторилъ, что онъ этого дня никогда не забудетъ ([50]).

Во время пребыванія Государя въ Москвѣ, получены были тамъ мирный трактатъ, заключенный съ Великобританіею, въ Эребро, 6 (18) іюля, и союзный договоръ, подписанный въ Великихъ Лукахъ, 8 (20) числа того-же мѣсяца, уполномоченными Россіи и Испанскихъ Кортесовъ ([51]).

Возбудивъ Москву, а съ нею вмѣстѣ и всю Россію, къ дружному возстанію противъ Наполеона, Императоръ Александръ писалъ къ графу Николаю Ивановичу Салтыкову: „Пріѣздъ Мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу. Въ Смоленскѣ дворянство предложило Мнѣ на вооруженіе 20,000 человѣкъ, къ чему уже тотчасъ и приступлено. Въ Москвѣ, одна сія губернія даетъ Мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80,000, кромѣ поступающихъ охотою изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуютъ до трехъ милліоновъ; купечество-же — слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, нельзя не быть тронуту до слезъ, видя духъ оживляющій всѣхъ, и усердіе и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ“ ([52]).

Въ самый день отъѣзда Государя изъ Москвы, 18 (30) іюля, обнародованъ манифестъ о сформированіи ополченія въ 16-ти губерніяхъ, ближайшихъ къ театру войны ([53]), изъ числа коихъ повелѣно вооружить и собрать ратниковъ въ десяти, а въ прочихъ шести — только назначить людей, но до особаго повелѣнія не собирать ихъ и не отрывать отъ сельскихъ работъ.

Императоръ Александръ, выѣхавъ изъ Москвы, въ ночи съ 18-го (30-го) на 19-е (31-е) іюля, остановился на однѣ сутки въ Твери, у Великой Княгини Екатерины Павловны, и прибылъ въ Петер-

бургъ, къ 22-му іюля — дню тезоименитства Императрицы Маріи Өеодоровны. Великая Княгиня подала первый примѣръ народнаго вооруженія въ защиту горячо любимой ею Россіи, испросивъ, еще въ то время, когда Государь находился въ Дриссѣ, Высочайшее соизволеніе на образованіе изъ своихъ удѣльныхъ крестьянъ особаго баталіона ([54]).

Успѣхи непріятельскаго вторженія побудили Императора Александра, по прибытіи въ Петербургъ, принять новыя мѣры къ ускоренію вооруженій въ защиту Имперіи. Для общихъ распоряженій по ополченію, учрежденъ особый комитетъ, въ коемъ повелѣно присутствовать Аракчееву, Балашову и Шишкову ([55]). Повелѣно набрать по два рекрута со ста душъ, съ удѣльныхъ и казенныхъ крестьянъ повсемѣстно, а съ помѣщичьихъ — во всѣхъ губерніяхъ, кромѣ тѣхъ, гдѣ собиралось ополченіе, и псковской губерніи, сдѣлавшей особыя огромныя пожертвованія ([56]).

А, между тѣмъ, непріятель уже достигъ Смоленска.

ГЛАВА XXXIII.

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ.

4 (16) іюля, въ тотъ самый день, когда Барклай де-Толли выступилъ изъ Дриссы къ Витебску, Наполеонъ отправился изъ Вильны въ Глубокое. Удачное нападеніе наканунѣ Гродненскихъ гусаръ Кульнева на стоявшую оплошно близъ Друи бригаду Сенъ-Женьеса, (при чемъ непріятель потерялъ болѣе 400 человѣкъ, и въ числѣ ихъ самаго бригаднаго командира, захваченнаго въ плѣнъ), утвердило Наполеона въ мнѣніи, что наша 1-я армія останется въ дрисскомъ лагерѣ, и даже быть-можетъ двинется на встрѣчу Французамъ. Онъ предпринялъ обойти Барклая де-Толли, направясь къ Полоцку, либо къ Витебску, но, вмѣсто того, чтобы немедленно выслать впередъ собранныя у Глубокаго войска, оставался тамъ съ ними цѣлые пять дней, до 10 (22) іюля. Бездѣйствіе непріятеля дало намъ время предупредить его замыселъ: 1-я Западная армія, выступивъ, 8 (20) іюля, изъ Полоцка, прошла въ трое сутокъ 111 верстъ и 11-го (23-го) утромъ расположилась у Витебска, гдѣ Барклай надѣялся выждать 2-ю армію, (которая должна была придти отъ Бобруйска), либо, получивъ провіантъ изъ Велижа, дви-

нуться на встрѣчу князю Багратіону. къ Сѣнну. Между тѣмъ непріятель устремился къ Бѣшенковичамъ съ трехъ сторонъ: Мюратъ отъ Замоши, чрезъ Дисну; Наполеонъ отъ Глубокаго, чрезъ Ушачъ, и вице-король отъ Докшицъ на Камень *). 12-го (24-го), Наполеонъ съ главными силами находился у Бѣшенковичей, въ 60-ти верстахъ отъ Витебска. Барклай, получивъ свѣдѣніе о наступленіи Французовъ, выслалъ, для задержанія ихъ, къ Островну, 4-й пѣхотный корпусъ графа Остермана съ частью кавалеріи. На слѣдующій день, 13-го (25-го), Мюратъ атаковалъ его кавалерійскими дивизіями Брюйера и Сенъ-Жермена, поддержанными пѣхотою Дельзона. Неустрашимый Остерманъ оборонялся нѣсколько часовъ противъ сильнѣйшаго непріятеля. Когда картечь вырывала цѣлые ряды нашихъ полковъ, и у него спросили: „что̀ дѣлать?“ онъ отвѣчалъ: „ничего; стоять и умирать.“ 14-го (26-го), Коновницынъ, съ 3-ею пѣхотною дивизіей, смѣнивъ Остермана, сражался весь день противъ двойныхъ силъ Мюрата, и уже въ ночи отступилъ за рѣку Лучосу. На слѣдующее утро, Наполеонъ двинулся къ Витебску, и хотя еще не успѣлъ собрать своей арміи, однакоже могъ ввести въ бой болѣе 100 тысячъ человѣкъ противъ 85-ти тысячъ Барклая де-Толли, который, не смотря на то, рѣшился принять сраженіе. Но, когда прибылъ адъютантъ Багратіона, поручикъ князь Меншиковъ, съ извѣстіемъ, что 2-я Западная армія, не успѣвъ пройти къ Могилеву, обратилась къ Смоленску, и когда Ермоловъ, поддержанный корпусными командирами на военномъ совѣтѣ, предложилъ отступить, Барклай, поручивъ

---

*) Корпусъ Макдональда былъ оставленъ противъ Риги, а корпусъ Удино у Дриссы, противъ графа Витгенштейна.

отряду графа Палена (Петр. Петр.) замедлить движеніе непріятеля, снялся съ позиціи и отвелъ войска по дорогамъ къ Порѣчью и Руднѣ. Графъ Паленъ, съ 8,000 человѣкъ, оставленный въ виду стотысячной наполеоновой арміи, дѣйствовалъ стольже смѣло, сколько искусно, заставилъ непріятеля потерять весь день въ пріуготовленіяхъ къ битвѣ и на слѣдующее утро разбилъ шедшую въ авангардѣ французскую кавалерію. Наполеонъ, прекративъ преслѣдованіе, далъ отдыхъ своимъ изнуреннымъ войскамъ, чтобы присоединить отсталыхъ и собрать въ окрестной странѣ жизненные запасы ([1]).

Одновременно съ движеніемъ Наполеона къ Витебску, Даву, командовавшій, по отъѣздѣ Короля Іеронима, всѣми войсками, направленными противъ князя Багратіона ([2]), занялъ Могилевъ и Оршу, отразилъ 11 (23) іюля, у Салтановки, Раевскаго, и чрезъ то не дозволилъ Багратіону пройти на Могилевъ къ Оршѣ, но, оставаясь въ бездѣйствіи, допустилъ его безпрепятственно достигнуть Смоленска, гдѣ и соединились наши арміи, 22 іюля (3 августа). Силы ихъ, вмѣстѣ съ прибывшими къ нимъ подкрѣпленіями, вообще простирались до 120-ти тысячъ человѣкъ ([3]). Наканунѣ сосредоточенія армій, князь Багратіонъ пріѣхалъ въ Смоленскъ и явился Барклаю де-Толли, который, узнавъ о его прибытіи, надѣлъ шарфъ, взялъ шляпу и встрѣтилъ его въ передней комнатѣ. „Какъ только меня извѣстили о вашемъ пріѣздѣ, я готовъ былъ ѣхать къ вамъ“ —сказалъ Барклай. Князь Багратіонъ, добровольно подчинился Барклаю де-Толли, уже не разъ бывшему подъ его начальствомъ. Оба они, въ своихъ донесеніяхъ Государю, отдали справедливость другъ другу. Императоръ Александръ, получивъ ихъ отзывы, выразилъ имъ свое совершенное удоволь-

ствіе. „Я весьма обрадовался — писалъ онъ Барклаю — услышавъ о добромъ согласіи вашемъ съ княземъ Багратіономъ. Вы сами чувствуете всю важность настоящаго времени, и что всякая личность должна быть устранена, когда дѣло идетъ о спасеніи отечества.“ Тогда-же Государь отвѣчалъ Багратіону: „Зная ваше усердіе къ службѣ и любовь къ отечеству, Я увѣренъ, что въ настоящее, столь важное для онаго время, вы отстраните всѣ личныя побужденія, имѣвъ единственнымъ предметомъ пользу и славу Россіи. Вы будете къ сей цѣли дѣйствовать единодушно и съ непрерывнымъ согласіемъ, чѣмъ пріобрѣтете новое право на Мою признательность“ ([4]).

Соединеніе Западныхъ армій у Смоленска стоило намъ многихъ магазиновъ, доставшихся въ руки непріятеля, либо уничтоженныхъ, и временнаго пожертвованія страною до Двины и Днѣпра. Что-же касается до урона армій въ войскахъ, то онъ, за исключеніемъ отъ 12-ти до 15-ти тысячъ человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, не превышалъ 10-ти тысячъ человѣкъ. Напротивъ того, непріятель, съ перехода черезъ Нѣманъ до занятія Могилева и Витебска, потерялъ цѣлую треть наличнаго числа людей, т. е. около 100 тысячъ человѣкъ, не считая урона понесеннаго корпусами дѣйствовавшими на Двинѣ и на Волыни ([5]). Подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона оставалось до 125-ти тысячъ и подъ начальствомъ Даву до 75-ти тысячъ, слѣдовательно всего около 200 тысячъ человѣкъ, расположенныхъ отъ Суража и Витебска до Могилева, на пространствѣ двухъ сотъ верстъ. Не смотря однакоже на такое растянутое положеніе войскъ, Наполеонъ, выдвинувъ къ Руднѣ до 20-ти тысячъ кавалеріи, легко могъ, подъ прикрытіемъ ея, сосредоточить въ двое сутокъ, за

лѣсами и болотами, отдѣлявшими его отъ русской арміи, болѣе ста тысячъ человѣкъ.

Первые три дня, по соединеніи Западныхъ армій у Смоленска, были употреблены на укомплектованіе полковъ и на изготовленіе сухарей. А, между тѣмъ, предстояло рѣшить вопросъ: продолжать-ли отступленіе, или атаковать непріятеля? Войска и начальники ихъ нетерпѣливо хотѣли боя и были недовольны Барклаемъ, приписывая отступленіе арміи его нерѣшительности, считая его иностранцемъ, равнодушнымъ къ бѣдствіямъ Россіи. Извѣстія, не вполнѣ точныя, о разобщеніи наполеоновыхъ корпусовъ на значительномъ пространствѣ, и преувеличенныя свѣдѣнія, полученныя отъ плѣнныхъ, о плохомъ состояніи французскихъ войскъ, усилили общее нетерпѣніе и возбудили ропотъ противъ Барклая де-Толли, который, по мнѣнію многихъ, упускалъ случай нанести ударъ непріятелю. Для рѣшенія вопроса о выгоднѣйшемъ способѣ дальнѣйшихъ дѣйствій, Барклай собралъ, 25-го іюля (6-го августа), военный совѣтъ, на коемъ, кромѣ обоихъ главнокомандующихъ, присутствовали: Великій Князь Константинъ Павловичъ; начальники штабовъ обѣихъ армій, Ермоловъ и графъ Сенъ-Пріестъ; генералъ-квартирмейстеры: 1-й арміи полковникъ Толь и 2-й — генералъ-маіоръ Вистицкій, и полковникъ Вольцогенъ. Еще до созванія совѣта, Толь подалъ Барклаю де-Толли записку, предлагая двинуться быстро и рѣшительно на Рудню къ Витебску, чтобы разобщить непріятельскую армію на двѣ отдѣльныя части и разбить ихъ порознь сосредоточенными силами, (т. е. дѣйствовать на основаніи системы *внутреннихъ линій* генерала Жомини, которой Толь былъ жаркимъ приверженцемъ). Такое-же мнѣніе изъявилъ Толь и на совѣтѣ; съ нимъ согласились всѣ при-

сутствовавшіе, кромѣ Вольцогена, предложившаго укрѣпить Смоленскъ и принять бой подъ стѣнами этого города, и Барклая де-Толли, по словамъ котораго: „Государь, отъѣзжая изъ Дриссы, сказалъ, что порученная ему армія есть единственная, и что потерявъ ее, онъ подвергнулъ-бы опасности Россію. И потому — продолжалъ Барклай — я долженъ дѣйствовать съ величайшею осмотрительностью и всевозможно избѣгать пораженія ввѣренныхъ мнѣ войскъ. Сомнѣваясь въ успѣхѣ предлагаемаго наступленія, я прошу однакоже графа Сенъ-Пріеста и полковника Толя изложить планъ наступленія къ Руднѣ и представить его мнѣ на обсужденіе“ (6).

Совѣтъ разошелся не рѣшивъ ничего, но легко было предвидѣть, что главнокомандующій не устоитъ противъ общаго мнѣнія. Самъ Государь изъявлялъ ему надежду свою, что соединеніе нашихъ армій будетъ началомъ рѣшительнаго оборота войны. „Я не могу умолчать — писалъ Императоръ, что хотя, по многимъ причинамъ и обстоятельствамъ, при начатіи военныхъ дѣйствій нужно было оставить предѣлы нашей земли, однакоже неиначе, какъ съ прискорбіемъ долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжались до Смоленска, Съ величайшимъ удовольствіемъ слышу Я увѣренія ваши о хорошемъ состояніи нашихъ войскъ, о воинственномъ духѣ и пылкомъ ихъ желаніи сражаться. Неменѣе доволенъ также опытами отличной ихъ храбрости во всѣхъ бывшихъ доселѣ битвахъ и терпѣливостію, оказанною ими во всѣхъ многотрудныхъ и долгихъ маршахъ.

„Вы развязаны во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, безъ всякаго препятствія, а потому и надѣюсь Я, что вы не пропустите ничего къ пресѣченію намѣ-

реній непріятельскихъ и къ нанесенію ему всевозможнаго вреда.

„Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступательныхъ движеніяхъ, которыя, по словамъ вашимъ, почитаю теперь уже начатыми"…. (7).

Главнокомандующій, колеблясь между собственнымъ убѣжденіемъ въ численномъ превосходствѣ непріятельской арміи и общимъ порывомъ заслонить отъ врага родную страну, (чего было нельзя достигнуть, оставаясь у Смоленска), рѣшился дѣйствовать наступательно (8). Въ тотъ самый день, когда былъ собранъ совѣтъ, Барклай, призвавъ къ себѣ вечеромъ Толя и Сенъ-Пріеста, объявилъ имъ, что онъ предприметъ наступленіе къ Руднѣ, но съ тѣмъ, чтобы войска не отдалялись отъ Смоленска болѣе трехъ переходовъ. „Мы будемъ имѣть дѣло съ предпріимчивымъ противникомъ, который не упуститъ никакого случая обойти насъ, и чрезъ то вырвать изъ нашихъ рукъ побѣду" — сказалъ главнокомандующій. Это замѣчаніе, вмѣстѣ съ условіемъ ограничившимъ наступленіе тремя переходами, предвѣщало медленныя нерѣшительныя дѣйствія, не могшія имѣть никакихъ важныхъ послѣдствій (9).

И дѣйствительно, Барклай, имѣя въ виду постоянную цѣль заботъ своихъ — сохраненіе ввѣренной ему арміи — помышлялъ менѣе о разобщеніи непріятельскихъ войскъ и пораженіи ихъ по частямъ, нежели о прикрытіи своихъ сообщеній съ Смоленскомъ и противодѣйствіи обходамъ. Сначала онъ направилъ 1-ю Западную армію къ Руднѣ, но потомъ, получивъ донесеніе генерала Винцингероде, о появленіи Французовъ на дорогѣ ведущей изъ Порѣчья въ Смоленскъ, сдѣлалъ фланговое передвиженіе вправо; когда-же обнаружилось, что непріятель сталъ сосредоточивать силы къ Днѣпру, Барклай

снова перевелъ 1-ю армію влѣво, на дорогу къ Руднѣ; а между тѣмъ, князь Багратіонъ, подчинившій себя Барклаю, но дѣйствовавшій по собственному произволу, безъ соглашенія съ главнокомандующимъ, сперва отвелъ 2-ю армію къ Смоленску, а потомъ медленно двинулся, правымъ берегомъ Днѣпра, къ Катани. Единственнымъ послѣдствіемъ наступленія нашихъ войскъ было пораженіе дивизіи Себастіани, у Молева-болота, казачьимъ отрядомъ Платова, поддержаннымъ гусарами графа Палена ([10]).

Наполеонъ, узнавъ о неудачѣ Себастіани, почти одновременно съ полученіемъ донесенія Удинò объ отступленіи его къ Полоцку, послалъ туда корпусъ Сенъ-Сира и принялъ мѣры для быстраго сосредоточенія арміи. Въ продолженіи двухъ сутокъ по полученіи въ главной квартирѣ Наполеона перваго извѣстія о нашемъ наступленіи, т. е. къ 31-му іюля (12-му августа), онъ успѣлъ собрать около 180 тысячъ человѣкъ на пространствѣ 50-ти верстъ между Лёзною и Дубровною ([11]). Когда-же оказалось, что наступленіе Барклая было пріостановлено, и что онъ ограничивался занятіемъ позиціи у Волоковой, на рудненской дорогѣ, Наполеонъ рѣшился обойти насъ съ лѣваго фланга, и занявъ Смоленскъ, отбросить наши арміи отъ московской дороги. Съ этою цѣлью войска, состоявшія подъ непосредственнымъ начальствомъ его, были направлены къ наведеннымъ на Днѣпрѣ, у селеній Расасны и Хомина, понтоннымъ мостамъ. Фланговое движеніе Наполеона, прикрытое къ сторонѣ Смоленска бабиновичскимъ лѣсомъ, не могло быть замѣчено нашими легкими войсками. 1 (13) августа, вся непріятельская армія уже находилась на лѣвой сторонѣ Днѣпра, между Расасною и Лядами, и главная квартира Наполеона была расположена у перваго изъ этихъ селеній; туда-же шли войска Даву отъ

Орши и Могилева. Стеченіе на небольшомъ пространствѣ 180,000 человѣкъ, со множествомъ лошадей, орудій и обозовъ, представляло необычайное зрѣлище (12).

2 (14) августа, съ восходомъ солнца, непріятельская армія двинулась по смоленской дорогѣ. Казалось, ничто не могло помѣшать успѣху искуснаго наполеонова маневра. Обѣ русскія арміи находились на правой сторонѣ Днѣпра, и большею частью въ значительномъ разстояніи отъ Смоленска; а на пути непріятеля не было никакихъ войскъ, кромѣ стоявшей въ городѣ Красномъ, сформированной изъ рекрутъ, дивизіи генерала Невѣровскаго, съ четырьмя эскадронами Харьковскихъ драгунъ и тремя казачьими полками, вообще въ числѣ около 8,000 человѣкъ. Мюратъ, съ пятнадцатью тысячами всадниковъ, Груши, Нансути и Монбрюна, вытѣснивъ изъ Лядъ небольшой отрядъ генералъ-маіора Оленина, устремился къ Красному и въ три часа по полудни подошелъ къ городу; за нимъ слѣдовала пѣхота Нея.

Невѣровскій, узнавъ о наступленіи Французовъ, оставилъ въ городѣ одинъ изъ егерскихъ баталіоновъ съ двумя орудіями, послалъ 50-й егерскій полкъ Назимова, съ двумя конными орудіями, по дорогѣ къ Смоленску, приказавъ ему занять переправу на небольшой рѣчкѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Краснаго, и построилъ прочія войска къ бою, за оврагомъ, позади города: на правомъ крылѣ стояла пѣхота, на лѣвомъ — десять орудій и драгуны. Едва лишь расположились на позиціи русскіе полки, какъ Ней съ нѣсколькими ротами ворвался въ городъ, выбилъ оттуда нашихъ егерей и захватилъ бывшія при нихъ пушки; вслѣдъ за тѣмъ, французская кавалерія обошла слѣва позицію Невѣровскаго. На встрѣчу непріятелю бросились драгуны, но атака ихъ не удалась: потерявъ пять орудій, они ушли съ другими

пятью по смоленской дорогѣ. Невѣровскій, оставшись съ одною пѣхотою и видя противъ себя съ фронта нѣсколько полковъ Нея, между тѣмъ какъ огромныя массы кавалеріи Мюрата двигались въ тылъ нашей позиціи, началъ отступать къ Смоленску. Построивъ свои войска въ густыя колонны, Невѣровскій объѣхалъ ихъ, говоря солдатамъ: „Ребята! помните, чему васъ учили; никакая кавалерія не побѣдитъ васъ; только стрѣляйте мѣтко, не торопясь; никто не смѣй начинать безъ моей команды". Началось отступленіе! Окруженные со всѣхъ сторонъ несчетными массами кавалеріи, безпрестанно налетавшими на наши каре, русскіе солдаты, дружно сплотясь между собою, встрѣчали непріятеля градомъ пуль и отбивались штыками. „Хорошо ребята!—кричалъ Невѣровскій послѣ отбитыхъ атакъ.— Видите, какъ легко управляться съ кавалеріей; благодарю!... Поздравляю васъ!" — „Рады стараться! Ура!" отвѣчали солдаты. Успѣшной оборонѣ способствовала широкая почтовая дорога, обрытая рвами и обсаженная въ два ряда большими березами, по которой нельзя было кавалеріи вести атаки длиннымъ фронтомъ. Только однажды, у входа въ селеніе, гдѣ не было преграды образуемой рвами и аллеями, Французамъ удалось отхватить уголъ русской колонны. Къ вечеру Невѣровскій подошелъ къ позиціи, на коей стояли наши орудія, съ прикрытіемъ егерей 50-го полка. Непріятель, встрѣченный картечью, остановился, что̀ позволило расположиться на отдыхъ нашей утомленной пѣхотѣ. Уронъ русскаго отряда вообще простирался до полуторы тысячи человѣкъ; со стороны непріятеля убито и ранено до 500 человѣкъ ([13]). Сами Французы отдали справедливость мужеству Невѣровскаго и его воиновъ. Шамбрѐ говоритъ, что „это отступленіе представ-

ляетъ достопамятный примѣръ превосходства хорошо обученной и предводимой искуснымъ начальникомъ пѣхоты надъ конницею".—По словамъ другаго французскаго историка, графа Сегюра: „Невѣровскій отступалъ какъ левъ" ([14]). Князь Багратіонъ, въ донесеніи Государю, писалъ: „Нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, съ какою дивизія, совершенно новая, дралась противъ чрезмѣрно превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Можно даже сказать, что примѣра такой храбрости ни въ какой арміи показать нельзя." Успѣшному отступленію Невѣровскаго много способствовала ошибка Мюрата, который какъ будтобы позабылъ о своей конной артиллеріи, оставилъ ее далеко за собою и велъ многократно повторяемыя атаки, не подготовивъ успѣха огнемъ орудій ([15]).

Дѣло подъ Краснымъ, замедливъ наступленіе Наполеона къ Смоленску, дало намъ возможность предупредить его. Князь Багратіонъ, еще въ ночи на 3-е (15-е) августа, послалъ приказаніе Раевскому, успѣвшему отойти отъ Смоленска только 12 верстъ, возвратиться въ сей городъ и идти по дорогѣ къ Красному, въ помощь Невѣровскому. На разсвѣтѣ 4-го (16-го), Раевскій перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра, въ Смоленскѣ, двинулся на встрѣчу отступавшему отряду и вмѣстѣ съ нимъ отошелъ въ городъ. Къ ночи, въ виду ихъ, появилась кавалерія Мюрата; за нею расположилась пѣхота Нея, освѣтивъ горизонтъ широкимъ заревомъ бивачныхъ огней. Для отраженія огромной арміи, предводимой Наполеономъ, у Раевскаго было всего отъ 13-ти до 15-ти тысячъ человѣкъ. Но „Раевскому, какъ говорилъ о немъ въ послѣдствіи одинъ изъ знаменитыхъ людей 1812 года, Ермоловъ — не трудно казалось исполнить то, что немногіе рѣшились бы сдѣлать". Наши

генералы сознавали превосходство надъ собою Наполеона, но каждый изъ нихъ рвался преградить ему путь въ родную землю.

4 (16) августа, въ 9 часовъ утра, когда прибылъ къ корпусу Нея самъ Наполеонъ и подошли войска Даву, начался бой подъ стѣнами Смоленска. Несмотря на чрезвычайное превосходство непріятеля въ силахъ, русскія войска успѣли отстоять городъ. Еще въ началѣ сраженія, Раевскій получилъ отъ князя Багратіона записку: „Другъ мой! Я не иду, а бѣгу; желалъ-бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись. Богъ тебѣ помощникъ!" Затѣмъ вскорѣ пришла 2-я кирасирская дивизія, но Раевскій, не находя возможности употребить кирасиръ для обороны города, оставилъ ихъ на правой сторонѣ Днѣпра. Въ 7 часовъ по полудни подоспѣли четыре полка 2-й гренадерской дивизіи, которые поступили въ резервъ, а ввечеру и въ ночи собрались къ Смоленску — съ правой стороны Днѣпра главныя силы Западныхъ армій, а съ лѣвой „Великая армія" Наполеона ([16]).

Нерѣшительность нашего наступленія къ Руднѣ снова поселила недоразумѣніе между Барклаемъ де-Толли и княземъ Багратіономъ; по возвращеніи-же къ Смоленску, ихъ виды на счетъ предстоявшихъ дѣйствій были совершенно различны: Барклай принялъ на себя оборону Смоленска, но, по всей вѣроятности, уже и тогда рѣшился отступать далѣе; напротивъ того, Багратіонъ полагалъ, что слѣдовало отстаивать Смоленскъ до послѣдней крайности. „Надѣюсь — писалъ онъ Государю — что военный министръ, имѣя предъ Смоленскомъ готовую къ дѣйствіямъ всю 1-ю армію, удержитъ Смоленскъ. А я, въ случаѣ покушенія непріятеля пройти далѣе на московскую дорогу, буду отражать его" ([17]).

5 (17) августа, въ 4 часа утра, 8-й пѣхотный и 4-й кавалерійскій корпусы 2-й арміи выступили по московской дорогѣ и оставя арріергардъ противъ Шеина-острога, на 4-й верстѣ отъ Смоленска, отошли за рѣчку Колодню; 7-й корпусъ, которому на смѣну еще въ ночи присланъ 6-й отъ 1-й арміи, двинулся въ слѣдъ за прочими корпусами князя Багратіона. Для обороны-же Смоленска, кромѣ 6-го пѣхотнаго корпуса, были назначены: 27-я дивизія Невѣровскаго и 6-й егерскій полкъ, оставленные Раевскимъ, и 3-я дивизія Коновницына, всего до 20-ти тысячъ человѣкъ, подъ общимъ начальствомъ Дохтурова. Войска его были размѣщены слѣдующимъ образомъ: 24-я дивизія Лихачева, на правомъ крылѣ, заняла Красненское предмѣстье и Королевскій бастіонъ; 7-я дивизія Капцевича, въ центрѣ, расположилась для обороны Мстиславльскаго и Рославльскаго предмѣстій; 27-я дивизія и 6-й егерскій полкъ, на лѣвомъ крылѣ, стали въ предмѣстьяхъ Никольскомъ и Раченкѣ; еще лѣвѣе, близъ Днѣпра, построились три драгунскихъ полка, подъ начальствомъ генералъ-маіора Скалона; 3-я дивизія находилась въ резервѣ, у Малаховскихъ воротъ. На правомъ берегу Днѣпра, выше и ниже Смоленска, были поставлены сильныя батареи, для обстрѣливанія съ фланговъ непріятельскихъ войскъ, при наступленіи ихъ къ городу ([18]).

Утромъ 5-го (17-го), армія Наполеона построилась къ бою: на лѣвомъ крылѣ, противъ Красненскаго предмѣстья, стали три дивизіи Нея; въ центрѣ — пять дивизій Даву; на правомъ крылѣ, противъ Раченки — двѣ дивизіи Понятовскаго; еще правѣе — кавалерія Мюрата; въ резервѣ гвардія ([19]). Число всѣхъ этихъ войскъ простиралось до 140 тысячъ человѣкъ*).

*) Корпусъ Вице-короля тогда находился на маршѣ, между Крас-

Съ разсвѣтомъ завязался бой въ предмѣстьяхъ. Наполеонъ ограничивался перестрѣлкою и канонадою, желая выманить русскую армію на лѣвую сторону Днѣпра; войска Дохтурова сдѣлали нѣсколько вылазокъ; но ожиданія непріятелей несбылись: Барклай не вступилъ въ рѣшительное сраженіе. Около полудня, Наполеонъ, получивъ съ праваго фланга своей позиціи свѣдѣніе объ отступленіи значительныхъ силъ русской арміи по московской дорогѣ, поѣхалъ къ Шеину-острогу и убѣдился лично въ справедливости полученнаго имъ донесенія, что̀ побудило его штурмовать Смоленскъ. Въ три часа по полудни, около двухъ сотъ ядеръ и гранатъ посыпались въ городъ. Эта усиленная канонада была предвѣстіемъ штурма. Въ самомъ началѣ боя, наши драгуны, атакованные кавалерійскою дивизіей Брюейра, потеряли своего командира Скалона и были опрокинуты чрезъ Малаховскія ворота въ городъ. За тѣмъ двинулся впередъ князь Понятовскій, выставя сильныя батареи, какъ противъ устроенныхъ нами мостовъ и артиллеріи подполковника Нилуса, громившей Поляковъ съ праваго берега, такъ и противъ города. Отъ множества гранатъ, брошенныхъ въ предмѣстья, загорѣлись дома̀ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Войска Понятовскаго ворвались въ пылающія предмѣстья и покушались проникнуть въ городъ, но не имѣя лѣстницъ, были отражены съ огромнымъ урономъ; въ числѣ убитыхъ находился бригадный генералъ Грабовскій ([20]); начальникъ одной изъ дивизій Заіончекъ былъ раненъ. Тогда-же Ней овладѣлъ Красненскимъ предмѣстьемъ, а Даву

нымъ и Корытнею; а корпусъ Жюно, назначенный для содѣйствія Понятовскому, сбился съ дороги и пришелъ къ Смоленску уже вечеромъ: въ обоихъ этихъ корпусахъ было до 40 тысячъ человѣкъ (Thiers. XIV. 237 - 238.

повелъ атаку въ центрѣ на Малаховскія ворота, взялъ съ боя предмѣстья и оттѣснилъ Капцевича и Коновницына въ городъ. Здѣсь въ цѣпи стрѣлковъ убитъ одинъ изъ нашихъ бригадныхъ командировъ Балла. Настойчивость непріятельскаго нападенія заставила Дохтурова послать къ Барклаю де-Толли съ просьбою о помощи. Барклай отвѣчалъ: „передайте Дмитрію Сергѣевичу, что отъ его мужества зависитъ спасеніе всей арміи“, и послалъ въ подкрѣпленіе сражавшимся войскамъ 4-ю дивизію принца Евгенія Виртембергскаго и Л.-Гв. егерскій полкъ. Наполеонъ, между тѣмъ, приказалъ подвести къ стѣнамъ Смоленска 36 батарейныхъ орудій гвардейской артиллеріи и громилъ городъ изъ полутораста жерлъ, но крѣпкая городская ограда выдержала усиленную канонаду; за то снаряды перелетавшіе черезъ стѣну наносили большой вредъ войскамъ стоявшимъ въ улицахъ и на площадяхъ, убивали жителей и произвели нѣсколько пожаровъ. Въ пять часовъ по-полудни, Наполеонъ приказалъ маршалу Даву штурмовать городъ. Французы отважно пошли на приступъ, но въ эту минуту подоспѣли въ помощь Дохтурову войска принца виртембергскаго: Тобольскій и Волынскій полки, вмѣстѣ съ гвардейскими егерями, были посланы къ Раченкѣ; Кременчугскій и Минскій — на правое крыло; самъ-же принцъ Евгеній съ 4-мъ егерскимъ полкомъ и Коновницынъ съ частью своей дивизіи ударили въ штыки на непріятеля штурмовавшаго Малаховскія ворота и опрокинули его. Здѣсь канонада и перестрѣлка велись на самомъ близкомъ разстояніи; прислуга и лошади нашей батареи были нѣсколько разъ истреблены и быстро замѣнялись новыми. Коновницынъ, раненый пулею въ руку, оставался на полѣ битвы, и даже не позволилъ сдѣлать себѣ перевязку; а принцъ

виртембергскій, съ своими егерями, кинулся изъ Малаховскихъ воротъ въ прикрытый путь и выбилъ непріятеля оттуда въ поле. Въ семь часовъ, Французы снова пошли на штурмъ и снова были отбиты; покушенія непріятеля утвердиться въ Раченкѣ и Красненскомъ предмѣстьѣ также не имѣли успѣха. Наполеонъ ограничился сильною канонадою. Отъ множества гранатъ, навѣсно брошенныхъ изъ гаубицъ, загорѣлся городъ. Русскія войска, охваченныя пламенемъ, продолжали отчаянную оборону. Наконецъ, въ 9 часовъ, канонада смолкла на всѣхъ пунктахъ. Наши стрѣлковыя цѣпи заняли прикрытый путь и предмѣстья ([21]).

Барклай, не видя возможности оборонять долѣе пылающія развалины Смоленска, приказалъ Дохтурову въ ночи очистить городъ. При совершенномъ безвѣтріи, пламя подымалось надъ городомъ въ видѣ огненнаго столба, представляя, по выраженію Наполеона, зрѣлище подобное изверженію Везувія ([22]). Жители города, потерявъ все имущество, а многіе, лишась своихъ кровныхъ, уходили въ слѣдъ за войсками и не знали, гдѣ найдутъ пристанище. Еще въ сумерки, чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери былъ вынесенъ изъ города и врученъ войскамъ, какъ священный залогъ побѣдоноснаго возврата ихъ въ древній городъ, уже не въ первый разъ искупавшій понесенными имъ бѣдствіями торжество Россіи надъ ея врагами ([23]).

Потери въ сраженіи подъ Смоленскомъ простирались съ нашей стороны отъ 6-ти до 7-ми, а со стороны непріятеля — отъ 10-ти до 12-ти тысячъ человѣкъ ([24]). По свидѣтельству очевидцевъ — Французовъ, ввечеру 5 (17) августа, на бивакахъ, старые офицеры, нѣкогда бывшіе въ египетской экспедиціи, сравнивали Смоленскъ съ Сенъ-Жанъ д'Ак-

ромъ, гдѣ Наполеонъ впервые претерпѣлъ неудачу (25). Упрекали Наполеона въ томъ, что онъ не направился отъ Витебска и Рудни прямо къ Смоленску, что̀ заставило-бы насъ принять генеральное сраженіе, либо отступить безъ боя. Но въ послѣднемъ случаѣ онъ не достигъ-бы своей цѣли — отбросить русскую армію отъ Москвы и южныхъ областей Имперіи, служившихъ главными источниками средствъ для пополненія и снабженія всѣмъ нужнымъ нашихъ войскъ. Упрекали также и Барклая де-Толли въ напрасной оборонѣ Смоленска, безъ всякой надежды отстоять его, что̀ сопряжено было съ великимъ урономъ и подавало непріятелю возможность отрѣзать нашу армію отъ главнѣйшаго изъ ея сообщеній. Но могъ-ли нашъ главнокомандующій поступить иначе? Упорная битва подъ стѣнами Смоленска была жертва общественному мнѣнію, жаждавшему боя, и даже многіе полагали, что Барклай долженъ былъ продолжать оборону города. Начальникъ штаба 2-й арміи, графъ Сенъ-Пріестъ писалъ Государю: „Первая армія, находясь на правомъ, господствующемъ берегу Днѣпра и имѣя возможность, по усмотрѣнію, сосредоточить свои силы и поддерживать свѣжими войсками тѣ, которыя защищали городъ, занимала позицію, которою не могъ овладѣть Наполеонъ, несмотря на многочисленность его арміи. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Французы могли взять городъ не иначе, какъ понеся неисчислимый уронъ. Такъ полагала вся армія, и, должно быть, военный министръ имѣлъ причины, для меня непостижимыя, очистить Смоленскъ, въ противнсоть мнѣнія всѣхъ генераловъ и князя Багратіона, и отступать къ Дорогобужу“ (26).

Несравненно убѣдительнѣе доводы, коими Барклай оправдывалъ отступленіе отъ Смоленска: „Если-

бы я предпринялъ долѣе оборонять городъ, — писалъ онъ — то слѣдовало-бы мнѣ смѣнить тамъ войска, бывшія 5-го числа, въ теченіи 24-хъ часовъ, въ безпрестанномъ огнѣ, остаткомъ арміи, т. е. отборными войсками, стоявшими въ резервѣ.... Надлежало подвергнуть ихъ потерѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, въ труднѣйшихъ обстоятельствахъ, нежели какъ 5-го августа, ибо непріятель, занявъ высоту, анфилировалъ днѣпровскій мостъ, и тѣмъ пресѣкалъ сообщенія арміи съ городомъ. Но предположивъ даже, что я удержалъ-бы городъ, 6-го, непріятелю достаточно было переправить черезъ Днѣпръ, ниже Смоленска, часть своей арміи и угрожать моему правому флангу, чтобы принудить меня къ выводу войскъ изъ города, который внезапно достался-бы въ руки непріятелю, и тогда, потерявъ совершенно безъ пользы отъ 8-ми до 10-ти тысячъ человѣкъ, я нашелся-бы въ необходимости, или противъ воли сражаться съ превосходными силами, или отступать въ виду ихъ. 2-я армія могла-бы удобно отвлечь непріятеля, переправясь черезъ Днѣпръ выше Смоленска, но возможно-ли полагаться на такія соображенія, особенно, когда двѣ арміи, имѣющія двухъ независимыхъ начальниковъ, должны дѣйствовать совокупно“.... ([27]).

По очищеніи Смоленска, въ ночи съ 5-го (17-го) на 6-е (18-е) августа, 1-я армія расположилась фронтомъ къ городу, по обѣ стороны порѣченской дороги, разведя пловучіе мосты и уничтоживъ постоянный. Во весь слѣдующій день, войска Барклая де-Толли оставались на мѣстѣ. Непріятель, занявъ Смоленскъ, покушался перейти въ бродъ черезъ Днѣпръ, но былъ опрокинутъ егерями 4-й и 17-й дивизій, подъ начальствомъ Коновницына и Толя, и окончательно удержанъ арріергардомъ Корфа ([28]).

Барклай не отважился перевести 1-ю армію прямо на московскую дорогу, которая на протяженіи 4-хъ верстъ пролегала, вдоль праваго берега Днѣпра, подъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ непріятеля занимавшаго лѣвый берегъ. И по тому главнокомандующій рѣшился сперва отойти по петербургской дорогѣ, а потомъ перевести войска на московскую дорогу, въ значительномъ разстояніи отъ города; для удобности-же фланго243 движенія арміи, положено двинуть войска двумя колоннами: 1-я, изъ корпусовъ: 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалерійскихъ и всей резервной артиллеріи, подъ начальствомъ Дохтурова, должна была выступить, въ 7 часовъ вечера, къ Стабнѣ, и потомъ повернуть, по проселочной дорогѣ, на Зыколино и Сущово, къ Прудищу, остановиться тамъ на ночлегъ съ 7-го (19-го) на 8-е (20-е), и на слѣдующій день прибыть къ Соловьевой-переправѣ; а вторая колонна, Тучкова 1-го, (при коей находился самъ главнокомандующій), изъ 2-го, 3-го, 4-го пѣхотныхъ и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, получила приказаніе отойти, въ 9 часовъ вечера, по петербургской дорогѣ къ Крахоткину, повернуть оттуда чрезъ Горбуново и Жабино, на московскую дорогу, къ Лубину, и продолжать въ тотъ-же день движеніе къ Бредихину, а на слѣдующій день къ Соловьевой-переправѣ. Между тѣмъ, Французы, въ ночи на 7-е (19-е), устроивъ мосты на Днѣпрѣ, находились ближе къ Лубину, нежели наши войска, двигавшіяся по окольной дорогѣ, перерѣзанной рѣчками текущими въ глубокихъ оврагахъ. Для замедленія непріятеля, Багратіонъ условился съ Барклаемъ де-Толли оставить отъ 2-й арміи, между Смоленскомъ и Лубинымъ, сильный арріергардъ, который долженъ былъ продолжать отступленіе не прежде, какъ по смѣнѣ его войсками

изъ 1-й арміи. Такимъ образомъ Барклай могъ считать выходъ на московскую дорогу совершенно обезпеченнымъ, однакоже, не смотря на то, выслалъ черезъ Горбуново, часомъ ранѣе колонны Тучкова 1-го, особый авангардъ, подъ начальствомъ Тучкова 3-го (29).

Со стороны Французовъ, для преслѣдованія русской арміи, были направлены утромъ 7-го (19) отъ Смоленска войска Нея, и за ними кавалерія Мюрата; тогда-же корпусъ Жюно̀ получилъ приказаніе навести мостъ у Прудищева, выше Смоленска, и переправясь тамъ, двинуться къ Латышину, на перерѣзъ отступавшимъ войскамъ.

Въ то время, когда корпусъ Нея выходилъ изъ Петербургскаго предмѣстья, арріергардъ Корфа уже отступалъ на Крахоткино, по петербургской дорогѣ, для скрытія направленія, по которому двигались наши главныя силы, но Французы не пошли по слѣдамъ его, а направились прямо къ Горбунову. Занявъ этотъ пунктъ, Ней могъ отрѣзать арріергардъ Корфа и прочія войска, тогда еще находившіяся между Крахоткинымъ и Горбуновымъ. Къ счастью, Барклай, остававшійся близъ Гедеонова, для ускоренія марша полковъ, сбившихся съ назначеннаго направленія, приказалъ принцу Евгенію виртембергскому, съ бывшими у него подъ рукою войсками (30), занять позицію у Гедеонова и удерживаться тамъ до прибытія арріергарда Корфа, которому тогда-же было велѣно обратиться назадъ въ помощь принцу; а генералу Ермолову поручено ускорить движеніе колонны, слѣдовавшей проселками чрезъ Горбуново на московскую дорогу. Между тѣмъ, Ней, не зная ничего о направленіи принятомъ нашею арміей и видя русскія войска какъ на петербургской и московской дорогахъ, такъ и въ промежуткѣ между ними, у Гедеонова, оставался нѣсколько часовъ впе-

реди Петербургскаго предмѣстья, въ ожиданіи опредѣлительныхъ извѣстій о нашей арміи. Мюратъ, съ корпусами Нансути и Монбрюна, переправясь, позже Нея, въ бродъ чрезъ Днѣпръ, двинулся по московской дорогѣ, а корпусъ Груши — по петербургской дорогѣ (31).

Въ 8 часовъ утра, завязалась перестрѣлка у Гедеонова, а въ девять часовъ войска Нея атаковали принца Евгенія. Прибытіе къ нему въ помощь арріергарда Корфа дало возможность обоимъ отрядамъ отойти въ порядкѣ къ Горбунову, и далѣе въ слѣдъ за прочими войсками колонны Тучкова 1-го, на московскую дорогу (32).

Наполеонъ, узнавъ о встрѣчѣ Нея съ русскими войсками, послалъ ему въ помощь корпусъ Даву; тогда-же корпусу Жюно подтверждено — переправиться у Прудищева и вмѣстѣ съ Мюратомъ идти къ Латышину. Гвардія была оставлена у Смоленска; корпусъ вице-короля прибылъ туда-же; корпусъ Понятовскаго оставался на лѣвой сторонѣ Днѣпра, у Шеина-острога. Самъ Наполеонъ отправился къ корпусу Даву, находившемуся между московскою и петербургскою дорогами, въ двухъ верстахъ отъ Смоленска. Получивъ тамъ извѣстіе о появленіи Русскихъ на московской дорогѣ, Наполеонъ послалъ приказаніе Нею повернуть вправо и направилъ ему въ помощь дивизію Гюдена, корпуса Даву. Канонада, начавшаяся около полудня, на московской дорогѣ, болѣе и болѣе усиливалась, но Наполеонъ, приписывая ее желанію нашихъ военачальниковъ прикрыть отступленіе обозовъ, возвратился, около пяти часовъ по полудни, въ Смоленскъ (33).

Въ дѣйствительности-же бой на московской дорогѣ имѣлъ весьма важное значеніе. Въ то время, когда шедшій въ головѣ колонны Тучкова 1-го, не-

большой отрядъ его брата Тучкова 3-го, употребивъ цѣлые 12 часовъ на переходъ менѣе 20-ти верстъ, по чрезвычайно-дурнымъ просёлкамъ, вышелъ изъ лѣса, 7-го (19-го) въ 8 часовъ утра, и приблизился къ большой дорогѣ, князь Горчаковъ, съ арріергардомъ отъ 2-й арміи, недождавшись смѣны его войсками 1-й арміи, выступилъ къ Соловьевой-переправѣ; а для наблюденія къ сторонѣ Смоленска оставилъ генералъ-маіора Карпова съ тремя казачьими полками. Еслибы Тучковъ, выйдя на московскую дорогу, двинулся, (какъ ему было приказано), къ Соловьевой-переправѣ, то открылъ-бы непріятелю доступъ къ тому пункту, куда шла колонна его брата. Французы уже были близко и въ значительныхъ силахъ, а Тучковъ отдалился отъ арміи и могъ ожидать подкрѣпленія только частями войскъ, по мѣрѣ выхода ихъ на большую дорогу. Тѣмъ не менѣе однакоже онъ обратился къ Смоленску и выбравъ, вмѣстѣ съ Толемъ, довольно удобную позицію, за рѣчкою Колоднею, расположилъ тамъ свой отрядъ, въ десятомъ часу утра; небольшой авангардъ былъ выставленъ впереди селенія Валутиной-горы, а казачьи полки Карпова потянулись влѣво, къ Днѣпру. Войска Тучкова, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ, стали въ слѣдующемъ боевомъ порядкѣ: конно-артиллерійская рота на скатѣ высоты, поперегъ большой дороги; 20-й и 21-й егерскіе полки, подъ командою князя Шаховскаго — въ кустарникахъ, по сторонамъ батареи; Ревельскій полкъ генералъ-маіора Тучкова 4-го и нѣсколько эскадроновъ Елисаветградскихъ гусаръ генералъ-маіора Всеволожскаго — въ резервѣ (34).

Непріятель появился передъ нашею позиціею уже около полудня, когда приблизились къ ней первыя подкрѣпленія, присланныя Тучковымъ 1-мъ, по

настоянію генерала Ермолова: Лейбъ-гренадерскій и Аракчеевскій полки съ шестью орудіями. Эти войска, всего въ числѣ около 2,000 человѣкъ, дали возможность нашему отряду удержаться на Колоднѣ до трехъ часовъ по полудни, и потомъ отступить въ порядкѣ за рѣчку Страгань. На этой позиціи, непосредственно прикрывавшей выходъ колонны Тучкова 1-го на большую дорогу, надлежало обороняться до послѣдней крайности. Правое крыло позиціи пролегало по высотамъ; въ центрѣ находилась низменная, частью болотистая мѣстность; на лѣвомъ крылѣ выдавался небольшой, но довольно густой лѣсъ, а еще лѣвѣе — простиралось, склоняясь назадъ къ болотистой рѣчкѣ, обширное поле, удобное для дѣйствій кавалеріи: слѣдовательно, позади лѣваго крыла, топкая низина затрудняла отступленіе войскъ, и кромѣ того, эта часть позиціи была отдѣлена отъ праваго крыла болотистою мѣстностью. Въ четыре часа успѣли собраться на Страгани 17 баталіоновъ, въ числѣ до 8-ми тысячъ человѣкъ, съ 16-ю орудіями. Генералъ Ермоловъ, получивъ между тѣмъ отъ захваченныхъ казаками двухъ виртембергскихъ гусаръ свѣдѣніе о движеніи двѣнадцати пѣхотныхъ и кавалерійскихъ полковъ Жюно̀ и Мюрата въ обходъ лѣваго фланга позиціи, приказалъ, именемъ главнокомандующаго, генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову, прибывшему тогда въ Бредихино*) съ 1-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, идти на рысяхъ къ Заболотью и расположить корпусъ на лѣвомъ крылѣ, не переходя болота. Ему-же подчинена была также кавалерія, находившаяся при отрядѣ Тучкова (26 эскадроновъ съ 4-мя конными орудіями). Графъ

*) Селеніе на большой московской дорогѣ, въ 4-хъ верстахъ отъ позиціи на р. Страгани.

Орловъ-Денисовъ расположилъ свой корпусъ позади лѣваго крыла позиціи, на высотахъ, за болотомъ, въ одну линію, имѣя въ виду выказать непріятелю свои силы бо̀льшими, нежели они были въ дѣйствительности; прочую-же кавалерію, именно: Маріупольскій, Сумскій и Елисаветградскій полки, поставилъ впереди непроходимаго болота, въ четыре линіи, въ шахматномъ порядкѣ, чтобы замедлять выходъ непріятеля изъ лѣса частными атаками; правый флангъ этой кавалеріи примыкалъ къ пригорку надъ болотомъ, занятому четырьмя конными орудіями, а на лѣвомъ крылѣ, упиравшемся въ болото, стали пять казачьихъ полковъ и два эскадрона Изюмскихъ гусаръ ([35]).

Непріятель, приблизясь къ позиціи Тучкова, ограничился, въ продолженіи часа, канонадою и перестрѣлкою, пока подошли ожидаемыя имъ подкрѣпленія. По прибытіи-же дивизіи Гюдена, около пяти часовъ по полудни, Ней направилъ ее вмѣстѣ съ дивизіей Разу противъ центра нашей позиціи, поддержалъ ихъ войсками Ледрю и расположилъ дивизію Маршана правѣе, для связи съ кавалеріей Мюрата. Французы нѣсколько разъ кидались на наши батареи, но были опрокидываемы штыками; здѣсь въ особенности отличились Лейбъ-гренадеры. Русскія войска на всѣхъ пунктахъ отразили двойныя силы Французовъ. Самъ Гюденъ, подъѣхавъ къ полуразрушенному мосту на Страгани, переходитъ пѣшкомъ въ головѣ 7-го егерскаго полка безъ выстрѣла черезъ рѣчку, и ставъ на берегу, пропускаетъ мимо себя прочіе полки свои. Непріятель съ громкими восклицаніями: „Vive l'empereur!“ (да здравствуетъ Императоръ!), кидается на наши орудія; но въ эту самую минуту Гюденъ пораженъ смертельно ядромъ, раздробившимъ ему ногу. Напрасно, принявшій на-

чачальство надъ его дивизіей, генералъ Жераръ возбуждаетъ къ новымъ усиліямъ солдатъ своихъ. Всѣ атаки ихъ на батарею, стоявшую на большой дорогѣ, отражены съ огромнымъ урономъ (36).

Между тѣмъ Жюно, съ своимъ корпусомъ, въ числѣ 14-ти тысячъ человѣкъ, переправясь черезъ Днѣпръ, расположился у деревни Тебеньковой, тогда еще, когда отрядъ Тучкова оборонялся на рѣчкѣ Колоднѣ. Ничто не мѣшало непріятелю выдти на московскую дорогу, что̀ принудило-бы Тучкова сняться съ позиціи на Страгани и поставило-бы нашу армію въ весьма опасное положеніе. Но Жюно остался за тебеньковскимъ лѣсомъ и несмотря на убѣжденія прискакавшаго къ нему Мюрата, не пошелъ далѣе, отговариваясь неимѣніемъ на то приказанія отъ Императора. Лишенный содѣйствія пѣхоты, Мюратъ покушался дебушировать изъ лѣса съ кавалеріей и опрокинулъ казаковъ на стоявшій за ними Сумскій гусарскій полкъ, но вслѣдъ за тѣмъ графъ Орловъ-Денисовъ, съ Маріупольскими и Елисаветградскими гусарами, ударилъ во флангъ непріятелю и ведя постепенныя атаки линіями, проходившими одна сквозь другую, не позволилъ французской кавалеріи развернуться противъ лѣваго крыла нашей позиціи (37).

Самъ Барклай распоряжался, на полѣ сраженія, съ обычнымъ ему хладнокровіемъ. Убѣдясь въ необходимости поддержать арріергардъ свѣжими войсками, онъ приказалъ Коновницыну усилить центръ; Екатеринославскій гренадерскій полкъ вошелъ въ 1-ю линію на правомъ крылѣ, а генералъ-маіоръ Чоглоковъ, съ Перновскимъ и Полоцкимъ полками (4-го пѣхотнаго корпуса) и съ ротою конной артиллеріи, сталъ позади кавалеріи, на лѣвомъ крылѣ; Кексгольмскій полкъ (4-го-же корпуса) и всѣ остальные полки 3-го корпуса, съ тремя артиллерійскими

ротами, прибывъ въ шесть часовъ по полудни, поступили въ общій резервъ ([38]). Непріятель возобновилъ усиленное нападеніе на центръ позиціи и былъ отраженъ Коновницынымъ съ Муромскимъ, Черниговскимъ и Капорскимъ полками; другое покушеніе Французовъ, противъ нашего праваго крыла, было удержано Лейбъ-гренадерами, подъ начальствомъ Ермолова ([39]). Около 7-ми часовъ по полудни, стали выходить на большую дорогу полки 2-го пѣхотнаго корпуса и за ними, двигавшіяся въ хвостѣ колонны, войска Корфа: по мѣрѣ ихъ прибытія на поле сраженія, они располагались въ резервѣ центра и праваго крыла ([40]). Въ 7 часовъ, вестфальская дивизія Охса, съ частью кавалеріи Мюрата, выйдя изъ кустарниковъ, атаковала Орлова-Денисова, но была удержана картечью батареи, стоявшей на его правомъ флангѣ, и усиленнымъ огнемъ Полоцкаго и Перновскаго полковъ. Непріятель, отступая съ большимъ урономъ, былъ преслѣдованъ Сумскими гусарами и казаками. Съ нашей стороны, здѣсь тяжело раненъ картечью въ бокъ генералъ-маіоръ Филисовъ. Бой на лѣвомъ нашемъ крылѣ совершенно прекратился въ 8 часовъ вечера ([41]).

Въ 9 часовъ, дивизія Гюдена, подъ начальствомъ Жерара, снова перейдя черезъ Страгань, атаковала нашу позицію. Тучковъ 3-й, съ Екатеринославскимъ гренадерскимъ полкомъ, ударилъ на непріятеля въ штыки, но гренадеры неустояли, и самъ Тучковъ, израненый, былъ захваченъ въ плѣнъ. Генералъ Олсуфьевъ, съ Рязанскимъ и Брестскимъ полками, остановилъ Французовъ и не позволилъ имъ идти далѣе ([42]). Это былъ послѣдній актъ кровопролитнаго дѣла при Лубинѣ, (или при Валутиной-горѣ), въ коемъ непріятель потерялъ до 9-ти тысячъ человѣкъ ([43]). Уронъ нашъ не превышалъ 5-ти или 6-ти тысячъ

человѣкъ ([44]). Вообще-же въ сраженіяхъ при Красномъ, Смоленскѣ и Лубинѣ, у насъ выбыло изъ фронта отъ 14-ти до 15-ти тысячъ, а у Наполеона болѣе 20-ти тысячъ человѣкъ.

Войска обѣихъ сторонъ дрались весьма храбро, но должно замѣтить, что во всѣхъ дѣлахъ, со 2-го по 7-е (съ 14-го по 19-е) августа, перевѣсъ въ силахъ былъ на сторонѣ Французовъ. Невѣровскій, съ шестью тысячами человѣкъ пѣхоты, сражался противъ пятнадцати тысячъ всадниковъ Мюрата; Раевскій съ тринадцатью тысячами отразилъ Нея съ двадцать двумя тысячами человѣкъ; Дохтуровъ, сперва съ двадцатью, а потомъ съ тридцатью тысячами, оборонялъ Смоленскъ цѣлый день противъ Наполеона, у котораго было тамъ сто сорокъ тысячъ человѣкъ. Принцъ Евгеній виртембергскій, съ нѣсколькими тысячами человѣкъ, удерживался у Гедеонова противъ всего неева корпуса. У Тучкова 3-го, на рѣчкѣ Колоднѣ, было сперва три тысячи и потомъ пять тысячъ человѣкъ противъ двадцати тысячъ Нея; по отступленіи-же на позицію за Страгань, у Русскихъ въ концѣ боя было до двадцати пяти тысячъ человѣкъ, изъ коихъ введено въ огонь не болѣе семнадцати тысячъ: эти войска удержались до самой ночи противъ корпуса Нея, дивизіи Гюдена и части войскъ Жюнò, въ числѣ тридцати двухъ тысячъ человѣкъ, поддержанныхъ семнадцатью тысячами, стоявшими въ резервѣ ([45]). Въ сраженіи 7 (19) августа, успѣху непріятеля много повредили нерѣшительность Жюнò и недостатокъ связи въ дѣйствіяхъ французскихъ генераловъ, что довольно часто случалось въ отсутствіи Наполеона. Только эти обстоятельства, вмѣстѣ съ мужествомъ русскихъ войскъ и распорядительностью Барклая и частныхъ начальниковъ, вывели армію изъ опаснаго положе-

нія, въ которомъ она находилась при переходѣ съ петербургской на московскую дорогу.

Послѣ сраженія при Лубинѣ, колонна Тучкова 1-го, снявшись съ ночлега, 8 (20) августа, въ 4 часа утра, выступила къ Соловьевой-переправѣ, и вмѣстѣ съ колонною Дохтурова перешла тамъ чрезъ Днѣпръ, по тремъ понтоннымъ мостамъ. 10 (22), обѣ Западныя арміи отступили къ Усвятью, на рѣкѣ Ужѣ, а два дня спустя, 12 (24), расположились у Дорогобужа ([46]).

Наполеонъ, весьма недовольный послѣдствіями дѣла 7 (19) августа, отправился, на слѣдующій день, въ три часа утра, на поле сраженія. Но Русскіе уже готовились отступить, и Наполеонъ, не имѣя возможности остановить ихъ, возвратился въ Смоленскъ, и усомнившись въ успѣхѣ предпринятой имъ войны, изъявилъ намѣреніе остановиться и зимовать на Днѣпрѣ. Многіе изъ его сподвижниковъ покушались утвердить его въ этомъ предположеніи, но Наполеонъ, принявъ во вниманіе всѣ невыгоды продолжительной стоянки въ скудной средствами странѣ, въ значительномъ разстояніи отъ границъ Франціи, предпочелъ идти далѣе. Уже не одинъ разъ рѣшительная побѣда и занятіе непріятельской столицы выводили его изъ самаго затруднительнаго положенія. Развѣ побѣда при Аустерлицѣ не разсѣяла скоплявшіяся надъ нимъ грозныя тучи? Развѣ побѣда при Ваграмѣ не заставила забыть неудачу при Асхернѣ? Развѣ и теперь невозможна была побѣда? Русскіе дрались храбро, Императоръ Александръ не искалъ мира, но когда его арміи будутъ разсѣяны, и французскія знамена водрузятся на Кремлѣ, тогда — полагалъ Наполеонъ — русскіе бояре захотятъ сохранить пышные дворцы свои, народъ въ Москвѣ приметъ побѣдителей, какъ принимали ихъ въ Бер-

линѣ и въ Вѣнѣ, и самъ Александръ покорится необходимости. Наполеонъ рѣшился идти далѣе, ослѣпляясь несбыточными надеждами, и это было весьма естественно: несмотря на отдѣленіе значительной части силъ для прикрытія сообщеній арміи, у него, при выступленіи изъ Смоленска, все еще оставалось полтораста тысячъ человѣкъ противъ ста пяти тысячъ Русскихъ. Правда — его армія состояла изъ разноплеменныхъ полчищъ, но всѣ они руководились одною мыслью — одною волею.

Не то было въ нашей арміи: разногласіе между Барклаемъ де-Толли и подчиненными ему генералами усилилось послѣ отступленія изъ Смоленска: упрекали Барклая въ нерѣшимости дѣйствій, и даже нѣкоторые, заподозривъ его въ измѣнѣ, хотѣли, чтобы главное начальство было передано Бенигсену; другіе предпочитали князя Багратіона. Многіе, неограничиваясь желаніемъ имѣть новаго главнокомандующаго, считали нужнымъ устранить министра иностранныхъ дѣлъ, графа Румянцова, который, по ихъ мнѣнію, стремился къ прекращенію войны покорствомъ Наполеону. Какъ доведеніе такихъ желаній до свѣдѣнія Государя не могло быть ему пріятно и подвергло-бы немилости каждаго изъ подданныхъ, который отважился-бы сдѣлать подобныя предложенія своему Монарху, то вліятельнѣйшіе изъ нашихъ генераловъ рѣшились склонить къ тому англійскаго генерала Вильсона, который, на пути изъ Константинополя, прибылъ въ главную квартиру Барклая и находился при ней во время отступленія арміи отъ Смоленска. Извѣстная всѣмъ преданность Вильсона Императору Александру и благоволеніе, которымъ Государь удостоивалъ англійскаго генерала, казались многимъ достаточными поводами къ тому, чтобы онъ принялъ на себя такое щекотливое хо-

датайство. Вильсонъ, изъявивъ согласіе передать Государю „желаніе всей арміи“, какъ выражались противники Барклая, тотчасъ отправился въ Петербургъ и прибылъ туда уже нѣсколько дней спустя по назначеніи новаго главнокомандующаго — Кутузова и по отъѣздѣ Императора въ Або, для свиданія съ наслѣднымъ шведскимъ принцемъ ([47]).

Дѣйствительно — нетолько армія, но и вся Россія, оскорбленная вражескимъ вторженіемъ, небывалымъ въ продолженіи цѣлаго столѣтія, не вѣрила, чтобы такое событіе было возможно безъ измѣны, или, по крайней мѣрѣ, безъ непростительныхъ ошибокъ главнаго вождя. Барклай, русскій уроженецъ, не разъ запечатлѣвшій своею кровью преданность отечеству, не былъ Русскимъ по имени, а въ войну 1812 года, когда Россія напрягала всѣ силы для отпора наводнившимъ ее полчищамъ Европы, все чужеземное подверглось опалѣ русскаго народа. И къ тому-же въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, вездѣ, куда достигали извѣстія изъ армій, немногіе лишь постигали цѣль отступленія; всѣ-же прочіе, видя только его послѣдствія, опустошеніе страны, пожары цвѣтущихъ городовъ и селъ, грабежи и убійства, жаждали рѣшительнаго боя, долженствовавшаго, по ихъ мнѣнію, положить преграду дерзкому нашествію. А между тѣмъ, какъ наши главныя силы не могли остановить непріятеля, съ другихъ пунктовъ театра войны, гдѣ у насъ были гораздо меньшія силы — приходили извѣстія объ одержанныхъ ими успѣхахъ.

На Двинѣ, графъ Витгенштейнъ, съ 25-ю тысячами человѣкъ, дѣйствуя противъ двойныхъ силъ, воспользовался медленностью Макдональда и нѣсколько разъ одержалъ верхъ надъ корпусомъ Удино, считавшимъ въ рядахъ до тридцати тысячъ воиновъ. Побѣда при Клястицахъ, 18 и 19 (30 и 31)

іюля, утѣшила русскій народъ, огорченный потерею Полоцка и Витебска и безуспѣшнымъ боемъ при Салтановкѣ, и хотя, вслѣдъ за тѣмъ, палъ жертвою собственной отваги мужественный Кульневъ, однакоже ратные товарищи его отмстили за него новою побѣдою и оттѣснили Французовъ къ Полоцку. Наполеонъ, получивъ въ Витебскѣ донесеніе о невзгодахъ Удино̀, послалъ ему въ помощь баварскій корпусъ, подъ начальствомъ одного изъ своихъ лучшихъ генераловъ, Сенъ-Сира. Графъ Витгенштейнъ опять долженъ былъ сражаться съ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, но, не смотря на то, вогналъ его въ Полоцкъ. Когда-же Удино̀ былъ раненъ и Сенъ-Сиръ, принявъ начальство надъ обоими корпусами, неожиданно атаковалъ наши войска подъ Полоцкомъ, 6 (18) августа, Витгенштейнъ отошелъ за Дриссу и не дозволилъ непріятелю идти далѣе. Наполеонъ былъ до того озабоченъ неудачами Удино̀, что, получивъ донесеніе о ничтожномъ успѣхѣ Сенъ-Сира, произвелъ его въ маршалы. А, между тѣмъ, графъ Витгенштейнъ, расположась въ одномъ переходѣ отъ занятаго Французами Полоцка, усиливался подходившими въ подкрѣпленіе ему войсками и ополченіями, и благодаря усердію Псковитянъ и распорядительности начальника псковской губерніи, князя Шаховскаго, устроилъ въ Люценѣ и Себежѣ магазины, гдѣ постоянно находился 20-тидневный запасъ провіанта и фуража для всего корпуса, пополняемый изъ главныхъ складовъ, учрежденныхъ въ Островѣ и Псковѣ (48). Въ Петербургѣ, и оттуда во всей Россіи, славилось имя графа Витгенштейна „защитника Петрова града" и съ признательностью произносились имена сподвижниковъ его: героя Кульнева; начальника корпуснаго штаба, одного изъ образованнѣйшихъ нашихъ генераловъ,

Довре: начальника артиллеріи, даровитаго, энергическаго, князя Яшвиля, и оберъ-квартирмейстера, пылкаго, неутомимаго, Дибича.

И на югѣ, Тормасовъ также дѣйствовалъ съ успѣхомъ, уничтожилъ въ Кобринѣ авангардъ корпуса Рейнье, вступилъ въ бой съ сильнѣйшею австро-саксонскою арміей Шварценберга, у Городечны, отошелъ въ порядкѣ за рѣку Стырь и преградилъ дальнѣйшее вторженіе непріятеля.

Только лишь съ главнаго театра дѣйствій постоянно приходили извѣстія объ успѣхахъ вражескаго нашествія, вмѣстѣ съ неблагопріятными слухами о главнокомандующемъ и окружавшихъ его иностранцахъ. Барклай де-Толли старался удалить изъ главной квартиры лицъ, наиболѣе мѣшавшихъ ему своими толками, но неуспѣлъ въ томъ, потому что ихъ было слишкомъ много, и самъ начальникъ штаба его, Ермоловъ не только порицалъ его дѣйствія *), но возбуждалъ къ тому Великаго Князя Константина Павловича, что̀ заставило Барклая командировать, подъ предлогомъ доставленія Государю важныхъ депешей, Великаго Князя въ Петербургъ (49).

Одновременно съ неудовольствіемъ на Барклая де-Толли, общественное мнѣніе болѣе и болѣе склонялось въ пользу Кутузова. Императоръ Александръ не былъ доволенъ имъ, со времени Аустерлицкаго сраженія, и въ послѣдствіи, за слабое исправленіе обязанностей С.-Петербургскаго военнаго губернатора и за медленный ходъ переговоровъ съ Турками; но это не помѣшало Государю воздать должное его заслугамъ. Кутузовъ, по заключеніи Бухарестскаго трактата, былъ возведенъ въ графское

---

*) Въ послѣдствіи, А. П. Ермоловъ совершенно измѣнилъ свое мнѣніе о Барклаѣ де-Толли и отдавалъ ему полную справедливость.

достоинство. По прибытіи въ Петербургъ, весною 1812 года, онъ обращалъ на себя общее вниманіе, какъ полководецъ истинно-русскій, образовавшійся въ школѣ Суворова. Удачный походъ на Дунаѣ и миръ, заключенный въ роковую годину разрыва съ Наполеономъ, упрочили славу Кутузова. Его сужденія о современныхъ военныхъ дѣйствіяхъ находили отголосокъ въ высшемъ кругѣ, а народъ съ участіемъ смотрѣлъ на стараго, израненаго воина, усердно молящагося въ Божіихъ храмахъ о спасеніи Россіи. По учрежденіи земской силы, онъ былъ избранъ начальникомъ петербургскаго ополченія. Хотя такая должность не соотвѣтствовала ни заслугамъ, ни старшинству по службѣ Кутузова, однакоже онъ, принявъ на себя обязанности предводителя с.-петербургской земской силы, исполнялъ ихъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ, проводя цѣлые дни въ пріемѣ ратниковъ, входя во всѣ подробности ихъ обмундировки и вооруженія, обучая ихъ лично и давая имъ наставленія. Самоотверженіе Кутузова не осталось безъ воздаянія: Императоръ Александръ, 29 іюля, возвелъ его въ княжеское достоинство, съ титуломъ Свѣтлости. Народъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ его; каждое слово его передавалось приверженными ему людьми и дѣлалось извѣстно; въ театрахъ, когда произносились драгоцѣнныя для Русскихъ имена Дмитрія Донскаго и Пожарскаго, взоры всѣхъ были обращены къ Кутузову. Самъ онъ, не смотря на свои преклонныя лѣта, не уклонялся отъ участія въ общественныхъ собраніяхъ, навѣщалъ вліятельныхъ лицъ, и — даже, какъ говорили тогда — старался заслужить благосклонность М. А. Нарышкиной.

Императоръ Александръ, по прибытіи, 22 іюля, изъ Москвы въ Петербургъ, получилъ тамъ вскорѣ

смутныя извѣстія изъ армій Бурклая де-Толли и Багратіона. Едва лишь они успѣли соединиться въ Смоленскѣ и донести Государю о прекращеніи возникшихъ между ними недоразумѣній, какъ пришли изъ арміи донесенія и частныя письма, съ жалобами на Барклая, на неудачу наступленія къ Руднѣ, на потерю Смоленска. Барклай также нескрывалъ своего неудовольствія на князя Багратіона, который, по мнѣнію военнаго министра, долженъ былъ, дѣйствуя рѣшительно въ окрестностяхъ Смоленска, отвлечь часть непріятельскихъ силъ, направленныхъ противъ 1-й арміи. Князь Багратіонъ, съ своей стороны, домогался перехода обѣихъ армій къ наступательнымъ дѣйствіямъ, противъ разстроеннаго непріятеля, и жаловался на Барклая, говоря, что „военный министръ, требуя его мнѣній, не согласуется онымъ.“ Разномысліе главнокомандующихъ оказывалось еще очевиднѣе изъ частной переписки, и въ особенности изъ писемъ князя Багратіона къ Аракчееву. Извѣщая его о потерѣ Смоленска и о пагубныхъ послѣдствіяхъ, которыя могло имѣть дальнѣйшее отступленіе, Багратіонъ писалъ: „Вся армія просила меня гласно, чтобы я всѣми командовалъ, но я на сіе имъ ничего не отвѣчалъ, ибо воля на то Государя моего.“ „Признаюсь вамъ откровенно — продолжалъ онъ въ томъ-же письмѣ — сколько мнѣ было пріятно сойтись съ Первою арміей, столько-же и прискорбно, ибо продовольствіе для меня весьма плохое. Когда одинъ шелъ, тогда все имѣлъ.“ Нѣсколько дней спустя, онъ-же писалъ: „Воля Государя моего. Я никакъ вмѣстѣ съ министромъ не могу. Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать, въ Молдавію или на Кавказъ, а здѣсь быть не могу, и вся главная квартира Нѣмцами наполнена такъ, что Русскому жить невозможно и толку никакого нѣтъ“ ([50]).

Императоръ Александръ высоко цѣнилъ благородство характера и военныя способности Барклая де-Толли, совершенно былъ увѣренъ въ его преданности и зналъ, что образъ его дѣйствій въ 1812 году былъ внушенъ самою необходимостью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Государь не могъ сомнѣваться въ томъ, что, при совершенномъ разладѣ главнокомандующаго съ подчиненными ему генералами и при недовѣріи къ нему войскъ, нельзя было надѣяться на успѣхъ войны, и по тому рѣшился назначить, на мѣсто Барклая, другаго военачальника, предоставя выборъ его особому комитету, составленному изъ бывшаго наставника его, предсѣдателя государственнаго совѣта, генералъ-фельдмаршала графа Салтыкова, главнокомандующаго въ С.-Петербургѣ, генерала Вязмитинова, генераловъ графа Аракчеева и Балашова и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ князя Лопухина и графа Кочубея. Въ засѣданіи комитета, 5-го (17) августа, (во второй день сраженія при Смоленскѣ), графъ Аракчеевъ, по Высочайшему повелѣнію, прочелъ донесенія главнокомандующихъ и письма князя Багратіона, графа Сенъ-Пріеста и другихъ генераловъ. По выслушаніи офиціальныхъ бумагъ и частныхъ писемъ, объяснявшихъ положеніе дѣла, комитетъ единогласно призналъ, „что недѣятельность въ военныхъ операціяхъ происходила отъ того, что не было надъ всѣми дѣйствующими арміями положительной единогласной власти, и сколь въ настоящее время невыгодно такое раздробленіе власти, столь напротивъ того необходимо общее оной соединеніе.“ По мнѣнію комитета „истина сего основывалась, какъ на положеніи обстоятельствъ вообще, такъ и на томъ, что, по дѣйствію разныхъ армій на значительномъ пространствѣ, онѣ обязаны всегда соглашать свои движенія и дѣйствія одна съ

другою. А по тому комитетъ нашелъ необходимо нужнымъ: назначить надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго.

„Главнокомандующій Первою Западною арміею, будучи, вмѣстѣ съ тѣмъ, и военнымъ министромъ, имѣлъ распорядительное вліяніе на дѣйствія прочихъ главнокомандующихъ, старшихъ въ чинѣ, что̀, можетъ быть, стѣсняло его распоряженія, и потому комитетъ утвердительно полагалъ, что званіе военнаго министра, соединенное съ начальствомъ надъ арміею, производило неудобства въ достиженіи желаемой пользы."

За тѣмъ приступивъ къ назначенію общаго главнокомандующаго, комитетъ постановилъ, что оно должно быть основано на извѣстной опытности въ военномъ искусствѣ, отличныхъ дарованіяхъ, общемъ довѣріи и на старшинствѣ службы. Разсуждая кого предложить въ главнокомандующіе, называли Беннигсена, Багратіона, Тормасова и бывшаго давно уже въ отставкѣ Палена. Наконецъ, когда было произнесено имя Кутузова, всѣ члены комитета единогласно постановили ввѣрить ему начальство надъ всѣми арміями, предоставить ему одному власть опредѣленную Положеніемъ о большой дѣйствующей арміи и предписать начальникамъ губернскихъ ополченій доносить ему объ успѣхѣ вооруженій и о мѣстахъ, гдѣ уже собраны земскія силы.

Съ тѣмъ вмѣстѣ положено было: „предоставить вполнѣ управленіе военнымъ министерствомъ управляющему департаментомъ онаго, генералъ-лейтенанту князю Горчакову и ему-же командовать, вмѣсто Кутузова, с.-петербургскимъ ополченіемъ, „тѣмъ болѣе, что въ составѣ сего ополченія находились и регулярныя войска" ([51]).

Императоръ Александръ, утвердивъ мнѣніе ко-

митета, призвалъ къ себѣ Кутузова, 8 (20) августа, и объявилъ ему назначеніе въ главнокомандующіе всѣми русскими арміями и ополченіями. Въ тотъ-же день, Государь удостоилъ Кутузова слѣдующимъ рескриптомъ:

„Князь Михаилъ Иларіоновичъ!

„Настоящее положеніе военныхъ обстоятельствъ Нашихъ дѣйствующихъ армій, хотя и предшествуемо было начальными успѣхами, но послѣдствія оныхъ не открываютъ еще той быстрой дѣятельности, съ каковою надлежало-бы дѣйствовать на пораженіе непріятеля. Соображая сіи послѣдствія и извлекая истинныя къ тому причины, Я нахожу нужнымъ назначеніе надъ всѣми дѣйствующими арміями одного общаго главнокомандующаго, котораго избраніе, сверхъ воинскихъ дарованій, основывалось-бы и на самомъ старшинствѣ. Извѣстныя достоинства ваши, любовь къ Отечеству и неоднократные опыты отличныхъ вашихъ подвиговъ, пріобрѣтаютъ вамъ истинное право на сію Мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, Я прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ Россійскаго оружія, и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя надежды, которыя Отечество на васъ возлагаетъ.“

Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ возбудило восторгъ во всей Россіи. Такое расположеніе цѣлаго народа къ одному лицу служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ необходимости выбора Кутузова предводителемъ вооруженныхъ силъ Россіи. Современники нашего полководца, люди 1812 года, несомнѣвались ни въ его способностяхъ, ни въ услугахъ имъ оказанныхъ отечеству, и даже порицатели Кутузова сознавали, что никто не могъ замѣнить его въ тотъ грозный часъ, когда Наполе-

онъ, въ челѣ покоренной имъ Европы, пройдя какъ огненный метеоръ, чрезъ наши западныя области, неудержимо ломился къ Москвѣ. И не одни Русскіе воздавали Кутузову должную дань благодарности; народы Германіи, освобожденные имъ по мановенію Александра, воздвигали ему въ честь тріумфальныя арки, славили его въ стихахъ и прозѣ, почтили памятникомъ его міровой подвигъ. Отъ чего-же въ послѣдующее время померкъ блескъ лучезарнаго вѣнца славы, украшавшаго ликъ нашего полководца? Иностранцы могли забыть дѣла его, какъ забыли они услугу оказанную Европѣ Императоромъ Александромъ. Самолюбіе Французовъ нашло удобнымъ приписать гибель „Великой арміи" не твердости духа Русскаго Царя, не самоотверженію русскаго народа, не благоразумію русскаго полководца, а русскому морозу. Но какимъ образомъ могло составиться у насъ самихъ понятіе о Кутузовѣ, несогласное со всѣмъ нами слышаннымъ отъ свидѣтелей отечественной войны 1812 года, о необыкновенномъ умѣ его, о вліяніи его на войска, о дипломатическихъ и военныхъ его способностяхъ? Самъ Тьеръ, оскорбляя грубою бранью память Кутузова, котораго онъ не могъ знать такъ, какъ знали его Русскіе, не скрылъ однакоже, что не онъ былъ виновникомъ пораженія нашей арміи при Аустерлицѣ, что онъ далъ выгодный для насъ оборотъ войнѣ съ Турками, что Наполеонъ нашелъ въ немъ опаснаго противника ([52]). Не будемъ, подражая одному изъ нашихъ историковъ, преувеличивать достоинства Кутузова, не станемъ скрывать ни его недостатковъ, ни его ошибокъ, но сохранимъ ненарушимо въ памяти нашихъ дѣтей тѣ чувства къ Кутузову, кои завѣщали намъ его современники, наши предки.

ГЛАВА XXXIV.

Свиданіе въ Або. Прибытіе въ армію Кутузова. Бородинская битва.

Незадолго до открытія войны 1812 года, вторженіе Французовъ въ Шведскую Померанію заставило Наслѣднаго шведскаго принца сблизиться съ нашимъ правительствомъ. „Однѣ лишь сѣверныя державы могутъ остановить нашествія, угрожающія распространиться до самаго океана“ (1)—писалъ принцъ Императору Александру. Въ отвѣтъ принцу, Государь изъявилъ надежду, что союзъ между Швеціею и Россіею будетъ имѣть благодѣтельныя послѣдствія, и выразилъ желаніе—утвердить личнымъ знакомствомъ связи между обѣими державами (2). Вскорѣ послѣ того былъ посланъ изъ Петербурга въ Стокгольмъ графъ Сухтеленъ, съ предложеніемъ заключить прочный союзъ между сѣверными державами. Императоръ Александръ писалъ Наслѣдному принцу: „Только такой союзъ можетъ противодѣйствовать постоянно возрастающему преобладанію Франціи, поддержанной ея данниками. Надѣюсь, что и прочія державы послѣдуютъ примѣру Швеціи и Россіи. Высокія дарованія Вашего Королевскаго Высочества будутъ существенною опорою сего великаго дѣла.

Вамъ предлежитъ, шествуя по стопамъ Густава-Адольфа, исполнить то, что онъ началъ. Но такой подвигъ, по моему убѣжденію, долженъ быть довершенъ другимъ, еще важнѣйшимъ. Я говорю о возстановленіи въ Европѣ свободы, угрожаемой варварствомъ, объ устремленіи мысли къ благу человѣчества, въ продолженіи многихъ лѣтъ безжалостно угнетаемаго" ([3]). Наслѣдный принцъ, въ отвѣтъ нашему Государю, увѣрялъ, что готовъ вполнѣ содѣйствовать великодушнымъ видамъ его и напоминалъ о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи. „Все для меня сдѣлается легко — писалъ принцъ, какъ только Шведы будутъ увѣрены въ необходимомъ для нихъ пріобрѣтеніи, и тогда буду въ состояніи доказать, какъ дорого цѣню довѣріе ко мнѣ Вашего Величества". Далѣе — Наслѣдный принцъ извѣщалъ Государя, что австрійскій резидентъ въ Стокгольмѣ, графъ Нейпергъ предлагалъ шведскому правительству принять участіе въ союзѣ заключенномъ между Австріею и Франціей, маня принца возвращеніемъ Финляндіи ([4]).

Между тѣмъ, 24 марта (5 апрѣля), былъ заключенъ въ Петербургѣ союзный трактатъ между Россіею и Швеціей, на основаніи коего Императоръ Александръ обязался содѣйствовать шведскому правительству въ пріобрѣтеніи Норвегіи, слѣдствіемъ чего долженствовала быть высадка русско-шведскаго корпуса въ сѣверную Германію, для диверсіи противъ Наполеона ([5]). Императоръ Александръ, по заключеніи сего трактата, сообщая Наслѣдному шведскому принцу свои виды, въ случаѣ рѣшительнаго участія Австріи, въ войнѣ противъ Россіи, писалъ: „....воинственные народы славянскаго происхожденія, будучи возбуждены къ вооруженію, могли-бы образовать въ совокупности значительныя силы и вмѣстѣ

съ недовольными Венгерцами сдѣлать важную диверсію противъ Австріи и французскихъ владѣній, прилежащихъ къ Адріатическому морю. При успѣхѣ можно проникнуть, чрезъ Боснію и Кроацію, до самаго Тироля, и войти въ сношеніе съ жителями сего края, а чрезъ нихъ и съ Швейцарцами. Устройство всего этого мною поручено адмиралу Чичагову, человѣку дѣльному, (homme de tête), но необходимо, чтобы Англія поддержала существенно Сѣверный союзъ, какъ морскими силами въ Балтійскомъ морѣ и принятіемъ на свое иждивеніе нѣмецкихъ батальоновъ, сформированныхъ изъ дезертировъ войскъ Рейнскаго Союза, такъ и снабженіемъ Славянъ, которые возстанутъ въ защиту общей независимости, деньгами и боевыми припасами" (6). Императоръ Александръ нѣсколько разъ изъявлялъ желаніе, чтобы Наслѣдный принцъ, въ предстоявшей войнѣ съ Наполеономъ, принялъ начальство надъ всѣми русскими арміями*), но принцъ отклонилъ это предложеніе (7).

13 (25) іюня, Государь, извѣщая принца о переходѣ наполеоновыхъ войскъ чрезъ Нѣманъ, писалъ: „Уповаю твердо на Промыслъ Божій, на правоту моего дѣла и на храбрость моихъ армій. Надѣюсь также вполнѣ на дружбу Короля и Вашего Королевскаго Высочества." Наслѣдный принцъ, какъ-бы предчувствуя роковую развязку нашествія Французовъ, излагалъ свои мысли о способѣ дѣйствій Наполеона въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Привычка къ управленію большими арміями поселяетъ въ Наполеонѣ самоувѣренность. Но ежели Ваше Величество успѣете сохранить свои средства; ежели удастся

*) Весьма сомнительно, чтобы Наслѣдный шведскій принцъ, на мѣстѣ Барклая де-Толли, отступая внутрь страны, невозбудилъ противъ себя подозрѣнія и неудовольствія русскихъ войскъ.

Вамъ избѣжать генеральнаго сраженія, ограничиваясь маневрированіемъ и частными встрѣчами, то Наполеонъ на-вѣрно сдѣлаетъ какой-либо промахъ, которымъ можете воспользоваться" (8). Императоръ Александръ, въ отвѣтъ на это письмо, извѣстилъ принца, что Русскіе ведутъ выжидательную войну (une guerre de lenteur), и что Первая армія, уступая превосходству непріятеля въ силахъ, отступаетъ въ укрѣпленную позицію на Двинѣ, между тѣмъ какъ Вторая армія готовится направиться во флангъ непріятелю. „Я буду — писалъ Государь — извѣщать Ваше Высочество о всѣхъ событіяхъ этой важной борьбы. Въ ожиданіи того, вѣрьте мнѣ, что, какъ война уже началась, то я твердо рѣшился вести ее цѣлые годы, хотя-бы довелось мнѣ сражаться на берегахъ Волги" (9).

Въ слѣдующемъ письмѣ, Государь, упомянувъ о давнишнемъ желаніи своемъ — чтобы принцъ, находясь въ челѣ русскихъ армій, руководилъ ихъ дѣйствіями, извѣщалъ, что „мы, успѣвъ понынѣ избѣгать генеральныхъ сраженій, одерживали успѣхъ во всѣхъ частныхъ встрѣчахъ." Далѣе — Императоръ Александръ писалъ, что онъ недоволенъ дѣйствіями Второй арміи, которая допустила предупредить себя въ Минскѣ, но что надѣется исправить эту ошибку. „Рѣшась продолжать войну до послѣдней крайности (à outrance), продолжалъ Государь — я озаботился образованіемъ новыхъ резервовъ...." (10).

Императоръ Александръ, имѣя въ виду скрѣпить союзъ Россіи съ Швеціей, изъявилъ, чрезъ графа Левенгельма, Наслѣдному принцу желаніе лично узнать его. Положено было съѣхаться въ Або. Императоръ Александръ, прибывъ туда, 12 (24) августа, въ шестомъ часу по полудни, остановился на большой площади, въ домѣ оберъ-директора Брем-

мера, гдѣ встрѣтилъ его генералъ-губернаторъ, съ членами главныхъ управленій и почетнѣйшими гражданами. Всѣ улицы, по коимъ проѣзжалъ Императоръ, были полны народа, изъявлявшаго радость громкими восклицаніями. Во всѣ дни пребыванія Государя въ Або, городъ былъ иллюминованъ, но никакихъ празднествъ не было, потому что Императоръ сказалъ представившейся ему депутаціи гражданъ, что — „по смутнымъ современнымъ обстоятельствамъ, не считаетъ совмѣстнымъ принять приглашеніе ихъ на приготовленный городомъ балъ“ (11).

15-го (27-го), прибылъ въ Або на фрегатѣ „Яррамасъ“ Наслѣдный принцъ шведскій. Императоръ принялъ его весьма радушно и внимательно, но отклонилъ ходатайство принца — о возвращеніи Швеціи Аландскихъ острововъ, сказавъ ему: „съ удовольствіемъ исполнилъ-бы просьбу В. В. еслибы не былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что такая уступка повредитъ мнѣ во мнѣніи моего народа. Для меня лучше отдать вамъ, въ залогъ, до совершеннаго исполненія заключенныхъ между нами условій, Ригу съ островами Эзелемъ и Даго.“ Когда-же принцъ сказалъ, что слово Императора Александра для него важнѣе всякаго залога, Государь, пожавъ ему руку, отвѣчалъ, что никогда не позабудетъ столь высокаго знака довѣрія (12).

18 (30) августа, уполномоченные обѣихъ державъ, канцлеръ графъ Румянцовъ и графъ Левенгельмъ, подписали конвенцію слѣдующаго содержанія: Императоръ Александръ обязывался усилить обѣщанный Швеціи вспомогательный корпусъ до тридцати пяти тысячъ человѣкъ, изъ числа коихъ двадцать пять тысячъ прислать въ Сканію къ концу сентября, а остальные десять къ концу ноября, если позволитъ погода. Король Шведскій откроетъ дѣй-

ствія противъ Даніи, какъ только русскія войска будутъ высажены въ Сканіи. Въ случаѣ отказа Даніи—уступить Норвегію и присоединить свои войска къ Союзной арміи, для дѣйствій противъ общаго непріятеля, Наслѣдный шведскій принцъ высадитъ войска на островъ Зеландію, но по завоеваніи его условится на счетъ владѣнія имъ съ Королемъ Великобританскимъ, при чемъ Императоръ Всероссійскій предоставляетъ себѣ право утвержденія всѣхъ условій, имѣющихъ послѣдовать по сему предмету. Король Шведскій обязался, въ случаѣ расширенія предѣловъ Россійской Имперіи, при заключеніи мира, до Вислы, признать такое пріобрѣтеніе справедливымъ вознагражденіемъ пожертвованій и усилій, сдѣланныхъ въ войнѣ противъ врага общаго. Его Величество Король Великобританскій приглашается къ подобному-же обязательству въ отношеніи къ Россіи. На счетъ диверсіи въ Германіи, постановлено руководствоваться условіями трактата 24-го марта (5-го апрѣля). Императоръ Александръ обязался выплатить Швеціи заимообразно полтора милліона рублей, въ продолженіи восьми мѣсяцевъ.

Въ отдѣльной секретной статьѣ, союзныя державы, желая придать заключенному договору характеръ фамильнаго соглашенія, обязывались, въ случаѣ враждебнаго покушенія какой-либо державы противъ Россіи или Швеціи, помогать одна другой корпусомъ, въ числѣ до пятнадцати тысячъ человѣкъ ([13]). Это условіе служило ручательствомъ Наслѣдному принцу, на случай какихъ-либо покушеній прежней династіи, и быть-можетъ охранило его отъ участи прочихъ Наполеонидовъ, павшихъ вмѣстѣ съ основателемъ первой Французской Имперіи ([14]).

По заключеніи союзнаго трактата, Императоръ Александръ, въ присутствіи Наслѣднаго принца, сдѣ-

лалъ смотръ 6-й, 21-й и 25-й дивизіямъ, назначеннымъ для содѣйствія Шведамъ. „Ваши войска превосходны; они принадлежатъ къ отборнымъ полкамъ русской арміи — сказалъ Государю принцъ.— Они могутъ быть весьма полезны для Витгенштейна, который, обороняясь какъ левъ, противъ Удино̀ и Макдональда, ослабляется ежедневно. Пошлите ему въ помощь эти тридцать пять тысячъ человѣкъ.“ — „Вашъ поступокъ прекрасенъ—отвѣчалъ Государь, но могу-ли принять такое предложеніе? Если я это сдѣлаю, то какимъ образомъ Вы получите Норвегію?“ — „Ежели успѣхъ будетъ на вашей сторонѣ — сказалъ принцъ — я получу ее; Вы сдержите ваше обѣщаніе. Если-же Вы будете побѣждены, Европа подвергнется порабощенію; всѣ государи покорятся произволу Наполеона, и тогда лучше быть простымъ пахаремъ, нежели царить на такихъ условіяхъ“ ([15]).

Принявъ предложеніе Наслѣднаго принца, Императоръ Александръ повелѣлъ: войска собранныя въ Финляндіи отправить моремъ въ Ревель, откуда они двинулись въ Ригу и вверхъ по Двинѣ, для содѣйствія графу Витгенштейну.

Наслѣдный принцъ, въ этомъ случаѣ, показавъ себя вѣрнымъ, преданнымъ союзникомъ, поступилъ, какъ дальновидный политикъ, понимавшій истинныя выгоды Швеціи. Нѣкоторые изъ окружавшихъ его Шведовъ полагали, что ему слѣдовало, пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Императора Александра, домогаться отъ него возвращенія Шведамъ Финляндіи, либо отнять ее силою оружія. Но предположивъ даже, что это удалось-бы ему, предстоитъ вопросъ: долго-ли Шведы удержали-бы въ своихъ рукахъ Финляндію? Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что временное пріобрѣтеніе этой страны, разобщенной

моремъ отъ Швеціи, подало-бы поводъ къ новой войнѣ съ сильными сосѣдями и къ новымъ потерямъ. Послѣдствія совершенно оправдали благоразумную политику Наслѣднаго принца: Швеція избѣжала безпрестанныхъ столкновеній съ Россіей и вмѣсто принадлежавшихъ ей 2,800,000 жителей, пріобрѣла народонаселеніе болѣе 4-хъ милліоновъ ([16]).

Императоръ Александръ, возвратясь 22 августа (3-го сентября) въ Петербургъ, нашелъ тамъ генерала Вильсона, и приказавъ пригласить его къ обѣду, долго бесѣдовалъ съ нимъ въ своемъ кабинетѣ о положеніи Турціи, о войскахъ Чичагова и о подробностяхъ сраженія при Смоленскѣ. Государь самъ завелъ рѣчь о ссорахъ въ главной квартирѣ армій, сказавъ, что онъ слышалъ, будтобы Платовъ, по оставленіи Смоленска, сказалъ Барклаю: „я хожу въ одной лишь шинели; теперь стыдно надѣть русскій мундиръ." Императоръ Александръ пожелалъ знать мнѣніе Вильсона: „будетъ-ли Кутузовъ въ состояніи возстановить порядокъ?" Вильсонъ отвѣчалъ, что, встрѣтивъ главнокомандующаго на пути въ армію, сообщилъ ему все, что̀ зналъ о настоящемъ положеніи дѣлъ, и что Кутузовъ настоятельно просилъ его не скрывать ничего отъ Государя. „Съ моей стороны — продолжалъ Вильсонъ — считаю священнымъ долгомъ довести до свѣдѣнія Вашего Величества то, чему былъ свидѣтелемъ, хотя и подвергаюсь опасности навлечь на себя ваше неудовольствіе." Изложивъ желаніе арміи и не назвавъ по имени никого изъ участниковъ въ смутахъ главной квартиры, Вильсонъ заключилъ свою рѣчь убѣдительнѣйшею просьбою — принять во вниманіе опасное положеніе государства, могущее служить изви-

неніемъ поступка, внушеннаго чистѣйшими побужденіями любви къ отечеству и преданности Государю. „Какъ только эти люди убѣдятся—продолжалъ Вильсонъ—что Ваше Величество не станете удостоивать своимъ довѣріемъ лицъ, которыхъ политика возбуждаетъ ихъ подозрѣнія, то они докажутъ вамъ свою преданность усиліями и жертвами, могущими возвысить блескъ вашей державы и охранить непоколебимость престола.“ Во время этого объясненія, Государь измѣнялся въ лицѣ нѣсколько разъ, и когда Вильсонъ замолчалъ, Императоръ отошелъ къ окну и оставался тамъ одну или двѣ минуты, какъ-бы желая собраться съ духомъ, и затѣмъ снова обратился къ Вильсону, и обнявъ его, сказалъ: „Вы единственный человѣкъ, отъ котораго я могъ выслушать то, что̀ вы мнѣ сообщили. Еще въ минувшую войну, вы, доказавъ мнѣ свою преданность на дѣлѣ, заслужили мое довѣріе; но вамъ не трудно понять, въ какое тяжелое положеніе вы поставили меня. Меня! Государя Россіи! (Moi! Souverain de la Russie!) Я долженъ былъ это выслушать! Но армія заблуждается на счетъ Румянцова; никогда онъ несовѣтовалъ мнѣ покориться Наполеону, и я не могу не питать къ нему особеннаго уваженія: онъ одинъ никогда ничего не просилъ у меня; всѣ-же прочіе безпрестанно добиваются почестей, денегъ и другихъ наградъ. Не могу напрасно пожертвовать имъ; впрочемъ—пріѣзжайте ко мнѣ завтра; я соберусь съ мыслями и дамъ отвѣтъ вамъ. Я совершенно знаю своихъ генераловъ и офицеровъ, и увѣренъ, что они не въ состояніи задумать что-либо противное моей власти. Но, къ сожалѣнію, немногіе лишь изъ окружающихъ меня лицъ получили основательное образованіе. Дворъ покойной Императрицы имѣлъ вредное вліяніе на всю Им-

перію; все тогдашнее воспитаніе ограничивалось изученіемъ французскаго языка, французскаго вѣтрогонства, и въ особенности азартныхъ игръ. Немного у меня такихъ, на кого я могъ-бы положиться съ увѣренностью; не хочу высказывать себя слишкомъ податливымъ, но подумаю о всемъ отъ васъ слышанномъ." Прощаясь съ Вильсономъ, Государь назначилъ ему аудіенцію на слѣдующій день.

Какъ только Вильсонъ, исполняя приказаніе Императора, къ нему явился, Государь встрѣтилъ его словами: „Ну, господинъ посланникъ мятежниковъ, (Monsieur l'ambassadeur des rebelles), я думалъ всю ночь о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ и полагаю, что вы будете мною довольны. Вы возвратитесь въ армію съ увѣреніемъ въ моей рѣшимости продолжать войну противъ Наполеона, пока хотя одинъ вооруженный Французъ останется въ предѣлахъ Россіи. Я исполню свои обязанности, во чтобы то не стало. Я готовъ отправить свое семейство въ отдаленнѣйшія мѣста Имперіи и принести всевозможныя жертвы; но неуступлю никому права выбора моихъ министровъ. Такая сговорчивость повлекла-бы за собою другія требованія еще болѣе неумѣстныя и неприличныя. Графъ Румянцевъ не подастъ повода ни къ какому несогласію, либо разномыслію. Съ моей стороны, все будетъ сдѣлано для разсѣянія опасеній по сему предмету, но такъ, чтобы это не имѣло вида уступки угрозамъ, и чтобы я не могъ упрекать себя въ несправедливости.... Дайте мнѣ время. Все будетъ устроено къ лучшему"...... Нѣсколько дней спустя, Императоръ Александръ, прощаясь съ Вильсономъ, сказалъ ему: „Повторяю вамъ и прошу васъ объявить отъ моего имени, что не стану вести никакихъ переговоровъ съ Наполеономъ, пока хотя одинъ вооруженный Фран-

цузъ будетъ оставаться въ Россіи.... Лучше отрощу себѣ бороду по поясъ и буду питаться картофелемъ въ Сибири" ([17]).

---

30 августа (11 сентября) въ день Своего Ангела, Государь получилъ изъ арміи донесеніе Кутузова о сраженіи при Бородинѣ.

11 (23) августа, Кутузовъ отправился изъ Петербурга въ армію. Наканунѣ отъѣзда, онъ слушалъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ, стоя на колѣнахъ, и возложилъ на себя образъ Казанской Божіей Матери, поданный ему протоіереемъ Іоанномъ. На слѣдующее утро, народъ, собравшись на дворцовой набережной, у дома защитника Россіи, провожалъ его въ путь, откуда суждено было возвратиться только бреннымъ остаткамъ Кутузова, но его ожидали: слава предводителя русскихъ войскъ въ опасную для Россіи годину, благодарность современниковъ и незабвенная память въ потомствѣ. Переѣздъ Кутузова отъ столицы до главной квартиры арміи имѣлъ видъ торжественнаго шествія. Жители городовъ встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью; духовенство и окольные монастыри высылали ему иконы и напутствовали его благословеніями; народъ отпрягалъ лошадей и везъ на себѣ экипажъ стараго полководца; поселяне, оставляя спѣшныя работы, выходили на большую дорогу, гдѣ мчалась почтовая карета, которой малѣйшія примѣты заранѣе извѣстны были всякому; всѣ торопились хотя мелькомъ взглянуть на Кутузова, поклониться ему, поцѣловать горячіе слѣды, оставленные колесами его экипажа; матери съ грудными дѣтьми бѣжали издалека и завидя его, высоко подымали младенцевъ своихъ, какъ-бы поручая ихъ въ защиту маститому старцу. Пріѣхавъ, утромъ 16-го (28-го), въ Торжокъ, Кутузовъ нашелъ тамъ

генерала Беннигсена, и предполагая назначить его своимъ начальникомъ штаба, объявилъ ему Высочайшее повелѣніе — возвратиться въ армію. На слѣдующій день, по прибытіи въ окрестности Гжатска, Кутузовъ былъ встрѣченъ жителями города, которые, остановивъ его карету, выпрягли лошадей и везли экипажъ на себѣ, пять верстъ, до приготовленной главнокомандующему квартиры. Здѣсь, найдя офицеровъ генеральнаго штаба, высланныхъ для обозрѣнія позицій по московской дорогѣ, Кутузовъ отправилъ ихъ назадъ въ армію, сказавъ: „Не нужно намъ позади никакихъ позицій; мы и безъ того уже слишкомъ далеко отступили." Въ тотъ-же день, около трехъ часовъ по полудни, онъ пріѣхалъ въ Царево-Займище, гдѣ тогда находилась главная квартира обѣихъ армій, и гдѣ Барклай де-Толли и Багратіонъ хотѣли принять сраженіе. Кутузовъ, поздоровавшись съ приготовленнымъ для него почетнымъ карауломъ, сказалъ, какъ-бы про себя, но довольно громко: „Ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!" За тѣмъ, пообѣдавъ на-скоро, онъ отправился въ лагерь верхомъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ и въ бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ плечо и съ нагайкою на ремнѣ черезъ другое. Войска встрѣтили знакомаго вождя дружнымъ ура! „Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ," говорили межъ собою наши солдаты. Тогда-же во всѣ концы Россіи быстро разнеслась вѣсть, будто-бы огромный орелъ воспарилъ надъ головою Кутузова и сопровождалъ его при объѣздѣ лагеря. Это событіе, дѣйствительное или вымышленное, осталось въ народныхъ преданіяхъ, какъ свидѣтельство надеждъ возбужденныхъ Кутузовымъ ([18]).

Русская армія, по присоединеніи къ ней подкрѣпленій прибывшихъ въ Гжатскъ, подъ начальствомъ

Милорадовича, считала въ рядахъ 111.000 человѣкъ. Какъ у Наполеона, по имѣвшимся тогда у насъ свѣдѣніямъ, все еще оставалось до полутораста тысячъ человѣкъ, то Кутузовъ, хотя и одобрилъ позицію выбранную Барклаемъ, изъявилъ рѣшимость принять на ней сраженіе и продолжалъ укрѣплять ее, однакоже, 19 (31), далъ приказаніе — отступать. Въ донесеніи о томъ Государю, главнокомандующій писалъ, что найдя позицію у Гжатска весьма невыгодною и желая усилиться нѣсколькими полками, сформированными княземъ Лобановымъ-Ростовскимъ и частью московскаго ополченія, рѣшился отойти еще на одинъ, или на два перехода ([19]). Кутузовъ тогда-же доносилъ о значительномъ числѣ солдатъ самовольно отлучившихся изъ арміи, но это показаніе было преувеличено ([20]), и хотя мародёрство встрѣчалось въ русскихъ войскахъ, однакоже несравненно въ меньшей степени, нежели у Французовъ. Причиною такого зла въ нашей арміи былъ недостатокъ въ продовольствіи. Какъ всѣ наши большіе склады находились въ западныхъ областяхъ Имперіи, то при отступленіи отъ Смоленска, за неимѣніемъ магазиновъ, необходимо было прибѣгнуть ко всевозможнымъ случайнымъ средствамъ: войска наши фуражировали, собирали запасы подъ квитанціи, косили овесъ, тогда еще стоявшій на корню, но всего этого было недостаточно для удовлетворенія потребностямъ арміи. Положеніе непріятеля, въ военно-хозяйственномъ отношеніи, было еще хуже. Войска наши, уходя вмѣстѣ съ жителями поджигавшими свои жилища, оставляли за собою пустыню, безъ всякихъ средствъ. Французскіе обозы постоянно отставали отъ войскъ, которыя, будучи принуждены сходить далеко съ дороги въ стороны, для отыскиванія запасовъ, утомлялись и изнуряли лошадей пре-

должительными фуражировками. Для печенія хлѣба недоставало времени, и по тому вся пища французскаго солдата состояла въ кускѣ говядины и горсти муки, либо зерноваго хлѣба, разваренной въ водѣ безъ соли. Недостатокъ въ хорошей водѣ, при жарахъ до 20° въ тѣни, (по Реомюру), былъ болѣе чувствителенъ для непріятеля, нежели для нашихъ войскъ, которыя обыкновенно располагались близъ рѣчекъ, остановивъ Французовъ тамъ, гдѣ иногда вовсе не было воды, либо гдѣ она была дурнаго качества ([21]).

Кутузовъ, по прибытіи въ армію, тотчасъ извѣстилъ адмирала Чичагова и генерала Тормасова о рѣшительномъ намѣреніи своемъ — принять генеральное сраженіе, какъ только придутъ ожидаемыя имъ подкрѣпленія, и предписалъ Тормасову, присоединивъ къ себѣ войска Эртеля отъ Мозыря и Сакена отъ Житомира, обратиться противъ праваго крыла „Великой арміи", для отвлеченія части непріятельскихъ силъ отъ главнаго театра дѣйствій; тогда-же адмиралу Чичагову предложено смѣнить своими войсками армію Тормасова и исполнять лежавшія на немъ обязанности ([22]). Генералъ отъ кавалеріи Беннигсенъ назначенъ начальникомъ штаба, а генералъ-маіоръ Вистицкій — генералъ-квартирмейстеромъ соединенныхъ Западныхъ армій; генералу отъ инфантеріи Милорадовичу, по расформированіи приведенныхъ имъ изъ Калуги войскъ, поступившихъ на укомплектованіе старыхъ полковъ, поручено начальство надъ 2-мъ и 4-мъ пѣхотными корпусами, полковнику Толю велѣно состоять при главнокомандующемъ, а полковнику Кайсарову находиться при немъ-же въ должности дежурнаго генерала ([23]).

Наполеонъ, по достиженіи Гжатска, 20 августа

(1 сентября), получивъ отъ Мюрата донесеніе о пріѣздѣ новаго главнокомандующаго въ русскую армію, и надѣясь, что Кутузовъ приметъ генеральное сраженіе, сталъ дѣятельно готовиться къ рѣшительной битвѣ, пріостановилъ движеніе арміи, сосредоточилъ войска, предписалъ корпуснымъ командирамъ собрать отсталыхъ и донести о наличномъ числѣ людей, и сдѣлалъ распоряженія къ уменьшенію и устройству обозовъ. Желая подать примѣръ соблюденія данныхъ приказаній, онъ велѣлъ сжечь при себѣ два экипажа, принадлежавшіе чиновникамъ его главнаго штаба (и въ томъ числѣ одинъ графа Нарбонна), но въ послѣдствіи все осталось по прежнему ([24]). Въ продолженіи трехъ-дневнаго пребыванія Наполеона въ Гжатскѣ, стояла ненастная погода, дороги совершенно испортились; отъ сырыхъ, холодныхъ бивуаковъ число больныхъ чрезвычайно увеличилось; набитыя, изнуренныя лошади гибли тысячами. А, между тѣмъ, доносили изъ авангарда, что Русскіе продолжали отступать. Ближайшіе къ Наполеону люди, Бертье, Мюратъ, Ней, Даву, не скрывали бѣдствій арміи. Самъ онъ, будучи свидѣтелемъ ихъ, сказалъ своимъ сподвижникамъ: „Ну, дѣлать нечего! Если завтра погода не перемѣнится, то не пойдемъ далѣе“. Трудно повѣрить, чтобы Наполеонъ поставилъ всѣ свои послѣдующія дѣйствія въ зависимость отъ одного яснаго утра, но, какъ-бы ни было, на слѣдующій день, 23 августа (4 сентября), взошло солнце во всемъ блескѣ своемъ, и Наполеонъ, надѣясь, что дороги могли просохнуть въ нѣсколько часовъ, двинулся далѣе ([25]).

Кутузовъ, между тѣмъ, усилясь десятью тысячами ратниковъ московскаго и смоленскаго ополченій, подъ начальствомъ генераловъ Маркова и Лебедева, рѣшился принять сраженіе на позиціи у Бо-

родина, избранной генераломъ Вистицкимъ (по другимъ свѣдѣніямъ — генеральнаго штаба подполковникомъ Гартингомъ) и одобренной Беннигсеномъ ([26]). Арріергардъ, подъ начальствомъ Коновницына, послѣ весьма упорныхъ дѣлъ, 23 августа (4 сентября), при Гридневѣ, и 24-го (5-го сентября) при Колоцкомъ монастырѣ, отошелъ къ Бородину.

Позиція при Бородинѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Можайска, прикрытая справа теченіемъ рѣки Москвы и съ фронта рѣчкою Калочею и впадающими въ нее ручьями, Горицкимъ *) и Семеновскимъ, текущими оба, и особенно послѣдній, въ глубокихъ оврагахъ, образуется рядомъ возвышеній, изъ коихъ важнѣйшими были господствовавшій окрестностью пунктъ, между помянутыми оврагами **), и высоты у деревни Семеновской; далѣе-же къ лѣвому флангу позиціи простиралась волнообразная, отчасти покрытая лѣсомъ и кустарникомъ, мѣстность. Позиція пересѣкалась на правомъ крылѣ у села Бородина, въ косвенномъ направленіи, большою московскою дорогою; а на лѣвомъ флангѣ позиціи пролегала чрезъ большой лѣсъ и селеніе Утицу старая смоленская дорога. Вообще-же эта позиція была весьма сильна на правомъ крылѣ, и отчасти въ центрѣ; а съ лѣваго фланга подвергалась обходу. Впереди позиціи, въ разстояніи отъ нея около двухъ верстъ, находилась другая, образуемая рядомъ высотъ у селенія Шевардина.

Съ нашей стороны, для усиленія обороны, было сооружено нѣсколько укрѣпленій, именно: на пере-

*) Ручей Горицкій или Стонецъ, текущій въ оврагѣ, котораго не должно смѣшивать съ другимъ Горицкимъ оврагомъ, за батареею Раевскаго.

**) Въ настоящее время, вершина высокаго кургана, между Горицкимъ и Семеновскимъ оврагами, срыта, и на образовавшейся отъ того площадкѣ красуется великолѣпный памятникъ, сооруженный по повелѣнію въ Бозѣ почившаго Императора Николая I.

ПЛАНЪ СРАЖЕНІЯ
при
БОРОДИНѢ
26 августа (7 сентября)
1812 г.

Масштабъ

0 100 200 300 400 800 1200 саж.

Логиново
Ильинская
Маслова
Малое
Ново
Беззубово
Успенское
Захарино
Горки
БОРОДИНО
Михайловское
Князьково
Татариново
Валуево
из Смоленска
Алексинки
Семеновское
Псарево
Фомкино
Шевардино
Атченково
Дорониио
Утица
Стар. Смоленск. дорога
въ Можайскъ
Корп. Заводъ
ръка Москва
ръка Колоча
5 й корп Понятовск.

довой позиціи, редутъ влѣво отъ Шевардина, и на главной позиціи: на оконечности праваго фланга, у лѣса, три флеши, обращенныя фронтомъ къ рѣкѣ Москвѣ; у селенія Горокъ, на большой дорогѣ, двѣ батареи, одна выше другой; въ центрѣ, на высокомъ бугрѣ, большой люнетъ — такъ называемая *батарея Раевскаго;* наконецъ — впереди Семеновской, нѣсколько лѣвѣе этого селенія, три батареи — Багратіоновы флеши. Всѣ эти укрѣпленія были весьма плохи.

Первоначальное расположеніе русскихъ войскъ на бородинской позиціи было слѣдующее: большая часть пѣхоты, построенная въ баталіонныя колонны, образовала двѣ переднія линіи: правое крыло и центръ состояли изъ войскъ 1-й арміи Барклая де-Толли, а лѣвое изъ 2-й арміи князя Багратіона: 2-й и 4-й пѣхотные корпусы, подъ начальствомъ Милорадовича, стали на правомъ крылѣ за Калочею; 6-й пѣхотный корпусъ — въ центрѣ, отъ Горокъ до батареи Раевскаго; 7-й — на лѣвомъ крылѣ, отъ батареи Раевскаго до Семеновскаго; Сводная гренадерская дивизія графа Воронцова (8-го корпуса), занимала багратіоновы флеши. Егерскіе полки корпусовъ стоявшихъ въ боевыхъ линіяхъ были частью разсыпаны впереди фронта ихъ, частью расположились въ кустахъ, влѣво отъ флешей, по направленію къ старой смоленской дорогѣ. 1-й кавалерійскій корпусъ и Платовъ съ 9-ю казачьими полками стали въ довольно значительномъ разстояніи позади 2-го пѣхотнаго корпуса, за рощею; 2-й кавалерійскій — за 4-мъ пѣхотнымъ, 3-й кавалерійскій — за 6-мъ, 4-й кавалерійскій — за 7-мъ. Пять казачьихъ полковъ наблюдали теченіе нижней Калочи, а шесть казачьихъ-же полковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Карпова, находились близъ Утицы. Главный

резервъ, изъ 3-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ и двухъ кирасирскихъ дивизій, стоялъ за селеніемъ Князьковымъ; 2-я гренадерская дивизія расположилась за Семеновскимъ, въ резервѣ князя Багратіона; артиллерійскій резервъ сталъ у Псарева. Московское и смоленское ополченія, дурно вооруженныя и неуспѣвшія получить надлежащаго обученія, были назначены для отвода раненыхъ и въ прикрытіе обозовъ. Главная квартира находилась на мызѣ Татариновѣ ([27]).

Войска, расположенныя для обороны передовой позиціи у Шевардина, состояли изъ 27-й дивизіи Невѣровскаго, 5-го егерскаго полка и части кавалеріи, въ составѣ 14-ти баталіоновъ и 38-ми эскадроновъ, подъ общимъ начальствомъ одного изъ сподвижниковъ Суворова, князя Андрея Ивановича Горчакова ([28]).

Какъ только непріятель, 24 августа (5 сентября), преслѣдуя арріергардъ Коновницына, послѣ дѣла при Колоцкомъ монастырѣ, приблизился къ Калочѣ, то Наполеонъ приказалъ кавалерійскимъ корпусамъ Нансути и Монбрюна и тремъ дивизіямъ корпуса Даву перейти черезъ рѣчку и овладѣть редутомъ у Шевардина; корпусъ Понятовскаго, двигавшійся по старой смоленской дорогѣ, долженъ былъ содѣйствовать этому нападенію: такимъ образомъ противъ 11-ти тысячъ Русскихъ было направлено не менѣе 35-ти тысячъ непріятелей. Послѣ кровопролитнаго боя, Компанъ взялъ редутъ, а Моранъ занялъ Шевардино. Въ 8 часовъ вечера, прибыли на смѣну Невѣровскому принцъ Карлъ мекленбургскій со 2-ю гренадерскою дивизіею и графъ Воронцовъ съ Сводною дивизіей. Самъ Багратіонъ повелъ въ дѣло своихъ гренадеръ; непріятель атаковалъ ихъ съ фланговъ, но былъ встрѣченъ и опрокинутъ нашею кавалеріей:

полковникъ Толбузинъ, съ Малороссійскими и Глуховскими кирасирами, овладѣлъ французскою батареей у Доронина; Черниговскіе и Харьковскіе драгуны изрубили 111-й полкъ, а гренадеры совершенно уничтожили одинъ изъ баталіоновъ 61-го полка и овладѣли редутомъ. Какъ это укрѣпленіе, недостроенное и полуразрушенное, не представляло возможности къ упорной оборонѣ, то Кутузовъ приказалъ Багратіону отойти на главную позицію. Въ 11 часовъ ночи, войска князя Горчакова отступили за Семеновское, въ резервъ 2-й арміи (29).

Къ разсвѣту 25-го августа (6-го сентября) егерскіе полки, разсыпанные впереди центра и лѣваго крыла, были подкрѣплены сводными гренадерскими баталіонами 4-го и 6-го корпусовъ. Графъ Воронцовъ, съ Сводною гренадерскою дивизіей 2-й арміи, занялъ багратіоновы флеши; за нимъ сталъ Невѣровскій съ 27-ю дивизіей; 2-я гренадерская и за нею 2-я кирасирская дивизіи составили резервъ 2-й арміи, расположенный за Семеновскимъ; драгуны, бывшіе въ дѣлѣ при Шевардинѣ, и Ахтырскіе гусары присоединились къ 4-му кавалерійскому корпусу. Сосредоточеніе значительныхъ силъ непріятеля противъ центра и лѣваго крыла бородинской позиціи обнаружило опасность угрожавшую нашему лѣвому флангу, который подвергался обходу, не будучи прикрытъ никакими преградами; и по тому князь Кутузовъ перевелъ на старую смоленскую дорогу, къ деревнѣ Утицѣ, 3-й пѣхотный корпусъ Тучкова 1-го, а для связи его съ войсками Багратіона велѣно князю Шаховскому, съ 4-мя егерскими полками, занять кусты между Семеновскимъ и Утицею. Часть московскаго ополченія стала, въ видѣ резерва, за 3-мъ корпусомъ.

Число войскъ русской арміи вообще простира-

лось до 104-хъ тысячъ человѣкъ, съ 640 орудіями, кромѣ 7.000 казаковъ и 10.000 ратниковъ (30).

Въ продолженіи ночи съ 24-го на 25-е (съ 5-го на 6-е сентября н. ст.), непріятельскія войска расположились слѣдующимъ образомъ: корпусъ Понятовскаго, на правомъ флангѣ, между деревнею Ельнею и Доронинымъ; три дивизіи корпуса Даву кругомъ Шевардина; Мюратъ, съ корпусами Нансути, Монбрюна и Латуръ-Мобура, между Шевардинымъ и Калочею. На лѣвой сторонѣ Калочи стали: корпусъ вице-короля въ виду Бородина; двѣ дивизіи Даву, корпусъ Нея и гвардія, съ главною квартирою Наполеона, у Валуева; за ними — корпусъ Жюнò и кавалерія Груши. Число наполеоновыхъ войскъ, по самымъ умѣреннымъ показаніямъ, простиралось до 130-ти тысячъ человѣкъ, съ 587-ю орудіями (31): это были надежнѣйшіе люди изъ трехъ сотъ тысячъ воиновъ, вступившихъ въ Россію, перенесшіе всѣ трудности и лишенія тяжкаго похода; напротивъ того, въ нашей арміи было до 15-ти тысячъ наскоро обученныхъ рекрутъ и только 90 тысячъ старыхъ солдатъ.

Наполеонъ, во весь день 25 августа (6 сентября), почти не сходившій съ коня, обозрѣвая бородинскія окрестности, нашелъ нужнымъ построить нѣсколько укрѣпленій противъ Бородина и у Шевардина. Во время обѣда пріѣхалъ къ нему изъ Испаніи Фавьè, съ извѣстіемъ о пораженіи Мармона при Саламанкѣ. Французскія войска оставались на мѣстѣ весь день, чтобы не открыть преждевременно намѣренія — обрушиться главною массою силъ на наше лѣвое крыло и центръ. Но едва лишь стемнѣло, войска выступили на указанные для нихъ пункты и стали тамъ къ тремъ часамъ утра: *на правомъ крылѣ*, въ утицкомъ лѣсу, корпусъ Понятовскаго; *въ центрѣ:* Даву, съ диви-

зіями Компана, Дессè и Фріана, Ней и Жюнò, съ своими корпусами, по обѣ стороны и позади Шевардина; дивизія Морана (корпуса Даву), перейдя на правую сторону Калочи, впереди селенія Алексинки; кавалерія Нансути, Монбрюна и Латуръ-Мобура — впереди Доронина; *на лѣвомъ крылѣ*, за Калочею, остались: дивизія Жерара (корпуса Даву), корпусъ вице-короля и кавалерія Груши. Французская гвардія, перейдя на правую сторону Калочи, расположилась влѣво отъ Доронина; ставка Наполеона передъ разсвѣтомъ перенесена къ Шевардинскому редуту (32).

Съ нашей стороны, весь день 25 августа прошелъ въ приготовленіяхъ къ битвѣ. Князь Кутузовъ велѣлъ пронести вдоль линій войска Чудотворную икону Божіей Матери, сопровождавшую наши войска со времени выступленія ихъ изъ Смоленска. Такъ готовились и наши предки къ Куликовскому побоищу. Духовенство, въ богатыхъ ризахъ, по временамъ останавливалось и совершало молебствія; тысячи воиновъ падали на колѣни, творя крестное знаменіе и молясь усердно. Главнокомандующій, со всѣмъ своимъ штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Въ продолженіи дня, онъ подъѣзжалъ къ полкамъ и говорилъ съ солдатами; слова стараго вождя быстро передавались въ арміи и усиливали готовность всѣхъ — пожертвовать собою въ защиту Москвы и Россіи. Иностранные писатели говорятъ о двойной порціи пищи и вина, розданной будтобы въ сей день русскимъ солдатамъ. Дѣйствительно, благодаря усердію народа и близости Москвы, наши воины уже не терпѣли нужды, но очевидцы увѣряютъ, что на призывъ квартиргеровъ: „водку привезли; ступай къ чаркѣ!“ многіе изъ солдатъ отвѣчали: „не къ тому готовимся; не такой

завтра день“. Въ русскомъ лагерѣ не было шумнаго восторга, но и не было унынія. Не смотря на сырую и холодную погоду, наши войска разводили бивачные огни какъ-бы не хотя. Напротивъ того, ярко пылали костры въ непріятельской арміи. Французы, надѣясь на близкое окончаніе своихъ невзгодъ побѣдою, ликовами, хотя и терпѣли нужду въ жизненныхъ припасахъ ([33]).

Утромъ 26-го августа (7-го сентября), въ три часа, Наполеонъ, прежде всего, спросилъ: „Que font les Russes?“ (Что дѣлается у Русскихъ?), и получивъ въ отвѣтъ, что они оставались на мѣстѣ, изъявилъ радость и сказалъ собравшимся въ его палаткѣ офицерамъ: „сегодня немножко холодно, но ясно: это солнце Аустерлица.“ Въ пять часовъ Наполеонъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ войскамъ Даву, назначеннымъ для главной атаки; во всѣ стороны отъ него помчались ординарцы. Армія построилась къ бою; во всѣхъ ротахъ и эскадронахъ прочли слѣдующій приказъ:

„Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы столько ожидали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее помомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!“

Въ исходѣ 6-го часа, непріятель открылъ огонь изъ укрѣпленій, построенныхъ противъ флешей Багратіона, и изъ батарей, выдвинутыхъ на одну линію съ этими укрѣпленіями, всего-же изъ ста орудій, но дѣйствіе этой артиллеріи, по значительному раз-

стоянію отъ флешей, оказалось ничтожно, и по тому французскія батареи, подавшись впередъ, открыли сильнѣйшую канонаду. Нѣсколько спустя, раздался громъ выстрѣловъ противъ Бородина, а потомъ и въ центрѣ. Съ нашей стороны, отвѣчали орудія стоявшія въ укрѣпленіяхъ и батареи выдвинутыя на одну съ ними высоту. Въ 6 часовъ, непріятель одновременно повелъ двѣ атаки, на флеши лѣваго крыла и на Бородино: Даву, съ дивизіями Компана и Дессè, двинулся противъ флешей. но былъ отбитъ графомъ Воронцовымъ, съ содѣйствіемъ Невѣровскаго, и преслѣдованъ Ахтырскими гусарами Васильчикова и Новороссійскими драгунами Теренина. Здѣсь были тяжело ранены начальники дивизій Компанъ и Дессè и бригадный генералъ Тестъ. Самъ Даву, получивъ сильную контузію, упалъ за-мертво съ убитой подъ нимъ лошади (34).

Нападеніе вице-короля на Бородино было удачно; войска его овладѣли селомъ, но охотники гвардейскаго экипажа успѣли разобрать мостъ на большой дорогѣ, и по тому вице-король, оставя у Бородина дивизію Дельзона съ баварскою кавалеріей и направя влѣво легкую кавалерійскую дивизію генерала Орнано, двинулся съ прочими войсками къ мостамъ, построеннымъ на Калочѣ, выше Бородина, и переправился на правую сторону этой рѣчки (35).

Наполеонъ, между тѣмъ, получивъ донесеніе о ранѣ Компана, послалъ ему на смѣну своего генералъ-адъютанта Раппа, но и тотъ вскорѣ былъ раненъ. Вслѣдъ за тѣмъ прискакалъ къ Наполеону генералъ Сорбьè, съ извѣстіемъ о смерти Даву. Наполеонъ, пораженный этимъ донесеніемъ, не сказалъ ни слова, и уже нѣсколько минутъ спустя послалъ приказаніе Мюрату принять начальство надъ 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, но Мюратъ, прибывъ къ вой-

скамъ Даву, нашелъ маршала снова готовымъ сѣсть на коня и возобновить нападеніе. Наполеонъ, узнавъ о томъ, былъ чрезвычайно обрадованъ. Въ 7 часовъ, Ней, получивъ приказаніе содѣйствовать войскамъ Даву, повелъ свои три дивизіи на Шевардино; корпусъ Жюно подался впередъ и сталъ лѣвѣе этого селенія. Легкая кавалерія 1-го и 3-го пѣхотныхъ корпусовъ и Мюратъ съ резервною кавалеріей двинулись на поддержаніе пѣхоты Даву и Нея ([36]). Завидя наступленіе всѣхъ этихъ массъ, князь Багратіонъ усилилъ войсками Невѣровскаго гренадеровъ Воронцова, занимавшихъ флеши, приказалъ восьми баталіонамъ изъ корпуса Раевскаго принять влѣво, поставилъ 2-ю гренадерскую и 2-ю кирасирскую дивизіи влѣво отъ Семеновскаго и выдвинулъ всѣ свои батареи въ первую линію. Какъ всего этого было недостаточно для отраженія многочисленныхъ непріятельскихъ силъ, то князь Багратіонъ приказалъ Тучкову 1-му, (несостоявшему подъ его начальствомъ), отрядить къ нему въ помощь дивизію Коновницына и обратился къ Барклаю де-Толли съ просьбою о подкрѣпленіи лѣваго крыла частью войскъ 1-й арміи. Барклай приказалъ перевести 2-й пѣхотный корпусъ съ праваго фланга позиціи на лѣвый, и вслѣдъ за тѣмъ, по вторичной просьбѣ князя Багратіона, отряжены изъ резерва къ Семеновскому: гвардейскіе полки Измайловскій, Литовскій и Финляндскій, три полка 1-й кирасирской дивизіи, семь сводныхъ гренадерскихъ баталіоновъ, двѣ гвардейскія батарейныя роты и гвардейская конная батарея № 1-го ([37]).

Но для прибытія этихъ подкрѣпленій къ лѣвому крылу нобходимо было отъ полутора до двухъ часовъ, а, между тѣмъ, въ восемь часовъ, князь Багратіонъ уже былъ снова атакованъ превосходными

силами. Самъ Ней, съ двумя полками, ворвался въ лѣвую флешь; другіе полки дивизіи Ледрю овладѣли правою флешью, и послѣ отчаяннаго рукопашнаго боя, въ которомъ графъ Воронцовъ былъ тяжело раненъ штыкомъ, и пали почти всѣ его гренадеры, Французы взяли и среднюю флешь. „Мое сопротивленіе не могло быть продолжительно, но прекратилось не прежде, какъ съ уничтоженіемъ моей дивизіи,“ говоритъ Воронцовъ въ описаніи своихъ дѣйствій подъ Бородинымъ. Князь Багратіонъ, въ девять часовъ, приказалъ Невѣровскому выбить непріятеля изъ флешей и послалъ на встрѣчу Французамъ четыре баталіона 12-й дивизіи, гренадеровъ принца Мекленбургскаго, кирасировъ Дуки и часть кавалеріи графа Сиверса. Мюратъ, завидя наступленіе этихъ войскъ, повелъ на помощь Нею и Даву виртембергскихъ конныхъ егерей и легкую кавалерію Брюйера. Наполеонъ, съ высоты у Шевардина, зорко слѣдившій за дѣйствіями у флешей, захлопалъ въ ладоши, говоря: „Ils y vont!... ils y sont!“ (Они идутъ!... Они уже тамъ!). Но кавалерія Мюрата была опрокинута нашими кирасирами и Новороссійскими драгунами, и самъ Мюратъ едва избѣгъ плѣна. Кирасиры Дуки ворвались въ укрѣпленія. Около десяти часовъ, когда пѣхота князя Багратіона потерпѣла огромный уронъ и были ранены князь Горчаковъ и Невѣровскій, войска Нея опять овладѣли флешами, но уже туда подходила дивизія Коновницына. Полки его, съ содѣйствіемъ Сумскихъ гусаръ, и кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дорохова, ударили на непріятеля и выбили его изъ флешей ([38]). Наполеонъ хотѣлъ послать корпусъ Жюно въ помощь Нею, но потомъ, около 9-ти часовъ, узнавъ о взятіи его войсками флешей, приказалъ Вестфальцамъ занять промежутокъ между корпусами Даву и

Понятовскаго. Когда-же, вслѣдъ за тѣмъ, прискакалъ офицеръ отъ Нея, съ просьбою поддержать его свѣжими силами, Наполеонъ долго не рѣшался на то, совѣтовался съ Бертье, и наконецъ уже въ 11-мъ часу послалъ въ помощь Нею дивизію Фріана ([39]). Непріятель тогда имѣлъ у Семеновскихъ высотъ около 26,000 человѣкъ пѣхоты противъ 18,000 Русскихъ. Канонада огромныхъ батарей, выставленныхъ съ обѣихъ сторонъ, была такъ непрерывна, какъ самый частый батальный огонь, и по временамъ сливалась въ гулъ, потрясавшій всю окрестность. Потери сражавшихся войскъ были весьма велики. Съ нашей стороны убитъ командиръ 1-й Сводной гренадерской бригады, князь Кантакузенъ; начальникъ штаба 2-й арміи, графъ Сенъ-Пріестъ, получивъ жестокую контузію, былъ принужденъ удалиться съ поля сраженія. Но намъ предстоялъ еще болѣе чувствительный ударъ: палъ герой Багратіонъ, пораженный въ ногу картечью. Коновницынъ, оставшись по немъ старшимъ, послалъ къ Раевскому съ приглашеніемъ принять начальство надъ 2-ою арміей, но Кутузовъ, получивъ донесеніе о событіяхъ на лѣвомъ крылѣ, ввѣрилъ сражавшіяся тамъ войска генералу Дохтурову и послалъ туда-же Толя освѣдомиться о дальнѣйшемъ ходѣ боя ([40]).

Между тѣмъ флеши переходили изъ рукъ въ руки. Участникъ отчаяннаго боя, генералъ Пелѐ говоритъ: „по мѣрѣ того, какъ подходили къ Багратіону подкрѣпленія, они, съ величайшею отвагою, шли впередъ, по трупамъ павшихъ, для овладѣнія утраченными пунктами. Русскія колонны, по командѣ своихъ начальниковъ, двигались, какъ подвижные шанцы, сверкающіе сталью и пламенемъ. На открытой мѣстности, поражаемые картечью, атакуемые — то конницею, то пѣхотою, они терпѣли огромный уронъ; но

эти храбрые воины, собравшись съ послѣдними силами, нападали на насъ по прежнему" ([41]). Несмотря однакоже на усилія Коновницына и Бороздина 1-го, съ гренадерами Кіевскаго, Астраханскаго, Сибирскаго и Московскаго полковъ, непріятель, около 11½ часовъ, окончательно овладѣлъ флешами. Въ продолженіи этого боя убитъ командиръ Ревельскаго полка, генералъ-маіоръ Тучковъ 4-й и раненъ принцъ Мекленбургскій; со стороны Французовъ убитъ начальникъ штаба 1-го корпуса Ромёфъ (Romeuf). Коновницынъ отвелъ войска оборонявшія флеши за оврагъ и снова устроилъ ихъ на высотахъ, по обѣ стороны селенія Семеновскаго. Напрасно покушался Ней, съ содѣйствіемъ прибывшей къ нему въ помощь дивизіи Фріана, овладѣть селеніемъ; гренадеры 2-й дивизіи отразили его ([42]).

Неудача этого нападенія заставила Мюрата, по совѣщаніи съ Неемъ, ввести въ дѣло огромную массу кавалеріи: кирасиры Нансути получили приказаніе идти въ атаку правѣе Семеновскаго, а корпусъ Латуръ-Мобура былъ направленъ влѣво отъ этого селенія. Чтобы облегчить успѣхъ кавалеріи, Даву и Ней выдвинули свои батареи къ самому краю оврага и вмѣстѣ съ артиллеріей, стоявшею противъ флешей, поражали пѣхоту Коновницына перекрестными выстрѣлами. Въ продолженіи часа, Литовскій полкъ потерялъ изъ 1740 человѣкъ 956; при многихъ нашихъ орудіяхъ оставалось по парѣ лошадей ([43]). И вдругъ, на наши, осыпанныя снарядами, войска обрушилась грозная туча нѣсколькихъ тысячъ всадниковъ предводимыхъ Мюратомъ. Нансути съ кирасирами Сенъ-Жермена и съ легкою кавалеріей Брюйера, перейдя черезъ ручей, выше селенія, гдѣ края оврага весьма плоски, кинулся на лѣвое крыло позиціи, но былъ встрѣченъ картечью и батальнымъ

огнемъ пѣхоты: гвардейскіе полки, Измайловскій и Литовскій, подъ начальствомъ полковника Храповицкаго, построились въ баталіонныя каре, въ одномъ изъ коихъ находился самъ Коновницынъ. Нѣсколько разъ кирасиры, *желѣзные люди* (hommes de fer), какъ называлъ ихъ Наполеонъ, поддержанные легкою конницею, атаковали наши каре, и каждый разъ были отражаемы градомъ пуль. Солдаты Литовскаго полка, увлеченные успѣхомъ, кидались въ штыки, съ крикомъ ура! на непріятельскую кавалерію, которая, обратясь назадъ, была преслѣдована генералъ-маіоромъ Кретовымъ, съ Орденскими и Екатеринославскими кирасирами. Вслѣдъ за тѣмъ, на лѣвомъ флангѣ гвардейскихъ полковъ, въ лѣсу завязалась перестрѣлка. Непріятель снова сталъ громить изъ орудій нашу позицію; въ числѣ раненыхъ были полковники: Храповицкій, командовавшій въ сей день Измайловскимъ полкомъ, Козляниновъ и командиръ Литовскаго полка Удомъ (44).

Кавалерія Латуръ-Мобура, при переходѣ черезъ болотистую рѣчку, текущую ниже селенія Семеновскаго въ глубокомъ оврагѣ, встрѣтила большія затрудненія, и по тому вступила въ бой нѣсколько позже Нансути; но съ лучшимъ успѣхомъ. Генералъ Тилеманъ съ саксонскими кирасирами опрокинулъ остатки 2-й гренадерской дивизіи, промчался влѣво отъ селенія и заскакалъ въ тылъ линіи Измайловскихъ и Литовскихъ каре. Генералъ Бороздинъ 2-й, съ кирасирами Его и Ея Величествъ и Астраханскими, атаковалъ саксонскихъ латниковъ и вмѣстѣ съ Ахтырскими гусарами, заставилъ непріятеля податься назадъ за гребень высотъ праваго берега рѣчки; но, между тѣмъ, Фріанъ овладѣлъ Семеновскимъ и занялъ правую сторону рѣчки; остатки нашего 8-го пѣхотнаго корпуса отошли на пушечный выстрѣлъ

отъ оврага, и только лишь Измайловскій, Литовскій и Финляндскій полки удержались у опушки лѣса въ вершинѣ рѣчки. Въ продолженіи этого боя былъ тяжело раненъ Фріанъ, а вестфальскій бригадный генералъ Лепцель потерялъ руку, оторванную ядромъ. Непріятель, пользуясь одержаннымъ успѣхомъ, выставилъ у Семеновскаго сильныя батареи, которыя открыли огонь противъ нашего лѣваго крыла и во флангъ войскамъ Раевскаго, стоявшимъ въ центрѣ позиціи (45).

Лѣвое крыло нашей арміи было совершенно разстроено (46), но густая пыль, поднявшаяся столбомъ при кавалерійскихъ атакахъ, и дымъ отъ выстрѣловъ артиллеріи, которой большая часть, (какъ увѣряютъ, до семисотъ орудій), была собрана съ обѣихъ сторонъ въ окрестностяхъ Семеновскаго, не позволяли непріятелю видѣть вполнѣ разстройство нашихъ войскъ. Даву, Ней и Мюратъ, коихъ войска понесли огромную потерю, считали себя не въ силахъ довершить одержанные успѣхи, и занявъ Семеновскія высоты, снова просили подкрѣпленія. Наполеонъ, опасаясь истощить свои резервы, медлилъ, и наконецъ, выславъ впередъ дивизію Молодой гвардіи генерала Роге, приказалъ ему остановиться у рѣчки Каменки (47).

Въ продолженіи боя на Семеновскихъ высотахъ, Понятовскій, который долженъ былъ, на основаніи общаго плана дѣйствій, участвовать въ первоначальномъ нападеніи на лѣвое крыло нашей позиціи, выступилъ съ мѣста ночлега въ пять часовъ утра, но двигался по дурнымъ дорогамъ чрезъ лѣсъ такъ медленно, что шедшая въ головѣ польскаго корпуса дивизія Красинскаго вышла на большую дорогу уже въ восемь часовъ. Князь Понятовскій овладѣлъ селеніемъ Утицею, но встрѣтивъ у кургана 1-ю гре-

надерскую дивизію, впереди которой были выставлены сильныя батареи, не пошелъ далѣе изъ опасенія быть отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ Наполеона. Уже около десяти съ половиною часовъ, когда войска Жюно завязали въ лѣсу жаркую перестрѣлку съ нашими егерями. Понятовскій овладѣлъ курганомъ служившимъ опорою лѣвому флангу Тучкова 1-го и оттѣснилъ его на небольшое пространство ([48]).

Между тѣмъ вице-король, перейдя черезъ Калочу, атаковалъ въ центрѣ нашей позиціи батарею, занятую войсками Раевскаго, который, выславъ впередъ егерскіе полки и отрядивъ къ Семеновскимъ высотамъ всю вторую линію, имѣлъ въ своемъ распоряженіи только восемь баталіоновъ 26-й и 12-й дивизій: изъ числа ихъ, 4, подъ начальствомъ Паскевича, стояли въ оврагѣ правѣе батареи; а 4 баталіона Васильчикова—лѣвѣе; присланные-же въ помощь Раевскому, изъ 4-го и 6-го корпусовъ, три егерскихъ полка, подъ начальствомъ полковника Вуича, были расположены въ томъ-же оврагѣ, позади батареи ([49]). Непріятель, оттѣснивъ разсыпанныхъ впереди позиціи егерей къ подошвѣ кургана, двинулся въ десятомъ часу противъ батареи: дивизія Брусьè въ обходъ между Калочею и курганомъ, дивизія Морана прямо, а кавалерія Монбрюна правѣе; дивизія Жерара оставалась въ резервѣ за рѣчкою. Атака Брусьè была отражена съ урономъ, но вслѣдъ затѣмъ, около половины 11-го, вице-король возобновилъ нападеніе войсками Морана. Успѣху непріятеля способствовало то, что наша артиллерія, изстрѣлявъ почти всѣ заряды, была принуждена ослабить пальбу въ самую рѣшительную минуту. Бригада Бонами, въ головѣ наступавшей колонны, ворвалась на батарею, опрокинувъ прикрытіе орудій въ оврагъ. Моранъ, съ остальными своими войсками,

быстро двинулся къ подошвѣ кургана. Но торжество Французовъ было непродолжительно.

Незадолго предъ тѣмъ, Кутузовъ, узнавъ объ опасномъ положенiи лѣваго крыла, послалъ туда начальника штаба 1-й армiи, Ермолова. „Голубчикъ — сказалъ ему главнокомандующiй, — посмотри, нельзя-ли тамъ что̀ сдѣлать, чтобы ободрить войско.“ Ермоловъ, встрѣтивъ полковника Никитина съ двумя конными ротами, повелъ ихъ къ лѣвому флангу, и замѣтивъ необыкновенное смятенiе на батареѣ Раевскаго, остановилъ артиллерiю и приказалъ открыть огонь по непрiятелю, еще не успѣвшему осмотрѣться въ захваченномъ имъ укрѣпленiи; а самъ, съ первою попавшеюся ему частью войскъ, именно съ 3-мъ баталiономъ Уфимскаго полка, состоявшимъ подъ начальствомъ маiора Демидова, удержалъ бѣжавшихъ съ кургана и вмѣстѣ съ ними „толпою, въ образѣ колонны — кинулся прямо на батарею; къ этой горсти войскъ присоединились ближайшiя войска 4-го и 6-го пѣхотныхъ корпусовъ, и въ числѣ ихъ 18-й, 19-й и 40-й егерскiе полки и баталiонъ Томскаго полка, приведенный маiоромъ Лёвенштерномъ. Французы, сброшенные съ кургана, и атакованные съ обоихъ фланговъ успѣвшими оправиться войсками 7-го корпуса, подъ начальствомъ Васильчикова и Паскевича, были преслѣдованы на значительное разстоянiе, сперва пѣхотою, и потомъ Оренбургскими, Иркутскими и Сибирскими драгунами, подъ начальствомъ генералъ-маiора Крейца. При взятiи батареи Ермоловымъ, захваченъ генералъ Бонами. Когда наши солдаты стали колоть Французовъ, онъ сказался Королемъ Неаполитанскимъ; извѣстiе о взятiи въ плѣнъ Мюрата быстро разнеслось въ рядахъ русской армiи, но вскорѣ узнали истину. Почти въ тоже время убитъ корпусный командиръ Монбрюнъ и ра-

нены дивизіонные генералы: Моранъ, Пажоль и Дефрансъ. Барклай, замѣтно искавшій смерти, прискакалъ на батарею, распоряжался въ пылу отчаяннаго боя съ величайшимъ спокойствіемъ и смѣнилъ совершенно разстроенныя войска Раевскаго семью баталіонами 24-й дивизіи генералъ-маіора Лихачева ([50]).

Покушеніе Французовъ на нашу батарею стоило имъ до трехъ тысячъ человѣкъ. Но и намъ оно обошлось дорого: совершенно разстроенный, 7-й пѣхотный корпусъ былъ выведенъ изъ боевой линіи и поставленъ за стоявшею въ резервѣ кавалеріей. Въ числѣ падшихъ здѣсь былъ начальникъ артиллеріи Первой арміи, графъ Кутайсовъ. 28-ми лѣтъ отъ рода, уже генералъ, украшенный многими знаками отличія, обязанный своимъ возвышеніемъ Фортунѣ, но оправдавшій ея благосклонность заслугами отечеству, даровитый, образованный, скромный: таковъ былъ Кутайсовъ. Неизвѣстно — какъ и гдѣ погибъ онъ: о смерти его узнали по окровавленному сѣдлу прибѣжавшей къ войскамъ его лошади. Его неожиданная кончина имѣла важныя послѣдствія: многія изъ нашихъ батарей простояли напрасно въ резервѣ, и вообще наша артиллерія, превосходившая непріятельскую и числомъ орудій, и калибромъ ихъ, не выказала въ Бородинской битвѣ всей своей силы. Самъ Кутузовъ въ послѣдствіи говаривалъ, что это сраженіе имѣло-бы несравненно лучшій для насъ исходъ, еслибъ остался въ живыхъ Кутайсовъ ([51]).

Нѣсколько минутъ спустя по взятіи центральной батареи Ермоловымъ, тяжело раненъ даровитый офицеръ, начальникъ штаба 6-го пѣхотнаго корпуса, полковникъ Монахтинъ. „Ребята — сказалъ онъ солдатамъ, поставленнымъ въ прикрытіе при орудіяхъ,—

эта батарея — Россія; отстоимъ ее грудью богатырскою“, и съ этими словами палъ, пораженный въ животъ картечью. Ермоловъ, сдавъ батарею Лихачеву, отправился къ лѣвому флангу позиціи и былъ тяжело раненъ въ шею.

Между тѣмъ, 2-й пѣхотный корпусъ успѣлъ перейти на лѣвое крыло позиціи. Около 11-ти часовъ, миновавъ мызу Князьково, Багговутъ съ 17-ю дивизіей двинулся далѣе къ старой смоленской дорогѣ; а принцъ Евгеній Виртембергскій съ 4-ю дивизіей, по указанію Толя, повернулъ вправо и построилъ свои полки фронтомъ къ батареѣ Раевскаго, въ то время захваченной Французами. Барклай де-Толли послалъ ему приказаніе — отобрать укрѣпленіе: по словамъ принца Евгенія—„это значило идти въ адъ“ (ein Schritt in die Hölle). Но оно уже было взято Ермоловымъ, и самъ Барклай, подъѣхавъ къ принцу, приказалъ ему поставить бригаду де-Росси влѣво отъ батареи; а прочіе полки (Кременчугскій и Минскій) послать вправо, въ помощь Милорадовичу. Здѣсь генералъ-маіоръ де-Росси былъ сильно контуженъ въ голову; подъ принцемъ Евгеніемъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, убиты три лошади. Тогда-же прискакалъ адъютантъ Милорадовича Бибиковъ, требуя принца къ своему начальнику. На вопросъ принца: „гдѣ онъ?“ Бибиковъ указалъ рукою, которую въ тоже мгновеніе оторвало ядромъ; онъ, поднявъ другую, по направленію куда надлежало ѣхать, отвѣчалъ: „сюда! поспѣшите!“ Принцъ Евгеній, поручивъ бригаду де-Росси (Тобольскій и Волынскій полки) маіору Вольфу, самъ поѣхалъ къ Милорадовичу, бывшему при другой бригадѣ 4-й дивизіи. Въ ожиданіи атаки непріятельской кавалеріи, Кременчугскій и Минскій полки построились въ баталіонныя каре, въ коихъ находились Барклай, Ми-

лорадовичъ, Раевскій и другіе начальники. Непріятельская кавалерія была отражена; но канонада орудій громившихъ нашу бригаду до того усилилась, что эти четыре баталіона, въ продолженіи получаса, потеряли убитыми до трехъ сотъ человѣкъ. Когда-же около полудня, по распоряженію главнокомандующаго, войска 4-го пѣхотнаго корпуса были переведены, чрезъ Горицкій оврагъ, для поддержанія 24-й дивизіи, оборонявшей батарею Раевскаго, Барклай приказалъ принцу Евгенію, съ Кременчугскимъ и Минскимъ полками, идти на лѣвое крыло; а полки Вольфа остались на прежнемъ мѣстѣ, лѣвѣе батареи ([52]).

Войска Тучкова 1-го, по отступленіи съ первоначальной позиціи у кургана, оставались на мѣстѣ до прибытія къ нимъ въ помощь 17-й дивизіи (2-го пѣхотнаго корпуса). Около полудня, Багговутъ, съ головными полками, Брестскимъ и Рязанскимъ, миновавъ вершину Семеновскаго оврага, повелъ ихъ черезъ кусты противъ Вестфальцевъ, тѣснившихъ князя Шаховскаго; тогда-же Олсуфьевъ, съ Вильманстрандскимъ и Брестскимъ полками, двинулся на старую смоленскую дорогу. Пользуясь прибытіемъ свѣжихъ войскъ, Тучковъ атаковалъ ими, вмѣстѣ съ гренадерами 1-й дивизіи, Поляковъ, занимавшихъ позицію у кургана, и опрокинулъ ихъ къ Утицѣ, но заплатилъ за совершенный имъ подвигъ жизнью; здѣсь также раненъ генералъ-маіоръ графъ Ивеличъ ([53]).

Около полудня, послѣ шести часовъ упорнаго боя, русскія войска удержались на всѣхъ пунктахъ позиціи, кромѣ флешей и Семеновскаго оврага. Но еще гораздо прежде было нами предпринято нападеніе на лѣвое крыло непріятельской арміи, остававшееся за Калочею. Платовъ, съ большою частью

казаковъ, стоявшій на правомъ флангѣ позиціи, посылая разъѣзды для отыскиванія бродовъ на этой рѣкѣ, удостовѣрился, что у Бородина стояло весьма немного французскихъ войскъ, и полагая возможнымъ обойти ихъ съ фланга, донесъ о томъ Кутузову. Посланный имъ принцъ гессенъ-филипстальскій обратился къ Толю, который, убѣдясь въ пользѣ предполагаемаго нападенія, какъ диверсіи, могшей отвлечь часть непріятельскихъ силъ, исходатайствовалъ у главнокомандующаго разрѣшеніе употребить къ тому весь 1-й кавалерійскій корпусъ генерала Уварова, въ числѣ 2,500 человѣкъ, и казачьи полки Платова. Приказанія Уварову и Платову были посланы около девяти часовъ, но для передачи ихъ, передвиженія кавалеріи изъ-за рощи къ Калочѣ и перехода ея черезъ глубокій оврагъ требовалось около трехъ часовъ ([54]). Когда-же обнаружилось намѣреніе Наполеона атаковать рѣшительно центръ нашей позиціи, Кутузовъ, по предложенію Барклая де-Толли, приказалъ Милорадовичу перевести 2-й кавалерійскій и 4-й пѣхотный корпусы черезъ Горицкій оврагъ и поставить ихъ за 6-мъ корпусомъ, занимавшимъ батарею Раевскаго и пространство по сторонамъ ея. Въ такомъ положеніи находилась наша армія около полудня, когда Наполеонъ рѣшился возобновить нападеніе въ центрѣ Бородинской позиціи ([55]).

Въ первомъ часу войска вице-короля получили приказаніе снова атаковать батарею Раевскаго; для содѣйствія имъ двинулись впередъ Молодая гвардія и резервная кавалерія. Графъ Сорбье, замѣтивъ прибытіе къ нашему центру свѣжихъ войскъ, усилилъ артиллерію, громившую съ фронта этотъ пунктъ, высланными изъ резерва 85-ю орудіями, которыя, построившись впереди Семеновскаго, открыли огонь

во флангъ корпуса Остермана и приданныхъ ему двухъ полковъ принца Евгенія. Огромныя массы Вице-короля и Мюрата готовились окрылить нашъ центръ; за ними шла французская гвардія, еще не бывшая въ дѣлѣ. Уже Наполеонъ готовъ былъ нанести намъ рѣшительный ударъ, и вдругъ.... колонны его остановились. Тогда-же можно было замѣтить въ войскахъ вице-короля и обозахъ, оставленныхъ по лѣвую сторону Калочи, смятеніе и безпорядокъ— слѣдствіе атаки Уварова. Перейдя съ 28-ю эскадронами и 12-ю конными орудіями, около полудня, въ бродъ черезъ Калочу, онъ быстро направился къ рѣчкѣ Войнѣ. Непріятель, завидя его наступленіе, отвелъ кавалерію за рѣчку и расположилъ 84-й линейный полкъ передъ плотиною въ каре, куда укрылся и вице-король, поспѣшно прибывшій на лѣвый флангъ. Три раза Лейбъ-гусары ходили въ атаку на каре и были отражены огнемъ французской пѣхоты; наконецъ, когда велѣно было батареѣ снять съ передковъ и открыть огонь, непріятель ушелъ за плотину, оставя находившееся при немъ орудіе въ добычу нашимъ гусарамъ ([56]). Самъ вице-король подвергался большой опасности; подъ нимъ убита лошадь; одинъ изъ его адъютантовъ, Межанъ, былъ раненъ. Но Уваровъ, съ одною кавалеріей, не могъ— ни перейти черезъ плотину въ виду пѣхоты Дельзона, стоявшей на правой сторонѣ Войны, ни овладѣть Бородинымъ. Платовъ, съ нѣсколькими казачьими полками, перешедшій Калочу, одновременно съ Уваровымъ, успѣлъ перебраться черезъ Войну, выше Беззубова. Казаки разсыпались въ тылу непріятеля, что заставило французскую пѣхоту отойти отъ рѣчки; пользуясь тѣмъ, Лейбъ-казаки промчались черезъ плотину и ударили на Французовъ; но, между тѣмъ, Уваровъ, получивъ отъ Барклая де-

Толли приказаніе возвратиться на правую сторону Калочи, отошелъ съ своими полками и казачьимъ отрядомъ Платова къ Горкамъ, около 4-хъ часовъ по полудни (57).

Нападеніе Уварова на лѣвое крыло непріятеля, произведенное на довольно пересѣченной мѣстности, безъ содѣйствія пѣхоты, не могло имѣть важныхъ послѣдствій, но принесло намъ большую выгоду, заставя Наполеона пріостановить наступленіе противъ центра нашей позиціи и потерять въ бездѣйствіи около двухъ часовъ, въ продолженіи коихъ Барклай де-Толли успѣлъ усилить угрожаемый пунктъ войсками съ праваго крыла и изъ резерва (58). Кутузовъ полагалъ, что кавалерія, высланная за Калочу, могла одержать болѣе рѣшительные успѣхи; но изъ донесенія Уварова видно, что ему было поручено только отвлечь непріятеля отъ нашего лѣваго крыла и въ послѣдствіи приказано возвратиться на позицію.

Наполеонъ, убѣдясь въ томъ, что лѣвое крыло его не подвергалось большой опасности, рѣшился атаковать батарею Раевскаго войсками вице-короля съ частью резервной кавалеріи, одновременно съ фронта и фланговъ. Съ нашей стороны, для противодѣйствія непріятелю, Барклай де-Толли приказалъ стоявшему въ резервѣ 4-му пѣхотному корпусу графа Остермана занять въ первой линіи пространство лѣвѣе и позади батареи; за 4-мъ корпусомъ стали полки Преображенскій и Семеновскій. За ними назначено было построить кавалерію въ двѣ линіи: въ первой 2-й и 3-й корпусы, подъ общимъ начальствомъ Корфа, а во второй—полки Кавалергардскій и Конной гвардіи. Но 2-й кавалерійскій корпусъ тогда еще не успѣлъ перейти черезъ Стонецъ (Горицкій оврагъ), а большая часть 3-го корпуса, подъ начальствомъ Дорохова, была отряжена въ помощь

лѣвому крылу. Сближеніе резервовъ къ боевымъ линіямъ, необходимое для своевременной встрѣчи наступавшихъ непріятельскихъ массъ, подвергло наши войска жесточайшему урону отъ перекрестнаго огня батарей, поставленныхъ частью съ фронта противъ батареи Раевскаго, частью впереди развалинъ Семеновскаго ([59]).

Въ два часа по полудни, подъ громомъ сильнѣйшей канонады, Коленкуръ *) повелъ въ атаку дивизію Ватьѐ, что̀ заставило нашу пѣхоту перестроиться въ нѣсколько каре. Здѣсь потерялъ ногу начальникъ 23-й дивизіи Бахметьевъ 1-й, ранены генералы Бахметьевъ 2-й и Алексополь; самъ Остерманъ сильно контуженъ. Уронъ непріятеля былъ весьма значителенъ. Французскіе историки сравниваютъ наше центральное укрѣпленіе со стальною массою сверкавшею пламенемъ. Кирасиры Ватьѐ опрокинули каре, стоявшее вправо отъ укрѣпленія, въ Горицкій оврагъ, и ворвались на батарею, но будучи встрѣчены сильнѣйшимъ огнемъ стоявшей за нею пѣхоты, были принуждены отойти назадъ, и самъ Коленкуръ палъ, пораженный пулею. Нѣсколько спустя, корпусъ Латуръ-Мобура также пошелъ въ атаку, въ обходъ батареи съ лѣваго фланга; генералъ Тилеманъ съ саксонскими гвардейскими кирасирами перенесся черезъ ровъ и брустверъ въ укрѣпленіе. За нимъ вломилась на батарею непріятельская пѣхота. Тамъ, на походномъ стулѣ, сидѣлъ изнуренный болѣзнью, но крѣпкій духомъ, Лихачевъ, возбуждая своихъ солдатъ къ отчаянной защитѣ. Когда же усилія ихъ были подавлены превосходствомъ въ числѣ, и исчезла надежда отстоять батарею, Лиха-

*) Братъ герцога Виченцскаго, бывшаго посланникомъ въ Петербургѣ.

чевъ, собравъ послѣднія силы, кинулся въ толпу непріятелей, чтобы не пережить потери залога ввѣреннаго его защитѣ. Уже храбрый воинъ, пораженный нѣсколько разъ штыками, былъ повергнутъ на землю, но непріятели, узнавъ въ немъ русскаго генерала, пощадили его. Вице-король встрѣтилъ Лихачева съ уваженіемъ и велѣлъ представить его Наполеону, который, принявъ благосклонно раненаго, подалъ ему шпагу его. „Благодарю Ваше Величество, сказалъ Лихачевъ; эта шпага дана мнѣ Государемъ моимъ, и отъ него лишь могу принять ее обратно" (60).

Вице-король занялъ батарею сильно пѣхотою и отразилъ Барклая, покушавшагося выбить непріятеля изъ укрѣпленія. Войска наши были принуждены отступить за оврагъ, лежащій въ тылу батареи. Кавалерія Латуръ-Мобура и Дефранса, ободренная успѣхомъ, кинулась на пѣхоту 4-го и 6-го корпусовъ, построившуюся въ нѣсколько каре. Польскіе уланы атаковали одну изъ нашихъ батарей, гдѣ тогда находился начальникъ артиллеріи 6-го корпуса, генералъ Костенецкій, и стали рубить прислугу. Самъ Костенецкій, необычайно сильный, схватилъ банникъ, свалилъ съ лошадей нѣсколько уланъ и съ помощью своихъ канонеровъ отбился отъ непріятелей. Барклай де-Толли, видя ослабленіе своей кавалеріи, которой большая часть тогда находилась на лѣвомъ крылѣ, былъ принужденъ удерживать непріятеля одною пѣхотою (61).

Въ этотъ самый моментъ прибыли изъ резерва на рысяхъ и стали за небольшимъ возвышеніемъ, впереди Князькова, Кавалергардскій и Конногвардейскій полки. Непріятель, стремясь прорвать нашъ центръ, атаковалъ 7-ю дивизію Капцевича частью пѣхоты вице-короля и резервной кавалеріи 2-го и 3-го корпусовъ; одно изъ каре 19-го егерскаго полка

было опрокинуто карабинерами Дефранса; тогда-же дивизія Шастеля кинулась на выдвинутый изъ резерва 2-й дивизіонъ 2-й гвардейской конной батареи. Самъ Барклай де-Толли, подъѣхавъ къ командовавшему Кавалергардами полковнику Левенвольде, велѣлъ ему идти въ атаку. Левенвольде построилъ полкъ уступами, провелъ его подъ картечнымъ огнемъ сквозь линію каре 19-го и 40-го егерскихъ полковъ и ударилъ на кавалерію Тилемана; но при самой встрѣчѣ съ непріятелемъ былъ пораженъ картечью въ голову. Смерть его ослабила ударъ нашихъ отборныхъ латниковъ, но, несмотря на то, Кавалергарды, подъ начальствомъ полковника Левашова, съ содѣйствіемъ Конной гвардіи, задержали кавалерію Латуръ-Мобура и не дозволили ему возобновить нападеніе на нашу позицію (62).

Какъ между тѣмъ были замѣчены приготовленія къ новой атакѣ, то Барклай послалъ приказаніе 2-му и 3-му кавалерійскимъ корпусамъ поспѣшить въ помощь центру. Со стороны Мюрата были опять введены въ бой дивизіи Ватьè и Дефранса, поддержанныя корпусомъ Груши. Слѣдствіемъ встрѣчи ихъ съ нашею конницею, постепенно прибывавшею на мѣсто сраженія, было продолжительное кавалерійское дѣло: атаки быстро слѣдовали одна за другою, съ перемѣннымъ успѣхомъ. Самъ Барклай съ окружавшимъ его штабомъ участвовалъ въ схваткѣ, обнаживъ саблю для личной защиты. Одинъ изъ его адъютантовъ, графъ Ламздорфъ былъ застрѣленъ изъ пистолета. Со стороны Французовъ убиты: дивизіонный генералъ Шастель и бригадные генералы Гюаръ (Huard) и Жераръ; ранены: командиръ 3-го кавалерійскаго корпуса Груши и бригадный генералъ Домманжè (63). Въ продолженіе этого дѣла, вице-король сильно занялъ батарею Раевскаго и про-

странство по сторонамъ ея, а наши войска, отойдя окончательно за оврагъ, въ четвертомъ часу по полудни, расположились въ четырехъ стахъ саженяхъ отъ непріятеля, правымъ флангомъ къ селенію Горкамъ; лѣвое-же крыло тогда находилось въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Семеновскаго, упираясь флангомъ въ лѣсъ, лежащій на старой смоленской дорогѣ. Войска обѣихъ сторонъ, утомленныя, ослабленныя взаимнымъ истребленіемъ, прекратили свои усилія. Пѣхота стояла въ небольшихъ колоннахъ, заключавшихъ въ себѣ едва треть людей, введенныхъ въ бой при началѣ сраженія; кавалерія продолжала частныя, нерѣшительныя атаки; артиллерія постепенно умолкала (64).

Только на лѣвомъ крылѣ, въ кустарникахъ между Семеновскимъ и Утицею, продолжалась довольно жаркая перестрѣлка между Вестфальцами и егерями князя Шаховскаго, поддержанными Минскимъ полкомъ. Генералъ Багговутъ, опасаясь быть разобщеннымъ отъ прочихъ войскъ, отошелъ назадъ болѣе версты по старой смоленской дорогѣ и около пяти часовъ по полудни расположилъ свои войска на равнѣ съ оконечностью лѣваго крыла арміи. Князь Понятовскій, замѣтя отступленіе русскихъ войскъ, занялъ частью силъ курганъ, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ новой позиціи Багговута, а самъ остался близъ Утицы (65).

Около шести часовъ вечера, фронтъ нашей арміи былъ расположенъ по ломаной линіи, которая отъ селенія Горокъ простиралась сперва по направленію къ Семеновскому; далѣе 4-й пѣхотный корпусъ примыкалъ подъ исходящимъ угломъ къ лѣвому флангу 6-го; еще лѣвѣе — были расположены остатки пѣхоты 2-й арміи, упираясь въ кустарникъ занятый Измайловскимъ и Финляндскимъ гвардейскими пол-

ками; наконецъ — 3-й пѣхотный и большая часть 2-го пѣхотнаго корпуса, подъ начальствомъ Багговута, стояли по обѣ стороны смоленской дороги, образуя съ линіей занятою войсками 2-й арміи входящій уголъ. Кавалерійскіе корпусы стояли во второй линіи, а гвардія — въ резервѣ (66). Съ нашей стороны были въ огнѣ уже всѣ войска, кромѣ четырехъ егерскихъ полковъ, разсыпанныхъ впереди праваго крыла позиціи, а со стороны непріятеля неучаствовала въ бою вся его гвардія, въ числѣ до двадцати тысячъ отборнаго войска. Русская армія была оттѣснена на позицію, непредставлявшую никакихъ выгодъ въ оборонительномъ отношеніи; за нею, въ двухъ тысячахъ шаговъ, пролегала въ параллельномъ направленіи дорога въ Москву. Въ такихъ обстоятельствахъ, наступленіе наполеоновой гвардіи, поддержанной наименѣе потерпѣвшими войсками, могло имѣть самыя рѣшительныя послѣдствія. Еще солнце стояло высоко, когда Мюратъ прислалъ генерала Бельяра къ Наполеону, съ просьбою о наступленіи гвардіи; маршалъ Ней также донесъ ему, что гвардейская кавалерія могла довершить разстройство русской арміи. Говорятъ, будтобы находившіеся тогда при Наполеонѣ Бертье и Бессьеръ отклонили его отъ рѣшительнаго нападенія. Желая убѣдиться лично въ положеніи дѣла, онъ поскакалъ сперва на Семеновскія высоты, потомъ — на батарею Раевскаго: вездѣ онъ видѣлъ Русскихъ, оттѣсненныхъ къ пути ихъ отступленія, но стоявшихъ недвижимо въ ожиданіи новаго боя. „Je ne férai pas démolir ma garde. A huit cents lieues de France, on ne risque par sa dernière réserve“. (Не хочу разрушить мою гвардію. Въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ Франціи, не слѣдуетъ рисковать своимъ по-

слѣднимъ резервомъ)—сказалъ онъ. Канонада все продолжалась, но мало по малу замолкала ([67]).

Барклай де-Толли, пользуясь неожиданнымъ бездѣйствіемъ противника, старался привести въ порядокъ войска разстроенныя боемъ и послалъ къ Кутузову флигель-адъютанта Вольцогена, приказавъ ему объяснить главнокомандующему положеніе арміи и испросить распоряженія для дальнѣйшихъ дѣйствій. Вольцогенъ, исполняя данное ему порученіе, донесъ Кутузову, что непріятель овладѣлъ всѣми важнѣйшими пунктами позиціи, и что наши войска совершенно разстроены. Такое изложеніе дѣла, въ присутствіи многочисленнаго штаба, не понравилось главнокомандующему, который, выразивъ весьма рѣзко неудовольствіе свое Вольцогену, сказалъ ему: „что касается до сраженія, то ходъ его извѣстенъ мнѣ самому какъ нельзя лучше. Непріятель отраженъ на всѣхъ пунктахъ. Завтра погонимъ его изъ священной земли русской." За тѣмъ, когда Вольцогенъ, отъ имени Барклая де-Толли, просилъ дать ему письменное приказаніе, Кутузовъ, одобривъ всѣ распоряженія Барклая, извѣстилъ его о намѣреніи своемъ возобновить сраженіе и предписалъ изготовиться къ тому въ продолженіи ночи. Въ такомъ-же смыслѣ дано было повелѣніе командовавшему 2-ю арміей, генералу Дохтурову ([68]). Тогда-же адъютантъ Ермолова, штабсъ-капитанъ Граббе былъ посланъ предварить войска о предстоявшемъ боѣ. А, между тѣмъ, Кутузовъ, уже въ сумерки, по возвращеніи на мызу Татаринову, поручилъ Толю обозрѣть Вторую армію, и вообще лѣвое крыло. Объѣхавъ эти войска, Толь нашелъ ихъ чрезвычайно ослабленными, неуспѣвшими собраться, и убѣдился въ опасности возобновленія боя. Изъ 34-хъ тысячъ человѣкъ, состоявшихъ во Второй арміи, оставалось на лицо всего

на все 14 тысячъ; пѣхоты было не болѣе 9-ти тысячъ, въ каждомъ изъ баталіоновъ кругомъ менѣе двухъ сотъ человѣкъ. Шесть баталіоновъ сводныхъ гренадеръ Воронцова считали въ рядахъ своихъ всѣ вмѣстѣ до трехъ сотъ человѣкъ. Въ Астраханскомъ кирасирскомъ полку изъ четырехъ сотъ всадниковъ оставалось 95 съ такимъ-же числомъ лошадей. Говорятъ, будтобы Толь, подъѣхавъ къ одной изъ колоннъ, спросилъ: „какой это полкъ?“ и получилъ въ отвѣтъ: „это 2-я гренадерская дивизія (99).

Донесеніе Толя, о всемъ найденномъ имъ при объѣздѣ лѣваго крыла, заставило главнокомандующаго отказаться отъ намѣренія—возобновить битву. Барклай, не зная о томъ, командировалъ двѣ тысячи ратниковъ для сооруженія редута у Горокъ и хотѣлъ снова занять оставленную непріятелемъ батарею Раевскаго. Но въ полночь пришло предписаніе князя Кутузова—отступать за Можайскъ. По словамъ Барклая, онъ хотѣлъ ѣхать къ князю съ просьбою объ отмѣнѣ этого приказанія, но узнавъ, что войска Дохтурова уже выступили по московской дорогѣ, принужденъ былъ съ сожалѣніемъ исполнить волю главнокомандующаго. Барклай не могъ заблуждаться на счетъ положенія нашихъ войскъ, но увлекался общимъ желаніемъ преградить непріятелю доступъ къ Москвѣ (70).

Въ дѣйствительности-же наши потери въ Бородинскомъ сраженіи были такъ велики, что намъ не оставалось ни малѣйшей вѣроятности успѣха. Уронъ Первой арміи вообще простирался, по первоначальнымъ показаніямъ, до 38-ми, а во Второй до 20-ти тысячъ человѣкъ; но изъ этого числа слѣдуетъ исключить: во первыхъ, до шести тысячъ человѣкъ, выбывшихъ изъ рядовъ въ дѣлѣ при Шевардинѣ, и во вторыхъ, отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ,

которые, разсѣявшись въ пылу боя, въ послѣдствіи присоединились къ войскамъ, и по тому уронъ вообще нашей арміи въ сраженіи при Бородинѣ можно безошибочно положить до сорока четырехъ тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ было: 22 генерала и до двухъ тысячъ штабъ и оберъ-офицеровъ (71). Со стороны непріятеля, уронъ простирался, по показанію французскихъ историковъ, до двадцати тысячъ человѣкъ; но какъ послѣ сраженія оставалось у Наполеона менѣе ста тысячъ человѣкъ, то, по всей вѣроятности, потери его арміи были неменѣе нашихъ. Въ числѣ выбывшихъ изъ строя 24 и 26 августа (5 и 7 сентября) было 49 генераловъ, и потому Французы называли сраженіе при Бородинѣ „la bataille des généraux“ (битвою генераловъ) (72).

Трофеи обѣихъ сторонъ были незначительны. Съ каждой стороны захвачено отъ тринадцати до пятнадцати орудій, и, кромѣ того, оставлено нашими войсками нѣсколько орудій въ укрѣпленіяхъ (73).

Причиною огромной растраты людей, съ нашей стороны, были: во 1-хъ, недостаточное тактическое образованіе войскъ, въ числѣ коихъ было много рекрутъ, не умѣвшихъ пользоваться мѣстностью для прикрытія себя отъ непріятельскихъ выстрѣловъ, и во 2-хъ, расположеніе нашихъ войскъ въ нѣсколькихъ линіяхъ, близко стоявшихъ одна за другою: вторая линія пѣхоты находилась въ двухъ стахъ шагахъ отъ первой; кавалерія въ 300 или 400 шагахъ позади пѣхоты, а резервы мѣстами не далѣе тысячи шаговъ отъ кавалеріи, что̀ подвергало канонадѣ не только боевыя линіи, но и резервы. Такое расположеніе, принятое для противодѣйствія усиленнымъ атакамъ, заставляло насъ оставаться по нѣскольку часовъ въ бездѣйствіи, подъ перекрестнымъ огнемъ сильныхъ батарей. Непріятельскія колонны,

также собранныя на небольшомъ пространствѣ, терпѣли огромный уронъ, и въ особенности въ началѣ боя, когда еще не были поддержаны большими и выгодно расположенными батареями. Огонь нашей артиллеріи наносилъ непріятелю такое пораженіе, что Ней приказывалъ своимъ солдатамъ ложиться, чтобы сколько-нибудь охранить ихъ отъ смертоносной канонады. Чтобы дать понятіе о силѣ огня въ Бородинской битвѣ, достаточно сказать, что со стороны непріятеля, по самымъ умѣреннымъ показаніямъ, выпущено шестьдесять тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ и милліонъ четыреста тысячъ ружейныхъ пуль ([74]). Послѣ сраженія при Бородинѣ, у насъ оставалось на лицо, (не считая нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ примкнувшихъ къ арміи въ послѣдствіи), всего 52 тысячи человѣкъ, а Наполеонъ имѣлъ болѣе 95-ти тысячъ и ожидалъ присоединенія дивизій Пино и Делаборда, отъ Витебска и Смоленска: слѣдовательно — бородинская битва хотя и разстроила наполеонову армію, однакоже еще болѣе нарушила равновѣсіе между силами обѣихъ сторонъ; но мы могли пополнить нашу убыль скорѣе, нежели непріятель, удалившійся отъ источниковъ комплектованія своей арміи. Наполеонъ говорилъ не разъ: „изъ всѣхъ моихъ сраженій, самое ужасное то, которое далъ я подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а Русскіе стяжали право быть непобѣдимыми". Въ послѣдствіи, уже будучи на островѣ Св. Елены, онъ сказалъ, что „изъ пятидесяти сраженій, имъ данныхъ, въ битвѣ подъ Москвою выказано войсками наиболѣе доблести и одержанъ наилучшій успѣхъ" ([75]). Наполеонъ могъ довершить одержанный имъ перевѣсъ не иначе, какъ введя въ дѣло свою гвардію. Но онъ не отважился этого сдѣлать, и колебанія

его, во все продолженіе боя, были сознаніемъ въ собственномъ безсиліи и въ необходимости сохранить резервъ на случай неудачи вторженія въ Россію.

На счетъ нашихъ дѣйствій, замѣтимъ, что бородинская позиція была лучшею на пути къ Москвѣ, но мы заняли ее ошибочно, и это заставило насъ перевести уже во время боя съ одного фланга на другой цѣлую треть арміи; непоколебимая твердость нашихъ войскъ, самоотверженіе Барклая де-Толли и доблестные подвиги прочихъ начальниковъ исправили первоначальную ошибку. Самъ-же Кутузовъ, во все продолженіе битвы, находясь у Горокъ, не могъ имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ дѣла, но всѣ его распоряженія были весьма основательны. Французы, заставя отступить войска нашего лѣваго крыла и центра, считали себя побѣдителями, а Русскіе, удержавъ за собою часть поля сраженія, не признавали себя побѣжденными ([76]). По словамъ одного изъ героевъ бородинскаго боя — Ермолова — „тамъ французская армія расшиблась объ русскую". Принцъ Евгеній виртембергскій говоритъ: „Послѣ одного изъ лучшихъ друзей моихъ осталось сочиненіе, въ которомъ встрѣчается много замѣчательнаго о Бородинской битвѣ. Оно оканчивается слѣдующими словами:

„Говоря по совѣсти, не было причины — ни Кутузову доносить о побѣдѣ Императору Александру, ни Наполеону — извѣщать о ней Марію-Луизу. Еслибы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день предъ алтаремъ правды, то сама Слава, конечно, признала-бы насъ братьями" ([77]).

Кутузовъ донесъ Государю о сраженіи при Бородинѣ слѣдующимъ рапортомъ:

„Послѣ донесенія моего о томъ, что непріятель

24-го числа производилъ атаку важными силами на лѣвый флангъ нашей арміи, 25-е число прошло въ томъ, что онъ не занимался важными предпріятіями, но вчерашняго числа, пользуясь туманомъ, въ 4 часа, съ разсвѣтомъ, направилъ всѣ свои силы на лѣвый флангъ нашей арміи. Сраженіе было общее и продолжалось до самой ночи; потеря съ обѣихъ сторонъ велика; уронъ непріятельскій. судя по упорнымъ его атакамъ на нашу укрѣпленную позицію, долженъ весьма нашъ превосходить. Войска Вашего Императорскаго Величества сражались съ неимовѣрною храбростью: батареи переходили изъ рукъ въ руки и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами. *Ваше Императорское Величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская арміи не могли не разстроиться, и за потерею, сей день сдѣланною, позиція прежде занимаемая естественно стала обширнѣе и войскамъ невмѣстною, а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе французской арміи*, ночевавъ на мѣстѣ сраженія, *я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ*, и собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣжа мою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ московскимъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, увижу я, что̀ могу предпринять противу непріятеля. Къ сожалѣнію, князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ раненъ пулею въ лѣвую ногу; генералъ-лейтенанты Тучковъ и Князь Горчаковъ, генералъ-маіоры Бахметьевы, графъ Воронцовъ, Кретовъ — ранены. У непріятеля взяты плѣнные и пушки и

одинъ бригадный генералъ; теперь ночь и не могу еще разобраться, есть-ли съ нашей стороны такая потеря.

„Августа 27-го дня 1812 года.

„Позиція при Бородинѣ“.

Этотъ рапортъ, по распоряженію управляющаго военнымъ министерствомъ, князя Горчакова 1-го, былъ напечатанъ въ 70-мъ № Сѣверной Почты, отъ 31 августа 1812 года, съ исключеніемъ строкъ означенныхъ курсивомъ ([78]). Слѣдовательно — донесеніе Кутузова было справедливо, кромѣ показанія, будтобы „непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли“.

Императоръ Александръ не былъ введенъ въ заблужденіе такимъ донесеніемъ, но желая поддержать въ народѣ надежду на успѣшное окончаніе борьбы съ Наполеономъ и довѣріе къ Кутузову, принялъ рапортъ его какъ извѣстіе о побѣдѣ; получивъ его, (какъ уже сказано), въ день своего Ангела, Государь, съ обѣими Императрицами, Великими Князьями и Великою Княжною Анною Павловною, отправился въ Невскій Монастырь и слушалъ тамъ Божественную литургію, по окончаніи которой князь Горчаковъ прочелъ донесеніе Кутузова и совершено благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Извѣстіе о Бородинской битвѣ было встрѣчено общимъ восторгомъ. Императоръ Александръ произвелъ Кутузова въ генералъ-фельдмаршалы и пожаловалъ ему сто тысячъ рублей „за отраженіе главныхъ силъ непріятельскихъ“ ([79]). Главные сподвижники его пожалованы: Барклай де-Толли орденомъ Св. Георгія 2-й степени, а князь Багратіонъ — пятидесятью тысячами рублей. По этому случаю, послѣдовалъ на его имя Высочайшій рескриптъ слѣдующаго содержанія:

„Князь Петръ Ивановичъ! Съ удовольствіемъ внимая о подвигахъ и усердной службѣ вашей, весьма опечаленъ Я былъ полученною вами раною, отвлекающею васъ на время съ поля брани, гдѣ присутствіе ваше, при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ, столь нужно и полезно. Желаю и надѣюсь, что Богъ подастъ вамъ скорое облегченіе для украшенія дѣяній вашихъ новою честію и славою. Между тѣмъ, не въ награду заслугъ вашихъ, которая въ непродолжительномъ времени вамъ доставится, но въ нѣкоторое пособіе состоянію вашему, жалую вамъ единовременно пятьдесятъ тысячъ рублей. Пребываю вамъ благосклонный“ ([80]).

Орденъ Св. Георгія 3-й степени получили 14 генераловъ. Всѣмъ бывшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ пожаловано по пяти рублей на каждаго.

ГЛАВА XXXV.

Пожаръ Москвы.

Бородинская битва замедлила движеніе Наполеона, но не остановила его на пути къ Москвѣ. Кутузовъ, съ самаго прибытія въ армію, постоянно изъявлявшій намѣреніе оборонять доступъ къ древней столицѣ до послѣдней крайности. въ такомъ-же смыслѣ писалъ къ Растопчину, съ которымъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ, по учрежденію подвижныхъ магазиновъ. доставкѣ изъ Москвы хлѣба, шанцеваго инструмента, зарядовъ, и проч. 26-го августа (7-го сентября), въ два часа по полудни, Кутузовъ собственноручно прибавилъ къ запискѣ Кайсарова: „Сраженіе самое кровопролитное. Будемъ удерживаться. По сію пору идетъ порядочно"; а ввечеру и на слѣдующее утро писалъ, что снова сразится въ защиту Москвы (1). Но между тѣмъ, какъ фельдмаршалъ адресовалъ свой отзывъ *съ позиціи при Бородинѣ,* наша армія, еще до разсвѣта, отступила за Можайскъ, и только небольшой отрядъ оставался на позиціи до 11-ти часовъ утра (2). Отступленіе было совершено въ порядкѣ; несмотря на усилія неутомимаго Мюрата. непріятелю неудалось отбить ни обозовъ, ни отсталыхъ. Войска наши, на

маршѣ отъ Можайска, по прежнему, получали въ изобиліи хлѣбъ, крупу, мясо и вино, изъ Москвы и Калуги, и вездѣ по пути находили фуражъ, вывозимый на дорогу жителями ближайшихъ селеній. Напротивъ того, Французы двигались чрезъ города и селенія, опустошенныя, предаваемыя пламени ихъ обитателями. Непріятельскіе фуражиры были принуждены отклоняться въ стороны отъ большой дороги на значительное разстояніе. Войска наши, при отступленіи, разрушали за собою мосты и рубили верстовые столбы, что лишало Французовъ, двигавшихся безъ проводниковъ, послѣдняго средства оріентироваться въ неизвѣстной имъ странѣ (3). Для непосредственнаго преслѣдованія нашей арміи, была назначена вся резервная кавалерія съ дивизіей Дюфура (бывшею Фріана). За ними слѣдовали Молодая гвардія, корпусы Даву и Нея, и Старая гвардія; по сторонамъ ихъ шли Понятовскій къ Борисову и вице-король къ Рузѣ; вестфальскій корпусъ Жюно былъ оставленъ на бородинскомъ полѣ для призрѣнія раненыхъ, а потомъ, находясь въ Можайскѣ, охранялъ сообщенія арміи (4). При выступленіи изъ Можайска, наша армія была принуждена, за недостаткомъ повозокъ, оставить нѣсколько тысячъ раненыхъ. Непріятели, занявъ городъ, выбрасывали Русскихъ изъ домовъ, чтобы очистить мѣсто для своихъ раненыхъ и больныхъ, которыми были завалены всѣ окрестности Можайска (5).

Арріергардъ нашей арміи, въ продолженіи двухъ сутокъ, состоялъ подъ начальствомъ Платова, но потомъ, 29 августа (10 сентября), Кутузовъ, недовольный имъ, за то, что онъ, при отступленіи отъ Можайска, не успѣлъ удержать непріятеля въ значительномъ разстояніи отъ арміи, поручилъ арріергардъ Милорадовичу. Съ тѣхъ поръ доблестный спод-

вижникъ Суворова оставался безсмѣнно на стражѣ арміи, въ продолженіи девяти мѣсяцевъ, до перемирія въ 1813 году. При отступленіи къ Москвѣ, ему доводилось ежедневно сражаться съ Мюратомъ. Оба они, равно безстрашные, честолюбивые, равно не дорожили жизнью. Опасность была ихъ стихіею. Въ битвахъ, подъ пулями, можно было видѣть Мюрата, въ фантастическомъ собственнаго изобрѣтенія костюмѣ, съ высокимъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ султаномъ на шляпѣ, въ гусарскомъ чрезвычайно пестромъ ментикѣ и желтыхъ либо красныхъ сапожкахъ: въ такомъ видѣ являлся *Король Франкони*, (какъ называли его въ насмѣшку), служа мишенью тысячамъ выстрѣловъ и никогда не будучи раненъ. И Милорадовичъ, также одѣтый щеголемъ, хотя и приличнѣе Мюрата, красовался впереди колоннъ, либо въ застрѣльщичьей цѣпи, на статномъ конѣ, въ мундирѣ украшенномъ множествомъ орденовъ, повязанный богатою шалью, съ длинною трубкою. Постоянно веселый, остроумный, онъ имѣлъ особенный даръ говорить съ солдатами, и чѣмъ очевиднѣе грозила ему опасность, тѣмъ блистательнѣе развивалось его своеобразное краснорѣчіе. Нерѣдко случалось ему завтракать роскошно, по сибаритски, подъ градомъ непріятельскихъ пуль, постоянно щадившихъ его. И обоимъ воинамъ суждено было, избѣжавъ гибели во всевозможныхъ видахъ, погибнуть насильственною смертью; но Мюратъ, снѣдаемый честолюбіемъ, стремясь возвратить сорванный съ головы его королевскій вѣнецъ, былъ разстрѣлянъ, какъ преступникъ; а Милорадовичъ палъ завидною кончиною, въ защиту Царя отъ руки убійцы.

Въ самый тотъ день, когда Милорадовичъ принялъ начальство надъ арріергардомъ русской арміи, Мюратъ атаковалъ его на позиціи у села Крым-

скаго: въ этомъ упорномъ дѣлѣ, съ нашей стороны выбыло изъ фронта около двухъ тысячъ человѣкъ, и въ числѣ ихъ принцъ Эрнестъ гессенъ-филипстальскій, потерявшій ногу. Французы были отражены еще съ большимъ урономъ (6). Въ тотъ-же день, 29 августа (10 сентября), поступили въ пѣхотные полки, для составленія третьей шеренги, 14 тысячъ ратниковъ московскаго ополченія, при чемъ отдано въ приказѣ по арміямъ, чтобы „принимать сихъ воиновъ не яко солдатъ постоянно въ сіе званіе опредѣленныхъ, но яко на время предоставившихъ себя на защиту отечества. А посему воины ополченія московскаго одеждъ своихъ неперемѣняютъ, бородъ небрѣютъ и однимъ словомъ остаются въ прежнемъ ихъ состояніи, и по исполненіи сей священной обязанности возвратятся въ домы свои“ (7). Весьма замѣчательно, въ отношеніи къ современному настроенію народнаго духа, что, не смотря на зачисленіе милиціи 1807 года, вмѣсто рекрутъ, въ войска, никто въ 1812 году не усомнился въ томъ, чтобы ратники ополченія, совершивъ свой подвигъ, не были отпущены на родину.

Въ продолженіи похода отъ Бородина къ Москвѣ, пѣхотные полки, въ коихъ оставалось менѣе трехъ сотъ человѣкъ, приведены въ одно-баталіонный составъ и уменьшено число эскадроновъ въ кавалерійскихъ полкахъ. 2-й и 3-й кавалерійскіе корпусы сведены вмѣстѣ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта барона Корфа; а 3-й пѣхотный корпусъ порученъ Коновницыну. Отступая шагъ за шагомъ, русская армія, 1 (13) сентября, пришла къ Москвѣ и расположилась въ двухъ верстахъ отъ Драгомиловской заставы. Отрядъ генерала Винцингероде, прибывшій отъ Витебска, получилъ приказаніе перейти на владимірскую дорогу.

Кутузовъ, уступая безотчетному желанію народа и войска—еще разъ сразиться въ защиту Москвы, приказалъ арміи занять позицію, избранную Беннигсеномъ, между Москвою и Воробьевыми горами. Главнокомандующій, опередивъ войска, прибылъ на Поклонную гору и пригласилъ къ себѣ главныхъ начальниковъ.

Позиція, на которой тогда располагались наши полки, по мѣрѣ ихъ прибытія къ Москвѣ, представляла важныя неудобства, будучи перерѣзана рѣчкою Сѣтунью и нѣсколькими глубокими оврагами, затруднявшими сообщеніе между частями арміи; въ случаѣ-же, еслибы намъ пришлось отступать, непріятель могъ сбросить наши войска съ крутыхъ обрывовъ къ рѣкѣ Москвѣ и опрокинуть въ городъ. Недостатки нашей позиціи были замѣчены Барклаемъ де-Толли, который сказалъ о томъ откровенно самому Беннигсену и потомъ изъявилъ свое мнѣніе главнокомандующему. Кутузовъ поручилъ Ермолову, вмѣстѣ съ Толемъ и съ перешедшимъ въ русскую службу изъ испанской полковникомъ Кроссаромъ, осмотрѣть позицію и донести о ея неудобствахъ. Между тѣмъ, армія располагалась и сооружала укрѣпленія на Поклонной горѣ, но движеніе войскъ, назначенныхъ для занятія Воробьевыхъ горъ, было пріостановлено. Постепенно съѣзжались къ Кутузову корпусные командиры; пріѣхалъ и Растопчинъ. Защитники Москвы не могли согласиться во мнѣніяхъ, признавая невозможнымъ устоять противъ превосходныхъ силъ Наполеона, но не рѣшаясь уступить непріятелю Москву. Кутузовъ слушалъ споры окружавшихъ его генераловъ, не говоря ни слова; душевное волненіе, котораго не могъ скрыть посѣдѣлый въ бояхъ полководецъ, обнаруживало, что онъ признавалъ необходимость пожертвовать столицею для

спасенія ввѣренной ему арміи. Графъ Растопчинъ, разгадавъ его намѣреніе, сталъ увѣрять, будтобы непріятель, овладѣвъ Москвою, не пріобрѣтетъ никакихъ важныхъ выгодъ, потому что большая часть казеннаго и частнаго имущества уже была вывезена изъ города, гдѣ оставалось неболѣе сорока тысячъ жителей. Кутузовъ спорилъ съ нимъ и казалось не признавалъ возможности пожертвовать Москвою. Говорятъ, будтобы Растопчинъ, между прочимъ, сказалъ, что „пожаръ отстоитъ Москву, какъ нѣкогда отстоялъ ее Пожарскій.“ Впрочемъ—изъ разговора, (по всей вѣротности весьма любопытнаго), Кутузова съ Растопчинымъ, на Поклонной горѣ, достовѣрно извѣстно только то, что̀ писалъ самъ Растопчинъ о событіяхъ 1812 года, во время пребыванія въ своемъ помѣстьѣ Ливнѣ, въ 1823 году *).

„Кутузовъ объявилъ мнѣ—говоритъ Растопчинъ—что онъ рѣшился здѣсь принять сраженіе. Я поставилъ ему на видъ, что мѣстность въ тылу его позиціи спускалась крутымъ обрывомъ къ городу, и что войска наши, будучи принуждены отступать, смѣшаются съ непріятелемъ въ московскихъ улицахъ; что, въ такомъ случаѣ, неостанется никакой возможности вывести армію изъ Москвы, и мы подвергнемся опасности потерять ее всю до послѣдняго человѣка. Кутузовъ продолжалъ увѣрять, что его не заставятъ оставить эту позицію, но что, въ случаѣ отступленія, онъ двинется на Тверь. Когда-же я замѣтилъ, что тамъ онъ не найдетъ продовольствія, онъ проговорился, что *надлежало прикрыть Сѣверъ*. При этомъ онъ имѣлъ въ виду только резиденцію правительства, не обращая вниманія на то,

---

*) Matériaux pour la biographie future du comte Théodore Rastaptchine, rassemblés par son fils.

что, въ случаѣ пораженія витгенштейновыхъ войскъ, главная армія не успѣла-бы придти въ Петербургъ прежде Сенъ-Сира, и что Наполеонъ, по занятіи Москвы въ сентябрѣ, не могъ предпринять походъ къ Петербургу, куда онъ пришелъ-бы неранѣе конца октября. Къ тому-же Кутузовъ, направясь на Тверь, отдалился-бы отъ ожидаемыхъ имъ подкрѣпленій и предоставилъ-бы непріятелю всю страну до Чернаго моря. Я спросилъ у него, не думаетъ-ли онъ идти на калужскую дорогу, куда были направлены жизненные припасы изъ внутреннихъ губерній. Онъ отвѣчалъ уклончиво....“ *).

По возвращеніи Ермолова съ рекогносцировки, когда онъ донесъ главнокомандующему о всѣхъ замѣченныхъ имъ невыгодахъ позиціи, Кутузовъ спросилъ у него: „нельзя-ли будетъ отступить съ ней на калужскую дорогу,“ и получивъ въ отвѣтъ, что „непріятель можетъ помѣшать въ томъ,“ замолчалъ и въ часъ по полудни уѣхалъ на квартиру для него приготовленную въ деревнѣ Филяхъ. По видимому, Кутузовъ тогда уже составилъ планъ того фланговаго движенія, которое, поставя нашу армію на сообщеніяхъ Наполеона, было первымъ шагомъ къ истребленію вражескихъ полчищъ. На прощаньѣ, Кутузовъ сказалъ на ухо принцу Евгенію виртембергскому: „ici ma tête, fut-elle bonne ou mauvaise, ne doit s'aider que d'elle même.“ (Теперь я долженъ положиться только на самаго себя, каковъ-бы я ни былъ, уменъ или простъ). Вскорѣ послѣ того, графъ Растопчинъ, подойдя къ принцу, сказалъ съ жаромъ: „Еслибы спросили меня, что̀ дѣлать, я отвѣтилъ-бы: разрушьте столицу прежде нежели уступите ее не-

*) Кутузовъ, изъявляя намѣреніе двинуться на Тверь, былъ вѣренъ своему обычному образу дѣйствій — скрывать задуманныя имъ предположенія. *Прим. авт.*

пріятелю: таково мнѣніе мое, какъ графа Растопчина, но какъ губернаторъ, обязанный блюсти столицу, не могу подать такого мнѣнія." По отбытіи Кузузова всѣ разъѣхались (8).

Въ тотъ-же день, къ пяти часамъ по полудни, Кутузовъ собралъ военный совѣтъ. Вопросъ о судьбѣ Москвы рѣшался въ деревнѣ Филяхъ, гдѣ еще недавно сохранялась изба, въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она была во время совѣщанія 1812 года. Туда, въ назначенный часъ, прибыли: Барклай де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, графъ Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, Кайсаровъ, нѣсколько позже— Толь. Беннигсена ждали до шести часовъ, послѣ всѣхъ явился Раевскій, а Милорадовичъ не пріѣхалъ, не имѣя возможности отлучиться изъ авангарда. Беннигсенъ открылъ совѣщаніе вопросомъ: „Выгоднѣе-ли защищать Москву, или оставить ее непріятелю?" Но Кутузовъ, прервавъ его рѣчь, изложилъ всѣ невыгоды позиціи на Воробьевыхъ горахъ, замѣтилъ, что пока сохранена армія, до тѣхъ поръ остается надежда окончить успѣшно войну, и предложилъ на обсужденіе совѣта другой вопросъ: „ожидать-ли нападеніе въ невыгодной позиціи, или уступить непріятелю Москву?" Барклай, съ обычною ему правдивостью, отвѣчалъ, что сраженіе въ защиту Москвы угрожало арміи совершеннымъ пораженіемъ и совѣтовалъ отступать по дорогѣ ведущей къ Нижнему-Новгороду. Полковникъ Толь, признавая невыгоды избранной позиціи, предложилъ занять другую, правымъ крыломъ къ селу Воробьевскому, а лѣвымъ къ новой калужской дорогѣ, и потомъ, въ случаѣ надобности, отойти по старой калужской дорогѣ. Ермоловъ былъ убѣжденъ, что слѣдовало отступить, но зная общее настроеніе умовъ въ народѣ и войскѣ, подалъ голосъ въ пользу обороны Москвы. Беннниг-

сенъ оспаривалъ необходимость отступленія. „Стыдно — сказалъ онъ — отдать столицу безъ выстрѣла, да и не будетъ-ли это сознаніемъ въ потерѣ Бородинскаго сраженія?“ По его мнѣнію, надлежало: „оставя одинъ корпусъ на можайской дорогѣ. перевести всѣ остальныя войска на лѣвое крыло, атаковать непріятеля съ праваго фланга, и въ случаѣ неудачи, отступить по калужской дорогѣ.“ Графъ Остерманъ спросилъ у Беннигсена: „Ручаетесь-ли вы въ успѣхѣ?“ и получилъ въ отвѣтъ: „Если-бы мы не сомнѣвались въ томъ, не былъ-бы собранъ военный совѣтъ, и васъ вѣроятно не пригласили-бы сюда.“

Съ мнѣніемъ Беннигсена согласились: Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ, а на сторонѣ Барклая де-Толли были: Остерманъ, Раевскій и Толь. Кутузовъ заключилъ совѣщаніе, сказавъ: „Je sens que je payerai les pots cassés, mais je me sacrifie pour le bien de ma patrie. J'ordonne la retraite.“ (Я вижу, что мнѣ придется поплатиться за все, но жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступить) (9). Утвердительно можно сказать, что, въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, никто, кромѣ Кутузова, не могъ-бы оставить Москву, не возбудивъ противъ себя общаго неудовольствія въ народѣ и войскѣ.

Оставляя Москву внезапно, безъ всякаго приготовленія къ такому рѣшительному шагу, надлежало обезпечить снабженіе арміи продовольствіемъ и принять мѣры для спасенія раненыхъ, находившихся въ городѣ, и для вывоза оттуда казеннаго и частнаго имущества. Доставка войскамъ жизненныхъ припасовъ не могла представить затрудненій, потому что многіе транспорты съ провіантомъ изъ подмосковныхъ и низовыхъ губерній заблаговременно

были направлены къ Серпухову, откуда съ одинаковою удобностью могли перейти, какъ на калужскую, такъ и на рязанскую дорогу. Напротивъ того, для спасенія раненыхъ оказалось недостаточно перевозочныхъ средствъ, что̀ заставило оставить въ Москвѣ нѣсколько тысячъ человѣкъ, немогшихъ слѣдовать за войсками (10). О вывозѣ огромнаго казеннаго имущества нельзя́ было и думать, и даже не успѣли истребить его: изъ дѣлъ Артиллерійскаго департамента оказывается, что мы бросили въ Москвѣ болѣе полутораста орудій, до 80-ти тысячъ ружей и пистолетовъ, изъ коихъ половина требовала починки, болѣе 60-ти тысячъ штукъ холоднаго оружія, 20 тысячъ пудовъ пороха, 27 тысячъ артиллерійскихъ снарядовъ и на два съ половиною милліона рублей различныхъ коммиссаріатскихъ запасовъ. А между тѣмъ графъ Растопчинъ доносилъ Государю: „Все вывезено: Коммисаріатъ, Арсеналъ.“ Часть ручнаго оружія была разграблена при выступленіи изъ Москвы нашихъ войскъ; все-же прочее, большею частью, негодное оружіе досталось непріятелю, либо истреблено огнемъ. Многіе изъ московскихъ жителей, не смотря на благопріятныя извѣстія изъ арміи и на увѣренія Растопчина, что непріятель не дойдетъ до столицы, заранѣе выѣхали оттуда; прочіе-же оставались въ городѣ, частью изъ безпечности, частью по неимѣнію средствъ къ выѣзду. Кутузовъ, рѣшась оставить Москву, приказалъ полиціймейстеру арміи Шульгину: „гнать всѣхъ на Рязань“ (11).

По окончаніи совѣта въ Филяхъ, Кутузовъ сдѣлалъ распоряженія къ отступленію въ слѣдующую-же ночь по рязанской дорогѣ. Оставляя Москву, Кутузовъ не могъ побѣдить овладѣвшей имъ скорби и по свидѣтельству находившагося при немъ Кайсарова нѣсколько разъ плакалъ.

Неменѣе взволнованъ, огорченъ былъ графъ Растопчинъ. Нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ его преданности Государю и любви къ отечеству, хотя пылкость, упрямство и угодливость общественному мнѣнію графа Растопчина иногда вовлекали его въ необдуманные поступки. Въ 1812 году, народъ нашъ, считая всю Европу ополчившеюся на Россію, видѣлъ во всякомъ не русскомъ врага и подозрѣвалъ всѣхъ иностранцевъ въ измѣнѣ, либо, по крайней мѣрѣ, въ злорадствѣ. Объявленія, или — такъ называемыя — *афиши* Растопчина, въ коихъ Французы и Нѣмцы были представляемы въ презрительномъ видѣ, могли скорѣе усилить, нежели разсѣять предубѣжденія Москвичей. Въ этихъ-же афишахъ, Растопчинъ старался противодѣйствовать слухамъ объ успѣхѣ непріятельскаго нашествія преувеличенными извѣстіями о побѣдахъ нашихъ войскъ. Но, вводя въ заблужденіе жителей столицы, онъ и самъ былъ обманутъ отзывами Кутузова, который, соблюдая свое постоянное правило — несообщать никому задуманныхъ имъ соображеній — держалъ Растопчина въ неизвѣстности о положеніи дѣлъ на театрѣ войны и клялся своими сѣдыми волосами, что Наполеонъ не дойдетъ до Москвы. Растопчинъ, съ своей стороны, въ самый день бородинской битвы, писалъ въ афишахъ: „Жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ 130 тысячъ славнаго войска, 1800 пушекъ, и свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно Государевъ избранный воевода русскихъ силъ и надо всѣми начальникъ; у него, сзади непріятеля, генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тысячъ славнаго войска; генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36-ю тысячами пѣхоты, 3,800 кавалеріи и 84-мя пушками пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ

три дня придетъ въ Можайскъ съ 24-мя тысячами нашей военной силы, а остальные 7 тысячъ вслѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ, 14 тысячъ пѣхоты *). А если мало этого для погибели злодѣя, тогда ужъ скажу: „ну, Дружина Московская, пойдемъ и мы! И выведемъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь, да 150 пушекъ, и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля-же своихъ и сволочи 150,000 человѣкъ“, и проч. Даже 30-го августа, за два дня до прибытія нашей арміи къ Москвѣ, Растопчинъ увѣрялъ Москвичей, что свѣтлѣйшій князь „сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель невдругъ на него пойдетъ“. На слѣдующій день столица наполнилась ранеными—жертвами Бородинской битвы. Жители города, развлеченные похвальнымъ желаніемъ оказать по возможности помощь страдальцамъ, и успокоенные отзывами Растопчина, не могли однакоже не знать, что по ночамъ вывозили изъ города казенное имущество, и по тому всѣ торопились уѣзжать. Въ Москвѣ, большею частью, оставались только тѣ, кому терять было нечего. Многіе изъ нихъ, обрекши себя смерти, пріобщались Св. Таинъ, и по призыву Растопчина хотѣли идти съ церковными хоругвями на Трехгорное поле. Разнесся слухъ, что самъ престарѣлый митрополитъ Платонъ явится на Тригоры, либо на Поклонную гору, благословить русское ополченіе на рѣшительную битву. И дѣйствительно — онъ готовъ былъ пожертвовать собою, и только лишь съ трудомъ уговорили его, уже 31 августа (12 сентября), уѣхать въ его мирное убѣжище — Виѳанію ([12]).

1 (13) сентября, въ день совѣщанія въ Филяхъ,

---

*) При исчисленіи русскихъ силъ, Растопчинъ не упомянулъ о корпусѣ графа Витгенштейна, вѣроятно потому, что защитникъ Петрова града носилъ не русское имя.

когда войска, увѣренныя въ предстоящемъ бою, располагались на позиціи и сооружали укрѣпленія, казалось — вся Москва готовилась присоединиться къ арміи. Жители толпами бѣжали въ арсеналъ, гдѣ тогда раздавали оружіе даромъ, и потомъ съ восклицаніями: „да здравствуетъ нашъ батюшка, Александръ Павловичъ!“ спѣшили на Три-горы, ожидая тамъ найти военнаго губернатора. Наступилъ вечеръ. Москва болѣе и болѣе пустѣла, оставляемая своими обитателями, изъ коихъ одни, съ оружіемъ въ рукахъ, отправились за Драгомиловскую заставу, а другіе, захвативъ образà и все, чтò могли унести съ собою, уходили съ своими семействами изъ города, куда глаза глядятъ, не зная, найдутъ-ли гдѣ пристанище. Уже въ ночи, графъ Растопчинъ получилъ отъ князя Кутузова слѣдующее письмо: „Непріятель, отдѣливъ колонны свои на Звенигородъ и Боровскъ, и невыгодное здѣшнее мѣстоположеніе, вынуждаютъ меня съ горестію Москву оставить. Армія идетъ на рязанскую дорогу“..... Это было первое опредѣлительное свѣдѣніе о намѣреніи Кутузова оставить Москву, полученное Растопчинымъ только за нѣсколько часовъ до появленія Французовъ въ виду города. Какъ до полученія такого отзыва, Растопчинъ не имѣлъ права ни истреблять, ни вывозить изъ города многіе запасы, могшіе понадобиться для нашей арміи, то легко понять смущеніе и безпокойство его. До самой смерти своей, онъ не могъ забыть, что Кутузовъ скрылъ отъ него до послѣдней минуты свой замыселъ, и тѣмъ поставилъ въ безвыходное положеніе. Впрочемъ, Растопчинъ распорядился съ необыкновенною дѣятельностью: приказано было употребить всѣ подводы, найденныя въ городѣ, для вывоза больныхъ и раненыхъ; пожарныя команды со всѣмъ ихъ снарядомъ

отправлены во Владиміръ; разосланы полицейскія команды, подъ начальствомъ расторопныхъ офицеровъ, получившихъ приказаніе разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ, жечь барки съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ на Москвѣ рѣкѣ, истреблять всякаго рода запасы, а потомъ отправиться также во Владиміръ. Нѣкоторые изъ полицейскихъ служителей были оставлены въ городѣ, для зажженія его по выступленіи арміи ([13]). Графъ Растопчинъ, рѣшаясь на такое дѣло, безъ вѣдома Государя, подвергалъ себя тяжкой отвѣтственности; упреки, которыми въ послѣдствіи осыпали его тысячи людей, потерявшихъ послѣднее достояніе въ московскомъ пожарѣ, заставили его отречься отъ подвига, совершеннаго изъ ненависти къ непріятелямъ отечества и неподлежащаго никакому суду, кромѣ суда потомства.

По высылкѣ изъ Москвы полиціи и по отданіи приказанія о выводѣ московскаго гарнизона, графъ Растопчинъ готовился самъ выѣхать изъ города, но съ самаго утра собралась на дворѣ его дома, (на Лубянкѣ), густая толпа народа, которая, запрудивъ совершенно улицу, шумѣла и волновалась; многіе домогались, чтобы московскій главнокомандующій велъ ихъ на Три-горы противъ Французовъ. Графъ Растопчинъ, выйдя на крыльцо, съ полицейскими чиновниками, и сойдя внизъ во дворъ, приказалъ привести туда доставленнаго на-разсвѣтѣ къ нему въ домъ изъ тюрьмы купеческаго сына Верещагина, который былъ заключенъ тамъ за переводъ на русскій языкъ, изъ гамбургской газеты, воззванія наполеонова, враждебнаго Россіи, и за чтеніе его своимъ знакомымъ. Прокричавъ на крыльцѣ, что Верещагинъ измѣнникъ, злодѣй, что отъ него гибнетъ Москва, что его нужно казнить, Растопчинъ при-

казалъ офицерамъ полиціи рубить его. Несчастный упалъ, обагренный кровью, и между тѣмъ, какъ Растопчинъ, чрезъ заднія ворота, ускакалъ на дрожкахъ, неистовая чернь добила страдальца и, привязавъ его за ноги къ хвосту лошади, потащила со двора на улицу. Говорятъ, будтобы Растопчинъ, совершивъ этотъ недостойный поступокъ, приказалъ подвесть къ себѣ какого-то Француза, поносившаго Россію. „Что касается до тебя—сказалъ онъ—прошу впередъ относиться осторожнѣе на счетъ націи благосклонно принявшей тебя". Когда-же Французъ сталъ оправдываться, главнокомандующій, заставя его замолчать, продолжалъ: „ступай, прощаю тебя, и когда придутъ сюда разбойники, твои земляки, разскажи имъ, какъ наказываютъ у насъ измѣнниковъ" ([14]).

2 (14) сентября, Москва представляла зрѣлище величайшихъ безпорядковъ. Люди дурнаго поведенія, пользуясь выѣздомъ полиціи, разсѣялись по домамъ и въ отсутствіи хозяевъ, брали все, что̀ попадало подъ руку; другіе отправились въ ряды съ такою-же цѣлью. Никто не мѣшалъ имъ; купцы зазывали солдатъ въ свои лавки, предлагая имъ, что̀ приглянется. „Пускай лучше наше добро достанется вамъ, нежели Французамъ", говорили они служивымъ. Глубокое молчаніе прерывалось только движеніемъ экипажей и повозокъ; отъ времени до времени раздавались неистовые крики въ питейныхъ домахъ и харчевняхъ. Во всемъ городѣ оставалось не болѣе десяти тысячъ жителей ([15]).

Еще въ ночи съ 1-го на 2-е (съ 13-го на 14-е) сентября, двинулись чрезъ Москву обозы арміи; за ними, въ три часа утра, вошли чрезъ Драгомиловскую заставу въ городъ войска; Милорадовичъ съ аррієргардомъ остался на позиціи для удержанія

непріятеля. Солдаты полагали, что ихъ ведутъ окольнымъ путемъ противъ Французовъ: „Идемъ въ обходъ“, разсуждали они между собою. Но видя на каждомъ шагу отчаянныхъ, плачущихъ жителей, нельзя было долго заблуждаться, и воины, безтрепетно встрѣчавшіе тысячу смертей, шли уныло, какъ будто стыдясь оставить безъ защиты священный городъ ([16]). Какъ 2-й сентября пришлось въ понедѣльникъ, то въ народѣ ходили мрачные толки о потерѣ Москвы; другіе, напротивъ того, предвѣщали, (и на сей разъ удачно), что Наполеону несдобровать на понедѣльничьемъ новосельѣ въ Москвѣ.

По мѣрѣ выхода изъ города, чрезъ Коломенскую заставу, войска располагались на привалѣ, по сторонамъ дороги. Кутузовъ приказалъ „провести себя чрезъ Москву такъ, чтобы ни съ кѣмъ не встрѣтиться“, проѣхалъ верхомъ отъ Арбатскихъ воротъ, вдоль бульваровъ, къ Яузскому мосту, и миновавъ заставу, сѣлъ на скамейку, близъ самой дороги, у старообрядческаго кладбища. Тамъ онъ получилъ донесеніе изъ арріергарда, объ условіи, заключенномъ Милорадовичемъ, коимъ обезпечивалось отступленіе нашей арміи чрезъ Москву, и отправился по рязанской дорогѣ, приказавъ идти за собою войскамъ, успѣвшимъ миновать заставу ([17]). Между тѣмъ, Барклай, у Яузскаго моста, пропускалъ мимо себя войска и удерживалъ ихъ въ порядкѣ. Въ этотъ день онъ оставался на конѣ восьмнадцать часовъ сряду, разославъ по всему городу своихъ адъютантовъ съ казачьими командами, для ускоренія марша войскъ и для сбора отсталыхъ ([18]). Геройская неустрашимость въ битвѣ при Бородинѣ и благоразумныя распоряженія при отступленіи чрезъ Москву помирили Барклая съ арміею, но народъ, въ слѣпой ненависти ко

всѣмъ носившимъ иностранное имя, не переставалъ подозрѣвать его въ измѣнѣ.

Положеніе нашего арріергарда, оставленнаго въ виду Французовъ, впереди Москвы, было весьма затруднительно. Непріятель могъ, преслѣдуя его по извилистымъ улицамъ города, не только отрѣзать часть нашей арміи, еще не достигшую Коломенской заставы, но захватить множество обозовъ въ Москвѣ. Чтобы обезпечить отступленіе главныхъ силъ, Милорадовичъ завелъ переговоры съ Мюратомъ, требуя, чтобы нашимъ войскамъ было предоставлено свободное выступленіе изъ Москвы, и угрожая, въ противномъ случаѣ, драться до послѣдняго человѣка и не оставить въ городѣ камня на камнѣ. Военная слава Милорадовича, знакомаго многимъ французскимъ генераламъ, и желаніе непріятеля овладѣть Москвою, гдѣ Французы думали найти груды золота, и успокоиться отъ трудовъ тяжкаго похода, все это расположило Мюрата къ сговорчивости и способствовало нашей арміи отступить въ порядкѣ со множествомъ казенныхъ и частныхъ обозовъ ([19]). Утвердительно можно сказать, что хотя нѣкоторые изъ нашихъ тогдашнихъ генераловъ превосходили военными способностями Милорадовича, однакоже никто изъ нихъ не могъ исполнить такъ успѣшно, какъ онъ, порученіе Кутузова — обезпечить выступленіе арміи изъ Москвы.

Заключивъ условіе съ Мюратомъ, Милорадовичъ поспѣшилъ съ аванпостовъ къ своей пѣхотѣ уже вошедшей въ городъ. Подъѣзжая къ Кремлю, онъ встрѣтилъ командира московскаго гарнизоннаго полка генералъ-лейтенанта Брозина, съ двумя баталіонами, шедшими съ музыкою. Со всѣхъ сторонъ раздавались упреки: „Какой это измѣнникъ радуется нашему несчастію?“ — говорили и солдаты, и жители.

Милорадовичъ, подъѣхавъ къ Брозину, непостигавшему сдѣланнаго имъ промаха, закричалъ во весь голосъ: „какой к...... приказалъ вамъ идти съ музыкою?“ Брозинъ простодушно отвѣчалъ: „Если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкою: такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго“.—„Да развѣ есть въ рагламентѣ что-либо о сдачѣ Москвы? — вскричалъ Милорадовичъ.—Прикажите замолчать вашей музыкѣ“ ([20]). Получивъ, вслѣдъ за тѣмъ, отъ парламентера, посланнаго въ непріятельскій авангардъ, донесеніе о согласіи Мюрата на свободное выступленіе нашихъ войскъ, Милорадовичъ сказалъ: „Видно Французы очень желаютъ занять Москву“.

Самъ Наполеонъ, въ два часа по полудни, взъѣхавъ на Поклонную гору и будучи пораженъ величественнымъ зрѣлищемъ древней столицы русскаго царства, не могъ скрыть своего нетерпѣнія. „La voilà donc enfin cette fameuse ville! il était temps!“ (Такъ вотъ наконецъ этотъ знаменитый городъ! Да и пора уже!). За тѣмъ, соскочивъ съ коня, онъ долго разсматривалъ въ зрительную трубку, какъ самую столицу, такъ и окрестности, распрашивалъ о положеніи важнѣйшихъ пунктовъ хорошо знавшаго Москву Лелорня (Lelorgne) и наконецъ пушечнымъ выстрѣломъ подалъ сигналъ войскамъ двинуться къ городу. Мюратъ устремился къ Драгомиловской заставѣ, Понятовскій къ Калужской, Вице-король къ Тверской. Какъ бурныя волны, хлынули, впередъ тысячи воиновъ съ восклицаніями: Vive l'Empereur! Кавалерія скакала во весь опоръ; пѣхота пустилась бѣгомъ. Топотъ лошадей, звукъ оружія, говоръ солдатъ, смѣшались въ ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся столбомъ пыли, и въ нѣсколько минутъ Наполеонъ съ головными колоннами своей арміи уже

былъ у Драгомиловской заставы. Тамъ ожидалъ онъ найти депутацію съ мольбою о пощадѣ города, но, вмѣсто того, получилъ отъ высланныхъ впередъ офицеровъ донесеніе объ оставленіи Москвы ея жителями. „Moscou déserte! Quel événement invraisemblable. Il faut y pénétrer. Allez et amenez moi les boyards", (Москва опустѣла! Это невѣроятно. Надобно удостовѣриться въ томъ. Ступайте туда и приведите мнѣ бояръ), сказалъ онъ графу Дарю, отправляя его въ городъ ([21]).

Но какъ бояръ не нашлось, то, вмѣсто ихъ, собрали нѣсколько иностранцевъ, которые подтвердили вѣсть объ оставленіи Москвы почти всѣми ея жителями. Наполеонъ, неудостоивъ ихъ ни однимъ словомъ, въѣхалъ въ Драгомиловское предмѣстье и расположился тамъ со всею свитою, въ нѣсколькихъ домахъ. Мортье былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, а генералъ Дюронель комендантомъ столицы; Лессепсу, бывшему французскому консулу въ Петербургѣ, поручено исполнять должность интенданта московской провинціи. Тогда-же предписано Мюрату, съ кавалеріей Себастіани и Латуръ-Мобура, преслѣдовать неотступно русскую армію, а маршалу Мортье, съ Молодою гвардіей, занять Кремль. Прочія французскія войска расположились внѣ города ([22]).

Наполеонъ, переночевавъ въ Драгомиловскомъ предмѣстьѣ, перенесъ свою главную квартиру, утромъ 3 (15) сентября, въ Кремль, гдѣ занялъ для себя покои дворца, обращенные къ рѣкѣ Москвѣ. Съ самаго вступленія Французовъ въ городъ, начались пожары; приказано было тушить ихъ, но огонь, погашенный въ одномъ мѣстѣ, появлялся въ другомъ; нѣсколько человѣкъ, пойманныхъ съ горючими веществами, показали, что имъ это было приказано отъ полиціи. Въ послѣдствіи нѣкоторые изъ нихъ,

уличенные въ зажигательствѣ, по приговору французской военно-судной коммисіи, были разстрѣляны ([23]). Въ ночи съ 3-го (15-го) на 4-е (16-е), огонь, гонимый сильнымъ вѣтромъ, подобно бурному потоку, обхватилъ большую часть города, и на слѣдующій день достигъ Кремля. Загорѣлись конюшни близъ дворца, запылала арсенальная башня. Нѣсколько головней, унесенныхъ вихремъ, упали на дворъ, гдѣ тогда стояло болѣе четырехъ сотъ зарядныхъ ящиковъ. Судьба Наполеона зависѣла отъ одной искры, но онъ какъ будтобы не вѣрилъ, чтобы для него лично могла существовать опасность. Съ большимъ лишь трудомъ уговорили его переѣхать въ Петровскій дворецъ, окруженный биваками 4-го пѣхотнаго корпуса ([24]). Въ продолженіи двухъ сутокъ, пожаръ свирѣпствовалъ во всей силѣ, а грабежъ довершилъ бѣдствія жителей, лишенныхъ крова, едва одѣтыхъ и обутыхъ, искавшихъ по огородамъ скудной пищи. Иностранцы, приведенные въ нищету, собирались къ Петровскому дворцу просить о помощи; Русскіе уходили изъ города, подвергаясь подозрѣнію въ шпіонствѣ. 6-го (18-го) сентября, когда большая часть Москвы представляла взору дымящіяся развалины и обгорѣлые остовы каменныхъ строеній, и когда огонь сталъ утихать отъ недостатка для себя пищи и проливнаго дождя, Наполеонъ, узнавъ, что Кремль остался въ цѣлости, возвратился туда. На пути въ Москву, между рядами биваковъ, онъ видѣлъ странную смѣсь роскоши съ крайнею нуждою. У костровъ, сложенныхъ изъ дорогой мебели, изорванныхъ книгъ и картинъ, исколотыхъ въ щепы иконъ, варилась въ котлахъ конина; подъ голымъ небомъ, валялись головы сахара, мѣшки съ кофеемъ, а хлѣба не было. Наполеонъ, встрѣчая на каждомъ шагу слѣды грабежа и вандализма, и желая сохра-

нить остававшіеся въ городѣ запасы, запретилъ отпускать въ Москву солдатъ, кромѣ командъ наряжаемыхъ за добычею (à la maraude), снабженныхъ свидѣтельствами отъ своихъ начальниковъ. Эта мѣра нѣсколько уменьшила бродяжничество и насилія, но не принесла большой пользы войскамъ, потому что высылаемыя отъ нихъ команды, не имѣя опредѣленныхъ раіоновъ для фуражировокъ каждой части, шатались по всему городу и истребляли запасы, которые моглибы въ послѣдствіи послужить въ пользу арміи; по прежнему, на бивакахъ встрѣчались бокъ-о-бокъ изобиліе съ голодомъ, и весьма часто фуражиры, возвращаясь изъ Москвы съ тяжелою ношею дорогихъ винъ, не привозили ни мяса, ни хлѣба. Въ особенности-же былъ чувствителенъ недостатокъ въ фуражѣ, отъ котораго, въ продолженіи пяти-недѣльной стоянки, кавалерія и артиллерія пришли въ крайнее изнуреніе ([25]).

Сожженіе Москвы было нами приписано въ 1812 году Французамъ, которые, съ своей стороны, увѣряли, будтобы графъ Растопчинъ сжегъ Москву по приказанію русскаго правительства. Въ настоящее время, не подлежитъ сомнѣнію, что московскій пожаръ не былъ исключительно дѣломъ Растопчина, хотя онъ не одинъ разъ говорилъ и писалъ, что если нельзя отстоять столицу, то надлежало, слѣдуя русскому правилу — *не доставайся злодѣю,* обратить ее въ пепелъ ([26]). И если Растопчинъ не исполнилъ своего намѣренія, или исполнилъ его только отчасти, то единственно по недостатку времени. По крайней мѣрѣ, онъ сдѣлалъ все, что только зависѣло отъ него для достиженія своей цѣли: приказалъ увезти пожарные инструменты; поручилъ полицейскимъ служителямъ, оставленнымъ въ городѣ, зажечь его; послалъ одного изъ слѣдственныхъ приставовъ съ

командою на винный и мытный дворы, въ коммисаріатъ и на барки, приказавъ, по вступленіи непріятеля въ Москву, жечь казенные и частные запасы ([27]). Безпорядокъ, господствовавшій въ городѣ, былъ причиною новыхъ пожаровъ: и свои и чужіе, грабили и поджигали домà, ходили по чердакамъ и подваламъ со свѣчами, факелами, зажженною лучиною, раскладывали на дворахъ большіе костры для варенія пищи. Случалось и то, что Москвичи съ умысломъ жгли свои домы ([28]). Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы пожаръ Москвы былъ преднамѣреннымъ подвигомъ ея жителей. Стольже нелѣпо приписывать его исключительно Наполеону и Французамъ. Напротивъ того, Наполеонъ приказывалъ тушить огонь и пересталъ заботиться о томъ только тогда, когда всѣ его усилія оказались напрасны. Въ эпоху нашествія Французовъ, Русскіе, видя гибель мирныхъ гражданъ, поруганіе своихъ женъ и дочерей, грабежъ и оскверненіе Божіихъ храмовъ, обвиняли непріятелей въ разрушеніи священной для насъ первопрестольной столицы. Вся Россія, движимая местью, ополчилась какъ одинъ человѣкъ. Война сдѣлалась народною. Непріятель полагалъ, что потеря Москвы поселитъ въ Русскихъ страхъ, уныніе, наклонность къ миру, и вмѣсто того встрѣтилъ твердость духа и готовность ко всевозможнымъ жертвамъ. Потерявъ Москву, мы уже не опасались никакой потери; для насъ только теперь начиналась война! ([29]).

Извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы впервые достигло Петербурга чрезъ какого-то помѣщика, которому однакоже никто не хотѣлъ вѣрить. Вслѣдъ за тѣмъ Государь получилъ отъ графа Растопчина, чрезъ Ярославль, слѣдующее донесеніе:

„Адъютантъ князя Кутузова привезъ мнѣ письмо,

въ коемъ онъ требуетъ отъ меня полицейскихъ офицеровъ, для сопровожденія арміи на рязанскую дорогу. Онъ говоритъ, что съ сожалѣніемъ оставляетъ Москву. Государь! Поступокъ Кутузова рѣшаетъ жребій столицы и Вашей Имперіи. Россія содрогнется, узнавъ объ уступленіи города, гдѣ сосредоточивается величіе Россіи, гдѣ прахъ вашихъ предковъ.

„Я послѣдую за арміею. Я все вывезъ: мнѣ остается плакать объ участи моего Отечества“ (30).

Императоръ Александръ, получивъ сіе донесеніе, послалъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго (Петра Михайл.) въ армію, съ слѣдующимъ рескриптомъ къ фельдмаршалу:

„Князь Михаилъ Ларіоновичъ! Съ 29-го августа не имѣю Я никакихъ донесеній отъ васъ. Между тѣмъ, отъ 1-го сентября, получилъ Я чрезъ Ярославль отъ московскаго главнокомандующаго печальное извѣщеніе, что вы рѣшились съ арміею оставить Мосвку. Вы сами можете вообразить дѣйствіе, какое произвело сіе извѣстіе, а молчаніе ваше усугублять Мое удивленіе. Я отправляю съ симъ генералъ-адъютанта князя Волконскаго, дабы узнать отъ васъ о положеніи арміи и о побудившихъ васъ причинахъ къ столь несчастной рѣшимости.

„7-го сентября 1812 года“ (31).

Два дня спустя, 9-го сентября, прибылъ въ Петербургъ присланный къ Государю Кутузовымъ, съ донесеніемъ о потерѣ Москвы, полковникъ Мишо. Императоръ Александръ, тогда находившійся на Каменномъ острову, услышавъ скорбную вѣсть, сказалъ: „Само Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ жертвъ, особенно отъ меня. Покоряюсь, его волѣ, но скажите: что̀ говорили войска, оставляя безъ выстрѣла мою древнюю столицу. Не замѣтили-ли

вы упадка въ ихъ духѣ?“ — „Позволите-ли мнѣ, какъ солдату, говорить Вашему Величеству откровенно?“ — „Я всегда требую искренности, но теперь прошу васъ: не скрывайте отъ меня ничего, скажите мнѣ чистосердечно всю истину.“ — „Государь! признаюсь, я оставилъ армію, отъ Кутузова до послѣдняго солдата, въ неописанномъ страхѣ....“ — „Чтò вы говорите? Неужели мои Русскіе сокрушены несчастіемъ?“ — „Нѣтъ, Государь, они только боятся, чтобы Вы, по добротѣ Вашего серца, не заключили мира, они горятъ желаніемъ сразиться и доказать Вамъ свою преданность!“

Государь, потрепавъ Мишò по плечу, сказалъ: „Вы облегчили мое сердце; вы меня успокоили. Возвратитесь въ армію, говорите моимъ вѣрноподданнымъ, вездѣ гдѣ вы будете проѣзжать, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвину всѣ средства моей Имперіи. Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но если судьбою и Промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду до сихъ поръ, — (показывая рукою на грудь свою)—и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить. Провидѣніе испытываетъ насъ; будемъ надѣяться, что оно насъ не оставитъ.“ При сихъ словахъ, Императоръ, крѣпко пожавъ руку посланнаго, продолжалъ: „Не забудьте, что я вамъ теперь говорю; можетъ-быть настанетъ время, когда мы вспомнимъ о томъ съ удовольствіемъ: Наполеонъ или я, я или онъ — но вмѣстѣ мы не можемъ

царствовать. Я узналъ его; онъ болѣе не обманетъ меня.“ — „Государь! — отвѣчалъ Мишо — Ваше Величество подписываете въ сію минуту славу Вашего народа и спасеніе Европы.“ — „Да исполнится предсказаніе ваше, сказалъ Александръ — подите отдыхать и будьте готовы возвратиться въ армію“ (32).

Императоръ Александръ, весьма озабоченный горестною вѣстью, замѣтилъ однакоже смущеніе полковника Мишо. Благодушный Монархъ, никогда не могшій видѣть равнодушно ничьей скорби, принялъ горячее участіе въ положеніи офицера, страдавшаго при исполненіи долга службы, и пожелавъ утѣшить его, послалъ Кутузову повелѣніе: „прислать Мишо съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ послѣ его пріѣзда послѣдующимъ“ (33).

Кутузовъ, въ донесеніи Государю объ оставленіи Москвы, писалъ, что, послѣ кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго, сраженія 26 августа, имѣя подъ своимъ начальствомъ совершенно разстроенную армію и будучи угрожаемъ обходами съ обоихъ фланговъ, онъ, по совѣщаніи съ первенствующими генералами, рѣшился, для спасенія остатковъ арміи, оставить Москву, откуда всѣ сокровища, арсеналъ и почти всѣ имущества, казенныя и частныя, вывезены, и ни одинъ дворянинъ тамъ не остался. Далѣе Кутузовъ писалъ о намѣреніи своемъ — совершить фланговое движеніе, для прикрытія Тулы, Брянска и плодороднѣйшихъ губерній, и для угроженія непріятельскому пути дѣйствій, на пространствѣ отъ Москвы до Смоленска. Донесеніе фельдмаршала оканчивалось слѣдующими словами: „Пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и движима извѣстною храбростію и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря Отечества.

Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска и съ тѣмъ разстроеннымъ совершенно состояніемъ войскъ, въ которомъ я оныя засталъ. Полковникъ Мишо объяснитъ Вашему Императорскому Величеству обстоятельнѣе положеніе дѣлъ" ([34]).

Одновременно съ донесеніемъ Кутузова, полковникъ Мишо доставилъ графу Аракчееву письмо генерала Беннигсена, въ которомъ онъ, изъявляя благодарность графу за полученіе, по его ходатайству, отъ Государя денежной награды, сообщалъ слѣдующія извѣстія:

„Я полагаю, что отдача (Abgabe) Москвы сдѣлала вліяніе въ С.-Петербургѣ. 1-го сентября, въ семь часовъ вечера, былъ собранъ Военный Совѣтъ, на которомъ рѣшено отдать Москву, что̀ немедленно и исполнено. Генералъ Барклай усерднѣе всѣхъ поддерживалъ это мнѣніе, увѣряя, что самъ Государь одобритъ его. Время покажетъ намъ, въ какой степени справедливо такое увѣреніе. Весьма желалъ-бы я довести до Монаршаго свѣдѣнія, что я никакъ не соглашался на сіе предложеніе, объясняя причины моего противорѣчія и поставляя на видъ всѣ вредныя послѣдствія мною предвидѣнныя. По принятіи мнѣнія Барклая, я оставилъ Совѣтъ. Кажется—князь Кутузовъ нынѣ убѣдился, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, и совѣтуется со мною на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій; надѣюсь, что наше положеніе вскорѣ поправится" ([35]).

Въ Петербургѣ поборники мира, Румянцовъ, Аракчеевъ, поддерживаемые Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, изъявляли сомнѣніе въ успѣхѣ борьбы съ Наполеономъ. Но Императоръ Александръ пребылъ непоколебимъ въ своемъ намѣреніи—отстаи-

вать до послѣдней крайности честь и славу Россіи. Дипломатическій агентъ Короля Сардинскаго, Де-Местръ, тогда находившійся въ Петербургѣ и считавшій все потерянным, писалъ: „Императоръ твердъ и не хочетъ слышать о мирѣ.“ (L'empereur tient bon et ne veut pas qu'on parle de paix) ([36]). Иностранные писатели увѣряютъ, будтобы знаменитый Штейнъ, въ роковую годину потери Москвы, поддерживалъ упавшій духъ Русскихъ ([37]), но этому противорѣчитъ общая недовѣрчивость къ иностранцамъ, тогда господствовавшая въ Россіи. Да и самъ біографъ Штейна отдаетъ полную справедливость рѣшимости нашего Государя, не упоминая, чтобы онъ былъ обязанъ тѣмъ прусскому министру.

„Потеря Москвы тяжела — писалъ Государь къ наслѣдному шведскому принцу — но она чувствительна болѣе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, нежели въ военномъ. Она даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости въ борьбѣ противъ угнетателя царствъ. Послѣ этой раны, всѣ прочія ничтожны. Повторяю Вашему Королевскому Высочеству торжественное увѣреніе, что нынѣ, болѣе нежели когда-либо, я и народъ, въ челѣ котораго нахожусь, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами Имперіи, нежели примириться съ Аттилою нашего времени. Раздраженный тѣмъ, что не нашелъ въ Москвѣ ни сокровищъ, къ обладанію коими стремился, ни мира, котораго достигнуть надѣялся, онъ сжегъ прекрасную столицу, теперь обращенную въ груду пепла и развалинъ“ ([38]).

Въ такомъ-же смыслѣ, исполняя волю Государя, отнесся генералъ-адъютантъ графъ Ливенъ къ прусскому канцлеру барону Гарденбергу. „Настаетъ время для Пруссіи — писалъ онъ — вооружиться противъ

общаго врага и склонить къ тому-же Австрію. Императоръ Александръ ведетъ войну собственно для того. чтобы, отстоявъ Россію, возстановить независимость германскихъ державъ. Для достиженія такой цѣли, необходимо, чтобы генералъ Іоркъ былъ снабженъ, на всякій случай, надлежащими инструкціями“ (39).

О занятіи непріятелемъ Москвы, по Высочайшему повелѣнію, было обнародовано, 8 сентября, объявленіемъ, въ которомъ Государь старался возбудить и укрѣпить духъ своихъ подданныхъ надеждою собственнаго спокойствія Россіи и независимости прочихъ народовъ.

Тогда-же были приняты мѣры предосторожности на случай движенія непріятеля къ петербургу. Отрядъ генерала Винцингероде, въ числѣ 3,200 человѣкъ кавалеріи (40), стоявшій на петербургской дорогѣ, у Клина, велѣно усилить: 1) тверскимъ ополченіемъ, въ числѣ до 13,000 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Тыртова; 2) нѣсколькими сотнями способныхъ къ казачьей службѣ ямщиковъ, собранныхъ генералъ-адъютантомъ Кутузовымъ съ ямовъ между Москвою и Вышнимъ Волочкомъ, и 3) восемью резервными баталіонами, которые долженъ былъ привести въ Тверь полковникъ Жемчужниковъ (41). Повелѣно составить въ Новгородѣ отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Новака, изъ всего новгородскаго ополченія, (кромѣ четырехъ тысячъ ратниковъ, поступившихъ въ корпусъ графа Витгенштейна), двухъ казачьихъ полковъ с.-петербургскаго ополченія, 2-го Морскаго полка и одной артиллерійской роты (42). Для вооруженія и снабженія войскъ Винцингероде и Новака, были назначены выписанные изъ Англіи 40,000 ружей и 50,000 пудовъ пороха.

Вмѣстѣ съ принятіемъ мѣръ для защиты Петербурга, сдѣланы были заблаговременно распоряженія для вывоза оттуда всего того, что̀ могло-бы сдѣлаться добычею непріятеля. Предписано собрать по тысячѣ обывательскихъ подводъ на каждой изъ станцій отъ Петербурга до Ярославля, и въ пособіе жителямъ новгородской губерніи наряжено по три тысячи подводъ съ губерній олонецкой и вологодской. Для отправленія-же тяжестей водою, покупали и нанимали суда въ Петербургѣ, Шлиссельбургѣ и другихъ мѣстахъ. На случай занятія непріятелемъ Петербурга зимою, усиливали укрѣпленія Кронштадта и предполагали отослать въ Англію стоявшій тамъ флотъ (43). Приготовленія къ вывозу изъ столицы казеннаго имущества не могли оставаться въ тайнѣ; многіе изъ петербургскихъ жителей озаботились о спасеніи своего имущества; другіе уѣзжали, либо готовились къ выѣзду. Безпрестанно ходили зловѣщіе слухи, о занятіи Французами Твери, о появленіи непріятеля въ Великихъ Лукахъ, и т. п. Правительство старалось разсѣять эти ложныя вѣсти, но сообщая о мѣрахъ принятыхъ для огражденія Петербурга отъ опасности, объявляло, что „положено единожды и твердо, (съ чѣмъ безъ сомнѣнія каждый Россіянинъ согласенъ), что какой-бы ни былъ успѣхъ непріятельскаго оружія, но прежде испить всю чашу бѣдствія, нежели поноснымъ миромъ предать Россію порабощенію“ (44).

---

4 (16) сентября, Кутузовъ съ главными силами арміи, сдѣлавъ два небольшихъ перехода по рязанской дорогѣ, перешелъ чрезъ рѣку Москву и расположилъ войска у селеній Боровскаго-моста и Кулакова. На слѣдующій день, фельдмаршалъ предпринялъ фланговое движеніе, о которомъ упомянулъ

въ донесеніи, посланномъ къ Государю съ полковникомъ Мишо. Первоначальную мысль этого маневра одни приписываютъ Толю, другіе — Беннигсену: во всякомъ случаѣ, для славы Кутузова достаточно и того, что онъ, умѣвъ оцѣнить достоинство этого соображенія, заблаговременно направилъ продовольственные запасы на калужскую дорогу, и исполнилъ фланговое движеніе такъ искусно, что непріятель совершенно потерялъ слѣдъ нашей арміи. 5 (17) сентября, Кутузовъ, оставя у Боровскаго-моста арріергардъ генерала Раевскаго, составленный изъ корпусовъ 7-го пѣхотнаго и 4-го кавалерійскаго генералъ-адъютанта Васильчикова, перешелъ на каширскую дорогу, а на слѣдующій день достигъ Подольска, на тульской дорогѣ, и 7 (19) далъ растахъ арміи: на всемъ маршѣ отъ Боровскаго-моста, войска, двигаясь по правому берегу Пахры, были прикрыты со стороны непріятеля теченіемъ этой рѣки. По ночамъ видно было зловѣщее зарево московскаго пожара. Арріергардъ слѣдовалъ за движеніемъ арміи, оставляя на путяхъ ведущихъ къ Москвѣ казачьи отряды, съ приказаніемъ — въ случаѣ появленія непріятеля, отступать по тѣмъ дорогамъ, на коихъ стояли, отвлекая его отъ нашей арміи. Главныя-же силы Кутузова перешли, 8 (20), по лѣвому берегу Пахры, къ селенію Горкамъ, на старой калужской дорогѣ, и на слѣдующій день опять переправясь на правый берегъ, расположились у Красной-Пахры. Для прикрытія арміи со стороны Москвы, были выдвинуты къ селенію Деснѣ, на старой-же калужской дорогѣ, ввѣренные Милорадовичу корпусы 8-й пѣхотный и 1-й кавалерійскій (поступившій, по болѣзни Уварова, подъ начальство генерала Меллера-Закомельскаго). Пѣхота Раевскаго расположилась

между старою калужскою и тульскою дорогами, а кавалерія Васильчикова — у Подольска ([45]).

Первоначальное преслѣдованіе нашей арміи, по занятіи Москвы Французами, было поручено генералу Себастіани, который съ своею кавалеріей двинулся по рязанской дорогѣ, переправился черезъ рѣку Москву и принявъ казачій отрядъ полковника Ефремова за арріергардъ русской арміи, шелъ за нимъ вслѣдъ до Бронницъ. Самъ Мюратъ, введенный въ заблужденіе извѣстіями изъ авангарда, остался въ Москвѣ, донеся Наполеону, что „русская армія разсѣялась, и что она состоитъ изъ однихъ лишь казаковъ". Но Наполеонъ судилъ иначе: какъ только получилъ онъ донесенія—съ одной стороны, что его авангардъ совершенно потерялъ изъ вида нашу армію, а съ другой, что казаки появились на можайской дорогѣ и нападали на шедшіе въ Москву транспорты, то выслалъ къ Подольску корпусъ Понятовскаго и приказалъ Мюрату преслѣдовать Русскихъ по пятамъ ([46]). Бессьеръ, съ сборнымъ корпусомъ, былъ посланъ по тульской дорогѣ и потомъ перешелъ на старую калужскую ([47]). Для охраненія-же можайской дороги былъ посланъ маіоръ Леторъ (Letort), съ нѣсколькими эскадронами, въ числѣ отъ 1,500 до 2,000 человѣкъ. Вслѣдъ затѣмъ были направлены изъ Москвы, по той-же дорогѣ, гвардейскіе драгуны и часть 4-го пѣхотнаго корпуса ([48]).

Нападеніе на французскій обозъ близъ Царева-Займища, распространившее сильную тревогу въ непріятельской арміи, было первымъ подвигомъ нашихъ партизановъ въ 1812 году: его предложилъ и исполнилъ искусный владѣть перомъ и саблею, Давыдовъ. Такому способу дѣйствій способствовали многія обстоятельства: участіе народа въ войнѣ, удальство русскихъ людей и знаніе мѣстности. Какъ

снѣгъ на голову, являлись наши партизаны тамъ, гдѣ ихъ вовсе не ожидалъ непріятель, и исчезали столь-же внезапно. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ сдѣлались народными. Въ числѣ ихъ былъ Фигнеръ, образованный офицеръ, смѣлый и хитрый воинъ. Ненавидя отъ всей души Наполеона и Французовъ, онъ готовился къ Отечественной войнѣ, какъ человѣкъ обрекшій себя смерти, ходилъ по церквамъ и усердно молился. Говорятъ, будтобы однажды какой-то дьячекъ, видя военнаго, въ мундирѣ изъ солдатскаго сукна, слезно молящагося на колѣнахъ предъ образомъ Св. Николая, подалъ Фигнеру гривну мѣдью, сказавъ ему: „Видно ты, служивый, терпишъ большую нужду. На, прими малую толику.“ — „На, прими большую толику“ отвѣчалъ Фигнеръ, давъ ему серебряный рубль. По занятіи непріятелемъ Москвы, Фигнеръ, съ разрѣшенія самаго фельдмаршала, отправился туда, днемъ ходилъ по городу, переодѣтый то во фракъ, то въ сермягу, пробирался въ домы занятые Французами, топилъ у нихъ камины и вывѣдывалъ, что̀ было нужно, а ночью, вооружалъ жителей, истреблялъ непріятелей и—какъ говорятъ—искалъ случая убить самаго Наполеона. По возвращеніи-же въ главную квартиру, Фигнеръ, съ однимъ изъ партизанскихъ отрядовъ, отправился въ окрестности Москвы и дѣйствовалъ тамъ съ изумительною смѣлостью, нерѣдко подъѣзжая одинъ, либо съ кѣмъ-либо изъ своихъ офицеровъ, къ непріятельскимъ колоннамъ, и окликая ихъ обычнымъ: Qui vive? (кто идетъ?) (49).

Фланговое движеніе съ рязанской на калужскую дорогу не только дало намъ возможность прикрыть Калугу, гдѣ были собраны значительные склады жизненныхъ припасовъ, и Тулу съ оружейными заводами, а равно южныя, богатыя средствами, области

Имперіи, но, кромѣ того, способствовало дѣйствовать на сообщенія непріятеля, тѣмъ болѣе, что смоленская дорога образуетъ изгибъ у Гжатска. Фельдмаршалъ, пользуясь тѣмъ, отрядилъ, 9 (21) сентября, по направленію къ Можайску, до двухъ тысячъ кавалеріи, подъ начальствомъ генералъ-маіора Дорохова, который, два дня спустя, истребилъ у Перхушкова обозъ, взорвалъ болѣе 50-ти зарядныхъ ящиковъ и захватилъ въ плѣнъ до трехъ сотъ человѣкъ ([50]).

Кутузовъ оставался у Красной-Пахры шесть сутокъ, съ 9-го (21-го) по 15-е (27-е) сентября. Туда прибылъ флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ, посланный Государемъ изъ Петербурга, 31 августа (12 сентября), съ общимъ планомъ военныхъ дѣйствій. На основаніи этого плана, предполагалось, чтобы русскія войска, дѣйствовавшія на флангахъ театра войны (на Двинѣ и на Западномъ Бугѣ), усилясь подкрѣпленіями, изгнали изъ Россіи стоявшаго противъ нихъ непріятеля и потомъ направились въ тылъ „Великой арміи“ Наполеона, атакованной въ тоже время съ фронта нашими главными силами.

Графъ Штейнгель, съ 15-ю тысячами человѣкъ, изъ числа войскъ стоявшихъ въ Финляндіи, долженъ былъ сдѣлать высадку въ Ревелѣ, двинуться къ Ригѣ и содѣйствовать графу Витгенштейну въ оттѣсненіи Макдональда и Сенъ-Сира, а потомъ расположиться при Вильнѣ и поддерживать Витгенштейна, которому надлежало овладѣть Полоцкомъ, отбросить Сенъ-Сира за Двину, и поручивъ дальнѣйшее преслѣдованіе его Штейнгелю, двинуться къ Докшицамъ, занять теченіе Улы и открыть сообщеніе съ Чичаговымъ. Одновременно съ тѣмъ, адмиралъ Чичаговъ, тогда уже прибывшій съ Дунайскою арміей на Волынь, долженъ былъ обойти князя Шварцен-

берга съ лѣваго фланга, оттѣснить его за Бугъ и оставить для наблюденія за нимъ у Несвижа Третью Резервную армію, а самому съ Дунайскою арміей обратиться къ Минску, усилиться корпусомъ Эртеля, стоявшимъ у Мозыря, и собравъ до пятидесяти тысячъ человѣкъ, занять теченіе Березины и войти въ связь съ графомъ Витгенштейномъ. Сосредоточеніе силъ въ тылу Наполеона предполагалось Государемъ въ половинѣ октября, но какъ Чернышевъ, на окольномъ пути въ главную квартиру арміи, потерялъ нѣсколько дней, то Кутузовъ, при выставленіи чиселъ въ Высочайшихъ повелѣніяхъ Чичагову, Витгенштейну и Штейнгелю, (которое было ему предоставлено), назначилъ сосредоточить арміи въ тылу непріятеля къ 20-му октября.

Императоръ Александръ, желая сохранить единство въ дѣйствіяхъ Дунайской и 3-й резервной армій, подчинилъ обѣ одному главнокомандующему — Чичагову, а Тормасова повелѣлъ отозвать въ главную квартиру фельдмаршала. По этому поводу, Кутузовъ, одновременно съ общимъ операціоннымъ планомъ, получилъ слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Приближеніе храброй Молдавской арміи къ соединенію съ 3-ею Западною и важность настоящихъ обстоятельствъ заставляютъ Меня обратить вниманіе на необходимость, чтобы одинъ начальникъ ими руководствовалъ. Изъ двухъ, Я, по искренности съ вами, нахожу способнѣе адмирала Чичагова по рѣшимости его характера. Но не хочу Я огорчить генерала Тормасова, и по тому нахожу приличнѣе вызвать его къ арміямъ вами предводительствуемымъ, какъ-бы по случаю раны князя Багратіона. По пріѣздѣ-же генерала Тормасова, отъ васъ будетъ зависѣть употребить его по вашему разсмотрѣнію, и убыль про-

испедшая въ достопамятномъ сраженіи подъ Бородинымъ во 2-й арміи можетъ вамъ служить предлогомъ уже не раздѣлять сихъ двухъ армій на-двое, а почитать за одну; тогда генералу Тормасову можете ввѣрить резервъ, или другую часть, по вашему лучшему усмотрѣнію. Сохраните сей рескриптъ въ тайнѣ, дабы не оскорбить впрочемъ весьма уважаемаго Мною генерала Тормасова" ([55]).

По достиженіи передовыми войсками непріятеля Бронницъ, Мюратъ убѣдился, что наша армія двигалась по другому направленію, и по тому, приказавъ Понятовскому идти къ Подольску, 12 (24) сентября, устремился туда-же со всею своею кавалерію, между тѣмъ какъ Бессьеръ подошелъ къ Деснѣ. Фельдмаршалъ, опасаясь быть обойденнымъ съ праваго фланга, отрядилъ на дорогу, ведущую въ тылъ нашей арміи отъ Подольска къ Черикову, графа Остермана, съ корпусами 4-мъ пѣхотнымъ и Сводным (2-мъ и 3-мъ) Корфа ([52]). Принявъ движенія непріятеля къ Деснѣ и Подольску за начало общаго наступленія наполеоновыхъ войскъ, Кутузовъ призвалъ на совѣщаніе главныхъ сподвижниковъ своихъ. Барклай де-Толли предложилъ оставаться на мѣстѣ, пока обнаружатся намѣренія непріятеля; Беннигсенъ, полагая, согласно съ Барклаемъ, что въ Подольскѣ находилась только часть французской арміи, и что Наполеонъ не могъ дѣйствовать главными силами по этому направленію, изъ опасенія быть отброшеннымъ отъ Москвы и Смоленска, совѣтовалъ, оставя авангардъ Милорадовича у Красной-Пахры, обратиться съ остальными войсками къ Подольску и атаковать непріятеля. Какъ фельдмаршалъ перѣшался ни на какое предпріятіе, котораго успѣхъ сколько-нибудь подлежалъ сомнѣнію, то полковникъ Толь предложилъ, въ ожиданіи прибытія

подкрѣпленій, занять такую позицію, гдѣ мы, прикрывая важные пункты: Калугу, Тулу и Брянскъ, не подвергались-бы обходу и сохранили-бы возможность дѣйствовать на сообщенія непріятеля. Расположась на старой калужской дорогѣ у Тарутина, гдѣ (по донесенію подполковника свиты Е. В. по квартирмейстерской части Гартинга), находилась хорошая позиція, мы могли преградить кратчайшую дорогу къ Калугѣ и находиться въ одномъ переходѣ отъ новой калужской дороги, ведущей на Боровскъ и Малоярославецъ; разстояніе отъ Тарутина до тульской дороги нѣсколько болѣе, но Наполеонъ не могъ направиться по ней, не подвергнувъ опасности собственныхъ сообщеній. Въ тактическомъ отношеніи, тарутинская позиція, не прикрытая важными мѣстными преградами и окруженная лѣсомъ, допускавшимъ скрытное наступленіе непріятеля, не представляла большихъ выгодъ; но эти неудобства могли быть отклонены укрѣпленіемъ позиціи и неусыпнымъ наблюденіемъ впереди лежащей мѣстности ([53]).

Отступая шагъ за шагомъ, наша армія, 20 сентября (2 октября), расположилась въ лагерѣ близъ Тарутина, за рѣкою Нарою. Авангардъ Милорадовича, угрожаемый наступленіемъ превосходныхъ силъ Мюрата, отошелъ за село Вороново, принадлежавшее графу Растопчину, гдѣ у него былъ построенъ великолѣпный замокъ. Наканунѣ и въ ночи гостили у него Беннигсенъ, Ермоловъ, Вильсонъ и другіе генералы главной квартиры. Съ разсвѣтомъ явилась депутація отъ жителей села къ Растопчину, съ просьбою о дозволеніи имъ оставить свои жилища, вмѣстѣ съ отступающими войсками, и переселиться въ одно изъ симбирскихъ имѣній графа, чтобы не достаться Французамъ. Получивъ согласіе Растопчина, всѣ жители, въ числѣ 1,700 душъ, мущинъ и жен-

щинъ, отъ мала до велика, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, выступили въ дальнѣйшій путь, единственно съ тѣмъ, что̀ успѣли захватить изъ своего имущества. Никто не плакалъ, не жаловался; „Господи! даруй нашему Государю побѣду“ и „помилуй Господи нашего барина“, говорили эти люди, терявшіе безъ ропота все свое достояніе. Самъ Растопчинъ зажегъ свой за̀мокъ, украшенный рѣдкими твореніями искусства, приказавъ прибить къ церковнымъ дверямъ слѣдующее объявленіе:

„J'ai embelli pendant huit ans cette campagne et j'y ai vécu heureux au sein de ma famille. Les habitans de cette terre, au nombre de mille sept cents vingt, la quittent à votre approche, et moi, je mets le feu à ma maison, pour qu'elle ne soit pas souillée par votre présence. Français, je vous ai abandonné mes deux maisons de Moscou, avec un mobilier d'un demi million de roubles; ici — vous ne trouverez que des cendres“.

(Восемь лѣтъ украшалъ я это село и въ немъ жилъ счастливо среди моей семьи. При вашемъ приближеніи, обыватели, въ числѣ 1,720, оставляютъ свои жилища, а я предаю огню домъ свой, чтобы онъ не былъ оскверненъ вашимъ присутствіемъ. Французы! Въ Москвѣ оставилъ я вамъ два дома и движимости на полмиліона рублей; здѣсь найдете только пепелъ) (54).

На слѣдующій день, 22 сентября (4 октября), арріергардъ Милорадовича, сражаясь на каждомъ шагу съ авангардомъ Мюрата, отошелъ за рѣчку Чернишну; а три дня спустя, Сводный и 4-й кавалерійскіе корпусы, въ числѣ до четырехъ тысячъ человѣкъ, и казаки Платова расположились между деревнями Глодовою и Леднею, въ видѣ авангарда арміи стоявшей въ тарутинскомъ лагерѣ (55). Со стороны Французовъ, Мюратъ, съ резервною кавале-

ріей, легкою конницею корпусовъ Даву и Нея, войсками Понятовскаго и пѣхотными дивизіями Клапареда и Дюфура, всего въ числѣ 26.500 человѣкъ, сталъ съ вечера 22 сентября (4 октября) на правомъ берегу Чернишны, въ 4-хъ верстахъ отъ Милорадовича и недалѣе 7-ми отъ фронта главныхъ силъ нашей арміи. Для поддержанія авангарда, Бессьеръ оставилъ дивизію Фридрихса и баварскую кавалерію у Воронова, а гвардейскіе уланы Кольбера стали между Подольскомъ и Москвою. Тогда-же Наполеонъ, имѣя въ виду занять большее пространство, для облегченія фуражировокъ, направилъ корпусъ Нея по владимірской дорогѣ, къ Богородску, а дивизію Дельзона (4-го корпуса) къ Дмитрову, на сѣверъ отъ Москвы ([56]).

Въ такомъ расположеніи оставались главныя силы обѣихъ сторонъ цѣлыя двѣ недѣли, съ 22-го сентября по 6-е октября (4—18 октября н. ст.).

ГЛАВА XXXVI.

Лагерь при Тарутинѣ и бой при Малоярославцѣ.

При вступленіи 22—24 сентября (4—6 сентября) въ Тарутинскій лагерь, русская армія, вмѣстѣ съ авангардомъ Милорадовича, считала въ рядахъ своихъ 2,379 штабъ и оберъ-офицеровъ и 83,260 нижнихъ чиновъ съ 622-мя орудіями; въ числѣ рядовыхъ находились 15,530 ратниковъ ополченія, частью вооруженнаго пиками, и 7,690 рекрутъ: слѣдовательно—старыхъ солдатъ было до 60-ти тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ 10 тысячъ кавалеріи. Кромѣ того, состояло при арміи нераспредѣленнаго по полкамъ рязанскаго ополченія 3,300 человѣкъ (1).

Еще при отступленіи отъ Красной Пахры, 16 (28) сентября, послѣдовала перемѣна въ организаціи нашихъ главныхъ силъ: 2-я армія присоединена къ 1-й и начальство надъ пѣхотными корпусами 2-мъ, 4-мъ, 6-мъ, 7-мъ и 8-мъ и кавалерійскими Меллера-Закомельскаго, Корфа и Васильчикова предоставлено Барклаю де-Толли, а резервъ, изъ пѣхотныхъ корпусовъ 3-го и 5-го и обѣихъ кирасирскихъ дивизій, порученъ Милорадовичу. Начальникомъ главнаго штаба арміи остался Ермоловъ; дежурнымъ генераломъ—Коновницынъ. Продовольствіе арміи, по Высочайшему по-

велѣнію, оставлено на попеченіи сенатора Ланскаго. Артиллерія ввѣрена генералъ-маіору Левенштерну; инженеры — генералъ-маіору Фёрстеру. Начальство надъ всею кавалеріей, кромѣ кирасировъ, вручено генералъ-адъютанту Уварову (2).

Къ сожалѣнію, князь Кутузовъ имѣлъ слабость завидовать вліянію въ арміи, пріобрѣтенному Барклаемъ де-Толли, на перекоръ враждебнымъ ему предубѣжденіямъ. Фельдмаршалъ выказывалъ къ нему уваженіе, но нерѣдко отдавалъ мимо его приказанія по ввѣреннымъ ему войскамъ, что̀ порождало большіе безпорядки. Еще до сраженія при Бородинѣ Барклай просился въ отставку (3). Въ другомъ письмѣ его къ Государю, находимъ: „Что касается лично до меня, покоряюсь безропотно моей участи, и какъ самое жаркое изъ моихъ желаній несбылось 26-го августа и Провидѣнію угодно было сохранить мою жизнь, которая мнѣ въ тягость, то мнѣ остается только умолять объ исполненіи просьбы, которую я имѣлъ счастіе повергнуть на благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества въ послѣднемъ письмѣ моемъ“ (4). Тогда-же Барклай писалъ къ женѣ своей: „положеніе мое таково, какъ будто Богъ обратилъ на меня весь гнѣвъ свой. За все усердіе мое къ службѣ моего Государя, за всѣ оказанныя мною Государству заслуги, вмѣсто благодарности, со мною поступлено самымъ возмутительнымъ образомъ. Не имѣя возможности оставаться на службѣ, я просился въ отставку, и буду считать величайшимъ благомъ, ежели мнѣ позволятъ провести остальные дни мои, на хлѣбѣ и водѣ, въ отдаленіи отъ породы змѣй, именуемыхъ людьми....“ (5). Получивъ отъ фельдмаршала увольненіе по болѣзни въ отпускъ, Барклай оставилъ армію. „Въ настоящее время всѣ противъ меня — сказалъ онъ на прощаньѣ подполковнику Ле-

венштерну.—Но придетъ пора, когда обсудятъ минувшее и отдадутъ мнѣ справедливость.... Охотно остался-бы я въ головѣ полка, котораго состою шефомъ, еслибы это было возможно. Но мое присутствіе возбуждаетъ раздоръ въ арміи, и я удаляюсь. Я сдѣлалъ свое дѣло. Моимъ памятникомъ остается стройное, снабженное всѣмъ нужнымъ, готовое къ бою войско; непріятель, стоящій противъ насъ, ослабленъ, приведенъ въ отчаянное положеніе; онъ въ нашихъ рукахъ“....... (6). Барклай де-Толли отправился въ Калугу; тамъ вѣрный своему долгу воинъ былъ встрѣченъ грубыми упреками черни въ измѣнѣ отечеству. Переѣхавъ во Владиміръ, онъ посѣтилъ тамъ графа Растопчина, и наконецъ удалился въ свое небольшое имѣніе Бекгофъ, лифляндской губерніи въ феллинскомъ уѣздѣ. Почти на всемъ пути своемъ, онъ слышалъ ропотъ на себя за потерю Москвы (7). По пріѣздѣ въ свою деревню, Барклай послалъ Государю записку, съ изложеніемъ своихъ дѣйствій, во все время командованія Первою Западною арміей. Императоръ Александръ удостоилъ огорченнаго полководца слѣдующимъ Собственноручнымъ отзывомъ:

„Я получилъ ваше письмо отъ 9 ноября. Должно-быть вы Меня очень мало знаете, если могли усомниться въ томъ, что вы имѣли полное право пріѣхать въ Петербургъ, не выжидая на то Моего разрѣшенія. Скажу вамъ даже, Я ожидалъ вашего пріѣзда, потому что душевно желалъ объясниться съ вами словесно. Но какъ вамъ не угодно было отдать полную справедливость Моему характеру, то Я постараюсь въ немногихъ словахъ объяснить вамъ Мой образъ мыслей, на счетъ вашъ и касательно совершившихся событій. Уваженіе и дружба, постоянно Мною вамъ оказываемыя, Мнѣ даютъ право говорить съ вами откровенно.

„Планъ дѣйствій, нами принятый, былъ един-

ственный, какъ полагаю доселѣ, планъ, который могъ обѣщать успѣхъ въ войнѣ противъ Наполеона, что̀ оправдалось на самомъ опытѣ; но онъ неизбѣжно долженъ былъ встрѣтить порицаніе въ народѣ, не обладающемъ глубокими свѣдѣніями въ военномъ искусствѣ и гордящемся легкими успѣхами, одержанными въ прежнихъ войнахъ надъ слабыми непріятелями, либо надъ плохими военачальниками. Такому народу трудно было освоиться съ планомъ дѣйствій, имѣвшимъ цѣлью завлечь противника внутрь страны. Надлежало заранѣе предвидѣть противодѣствіе, и Я былъ готовъ къ нему. Но необходимо было, въ тоже время, избѣгать тщательно всего, что̀ могло навлечь невыгодные толки, и въ этомъ отношеніи вы заслуживаете нѣкоторые упреки.

„Какъ только было рѣшено дѣйствовать по начертанному плану, то надлежало приготовить всѣ средства къ его исполненію. Мы имѣли на то довольно времени, но все-таки многое не было сдѣлано.

„Вскорѣ по прибытіи Моемъ въ Вильну, Я приказалъ вамъ отослать всѣ излишнія тягости полковъ, стоявшихъ постоянно на квартирахъ въ Литвѣ, но, несмотря на то, онѣ были отправлены не далѣе Нѣменчина, Свенцянъ, Вилькомира и Шавли, и отъ этого войска находились въ необходимости отступать съ огромными обозами. Нѣсколько разъ Я напоминалъ вамъ о построеніи необходимыхъ мостовъ; многіе изъ инженеровъ вѣдомства путей сообщенія находились при арміи, и со всѣмъ тѣмъ мосты, большею частью, находились въ самомъ плохомъ состояніи. Какъ только было рѣшено отступать, то слѣдовало, сообразно тому, отодвинуть назадъ госпитали, но, напротивъ того, Я, по прибытіи въ Вильну, нашелъ тамъ нѣсколько тысячъ больныхъ, о вывозѣ коихъ Я напоминалъ вамъ безпрестанно.

„Таковы упреки, которые, говоря откровенно, могу сдѣлать вамъ. Всѣ они произошли отъ единственной вашей ошибки: вы не довольно убѣждены въ томъ, что предписать и достигнуть исполненія— два дѣла совершенно разныя, и что для устраненія небрежности подчиненныхъ нѣтъ никакихъ средствъ, кромѣ дѣятельнаго надзора и безпрестанной повѣрки ихъ лицами заслужившими довѣріе.

„Ошибки князя Багратіона, имѣвшія послѣдствіемъ предупрежденіе его непріятелемъ въ Минскѣ, Борисовѣ и Могилевѣ, заставили васъ направиться къ Смоленску. Судьба способствовала намъ, сверхъ всякаго чаянія, соединить тамъ обѣ арміи. Настало время пріостановить отступленіе. Но недостатокъ въ свѣдѣніяхъ о непріятелѣ, котораго неблагопріятнымъ послѣдствіямъ вы подвергались въ продолженіе всей кампаніи, заставилъ васъ ошибочно двинуться къ Порѣчью противъ лѣваго крыла наполеоновой арміи, между тѣмъ какъ она сосредоточилась на правомъ флангѣ у Лядъ и перешла чрезъ Днѣпръ. Вы исправили эту ошибку, предупредивъ непріятеля въ Смоленскѣ. Но какъ обѣ наши арміи были сосредоточены на этомъ пунктѣ и вы имѣли намѣреніе принять въ послѣдствіи генеральное сраженіе, то не лучше-ли было рѣшиться на то у Смоленска, нежели у Царево-Займища? Подъ Смоленскомъ, ваши войска находились въ лучшемъ устройствѣ, потому что они тогда еще не потерпѣли урона въ дѣлахъ 6-го, 7-го августа и въ послѣдующее время. Что-же касается до опасенія обхода съ фланга, то вы подвергались ему и у Царево-Займища, точно также, какъ вездѣ. Усердіе нашихъ войскъ подъ Смоленскомъ было-бы возбуждено до крайности тѣмъ, что они, сражаясь тамъ, защищали-бы первый древній русскій городъ.

„Потеря Смоленска произвела чрезвычайное прав-

ственное вліяніе во всей Имперіи. „Самый опытъ доказываетъ гибельныя послѣдствія этого плана—говорили порицатели вашихъ дѣйствій.—Россія подвергается неминуемой опасности,“ и какъ, къ сожалѣнію, всѣ исчисленныя Мною ошибки были очевидны, то Меня обвиняли въ томъ, будтобы Я жертвую спасеніемъ отечества изъ самолюбія, поддерживая избраннаго Мною главнокомандующаго. Москва и Петербургъ въ одинъ голосъ славили Кутузова, какъ единственнаго полководца, могшаго спасти Имперію. Въ подтвержденіе этихъ сужденій, толковали, что даже старшинство въ чинѣ надъ вами Тормасова, Багратіона и Чичагова, существенно вредившее успѣху военныхъ дѣйствій, могло быть устранено назначеніемъ Кутузова. Обстоятельства были весьма затруднительны. Столица подвергалась опасности и Мнѣ оставалось только согласиться съ общественнымъ мнѣніемъ, по предварительномъ обсужденіи вопроса въ комитетѣ, составленномъ изъ главныхъ сановниковъ Имперіи.

„Уступая ихъ мнѣнію, Я пожертвовалъ собственными убѣжденіями. Но Я хотѣлъ, чтобы вы сохранили возможность оправдать предъ лицомъ Россіи и Европы Мой выборъ, и доказать, что вы достойны командовать арміею. Я былъ увѣренъ, что вы охотно останетесь при войскахъ, чтобы стяжать вашею доблестью, подобно тому какъ при Бородинѣ, уваженіе даже вашихъ недоброжелателей. Вы неминуемо достигли-бы этой цѣли, еслибы остались при арміи. Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ и, по неизмѣнной Моей къ вамъ дружбѣ, былъ чрезвычайно опечаленъ извѣстіемъ о вашемъ отъѣздѣ. Несмотря на всѣ понесенныя вами непріятности, вы должны были оставаться, по тому что есть случаи, когда надлежитъ поставить себя выше всего въ мірѣ (Il fallait rester, car il y a

des cas où on doit se mettre au dessus de toute chose au monde).

„Убѣжденный въ томъ, что вы останетесь при войскахъ, Я уволилъ васъ отъ должности военнаго министра, потому что вамъ не слѣдовало занимать ее, находясь въ арміи, которою командовалъ главнокомандующій старшій васъ въ чинѣ. Къ тому-же Я узналъ на опытѣ, что начальство надъ арміею и должность военнаго министра, соединенныя въ одномъ и томъ-же лицѣ, превосходятъ его силы.

„Я никогда не забуду важныхъ услугъ, оказанныхъ вами Отечеству и Мнѣ, и остаюсь въ убѣжденіи, что вы окажете еще важнѣйшія. Хотя нынѣшнія обстоятельства весьма для насъ благопріятны, судя по положенію, въ которомъ находится непріятель, однако борьба еще не кончена; она представитъ вамъ возможность доказать ваши военныя способности, которымъ вообще уже отдаютъ справедливость“.... ([8]).

Получивъ это письмо, Барклай де-Толли отправился въ Петербургъ, но не засталъ тамъ Государя, который тогда уже отправился въ Вильну.

Въ продолженіи двухъ-недѣльной стоянки у Тарутина, русская армія значительно усилилась прибывшими къ ней подкрѣпленіями. Войска наши отдохнули и оправились, получая въ изобиліи все нужное изъ подмосковныхъ и южныхъ губерній. Не было недостатка ни въ чемъ, кромѣ дровъ, чт̀о заставило разобрать сперва кровли, а потомъ и избы во всѣхъ ближайшихъ селеніяхъ и въ самомъ Тарутинѣ. Главная квартира была перенесена въ Леташевку. Туда устремлялись взоры всей Россіи. Кутузовъ, котораго дни уже были сочтены, слабый тѣломъ, но бодрый

умомъ, оставаясь въ бездѣйствіи, разставлялъ сѣти непріятелямъ, гнѣздившимся въ Москвѣ. Онъ предвидѣлъ, что пребываніе Наполеона въ Москвѣ будетъ для него пагубно, и хотя скорбѣлъ душею о потерѣ священной для Русскихъ столицы, однакоже не торопился выжить оттуда Французовъ, а, напротивъ того, старался продлить самообольщеніе противника искусно распущенными слухами: о слабости русской арміи, будтобы состоявшей на половину изъ рекрутъ, объ упадкѣ дисциплины въ нашихъ войскахъ, объ удаленіи Платова, будтобы заподозрѣннаго въ измѣнѣ, и тому под. Вмѣстѣ съ тѣмъ, стали попадаться въ руки Французамъ нарочно подосланные курьеры съ донесеніями фельдмаршала Государю: о бѣдственномъ положеніи арміи, объ упадкѣ духа войскъ и общемъ желаніи мира, составляющаго будтобы единственное средство къ спасенію Имперіи (9).

Всѣ эти мѣры убаюкивали Наполеона и заставили его оставаться въ Москвѣ, въ ожиданіи мирныхъ предложеній Императора Александра. Наполеонъ надѣялся вѣрнѣе достигнуть этой желанной имъ цѣли, оставаясь въ угрожающемъ положеніи на развалинахъ Москвы, нежели выказавъ отступленіемъ несостоятельность своихъ усилій. Онъ ошибся въ оцѣнкѣ важнѣйшихъ данныхъ—характера Александра и духа русскаго народа, но неоставался въ бездѣйствіи. Въ особенности-же вниманіе Наполеона было обращено на труднѣйшую задачу его предпріятія—снабженіе арміи жизненными запасами. Какъ доставка провіанта изъ Ковна до Минска обходилась весьма дорого, то приказано было находившемуся въ Вильнѣ герцогу Бассано (Марè) покупать муку въ Минскѣ и заготовить ручныя мельницы, по образцу присланныхъ изъ Парижа, на которыхъ перемалы-

валось въ часъ до 30-ти фунтовъ зерноваго хлѣба. Тогда-же сдѣланы распоряженія для устройства на различныхъ пунктахъ большихъ складовъ одежды, аммуниціи и госпитальныхъ припасовъ. Но всѣ эти мѣры были безуспѣшны по неспособности и корыстолюбію лицъ, долженствовавшихъ привести ихъ въ исполненіе ([10]). Для ремонтированія кавалеріи и артиллеріи, было предписано генералъ-интенданту купить четырнадцать тысячъ лошадей и отпущено на сей-же предметъ посланному въ Вильно генералу Бурсьѐ четыре милліона франковъ ([11]). Для укомплектованія артиллеріи людьми, приказано выслать изъ Франціи двадцать двѣ роты. Нѣкоторыя изъ артиллерійскихъ батарей снабжены орудіями и зарядными ящиками изъ московскаго арсенала. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы всѣ зарядные ящики, найденные въ Москвѣ, были отданы въ армію и возились на крестьянскихъ лошадяхъ (l'on pourra les atteler avec des cognats), и чтобы въ московскихъ лабораторіяхъ ежедневно изготовлялось по шести тысячъ зарядовъ ([12]).

Появленіе русскихъ партизановъ на смоленской дорогѣ заставило Наполеона принять мѣры для обезпеченія сообщеній „Великой арміи". Обозы, отправляемые изъ Смоленска въ Москву, должны были двигаться подъ прикрытіемъ отрядовъ не менѣе полуторы тысячи человѣкъ. Маршалу Виктору, прибывшему съ корпусомъ въ Смоленскъ, предписано задерживать тамъ всѣ направленные къ арміи отряды и обозы, и собравъ изъ нихъ дивизію, въ числѣ отъ десяти до двѣнадцати тысячъ человѣкъ, съ двѣнадцатью орудіями и съ десяти-дневнымъ запасомъ провіанта, подъ начальствомъ генерала Барагѐ-д'Ильѐ, отправить, подъ прикрытіемъ ея, всѣ обозы, собранные въ Смоленскѣ, по новымъ путямъ, открытымъ въ параллельномъ направленіи къ опустошенной смо-

ленской дорогѣ ([13]). Въ послѣднее время пребыванія въ Москвѣ, Наполеонъ совѣщался съ генералъ-интендантомъ Дюма̀ о вывозѣ раненыхъ, а, между тѣмъ, ежедневно отправлялъ во Францію и другія подвластныя ему земли декреты о усиленіи его арміи новыми подкрѣпленіями, при чемъ, вѣроятно, для успокоенія Парижанъ, число этихъ подкрѣпленій показывалось въ газетахъ вдвое болѣе настоящаго. Съ такою-же цѣлью—отвлечь вниманіе парижскихъ зѣвакъ отъ зловѣщихъ слуховъ — онъ издалъ въ Москвѣ новое Положеніе о парижскихъ театрахъ. Въ Москвѣ, по приказанію Наполеона, были устроены два театра въ Кремлѣ и въ одномъ изъ частныхъ домовъ, но самъ Наполеонъ не посѣщалъ ни одного изъ нихъ, и вообще театры были пусты. „Panem et circenses!“ (хлѣба и зрѣлищъ въ циркѣ!) требовали Римляне, во времена господства Цезарей; Французамъ, въ Москвѣ, не имѣвшимъ хлѣба, было не до зрѣлищъ ([14]).

Самолюбіе Французовъ и зависть къ Россіи прочихъ народовъ приписывали уничтоженіе „Великой арміи“ русскому морозу. Конечно—дурныя дороги, проливные дожди, глубокій снѣгъ и зима, наступавшая нѣсколько ранѣе обычной поры, всѣ эти обстоятельства оказали вліяніе на судьбу наполеоновыхъ войскъ, но гибель ихъ уже была приготовлена стоянкою въ Москвѣ и довершена проводами отъ Малоярославца до Нѣмана. Еще до выступленія изъ Москвы, ослабили „Великую армію“ народная война и партизанскія дѣйствія.

Участіе русскаго народа въ отечественной войнѣ 1812 года проявилось во многихъ видахъ. Шестнадцать губерній выставили ополченіе, въ числѣ 220-ти тысячъ человѣкъ, и пожертвовали деньгами, припасами и поставками, на сумму 60 милліоновъ рублей. Изъ губерній, невошедшихъ въ составъ ополченія,

псковская пожертвовала болѣе 14-ти милліоновъ рублей, а прочія болѣе ста тысячъ человѣкъ (стрѣлковъ, казаковъ и ратниковъ) и до 25-ти милліоновъ рублей. Слѣдовательно—не смотря на нѣсколько наборовъ, сдѣланныхъ въ продолженіи 1811 и первой половины 1812 года, и на опустошеніе непріятелемъ многихъ областей Имперіи, Русскіе, по призыву своего Царя, выставили болѣе трехъ сотъ тысячъ воиновъ (въ числѣ коихъ пятьдесятъ тысячъ кавалеріи), и пожертвовали до ста милліоновъ рублей (15). Вся Россія, какъ одинъ человѣкъ, возстала въ защиту себя отъ нашествія почти всей остальной Европы; все свое находило сочувствіе въ русскихъ людяхъ 1812 года; все чужеземное было ими встрѣчаемо съ холодностью, съ отвращеніемъ. Да и не могло быть иначе: разноплеменныя войска Наполеона, предаваясь грабежу, насилію, святотатству, являлись въ понятіяхъ нашего народа чудовищами, отребіемъ человѣчества. Истреблять ихъ казалось столь-же естественно, какъ ходить на лютаго звѣря. Всякой, кто только могъ, вооружался чѣмъ попало, охотничьимъ ружьемъ, рогатиною, топоромъ, косою, вилами, дубиною, и даже женщины участвовали въ бранныхъ подвигахъ. Помѣщики и чиновники смоленской губерніи, Богуславскій, Нахимовъ, Емельяновъ, воинъ Екатерининскаго вѣка Храповицкій, Семичевъ и другіе, собравъ ополченія въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, истребили множество непріятелей. Нѣкоторые изъ русскихъ героевъ пали жертвами любви къ отечеству: въ числѣ ихъ были одними изъ первыхъ помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ. Отставной подполковникъ Энгельгардтъ, оставшись въ своей порѣченской деревнѣ, помогалъ казакамъ бить Французовъ, а чиновникъ Шубинъ, съ прибывшею въ Духовщину командою Казанскихъ драгунъ, напалъ

на непріятельскихъ мародёровъ и взялъ въ плѣнъ двадцать человѣкъ. Оба они были схвачены Французами, привезены въ Смоленскъ и преданы военному суду. Энгельгардтъ, приговоренный къ смертной казни, былъ разстрѣлянъ 15 октября. Когда его вывели за Малаховскія ворота, чтобы исполнить приговоръ суда, непріятели стали уговаривать его, чтобы онъ вступилъ во французскую службу, обѣщая ему въ награду измѣны чинъ полковника. Русскій дворянинъ съ презрѣніемъ отвергъ гнусное предложеніе. „Стрѣляйте въ меня!“ сказалъ онъ, сорвавъ платокъ, которымъ завязали ему глаза. Непріятели, нанеся ему рану въ ногу, предлагали пощадить его, если онъ согласится служить Наполеону; ни боль, терпимая страдальцемъ, ни льстивыя обѣщанія мучителей не могли поколебать великодушнаго Энгельгардта. Французы дали по нёмъ залпъ; пораженный тремя пулями, онъ продолжалъ дышать, пока одинъ изъ солдатъ, выстрѣливъ ему въ високъ, прекратилъ его страданія. Коллежскій ассесоръ Шубинъ, на предложеніе служить Наполеону, отвѣчалъ съ презрѣніемъ, изъявляя ненависть свою къ Французамъ, и также былъ разстрѣлянъ, 24 октября (16).

Императоръ Александръ, узнавъ о всѣхъ обстоятельствахъ геройской кончины Энгельгардта и Шубина, пожаловалъ пенсіи ближайшимъ роднымъ ихъ (17), а Императоръ Николай, въ проѣздъ чрезъ Смоленскъ, въ 1833 году, замѣтивъ надъ могилою Энгельгардта ветхій памятникъ, поставленный его братомъ, повелѣлъ соорудить, на счетъ казны, новый памятникъ, изъ чугуна.

Вторженіе непріятеля въ московскую губернію было встрѣчено столь же враждебно: жители уничтожали все, что̀ могло достаться въ добычу Французамъ, зажигали дома̀ свои и укрывались въ лѣсахъ,

гдѣ устроивали засады и откуда выходили, нападая на фуражировъ и мародёровъ, или — какъ выражались тогда крестьяне — на *міродёровъ*. Нерѣдко жители одного, либо нѣсколькихъ селеній, обязывались присягою стоять крѣпко другъ за друга и нещадить Французовъ. Малѣйшая угодливость непріятелю считалась измѣною. Случилось однажды — крестьяне какой-то деревни, устрашенные прибытіемъ французскаго отряда, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью. Вскорѣ послѣ того непріятель ушелъ, и крестьяне, принявшіе его съ честью, явились въ свою приходскую церковь къ божественной службѣ. Когда они вмѣстѣ съ прочими прихожанами стали подходить къ кресту, священникъ встрѣтилъ ихъ строгимъ укоромъ: „За чѣмъ вы здѣсь? — сказалъ онъ. — Вы не наши. Вы, предавъ православныхъ, приняли, какъ желанныхъ гостей, враговъ нашихъ“. Въ то время, наши добрые, гостепріимные крестьяне были недовѣрчивы до крайности. Во всѣхъ селеніяхъ, еще неоставленныхъ жителями, ворота были завалены бревнами и охраняемы карауломъ, вооруженнымъ вилами, топорами, кольями, а иногда и ружьями. Нерѣдко русскіе офицеры, принятые за иностранцевъ, были встрѣчаемы пущеннымъ съ размаха топоромъ, либо выстрѣломъ. По свидѣтельству Давыдова, крестьяне одной изъ медыньскихъ волостей истребили 60 казаковъ Тептярскаго полка, нечисто говорившихъ по русски ([18]).

Русское досужество создало своеобразные пріемы для сопротивленія непріятелю. На пунктахъ возвышенныхъ надъ окрестною мѣстностью выставлялись караулы, зорко слѣдившіе за Французами. Ежели непріятели являлись въ маломъ числѣ, то воины-поселяне старались окружить и схватить ихъ тихомолкомъ, чтобы необнаружить своего притона; при наступле-

ніи-же значительныхъ силъ, сторожевые подавали о томъ вѣсть въ ближайшее село; раздавался набатъ и со всѣхъ сторонъ сходились люди, вооруженные кто чѣмъ могъ, подъ начальствомъ отставныхъ офицеровъ, дворянъ, либо старшинъ избранныхъ крестьянами изъ среды своей. Иногда эти предводители обращались къ своимъ подчиненнымъ съ краткою рѣчью. Распоряженія къ бою были очень просты: люди, имѣвшіе ружья, занимали строенія, сады, рощи, и встрѣчали противника пальбою, а прочіе старались обойти его скрытно, и — горе врагамъ попавшимся въ руки раздраженныхъ воиновъ-поселянъ! Въ числѣ предводителей народныхъ дружинъ отличался врожденными способностями къ военному дѣлу крестьянинъ богородскаго уѣзда, вохненской волости, села Павлова, Герасимъ Куринъ, подъ начальствомъ котораго иногда собиралось до пяти тысячъ восьмисотъ человѣкъ, и въ числѣ ихъ пятьсотъ на коняхъ. Избранный начальникомъ Куринъ, *потому что онъ во всѣхъ дѣлахъ между крестьянами имѣлъ особливую расторонность и смѣлость*, убѣждалъ воиновъ-поселянъ: „постоять за отечество и за домъ Пресвятыя Богородицы, противъ непріятеля угрожавшаго сжечь всѣ селенія и содрать кожу со всѣхъ жителей“, устроивалъ засады и нечаянно нападалъ на Французовъ ([19]).

Напрасны были всѣ покушенія Наполеона потушить народное возстаніе. Напечатанное, по его повелѣнію, во многихъ экземплярахъ, и разосланное московскимъ генералъ-интендантомъ Лессепсомъ, воззваніе не поколебало вѣрности народа Царю и отечеству ([20]). Все мужское народонаселеніе, даже старики и слабые отроки, ополчились на защиту родной страны ([21]). Полевыя работы, возка курьеровъ и военныхъ тяжестей, исполнялись женщинами.

Нѣкоторыя изъ нихъ принимали участіе въ подвигахъ своихъ мужей и братьевъ: старостиха Василиса живетъ въ народныхъ преданіяхъ взятіемъ въ плѣнъ и доставкою въ Сычевки цѣлой непріятельской партіи. Кому неизвѣстна стольже образованная, даровитая, сколько и храбрая Надежда Андреевна Дурова, сражавшаяся на ряду съ героями 1812 года при Смоленскѣ и Бородинѣ? ([22]).

Французамъ народная война въ Россіи стоила дорого: въ одномъ боровскомъ уѣздѣ воины-поселяне истребили и взяли въ плѣнъ 3,500 человѣкъ ([23]). Не менѣе вреда нанесли непріятелю наши партизаны: Фигнеръ, Сеславинъ, Давыдовъ, князь Кудашевъ, Бенкендорфъ, и другіе, дѣйствовавшіе по всѣмъ путямъ ведущимъ къ Москвѣ. Однимъ изъ важнѣйшихъ подвиговъ, тогда совершенныхъ отдѣльными отрядами, былъ штурмъ Вереи. Кутузовъ, получивъ свѣдѣніе, что непріятель укрѣплялъ сей городъ, вѣроятно съ тою цѣлью, чтобы, утвердясь тамъ, прикрыть смоленскую дорогу отъ партизанскихъ налётовъ, приказалъ Дорохову, съ отрядомъ, въ числѣ до 2,500 человѣкъ, и восемью орудіями, идти чрезъ Боровскъ къ Вереѣ и разрушить сооруженныя тамъ укрѣпленія. Ему-же былъ подчиненъ отрядъ князя Вадбольскаго, состоявшій изъ Маріупольскаго гусарскаго полка и пятисотъ казаковъ ([24]). Достигнувъ Боровска, 27-го сентября (9 октября), Дороховъ оставилъ тамъ часть отряда для прикрытія сообщеній съ арміей, выслалъ сильныя партіи для отрѣзанія непріятельскихъ войскъ, занимавшихъ Верею, отъ Москвы и Можайска, и двинулся далѣе. У деревни Волченки, въ трехъ верстахъ отъ Вереи, отрядъ сложилъ ранцы и переправясь черезъ Протву, подошелъ къ Вереѣ, 28-го (10 октября), еще до разсвѣта. Городъ, лежащій на высотѣ, былъ обне-

сенъ валомъ съ палисадомъ и занятъ вестфальскимъ баталіономъ. Пятеро верейскихъ жителей, отставной солдатъ и четверо мѣщанъ служили проводниками. Войскамъ было приказано идти тихо и атаковать непріятеля безъ выстрѣла штыками. Гарнизонъ кинулся къ ружью уже тогда, когда наша пѣхота ворвалась въ городъ, но оборонялся довольно упорно, открывъ сильную пальбу изъ домовъ и церкви; часть его была истреблена; остальныя 14 офицеровъ и 350 нижнихъ чиновъ положили оружіе; отбито знамя. По взятіи города, показался со стороны Можайска непріятельскій отрядъ, изъ трехъ баталіоновъ и четырехъ эскадроновъ, съ нѣсколькими орудіями, но не отваживишись вступить въ бой, отошелъ обратно. Потеря войскъ Дорохова не превосходила тридцати человѣкъ. Нѣсколько сотъ воиновъ-поселянъ, подъ начальствомъ священника села Дубровы, Іоанна Скабеева, срыли построенныя непріятелемъ укрѣпленія. Генералъ Дороховъ, раздавъ жителямъ отбитыя у вестфальцевъ ружья и найденные въ городѣ съѣстные припасы, перешелъ, по приказанію фельдмаршала, къ селу Каменскому и расположился вблизи непріятельскаго авангарда ([25]).

Трудно сказать, сколько „Великая армія“ потеряла людей въ продолженіи московской стоянки, но объ этомъ можно вывести заключеніе изъ донесенія Государю князя Кутузова, въ которомъ упоминается, что отрядами, высланными отъ главныхъ силъ, съ 9-го по 19-е сентября, захвачено въ плѣнъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Генералъ Вонцингероде, стоявшій съ отрядомъ у Клина, доносилъ, что его партизаны, съ 10-го по 29-е сентября взяли въ плѣнъ болѣе полуторы тысячи человѣкъ ([26]). Непріятель былъ принужденъ, для добыванія жизненныхъ припасовъ, посылать значительные отряды, и

даже придавать имъ артиллерію; отъ этого войска, расположенныя въ окрестностяхъ Москвы, не имѣли покоя и терпѣли недостатокъ въ провіантѣ, и еще болѣе въ фуражѣ. Каждый день стоилъ Французамъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Не имѣя ни хлѣба, ни мяса, солдаты стрѣляли воронъ, ѣли кошекъ и павшихъ лошадей своихъ. Еще большую нужду терпѣли войска, стоявшія въ авангардѣ на рѣчкѣ Чернишнѣ. Если случалось имъ найти рожь, или пшеницу въ зернѣ, то они варили изъ него похлебку, замѣняя соль порохомъ, а сало — сальными свѣчьми. Отъ голода и дурной пищи появилось въ арміи множество больныхъ лихорадками, тифомъ и желудочнымъ разстройствомъ; нѣкоторыми изъ солдатъ, и въ особенности изъ новобранцевъ овладѣла тоска по родинѣ (nostalgie), доводившая ихъ до самоубійства. Вообще врачи рѣдко прибѣгали къ противовоспалительному способу леченія, и напротивъ того почти всегда лечили укрѣпляющими средствами ([27]).

Несмотря на всѣ бѣдствія, угнетавшія „Великую армію", Наполеонъ оставался въ Москвѣ, потому что дальнѣйшее наступленіе не представляло ему никакой вѣроятности успѣха, а отступить назадъ — значило сознаться въ неудачѣ похода въ Россію. Сначала онъ надѣялся, что занятіе его войсками нашей древней столицы окажетъ на Императора Александра и на весь народъ русскій такое-же вліяніе, какое имѣло занятіе прочихъ столицъ Французами, и что наше правительство поспѣшитъ открыть переговоры. Но время проходило, а съ нашей стороны не было мира и въ поминѣ. Наконецъ, уже черезъ двадцать дней по занятіи Москвы, Наполеонъ рѣшился изъявить готовность къ прекращенію войны, и съ этою цѣлью хотѣлъ послать Коленкура въ Петербургъ, но Коленкуръ, зная, что его не примутъ, отклонилъ

отъ себя это порученіе. Наполеонъ, все еще надѣясь достигнуть своей цѣли чрезъ переговоры съ Кутузовымъ, приказалъ, 22 сентября (4 октября), Мюрату написать къ начальнику русскаго авангарда, что: „Императоръ, имѣя намѣреніе послать одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ къ главнокомандующему Кутузову, желаетъ знать, когда и гдѣ онъ можетъ быть принятъ“. Кутузовъ приказалъ пригласить французскаго парламентёра, генерала Лористона, въ свою главную квартиру, на другой день, когда уже совершенно смерклось. Между тѣмъ наши войска получили приказаніе расположиться на болѣе обширномъ пространствѣ, развести большіе огни и варить кашу съ мясомъ, котораго у нихъ было вдоволь; во всѣхъ полкахъ пѣли пѣсни и играла музыка. Проѣхавъ, вмѣстѣ съ княземъ Волконскимъ чрезъ весь лагерь, Лористонъ прибылъ въ Леташевку, гдѣ была приготовлена изба для предстоявшаго свиданія. Фельдмаршалъ, впервые по прибытіи въ армію, надѣвъ мундиръ, пригласилъ къ себѣ въ избу Лористона и бесѣдовалъ съ нимъ безъ свидѣтелей.

Изъ донесенія Государю князя Кутузова, видно, что, прежде всего, Лористонъ сталъ говорить съ нимъ о размѣнѣ плѣнныхъ, и получивъ отказъ, перешелъ къ опустошенію страны и пожару Москвы, жалуясь на озлобленіе, съ которымъ велась война, и на неслыханно-жестокое обращеніе жителей съ плѣнными Французами, и предлагая нашему главнокомандующему принять мѣры для прекращенія варварскихъ поступковъ, несовмѣстныхъ съ обычнымъ способомъ веденія войны у всѣхъ просвѣщенныхъ націй.

Кутузовъ отвѣчалъ, что „ежелибы даже онъ и желалъ измѣнить образъ мыслей въ народѣ, то не

могъ-бы успѣть въ томъ, потому что Русскіе считаютъ эту войну вторымъ нашествіемъ Татаръ, и онъ не въ состояніи перемѣнить понятія цѣлаго народа". За тѣмъ Лористонъ, обратясь къ истинной цѣли даннаго ему порученія, сталъ говорить о мирѣ. „Эта война, необыкновенная, неслыханная, должна-ли продолжаться вѣчно? — сказалъ онъ. — Государь мой искренно желаетъ положить предѣлъ враждѣ между двумя великими народами, и положить его навсегда". Кутузовъ отвѣчалъ: „не имѣю на то никакого наставленія; при отправленіи меня къ арміи и названія мира ни разу не упомянуто. Впрочемъ, всѣ сіи слова, отъ васъ мною слышанныя, происходятъ ли они изъ собственнаго вашего сужденія, либо имѣютъ источникъ свыше, я, ни въ какомъ случаѣ, передать своему Государю не желаю. Я подвергъ-бы себя проклятію потомства, еслибъ сочли, что я подалъ поводъ къ какому-бы то ни было примиренію; таковъ, въ настоящее время, образъ мыслей нашего народа". За тѣмъ Лористонъ вручилъ Кутузову письмо наполеоново, служившее полномочьемъ для открытія переговоровъ „о многихъ важныхъ предметахъ" (de plusieurs objets intéressants), и изъявивъ намѣреніе своего Государя — послать его, съ этою цѣлью, въ Петербургъ, просилъ фельдмаршала исходатайствовать согласіе на то Императора Александра, и въ ожиданіи отвѣта заключить перемиріе. Кутузовъ обѣщалъ донести Государю о желаніи Наполеона, но отказалъ въ перемиріи. Лористонъ вызывался ѣхать въ Петербургъ, не выжидая разрѣшенія Государя, но фельдмаршалъ отклонилъ и это предложеніе, сказавъ, что онъ передастъ о всемъ ему сообщенномъ Государю чрезъ князя Волконскаго, который на слѣдующій-же день отправится въ Петербургъ. За тѣмъ главнокомандующій,

приказавъ позвать къ себѣ Волконскаго, повторилъ при немъ все сказанное прежде о народной войнѣ. „Государь запретилъ мнѣ даже произносить слова: миръ и перемиріе — сказалъ главнокомандующій.— Спросите у князя Волконскаго: онъ присланъ сюда подтвердить мнѣ сію Монаршую волю“. Лористонъ намекнулъ, что Волконскій могъ-бы проѣхать короче чрезъ Москву. Кутузовъ не согласился. „Не лучше-ли послать фельдъегеря? Онъ доѣдетъ скорѣе“ — сказалъ Лористонъ. Но фельдмаршалъ и въ томъ отказалъ ему ([28]).

Императоръ Александръ, еще до полученія донесенія Кутузова, о свиданіи съ Лористономъ, требовалъ, чтобы немедленно были открыты рѣшительныя дѣйствія противъ непріятельской арміи. „На вашей отвѣтственности будетъ — писалъ Государь фельдмаршалу — если непріятель будетъ въ состояніи отрядить значительную часть силъ къ Петербургу, гдѣ осталось немного войскъ, между тѣмъ какъ вы, со ввѣренною вамъ арміею, дѣйствуя рѣшительно и дѣятельно, можете отклонить это несчастіе. Вспомните, что вы еще должны отвѣчать оскорбленному отечеству за потерю Москвы“....... ([29]). За тѣмъ, получивъ донесеніе Кутузова, Императоръ изъявилъ ему свое неудовольствіе въ слѣдующемъ рескриптѣ:

„Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Изъ донесенія вашего, съ княземъ Волконскимъ полученнаго, извѣстился Я о бывшемъ свиданіи вашемъ съ французскимъ генералъ-адъютантомъ Лористономъ.

„При самомъ отправленіи вашемъ къ ввѣреннымъ вамъ арміямъ, изъ личныхъ Моихъ съ вами объясненій, извѣстно вамъ было твердое и настоятельное желаніе Мое устраняться отъ всякихъ переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ.

„Нынѣ-же, послѣ сего происшествія, долженъ съ тою-же рѣшимостію повторить вамъ: дабы сіе принятое Мною правило, было во всемъ его пространствѣ строго и непоколебимо вами соблюдаемо.

„Равнымъ образомъ, съ крайнимъ неудовольствіемъ Я узналъ, что генералъ Беннигсенъ имѣлъ свиданіе съ Королемъ Неаполитанскимъ, и еще безъ всякой къ тому побудительной причины.

„Поставляя ему на видъ сей несовмѣстный поступокъ, требую отъ васъ дѣятельнаго и строгаго надзора, дабы и прочіе генералы никогда не имѣли никакихъ свиданій, а кольми паче подобныхъ переговоровъ съ непріятелемъ, стараясь всемѣрно избѣгать оныхъ.

„Всѣ свѣдѣнія отъ Меня къ вамъ доходящія и всѣ предначертанія Мои въ указахъ на имя ваше изъясняемыя, и однимъ словомъ все убѣждаетъ васъ въ твердой Моей рѣшимости, что въ настоящее время никакія предложенія непріятеля не побудятъ Меня прервать брань, и тѣмъ ослабить священную обязанность: отомстить за оскорбленное Отечество. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

„Александръ“.

С.-Петербургъ. Октября 9-го дня 1812 года.

Наполеонъ, сдѣлавъ нѣсколько покушеній открыть переговоры о мирѣ и не получая никакого отвѣта на свои предложенія, сталъ готовиться къ выступленію изъ Москвы. Сперва онъ намѣревался сдѣлать демонстрацію движенія къ Петербургу, а потомъ хотѣлъ перейти фланговымъ маршемъ къ Двинѣ, сосредоточить на сей рѣкѣ большую часть арміи, усилиться въ продолженіи зимы резервами, и съ наступленіемъ весны идти, съ тремя стами тысячъ человѣкъ, къ Петербургу. Но почти всѣ главные сподвижники его считали такое предпріятіе несбыточ-

нымъ. Нѣкоторые, и въ числѣ ихъ Дарю, совѣтовали перезимовать въ Москвѣ, и самому Наполеону нравилось это предположеніе: „Ce conseil est un conseil de lion“ (это львиный совѣтъ), сказалъ онъ, но видѣлъ явную опасность зимовки въ такой странѣ, гдѣ весь народъ ополчился противъ ослабленной его арміи. Между тѣмъ, какъ войска, стоявшія въ тарутинской позиціи, ежедневно усиливались подкрѣпленіями, русскіе партизаны и народныя дружины держали непріятеля въ постоянной осадѣ: тверское ополченіе стояло на петербургской дорогѣ; ярославское — у Переяславля-Залѣскаго; владимірское — у Покрова: рязанское — на рязанской и кассимовской дорогахъ; тульское — по правому берегу Оки, отъ Алексина до Каширы; калужское — въ Калугѣ. Русская армія въ тарутинскомъ лагерѣ получала въ изобиліи все нужное изъ южныхъ и низовыхъ губерній. Только лишь помѣщеніе главной квартиры въ Леташевкѣ было неудобно: самъ Кутузовъ занималъ крестьянскую избу, о трехъ окнахъ, въ которой единственная жилая комната служила пріемною, столовою и кабинетомъ, а за перегородкою стояла кровать фельдмаршала. Беннигсенъ стоялъ насупротивъ главнокомандующаго, въ болѣе обширномъ домѣ, гдѣ постоянно толпилось много народа, потому что тамъ можно было хорошо пообѣдать. Дежурный генералъ Коновницынъ, вмѣстѣ съ офицеромъ генеральнаго штаба Щербининымъ, занималъ курную избу, гдѣ во весь день работала канцелярія главной квартиры. Правда—комендантъ главной квартиры полковникъ Ставраковъ, большой формалистъ, приказалъ прибить у овчарника той-же самой избы доску, съ крупною надписью: *секретная канцелярія главнаго штаба*, но въ этомъ темномъ, безъ оконъ и безъ дверей, строеніи, не было ни стола, ни стульевъ, а только

настлали солому, на которой спали офицеры генеральнаго штаба, да собирались по вечерамъ пить чай прочіе чиновники главной квартиры ([30]).

Наполеонъ, послѣ долгихъ колебаній, наконецъ рѣшился выступить изъ Москвы по калужской дорогѣ, чтобы, оттѣснивъ нашу армію, повернуть чрезъ неразоренную еще страну, на Юхновъ и Ельну, къ Смоленску, гдѣ у него были устроены склады жизненныхъ припасовъ. Всѣ раненые и такъ называемые трофеи (турецкія знамена, вызолоченный крестъ съ колокольни Ивана Великаго, и т. п.) были отправлены по смоленской дорогѣ; войска собраны въ Москвѣ; Мюрату, донесшему объ опасности расположенія на рѣчкѣ Чернишнѣ, разрѣшено отойти къ Воронову, и занявъ тамъ позицію пѣхотою, поставить за нею кавалерію. Но онъ остался на Чернишнѣ и не принялъ надлежащихъ мѣръ для обезпеченія ввѣренныхъ ему войскъ. Французскіе историки, желая оправдать его безпечность, увѣряютъ, будто-бы Кутузовъ, при вторичномъ свиданіи съ Лористомъ, 1 (13) октября, согласился на предложенное имъ перемиріе ([31]). Но этого не было и не могло быть послѣ опредѣлительнаго повелѣнія, даннаго Кутузову Императоромъ Александромъ.

Расположеніе Мюрата, съ авангардомъ, въ числѣ неболѣе двадцати тысячъ человѣкъ, (12 тысячъ пѣхоты и 8 тысячъ кавалеріи съ 187-ю орудіями) ([32]), въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, какъ будто вызывало насъ къ нападенію: непріятель, прикрытый съ фронта переходимою въ бродъ рѣчкою Чернишнею и почти касавшійся лѣвымъ флангомъ большаго лѣса, не принималъ никакихъ мѣръ для обезпеченія себя отъ неожиданнаго обхода, и даже не охранялъ

себя разъѣздами. Причинами тому были какъ изнуреніе французской кавалеріи, такъ и обычная Французамъ, до войны въ Алжиріи, безпечность на аванпостахъ. Казакамъ не разъ удавалось скрытно подъѣзжать къ непріятельскимъ бивакамъ. Генералъ-квартирмейстеръ Толь, узнавъ о томъ, рекогносцировалъ, вмѣстѣ съ поручикомъ квартирмейстерской части Траскинымъ, лѣсъ, во всей подробности, и составилъ планъ нападенія на непріятельскую позицію. Но нелегко было склонить къ тому стараго фельдмаршала, который не рѣшался предпринять покушеніе, могшее вызвать Наполеона изъ Москвы и повести къ генеральному сраженію; съ другой стороны, было очевидно, что Наполеонъ не могъ долго оставаться въ Москвѣ, что вскорѣ придется сразиться съ нимъ, и по тому не слѣдовало упускать удобнаго случая къ его ослабленію: таковы были доводы Толя. Многіе изъ нашихъ генераловъ раздѣляли его мнѣніе, и въ числѣ ихъ Коновницынъ, въ особенности-же Багговутъ. Самъ Беннигсенъ, не смотря на нерасположеніе свое къ Толю, поддерживалъ его и подалъ фельдмаршалу записку, въ которой, желая разсѣять сомнѣнія въ успѣхѣ предпріятія, упоминалъ, что Наполеонъ съ гвардіей оставался въ Москвѣ, и что у Мюрата было немного артиллеріи (?) и только восемь тысячъ кавалеріи ([33]). Кутузовъ, наконецъ, уступивъ настояніямъ своихъ сподвижниковъ, согласился на предположенное нападеніе и поручилъ Беннигсену начальство надъ войсками праваго крыла, назначенными для обхода мюратовой позиціи, а самъ, съ лѣвымъ крыломъ, изъявилъ намѣреніе атаковать непріятеля съ фронта ([34]). Отряду генерала Дорохова, стоявшему у села Каменскаго, на рѣкѣ Нарѣ, предписано было, соединясь съ отрядомъ Фигнера, двинуть-

ся къ Воронову, истребить стоявшіе тамъ два полка и отрѣзать отступленіе непріятельскому авангарду ([35]).

Беннигсенъ предполагалъ напасть на Мюрата съ разсвѣтомъ 5 (17) октября. Вышло иначе. Офицеръ, посланный изъ главной квартиры Коновницынымъ съ диспозиціею къ Ермолову, не могъ найти его во всемъ лагерѣ, потому что Ермоловъ въ тотъ день уѣхалъ на обѣдъ къ дежурному генералу 1-й арміи Кикину, въ селеніе, лежавшее въ трехъ верстахъ отъ лѣваго фланга лагеря ([36]). Между тѣмъ Кутузовъ отправился изъ Леташевки на дрожкахъ въ лагерь, гдѣ думалъ встрѣтить войска въ полной готовности къ выступленію, и весьма удивился, найдя много людей спящими, лошадей неосѣдланными; ни одно орудіе не было запряжено; никто изъ генераловъ не былъ на своемъ мѣстѣ. Фельдмаршалъ осыпалъ бранью перваго попавшагося ему на глаза офицера квартирмейстерской части Эйхена и отложилъ нападеніе на цѣлыя сутки, о чемъ сообщено было и Дорохову ([37]).

На основаніи диспозиціи, отданной Беннигсеномъ, ввѣренныя ему войска должны были, переправясь, ввечеру 5 (17) октября, у Спасскаго, двинуться черезъ лѣсъ тремя колоннами: *правая*, изъ 10-ти казачьихъ полковъ, съ одною конною батареей, и 20-го егерскаго полка, подъ начальствомъ графа Орлова-Денисова, была назначена для обхода мюратовой позиціи съ фланга и удара непріятелю въ тылъ, одновременно съ нападеніемъ *средней* колонны, изъ 2-го пѣхотнаго корпуса Багговута, на батарею, стоявшую впереди лѣваго крыла непріятельской позиціи, у деревни Тетеринки; *лѣвая* колонна, изъ 4-го пѣхотнаго корпуса и 2-й кирасирской дивизіи, подъ начальствомъ графа Остермана, должна была сохранять связь между двумя первыми колоннами и лѣвымъ

крыломъ арміи, а *резервъ*, изъ корпусовъ 3-го пѣхотнаго, графа Строганова, и 1-го кавалерійскаго, Меллера-Закомельскаго, получилъ предписаніе слѣдовать за корпусомъ Багговута. Распоряженія Беннигсена были весьма основательны, но, какъ обыкновенно случается при сложныхъ дѣйствіяхъ, не могли быть исполнены въ точности. Ночной маршъ въ лѣсу значительныхъ силъ встрѣчалъ затрудненія на каждомъ шагу, и по тому былъ совершенъ медленнѣе, нежели ожидали; 2-й корпусъ, употребивъ для перехода менѣе 15-ти верстъ около 12-ти часовъ, прибылъ къ опушкѣ лѣса уже въ семь часовъ утра, а 4-й корпусъ, долженствовавшій двигаться на одной высотѣ со 2-мъ, находился далеко назади: вмѣсто дебушированія войскъ изъ лѣса подъ покровомъ ночи, пришлось вывести ихъ на поляну днемъ и строить въ боевой порядокъ подъ огнемъ непріятельской батареи. Между тѣмъ графъ Орловъ-Денисовъ, достигнувъ еще до разсвѣта, лѣса въ тылу непріятеля, оставался тамъ въ ожиданіи выхода на поляну прочихъ нашихъ войскъ. Когда-же совершенно разсвѣло, онъ, опасаясь быть открытымъ, кинулся въ атаку. Казаки съ громкимъ гикомъ опрокинули три полка (1-й и 2-й карабинерные и 1-й кирасирскій) за Рязанскій оврагъ и захватили 38 орудій. Нападеніе было такъ быстро, такъ неожиданно, что на бивачныхъ огняхъ найдены кофейники съ горячимъ кофе и рядомъ съ ними котлы съ лошадиною падалью. Ужасъ и негодованіе объяли казаковъ при видѣ большихъ иконъ, служившихъ нечестивцамъ вмѣсто столовъ и стульевъ. Нѣсколько минутъ спустя, принцъ Евгеній виртембергскій, выйдя изъ лѣса съ Тобольскимъ полкомъ, повелъ его на непріятеля, а Багговутъ, съ 4-мъ и 48-мъ егерскими полками, также двинулся противъ Французовъ; но едва лишь

его войска появились на полянѣ, какъ были встрѣчены огнемъ батареи стоявшей у Тетеринки и понесли большой уронъ. Самъ мужественный Багговутъ былъ пораженъ смертельно однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ. Егеря разсыпались и продолжали наступать густою цѣпью, не поддержанною резервами. Французскіе карабинеры, пользуясь тѣмъ, кинулись на 48-й полкъ и изрубили многихъ егерей. Беннигсенъ, прибывъ на сей пунктъ, ограничился оборонительными дѣйствіями и приказалъ графу Строганову, (вмѣсто движенія вправо, для подкрѣпленія 2-го корпуса и обхода Французовъ съ фланга), направиться влѣво, для замѣны неприбывшаго въ пору 4-го корпуса. Когда-же наконецъ графъ Остерманъ вывелъ свои войска изъ лѣса и построилъ ихъ лѣвѣе 3-го корпуса, у насъ было собрано противъ лѣваго крыла мюратовой позиціи 46 баталіоновъ, но тогда уже непріятель отступалъ на всѣхъ пунктахъ, и только шесть баталіоновъ, Тобольскаго, 4-го и 20-го егерскихъ полковъ, подъ начальствомъ принца Евгенія, успѣли принять участіе въ дѣлѣ. Здѣсь въ особенности отличился 20-й егерскій полкъ, подъ начальствомъ полковника Горихвостова, атаковавшій съ пѣснями непріятельскую батарею. Графъ Орловъ-Денисовъ съ казаками и Меллеръ-Закомельскій съ регулярною конницею настигли у Богородскаго кавалерію Латуръ-Мобура и Валанса, опрокинули французскихъ кирасиръ и преслѣдовали непріятеля до Спасъ-Купли. На лѣвомъ крылѣ, гдѣ находился самъ фельдмаршалъ, войска, подойдя къ Чернишнѣ, получили приказаніе остановиться. Милорадовичъ, съ пѣхотными корпусами 2-мъ и 4-мъ и съ кавалеріей Васильчикова и Корфа, расположился у Богородскаго; прочія-же войска къ вечеру отошли въ тарутинскій лагерь. Тогда-же Мюратъ, отступивъ къ

Воронову, занялъ тамъ позицію (38). Французы потеряли въ этомъ дѣлѣ болѣе 500 человѣкъ убитыми и ранеными и 1,500 плѣнными; въ числѣ убитыхъ были генералы Дери и Фишеръ. Отбиты русскими войсками: одинъ штандартъ, 38 орудій, 40 зарядныхъ ящиковъ и много повозокъ. Съ нашей стороны, уронъ вообще простирался до 1,200 человѣкъ (39). Наши генералы, и въ особенности Коновницынъ и Толь, были весьма недовольны послѣдствіями дѣла, въ коемъ, по ихъ мнѣнію, можно было истребить весь непріятельскій авангардъ. Напротивъ того, вліяніе этого сраженія на русскія войска было весьма благопріятно, потому что намъ удалось меньшими силами опрокинуть непріятеля и захватить множество орудій (40). Хотя дѣло при Тарутинѣ не удовлетворило ожиданіямъ Кутузова, однако-же онъ, не желая ослабить нравственное вліяніе перваго важнаго успѣха, одержаннаго нашею арміей, приказалъ, на слѣдующій день, совершить благодарственное молебствіе во всѣхъ частяхъ войскъ, и самъ со многими генералами присутствовалъ при немъ, въ гвардейскомъ корпусѣ (41).

Донесеніе Государю о дѣлѣ при Тарутинѣ, вмѣстѣ съ отбитымъ штандартомъ, по волѣ самаго Императора Александра, было послано въ Петербургъ съ полковникомъ Мишò. Счастливый вѣстникъ побѣды, объяснивъ подробности боя, о которыхъ нельзя было получить свѣдѣніе изъ весьма краткой реляціи фельдмаршала, доложилъ Государю о желаніи войскъ, чтобы онъ лично принялъ надъ ними начальство. „Присутствіе Вашего Величества сдѣлаетъ ихъ непобѣдимыми“ — сказалъ Мишò. Императоръ Александръ отвѣчалъ: „Всѣ люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и я неменѣе другихъ, и еслибы теперь увлекся этимъ чувствомъ, то сѣлъ-бы съ вами

въ коляску и отправился въ армію. Принимая во вниманіе невыгодное положеніе, въ которое мы вовлекли непріятеля, отличный духъ арміи, неисчерпаемыя средства Имперіи и направленіе, данное мною Дунайской арміи, я несомнѣнно увѣренъ, что мы побѣдимъ, и что намъ, послѣ всего сдѣланнаго, остается только, какъ вы говорите, пожинать лавры. Знаю, что если я буду при арміи, то вся слава успѣха отнесется ко мнѣ, и что я займу мѣсто въ Исторіи. Но когда подумаю, какъ мало опытенъ я въ военномъ дѣлѣ въ сравненіи съ Наполеономъ, и что, не взирая на добрую волю мою, я могу сдѣлать ошибку, отъ которой прольется драгоцѣнная кровь дѣтей моихъ, тогда, не смотря на мое честолюбіе, я готовъ охотно пожертвовтть личною славою для блага арміи. Пусть пожинаетъ лавры тотъ, кто болѣе меня достоинъ ихъ. Возвратитесь къ фельдмаршалу, поздравьте его съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ изгналъ непріятелей изъ Россіи" (42).

За побѣду при Тарутинѣ князь Кутузовъ получилъ золотую шпагу, съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ. Императоръ Александръ удостоилъ его слѣдующимъ Собственноручнымъ рескриптомъ: „Князь М. И. Побѣда, одержанная вами надъ Мюратомъ, обрадовала несказанно Меня. Я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за собою еще важнѣйшія послѣдствія. Слава Россіи нераздѣльна съ вашею собственною и съ спасеніемъ Европы".

Генералъ Беннигсенъ былъ награжденъ алмазными знаками ордена Св. Андрея и получилъ единовременно сто тысячъ рублей. Надѣясь на благоволеніе къ себѣ Государя. и еще болѣе на нерасположеніе его къ фельдмаршалу, Беннигсенъ послалъ къ Императору письмо, въ которомъ обвинялъ Ку-

тузова въ умышленномъ неподдержаніи его главными силами въ дѣлѣ при Тарутинѣ и въ пагубномъ бездѣйствіи арміи, несмотря на всѣ представленія. которыя — по увѣренію Беннигсена — были имъ сдѣланы главнокомандующему. При этомъ, Беннигсенъ. выставляя Кутузова сибаритомъ, утопавшимъ въ нѣгѣ и роскоши. вошелъ въ подробности домашней жизни его до того, что упомянулъ о находившейся—будтобы — при немъ молодой дѣвушкѣ. переодѣтой казачкомъ, и проч. Но Императоръ Александръ. необративъ никакого вниманія на этотъ низкій доносъ. послалъ фельдмаршалу письмо Беннигсена. слѣдствіемъ чего было удаленіе его изъ арміи (43).

По прибытіи генерала Тормасова въ главную квартиру, 8 (20) октября, ему было ввѣрено начальство надъ корпусами: 3-мъ, 5-мъ, 6-мъ. 7-мъ и 8-мъ пѣхотными. 1-мъ кавалерійскимъ и обѣими кирасирскими дивизіями. соединенными подъ командою князя Голицына; а Милорадовичъ. по прежнему, командовалъ авангардомъ, изъ 2-го пѣхотнаго корпуса. ввѣреннаго князю Долгорукову. (бывшему посланнику въ Неаполѣ). 4-го пѣхотнаго корпуса, Остермана, и кавалерійскихъ корпусовъ: 2-го, Корфа, и 4-го, Васильчикова (44).

Въ началѣ (въ половинѣ) октября, Наполеонъ собралъ въ Москву корпусы Нея. Даву и дивизію Дельзона (корпуса вице-короля); Старой гвардіи велѣно быть въ готовности къ выступленію. Остальныя войска вице-короля были направлены по новой калужской дорогѣ къ Фоминскому и по можайской дорогѣ. Наполеонъ ежедневно дѣлалъ смотры различнымъ частямъ арміи. 6 (18) октября, около полудня, онъ смотрѣлъ въ Кремлѣ корпусъ Нея. Съ ранняго утра слышна была канонада въ авангардѣ. Внезапно прискакалъ адъютантъ Мюрата Беранжè (Bé-

ranger), съ донесеніемъ о дѣлѣ на Чернишнѣ. Это извѣстіе ускорило выступленіе непріятеля изъ Москвы. Наполеонъ, прекративъ смотръ, сдѣлалъ распоряженія къ предстоявшему походу. Предположивъ обойти нашу армію съ лѣваго фланга, онъ былъ намѣренъ сперва направиться по старой калужской дорогѣ, присоединить къ своимъ войскамъ авангардъ Мюрата, стоявшій у Воронова, и потомъ, перейдя на новую калужскую дорогу, выдти на путь, ведущій отъ Калуги къ Смоленску. Но, чтобы предупредить на семъ пути стоявшую въ близи его нашу армію, надлежало скрыть по возможности долѣе движеніе французской арміи; съ этою цѣлью, Наполеонъ возобновилъ переговоры съ Кутузовымъ, подъ предлогомъ готовности „принять мѣры для приданія войнѣ менѣе жестокаго характера и прекратить напрасное опустошеніе страны, столь-же вредное для Россіи, сколько прискорбное для Императора Наполеона“ (45).

Кутузовъ, въ отвѣтъ на отзывъ принца невшательскаго (Бертье), писалъ:

„Главная квартира, 9 (21) октября 1812 года.

„Полковникъ Бертеми, принятый мною въ главной моей квартирѣ, вручилъ мнѣ ваше письмо. Все, заключающееся въ немъ уже представлено Государю, и, какъ безъ сомнѣнія вамъ извѣстно, отправлено съ княземъ Волконскимъ; но, по дальности разстоянія и по дурному состоянію дорогъ въ настоящее время года, еще нельзя было получить отвѣта. И такъ, въ отношеніи къ этому дѣлу, мнѣ остается только сослаться на сказанное мною прежде генералу Лористону. Но позволяю себѣ повторить истину, которой важность, конечно, вы сами оцѣните: что трудно, хотя-бы кто и пожелалъ, удержать на-

родъ, раздраженный всѣмъ совершающимся въ глазахъ его, народъ, уже 200 лѣтъ *) не подвергавшійся непріятельскому нашествію, готовый жертвовать собою за отечество и неспособный обсуживать — что̀ принято или отвергается въ обыкновенныхъ войнахъ. Касательно-же ввѣренныхъ мнѣ армій, льщу себя надеждою, что всѣ признаютъ въ образѣ ихъ дѣйствія правила, свойственныя народу храброму, честному, великодушному. Я никогда не зналъ иныхъ правилъ въ продолженіе моей долговременной военной службы, и могу сказать, что непріятели, съ которыми я сражался, всегда въ этомъ отношеніи отдавали мнѣ справедливость“ ([46]).

При выступленіи изъ Москвы, наполеонова армія считала въ рядахъ, вмѣстѣ съ авангардомъ Мюрата и вестфальцами Жюно̀, стоявшими въ Можайскѣ, около 107-ми тысячъ человѣкъ ([47]). Пѣхота, состоявшая изъ старыхъ солдатъ, была превосходна; а равно и прислуга артиллеріи, но артиллерійскія лошади были изнурены до крайности. Кавалерія находилась въ плохомъ состояніи: изъ 18,500 кавалеристовъ, четыре тысячи, неимѣвшіе лошадей, были переформированы въ пѣшую бригаду; прочіе-же, кромѣ 4,600 человѣкъ гвардейской кавалеріи, по совершенному истощенію своихъ лошадей, не могли исполнять обязанностей службы ([48]). Наполеонъ оставилъ на время въ Москвѣ маршала Мортье, съ дивизіей Молодой гвардіи, генерала Делаборда, и съ бригадою спѣшенныхъ кавалеристовъ, генерала Карьера, въ числѣ всего до 8-ми тысячъ человѣкъ, приказавъ ему укрѣпиться въ Кремлѣ и свезти туда всѣ жизненные и боевые запасы. „Быть можетъ, я ворочусь въ Москву“ (il est possible que je revienne à

*) Въ письмѣ князя Кутузова сказано: «300 лѣтъ».

Moscou) сказалъ Наполеонъ въ своемъ предписаніи (49); но ему неудалось никого ввести въ заблужденіе: отъ генерала до солдата, никто не помышлялъ о возвращеніи въ древнюю русскую столицу; никто не оставлялъ за собою ни собственнаго имущества, ни награбленной добычи. Огромные обозы, на тощихъ, изморенныхъ лошадяхъ, и множество экипажей, нагруженныхъ предметами роскоши, безполезными въ походѣ, выступили съ арміей; кавалеристы навъючивали сверхъ мѣры своихъ жалкихъ лошадей; пѣхотинцы изнемогали подъ тяжестью ранцевъ наполненныхъ добычею. Движеніе французской арміи имѣло видъ переселенія народовъ. На протяженіи цѣлыхъ переходовъ тянулись въ три и четыре ряда: артиллерія, госпитальныя и провіантскія повозки, экипажи всѣхъ возможныхъ родовъ, и даже дрожки, нагруженныя различными вещами, преимущественно-же съѣстными припасами и одеждою, между тѣмъ какъ не было принято никакихъ мѣръ для правильнаго снабженія ими войскъ. Большія стада рогатаго скота увеличивали длину колоннъ. Множество иностранцевъ, оставившихъ столицу при выступленіи Французовъ, ихъ семейства, женщины и дѣти, вмѣстѣ съ ранеными и больными, пробирались между артиллеріей и повозками, а по краямъ дороги толпились въ безпорядкѣ войска, какъ будто составляя конвой огромнаго обоза. На всякомъ мосту, у всякой тѣснины, орудія, повозки и войска, смѣшавшись въ нестройную массу, останавливали движеніе слѣдовавшихъ за ними частей колонны (50).

На слѣдующій день по выступленіи изъ Москвы, Наполеонъ приказалъ маршалу Мортье двинуться въ слѣдъ за арміею, взорвавъ Кремль и предавъ пламени кремлевскій дворецъ, всѣ общественныя зданія, кромѣ Воспитательнаго дома, оба дома графа Ра-

стопчина и домъ графа Разумовскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ было предписано маршалу истребить лафеты и зарядные ящики и изломать ружья, которыхъ нельзя было увезти съ собою. Наполеонъ сперва приказалъ ему двинуться на Можайскъ, но потомъ направилъ его къ Вереѣ, для сохраненія связи между корпусомъ Жюнò, стоявшимъ въ Можайскѣ, и главными силами, которыя, 13 (25) октября, должны были миновать Боровскъ ([51]). Нѣсколько спустя было предписано генералу Жюнò отправить въ Верею всѣ маршевые баталіоны и эскадроны, собранные въ Можайскѣ, а равно находившуюся тамъ артиллерію; самъ-же онъ, съ своимъ корпусомъ, долженъ былъ изготовиться къ выступленію на Вязьму и къ вывозу туда-же раненыхъ изъ госпиталей, устроенныхъ на можайской дорогѣ ([52]).

Наполеонъ, достигнувъ Троицкаго, оставался тамъ 8 (20) октября, выдвинувъ корпусъ вице-короля къ Фоминскому. Два дня спустя, вице-король выслалъ дивизіи Дельзона, Брусье и кавалерію 4-го корпуса къ Катову, а самъ оставался у Фоминскаго, гдѣ 10-го (22-го) расположились: главная квартира, гвардія и корпусъ Даву; Мюратъ также направился къ Фоминскому, а на старой калужской дорогѣ оставались: корпусъ Нея, дивизія Клапареда, кавалерія Латуръ-Мобура и легкая кавалерія корпуса Даву. Отъ сильнаго дождя дороги сдѣлались весьма дурны, чтò затруднило и безъ того уже медленное движеніе арміи. Еще 7-го (19) октября, генералъ Дороховъ, стоявшій съ отрядомъ у Катова, донесъ въ главную квартиру о появленіи за Нарою, у Фоминскаго, отъ восьми до десяти тысячъ человѣкъ съ артиллеріею, чтò заставило Кутузова сперва усилить Дорохова, отступившаго къ Корякову, двумя егерскими полками, а потомъ послать по направленію

къ Фоминскому генерала Дохтурова, съ корпусами 6-мъ пѣхотнымъ и 1-мъ кавалерійскимъ, двумя конными гвардейскими батареями, конною ротою полковника Никитина и частью тульскаго коннаго ополченія; ему-же были подчинены отряды Сеславина и Фигнера. Генералъ Ермоловъ получилъ приказаніе находиться при Дохтуровѣ ([53]).

Войска Дохтурова выступили изъ Тарутинскаго лагеря 10 (22) утромъ. Плохія проселочныя дороги, по которымъ они двигались, совершенно испортились отъ дождя, лившаго почти цѣлыя сутки; пѣхота была принуждена безпрестанно вытаскивать увязшую въ грязи артиллерію, и наконецъ Дохтуровъ, по предложенію Ермолова, оставилъ батарейныя орудія съ небольшимъ прикрытіемъ и двинулся далѣе съ одними легкими орудіями. Пройдя Аристово, войска остановились на ночлегъ. Какъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, у Катова стояли на бивакахъ до четырехъ тысячъ Французовъ, то Дохтуровъ, предполагая атаковать ихъ неожиданно на разсвѣтѣ, запретилъ разводить огни. Уже наставало время, назначенное для выступленія войскъ, какъ вдругъ партизанъ Сеславинъ, прискакавъ къ Дохтурову, донесъ, что онъ, укрывшись въ лѣсу, не доходя Фоминскаго, видѣлъ Наполеона со всею его свитою и непріятельскія войска въ значительномъ числѣ. Пропустивъ ихъ мимо своего отряда, Сеславинъ захватилъ нѣсколько отсталыхъ французскихъ гвардейцевъ и привезъ съ собою одного изъ нихъ, расторопнаго унтеръ-офицера, который объявилъ: „Уже четыре дня, какъ мы вышли изъ Москвы. Маршалъ Мортье оставленъ съ отрядомъ въ Москвѣ и по взорваніи кремлевскихъ стѣнъ присоединится къ арміи. Батарейная артиллерія, безлошадные кавалеристы и всѣ излишніе обозы отправлены по можайской до-

рогѣ, подъ прикрытіемъ польскихъ войскъ князя Понятовскаго. Завтра главная квартира Императора будетъ въ Боровскѣ. Далѣе — наша армія пойдетъ къ Малоярославцу". Доставленіемъ этихъ свѣдѣній Сеславинъ оказалъ важную услугу отечеству: еслибы онъ не разъяснилъ настоящаго положенія дѣла, то Дохтуровъ, встрѣтясь съ превосходными силами непріятеля, могъ-бы потерпѣть пораженіе, и непріятель, занявъ безъ сопротивленія Малоярославецъ, предупредилъ-бы Кутузова въ Калугѣ и овладѣлъ-бы собранными тамъ запасами (54).

Генералъ Дохтуровъ, получивъ свѣдѣніе о движеніи Наполеона къ Малоярославцу, тотчасъ отправилъ донесеніе о томъ въ главную квартиру, а самъ, отойдя назадъ и снова присоединивъ къ войскамъ батарейную артиллерію, 11 (23) октября, поспѣшно двинулся къ Малоярославцу. По прибытіи, въ десять часовъ вечера, къ селу Спасскому, гдѣ войска наши должны были перейти черезъ Протву, оказалось, что тамошніе жители, узнавъ о наступленіи Французовъ, уничтожили плотины на Протвѣ. Немедленно было приступлено къ возобновленію переправы и въ продолженіи пяти часовъ построены два моста на плотахъ. Между тѣмъ, въ одиннадцать часовъ, подоспѣлъ Платовъ, съ сильнымъ казачьимъ отрядомъ, высланный изъ Тарутинскаго лагеря къ Малоярославцу. Казаки перешли черезъ рѣку въ бродъ и перевезли часть егерей. На зарѣ 12-го (24-го), завязалась перестрѣлка у кирпичнаго завода съ непріятелемъ, уже занявшимъ Малоярославецъ, и войска Дохтурова двинулись къ городу.

Фельдмаршалъ, получивъ донесеніе Дохтурова о движеніи непріятеля къ Малоярославцу, тотчасъ выслалъ, (какъ уже сказано), Платова къ этому городу и приказалъ Милорадовичу сдѣлать усиленную ре-

когносцировку по старой калужской дорогѣ, чтобы узнать настоящее направленіе стоявшихъ противъ него войскъ, и — въ случаѣ передвиженія Мюрата на новую калужскую дорогу — отрядить, для наблюденія за нимъ, казаковъ, а съ прочими войсками слѣдовать за арміею къ Малоярославцу. Главныя силы немедленно изготовились къ походу, но выступили изъ лагеря уже вечеромъ, вѣроятно по тому, что фельдмаршалъ не рѣшался перейти на новую калужскую дорогу, изъ опасенія открыть непріятелю путь по старой дорогѣ къ Калугѣ. Но какъ только въ главной квартирѣ получено было донесеніе Милорадовича, объ отступленіи на разсвѣтѣ 11 (23) французскихъ постовъ изъ Воронова, то армія немедленно двинулась къ Малоярославцу ([55]).

Въ продолженіи трехъ-недѣльной стоянки въ Тарутинскомъ лагерѣ, русская армія получила значительныя подкрѣпленія, и въ числѣ ихъ 26 казачьихъ полковъ съ полуротою донской артиллеріи. Эти полки, двигаясь въ нѣсколькихъ эшелонахъ, по 60-ти верстъ въ сутки, успѣли собраться при Тарутинѣ къ 11-му (23-му) октября. Армія, при вступленіи въ Тарутинскій лагерь, считавшая въ рядахъ только около 60-ти тысячъ регулярныхъ войскъ, усилилась ко времени возобновленія дѣйствій до 97-ми тысячъ ([56]), не считая слишкомъ 20-ти тысячъ казаковъ, именно:

Пѣхоты	76,629	чел.
Кавалеріи	10,711	„
Артиллеріи, при 622-хъ орудіяхъ	8,959	„
Піонеровъ	813	„
Всего . .	97,112	чел.

Наполеонъ, 11 (23) октября, убѣдясь, изъ сдѣланной имъ наканунѣ рекогносцировки и полученныхъ

донесеній, что русская армія еще оставалась въ лагерѣ при Тарутинѣ, рѣшился продолжать движеніе къ Калугѣ, откуда былъ намѣренъ идти чрезъ Ельню къ Смоленску, либо выдти отъ Малоярославца на ельненскую дорогу, чрезъ Медынь и Юхновъ. Въ сумерки, Дельзонъ, двигавшійся въ головѣ корпуса вице-короля, возобновилъ полуразрушенный мостъ на рѣкѣ Лужѣ и, выславъ два баталіона для занятія Малоярославца, расположилъ остальныя войска на бивакахъ противъ города. Въ тотъ-же день, Понятовскій выслалъ свой авангардъ отъ Вереи къ Медыни ([57]). Наполеонъ предполагалъ, на слѣдующій день, идти далѣе по дорогѣ въ Калугу. Но войска Дохтурова, на разсвѣтѣ 12-го (24-го), прибывъ къ Малоярославцу, стали по обѣ стороны калужской дороги. Въ пять часовъ утра, 33-й егерскій полкъ вступилъ въ городъ и отбросилъ непріятеля почти къ самому мосту. Вице-король, услыша перестрѣлку, поскакалъ ко въѣзду въ Малоярославецъ и далъ приказаніе Дельзону перейти черезъ рѣку и утвердиться въ городѣ; съ нашей стороны вошли туда 6-й и 19-й егерскіе полки, подъ личнымъ начальствомъ Ермолова. Непріятельскія войска снова были оттѣснены къ мосту; самъ Дельзонъ кинулся впередъ и погибъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ. Начальникъ штаба 4-го корпуса генералъ Гильеминò, принявъ начальство надъ опрокинутою дивизіей, вытѣснилъ нашихъ егерей изъ города, и занявъ стрѣлками церковь и два дома господствующіе надъ оврагомъ, по которому пролегаетъ большая дорога, приказалъ этимъ войскамъ оставаться въ обороняемыхъ ими строеніяхъ, даже и въ такомъ случаѣ, если дивизія очиститъ городъ ([58]).

Въ половинѣ 11-го, дивизія Брусье, перейдя по мосту Лужу, быстро прошла чрезъ городъ и стала

строиться въ огородахъ, не далѣе пятидесяти шаговъ отъ нашей позиціи, но нѣсколько выстрѣловъ картечью заставили непріятеля укрыться въ Малоярославцѣ. Посланные въ подкрѣпленіе нашимъ егерямъ, Софійскій и Либавскій полки, по распоряженію Ермолова, пошли въ штыки, съ незаряженными ружьями, безъ обычнаго крика „ура!" Непріятель былъ оттѣсненъ къ мосту, но строенія, занятыя у входа въ Малоярославецъ стрѣлками, доставили Французамъ опорный пунктъ, въ видѣ редюита. Нѣсколько разъ наши войска врывались въ Малоярославецъ и снова отступали, будучи разстроены ружейнымъ огнемъ открытымъ имъ въ тылъ; но наконецъ заняли большую часть города. Вице-король былъ принужденъ поддержать сражавшіяся дивизіи свѣжими войсками. Дивизія Пино̀, во всю кампанію не бывшая въ дѣлѣ, устремилась въ бой съ необыкновеннымъ жаромъ; въ головѣ колоннъ шли офицеры генеральнаго штаба, знатнѣйшихъ италіянскихъ фамилій. Непріятели, съ восклицаніями: „да здравствуетъ Императоръ!" бѣгомъ взошли на высоту и ворвались въ городъ, но многіе изъ нихъ пали жертвами минутнаго успѣха; въ числѣ убитыхъ были генералъ Левьѐ и братъ тогда-же раненаго генерала Пино̀. Въ первомъ часу вице-король ввелъ въ дѣло италіянскую гвардію; съ нашей стороны, по распоряженію Ермолова, войска занимавшія городъ были подкрѣплены 11-мъ егерскимъ и Вильманстрандскимъ полками. Пока наши войска оставались въ Малоярославцѣ, непріятель не могъ развернуть своихъ силъ; какъ только Французы взбирались на вершину высоты, то были встрѣчаемы сильнымъ огнемъ артиллеріи, расположенной въ полѣ противъ города, неимѣя возможности отвѣчать намъ, потому что для этого надлежало провезти батареи чрезъ городъ.

Когда-же полки Дохтурова, выбивъ непріятеля изъ города, спускались въ долину Лужи, тогда поражала ихъ канонада французскихъ батарей, стоявшихъ на другой сторонѣ рѣки. Отъ этого, во весь день, поле сраженія ограничивалось городомъ, загорѣвшимся съ самаго утра; войска и орудія двигались по трупамъ, которыми были наполнены всѣ улицы ([59]).

Между тѣмъ подошли къ Лужѣ корпусъ Даву и гвардія. Генералъ Ермоловъ, съ разрѣшенія Дохтурова, поручилъ графу Орлову-Денисову донести фельдмаршалу о ходѣ боя и о необходимости ускорить движеніе арміи. Кутузовъ, неохотно рѣшавшійся идти къ Малоярославцу, (что̀ могло повести къ генеральному сраженію), не прежде подкрѣпилъ Дохтурова, какъ получивъ вторично донесеніе о затруднительномъ положеніи сражающихся войскъ. Отрядивъ въ помощь имъ 7-й корпусъ, Кутузовъ поручилъ Коновницыну разузнать положеніе дѣла. Коновницынъ, съ Орловскимъ полкомъ, шедшимъ въ головѣ корпуса, атаковалъ непріятеля; вслѣдъ затѣмъ, Раевскій, къ тремъ часамъ по полудни, построилъ 12-ю дивизію въ виду Малоярославца, послалъ 26-ю въ подкрѣпленіе лѣвому крылу Дохтурова и вступилъ въ городъ. Непріятель былъ почти совершенно выбитъ изъ Малоярославца; италіянская гвардія потерпѣла страшный уронъ; въ числѣ раненыхъ находились генералы Жифленга и Фонта̀на ([60]). Самъ Наполеонъ, прибывъ еще въ полдень на возвышеніе лѣваго берега Лужи, хотя и удостовѣрился въ опасномъ положеніи 4-го корпуса, однакоже отвѣчалъ присланному къ нему съ поля сраженія офицеру: „Retournez auprès du viceroi et dites lui que puisqu'il a commencé à boire la coupe, il faut qu'il l'avale; j'ai ordonné à Davoust de le soutenir.“ (Возвратитесь къ вице-королю и скажите ему, что, какъ онъ заварилъ

кашу, то пусть и расхлебаетъ ее. Я приказалъ маршалу Даву подкрѣпить его). Двѣ дивизіи корпуса Даву и кавалерія Нансути перешли черезъ Лужу по мосту на козлахъ, построенному въ полуверстѣ выше постояннаго моста, и расположились на флангахъ 4-го корпуса, снова овладѣвшаго городомъ; артиллерія прошла чрезъ пожарище, по грудамъ убитыхъ и раненыхъ. Русскія войска, отойдя на пушечный выстрѣлъ отъ Малоярославца, выдвинули сильныя батареи. Французы покушались атаковать нашу позицію, но каждый разъ будучи встрѣчены картечью, отступали, преслѣдуемые нашими войсками, кои въ слѣдъ за ними врывались въ городъ, переходившій—какъ увѣряютъ—въ продолженіи боя, изъ рукъ въ руки восемь разъ ([61]).

Фельдмаршалъ, прибывъ къ вечеру съ остальными корпусами къ Малоярославцу, расположилъ ихъ позади войскъ Дохтурова и Раевскаго, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ города, по обѣ стороны калужской дороги; а самъ отправился на поле сраженія и оставался въ огнѣ, не обращая вниманія на представленія сопровождавшихъ его, генерала Тормасова и генералъ-интенданта Ланскаго. По его личному распоряженію, 8-й корпусъ Бороздина 1-го смѣнилъ утомленные боемъ полки 6-го корпуса; когда-же непріятель сталъ сильно тѣснить войска Бороздина, фельдмаршалъ поддержалъ ихъ гренадерами 3-й дивизіи, князя Шаховскаго. „Ты знаешь—сказалъ Кутузовъ Коновницыну—какъ я тебя берегу и всегда упрашиваю не кидаться въ огонь, но теперь прошу тебя очистить городъ.“ Коновницынъ повелъ гренадеръ, не щадилъ себя, но непріятель къ ночи удержался въ Малоярославцѣ, а наши передовыя войска расположились въ разстояніи менѣе версты отъ города. Съ наступленіемъ темноты прекратилась

отчаянная борьба. но канонада и ружейная перестрѣлка продолжались почти до полуночи. Въ концѣ сраженія пришелъ Милорадовичъ, съ остальными корпусами нашей арміи. сдѣлавъ усиленный переходъ въ пятьдесятъ верстъ. Обрадованный его неожиданнымъ прибытіемъ. фельдмаршалъ сказалъ ему: „Ты ходишъ скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы“ ([62]).

Въ сраженіи при Малоярославцѣ, продолжавшемся цѣлые восьмнадцать часовъ, съ каждой изъ сторонъ было постепенно введено въ бой до 24-хъ тысячъ человѣкъ; уронъ каждой изъ нихъ вообще простирался до шести тысячъ человѣкъ. Въ числѣ тяжело раненыхъ былъ Дороховъ ([63]).

По окончаніи сраженія, когда князь Кутузовъ уже прибылъ на приготовленный для него бивакъ. исправлявшій должность генералъ-квартирмейстера, (за нѣсколько дней предъ тѣмъ произведенный въ генералъ-маіоры). Толь предложилъ фельдмаршалу атаковать всѣми силами Французовъ, и оттѣснивъ непріятеля за Лужу. преслѣдовать его. Кутузовъ оспаривалъ мнѣніе своего любимца и старался умѣрить горячность его представленій. Въ самый разгаръ спора, когда фельдмаршалъ уже начиналъ терять терпѣніе, явился Беннигсенъ. „Желаю вашей свѣтлости успѣха во второмъ Эйлаускомъ сраженіи — сказалъ онъ. — Французы, по видимому, хотятъ, во что-бы то ни стало, удержаться въ Малоярославцѣ и завтра атаковать васъ“. — „Вотъ слышишь — продолжалъ Кутузовъ. обратясь къ Толю съ обычною ему насмѣшливою улыбкою: опытный генералъ доноситъ, что непріятель хочетъ завтра атаковать меня. а ты предлагаешь, чтобы я поступилъ, какъ отчаянный гусаръ. Нѣтъ! Нѣтъ! Лучше приготовимся его встрѣтить“. и потрепавъ по плечу Толя, ска-

залъ ему: „ступайте, любезный генералъ, и распорядитесь, какъ мною сказано“ ([64]).

Въ ночи съ 12-го на 13-е (съ 24-го на 25-е) октября, Наполеонъ возвратился въ Городню и долго совѣщался съ Бертье, Мюратомъ и Бессьеромъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. На слѣдующее утро, узнавъ, что наша армія оставалась въ занятой наканунѣ позиціи, и что въ ночи было слышно, вправо отъ большой дороги, движеніе кавалеріи, по всей вѣроятности посланной къ Медыни, онъ снова призвалъ къ себѣ на совѣтъ сперва Мюрата, потомъ Бессьера, и наконецъ Мутона (графа Лобау), которому оказывалъ большое довѣріе. Первые два, хотя и изъявляли надежду одержать побѣду надъ неустроенными, по ихъ мнѣнію, русскими ополченіями, однакоже совѣтовали уклониться отъ боя и отступать къ Смоленску. „А вы, что думаете?“ спросилъ Наполеонъ Мутона. „Отступать по кратчайшей и извѣстнѣйшей дорогѣ, на Можайскъ къ Нѣману, и какъ можно поспѣшнѣе — какъ можно поспѣшнѣе“, повторилъ Мутонъ нѣсколько разъ. Наполеонъ отвѣчалъ, что онъ осмотритъ поле сраженія, прежде нежели рѣшитъ дѣло, и тотчасъ-же отправился по дорогѣ въ Малоярославецъ ([65]).

Между тѣмъ Платовъ, исполняя данное ему порученіе — сдѣлать поискъ въ тылу непріятеля, перевелъ въ ночи черезъ Лужу, по плотинѣ и мосту у мельницы, въ пяти верстахъ выше Малоярославца, шесть казачьихъ полковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора Иловайскаго 3-го, и егерей 20-го полка, которыми занялъ лѣсъ для прикрытія обратной переправы. Казаки, въ трехъ партіяхъ, устремились на боровскую дорогу, отбили у Городни паркъ въ сорокъ гвардейскихъ орудій, изъ коихъ успѣли увезти только одиннадцать, и едва-было незахватили са-

маго Наполеона, тогда ѣхавшаго съ небольшимъ конвоемъ изъ Городни къ Малоярославцу ([66]). Тогда-же казачій отрядъ генералъ-маіора Кутейникова, сдѣлавъ набѣгъ въ тылъ непріятеля, отбилъ обозъ съ церковнымъ серебромъ и записку маршала Бертье къ начальнику топографическаго депо Сансону, слѣдующаго содержанія: „Постарайтесь собрать свѣдѣнія о старой дорогѣ изъ Москвы, черезъ Боровскъ, Малоярославецъ и Пески, изъ Песковъ въ Медынь, изъ Медыни въ Вязьму, изъ Вязьмы и Калуги въ Масальскъ, изъ Масальска въ Ельню и Смоленскъ". Эта депеша, присланная въ нашу главную квартиру, обнаружила намѣреніе Наполеона — отступать къ Смоленску, по дорогамъ, представлявшимъ болѣе средствъ для арміи, нежели опустошенный путь чрезъ Можайскъ ([67]). Между тѣмъ генералъ-маіоръ Иловайскій 9-й, высланный въ ночи на 13-е (25-е) октября съ тремя казачьими полками къ Медыни, разбилъ авангардъ князя Понятовскаго, состоявшій подъ начальствомъ Лефевра-Денуэта, отбилъ пять орудій и захватилъ много плѣнныхъ ([68]). Кутузовъ, въ реляціи о боѣ при Малоярославцѣ, упомянулъ, что непріятель потерялъ 16 орудій (захваченныхъ казаками), какъ будтобы они были отбиты въ сраженіи ([69]).

Послѣ тревоги на боровской дорогѣ, Наполеонъ, возвратясь въ Городню, опять выѣхалъ оттуда, въ десять часовъ утра, въ Малоярославецъ, и осмотрѣвъ подробно поле сраженія, отправился въ свою главную квартиру. Во весь день, 13-го (25-го), войска обѣихъ сторонъ оставались на мѣстѣ: русская армія — въ двухъ съ половиною верстахъ отъ Малоярославца, а непріятельская — на пространствѣ около шестидесяти верстъ, отъ Малоярославца до Можайска, именно: корпусы Даву, вице-короля и часть

резервной кавалеріи занимали Малоярославецъ и стояли впереди города; гвардія съ остальною резервною кавалеріею — между Малоярославцемъ и Городнею; Ней съ двумя дивизіями между Городнею и Боровскомъ; дивизія Клапареда въ Боровскѣ; дивизія Маршана за Боровскомъ; корпусъ Понятовскаго въ Вереѣ; отрядъ Мортье на маршѣ отъ Москвы къ Вереѣ; корпусъ Жюно въ Можайскѣ: всего-же у Наполеона при Малоярославцѣ, (за исключеніемъ 15 тысячъ человѣкъ Нея, 5,700 Понятовскаго, 8,000 Мортье, 5,700 Жюно, 4,000 въ конвояхъ обозовъ и 6,000 убылыхъ въ сраженіи 12-го (24-го) октября) было около 63-хъ тысячъ человѣкъ противъ 90 тысячъ человѣкъ нашей арміи, собранныхъ близъ Малоярославца; французская кавалерія находилась въ самомъ жалкомъ состояніи; артиллеріи у Наполеона было 360, а у насъ 622 орудія, и къ тому-же французская артиллерія едва могла двигаться, а зарядовъ и патроновъ при арміи было только на одно сраженіе ([70]).

Несмотря однакоже на наше превосходство въ силахъ, фельдмаршалъ не рѣшался принять генеральное сраженіе, и хотя ввечеру 12-го (24-го), послѣ боя подъ Малоярославцемъ, писалъ къ Государю, что „ни подъ какимъ видомъ не допустить непріятеля до Калуги“, однакоже, на слѣдующій день, получивъ донесеніе Иловайскаго 9-го, о дѣлѣ при Медыни, вывелъ заключеніе, что Наполеонъ намѣревался обойти нашу армію съ лѣваго фланга, и по тому счелъ нужнымъ отойти назадъ, чтобы приблизиться къ Калугѣ. Какъ на пути къ этому городу не было удобной позиціи, то, по всей вѣроятности, въ случаѣ наступленія Наполеона, Кутузовъ отступилъ-бы за Оку. Жители Калуги, въ день боя подъ Малоярославцемъ, оставили свои домà и пере-

селились на правый берегъ Оки. Еще болѣе страха навело на нихъ отступленіе нашей арміи ([71]). Фельдмаршалъ, оставя подъ Малоярославцемъ Милорадовича, съ корпусами: 2-мъ и 4-мъ пѣхотными, 2-мъ и 4-мъ кавалерійскими, и казачьими полками Карпова, отвелъ прочія войска къ Гончарову и перенесъ свою главную квартиру въ Детчино ([72]). Наполеонъ, получивъ, 14 (26) въ девять часовъ утра, донесеніе объ отступленіи нашихъ передовыхъ войскъ, удовольствовался тѣмъ, что честь его оружія была сохранена уклоненіемъ Кутузова отъ боя, и сталъ отступать по можайской дорогѣ. Войска, собранныя у Малоярославца, были отведены къ Боровску, подъ прикрытіемъ корпуса Даву и части резервной кавалеріи. Тогда-же посланы приказанія: Нею, съ его корпусомъ и обозами стоявшими у Боровска, перейти къ Вереѣ, и на слѣдующій день — къ Можайску; Понятовскому — расположиться у Егорьевскаго, для прикрытія съ фланга движенія арміи, а потомъ отступать къ Гжатску; маршалу Мортье и Клапареду — ускорить движеніе къ Можайску; Жюно — идти къ Вязьмѣ; отряду Эверса, шедшему изъ Вязьмы въ Юхновъ, возвратиться въ Вязьму ([73]). Такимъ образомъ обѣ арміи, въ одно и тоже время, отступали въ противоположныя стороны.

Фельдмаршалъ. получивъ донесеніе Милорадовича объ отступленіи Наполеона по боровской дорогѣ, поручилъ преслѣдованіе его Платову, съ казачьими полками и легкими отрядами, а самъ съ главными силами оставался болѣе сутокъ у Гончарова и Детчина. Между тѣмъ въ главную квартиру пришло извѣстіе — будтобы непріятель двинулся отъ Боровска и Вереи къ Медыни, что̀ заставило фельдмаршала, утромъ 15-го (27-го), выслать генерала Паскевича, съ 26-ю дивизіей и Нѣжинскими драгу-

нами, чрезъ Полотняные заводы, на медынскую дорогу, и выступить съ арміей, въ ночи на 16-е (28-е), къ Полотнянымъ заводамъ. Милорадовичъ съ авангардомъ получилъ приказаніе идти прямо къ Медыни, но будучи введенъ въ заблужденіе извѣстіемъ о движеніи всей наполеоновой арміи къ этому городу, направился къ Адамовскому, (на половинѣ дороги между Полотняными заводами и Медынью) (74). Извѣщая графа Витгенштейна о сраженіи при Малоярославцѣ, фельдмаршалъ писалъ ему: „Непріятель, по видимому, беретъ направленіе обратно къ Боровску, пробираясь фланговымъ маршемъ къ Гжатску. Полагаю ему нанести величайшій вредъ параллельнымъ движеніемъ и наконецъ дѣйствовать на его операціонную линію“ (75). Слѣдовательно — Кутузовъ, еще находясь въ Полотняныхъ заводахъ, имѣлъ намѣреніе преслѣдовать непріятеля съ фланга, заставя его обратиться на опустошенную можайскую дорогу и направя наши войска по другимъ путямъ, представлявшимъ болѣе средствъ для арміи.

Одновременно съ прибытіемъ князя Кутузова къ Полотнянымъ заводамъ, Наполеонъ вышелъ на большую смоленскую дорогу. При движеніи французской арміи чрезъ Верею, присоединились къ ней корпусъ Понятовскаго и отрядъ Мортье (76). Тамъ представлены были Наполеону генералъ-адъютантъ Винцингероде и ротмистръ Нарышкинъ, захваченные при оставленіи непріятелемъ Москвы. На канунѣ сраженія при Тарутинѣ и въ слѣдующіе дни, казаки отряда Винцингероде, дѣлая поиски въ окрестностяхъ Москвы, захватили множество плѣнныхъ, отъ коихъ узнали о выступленіи оттуда Наполеона и о приказаніи взорвать Кремль, данномъ маршалу Мортье. 10 (22) октября, Винцингероде, поручивъ временно свой отрядъ генералъ-маіору (Александру

Христ.) Бенкендорфу, отправился въ Москву, въ видѣ парламентера, съ ротмистромъ Изюмскаго гусарскаго полка Нарышкинымъ; впереди ихъ ѣхалъ, вмѣсто трубача, казакъ съ навязаннымъ на пику бѣлымъ платкомъ. Но наши парламентеры были задержаны Французами и препровождены къ Мортье, который приказалъ отправить ихъ въ главную квартиру. 11 (23) октября выступилъ изъ Москвы Мортье, а въ самую полночь запылалъ кремлевскій арсеналъ и вскорѣ за тѣмъ раздалось послѣдовательно семь взрывовъ: такъ простились наполеоновы полчища съ разоренною ими Москвою! На слѣдующій день, утромъ, генералъ-маіоръ Иловайскій 4-й, оставшійся старшимъ въ отрядѣ Винцингероде, вошелъ въ городъ съ Лейбъ-казаками и казачьими полками своимъ и Перекопскимъ татарскимъ. Наполеонъ, озлобленный неудачею покушенія на Калугу, угрожалъ разстрѣляніемъ генералу Винцингероде, какъ бывшему подданному одного изъ владѣній Рейнскаго Союза (77). Императоръ Александръ, узнавъ о томъ, писалъ князю Кутузову:

„Князь Михаилъ Иларіоновичъ! Вы должны конечно уже быть извѣщены, по рапортамъ генералъ-маіора Иловайскаго 4-го, о несчастномъ приключеніи, случившемся съ генералъ-адъютантомъ барономъ Винцингероде. Даже Турки и азіатскіе народы умѣютъ уважать выѣзжающихъ на переговоры. Но, кажется, всѣ правила, доселѣ свято чтимыя и во время самой революціонной войны соблюдаемыя, нынѣ презрѣны и уступили мѣсто жестокому своеволію Наполеона. Если вы до полученія сего повелѣнія не требовали обратно генерала Винцингероде, захваченнаго, невзирая на переговорный знакъ, который онъ имѣлъ въ рукахъ, предписываю вамъ послать нарочнаго парламентёра съ изъясненіемъ, что онъ взятъ про-

тивъ всѣхъ правилъ въ войнѣ соблюдаемыхъ и что слѣдуетъ его возвратить. Если-же онъ, не взирая на справедливость, почитаться будетъ плѣннымъ, то предложите его вымѣнять на аванпостахъ въ назначенный часъ на генерала Ферріера. Но буде-бы, паче чаянія, злость Наполеона простерлась на лишеніе жизни генерала Винцингероде, то объявите, что за сохраненіе его будетъ отвѣчать жизнь генерала Ферріера, котораго передъ аванпостами и прикажите разстрѣлять непремѣнно, если вы узнаете отъ посланнаго отъ васъ, что генерала Винцингероде уже въ живыхъ нѣтъ, и тогда дайте знать въ непріятельскій лагерь, что впредь пять Французовъ будутъ отвѣчать за одного носящаго россійскій мундиръ и лишеннаго жизни, начиная всегда съ старшихъ чиномъ изъ имѣющихся у насъ плѣнныхъ. Прикажите также вытребовать, или, по крайней мѣрѣ, размѣнять Изюмскаго гусарскаго полка ротмистра Нарышкина, захваченнаго вмѣстѣ съ барономъ Винцингероде.

„С.-Петербургъ. 18 октября 1812 года".

Кутузовъ, получивъ сей Высочайшій рескриптъ, отнесся къ Бертье съ требованіемъ объ освобожденіи генерала Винцингероде и ротмистра Нарышкина ([78]), но они въ это время уже были отправлены чрезъ Смоленскъ.

18 (30) октября, когда Наполеонъ съ главными силами арміи уже миновалъ Гжатскъ, Кутузовъ, продолжая двигаться по прежнему направленію, пришелъ въ Кременское; тогда-же Милорадовичъ, достигнувъ Егорьевскаго, соединился съ отрядомъ Паскевича и съ казаками Карпова; особые отряды были посланы къ Вереѣ. Можайску и по кратчайшему пути къ Смоленску. Фельдмаршалъ неповернулъ тот-

часъ къ Вязьмѣ, раздѣляя общее убѣжденіе, будто-бы Наполеонъ двинется отъ Гжатска, на Сычевку и Бѣлой, къ Двинѣ; но получивъ отзывъ состоявшаго при авангардѣ Милорадовича, генерала Ермолова, что наши главныя силы могутъ идти прямо на Вязьму, будучи совершенно прикрыты авангардомъ направленнымъ къ Гжатску, выступилъ, 19 (31) октября, отъ Кременскаго къ Вязьмѣ ([79]).

Жребій былъ брошенъ! Непріятель отступалъ по опустошенной смоленской дорогѣ...... Русскіе сдѣлали первый шагъ къ Парижу.

ГЛАВА XXXVII.

Дѣла при Вязьмѣ и Красномъ.

Уже шестьнадцать лѣтъ Наполеонъ предводилъ арміями и въ продолженіи этого времени длинный рядъ побѣдъ доставилъ ему господство — сперва надъ Франціею, потомъ — надъ большею частью Европы. И вотъ наконецъ, довелось ему отступать, не достигнувъ цѣли, оставя памятникомъ своего пребыванія въ Россіи гибель собственной арміи и пожарища опустошенной страны. Войска, на обратномъ маршѣ, получили приказаніе истреблять всѣ селенія, и даже отдѣльные дома и сараи: при этомъ имѣлось въ виду нестолько безумное мщеніе — подобное тому, которое побудило взорвать Кремль — сколько желаніе затруднить преслѣдованіе нашимъ войскамъ; но Наполеонъ не достигъ этой цѣли: недостатокъ въ хорошей кавалеріи не позволялъ Французамъ отдѣлять отряды далеко въ стороны отъ большой дороги, и по тому имъ удалось опустошить только узкую полосу вдоль пути ихъ слѣдованія; а, между тѣмъ, разореніе страны усилило ненависть жителей и ослабило въ конецъ дисциплину „Великой арміи.“ Команды зажигателей грабили все ими находимое, предавались всевозможнымъ неистовствамъ и гибли отъ руки раздраженныхъ воиновъ-поселянъ, лютою смертью.

Отступленіе началось при зловѣщихъ предзнаменованіяхъ: при выходѣ Наполеона на можайскую дорогу подулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, и барометръ опустился до 4-хъ градусовъ стужи (по Реомюру). Тогда-же Даву прислалъ въ главную квартиру французской арміи захваченнаго въ плѣнъ 14 (26) октября, нашего офицера, который показалъ, что „русская армія идетъ къ Смоленску." Трудно сказать, какъ могъ разгадать этотъ офицеръ такое движеніе, о которомъ тогда еще не было и въ поминѣ; но не подлежитъ сомнѣнію, что подобное извѣстіе весьма озаботило Наполеона. Желая разсѣять опасенія своихъ сподвижниковъ, онъ приказалъ тотчасъ написать къ Даву, что плѣнный офицеръ немогъ знать ничего о дѣйствительномъ направленіи русской арміи, и что если Русскіе идутъ къ Смоленску, то ихъ можно будетъ атаковать тамъ большими силами, нежели при Малоярославцѣ; но что очень жаль, если распространятся въ войскахъ подобные слухи, дающіе преувеличенное понятіе о силѣ непріятеля, и проч. ([1]).

Французскіе корпусы, постепенно выйдя на большую дорогу, двигались къ Вязьмѣ, эшелонами, въ разстояніи полуперехода одинъ отъ другаго. Самъ Наполеонъ съ гвардіей, 17 (29) октября, на разсвѣтѣ, прошелъ чрезъ поле Бородинской битвы; уже миновало пятьдесятъ два дня со времени страшнаго побоища, а на каждомъ шагу встрѣчались трупы, и вся мѣстность была усѣяна обломками оружія, снарядами, изорванною одеждою и упряжью. 19 (31) октября, Наполеонъ, переночевавъ въ небольшой избѣ безъ оконъ и дверей, прибылъ въ Вязьму; на этомъ переходѣ, онъ ѣхалъ въ коляскѣ, одѣтый въ шубу польскаго покроя ([2]).

На маршѣ къ Вязьмѣ, когда холодъ былъ еще довольно сносенъ, не превосходя четырехъ, или пяти

градусовъ, упадокъ духа непріятельскихъ войскъ уже простирался до того, что многіе изъ солдатъ, бросивъ свое оружіе и оставя знамена, расходились по сторонамъ большой дороги, въ надеждѣ отыскать гдѣ-либо жизненные припасы, не слушали своихъ офицеровъ, грабили собственные обозы и видя явную невозможность увезти находившіяся при нихъ повозки и экипажи, жгли ихъ и взрывали зарядныя фуры. Нѣсколько тысячъ Русскихъ, большею частью захваченныхъ при занятіи непріятелемъ Москвы, питались сырою кониною; когда-же эти несчастные не могли идти далѣе и падали отъ изнуренія силъ, непріятели разстрѣливали ихъ, либо разбивали имъ головы прикладами (3).

Между тѣмъ Кутузовъ, получивъ отъ Ермолова свѣдѣніе, что армія можетъ идти кратчайшимъ путемъ къ Вязьмѣ, подъ прикрытіемъ авангарда, выступилъ съ главными силами, 19 (31) октября, изъ Кременскаго на Спасъ-Кузовы, и направилъ Милорадовича, съ авангардомъ, въ промежуткѣ между арміею и большою смоленскою дорогою, къ Гжатску и Царево-Займищу; Платовъ съ казаками преслѣдовалъ непріятеля съ тыла; партизанскіе отряды Давыдова, Сеславина и Фигнера дѣлали набѣги съ фланга въ тылъ Французамъ; полковникъ Ефремовъ устремился на Сычевку въ обходъ другаго фланга; отрядъ генералъ-адъютанта графа Ожаровскаго былъ посланъ на городъ Ельню прямо къ Смоленску.

20 октября (1 ноября), Наполеонъ оставался въ Вязьмѣ, между тѣмъ какъ войска его продолжали отступать, забирая на маршѣ всѣхъ раненыхъ и больныхъ, остававшихся въ госпиталяхъ. Ему совѣтовали бросить часть артиллеріи и отдать лошадей подъ остальныя орудія; но онъ несогласился на это предложеніе; тѣмъ не менѣе однакоже Даву

былъ принужденъ вскорѣ оставить по дорогѣ 27 орудій. Въ Вязьмѣ были получены донесенія: отъ Сенъ-Сира, объ очищеніи имъ Полоцка; отъ Виктора, о движеніи его изъ Смоленска въ помощь Сенъ-Сиру, и отъ Марѐ, изъ Вильны, объ успѣхахъ одержанныхъ Чичаговымъ надъ Шварценбергомъ. Всѣ эти извѣстія побуждали Наполеона ускорить отступленіе. Смоленскому губернатору Шарпантьѐ было послано предписаніе доставить къ 3-му ноября (22 октября ст. ст.) въ Дорогобужъ вѣдомость объ имѣющихся въ Смоленскѣ жизненныхъ припасахъ, артиллеріи, и проч. Ему-же предписано написать могилевскому губернатору и витебскому коменданту о заготовленіи провіанта и извѣстить ихъ, что „движеніе арміи невынуждено, а есть не что иное какъ маневръ для сближенія съ войсками дѣйствующими на флангахъ, и что съ самаго выступленія изъ Москвы встрѣчаются одни лишь казаки.“ Въ такомъ-же смыслѣ писалъ Наполеонъ и къ Виктору (4). Въ тотъ самый день, 20 октября (1 ноября), Даву, двигавшійся въ арріергардѣ, пройдя чрезъ Гжатскъ, спѣшилъ миновать дефиле у Царево-Займища. Его преслѣдовали, безпрестанно тревожа Французовъ, казаки Платова, поддерживаемые 26-ю дивизіей Паскевича, а лѣвѣе большой дороги шелъ принцъ Евгеній виртембергскій, съ 4-ю дивизіей, въ головѣ авангарда Милорадовича (5). У непріятеля, близъ Вязьмы, было около 38-ми тысячъ человѣкъ (6), а у Милорадовича и Платова неболѣе 25-ти тысячъ (7), а по тому Милорадовичъ предполагалъ, пропустивъ мимо себя главныя силы Наполеона, атаковать арріергардъ Даву при Царево-Займищѣ, гдѣ мѣстность представляла выгоды для отрѣзанія непріятельскаго корпуса. Но Французы, встревоженные преждевременнымъ по-

явленіемъ дивизіи принца Евгенія виртембергскаго, успѣли въ ночи миновать тѣснину (8).

Ночью на 22-е октября (на 3-е ноября) непріятельская армія была расположена слѣдующимъ образомъ: Вестфальцы за Семлевымъ, въ тридцати верстахъ отъ Вязьмы, по дорогѣ къ Смоленску; Наполеонъ, съ гвардіей и частью резервной кавалеріи, въ Семлевѣ; корпусъ Нея, получивъ приказаніе пропустить мимо себя всѣ прочія войска и слѣдовать въ арріергардѣ, оставался въ Вязьмѣ; войска вицекороля и Понятовскаго, пройдя около 6-ти верстъ за Федоровское, остановились для поддержанія корпуса Даву, ночевавшаго близъ Федоровскаго (9). Съ нашей стороны, Платовъ и Ермоловъ, съ казачьимъ отрядомъ и 26-ю дивизіей Паскевича, остановились между Царево-Займищемъ и Федоровскимъ; летучій отрядъ графа Орлова-Денисова, сдѣлавъ набѣгъ близъ Вязьмы, захватилъ канцелярію Наполеона. Авангардъ Милорадовича сталъ у селенія Спасскаго, въ небольшомъ переходѣ отъ Вязьмы. Фельдмаршалъ, съ главными силами, дошелъ до Дубровы, въ двадцати семи верстахъ отъ города (10).

22 октября (3 ноября) Милорадовичъ и Платовъ условились атаковать непріятеля. Кутузовъ могъ-бы поддержать ихъ большею частью арміи, но, избѣгая рѣшительной развязки, сдѣлалъ фланговое движеніе отъ Дубровы къ селенію Быкову, въ десяти верстахъ отъ Вязьмы, куда отрядилъ генерала Уварова, съ обѣими кирасирскими дивизіями, тульскимъ коннымъ ополченіемъ и двумя гвардейскими конными батареями. Авангардъ Милорадовича, пройдя мимо селенія Максимова, двинулся на-перерѣзъ корпусу Даву, подходившему къ Федоровскому и тѣснимому съ тыла казаками Платова. Полковникъ Емануель, съ Ахтырскими гусарами и Кіевскими драгунами, и

полковникъ Юзефовичъ, съ Харьковскими драгунами, кинулись на непріятеля шедшаго по большой дорогѣ и отрѣзали одну изъ его бригадъ; тогда-же Милорадовичъ, выставя на высотахъ вдоль дороги три конныя батареи для обстрѣливанія непріятеля съ фланга, расположилъ за ними остальную кавалерію Корфа и Васильчикова, въ ожиданіи прибытія пѣхоты. Въ десять часовъ утра, принцъ виртембергскій, съ 4-ю дивизіею, обойдя корпусъ Даву, расположился поперегъ большой дороги. Положеніе непріятеля, настигнутаго въ тоже время Курляндскими драгунами и пѣхотою Паскевича, было весьма опасно. Но вице-король, съ корпусами своимъ, Понятовскаго и частью резервной кавалеріи, поспѣшилъ на выручку маршала, что̀ заставило Милорадовича отвести 4-ую дивизію назадъ съ большой дороги и ограничиться обстрѣливаніемъ непріятеля съ фланга. Вице-король, получивъ въ подкрѣпленіе одну изъ дивизій Нея, занялъ позицію и покушался остановить наступленіе русскихъ войскъ, но будучи атакованъ всѣми силами отряда Платова и авангарда, отступилъ къ Вязьмѣ, въ два часа по полудни. Тогда-же Уваровъ, съ кирасирами (кромѣ Кавалергардскаго и Конногвардейскаго полковъ) и Лейбъ-уланами, подойдя къ городу по калужской дорогѣ, остановился на лѣвомъ берегу болотистой рѣчки Улицы, и будучи удержанъ Неемъ, ограничился канонадою съ дальняго разстоянія. Непріятель выказывалъ намѣреніе обороняться въ Вязьмѣ, но наступленіе нашихъ войскъ и переправа Сеславина и Фигнера чрезъ Улицу, на правомъ флангѣ Французовъ, заставили ихъ оставить городъ. Арріергардъ получилъ приказаніе жечь уцѣлѣвшія строенія, и въ особенности тѣ, гдѣ хранились заряды и военные припасы. Уже день склонялся къ вечеру, когда Милорадовичъ приказалъ

штурмовать городъ объятый пламенемъ. Дивизіи Паскевича и Чоглокова пошли въ штыки. Адъютантъ Ермолова, поручикъ Граббе, съ двумя конными орудіями и стрѣлками, и за нимъ Перновскій и Кексгольмскій полки, поддержанные Бѣлозерскимъ полкомъ, первые вошли въ городъ, устлавъ родное пожарище вражескими трупами. Съ другой стороны ворвались въ Вязьму Сеславинъ и Фигнеръ. Непріятель ушелъ торопливо подъ прикрытіемъ корпуса Нея. Дѣло кончилось въ шесть часовъ по полудни. Уронъ Французовъ въ сей день простирался до четырехъ тысячъ убитыхъ и раненыхъ и трехъ тысячъ плѣнныхъ, (въ числѣ которыхъ былъ генералъ Пелетьè); отбиты у непріятеля знамя и три орудія. Съ нашей стороны выбыло изъ фронта 1,800 человѣкъ ([11]). Впрочемъ потери, понесенныя французскою арміею подъ Вязьмою, были для ней менѣе гибельны, нежели разстройство и упадокъ духа войскъ послѣ понесеннаго ими пораженія. Сами Французы сознаются, что у нихъ тогда уже не было — ни порядка, ни дисциплины ([12]). Дѣло подъ Вязьмою нанесло „Великой арміи" ударъ, послѣ котораго она не могла оправиться. Къ сожалѣнію, Кутузовъ не зналъ, до какой степени простиралось ослабленіе непріятеля, и по тому не далъ генеральнаго сраженія, (какъ предлагали ему Коновницынъ, Толь и другіе его сподвижники), а построилъ противнику „золотой мостъ" *) и далъ ему время продлить существованіе жалкихъ остатковъ несмѣтнаго европейскаго полчища. Фельдмаршалъ, двигаясь въ собственной странѣ, получая въ изобиліи жизненные припасы изъ окрестныхъ губерній, имѣя войска хорошо одѣтыя и обутыя, окруживъ непріятеля лету-

*) Одно изъ обычныхъ выраженій князя Кутузова.

чими отрядами, недававшими ему ни отдыха, ни возможности добывать продовольствіе, надѣялся сохранить свою армію и подвергнуть изнуренную, ослабленную армію Наполеона ударамъ Чичагова и Витгенштейна. Послѣдствія не оправдали такого разсчета: русскія войска, преслѣдуя непріятеля въ суровое время года, понесли такой уронъ, какой едва моглибы потерпѣть въ генеральномъ сраженіи; а Наполеонъ хотя и потерялъ полумилліонную армію, однакоже самъ, со всѣми своими маршалами и кадрами корпусовъ, успѣлъ спастись отъ гибели и продлить борьбу въ теченіи трехъ кампаній. То, чего Русскіе могли достигнуть собственными силами, было сдѣлано въ послѣдствіи съ пособіемъ Германіи, обязанной намъ свободою и кичащейся тѣмъ, что не отвергла жертвъ принесенныхъ Россіею благосостоянію и спокойствію Европы.

Наполеонъ, по достиженіи Дорогобужа, вмѣстѣ съ Старою гвардіею, 24 октября (5 ноября), продолжалъ двигаться къ Смоленску. Только лишь корпусъ вице-короля былъ направленъ на Духовщину, для открытія сообщенія съ войсками, дѣйствовавшими на Двинѣ; прочіе-же корпусы, въ нѣсколькихъ эшелонахъ, двинулись по большой смоленской дорогѣ. Наканунѣ выпалъ глубокій снѣгъ; морозъ увеличился до 12-ти градусовъ; дорога покрылась гололедицею, по которой скользили и падали лошади. Французы, неумѣвшіе ковать ихъ на острые шипы, потеряли большую часть остальной кавалеріи и были принуждены бросать на каждомъ шагу повозки и артиллерію. Не имѣя ни теплой одежды, ни обуви, они окутывались во что̀ попало, одѣвались въ дамскія платья, въ рясы, обвертывали ноги въ тряпки и едва могли двигаться; единственною пищею ихъ была конина. Исчезла дисциплина; всѣ связи уваженія, дружбы,

преданности, уступили мѣсто грубому инстинкту самосохраненія; всякой заботился только о себѣ; едва лишь кто падалъ, изнуренный голодомъ и усталостью, какъ сослуживцы его наперерывъ бросались къ нему, срывали покрывавшія его отрепья и дополняли ими свою скудную одежду. Страдальцы, окоченѣвшіе отъ стужи, блуждали, какъ тѣни, кругомъ огней разведенныхъ ихъ товарищами, и были немилосердно отгоняемы прикладами, если не приносили своего полѣна. На каждомъ ночлегѣ замерзало по нѣскольку сотъ человѣкъ ([13]).

Подходя къ Смоленску, Наполеонъ получилъ изъ Парижа извѣстіе о покушеніи генерала Малета—низпровергнуть Имперію и возстановить Республику. Наполеонъ, пораженный тѣмъ, что такое безумное предпріятіе едва-было неудалось, благодаря слухамъ о его смерти, сказалъ: „Et Napoléon II; on n'y pensait donc pas!“ (А Наполеонъ II-й; о немъ и не подумали!).

28 октября (9 ноября), главная квартира французской арміи была переведена въ Смоленскъ. Самъ Наполеонъ и вся его свита, прозябши отъ мороза въ 12 градусовъ при сильномъ вѣтрѣ, слѣзли съ лошадей и шли пѣшкомъ нѣсколько верстъ ([14]). Войска надѣялись, что, по прибытіи въ Смоленскъ, они остановятся, отдохнутъ и получатъ жизненные припасы; но ихъ даже не впустили въ городъ, а расположивъ въ полѣ, приказали ожидать тамъ правильной раздачи провіанта изъ магазиновъ. А между тѣмъ Смоленскъ наполнился толпами безоружныхъ мародёровъ. Только лишь гвардія была снабжена хлѣбомъ на двѣ недѣли; прочія-же войска продолжали питаться кониною и осаждали магазины, кидаясь на всякаго, встрѣченнаго съ кускомъ хлѣба, и вступая въ борьбу съ караульными, которые отгоняли и били солдатъ

прикладами. Въ Смоленскѣ раздали войскамъ ручныя мельницы присланныя изъ Парижа; но онѣ не принесли никакой пользы, потому что молоть было нечего, да и не было на то времени. Въ продолженіи четырехъ-дневнаго пребыванія въ Смоленскѣ, Наполеонъ приказалъ бросить часть артиллеріи, сжечь лафеты, зарядныя фуры, экипажи, и все то, чего нельзя было увезти съ собою. Тогда-же заготовлены мины для взрыва городскихъ стѣнъ. Остатки четырехъ кавалерійскихъ корпусовъ были соединены въ отрядъ, подъ начальствомъ Латуръ-Мобура. Приказано раздать ружья мародёрамъ, привлеченнымъ подъ знамена выдачею жизненныхъ запасовъ. Легко раненые были снабжены провіантомъ и вывезены изъ города; прочіе-же больные и раненые, какъ излишнее бремя для арміи, брошены безъ всякаго присмотра, потому что медики и надзиратели госпиталей торопились уйти вслѣдъ за войсками ([15]).

Въ тотъ самый день, когда Наполеонъ прибылъ въ Смоленскъ, Французы потерпѣли сильное пораженіе на ельненской и духовщинской дорогахъ. Отрядъ генерала Ожеро, атакованный партизанами Давыдовымъ, Сеславинымъ и Фигнеромъ, у Ляхова, былъ частью истребленъ, частью положилъ оружіе. Самъ Ожеро, съ 19-ю офицерами и 1,650-ю нижними чинами, сдался въ плѣнъ ([16]). Корпусъ вице-короля, настигнутый Донцами Платова на переправѣ черезъ Вопь, потерялъ всю свою артиллерію, кромѣ двѣнадцати орудій, (именно 64 орудія), почти всѣ свои обозы и большую часть остававшихся людей. За тѣмъ, приближаясь къ Духовщинѣ, вице-король встрѣтился съ авангардомъ отряда генералъ-адъютанта Кутузова (бывшаго отряда Винцингероде), и хотя успѣлъ оттѣснить съ дороги казаковъ, однакоже, узнавъ о взятіи Витебска русскими войсками, немедленно,

обратился къ Смоленску. Отрядъ Платова сопровождалъ непріятеля, безпрестанно тревожа его и захватывая фуражировъ, отдѣлявшихся отъ колоннъ для добыванія съѣстныхъ припасовъ. 31 октября (12 ноября) войска вице-короля пришли въ Смоленскъ, куда собрались и всѣ прочіе наполеоновы корпуса, но въ слѣдъ за ними появились и казаки Платова ([17]). Тогда-же полковникъ Карпенковъ, преслѣдовавшій Нея по дорогобужской дорогѣ, также подошелъ къ Смоленску. Авангардъ Милорадовича и главныя силы Кутузова, двигаясь на-перерѣзъ мстиславльской дороги, угрожали непріятелю обходомъ, а партизаны отбивали обозы, шедшіе въ Смоленскъ. Наполеонъ не могъ долѣе оставаться тамъ, подвергаясь опасности быть совершенно отрѣзаннымъ. Непріятельская армія, при выступленіи изъ Смоленска, была совершенно разстроена и считала въ рядахъ неболѣе 50-ти тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ до 5-ти тысячъ весьма плохой кавалеріи; большая часть артиллеріи была брошена; остальная-же могла двигаться только по ровной мѣстности ([18]). Наполеонъ довершилъ ослабленіе своей арміи, направя корпуса отъ Смоленска къ Оршѣ въ нѣсколькихъ частяхъ (эшелонахъ), выступавшихъ постепенно днемъ позже одинъ послѣ другаго: такое распоряженіе не могло ни облегчить продовольствованія войскъ, ни послужить къ удобству ихъ движенія, (для чего было-бы достаточно оставить небольшія разстоянія междуэшело нами).

Русская армія, совершавшая переходы въ двадцать пять и болѣе верстъ, по проселочнымъ дорогамъ, заваленнымъ глубокимъ снѣгомъ, въ сильную стужу, также понесла большія потери. Подвижные магазины на волахъ отставали отъ арміи, и хотя наши войска, по личному, заблаговременно сдѣланному, распоряженію Императора Александра, были

снабжены полушубками ([19]), однакоже терпѣли отъ стужи. И по тому не должно удивляться, что наша армія, выступившая изъ Тарутинскаго лагеря въ числѣ около ста тысячъ человѣкъ, спустя три недѣли считала въ рядахъ только пятьдесятъ тысячъ, несмотря на то, что потери ея въ сраженіяхъ не превосходили десяти тысячъ человѣкъ. Впрочемъ — большая часть нашего урона состояла въ больныхъ, которые въ послѣдствіи выздоровѣли и поступили на укомплектованіе арміи, да и войска остававшіяся подъ ружьемъ, сравнительно съ непріятельскими, находились въ превосходномъ состояніи.

31 октября (12 ноября), выступилъ изъ Смоленска головной эшелонъ наполеоновой арміи, состоявшій изъ 800 Поляковъ, (не считая безоружныхъ), подъ начальствомъ генерала Заіончека, за болѣзнью князя Понятовскаго, и 700 Вестфальцевъ генерала Жюно: первый изъ нихъ былъ направленъ по дорогѣ къ Могилеву, получивъ приказаніе переформировать тамъ и въ Оршѣ 5-й корпусъ, но будучи встрѣченъ нашими партизанами, обратился къ Красному. 1 (13) ноября, выступила по красненской дорогѣ дивизія Клапареда, съ такъ называемыми трофеями, казною и обозомъ главной квартиры, а на слѣдующій день, 2 (14), на разсвѣтѣ, Мортье, съ двумя дивизіями Молодой гвардіи, и въ десять часовъ утра — самъ Наполеонъ съ Старой гвардіей. Корпусы вице-короля, Даву и Нея получили приказаніе выступить изъ Смоленска постепенно, также по дорогѣ къ Красному ([20]).

2-го (14-го), графъ Ожаровскій, съ 11-ю пѣхотною дивизіей и 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, атаковалъ непріятельскій отрядъ близъ Корытни и совершенно разбилъ его ([21]). Въ этотъ день было 19 градусовъ стужи, но вообще погода была менѣе сурова, нежели въ зимнюю кампанію 1807 года ([22]).

3-го (15-го). Клапаредъ, обогнавъ Вестфальцевъ, пришелъ въ Красный; за нимъ въ нѣсколькихъ верстахъ двигался Наполеонъ съ гвардіей. Главныя силы Кутузова, кромѣ отряженныхъ впередъ 3-го корпуса и кирасиръ, оставались на днёвкѣ, въ разстояніи небольшаго перехода отъ Краснаго. Милорадовичъ, съ корпусами 2-мъ и 7-мъ пѣхотными и 1-мъ кавалерійскимъ, приблизясь у деревни Ржавки къ большой дорогѣ, въ то время, когда по ней тянулась французская гвардія, открылъ по ней сильную канонаду, а высланные впередъ, Лейбъ-гусары, а также полковникъ Гогель и генералъ-маіоръ Юрковскій, съ Елисаветградскими и Сумскими гусарами, вышли на дорогу, отбили 11 орудій и взяли въ плѣнъ 2,000 человѣкъ (23).

Наполеонъ, достигнувъ Краснаго, поставилъ свою гвардію, въ числѣ до пятнадцати тысячъ человѣкъ, на бивакахъ у города. Здѣсь, узнавъ о расположеніи Русскихъ, вблизи его у Кутькова, онъ приказалъ генералу Рогè, съ одною изъ дивизій Молодой гвардіи, атаковать ихъ, въ ночи съ 3-го на 4-е (съ (15-го на 16-е) ноября; отрядъ Ожаровскаго, потерпѣвъ значительный уронъ, отошелъ къ деревнѣ Палкиной (24). Наполеонъ, узнавъ отъ плѣнныхъ, что Кутузовъ находился въ разстояніи перехода отъ Краснаго, рѣшился остаться въ занятомъ имъ расположеніи, для содѣйствія отступленію вице-короля, Даву и Нея.

Вице-король, съ 5-ю или 6-ю тысячами человѣкъ, выступилъ изъ Смоленска 3 (15) ноября. Тѣснимый казаками Платова, онъ на всемъ маршѣ встрѣчалъ слѣды разрушенія „Великой арміи“: дорога была загромождена брошенными обозами и артиллеріею; на каждомъ шагу попадались оружіе, аммуниція, упряжь и множество труповъ, которыми были на-

полнены овраги и канавы, для удобнѣйшаго перехода по нимъ повозокъ и орудій. Переночевавъ верстахъ въ десяти отъ Смоленска, вице-король, 4 (16), двинулся къ Красному ([25]). Съ нашей стороны, авангардъ Милорадовича, усиленный 2-мъ кавалерійскимъ корпусомъ, сдѣлалъ фланговое движеніе, параллельно большой дорогѣ отъ Ржавки къ Мерлину (ближе къ Красному); графъ Остерманъ, съ 4-мъ пѣхотнымъ и 4-мъ кавалерійскимъ корпусами, остался у Кобызева, для прикрытія съ фланга обозовъ арміи, а князь Кутузовъ, съ главными силами, ввечеру, приблизясь къ Красному, расположился въ полупереходѣ отъ города, между Новоселками и Шиловою. Между тѣмъ, въ четыре часа по полудни, появился на большой дорогѣ близъ Мерлина, корпусъ вице-короля, со множествомъ безоружныхъ, окруженный со всѣхъ сторонъ тучами казаковъ. Принцъ Евгеній виртембергскій, расположивъ свою дивизію поперегъ дороги, за оврагомъ, встрѣтилъ непріятеля сильною канонадою и разсѣялъ головную его колонну. Но Милорадовичъ, получивъ отъ фельдмаршала приказаніе—избѣгать рѣшительнаго боя, приказалъ принцу сойти съ дороги и послалъ къ вице-королю полковника князя Кудашева, требуя, чтобы онъ положилъ оружіе. Вице-король, рѣшась проложить себѣ путь силою, двинулъ часть войскъ противъ принца Евгенія и прибывшаго къ нему въ помощь Паскевича, а самъ кинулся вправо и пользуясь наступившею темнотою, пробрался въ Красной. Уронъ его простирался до двухъ тысячъ человѣкъ; одно знамя и вся остальная артиллерія 4-го корпуса *), въ числѣ семнадцати орудій, достались побѣдителямъ. Съ на-

*) Корпусъ вице-короля получилъ въ Смоленскѣ нѣсколько орудій въ замѣнъ артиллеріи потерянной при переправѣ черезъ Вопь.

шей стороны убито и ранено около 800 человѣкъ. Въ этомъ дѣлѣ особенно отличились Московскій и Каргопольскій драгунскіе полки ([26]).

Наполеонъ, котораго смѣлость, казалось, возрастала по мѣрѣ осторожности князя Кутузова, рѣшился нетолько остаться у Краснаго, но перейти въ наступательное положеніе, чтобы отвлечь наши войска отъ большой дороги и способствовать отступленію корпусовъ Даву и Нея. Кутузовъ, тогдаже, получивъ отъ Сеславина извѣстіе, будтобы Наполеонъ съ гвардіею уже выступилъ въ Ляды, наконецъ согласился атаковать непріятеля у Краснаго. На основаніи диспозиціи, составленной Толемъ, рѣшено было, подъ прикрытіемъ 3-го пѣхотнаго корпуса и 2-й кирасирской дивизіи, стоявшихъ у Новоселокъ, направить Тормасова, съ главными силами арміи, въ обходъ Краснаго, на оршинскую дорогу, къ Доброму, и отрѣзать дальнѣйшее отступленіе всѣмъ французскимъ войскамъ, неуспѣвшимъ миновать сего пункта; одновременно съ тѣмъ, предполагалось атаковать ихъ съ фронта остальными войсками, подъ начальствомъ князя Голицына, Милорадовича и графа Остермана ([27]). Еслибы этотъ превосходный планъ былъ своевременно исполненъ, то, судя по относительному положенію и силамъ обѣихъ сторонъ, Наполеонъ едва могъ-бы избѣжать гибели или плѣна ([28]).

Въ тотъ-же день, 5 (17) ноября, Наполеонъ, съ пятнадцатью тысячами человѣкъ гвардіи, рѣшился атаковать стоявшія противъ него, въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ, войска Кутузова, у котораго были двойныя, а вмѣстѣ съ Милорадовичемъ и Остерманомъ тройныя силы. По всей вѣроятности, Наполеонъ надѣялся, что слишкомъ осторожный его противникъ, будучи внезапно атакованъ, сблизитъ войска

Милорадовича къ своимъ главнымъ силамъ и откроетъ путь корпусу Даву по большой дорогѣ къ Красному. Изъ числа пятидесяти орудій гвардейской артиллеріи, только тѣ, которыя состояли при Молодой гвардіи, могли двигаться вмѣстѣ съ войсками; прочія-же, подъ коими было запряжено по двѣнадцати и болѣе измореннызъ лошадей, едва могли тащиться по дорогѣ; кавалерія гвардейская и латуръ-мобурова, въ числѣ двухъ тысячъ двухъ сотъ человѣкъ, находилась въ самомъ жалкомъ состояніи (29). Остатки-же корпуса вице-короля, въ числѣ 3,500 человѣкъ, совершенно неспособные къ бою, еще до разсвѣта, были высланы по дорогѣ въ Ляды (40).

Маршалъ Даву, съ своимъ корпусомъ, прибывъ наканунѣ ввечеру въ окрестности Корытни, и узнавъ тамъ о пораженіи вице-короля и о расположеніи Милорадовича на пути къ Красному, выступилъ съ ночлега, 5-го (17-го), въ три часа утра, миновалъ на разсвѣтѣ мѣстность, гдѣ сражался вице-король, и около девяти часовъ поравнялся съ расположеніемъ нашего авангарда, тогда стоявшаго у деревни Ларіоновой, близъ большой дороги. Въ тотъ день, у Даву оставалось 7,500 человѣкъ съ 15-ю орудіями. Принцъ виртембергскій, завидя его, выдвинулъ пятьдесят два орудія и устремился впередъ съ своею дивизіею. Положеніе Французовъ, кои должны были, подъ сильною канонадою, переходить черезъ довольно глубокій оврагъ рѣчки Лосмины, было весьма опасно. Но едва лишь наша артиллерія успѣла сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ, какъ Милорадовичъ, получившій приказаніе — не отрѣзывать отступленіе непріятелю, а преслѣдовать его, какъ только онъ пройдетъ мимо, подъѣхалъ къ принцу и объявилъ ему, что фельдмаршалъ запретилъ авангарду завязывать рѣшительное дѣло. Такое распоряженіе по-

разило бездѣйствіемъ войска авангарда до самаго вечера ([31]).

Между тѣмъ Тормасовъ, съ 6-мъ, 8-мъ и 5-мъ пѣхотными корпусами и съ 1-ю кирасирскою дивизіею, двинулся по указанному ему направленію, а князь Голицынъ, занявъ селеніе Уварово, за Лосминою, готовился перейти черезъ рѣчку и атаковать Французовъ, но Наполеонъ предупредилъ его: „J'ai assez fait l'empereur; il est tems de faire le général.“ (Довольно уже я былъ императоромъ; пора снова быть генераломъ) сказалъ онъ. Войска его успѣли занять часть Уварова и покушались переправиться на правый берегъ Лосмины, но были удержаны 3-мъ корпусомъ. Князь Голицынъ, отразивъ непріятеля, перешелъ въ слѣдъ за нимъ черезъ рѣчку, со всѣми ввѣренными ему войсками, кромѣ одной бригады гренадеръ, оставленной на правомъ берегу, въ видѣ резерва. Генералъ-маіоръ Дука, съ Новгородскими и Малороссійскими кирасирами, кинулся на гвардейскихъ вольтижёровъ 1-го полка и заставилъ Французовъ свернуться въ каре; тѣмъ неменѣе однакоже наступленіе наполеоновой гвардіи способствовало войскамъ Даву отойти за Лосминскій оврагъ; головная дивизія его была послана къ селенію Уварову, для содѣйствія гвардіи, и выдвинута въ первую линію; прочія-же, по мѣрѣ перехода черезъ оврагъ, шли безостановочно въ Красной, и далѣе по дорогѣ въ Ляды. Наполеонъ, между тѣмъ, узнавъ о движеніи Русскихъ на оршинскую дорогу, неосмѣлился оставаться долѣе у Краснаго и выжидалъ только, пока послѣдняя дивизія Даву перейдетъ за Лосмину. Къ сожалѣнію, Кутузовъ, получивъ отъ плѣнныхъ свѣдѣніе, что самъ Наполеонъ съ Старою гвардіей сражался у деревни Уваровой, счелъ опаснымъ стать на

пути его къ Оршѣ и послалъ приказаніе Тормасову остановиться ([32]).

Какъ только дивизія Фридрихса, шедшая въ хвостѣ колонны Даву, отошла за Лосмину, Наполеонъ, приказавъ Фридрихсу занять Красной, сталъ отводить прочія войска къ городу. Съ нашей стороны, 3-й корпусъ графа Строганова и 2-я кирасирская дивизія преслѣдовали непріятеля по пятамъ. Около полудня князь Голицынъ, совершенно сбивъ непріятеля съ позиціи у Краснаго, обратилъ его въ бѣгство и преслѣдовалъ конницею. Полковникъ Никитинъ, перейдя съ своею конною ротою черезъ Лосмину, и подъѣхавъ на самое близкое разстояніе къ лѣвому крылу Французовъ, разсѣялъ ихъ картечью, опередилъ преслѣдовавшихъ непріятеля кирасиръ, построилъ въ эскадронъ своихъ канонировъ, гналъ опрокинутыя войска чрезъ весь городъ и отбилъ три орудія. Успѣхи войскъ Князя Голицына разсѣяли опасенія фельдмаршала; генералу Тормасову было послано приказаніе — идти какъ можно поспѣшнѣе, къ Доброму. Но уже было поздно: русскія войска, простоявъ на мѣстѣ около трехъ часовъ, не могли вознаградить потеряннаго времени, тѣмъ паче, что имъ пришлось тянуться въ длинной колоннѣ по единственной проселочной дорогѣ, заваленной снѣгомъ. Въ сумерки генералъ Розенъ, съ авангардомъ Тормасова, вышелъ на большую дорогу, къ Доброму. Наполеонъ, съ гвардіей и большою частью корпуса Даву, тогда уже миновалъ это селеніе, и только остатки дивизіи Фридрихса находились между Добрымъ и Краснымъ. Генералъ Розенъ, отрѣзавъ непріятеля, атаковалъ его Л. Гв. егерскимъ и Финляндскимъ полками и погналъ назадъ къ Красному. Три французскихъ полка были совершенно разсѣяны ([33]). Вообще-же непріятель потерялъ въ

сей день одними плѣнными шесть тысячъ человѣкъ и 45 орудій (по другимъ свѣдѣніямъ—девять тысячъ человѣкъ и 70 орудій); отбиты два знамя и огромные обозы, въ которыхъ, между прочимъ, найдены жезлъ маршала Даву и часть канцеляріи самаго Наполеона. Съ нашей стороны, уронъ не превышалъ семисотъ человѣкъ (34).

Наполеонъ, въ три часа по полудни, прибылъ въ Ляды, куда въ ночи собрались остатки гвардіи и корпуса Даву; на слѣдующій день они двинулись къ Дубровнѣ. Русскія войска, вечеромъ послѣ боя, расположились частью между Добрымъ и Краснымъ, частью въ окрестностяхъ Краснаго. Тогда-же, по Высочайшему повелѣнію, обѣ гренадерскія дивизіи соединены въ 3-й корпусъ, подъ начальствомъ графа Строганова; изъ 3-й и 4-й дивизій составленъ 2-й пѣхотный корпусъ, подъ начальствомъ произведеннаго въ генералъ-лейтенанты принца Евгенія виртембергскаго, а 17-я дивизія поступила въ 8-й корпусъ, за болѣзнью Бороздина 1-го, ввѣренный бывшему посланнику въ Неаполѣ, генералъ-лейтенанту князю Долгорукову (35).

По отступленіи Наполеона къ Лядамъ, корпусъ Нея былъ обреченъ гибели, или плѣну. Маршалъ Ней прибылъ въ Смоленскъ, 3 (15) ноября, по полудни. Магазины, находившіеся въ городѣ, тогда уже были разграблены; безпрестанно прибывали толпы безоружныхъ, полумертвыхъ мародёровъ; отъ бивачныхъ огней, разложенныхъ въ улицахъ, загорѣлось много домовъ. 4 (16), въ восемь часовъ вечера, Ней получилъ депешу, въ коей Даву извѣщалъ своего товарища о пораженіи вице-короля, объясняя обстоятельства, побуждавшія его самаго ускорить отступленіе. Но отважный маршалъ, которому было разрѣшено отложить выступленіе изъ

Смоленска до 5 (17) ноября, если онъ неуспѣетъ приготовить мины для взрыва стѣнъ города и привести въ негодность брошенную артиллерію, необратилъ вниманія на полученныя извѣстія и остался въ Смоленскѣ еще нѣсколько часовъ, сказавъ окружавшимъ его, что „казаки не заставятъ его нарушить полученную имъ инструкцію“ ([36]).

Въ два часа по полуночи, 5 (17) ноября, выступилъ изъ Смоленска Ней, съ остатками своего корпуса и дивизіи Рикара, въ числѣ восьми тысячъ человѣкъ пѣхоты и трехъ сотъ кавалеристовъ, съ 12-ю орудіями; войска его получили въ Смоленскѣ шинели, обувь, патроны и трехъ-дневную дачу хлѣба; около семи тысячъ безоружныхъ мародёровъ, тянувшихся въ безпорядкѣ за корпусомъ и при каждой тревогѣ искавшихъ убѣжище въ ближайшихъ колоннахъ, весьма затрудняли движеніе войскъ. Чрезъ полчаса по выходѣ арріергарда, въ городѣ раздался взрывъ; за нимъ послѣдовало нѣсколько другихъ. Множество Французовъ, лежавшихъ въ госпиталяхъ, погибли жертвами безумной злобы бѣгущаго завоевателя, но мщеніе его оказалось безсильно, и непріятелямъ удалось взорвать только восемь башень и Королевскую крѣпость. Нѣсколько сотъ мародёровъ, оставшихся въ городѣ для грабежа, попали въ руки Смолянъ, вышедшихъ изъ подваловъ и другихъ убѣжищъ; нѣкоторые изъ грабителей были брошены въ пламя зажженныхъ ими строеній; другіе—въ проруби Днѣпра. Но какъ только вступили въ Смоленскъ егеря маіора Горихвостова, то были прекращены эти истязанія и оказана посильная помощь больнымъ и раненымъ Французамъ. Въ городѣ найдено 17 русскихъ и 140 непріятельскихъ орудій, до шестисотъ фуръ и повозокъ и болѣе четырехъ тысячъ больныхъ и отсталыхъ непріятелей. По занятіи Смо-

ленска, Платовъ оставилъ тамъ комендантомъ Горихвостова съ 20-мъ егерскимъ полкомъ и сотнею казаковъ, послалъ въ слѣдъ за Неемъ, по дорогѣ къ Красному, отряды генералъ-маіоровъ Грекова 1-го и Денисова; а самъ, съ 1-мъ егерскимъ полкомъ, двѣнадцатью казачьими полками и донскими орудіями, устремился правымъ берегомъ Днѣпра къ Катани (37).

Войска Нея, переночевавъ у Корытни, выступили оттуда на слѣдующій день, 6 (18) ноября, около полудня; авангардъ ихъ къ вечеру достигъ Лосмины. Въ главной квартирѣ фельдмаршала, еще наканунѣ, узнали отъ плѣнныхъ, что цѣлый французскій корпусъ оставался назади въ Смоленскѣ, но не обратили на то надлежащаго вниманія, и даже не извѣстили о полученномъ свѣдѣніи Милорадовича, котораго авангардъ, находясь на дорогѣ къ Красному, подвергался прежде всѣхъ прочихъ войскъ встрѣчѣ съ непріятелемъ. Такую безпечность нашей главной квартиры объясняютъ тѣмъ, что во весь день не могли отыскать Милорадовича, но и въ отсутствіи его можно былобы сдѣлать надлежащія распоряженія, на случай появленія Французовъ на смоленской дорогѣ. Вмѣсто того, войска нашего авангарда, стоявшія между Лосминою и Краснымъ, были обращены тыломъ къ рѣчкѣ и не приняли никакихъ мѣръ предосторожности. Ней, съ своей стороны, надѣясь найти Наполеона съ гвардіей, въ Красномъ, также не ожидалъ встрѣтиться съ Русскими. Дивизія Рикара, шедшая въ авангардѣ его корпуса, двигаясь въ густомъ туманѣ, перешла черезъ лосминскій оврагъ, прежде нежели наши генералы успѣли вывезти на позицію батареи и построить къ бою прикрывавшіе ихъ полки. Ближайшія къ оврагу орудія были захвачены Французами, но 12-я дивизія опрокинула непріятеля, а Паскевичъ,

съ 26-ю дивизіей, ударилъ ему во флангъ. Генералъ Рикаръ былъ раненъ; войска его отступили въ безпорядкѣ на слѣдовавшія за нимъ дивизіи неева корпуса. Между тѣмъ постепенно собрались на Лосминѣ войска Милорадовича: въ 1-й линіи стали 7-й и гренадерскій (3-й) корпусы; въ резервѣ—2-й пѣхотный, 1-й кавалерійскій и 2-я кирасирская дивизія, а 2-й кавалерійскій корпусъ, перейдя чрезъ Лосмину при Уваровѣ, двинулся въ обходъ непріятеля. Милорадовичъ, замѣтя разстройство опрокинутой французской дивизіи, послалъ парламентера къ Нею, съ приказаніемъ объявить, что передъ нимъ стоитъ восьмидесяти-тысячная армія, и потребовать, чтобы онъ положилъ оружіе. Положеніе маршала казалось безвыходно: у него подъ ружьемъ было не болѣе шести тысячъ человѣкъ съ двѣнадцатью орудіями. Вмѣсто отвѣта, онъ задержалъ парламентера, подъ предлогомъ нѣсколькихъ пушечныхъ выстрѣловъ нами сдѣланныхъ во время переговоровъ; дѣйствительною-же причиною тому было опасеніе, чтобы нашъ офицеръ не далъ свѣдѣнія о жалкомъ состояніи французскаго корпуса. Непріятели, собравшись съ силами, пошли въ штыки на нашу позицію и, несмотря на осыпавшую ихъ картечь, уже почти касались стоявшихъ на ней орудій; но въ эту самую минуту пѣхота двинулась на встрѣчу непріятелю. Паскевичъ, съ Орловскимъ и 5-мъ егерскимъ полками, разсѣялъ колонну наступавшую по большой дорогѣ. Самъ Милорадовичъ подъѣхалъ къ лѣвому крылу и, указавъ Павловцамъ на Иллирійскій полкъ, тогда переходившій черезъ Лосмину, сказалъ: „дарю вамъ, ребята, эту колонну!“ И здѣсь непріятель былъ опрокинутъ въ оврагъ съ большимъ урономъ. Л. Гв. уланскій полкъ ударилъ на 18-й линейный полкъ и совершенно разстроилъ его; при этой атакѣ.

корнетъ Карачаровъ съ рядовымъ Дарченкомъ, изрубивъ знаменосца и нѣсколькихъ его товарищей, отбили орла, а штабъ-ротмистръ Мейеръ и корнетъ Вейссъ, со взводомъ уланъ, захватили шесть орудій. Непріятель, пользуясь наступившею темнотою, обратился къ Днѣпру съ остальными шестью орудіями и обозами; туда-же потянулись всѣ безоружные. Полковникъ Гундіусъ, отряженный съ тремя эскадронами Лейбъ-уланъ, для преслѣдованія непріятеля, блуждавшаго къ сѣверу отъ Краснаго, отрѣзалъ и взялъ въ плѣнъ колонну, въ числѣ 2,500 человѣкъ, то есть въ десять разъ болѣе наличнаго числа своихъ уланъ ([38]). Особенно отличившіеся въ сей день полки, Лейбъ-уланскій и Орловскій пѣхотный, по представленію, Милорадовича, получили: первый Георгіевскіе штандарты, а второй — серебряныя трубы ([39]).

Неуспѣвъ пробиться сквозь русскія войска, Ней собралъ на-скоро три тысячи человѣкъ, еще способныхъ сражаться, и вмѣстѣ съ ними двинулся къ Днѣпру, чтобы перейти на правую сторону рѣки и достигнуть окольнымъ путемъ Орши. Ему надлежало пробираться по проселочнымъ дорогамъ, и частью даже вовсе безъ дороги, неимѣя проводниковъ и руководясь весьма плохою картою. Въ такихъ обстоятельствахъ, онъ повелъ своихъ солдатъ внизъ по теченію встрѣченнаго имъ ручья, въ надеждѣ, что онъ впадаетъ въ Днѣпръ. Дойдя до какого-то селенія, оставленнаго жителями, маршалъ приказалъ развести на бивакахъ огни и далъ короткій отдыхъ отряду; а за тѣмъ двинулся далѣе, взявъ въ проводники захваченнаго Французами хромаго крестьянина, который объяснилъ, какъ могъ *), что версты

*) При отрядѣ Нея были польскіе офицеры

за четыре оттуда, близъ деревни Сырокоренья, Днѣпръ замерзалъ ранѣе, нежели въ прочихъ мѣстахъ. И дѣйствительно тамъ, гдѣ русло рѣки стѣснялось довольно крутыми берегами, можно было перейти по льду пѣшкомъ. Около полуночи началась переправа; артиллерія, обозы, раненые, неимѣвшіе силъ слѣдовать за войсками, были оставлены. По непрочности льда удалось перевести черезъ рѣку только нѣсколько лошадей, и даже столпившіеся люди проваливались и погибали; многіе изъ нихъ переползали по тонкому льду на четверенькахъ. Перейдя на правый берегъ Днѣпра, Французы двинулись далѣе, по едва замѣтнымъ, заваленнымъ снѣгами, тропинкамъ, черезъ лѣсъ; ослѣпляемые густою мятелью, они шли на удачу и послѣ трехъ-часоваго марша прибыли къ деревушкѣ, гдѣ нашли немного муки и картофеля. Немедленно были разведены большіе огни; солдаты, прозябшіе до костей отъ холода и сырости, толпились около костровъ, ѣли полусырой картофель, и ободренные надеждою спасенія, говорили; „Bah! L'empereur saura bien nous tirer de ce chien de pays.“ (Ну, что-же! Императоръ сумѣетъ вывести насъ изъ этого проклятаго края!). Далѣе — Французы, двигаясь на Гусиное къ Любавичамъ, находили въ селеніяхъ, оставленныхъ жителями, съѣстные припасы, и подкрѣпивъ силы, надѣялись вскорѣ придти въ Оршу; но будучи настигнуты казаками Платова, свернули съ прямой дороги, влѣво черезъ лѣсъ, вдоль Днѣпра. Казаки однакоже и тамъ отрѣзали путь непріятелю, и какъ только, съ разсвѣтомъ, 8 (20), Французы вышли на открытую мѣстность, Платовъ сдѣлалъ по нимъ, изъ орудій, поставленныхъ на полозки, нѣсколько выстрѣловъ картечью и приказалъ Донцамъ „ударить въ дротики.“ Тогда Ней, построивъ остатки своего

корпуса въ два каре и поставя насильно въ ряды ихъ всѣхъ одиночныхъ людей сохранившихъ ружья, выслалъ стрѣлковъ и подъ прикрытіемъ ихъ продолжалъ отступать. Французы, осыпаемые картечью, готовы были разсѣяться и искать спасенія въ бѣгствѣ, и только лишь усилія „храбрѣйшаго изъ храбрыхъ“ (le brave de braves), какъ справедливо называли Нея во французской арміи, удержали отрядъ въ порядкѣ и способствовали ему достигнуть около полудня селенія Якубова. Тамъ, занявъ стрѣлками домà, оборонялся онъ весь день „съ свирѣпымъ упорствомъ“ — по словамъ Платова, а въ девять часовъ вечера, выступивъ скрытно, встрѣтился съ высланнымъ къ нему въ помощь авангардомъ вице-короля, подъ прикрытіемъ котораго пришелъ въ Оршу съ остаткомъ своего корпуса, въ числѣ отъ 800 до 900 человѣкъ (40).

Дѣлà подъ Краснымъ, съ 3-го (15) по 6-е (18-е) ноября, довершили разстройство непріятельской арміи: трофеями нашей побѣды были 116 орудій, (несчитая 112-ти брошенныхъ непріятелемъ на маршѣ отъ Смоленска), нѣсколько орловъ и жезлъ маршала Даву; плѣнныхъ захвачено болѣе 20-ти тысячъ, въ числѣ коихъ 7 генераловъ и 300 офицеровъ, убито и ранено до шести тысячъ. Съ нашей-же стороны вообще выбыло изъ фронта до двухъ тысячъ человѣкъ (41). Подъ Краснымъ остатки „Великой арміи“ совершенно утратили свою боевую силу; но князь Кутузовъ невполнѣ воспользовался возможностью истребить непріятеля. Вмѣсто того, чтобы окончить войну рѣшительнымъ ударомъ, онъ ограничлися ослабленіемъ наполеоновой арміи, предоставя довершить ея уничтоженіе голоду, стужѣ и упадку дисциплины. По словамъ принца Евгенія виртембергскаго, фельдмаршалъ, встрѣтясь съ нимъ между Краснымъ и

Оршею, сказалъ ему: „Наша молодёжъ съ горяча досадуетъ на меня старика, за то, что удерживаю ея порывы. Надлежало-бы сообразить, что обстоятельства сами собою дѣйствительнѣе нашего оружія. Не придти-же намъ на границу толпою бродягъ!“ ([42]). Говорятъ также, будтобы Кутузовъ сказалъ англійскому генералу Вильсону, который безпрестанно надоѣдалъ ему напоминаніями о необходимости рѣшительныхъ дѣйствій: „Я вовсе не думаю, чтобы уничтоженіе владычества Наполеона было выгодно для Европы; это повело-бы къ преобладанію Англіи, вмѣсто нынѣшняго преобладанія Франціи.“ Въ донесеніяхъ Государю, Кутузовъ приписывалъ медленность своего преслѣдованія неимѣнію точныхъ свѣдѣній о непріятелѣ, что, при значительномъ числѣ нашихъ легкихъ войскъ, весьма сомнительно. Дѣйствительными-же причинами тому были: опасеніе встрѣтиться лицемъ къ лицу съ Наполеономъ и желаніе, весьма естественное въ шестидесяти-семилѣтнемъ полководцѣ, дѣйствовать на-вѣрно. Самъ верховный руководитель Отечественной войны, Александръ неоднократно изъявлялъ сожалѣніе о нерѣшительности нашего преслѣдованія, но наградилъ Кутузова, за побѣды подъ Краснымъ и вообще въ смоленской губерніи, повелѣвъ ему именоваться *Смоленскимъ*. Главному виновнику пораженія Французовъ подъ Вязьмою и Краснымъ, Милорадовичу, пожалованъ орденъ Св. Георгія 2-го класса; Платовъ возведенъ въ графское достоинство.

Послѣ дѣла 5 (17) ноября, Наполеонъ, переночевавъ въ Лядахъ, прибылъ на другой день въ Дубровну, имѣніе княгини Любомирской, и остановился въ ея домѣ. Французы нашли въ Дубровнѣ небольшой магазинъ; селенія въ могилевской губерніи не были оставлены жителями и представляли нѣкоторыя

средства для войскъ. Но уже ничто немогло спасти остатки „Великой арміи,“ число коихъ, вмѣстѣ съ безлошадными кавалеристами, не превосходило двадцати тысячъ человѣкъ, не имѣвшихъ при себѣ почти вовсе ни кавалеріи, ни артиллеріи. Въ Дубровнѣ Наполеонъ получилъ свѣдѣнія: о взятіи Русскими Витебска; о пораженіи Виктора при Чашникахъ, 2 (14) ноября; о занятіи Минска, 4 (16), войсками Чичагова (43). Несмотря однакоже ни на опасность, угрожавшую сообщеніямъ арміи, ни на жалкое ея состояніе, Наполеонъ выказывалъ намѣреніе расположиться на зимнихъ квартирахъ за Березиною, хотя ничтожныя вооруженія и пожертвованія, сдѣланныя въ пользу Французовъ жителями Литвы и Польши, должны были убѣдить его, что Поляки разгадали маккіавеллизмъ его политики, и что онъ немогъ нисколько надѣяться на ихъ дружное содѣйствіе; неменѣе было очевидно, что Русскіе не позволили-бы непріятельской арміи зимовать на Березинѣ. Наполеонъ, желая однакоже поддержать самоувѣренность своихъ сподвижниковъ, предписалъ маршалу Удино идти къ Борисову, присоединить къ своему корпусу польскія войска Домбровскаго и Брониковскаго и двинуться въ авангардѣ арміи къ Минску, а Виктору—прикрыть расположеніемъ своего корпуса Борисовъ и Вильну (44). 7 (19) ноября, въ часъ по полудни, Наполеонъ, прибывъ въ Оршу, немедленно занялся переформированіемъ остатковъ арміи. Войска получили изъ тамошнихъ складовъ провіантъ и оружіе; для сбора мародёровъ назначены пункты: Орша, Баранъ и Кохановo. Въ Оршѣ находились 36 орудій и два понтонныхъ парка; рѣшась пожертвовать понтонами, для снабженія лошадьми артиллеріи, Наполеонъ приказалъ сжечь оба парка

а равно и всѣ лишніе обозы. Изъ шести вновь сформированныхъ батарей, двѣ отданы вице-королю, потерявшему всю свою артиллерію; двѣ поступили въ корпусъ Даву, у котораго оставалось только восемь орудій, и двѣ приданы кавалеріи Латуръ-Мобура. Солдатамъ позволено имѣть при себѣ только патроны, хлѣбъ, бѣлье и обувь ([45]).

Готовясь выступить изъ Орши, 8 (20) ноября, Наполеонъ послалъ предписаніе Виктору расположиться у Череи, для прикрытія съ фланга арміи, при движеніи ея отъ Орши къ Борисову, и для слѣдованія за нею въ аррієргардѣ. Какъ, между тѣмъ, все еще не было никакого свѣдѣнія о Неѣ, то Наполеонъ, около полудня, выступивъ изъ Орши, прибылъ къ вечеру въ Бараны. Тамъ, отъ прискакавшаго въ слѣдъ за главною квартирою Гурго, получено донесеніе, что Ней уже подходилъ къ Оршѣ, и что вице-король, съ четырьмя тысячами человѣкъ, двинулся ему на встрѣчу. Наполеонъ, считавшій Нея погибшимъ, узнавъ о его спасеніи, сказалъ: „J'ai deux cents millions dans mes caves de Tuileries, je les aurais donné pour sauver le maréchal Ney.“ (У меня въ подвалахъ Тюильри хранится двѣсти милліоновъ; я отдалъ-бы ихъ, чтобы спасти Нея). По случаю оттепели, наступившей 6 (18) ноября, ночлеги на бивакахъ, были сноснѣе прежнихъ, но движеніе войскъ по глубокому размякшему снѣгу и по грязи сдѣлалось очень трудно, и въ особенности для тѣхъ солдатъ, которые, износивъ обувь, обертывали ноги чѣмъ попало. Усиленные марши войскъ и ночлеги на бивакахъ, въ изорванной, промокшей насквозь одеждѣ, вмѣстѣ съ совершеннымъ упадкомъ дисциплины и мародёрствомъ, довершили ослабленіе остатковъ „Великой арміи“: на первомъ переходѣ отъ Орши, кавалерія Латуръ-Мобура считала въ рядахъ

только двѣсти человѣкъ, а гвардейская кавалерія, служившая конвоемъ для главной квартиры, неболѣе тысячи шестисотъ всадниковъ. Незначительныя подкрѣпленія, присоединившіяся къ арміи на маршѣ, не могли вознаградить потерь ея ([49]). Въ такомъ положеніи находился Наполеонъ, когда, подходя къ Толочину, 10 (22) ноября, получилъ отъ маршала Удинò донесеніе о взятіи Рускими борисовскаго тет-де-пона ([47]).

ГЛАВА XXXVIII.

Изгнаніе непріятеля изъ Россіи.

Послѣ дѣлъ при Красномъ положеніе французской арміи сдѣлалось крайне опасно. Съ тыла, по столбовой дорогѣ, преслѣдовалъ непріятеля Ермоловъ, съ авангардомъ, составленнымъ изъ части гвардіи и 6-го пѣхотнаго корпуса (1); по правому берегу Днѣпра шелъ казачій отрядъ Платова, готовясь отрѣзать путь отступленія непріятелю при Дубровнѣ, либо Оршѣ; правѣе Платова, изъ Духовщины на Бабиновичи, былъ направленъ отрядъ генералъ-адъютанта Кутузова, а графъ Витгенштейнъ, разбивъ корпусы Сенъ-Сира и Удино при Полоцкѣ, и оттѣснивъ послѣдній вмѣстѣ съ корпусомъ Виктора къ Череѣ, стоялъ у Чашниковъ, угрожая съ фланга отступавшимъ остаткамъ „Великой арміи". Съ другой стороны большой дороги были направлены: Сеславинъ къ Дубровнѣ, графъ Ожаровскій къ Горкамъ, авангардъ Милорадовича и за нимъ главныя силы арміи на Копысъ; тогда-же армія Чичагова, по взятіи графомъ Ламбертомъ борисовскаго тет-де-пона, 9 (21) ноября, расположилась на Березинѣ, занявъ авангардомъ Борисовъ.

Наполеонъ, окруженный со всѣхъ сторонъ рус-

скими войсками, долженъ былъ проложить себѣ путь оружіемъ, переправясь открытою силою черезъ довольно значительную рѣку — Березину.

9 (21) ноября, полковникъ Кайсаровъ, вступивъ по пятамъ непріятеля въ Оршу, немедленно занялся тушеніемъ пожаровъ въ городѣ, гдѣ найдены 16 орудій и небольшой магазинъ; графъ Ожаровскій двинулся къ Шклову и Могилеву; Давыдовъ, по занятіи Копыса, и Сеславинъ, получивъ предписаніе: „открыть, если возможно, сообщеніе съ адмираломъ Чичаговымъ, который, съ своею арміею, около 10-го числа, быть имѣетъ въ Борисовѣ“ (2), устремились къ Березинѣ. Съ другой стороны, генералъ-адъютантъ Кутузовъ, прибывъ въ Бабиновичи, выслалъ партіи на большую оршинскую дорогу и вошелъ въ связь съ графомъ Витгенштейномъ. Фельдмаршалъ, предполагая идти съ главными силами на Копысъ и далѣе, лѣвѣе столбовой дороги, по проселочнымъ неопустошеннымъ путямъ, приказалъ Милорадовичу, съ 2-мъ и 7-мъ пѣхотными и 2-мъ кавалерійскимъ корпусами, устроивъ переправу и перейдя черезъ Днѣпръ въ Копысѣ, повернуть на большую дорогу къ Толочину и тамъ присоединить къ своимъ войскамъ авангардъ Ермолова, который получилъ предписаніе остановиться у Толочина и выждать прибытіе Милорадовича. Но Ермоловъ продолжалъ двигаться впередъ и донесъ князю Кутузову, что онъ получилъ его повелѣніе уже тогда, когда отрядъ миновалъ Толочинъ, хотя до этого мѣстечка ему оставался еще цѣлый переходъ. Платовъ, съ своей стороны, представилъ фельдмаршалу, что, вступая въ обширные минскіе лѣса, онъ не могъ обойтиться безъ пѣхоты, и по тому предложилъ Ермолову слѣдовать за казачьимъ отрядомъ (3).

Кутузовъ, извѣщая Чичагова о направленіяхъ,

данныхъ различнымъ частямъ главной арміи, писалъ ему, 10 (22) ноября: „Легко быть можетъ, что Наполеонъ, видя невозможность очистить себѣ путь чрезъ Борисовъ къ Минску, повернетъ отъ Толочина, или Бобра, на Игуменъ, и захочетъ пробраться на Волынь, для чего не излишне было-бы наблюдать его партизанами, дабы заранѣе быть извѣщеннымъ о его движеніи и его предупредить". Три дня спустя, Кутузовъ писалъ Чичагову: „Если Борисовъ занятъ непріятелемъ, то вѣроятно, что оный, переправясь черезъ Березину, пойдетъ прямѣйшимъ путемъ къ Вильнѣ, идущимъ черезъ Зембинъ, Плещеницы и Вилейку. Для предупрежденія сего необходимо, чтобы В. В. П. заняли отрядомъ дефиле при Зембинѣ, въ коемъ удобно удержать можно гораздо превосходнѣйшаго непріятеля". Первое изъ этихъ предписаній было доставлено адмиралу флигель-адъютантомъ Мих. Ѳедоров. Орловымъ, въ ночи съ 15-го на 16-е (съ 27-го на 28-е) ноября, на третій день переправы Французовъ черезъ Березину, а второе — 18-го (30) ноября, въ Зембинѣ, уже послѣ переправы. Въ послѣдствіи Чичаговъ увѣрялъ, будтобы послѣдняя депеша была отправлена къ нему изъ главной квартиры фельдмаршала заднимъ числомъ (4). Не имѣя возможности изслѣдовать, достовѣрность этого показанія, замѣтимъ, что Кутузовъ и Чичаговъ питали взаимно смертельную вражду, которая могла имѣть вліяніе на успѣхъ нашихъ дѣйствій при переправѣ непріятеля черезъ Березину.

Наполеонъ, на маршѣ къ Толочину, находясь еще въ 85-ти верстахъ отъ Борисова, 10 (22) ноября, получилъ роковую вѣсть о занятіи Русскими предмостнаго укрѣпленія на Березинѣ и города Борисова. Пораженный этимъ событіемъ, онъ сказалъ: „il est donc decidé que nous ne ferons que des sotti-

ses“. (И такъ — намъ суждено дѣлать только глупости!) ([5]). Находясь въ необходимости переправиться черезъ Березину въ виду Дунайской арміи, онъ долженъ былъ совершить это дѣйствіе какъ можно быстрѣе, чтобы не быть настигнутымъ на переправѣ главными силами Кутузова и Витгенштейна; а быстрое сооруженіе моста было невозможно по неимѣнію понтоновъ. Наполеонъ, послѣ совѣщанія съ инженернымъ генераломъ Додомъ (Dode de la Brunerie — въ послѣдствіи маршалъ Франціи), а также съ Мюратомъ, вице-королемъ, Бертье и генераломъ Жомини, рѣшась идти къ Борисову и переправиться гдѣ-либо въ окрестности этого пункта, послалъ предписанія: маршалу Удино — занять бродъ у Веселова, построить тамъ мосты и прикрыть ихъ укрѣпленіями, а маршалу Виктору — охранять корпусъ Удино отъ Витгенштейна ([6]). На слѣдующій день, еще до разсвѣта, начальникъ піонеровъ Эблѐ и начальникъ инженеровъ Шасслу были посланы къ маршалу Удино, для постройки нѣсколькихъ мостовъ на Березинѣ; вмѣстѣ съ ними отправился генералъ Жомини, для содѣйствія при обозрѣніи теченія этой рѣки; тогда-же всѣ понтонеры, саперы и минеры получили приказаніе идти усиленнымъ маршемъ по дорогѣ къ Борисову. По прибытіи-же главной квартиры въ Бобръ, велѣно сжечь половину частныхъ обозовъ и отдать изъ подъ нихъ всѣхъ лошадей (chevaux et cognas) въ распоряженіе начальника артиллеріи Сорбье. Наполеонъ, опасаясь, чтобы орлы полковъ его недостались Русскимъ, приказалъ сжечь нѣкоторые изъ нихъ въ своемъ присутствіи. Тысяча восемьсотъ безлошадныхъ гвардейскихъ кавалеристовъ были переформированы въ два баталіона. Резервная кавалерія „Великой арміи“, въ числѣ полутораста человѣкъ, подъ начальствомъ Латуръ-Мобура, была уси-

лена отрядомъ, составленнымъ изъ пятисотъ кавалерійскихъ офицеровъ, сохранившихъ верховыхъ лошадей: въ этомъ отрядѣ, получившемъ отъ Наполеона названіе *священнаго эскадрона* и ввѣренномъ генераламъ Груши и Себастіани, командовали взводами бригадные генералы (7).

Между тѣмъ, Чичаговъ, послѣ дѣла при Борисовѣ, перевелъ свою главную квартиру въ городъ и расположилъ пѣхоту впереди, фронтомъ къ сторонѣ Орши; отрядъ Чаплица, сперва направленный къ Зембину, а потомъ перешедшій къ борисовскому тет-де-пону, и вся кавалерія остались на правой сторонѣ рѣки; отрядъ Луковкина сталъ у Шабашевичей (8). Такимъ образомъ главное вниманіе Чичагова было обращено на теченіе Березины ниже Борисова; въ послѣдствіи адмиралъ старался оправдать себя въ томъ извѣстіями полученными отъ князя Кутузова и графа Витгенштейна и донесеніемъ оставленнаго имъ въ Минскѣ полковника Кнорринга, о появленіи передовыхъ отрядовъ Шварценберга въ окрестностяхъ этого города. По случаю тяжелой раны столько же храбраго, сколько и дѣятельнаго графа Ламберта, авангардъ Дунайской арміи болѣе сутокъ оставался безъ начальника; наконецъ, адмиралъ, готовясь идти со всею арміею по оршинской дорогѣ, для открытія связи съ Витгенштейномъ, выслалъ впередъ, 11 (23) ноября, въ шесть часовъ утра, авангардъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора графа Павла Петровича Палена: главныя-же силы должны были выступить въ десять часовъ, въ ожиданіи чего до трехъ тысячъ человѣкъ кавалеріи выслано на фуражировку, а войскамъ стоявшимъ у Борисова велѣно варить кашу. Авангардъ Палена, въ числѣ двухъ тысячъ восьмисотъ человѣкъ, двигался безъ всякихъ предосторожностей, отправя впередъ квартиргеровъ съ

небольшимъ прикрытіемъ, для занятія лагерныхъ мѣстъ у деревни Лошницы. Два Француза, захваченные въ плѣнъ, объявили, что вся наполеонова армія находилась въ разстояніи одного перехода. Графъ Паленъ, донося о томъ Чичагову, просилъ о подкрѣпленіи авангарда пѣхотою, но адмиралъ не обратилъ вниманія на его донесеніе (9).

Въ то время, когда Паленъ шелъ къ Лошницѣ, авангардъ корпуса Удино, соединившись съ остатками разбитаго подъ Борисовымъ отряда Домбровскаго, въ числѣ около четырехъ тысячъ человѣкъ съ двѣнадцатью орудіями, подъ начальствомъ генерала Кастекса, миновалъ Лошницу и встрѣтился, въ трехъ верстахъ отъ этого селенія, съ нашимъ авангардомъ. Атакованный превосходными силами, графъ Паленъ отступилъ къ Борисову, въ два часа по полудни. Положеніе Дунайской арміи, перешедшей со всѣми обозами черезъ Березину, и имѣвшей въ тылу у себя мостъ длиною въ двѣсти саженей, было весьма невыгодно, но Чичаговъ могъ отвести армію за рѣку, подъ прикрытіемъ части войскъ, оставленной въ аріергардѣ для удержанія непріятеля, и хотя плѣнные увѣряли, будтобы у Наполеона оставалось сто тысячъ человѣкъ, однакоже нетрудно было сообразить, что для выхода его арміи изъ лѣсныхъ дефиле требовалось довольно продолжительное время. Но, какъ нерѣдко случается на войнѣ, безотчетная самонадѣянность главной квартиры Чичагова повлекла за собою стольже безотчетную тревогу. Приказано было отступать, непринявъ никакихъ мѣръ для отступленія въ порядкѣ. Только генералъ-маіоръ князь Щербатовъ успѣлъ поставить батарею на оршинской дорогѣ, у плотины черезъ рѣчку Сху. Въ городѣ распространилась суматоха: главнокомандующій со всѣмъ своимъ штабомъ уѣхалъ на другую сторону

рѣки; войска и обозы, столпившись въ улицахъ, торопились пробраться къ мосту; во всѣ стороны были разосланы гонцы за фуражирами, разсѣянными на лѣвой сторонѣ Березины. Кавалерія и конная артиллерія графа Палена, мчавшіяся по большой дорогѣ, не попали на плотину, обороняемую княземъ Щербатовымъ, а кинулись правѣе въ бродъ черезъ болотистую рѣчку Сху; за ними слѣдовали польскіе уланы и вскорѣ подоспѣвшая пѣхота Кастекса. Князь Щербатовъ, будучи обойденъ съ лѣваго фланга, едва успѣлъ перевести свой отрядъ черезъ Березину и сжечь мостъ. Фуражиры, бросивъ тюки съ сѣномъ, поскакали къ городу, но найдя его загорѣвшимся въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и встрѣтивъ тамъ непріятеля, обратились къ Старому-Борисову, примкнули къ тремъ егерскимъ полкамъ, отброшеннымъ отъ прочихъ войскъ авангарда, и вмѣстѣ съ ними двинулись вверхъ по рѣкѣ для отысканія гдѣ-либо переправы. На маршѣ попался имъ крестьянинъ, указавшій бродъ противъ деревни Брили; войска наши, перейдя тамъ черезъ Березину, присоединились къ арміи, на разсвѣтѣ 12-го (24-го), у борисовскаго тет-де-пона. При безпорядочномъ отступленіи на правую сторону Березины мы потеряли до тысячи человѣкъ и много обозовъ, въ коихъ между прочимъ были фургонъ съ столовымъ серебромъ и канцелярія Чичагова (10).

Послѣ дѣла при Лошницѣ, Дунайская армія, во весь день 12-го (24-го), оставалась противъ Борисова; отрядъ генералъ-маіора Чаплица перешелъ къ деревнѣ Брилямъ, а генералъ-маіоръ графъ Орурк, принявъ начальство надъ отрядомъ полковника Луковкина, усиленнымъ Волынскими уланами, съ конною ротою № 12-го и понтонною полуротою, получилъ приказаніе наблюдать теченіе Березины и сдѣ-

лать демонстрацію переправы ниже Борисова ([11]). Одновременно съ прибытіемъ Дунайской арміи на Березину, графъ Витгенштейнъ сталъ тѣснить стоявшія противъ него войска Виктора и заставилъ ихъ, 12-го (24-го), отойти къ Бобру ([12]).

Таково было положеніе дѣлъ, когда Наполеонъ приступилъ къ отчаянному предпріятію — переправиться черезъ значительную рѣку, среди окружавшихъ его русскихъ войскъ. Успѣхъ, одержанный при Лошницѣ, послѣ ряда пораженій, понесенныхъ французскою арміей, возбудилъ его надежды на устройство мостовъ. Но едва лишь главная квартира Наполеона, вечеромъ 12 (24) ноября, успѣла придти въ Лошницу, какъ прискакалъ туда офицеръ съ донесеніемъ отъ Удино, о встрѣченныхъ имъ затрудненіяхъ, которыя, по его мнѣнію, требовали присутствія самого Императора. Наполеонъ отвѣчалъ, что не можетъ оставить армію ([13]). Дѣйствительно — на маршѣ къ Лошницѣ, отъ времени до времени, раздавался вправо отъ большой дороги гулъ канонады Витгенштейна; тогда-же распространилась молва о наступленіи съ тыла главныхъ силъ Кутузова. Солдаты, изнуренные, покрытые рубищами, обрывками дамскихъ платьевъ, священническихъ ризъ, ковровъ и рогожъ, уныло двигались безъ надежды на спасеніе. Внезапно мрачная тишина остатковъ „Великой арміи" прерывается громкими восклицаніями: это былъ обычный привѣтъ: „Vive l'empereur", которымъ встрѣтили Наполеона полки Виктора, еще сохранившіе въ рядахъ своихъ порядокъ и устройство. Неслыханныя бѣдствія, постигшія главную армію, были неизвѣстны имъ; ихъ ужасъ, при видѣ товарищей, носившихъ на лицахъ своихъ плачевную повѣсть испытанныхъ ими страданій, былъ неописанъ. Дисциплина и порядокъ, доселѣ господство-

вавшіе въ войскахъ Виктора, стали упадать съ перваго дня ихъ присоединенія къ остаткамъ „Великой арміи" ([14]). Среди общаго разрушенія вооруженныхъ силъ Наполеона, онъ сохранилъ только вліяніе прежнихъ побѣдъ своихъ, заставлявшее противниковъ его дѣйствовать нерѣшительно, какъбы ощупью.

Сооруженіе мостовъ на Березинѣ затруднялось тѣмъ, что надлежало, при постройкѣ ихъ, ограничиться скудными матеріалами, которые можно было достать въ окрестностяхъ Борисова, разобравъ ближайшія къ берегу строенія, и построивъ мосты на козлахъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рѣка имѣла наименьшую глубину. Изъ предварительныхъ рекогносцировокъ оказалось, что ближайшій изъ бродовъ ниже Борисова находился, въ двѣнадцати верстахъ отъ этого города, у селенія Ухолодъ, и что дорога туда, по случаю предшествовавшей оттепели, была непроходима для артиллеріи. Выше-же Борисова, удобнѣйшимъ для переправы мѣстомъ оказался бродъ, въ шестнадцати верстахъ отъ города, у деревни Студянки, указанный генераломъ Корбинò, который, съ своею легкою кавалерійскою бригадою, двигаясь чрезъ Докшицы и Зембинъ на соединеніе съ корпусомъ Виктора, случайно узналъ отъ какого-то крестьянина объ этомъ бродѣ, перешелъ тамъ черезъ Березину и прибывъ съ своимъ отрядомъ, 10 (22) ноября, къ Удинò, близъ Лошницы, далъ знать, что наканунѣ у Студянки рѣка была не глубже трехъ футовъ (около полусажени). Кромѣ этого брода, найдено, выше Борисова, еще два другихъ, у Стахова въ шести и у Веселова въ двадцати верстахъ отъ города; но успѣхъ переправы у перваго изъ сихъ пунктовъ подлежалъ сомнѣнію, по близости расположенія Дунайской арміи; у Веселова-же рѣка была

глубже нежели у Студянки. Всѣ эти обстоятельства заставили Удино предпочесть для переправы мѣстность указанную генераломъ Корбино ([15]).

Нерѣдко Наполеонъ жаловался, что ему удалось образовать весьма немного самостоятельныхъ военачальниковъ, что маршалы его, командуя отдѣльными корпусами и арміями, большею частью, дѣйствовали плохо и неудачно. По крайней мѣрѣ, на Березинѣ, Удино избѣгъ такого упрека, выказавъ искусство и дѣятельность, спасшія армію отъ гибели. 12 (24) ноября, поручивъ артиллерійскому генералу Обри (Aubry) приготовить у Студянки необходимые для постройки мостовъ матеріалы, маршалъ остался въ Борисовѣ и, занявъ отрядами Новый-Стаховъ и Ухолоды, собиралъ матеріалы и дѣлалъ демонстраціи переправы на нѣсколькихъ пунктахъ, преимущественно-же ниже Борисова, гдѣ съ умысломъ выставлялись войска и батареи. Тогда-же Французы собирали свѣдѣнія о дорогахъ, ведущихъ южнѣе Борисова къ Минску, обѣщая щедрую награду проводникамъ за указаніе удобнѣйшаго пути и требуя отъ борисовскихъ Евреевъ, чтобы они сохранили въ глубочайшей тайнѣ намѣреніе Наполеона—идти на Игуменъ. Удино весьма основательно полагалъ, что они дадутъ знать Русскимъ о (мнимыхъ) предположеніяхъ его и невольно вовлекутъ насъ въ ошибку ([16]).

Все это, вмѣстѣ съ извѣстіями, полученными, по словамъ Чичагова, отъ князя Кутузова, графа Витгенштейна и полковника Кнорринга, послужило къ отвлеченію главнокомандующаго Дунайской арміи отъ пункта дѣйствительной переправы Французовъ. Еслибы онъ не обратилъ вниманія на демонстраціи Удино и на свѣдѣнія, полученныя съ отдаленныхъ пунктовъ, (гдѣ немогли знать того, что дѣлалось въ сосѣдствѣ Дунайской арміи), и остался съ главными силами

у борисовскаго тет-де-пона, наблюдая отрядами окрестности Зембина и Шабашевичей, то могъ-бы удобно охранять теченіе Березины выше и ниже Борисова, и въ такомъ случаѣ непріятель, направясь сѣвернѣе Зембина, былъ-бы настигнутъ Витгенштейномъ, а двинувшись на Ушу, подвергался встрѣчѣ съ главными силами Кутузова.

Но, вмѣсто того, 13 (25) ноября, въ то самое время, когда Удинò готовился выступить отъ Борисова къ Студянкѣ, Чичаговъ съ главными силами направился въ противоположную сторону, внизъ по теченію Березины, и прибылъ уже въ ночи съ 13-го на 14-е (съ 25-го на 26-е) къ Шабашевичамъ. Графъ Ланжеронъ, съ одною пѣхотною дивизіей и двумя драгунскими полками, былъ оставленъ для обороны переправы у Борисова; а Чаплицъ, съ своимъ отрядомъ, сперва получилъ приказаніе, оставя у Брили и противъ Веселова только наблюдательные посты, перейти къ борисовскому тет-де-пону; въ послѣдствіи-же (и — кажется — уже поздно) ему было предписано возвратиться къ Зембину ([17]).

Въ тотъ-же день, уже вечеромъ, корпусъ Удинò выступилъ отъ Борисова къ Студянкѣ; тогда-же главныя силы Наполеона, т. е. жалкіе остатки „Великой арміи“ были частью расположены въ Борисовѣ, частью на маршѣ туда въ окрестностяхъ Лошницы, а корпусъ Виктора—къ сѣверу отъ большой дороги, прикрывая движеніе арміи со стороны Витгенштейна. Съ нашей стороны: графъ Витгенштейнъ стоялъ у Баранъ, выславъ авангардъ по направленію къ Борисову; графъ Платовъ тѣснилъ непріятеля съ тыла, по большой дорогѣ; отрядъ Ермолова слѣдовалъ за нимъ, въ разстояніи небольшаго перехода; войска Милорадовича перешли отъ Копыса къ Толочину; фельдмаршалъ съ остальными корпу-

сами оставался въ Копысѣ. Таково было расположеніе силъ въ началѣ переправы Французовъ черезъ Березину. Изъ числа болѣе ста тысячъ человѣкъ Кутузова, Витгенштейна и Чичагова, окружавшихъ непріятельскую армію, находился у Брилей только слабый отрядъ полковника Корнилова, оставленный Чаплицомъ, который, притянувъ къ себѣ отряды, стоявшіе у Веселова и Зембина, вмѣстѣ съ ними отступилъ, на разсвѣтѣ 14-го (26-го), къ Стахову, а потомъ — еще далѣе, почти къ самому тет-депону ([18]).

Наполеонъ, еще въ ночи на 14-е (26-е), отправился верхомъ съ мызы Стараго-Борисова къ мѣсту переправы. Отъ наступившихъ послѣ оттепели морозовъ застыли обширныя болота вдоль Березины и вся рѣка была покрыта пловучими льдинами, весьма затруднявшими постройку мостовъ. Къ утру едва успѣли собрать необходимые матеріалы, а въ восемь часовъ переправился вплавь на правый берегъ генералъ Корбинò съ однимъ эскадрономъ; за нимъ слѣдовали постепенно отправленные на большихъ плотахъ 400 егерей изъ войскъ Домбровскаго. Полковникъ Корниловъ покушался остановить непріятеля огнемъ конной батареи, но вся артиллерія наполеоновой гвардіи и корпуса Удинò, въ числѣ болѣе сорока орудій, выставленная на высотахъ у Студянки, засыпала ядрами нашу горсть войскъ и заставила Корнилова отступить къ стаховскому лѣсу. Тогда-же Французы начали одновременно строить два моста, въ разстояніи около двухъ сотъ саженей одинъ отъ другаго: верхній былъ назначенъ исключительно для пѣхоты и кавалеріи, а нижній, изъ болѣе прочнаго лѣса, нетолько для войскъ, но для артиллеріи и обозовъ. Построеніемъ ихъ Наполеонъ былъ много обязанъ генералу Эблѐ, сохранившему,

при уничтоженіи въ Оршѣ понтоннаго парка, двѣ походныя кузницы и нѣсколько повозокъ съ углемъ, гвоздями, желѣзомъ и инструментомъ. Несмотря на то, что ширина рѣки простиралась до пятидесяти сажень, а глубина во многихъ мѣстахъ доходила до шести футовъ, ни что не остановило мужественныхъ понтонёровъ и саперъ. Изнуренные тяжкимъ походомъ, голодные и холодные, они бросались въ воду между льдинами, работали день и ночь и гибли для спасенія арміи ([19]).

Въ часъ по полудни уже готовъ былъ верхній мостъ. Наполеонъ тотчасъ перевелъ на правый берегъ остатки корпуса Удинò, отряда Домбровскаго и кирасировъ Думерка, въ числѣ 5,600 человѣкъ пѣхоты и 1,400 всадниковъ, и хотя мостъ былъ непроченъ и узокъ, однакоже Французы перевезли по немъ два орудія съ зарядными фурами и патронные ящики. Между тѣмъ Чаплицъ, съ своимъ отрядомъ, возвратясь къ Брилямъ, ограничился занятіемъ опушки стаховскаго лѣса, что̀ дало возможность маршалу Удинò, ставъ фронтомъ къ сторонѣ Стахова, прикрыть переправу прочихъ корпусовъ; тогда-же послалъ онъ къ Зембину небольшой отрядъ, который, отбросивъ стоявшій тамъ казачій постъ въ стаховскій лѣсъ, занялъ длинные мосты и гати на болотистой рѣчкѣ Гайнѣ. Такимъ образомъ непріятель обезпечилъ дальнѣйшее свое отступленіе къ Вильнѣ. Желая удержать въ бездѣйствіи Чаплица, Удинò атаковалъ его въ лѣсу и оттѣснилъ наши войска почти до Стахова. Въ четыре часа по полудни, когда былъ оконченъ другой мостъ, назначенный для переправы обозовъ, Французы перевезли по немъ артиллерію — сперва корпуса Удинò, а потомъ и гвардейскую ([20]). Во весь этотъ день, Чичаговъ съ главными силами Дунай-

ской арміи, оставался у Шабашевичей; графъ Витгенштейнъ перешелъ къ Кострицѣ, а Платовъ къ Лошницѣ. Со стороны непріятеля, кромѣ семи тысячъ человѣкъ Удинô, сражавшихся въ стаховскомъ лѣсу противъ пяти тысячъ человѣкъ Чаплица, прочія войска занимали слѣдующее расположеніе: Ней, съ пятью или шестью тысячами человѣкъ, и вся гвардія, въ числѣ семи тысячъ, стояли у Студянки; Викторъ, оставя у Лошницы, въ арріергардѣ, дивизію Партунô, въ числѣ пяти тысячъ человѣкъ, прибылъ съ десятью тысячами въ Борисовъ; наконецъ, остатки корпусовъ Даву, вице-короля и Жюно, всего до 2.400 человѣкъ, двигались отъ Лошницы къ Борисову. Кромѣ этихъ 36,000 человѣкъ, составлявшихъ боевую силу Наполеона, тянулись къ Березинѣ, въ разбродъ, по крайней мѣрѣ, столько-же безоружныхъ мародёровъ ([21]).

Вечеромъ и въ ночи на 15-е (27-е), большой мостъ ломался два раза и требовалъ для починки сперва три, и потомъ четыре часа. Войска и обозы толпились у Студянки. Для сохраненія по возможности порядка и ускоренія переправы, самъ Наполеонъ провелъ ночь у мостовъ, въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ строеній, наблюдая за исполненіемъ отданныхъ имъ приказаній; ему содѣйствовали Мюратъ, Бертье и Лористонъ. Въ ночи переправились войска Нея и Молодая гвардія, а на слѣдующій день, когда прибылъ къ мостамъ корпусъ Виктора, за исключеніемъ дивизіи Партунô и кавалеріи Делетра оставленныхъ въ Борисовѣ, Наполеонъ перевелъ черезъ рѣку Старую гвардію и переѣхалъ самъ на правый берегъ. Вслѣдъ за тѣмъ переправились остатки корпусовъ вице-короля, Даву и Жюно, и одна изъ дивизій Виктора. По мѣрѣ перехода французскихъ войскъ черезъ Березину, они обращались

фронтомъ къ стаховскому лѣсу: за расположеннымъ въ 1-й линіи корпусомъ Удино стали во 2-й линіи войска Нея, а за Неемъ въ резервѣ Молодая гвардія. Вообще-же на правой сторонѣ Березины построились къ бою до пятнадцати тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ до двухъ тысячъ кавалеріи ([22]).

Въ продолженіи 15-го (27-го), отрядъ Чаплица былъ усиленъ двумя пѣхотными полками и самъ Чичаговъ съ главными силами своей арміи обратился назадъ отъ Шабашевичей къ Стахову, но не успѣлъ во-время туда стянуть свои войска, и по тому отложилъ наступленіе противъ непріятеля до слѣдующаго дня. Еслибы Чичаговъ хотя къ вечеру рѣшительно атаковалъ непріятеля, то поставилъ-бы его въ опасное положеніе; около четырехъ часовъ по полудни большой мостъ подломился въ третій разъ и не могъ быть исправленъ ранѣе шести; а между тѣмъ нахлынули къ Студянкѣ толпы отсталыхъ и раненыхъ со множествомъ лошадей и повозокъ.

Графъ Витгенштейнъ сперва имѣлъ намѣреніе въ сей день идти къ Студянкѣ, либо къ Веселову, но потомъ двинулся по болѣе удобной дорогѣ, къ Борисову. Отрядъ партизана Сеславина, примкнувшій къ корпусу, былъ направленъ, по оршинской дорогѣ, прямо къ городу; авангардъ корпуса, подъ начальствомъ Властова, и въ слѣдъ за нимъ главныя силы Витгенштейна, обратились вправо къ мызѣ Старому-Борисову, гдѣ, въ три часа по полудни, Властовъ опрокинулъ передовыя войска Партуно, еще не успѣвшаго миновать этотъ пунктъ; съ другой стороны, тѣснилъ непріятеля Сеславинъ, прибывшій къ городу въ сумерки. Партуно, окруженный со всѣхъ сторонъ, хотѣлъ пробиться къ Студянкѣ; но будучи встрѣченъ Навагинскимъ полкомъ, поддержаннымъ

25-мъ егерскимъ и Азовскимъ полками, сталъ отступать къ Борисову; въ это время городъ уже былъ занятъ казаками Сеславина, которые, ворвавшись туда, захватили въ плѣнъ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ. Дивизія Партуно, стѣсненная съ фронта и тыла русскими войсками, положила оружіе, въ числѣ 5-ти генераловъ, 240 штабъ и оберъ-офицеровъ и 7,800 нижнихъ чиновъ, коихъ было много отсталыхъ изъ другихъ корпусовъ; три орудія и два знамя достались побѣдителямъ. Изъ всей французской дивизіи спасся только одинъ баталіонъ, въ 120 человѣкъ, пробравшійся къ Студянкѣ вдоль берега Березины ([23]).

Въ ночи на 16-е (28-е), Чичаговъ приказалъ навести мостъ у Борисова и вошелъ въ сообщеніе съ графомъ Витгенштейномъ и съ войсками графа Платова, прибывшими въ Борисовъ; тогда-же отрядъ Ермолова расположился въ 17-ти верстахъ отъ города. По взаимному соглашенію Чичагова съ Витгенштейномъ, положено было, на слѣдующій день, атаковать непріятеля одновременно на обѣихъ сторонахъ рѣки. Войска Платова и Ермолова, по желанію адмирала, должны были перейти черезъ Березину и поддерживать наступленіе Дунайской арміи по правому берегу, а графъ Витгенштейнъ взялъ на себя нападеніе на лѣвой сторонѣ рѣки ([24]).

Въ ночи на 16-е (28-е), Наполеонъ приказалъ отступать на Зембинъ остаткамъ наиболѣе разстроенныхъ корпусовъ и всѣмъ успѣвшимъ переправиться обозамъ и безоружнымъ. Желая сохранить мосты, по крайней мѣрѣ, на сутки, для спасенія всего остававшагося на лѣвой сторонѣ рѣки, и опасаясь, чтобы Викторъ не былъ подавленъ превосходными силами Витгенштейна, Наполеонъ перевелъ обратно къ Студянкѣ баденскую бригаду дивизіи Дендельса: всего-

же для обороны мостовъ съ лѣвой стороны Березины было оставлено до пяти тысячъ человѣкъ пѣхоты и триста кавалеріи. Войска эти заняли позицію на плато, прикрытомъ небольшою рѣчкою, правымъ флангомъ къ Березинѣ; нѣсколько гвардейскихъ батарей, расположенныхъ на другомъ берегу рѣки, были назначены для обстрѣливанія съ фланга этой позиціи. Для прикрытія-же переправы со стороны Чичагова, стояли противъ стаховскаго лѣса корпусы Удинò и Нея, всего десять тысячъ человѣкъ, въ числѣ коихъ до полуторы тысячи кавалеріи; въ резервѣ ихъ расположилась гвардія, подъ личнымъ начальствомъ Наполеона, всего до 5,600 человѣкъ пѣхоты и 1,400 кавалеріи ([25]). Въ числѣ наполеоновыхъ войскъ, сражавшихся на Березинѣ, болѣе трехъ четвертей состояло изъ иностранцевъ: у Виктора, одна изъ пѣхотныхъ дивизій была польская, а другая нѣмецкая; кавалерія его состояла изъ Нѣмцевъ; у Нея, кромѣ трехъ сотъ Французовъ, всѣ войска были польскія; въ корпусѣ Удинò, одна дивизія состояла изъ Поляковъ, другая изъ Кроатовъ и Швейцарцевъ, остальныя двѣ изъ Французовъ. По свидѣтельству Солтыка, наполеонова армія, 16 (28) ноября, считала въ рядахъ на половину Поляковъ ([26]).

16 (28) ноября, русскія войска атаковали непріятеля на обѣихъ сторонахъ Березины.

На правомъ берегу, дѣло началось съ разсвѣтомъ. Войска Чаплица, усиленныя нѣсколькими полками бывшаго авангарда Палена, двинулись четырьмя колоннами чрезъ стаховскій лѣсъ; конно-артиллерійская рота полковника Арнольди шла на-равнѣ съ головными войсками, во взводной колоннѣ, и поддерживала огонь цѣпи дѣйствіемъ только двухъ орудій. Русскіе егеря вытѣснили непріятеля изъ

лѣса и заняли опушку его; самъ Удинò кинулся имъ на-встрѣчу и былъ раненъ. Около 9-ти часовъ утра, Чичаговъ, прибывъ въ Стаховъ, поручилъ начальнику своего штаба генералу Сабанѣеву ввести въ дѣло 9-ю и 18-ю пѣхотныя дивизіи, которыя, большею частью, будучи разсыпаны въ стрѣлки по всему лѣсу, кинулись впередъ съ громкими криками и открыли огонь въ тылу чаплицевыхъ войскъ. Тогда-же стрѣлки его, выйдя изъ лѣса на поляну, были опрокинуты кирасирами Думерка, но выручены Чаплицомъ, бросившимся съ дивизіономъ Павлоградскихъ гусаръ на встрѣчу непріятелю. Перестрѣлка продолжалась до одиннадцати часовъ ночи; застрѣльщичьи цѣпи смѣнялись одна другою; наша артиллерія во весь день могла дѣйствовать противъ сильной непріятельской батареи, обстрѣливавшей выходъ изъ лѣса только изъ двухъ орудій, которыя, будучи безпрестанно подбиваемы и теряя прислугу и лошадей, смѣнялись одни другими, пока истреблена была вся рота; за нею слѣдовали три другія, которыя, дѣйствуя такимъ-же образомъ, понесли большую потерю. Уронъ войскъ Чичагова вообще простирался до двухъ тысячъ человѣкъ. Самъ Чаплицъ былъ раненъ. У непріятеля выбыло изъ фронта до пяти тысячъ человѣкъ. Въ числѣ раненыхъ, кромѣ Удинò, были генералы: Легранъ, Заіончекъ, потерявшій ногу, Клапаредъ, Домбровскій и Княжевичъ ([27]).

Въ тотъ-же день, графъ Витгенштейнъ, оставя корпусъ графа Штейнгеля для обезоруженія у Борисова сдавшейся въ плѣнъ дивизіи Партунò, двинулся съ остальными войсками къ Студянкѣ, противъ Виктора, и атаковалъ его въ восемь часовъ утра, когда въ стаховскомъ лѣсу уже завязалось жаркое дѣло. Войска наши были введены въ бой постепенно, чтò способствовало непріятелю удержаться на позиціи

до самой ночи. Изъ 28-ми или 30-ти тысячъ человѣкъ Витгенштейна прибыло за-свѣтло къ Студянкѣ только 14 тысячъ. Уронъ его войскъ въ оба дня, 15-го и 16-го (27-го и 28-го), вообще простирался до четырехъ тысячъ человѣкъ. Непріятель потерялъ одними плѣнными, вмѣстѣ съ дивизіей Партунò и отсталыми, частью безоружными людьми, до 13-ти тысячъ человѣкъ; убитъ генералъ Кандрасъ; ранены: самъ Викторъ и генералы Фурньè, Жераръ и Дамасъ ([28]). Въ ночи на 17-е (29-е) ноября, Викторъ перевелъ свои войска на правый берегъ, оставя небольшой арріергардъ у Студянки, для прикрытія еще неуспѣвшихъ уйти обозовъ и одиночныхъ людей, многіе изъ которыхъ оставались у своихъ повозокъ и бивачныхъ огней въ совершенномъ безпамятствѣ. Въ пять часовъ утра зажжены были повозки, что̀ заставило многихъ изъ отсталыхъ перейти на правый берегъ. Вскорѣ за тѣмъ Викторъ перевелъ черезъ рѣку арріергардъ. Генералъ Эбле получилъ приказаніе зажечь мосты въ восемь часовъ, но какъ Русскіе еще не показывались, то онъ медлилъ исполнить данное ему порученіе, чтобы дать время спастись одиночнымъ людямъ, остававшимся у Студянки. Но когда, въ половинѣ 9-го, на высотахъ у селенія появились грозные Французамъ Донцы, непріятель поспѣшно зажегъ мосты. Безоружные, раненые, больные, женщины и дѣти, кинулись толпами къ пылающимъ мостамъ и вмѣстѣ съ ними обрушивались въ воду; другіе покушались перебраться на правый берегъ по льду, ставшему между мостами, либо вплавь, ниже мостовъ, и тонули, либо гибли, раздавленные льдинами. Все пространство между деревнею Студянкою и мостами было загромождено экипажами и повозками, остовами лошадей, тѣлами умершихъ и умирающихъ,

По этому необъятному кладбищу, при стужѣ въ 20 градусовъ, бродили и ползали больные и раненые, жалкіе остатки незадолго предъ тѣмъ грозной арміи, съ одного конца до другаго прошедшей Европу и нашедшей могилу въ снѣгахъ Россіи. Чувства ужаса и состраданія возбуждало положеніе несчастныхъ женщинъ и дѣтей, скитавшихся вмѣстѣ съ французскими войсками; но еще ужаснѣе было видѣть нѣмое отчаяніе мужественныхъ воиновъ, сподвижниковъ и жертвъ завоевателя, искупавшихъ кровавыми слезами его властолюбивые замыслы. Каждый изъ нихъ отдавалъ съ охотою за русскій сухарь награбленную въ Москвѣ добычу и собственную свободу, хотя у насъ уже никто не заботился о захватѣ полумертвыхъ непріятелей. Число плѣнныхъ, найденныхъ у Студянки войсками Витгенштейна, простиралось до пяти тысячъ; двѣнадцать орудій, огромный военный обозъ и множество частныхъ экипажей и повозокъ достались побѣдителямъ. Графъ Витгенштейнъ приказалъ раздать солдатамъ и ратникамъ всю отбитую добычу, кромѣ церковныхъ вещей, которыя были отправлены къ главнокомандующему въ Москву ([29]).

Французскіе историки старались, по возможности, скрыть уронъ, понесенный наполеоновою арміей на Березинѣ; тѣмъ не менѣе однакоже изъ собственныхъ ихъ показаній оказывается, что ихъ войска, считавшія въ рядахъ, 14 (26) ноября, отъ 30-ти до 40-ка тысячъ человѣкъ, ослабились послѣ переправы до девяти тысячъ ([30]). Слѣдовательно — Наполеонъ потерялъ не менѣе двадцати пяти тысячъ вооруженныхъ людей, да безоружныхъ, по крайней мѣрѣ, столько-же. Захвачено и найдено русскими войсками двадцать четыре орудія, но, кромѣ того, много артиллеріи потоплено въ рѣкѣ, которая была совер-

шенно запружена тѣлами погибшихъ непріятелей, конскими трупами и повозками ([31]).

Переправа черезъ Березину положила предѣлъ существованію „Великой арміи"; дальнѣйшее отступленіе остатковъ ея было бѣгство, ускоряемое преслѣдованіемъ „благочестивой небрѣемой рати" — казаковъ ([32]). Но общественное мнѣніе въ Россіи не было довольно послѣдствіями Березинской переправы, гдѣ Наполеонъ, окруженный нашими арміями, казалось, долженъ былъ погибнуть, либо подвергнуться плѣну. Въ то время никто не отваживался сдѣлать какой-либо упрекъ ни маститому полководцу, освободившему родную землю отъ нашествія вражескаго, ни увѣнчанному свѣжими лаврами, защитнику Петрова-града, и по тому вся тяжесть народнаго негодованія за уходъ Наполеона пала на Чичагова, о которомъ стоустая молва разглашала, будтобы онъ выпустилъ бича Европы изъ западни, устроенной дальновиднымъ Кутузовымъ. Самъ Кутузовъ подалъ поводъ къ тому, говоря, что „не все было сдѣлано, что̀ можно было сдѣлать, и что еслибы не адмиралъ, то простой псковскій дворянинъ сказалъ-бы: Европа, дыши свободно!" ([33]). Общественное мнѣніе, требовавшее полной расплаты за разореніе родной страны, приписывало неудачу поимки Наполеона неспособности, либо измѣнѣ Чичагова. Но Исторія, прислушиваясь къ говору современниковъ, не вѣритъ имъ на слово, а дѣлаетъ выводы на основаніи данныхъ неподлежащихъ сомнѣнію. Въ отношеніи неудачи — или, лучше сказать, несовершеннаго успѣха — нашихъ дѣйствій на Березинѣ, виновенъ не одинъ Чичаговъ, которому слѣдовало, оставаясь у Борисова, наблюдать теченіе рѣки сильными отрядами, и — что̀ было всего важнѣе — занять войсками, либо истребить мосты на Гайнѣ, у Зембина. Графъ Вит-

генштейнъ, съ своей стороны, долженъ былъ, не увлекаясь преслѣдованіемъ Удино и Виктора, (которыхъ онъ не могъ отбросить отъ главныхъ силъ Наполеона), обратиться, сообразно общему плану дѣйствій, вправо къ верхней Улѣ и войти въ связь съ Чичаговымъ. Да и самъ Кутузовъ, давъ отдыхъ главнымъ силамъ у Копыса, въ разстояніи болѣе ста верстъ отъ мѣста непріятельской переправы, долженъ былъ поспѣшить къ Березинѣ, гдѣ у насъ было довольно войскъ для уничтоженія остатковъ наполеоновой арміи, а недоставало единства и согласія въ дѣйствіяхъ. Присутствіе фельдмаршала могло устранить это неудобство, еслибы онъ наконецъ рѣшился нанести послѣдній ударъ ослабленному противнику.

По отступленіи непріятеля съ рѣки Березины, непосредственное преслѣдованіе его было поручено легкимъ отрядамъ Ланскаго и Орлова-Денисова, за которыми двинулась Дунайская армія, между тѣмъ какъ Главная армія направилась лѣвѣе, двумя колоннами, на Сморгони и Ольшаны, а войска графа Витгенштейна правѣе, на Вилейку. Большая часть ополченій была оставлена въ Бѣлоруссіи, либо въ своихъ губерніяхъ (34).

Наполеонъ, стараясь скрыть гибель своихъ войскъ отъ угнетенной имъ Германіи, приказалъ написать къ Шварценбергу, что „Великая армія", разбивъ Русскихъ и переправясь черезъ Березину, идетъ къ Вильнѣ, при чемъ предложено было на собственное усмотрѣніе австрійскаго военачальника—не сочтетъ-ли онъ полезнымъ сблизиться къ верхнему Нѣману? Макдональду-же, стоявшему въ Курляндіи, не было дано никакого свѣдѣнія объ отступленіи остатковъ арміи (35).

А, между тѣмъ, наполеонова армія уже не суще-

ствовала. Чрезъ нѣсколько дней послѣ переправы черезъ Березину, наступила стужа отъ 27-ми до 30-ти градусовъ. Оружіе сдѣлалось бременемъ для изнемогшихъ отъ голода, полузамерзшихъ солдатъ. Исчезло различіе между войсками прибывшими отъ Москвы и корпусами Удино̀ и Виктора; всѣ части войскъ, всѣ роды оружія смѣшались въ безпорядочную толпу, въ которой нельзя было распознать солдатъ отъ офицеровъ. Тысячи нищихъ, съ отмороженными ушами, руками и ногами, окутанныхъ грязными рубищами, едва тащили ноги, обутыя шерстяными одѣялами, либо мѣхомъ, обвязанныя и обмотанныя чѣмъ попало. И серебро, и золото, потеряли цѣну въ глазахъ этихъ несчастныхъ, и только лишь тѣ изъ нихъ, у кого оставались въ мѣшкѣ нѣсколько картофелей, или кусокъ хлѣба, возбуждали зависть своихъ товарищей. Воины испытанной храбрости сдѣлались малодушными; никто не помышлялъ о сопротивленіи: всѣ искали спасенія въ бѣгствѣ и не могли бѣжать отъ истощенія силъ. Въ этихъ тысячахъ людей, обреченныхъ гибели, исчезли всѣ истинно-человѣческія понятія: почти каждый изъ нихъ былъ готовъ убить кого-бы то ни было изъ-за куска хлѣба; многіе зажигали домà, для того только, чтобы погрѣться ([36]).

Войска наши, неотступно преслѣдуя Французовъ, терпѣли на-равнѣ съ ними жестокую стужу и нерѣдко голодали по нѣскольку дней сряду, но будучи лучше одѣты и обуты, и имѣя возможность иногда располагаться по квартирамъ, находились въ лучшемъ состояніи, настигали непріятеля и захватывали на всякомъ переходѣ множество плѣнныхъ, орудій и обозовъ ([37]).

Наполеонъ, потерявъ надежду возстановить порядокъ въ остаткахъ своей арміи, рѣшился отпра-

виться въ Парижъ, и за два дня до отъѣзда выдалъ, 21 ноября (3 декабря), въ Молодечнѣ, 29-й бюллетень, въ которомъ объявилъ довольно откровенно о бѣдствіяхъ, постигшихъ войска его. За тѣмъ, предписавъ дивизіи Луазона выступить изъ Вильны на встрѣчу арміи къ Ошмянамъ, онъ переѣхалъ 23 ноября (5 декабря) въ Сморгонь, гдѣ, призвавъ къ себѣ Мюрата, вице-короля, Бертье и всѣхъ маршаловъ, открылъ имъ намѣреніе свое — уѣхать изъ арміи и поручилъ начальство надъ войсками Мюрату. „Оставляю васъ — сказалъ онъ — чтобы привести триста тысячъ солдатъ. Необходимо стать въ такое положеніе, чтобы мы могли вести вторую кампанію, потому что впервые война не кончилась одною кампаніей.“ За тѣмъ, излагая ходъ войны, Наполеонъ старался доказать, что причинами понесенной имъ неудачи были: пожаръ Москвы, чрезвычайная стужа, низкіе происки, ошибки и, быть можетъ, измѣна ([38]).

Въ тотъ-же день Наполеонъ далъ Мюрату инструкцію, въ коей предписано было ему собрать армію въ Вильнѣ (?), въ случаѣ-же невозможности оставаться тамъ, отступить за Нѣманъ, а правому крылу (корпусу Шварценберга) прикрыть Варшаву, а если найдетъ удобнымъ, то и Гродно. Дипломатическому корпусу приказано было переѣхать изъ Вильны въ Варшаву, куда велѣно отправить и военную казну. Объ отъѣздѣ-же Императора Французовъ въ Парижъ предписано объявить не прежде, какъ чрезъ пять или шесть дней ([39]).

Наполеонъ отправился изъ Сморгони, 23 ноября (5 декабря) въ 11 часовъ ночи, при стужѣ, доходившей до 20-ти градусовъ. Въ каретѣ, поставленной на полозья, вмѣстѣ съ нимъ сидѣлъ Коленкуръ; на козлахъ помѣстились капитанъ гвардейскихъ уланъ

Вонсовичъ и мамелюкъ Рюстанъ; въ саняхъ, за каретою ѣхали оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ-адъютантъ Мутонъ; конвой состоялъ изъ небольшихъ кавалерійскихъ отрядовъ, смѣнявшихся одинъ другимъ на каждой станціи, а въ Ошмянахъ находилась только-что прибывшая изъ Вильны дивизія Луазона, которая, выступивъ въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ и двигаясь въ трескучіе морозы, считала въ рядахъ всего три тысячи (40).

Наполеонъ, на пути въ Ошмяны, проѣхалъ въ пяти или шести верстахъ отъ биваковъ Сеславина, а по прибытіи въ Ошмяны подвергался опасности отъ войскъ Луазона, состоявшихъ почти исключительно изъ Нѣмцевъ и Италіянцевъ, озлобленныхъ страданіями и приведенныхъ въ отчаяніе. Увѣряютъ, будтобы въ 113-мъ (тосканскомъ) полку офицеры и солдаты сговорились арестовать Наполеона и вмѣстѣ съ нѣмецкими полками передаться Русскимъ, и что единственно нерѣшительность заговорщиковъ и поспѣшный отъѣздъ Императора Французовъ помѣшали исполненію смѣлаго замысла (41).

Въ Мѣдникахъ встрѣтилъ Наполеона французскій министръ иностранныхъ дѣлъ Марѐ. Наполеонъ, посадивъ его въ свою карету, бесѣдовалъ съ нимъ о современномъ положеніи дѣлъ, и между прочимъ приписывалъ неудачу похода нерадѣнію своего интендантства. Когда-же Марѐ, въ отвѣтъ на сей упрекъ, представилъ вѣдомость о состояніи виленскихъ магазиновъ, содержавшихъ въ себѣ сорока-дневный запасъ провіанта на сто тысячъ человѣкъ, не считая хлѣба, ожидаемаго изъ Жмуди, и сказалъ, что въ городѣ и окрестностяхъ его были собраны большія стада рогатаго скота и значительные запасы оружія, аммуниціи и обуви, Наполеонъ, весьма обрадованный этими свѣдѣніями, поручилъ своему министру

передать Мюрату, чтобы онъ держался въ Вильнѣ, по крайней мѣрѣ, недѣлю. Утромъ 24-го ноября (6 декабря), подъѣзжая къ Вильнѣ, Наполеонъ приказалъ миновать городъ предмѣстьями, остановился въ пустомъ домѣ, у Ковенской заставы, только за тѣмъ, чтобы перемѣнить лошадей, и продолжая дальнѣйшій путь, переѣхалъ у Ковна русскую границу, на зарѣ 26 ноября (8 декабря), въ праздникъ Св. Георгія Побѣдоносца, а два дня спустя прибылъ въ Варшаву. Тамъ, остановясь въ Англійской гостинницѣ, онъ пригласилъ къ себѣ резидента своего Прадта и нѣсколькихъ польскихъ сановниковъ. „Вы удивляетесь — сказалъ онъ имъ — видя меня здѣсь; я былъ не въ силахъ воевать съ стихіями. Я потерялъ всю мою кавалерію, почти всю артиллерію и всѣ обозы; въ двѣ ночи пало три тысячи лошадей.... Я убѣдился, что Французы еще могутъ воевать при морозѣ въ семь градусовъ; Нѣмцы не переносятъ болѣе пяти. Меня будетъ судить потомство. Я сдѣлалъ промахъ, оставшись двѣ лишнихъ недѣли въ Москвѣ. Меня провели, увѣряя, что бояре примутъ мою сторону и что крестьяне прибѣгнутъ ко мнѣ, чтобы выйти изъ рабства. Все это ложь: я нашелъ поселянъ, и въ особенности Курляндцевъ (?) весьма вѣрными Государю, а дворянство — преисполненнымъ усердія къ правительству. Это дикій суевѣрный народъ, изъ котораго ничего нельзя сдѣлать. Les cosaques ont le diable au corps. Я поручилъ начальство королю неаполитанскому, а самъ ѣду въ Парижъ, чтобы приготовиться къ другой кампаніи.... О князѣ Шварценбергѣ не знаю ничего; я надѣялся найти его здѣсь, полагая, что онъ охраняетъ варшавское герцогство.... Но вы должны сами содѣйствовать возстановленію вашего отечества—продолжалъ онъ, обратясь къ Полякамъ.—Нужно сдѣлать

послѣднее усиліе, набрать вновь войска, и въ особенности какъ можно болѣе легкой кавалеріи.... Если не заключимъ мира, то я возвращусь къ вамъ весною съ новою арміей. У меня достанетъ людей на вашу защиту. Впрочемъ — надѣюсь, что Пруссія и Австрія положительнѣе (plus positivement) примутъ мою сторону." Узнавъ на опытѣ достоинства нашихъ донцовъ, Наполеонъ приказалъ набрать въ герцогствѣ варшавскомъ десять тысячъ казаковъ, и отдохнувъ нѣсколько часовъ, продолжалъ свое путешествіе на Дрезденъ и Майнцъ, въ Парижъ, куда прибылъ въ ночи 7 (19) декабря, два дня спустя по объявленіи тамъ 29-го бюллетеня ([42]).

Одновременно съ возвращеніемъ Наполеона въ Парижъ, остатки его полчищъ торопились бѣжать изъ Россіи, оставляя за собою артиллерію, обозы, тысячи плѣнныхъ, и обозначая путь свой брошенными орудіями и трупами. 27 ноября (9 декабря), въ два часа по полудни, уже слышна была въ Вильнѣ канонада подступившихъ къ городу русскихъ войскъ. Арріергардъ, на-скоро составленный изъ остатковъ дивизіи Луазона и баварскаго корпуса Вреде, подъ начальствомъ Нея, былъ опрокинутъ Сеславинымъ, который ворвался въ предмѣстье, но, не имѣя пѣхоты, былъ вытѣсненъ въ поле и расположился на бивакахъ, въ ожиданіи авангарда Дунайской арміи; въ тотъ-же день, приблизились къ Вильнѣ съ нѣсколькихъ сторонъ и другіе русскіе отряды ([43]).

Появленіе въ Вильнѣ жалкихъ наполеоновыхъ войскъ, въ числѣ коихъ было не болѣе 4,300 человѣкъ способныхъ сражаться ([44]), поразило удивленіемъ жителей города. Доселѣ, благодаря лживымъ бюллетенямъ, они считали отступленіе французской

арміи манёвромъ, имѣвшимъ цѣлью доставить войскамъ удобныя зимнія квартиры и открыть слѣдующую кампанію движеніемъ къ Петербургу. Въ Вильнѣ, по прежнему, оставались огромные магазины и казна, на сумму одиннадцати милліоновъ франковъ, и никто не помышлялъ о вывозѣ ихъ. Таково было положеніе дѣлъ, когда городъ внезапно наполнился множествомъ безоружныхъ, оборванныхъ людей, съ ознобленными руками и ногами, едва могшихъ двигаться. Жители встрѣтили ихъ насмѣшками и опасаясь грабежа, торопились запереться въ домахъ и лавкахъ своихъ. Тѣ изъ отсталыхъ, которые сохранили сколько-нибудь силъ, торопились уйти изъ города, чтобы непопасть въ руки казакамъ; другіе кинулись къ магазинамъ, но, не смотря на изобиліе запасовъ, отъ безпорядка въ раздачѣ, не всякому удалось получить ихъ. А, между тѣмъ, Русскіе уже были близко. Мюратъ, при первой тревогѣ, ушелъ со всѣмъ своимъ штабомъ въ кофейный домъ на Погулянкѣ; остатки гвардіи, въ числѣ до полуторы тысячи человѣкъ, расположились на бивакахъ, у Ковенской заставы. Вечеромъ дано было знать Нею о намѣреніи Короля Неаполитанскаго выступить на слѣдующій день къ Ковну, и вмѣстѣ съ тѣмъ предписано прикрыть отступленіе изъ Вильны одиночныхъ людей и обозовъ, отправить артиллерію и казну, взорвать всѣ зарядныя фуры, которыхъ нельзя было вывезти, и изломать ружья. Графъ Дарю получилъ приказаніе выслать казну и все, что̀ будетъ возможно спасти, въ Ковно, и раздать поспѣшно, безъ всякихъ формальностей, провіантъ, одежду и обувь всѣмъ тѣмъ, которые ихъ потребуютъ. Тогда-же посланы, отъ имени Императора Наполеона, предписанія Шварценбергу и Макдональду: первому — направиться къ Бѣлостоку, для прикрытія варшав-

скаго герцогства, а второму — сблизиться къ Тильзиту, для защиты Кёнигсберга и Данцига (45).

28 ноября (10 декабря), еще до разсвѣта, Мюратъ и Бертье отправились по ковенской дорогѣ, въ каретѣ; вице-король, Даву, Лефевръ, Мортьè и Бесьѐръ сопровождали ихъ верхомъ, вмѣстѣ съ гвардіей, составлявшею конвой главной квартиры. За ними потянулись остальные вооруженные и безоружные люди; но всѣ усилія арріергарда Нея выслать изъ города отсталыхъ были безуспѣшны. На разсвѣтѣ, непріятель, атакованный на ковенской дорогѣ казаками Платова, потерялъ два знамя, два штандарта и болѣе тысячи человѣкъ одними плѣнными. Подойдя къ Понарской горѣ, въ шести верстахъ отъ Вильны, Ней расположилъ у подошвы высотъ арріергардъ, въ нѣсколькихъ небольшихъ колоннахъ, между тѣмъ какъ Мюратъ, съ своимъ штабомъ и гвардіей, сталъ взбираться по крутому, обледенѣлому скату. Но изморенныя лошади, будучи не въ силахъ взойти на гору, скользили и падали; повозки и люди, столпившись, совершенно загромоздили дорогу. Мюратъ и маршалы, оставя свои экипажи, стали пробираться въ сторонѣ отъ дороги, чрезъ лѣсъ; прислуга ихъ была оставлена съ обозомъ, получивъ приказаніе жечь повозки и вьючить на лошадей казну, столовое серебро и другія наиболѣе цѣнныя вещи. Но едва лишь приступили къ дѣлу, какъ раздались выстрѣлы казачьей артиллеріи. Мюратъ со всею свитою ускакалъ по ковенской дорогѣ; за нимъ въ слѣдъ ушелъ арріергардъ Нея. Мародёры и фурлейты, видя явную невозможность спасти казну, разбивали боченки съ золотомъ и серебромъ и уносили деньги; другіе, вскрывъ чемоданы, таскали оттуда шитые золотомъ мундиры и богатые мѣха; но всякій предпочиталъ съѣстные припасы и найдя

ихъ въ экипажахъ, бралъ все, что только могъ унести на себѣ. Изъ всей казны, простиравшейся до 11-ти милліоновъ франковъ, было спасено съ небольшимъ четыре милліона; прочіе-же семь милліоновъ частью расхищены самими Французами, частью достались въ добычу донцамъ, вмѣстѣ съ остальными двадцатью восемью орудіями, собственными экипажами Наполеона и множествомъ повозокъ (46).

Въ тотъ-же день русскія войска заняли Вильну, гдѣ найдено болѣе ста сорока орудій. Захвачено въ плѣнъ болѣе 14-ти тысячъ человѣкъ, изъ числа коихъ пять тысячъ больныхъ лежавшихъ въ госпиталяхъ. Магазины, находившіеся въ городѣ, заключали въ себѣ 14-ть тысячъ четвертей ржи и пять тысячъ кулей муки, большіе склады коммисаріатскихъ запасовъ, и проч. Кромѣ того, въ послѣдствіи найдены значительные магазины въ окрестностяхъ города (47).

29 ноября (11 декабря) прибыли въ Вильну главныя силы Дунайской арміи. Фельдмаршалъ, который, въ продолженіи своей службы, былъ дважды военнымъ губернаторомъ въ Вильнѣ и съ удовольствіемъ вспоминалъ тамошнюю жизнь, немедленно туда перенесъ свою главную квартиру и расположился въ замкѣ, гдѣ былъ встрѣченъ Чичаговымъ, вручившимъ ему строевой рапортъ о состояніи своей арміи и ключи отъ города. Свиданіе между нашими военачальниками было очень холодно. Чичаговъ зналъ, что Кутузовъ приписывалъ ему прорывъ Наполеона черезъ Березину, а Кутузову не могло быть пріятно, что адмиралъ оправдывался полученными отъ него извѣстіями.

Потери, понесенныя русскими войсками, въ продолженіи преслѣдованія наполеоновыхъ войскъ, были чрезвычайны. Въ Главной арміи, выступившей отъ

Тарутина въ числѣ ста тысячъ человѣкъ съ 622-мя орудіями, по прибытіи черезъ два мѣсяца въ окрестности Вильны, оставалось, (не считая войскъ непоказанныхъ въ вѣдомостяхъ, за неимѣніемъ о нихъ свѣдѣній). 27,464 человѣка съ 200 орудіями, а вообще приблизительно до 42-хъ тысячъ; 48 тысячъ больныхъ лежало въ госпиталяхъ; 12 тысячъ умерло, либо убито; болѣе двухъ третей артиллеріи оставлено назади, по недостатку въ лошадяхъ и прислугѣ. Въ Западной (бывшей Дунайской) арміи, изъ 32-хъ тысячъ человѣкъ, прибывшихъ на Березину, чрезъ мѣсяцъ оставалось 17,454 человѣка съ 156-ю орудіями, и кромѣ того вскорѣ должны были прибыть 15 запасныхъ баталіоновъ, въ числѣ 7,034 человѣкъ съ 24-мя орудіями. Наконецъ, въ арміи графа Витгенштейна, считавшей въ рядахъ, по прибытіи на Березину, вмѣстѣ съ отрядами отъ 40 до 42-хъ тысячъ человѣкъ и находившейся въ лучшемъ состояніи, нежели прочія, оставалось черезъ мѣсяцъ 34,483 человѣка съ 177-ю орудіями (48). Еще 25 ноября (7 декабря), князь Кутузовъ доносилъ Государю о намѣреніи своемъ остановить въ окрестностяхъ Вильны главныя силы всѣхъ армій, поручивъ дальнѣйшее преслѣдованіе непріятеля авангардамъ Витгенштейна и Чичагова, которые, по мнѣнію фельдмаршала, должны были идти за Шварценбергомъ только до австрійской границы; въ отношеніи-же Пруссіи, Кутузовъ испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія (49). Императоръ Александръ неизъявилъ согласія на это предположеніе. Мнѣніе Государя на счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій изложено въ слѣдующемъ Высочайшемъ рескриптѣ на имя фельдмаршала:

„Князь Михаилъ Илларіоновичъ! Получивъ сего дня донесеніе ваше. отъ 25 ноября за № 593-мъ, поспѣшаю отвѣтствовать на оное, не теряя времени.

„Поверхность наша надъ непріятелемъ, разстроеннымъ и утомленнымъ, пріобрѣтенная помощію Всевышняго и искусными распоряженіями вашими, и вообще положеніе дѣлъ нынѣшнихъ, требуютъ всѣхъ усилій къ достиженію главной цѣли, не смотря ни на какія препятствія. Никогда не было столь дорого время для насъ, какъ при теперешнихъ обстоятельствахъ. И по тому ничто не позволяетъ останавливаться войскамъ нашимъ, преслѣдующимъ непріятеля, ни на самое короткое время, въ Вильнѣ. Я, уважая причины, въ донесеніи вашемъ помѣщенныя, нахожу полезнымъ остановить въ Вильнѣ единственно небольшую часть войскъ, болѣе другихъ разстроенную, которая-бы собрала отставшихъ и выздоровѣвшихъ людей, равно и баталіоны генералъ-маіора князя Урусова; а прочимъ всѣмъ войскамъ, какъ большой арміи, такъ адмирала Чичагова и корпуса графа Витгенштейна, слѣдовать безпрерывно за непріятелемъ, взявъ такое направленіе, чтобы нетолько внутри, но и внѣ границъ нашихъ, имѣть въ виду ту-же цѣль — отрѣзывать ему сообщеніе и соединеніе съ новыми подкрѣпленіями его.

„Правила, принятыя вами въ разсужденіи границъ австрійскихъ, Я апробую; по предмету-же расположенія нашего въ Пруссіи, вы получите вслѣдъ за симъ подробное отъ Меня изъясненіе. Пребываю вамъ всегда благосклонный.

„Александръ."

„С.-Петербургъ. 2-го декабря 1812 года" (50).

Кутузовъ и многіе изъ его сподвижниковъ полагали, что мы, истребивъ огромную наполеонову армію, достигли конечной цѣли войны, и что намъ слѣдовало ограничиться изгнаніемъ непріятеля изъ Россіи, которое, по ихъ мнѣнію, достаточно обезпечивало насъ отъ всякихъ враждебныхъ покушеній Напо-

леона послѣ понесеннаго имъ пораженія. Но Императоръ Александръ судилъ иначе: по его мнѣнію, безопасность Россіи требовала, чтобы страны, доселѣ состоявшія въ зависимости Франціи, снова получили свою политическую самобытность. Готовясь къ новому походу, Государь повелѣлъ сдѣлать рекрутскій наборъ съ 500 душъ по восьми человѣкъ (51). Поручено сформировать для Главной и Дунайской армій резервы, именно: князю Лобанову-Ростовскому 77 баталіоновъ, генералу Эссену 3-му 48 и генералу Клейнмихелю 24 баталіона. Для укомплектованія кавалеріи, кромѣ 94-хъ эскадроновъ, формируемыхъ генераломъ Кологривовымъ, повелѣно генералъ-маіору Чаликову и полковнику Жандру сформировать еще 20 эскадроновъ. Для гвардіи формировались въ Петербургѣ 6 баталіоновъ, 10 эскадроновъ и конная батарея. Вообще-же резервы состояли въ числѣ около 175-ти тысячъ человѣкъ пѣхоты и 25-ти тысячъ кавалеріи (52). Кавалерійскіе полки были приведены въ составъ трехъ, и даже одного эскадрона; кадры-же прочихъ эскадроновъ отправлены въ Стародубъ, для укомплектованія рекрутами, собираемыми въ Кіевѣ, и для снабженія лошадьми изъ волынской и подольской губерній; подобнымъ-же образомъ часть артиллеріи должна была комплектоваться въ Брянскѣ (53). Снабженіе войскъ оружіемъ, въ особенности-же провіантскими запасами, составляло предметъ неусыпной заботливости Императора Александра. На основаніи „Записки о способахъ продовольствованія арміи при дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ,“ посланной Государемъ къ фельдмаршалу 7-го ноября, запасы, находившіеся въ тверскихъ и вышневолоцкихъ магазинахъ, были перевезены оттуда частью въ Смоленскъ (15 тысячъ кулей муки, съ положеннымъ количествомъ крупъ,

и 10 тысячъ четвертей овса), частью въ Витебскъ и на Бѣльскую пристань (по 70-ти тысячъ кулей муки и по 39-ти тысячъ четвертей овса); изъ новгородскихъ-же магазиновъ 28 тысячъ кулей муки и 14 тысячъ четвертей овса отправлены въ Себежъ и Волынцы, и столько-же оставлено въ Новгородѣ, для сплава весною въ Петербургъ, и отправленія оттуда моремъ въ другія мѣста. Вмѣстѣ съ тѣмъ, учреждены двѣ линіи магазиновъ, изъ коихъ передняя находилась въ западныхъ губерніяхъ. Въ Минскѣ, Бѣлицахъ и Пинскѣ предписано имѣть по 40 тысячъ кулей муки и по 30 тысячъ четвертей овса, а въ пяти другихъ пунктахъ по 20 тысячъ кулей муки и по 15 тысячъ четвертей овса; вторая линія магазиновъ устроена въ Бѣлоруссіи. Магазины должны были наполняться реквизиціями въ Литвѣ, сборомъ и пожертвованіемъ изъ губерній: минской, волынской, черниговской, полтавской, курской, орловской, тульской и калужской, и перевозкою изъ кіевскихъ, трубчевскихъ и сосницкихъ запасовъ ([54]).

По занятіи Вильны, фельдмаршалъ, исполняя волю Государя, предполагалъ: во 1-хъ, преслѣдовать остатки „Великой арміи“ за Нѣманъ; во 2-хъ, пользуясь промедленіемъ Макдональда на Двинѣ, отрѣзать его отъ Нѣмана и отбросить къ морю, и въ 3-хъ, вытѣснить корпусы Шварценберга и Рейнье изъ русскихъ владѣній ([55]).

Непріятель, очистивъ Вильну, бѣжалъ безъ оглядки въ Ковно. Тамъ находились весьма значительные магазины и два съ половиною милліона франковъ, о вывозѣ которыхъ никому не пришло въ голову. 1 (13) декабря, въ пять часовъ утра, Мюратъ, съ остатками гвардіи и прочихъ корпусовъ, отправился изъ Ковно, предоставя оборону города аррієргарду, подъ начальствомъ Нея. Въ тотъ-же день, Ней, при-

бывъ, около девяти часовъ утра, въ Ковно, нашелъ тамъ величайшій безпорядокъ; городъ былъ наполненъ толпами безоружныхъ солдатъ, которые, окоченѣвъ отъ холода, врывались силою въ домà, грабили магазины, выкатывали изъ погребовъ бочки съ водкою и упивались до безпамятства; отъ бивачныхъ огней, разведенныхъ на улицахъ, вспыхнуло нѣсколько пожаровъ. Для обороны города, Ней, съ содѣйствіемъ генераловъ Жерара и Маршана, поставилъ нѣсколько сотъ нѣмецкихъ солдатъ съ двадцатью орудіями въ предмостныхъ укрѣпленіяхъ на Виліи и Нѣманѣ; Маршанъ, съ остальными людьми дивизіи Луазона, расположился вдоль противоположныхъ береговъ Виліи и Нѣмана. На слѣдующій день, 2-го (14-го), Платовъ, подойдя къ Ковну, въ десять часовъ утра, открылъ канонаду изъ восьми орудій, слѣдовавшихъ на полозкахъ за его казаками. Новобранцы, пораженные безотчетнымъ страхомъ, стали бросать ружья, но были удержаны въ порядкѣ Неемъ и Жераромъ. Платовъ, желая побудить непріятеля къ очищенію Ковна, послалъ казаковъ по льду въ обходъ города на другую сторону Нѣмана, чтò заставило войска Нея обратиться въ бѣгство, частью къ Тильзиту, частью къ Вильковишкамъ. Казаки преслѣдовали ихъ и захватили множество плѣнныхъ. Самъ Ней, съ остававшимися у него двумя стами человѣкъ, кинулся по дорогѣ къ Вильковишкамъ, но когда большая часть его отряда разсѣялась, онъ свернулъ вправо внизъ по Нѣману и пробрался чрезъ лѣсъ въ Вильковишки. Находившійся тамъ генералъ Дюмà, удивился, видя вошедшаго къ нему человѣка въ коричневомъ сюртукѣ, обросшаго бородою. „Вы не узнали меня?“ сказалъ онъ.—„Нѣтъ! Кто вы?“—„Аррієргардъ Ве-

ликой арміи, Ней," отвѣчалъ маршалъ, при которомъ тогда не было никого, кромѣ Жерара ([56]).

Графъ Платовъ, вступивъ въ Ковно, 3 (15) декабря, приказалъ принести на площади, въ присутствіи войскъ, благодарственное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ; при возглашеніи многолѣтія Монарху и Царствующему Дому раздался сто одинъ выстрѣлъ, сопровождаемый криками ура! русскихъ войскъ и жителей города, потерпѣвшихъ разореніе отъ мнимыхъ своихъ покровителей. Католическій священникъ испросилъ у Платова позволеніе также отслужить молебенъ, и даже Евреи участвовали въ общемъ торжествѣ, вынеся на площадь свою святыню — кіотъ съ десятью заповѣдями ([57]).

Изъ полумилліонной „Великой арміи" перешло обратно за русскую границу 400 человѣкъ Старой гвардіи и 600 человѣкъ гвардейской кавалеріи; во всѣхъ-же прочихъ корпусахъ, (кромѣ дѣйствовавшихъ на нижней Двинѣ и на Волыни), оставалось только по нѣскольку офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Артиллерія „Великой арміи" состояла всего на все изъ девяти орудій, увезенныхъ Мюратомъ изъ Ковна ([58]).

Съ нашей стороны, Главная армія расположилась по квартирамъ между Вилькомиромъ и Воложиномъ; Западная армія Чичагова двинулась въ слѣдъ за своимъ авангардомъ и отрядомъ Платова къ Нѣману, и расположась на квартирахъ, 5 (17) декабря, близъ Пренъ, простояла на мѣстѣ двѣнадцать дней. Преслѣдованіе Макдональда съ тыла было поручено рижскому гарнизону, а для отрѣзанія непріятельскаго корпуса предписано графу Витгенштейну направиться къ Ковну, и далѣе къ Гумбинену. Для дѣйствій-же противъ Шварценберга, кромѣ войскъ Сакена, оставленныхъ у Бреста при движеніи Чичагова къ Березинѣ, были назначены отряды, по-

сланные отъ Минска къ Слониму, подъ общимъ начальствомъ Дохтурова, и авангардъ Главной арміи, подъ командою Васильчикова, двигавшійся къ Бѣлостоку (59).

Прибытіе Дунайской арміи изъ Молдавіи на Волынь и соединеніе ея съ 3-ею Резервною Обсерваціонною арміей, заставили Шварценберга, съ австрійскимъ и саксонскимъ корпусами, отступить съ рѣки Стыри къ Брестъ-Литовску; когда-же Чичаговъ, съ большею частью ввѣренныхъ ему войскъ, обратился отъ Бреста къ Березинѣ, Шварценбергъ двинулся ему въ тылъ; но стольже смѣлыя, сколько и искусныя дѣйствія Сакена не позволили австрійскому полководцу исполнить его намѣреніе, а польза самой Австріи требовала, чтобы онъ сохранилъ свои войска, не жертвуя ими въ угоду Наполеону. Съ этою цѣлью, Шварценбергъ, въ концѣ ноября (въ началѣ декабря), по достиженіи съ австрійскимъ корпусомъ Слонима, одновременно съ прибытіемъ саксонскаго корпуса Рейньè къ Ружанамъ, остановился и не пошелъ далѣе. Войска ихъ терпѣли во всемъ недостатокъ, отъ того, что казаки перехватывали австро-саксонскихъ фуражировъ; тогда-же начались морозы, доходившіе до 28-ми градусовъ; въ войскахъ Шварценберга, несмотря на прибытіе къ нимъ въ помощь дивизіи Дюрютта (корпуса Ожеро), оставалось въ рядахъ неболѣе 35-ти тысячъ человѣкъ, да и тѣ почти всѣ съ отмороженными руками и ногами (60).

Послѣ переправы Наполеона черезъ Березину, было послано противъ австро-саксонской арміи нѣсколько отрядовъ, поддержанныхъ частью Главной арміи, направленною, подъ начальствомъ Милорадовича, къ Гродну. Но для побужденія Шварценберга къ очищенію русскихъ владѣній небыло надобности прибѣгать къ оружію, и, напротивъ того, съ

первой-же встрѣчи передовыхъ войскъ графа Ожаровскаго и генерала Мора были открыты переговоры, обнаружившіе совершенное охлажденіе Австрійцевъ къ Наполеону. Съ нашей стороны, отпускали захваченныхъ въ плѣнъ венгерскихъ гусаръ, которые, сходясь съ казаками, называли ихъ товарищами и говорили о себѣ, что имъ запрещено драться съ Русскими. Дѣйствительно — Моръ, избѣгая столкновенія съ нашими войсками, отступилъ къ Бѣлостоку. Самъ Шварценбергъ отвелъ свои главныя силы назадъ и расположилъ ихъ въ окрестностяхъ Бѣлостока и Брестъ-Литовска; а 18 (30) декабря отошелъ съ австрійскимъ корпусомъ къ Пултуску, гдѣ оставался цѣлый мѣсяцъ; Рейнье, переправясь за Бугъ у Дрогичина, расположился съ саксонскими войсками у Венгрова, а польскій корпусъ Понятовскаго сталъ на квартирахъ въ окрестностяхъ Варшавы ([16]). Русскіе находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Австрійцами; напротивъ того, покушенія саксонскаго правительства возбудить возстаніе противъ Россіи, нетолько въ Польшѣ, но въ Литвѣ и на Волыни, произвели взаимное озлобленіе между Русскими и Саксонцами. Въ концѣ 1812 года, былъ составленъ новый русскій авангардъ, въ числѣ около 16-ти тысячъ человѣкъ, съ 70-ю орудіями, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Винцингероде, ([62]) и тогда-же часть главныхъ силъ князя Кутузова вступила въ варшавское герцогство ([63]). Отступленіе прочихъ наполеоновыхъ войскъ способствовало намъ обойти Шварценберга, но хотя и не было съ нимъ заключено формальнаго условія, однакоже перемиріе между русскими и австрійскими войсками соблюдалось на дѣлѣ; аванпосты обѣихъ сторонъ стояли въ виду одни другихъ спокойно, и даже сходились между собою; наши офицеры ѣздили

въ Пултускъ, для закупки всего для нихъ нужнаго. 10 (22) генваря, Шварценбергъ получилъ повелѣніе Императора Франца—очистить герцогство варшавское, а 27-го (8-го февраля) русскія войска заняли Варшаву, слѣдствіемъ чего было отступленіе наполеоновыхъ союзниковъ въ различныя стороны: Австрійцевъ къ Кракову, Поляковъ къ Ченстохову и Саксонцевъ къ Калишу.

Корпусъ Макдональда, котораго двѣ трети состояли изъ прусскихъ войскъ, во время отступленія остатковъ „Великой арміи“ къ Вильнѣ, находился въ Курляндіи. Макдональдъ получилъ повелѣніе — отступать къ Нѣману, отправленное къ нему изъ Вильны 27 ноября (9 декабря), не прежде 6 (18) декабря, и выславъ тотъ-же день всѣ обозы по дорогамъ къ Мемелю и Тильзиту, двинулъ, въ слѣдъ за ними войска, двумя эшелонами: въ первомъ шли дивизія Гранжана и часть прусскихъ войскъ, подъ командою генерала Массенбаха, а во второмъ, въ разстояніи перехода отъ перваго, остальныя прусскія войска генераловъ Іорка и Клейста. Съ нашей стороны, для преслѣдованія Макдональда, были сдѣланы слѣдующія распоряженія: 1) генералъ-адъютантъ маркизъ Паулуччи. еще въ октябрѣ назначенный рижскимъ военнымъ губернаторомъ, на мѣсто генералъ-лейтенанта Эссена 1-го, въ началѣ декабря двинулся съ 2,500 человѣкъ къ Мемелю, предоставя непосредственное преслѣдованіе непріятеля генералъ-лейтенанту Левизу съ 8,000 человѣкъ; 2) графъ Витгенштейнъ, 10 (22) декабря, перешелъ отъ Вилькомира къ Кейданамъ; впереди его, на довольно значительномъ разстояніи, двигались усиленными переходами отряды генералъ-адъютанта Кутузова и

генералъ-маіора Дибича: первый направился внизъ по Нѣману, къ Тильзиту, для задержанія Макдональда до прибытія на перерѣзъ ему главныхъ силъ Витгенштейна; небольшой-же отрядъ Дибича шелъ на Россіены, по направленію къ Мемелю, и находился 9 (21) декабря у Лафкова, въ ста сорока верстахъ отъ корпуса; тогда-же отрядъ Кутузова приблизился къ Тильзиту и занялъ сей городъ своимъ авангардомъ. Дибичъ полагалъ, что Макдональдъ направился на Мемель, для дальнѣйшаго движенія оттуда по Нерунгу къ Кенигсбергу. Но узнавъ въ Лафковѣ, что непріятель отступилъ на Шавли, Дибичъ обратился 12-го (24-го) назадъ къ Колтынянамъ и тамъ получилъ отъ маркитантовъ массенбаховой колонны свѣдѣніе, что уже всѣ войска Макдональда миновали этотъ пунктъ, кромѣ двухъ эскадроновъ и двухъ ротъ, слѣдовавшихъ въ арріергардѣ. Какъ у Дибича было 1,600 человѣкъ съ шестью орудіями [64], то онъ сталъ на пути отступленія непріятельскихъ войскъ. Ему было неизвѣстно, что за арріергардомъ передняго эшелона макдональдовыхъ войскъ слѣдовала колонна Іорка и Клейста, которая, имѣя при себѣ огромные обозы, отстала отъ Макдональда на два перехода, и что самъ Макдональдъ уже подходилъ къ Таурогену, а войска Іорка и Клейста находились далеко назади, у Кроже. Но вскорѣ отъ нѣсколькихъ плѣнныхъ Пруссаковъ Дибичъ узналъ, что въ отрядѣ Клейста, тогда шедшемъ отъ Кроже къ Колтынянамъ, было 4 баталіона, 2 эскадрона и батарея. Очевидно было, что нашъ небольшой отрядъ, удалившійся на нѣсколько переходовъ отъ прочихъ русскихъ войскъ, не могъ отрѣзать отъ Нѣмана колонну Клейста, за которою слѣдовала еще сильнѣйшая колонна Іорка; но Дибичъ зналъ, что прусскія войска воевали противъ Россіи неохотно, и по тому, оставя

свой отрядъ на пути ихъ слѣдованія, открылъ переговоры съ Клейстомъ (65).

Еще въ октябрѣ, какъ только Паулуччи былъ назначенъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ, онъ старался убѣдить Іорка отложиться отъ Французовъ. Но Іоркъ, хотя и весьма желалъ того, однакоже рѣшался приступить къ исполненію своего замысла не прежде, какъ узнавъ волю Короля Фридриха-Вильгельма, и съ этою цѣлью, въ концѣ ноября (въ первой половинѣ декабря), послалъ въ Берлинъ адъютанта своего маіора Зейдлица. Въ такомъ положеніи было дѣло, когда Дибичъ сталъ въ промежуткѣ между двумя непріятельскими колоннами, изъ коихъ каждая была гораздо сильнѣе его отряда. Очевидно, что прусскія войска не могли считать себя отрѣзанными. Но многія обстоятельства способствовали удачѣ смѣлаго Дибича. Генералъ Іоркъ, одаренный необыкновенною силою воли, умѣвшій, подъ личиною откровенности, доходившей до грубости, скрывать свои замыслы, враждовалъ Макдональду и вмѣстѣ со всѣми ему ввѣренными войсками ненавидѣлъ Наполеона и Французовъ. Въ ожиданіи разрѣшенія изъ Берлина — оставить Макдональда, Іоркъ считалъ себя не въ правѣ дѣйствовать рѣшительно въ пользу Русскихъ, но согласился на предложеніе Дибича — съѣхаться съ нимъ на аванпостахъ. При свиданіи съ Іоркомъ, Дибичъ не скрылъ малочисленности своихъ войскъ. „Я вовсе не думаю заградить вамъ путь — сказалъ онъ — а буду тревожить васъ, стараясь отбить обозы и можетъ быть артиллерію“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Дибичъ поставилъ на видъ Іорку совершенное уничтоженіе французской арміи, подававшее Пруссіи случай сбросить тяготѣющее надъ нею иго, и предложилъ заключить договоръ о неутралитетѣ прусскаго корпуса. Іоркъ выказалъ

готовность войти въ соглашеніе съ Русскими, но выразилъ мнѣніе, что еще тому не настало время. Положено было, чтобы войска Іорка продолжали идти къ Тильзиту, а отрядъ Дибича располагался-бы ежедневно на пути ихъ. Двигаясь такимъ образомъ, Іоркъ, съ своею колонною, прибылъ, 16 (28) декабря, къ Таурогену, всего въ тридцати верстахъ отъ войскъ Макдональда, выжидавшаго его присоединеніе въ Тильзитѣ; отрядъ Дибича тогда находился нѣсколько въ сторонѣ отъ тильзитской дороги, въ промежуткѣ между колоннами Іорка и Макдональда. Въ такомъ сомнительномъ положеніи, Дибичъ послалъ, 17-го (29-го), одного изъ состоявшихъ въ нашей службѣ прусскихъ офицеровъ, подполковника Клаузевица, къ Іорку, съ депешами, которыя должны были побудить его къ рѣшительному шагу: въ одной изъ нихъ было свѣдѣніе о прибытіи главныхъ силъ графа Витгенштейна въ Зомерау, селеніе, лежащее въ 12-ти верстахъ отъ дороги изъ Тильзита въ Кенигсбергъ, а въ другой — перехваченномъ письмѣ Макдональда къ Марè — заключались жалобы на духъ прусскихъ войскъ, упоминалось о необходимости удалить нѣкоторыхъ офицеровъ, и проч. Тогда-же прибылъ къ Іорку возвратившійся изъ Берлина, черезъ Кенигсбергъ и Ригу, маіоръ Зейдлицъ, который, хотя и не привезъ никакого повелѣнія отъ Короля, однакоже донесъ словесно, что Король рѣшился разорвать союзъ, неоднократно уже нарушенный Наполеономъ, *какъ только болѣе разъяснятся политическія отношенія государства.* Вмѣстѣ съ тѣмъ Зейдлицъ имѣлъ случай убѣдиться въ совершенномъ разстройствѣ французской арміи и узналъ отъ генерала Бюлова, что Французы недовѣряли Австрійцамъ, отступавшимъ безъ сопротивленія въ варшавское герцогство. Генералъ Іоркъ, выслушавъ про-

ченныя при немъ начальникомъ штаба его Редеромъ депеши и убѣдясь въ достовѣрности ихъ содержанія, сказалъ Клаузевицу: „Я вашъ (ihr habt mich). Дайте знать генералу Дибичу, что завтра утромъ мы увидимся съ нимъ у Пошерунской мельницы, и что я твердо рѣшился оставить Французовъ,“ и за тѣмъ прибавилъ: „Я довершу это дѣло; со мною будетъ Массенбахъ“ ([66]).

На слѣдующій день, 18-го (30-го), въ восемь часовъ утра, съѣхались, на указанномъ для свиданіи мѣстѣ, Дибичъ, въ сопровожденіи состоявшихъ въ нашей службѣ прусскихъ офицеровъ, графа Доны (Dohna) и Клаузевица, и генералъ Іоркъ, съ полковникомъ Редеромъ и маіоромъ Зейдлицомъ. Здѣсь была заключена конвенція, по условіямъ которой положено, чтобы прусскій корпусъ расположился между Мемелемъ и Тильзитомъ, на пространствѣ признанномъ неутральнымъ на все время стоянки прусскихъ войскъ; въ случаѣ неутвержденія конвенціи Императоромъ Александромъ, либо Королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, прусскій корпусъ имѣлъ право идти, по указанію Короля, но обязывался не сражаться противъ Русскихъ два мѣсяца со дня заключенія конвенціи. Войскамъ Массенбаха было предоставлено участвовать въ конвенціи, и проч.

Въ тотъ-же день, былъ посланъ генеральнаго штаба маіоръ фонъ-Тиле къ Королю, съ донесеніемъ о пошерунской конвенціи. Въ заключеніе своего рапорта, Іоркъ писалъ:

„Повергаю мою голову къ стопамъ Вашего Величества; если я буду признанъ виновнымъ, я умру съ утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что, по крайней мѣрѣ, ничего не сдѣлалъ противнаго долгу вѣрноподданнаго и сына отечества. Теперь — или никогда – время избавиться Вашему Величеству отъ

высокомѣрныхъ притязаній союзника, котораго виды въ отношеніи къ Пруссіи облечены мракомъ возбуждавшимъ справедливыя опасенія, еслибы онъ дѣйствовалъ съ прежнимъ успѣхомъ. Таково было руководившее меня убѣжденіе; да послужитъ оно ко благу отечества“.

Тогда-же Іоркъ послалъ офицера въ Тильзитъ, къ Массенбаху, съ строгимъ предписаніемъ, (для сложенія съ него отвѣтственности), возвратиться въ Таурогенъ, и съ письмомъ къ Макдональду, которые Моссенбахъ долженъ былъ переслать, уже отдѣлившись отъ французскихъ войскъ. Массенбахъ успѣшно исполнилъ данное ему приказаніе и 19 (31) декабря привелъ свою колонну въ Таурогенъ. Такимъ образомъ Французы лишились содѣйствія девятнадцати баталіоновъ и четырнадцати эскадроновъ, въ числѣ 16-ти тысячъ человѣкъ съ 48-ю орудіями.

Макдональдъ, въ ожиданіи прибытія въ Тильзитъ іорковыхъ войскъ, оставался тамъ до утра 19-го (31-го), но получивъ свѣдѣніе о переходѣ Массенбаха на правую сторону Нѣмана и присланное имъ письмо Іорка (67), немедленно выступилъ по дорогѣ къ Кёнигсбергу.

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе о конвенціи заключенной Іоркомъ, Собственноручно писалъ къ нему:

„Спѣшу, генералъ, изъявить вамъ удовольствіе Мое: отнынѣ — двѣ націи, взаимно соединенныя чувствами уваженія и пріязни, не будутъ истреблять одна другую въ угоду ненасытному властолюбію притѣснителя Европы. Моя преданность къ Королю осталась неизмѣнною, а живое участіе къ Прусской Монархіи еще болѣе усилилось. Прилагаю письмо къ Королю, которое весьма важно, и прошу васъ отправить его съ надежнымъ офицеромъ.

„Вмѣстѣ съ тѣмъ, прошу васъ, генералъ, быть увѣрену въ Моемъ уваженіи къ вамъ и къ состоящимъ подъ вашимъ начальствомъ храбрымъ войскамъ, которымъ прошу васъ передать Мои чувства“ (68).

Поступокъ Іорка возбудилъ живое участіе въ Пруссіи и во всей Германіи. Но въ Берлинѣ, тогда занятомъ французскими войсками, хотя и сознавали неизбѣжность разрыва съ Наполеономъ, однакоже были устрашены рѣшительнымъ шагомъ, который многимъ казался несвоевременнымъ и подвергавшимъ опасности существованіе Прусской Монархіи. Самъ Гарденбергъ, несмотря на свою ненависть къ Французамъ, былъ такого мнѣнія. Король, рѣшась до времени угождать Наполеону, въ рукахъ котораго все еще находилась судьба Пруссіи, не ратификовалъ пошерунской конвенціи, отрѣшилъ Іорка отъ командованія войсками, и приказавъ арестовать его, назначилъ на его мѣсто, командиромъ корпуса, Клейста, произведеннаго тогда-же въ генералъ-лейтенанты; генералу Клейсту повелѣно было состоять въ распоряженіи Императора Французовъ и намѣстника его, Короля Неаполитанскаго. Флигель-адъютантъ подполковникъ Нацмеръ отправился съ симъ повелѣніемъ къ прусскому корпусу, но былъ остановленъ на нашихъ аванпостахъ и препровожденъ къ Витгенштейну, который, узнавъ о данномъ ему порученіи, не дозволилъ ему ѣхать къ Клейсту. Вслѣдъ за тѣмъ появился въ берлинскихъ вѣдомостяхъ, 7-го (19-го) генваря, приказъ объ отрѣшеніи Іорка и назначеніи на его мѣсто Клейста. Но Іоркъ объявилъ, въ кёнигсбергской газетѣ, что ни онъ, ни генералъ Клейстъ, не получили никакого приказанія по командѣ, и что по тому онъ не считаетъ себя въ правѣ оставить начальство надъ корпусомъ, ему ввѣренное на

основаніи повелѣнія отъ 20 декабря н. ст. 1812 года. Генералъ Клейстъ, съ своей стороны, объявилъ, что не можетъ занять мѣсто генерала Іорка, потому что не менѣе его участвовалъ въ отложеніи отъ Французовъ: такимъ образомъ Іоркъ продолжалъ командовать корпусомъ (69), пока союзъ Короля Фридриха-Вильгельма съ Императоромъ Александромъ и общее вооруженіе прусскаго народа не оправдали его рѣшительнаго поступка.

Какъ только Макдональдъ, по утру 19 (31) декабря, узналъ объ отложеніи прусскихъ войскъ, то выступилъ, съ дивизіей Гранжана, въ числѣ до восьми тысячъ человѣкъ съ 12-ю орудіями, по кенигсбергской дорогѣ. Графъ Витгенштейнъ, съ главными силами своего корпуса, переправясь черезъ Нѣманъ, у Юрбурга, еще 16-го (28-го), двинулся на перерѣзъ непріятелю; но, будучи задержанъ плохимъ состояніемъ дорогъ, былъ принужденъ остановиться. Передовыя войска его и Платова, преслѣдуя Макдональда, захватили много плѣнныхъ и нѣсколько орудій. По отступленіи къ Кенигсбергу, 23 декабря (4 генваря н. ст. 1813 года), Макдональдъ успѣлъ собрать тамъ до двадцати тысячъ человѣкъ французскихъ и союзныхъ войскъ, но большая часть ихъ была не въ состояніи сражаться, и по тому, какъ только подошли къ городу отрядъ генералъ-адъютанта Кутузова и кавалерія Сиверса и Шепелева, то непріятели, затопивъ въ Вислѣ множество орудій, отошли въ ночи на 24-е декабря (на 5-е генваря 1813 года) къ Эльбингу, и далѣе къ Данцигу. Нѣсколько дней спустя, Мюратъ перенесъ свою главную квартиру въ Познань. Авангардъ генерала Шепелева, занявъ 24 декабря (5 генваря 1813 года) Кенигсбергъ, взялъ въ плѣнъ 1.300 человѣкъ, несчитая восьми тысячъ

безоружныхъ и больныхъ, и овладѣлъ огромными магазинами (70).

Императоръ Александръ, получивъ донесеніе о занятіи русскими войсками Вильны, немедленно выѣхалъ изъ Петербурга, въ ночи на 7-е (19-е) декабря, и прибылъ въ Вильну, 11-го (23-го); при Государѣ находились: графъ Аракчеевъ, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, генералъ-адъютанты князь Волконскій и баронъ Винцингероде, государственный секретарь Шишковъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Марченко. Несмотря на сильную стужу, Государь ѣхалъ всю дорогу въ открытыхъ саняхъ, на тройкѣ; его везъ кучеръ Илья, заслуживавшій милости Императора не только преданностью ему, но и душевными свойствами. Однажды, при обычной прогулкѣ Государя, по улицамъ Петербурга, въ дрожкахъ, запряженныхъ въ одну лошадь, Илья привезъ его на конецъ города. „За чѣмъ ты поѣхалъ сюда?“ спросилъ Александръ. „Если Ваше Величество позволите мнѣ, то я скажу о томъ послѣ“— отвѣчалъ Илья, и проѣхавъ еще нѣсколько домовъ, остановился у полуразвалившейся избы. „Государь! — сказалъ онъ — здѣсь живетъ вдова моего прежняго господина“. Александръ не отвѣчалъ ни слова Ильѣ, но по возвращеніи его во дворецъ, вручилъ ему деньги, для передачи его прежней госпожѣ, назначивъ ей тогда-же пожизненную пенсію (71).

Главною цѣлью прибытія Государя въ главную квартиру было приданіе большей настойчивости дѣйствіямъ арміи. Говорятъ даже, будтобы онъ, наединѣ съ Кутузовымъ, упрекалъ его въ бездѣйствіи при отступленіи Наполеона, и что фельдмаршалъ, сознаваясь, что не все то было сдѣлано, что̀ можно было сдѣлать, извинился необходимостью соблюдать

всевозможную осторожность въ борьбѣ съ опаснымъ противникомъ. Но высказавъ откровенно свое мнѣніе о дѣйствіяхъ Кутузова, Императоръ Александръ счелъ справедливымъ воздать награду освободителю Россіи отъ вражескихъ полчищъ. По выходѣ фельдмаршала изъ государева кабинета, графъ Толстой поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ орденъ Св. Георгія 1-й степени. Генералъ Вильсонъ, непримиримый врагъ Кутузова, увѣряетъ, будтобы Императоръ Александръ весьма неохотно удостоилъ фельдмаршала высшею изъ военныхъ наградъ, и даже сказалъ Вильсону, что Кутузовъ не оказалъ никакой заслуги, что пожалованіе ему Георгія 1-й степени не за дѣйствительное отличіе, а въ угожденіе московскому дворянству, нарушаетъ статутъ ордена, и проч. ([72]). Сомнѣваемся, чтобы Александръ выразился такимъ образомъ о Кутузовѣ, бывшемъ на измаильскомъ штурмѣ „правою рукою Суворова“ *), чудесно выжившемъ послѣ смертельныхъ ранъ имъ полученныхъ.

На слѣдующее утро, въ день рожденія Императора Александра, 12 (24) декабря, Государь сказалъ собравшимся во дворецъ генераламъ: „Вы спасли Европу“. На обѣдѣ у фельдмаршала, когда пили за здоровье Императора, при громѣ орудій, Кутузовъ сказалъ Государю, что наши артиллеристы палятъ изъ отбитыхъ у непріятеля пушекъ французскимъ порохомъ. Вечеромъ Императоръ Александръ былъ на балѣ у фельдмаршала, который, незадолго предъ тѣмъ, получивъ отъ Платова отбитыя донцами знамена, повергъ ихъ къ ногамъ Государя, при входѣ его въ бальную залу. Александръ, отклонивъ пред-

---

*) «Кутузовъ шелъ у меня на лѣвомъ флангѣ, но былъ правою моею рукою». (Изъ реляціи Суворова объ измаильскомъ штурмѣ)

ложеніе виленскихъ жителей дать въ честь ему балъ — „потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ ни танцы, ни звуки музыки, не могли быть пріятны,“ согласился удостоить своимъ присутствіемъ балъ, данный Кутузовымъ — „чтобы сдѣлать удовольствіе старику“ ([73]).

Въ тотъ-же день, 12-го (24-го), былъ обнародованъ Высочайшій манифестъ о всепрощеніи тѣхъ изъ жителей западныхъ русскихъ областей, которые, изъ малодушія, принимали на себя званія и должности, налагаемыя непріятелемъ, и даже тѣхъ, которые, поднявъ оружіе противъ Россіи, вмѣстѣ съ чуждымъ для нихъ пришельцемъ, пожелали лучше быть постыдными его рабами, нежели вѣрноподданными русскаго правительства ([74]).

Во время пребыванія Императора Александра въ Вильнѣ, Государь, замѣтивъ ослабленіе силъ и здоровья фельдмаршала, и сочтя нужнымъ принять непосредственное участіе въ управленіи арміями, сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ составѣ ихъ штаба. Ближайшимъ сотрудникомъ Императора сдѣлался генералъ-адъютантъ князь Волконскій, въ званіи начальника главнаго штаба, при коемъ состоялъ генералъ-квартирмейстеромъ Толь; начальникомъ артиллеріи всѣхъ дѣйствующихъ армій назначенъ Ермоловъ; генералу Коновницыну велѣно командовать 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, а князю Долгорукову 8-мъ пѣхотнымъ ([78]).

Тогда-же, на основаніи опыта минувшей кампаніи, были сдѣланы преобразованія въ составѣ кавалеріи: во 1-хъ, переформированы осьмнадцать драгунскихъ полковъ: два въ кирасирскіе, одинъ въ гусарскій, семь въ уланскіе и восемь въ конно-егерскіе полки; во 2-хъ, кавалерійскіе полки приведены въ составъ шести дѣйствующихъ и одного за-

паснаго эскадрона (76). Войска инженернаго вѣдомства переформированы въ гвардейскій саперный баталіонъ и три полка 3-хъ-баталіоннаго состава, одинъ саперный и два піонерныхъ (77).

Императоръ Александръ, получивъ свѣдѣніе о бѣдственномъ состояніи виленскихъ госпиталей, наполненныхъ непріятельскими больными и ранеными, пожелалъ самъ видѣть ихъ и подать имъ помощь. Ни ужасная смертность, опустошавшія эти вмѣстилища всевозможныхъ страданій, ни извѣстіе о кончинѣ супруга любимой сестры, герцога Ольденбургскаго, падшаго жертвою больничной горячки, ни просьбы близкихъ къ Государю лицъ, не могли удержать его отъ поступка, который считалъ онъ долгомъ своимъ. Посѣтивъ несчастныхъ обреченныхъ гибели, Александръ пораженъ былъ ужасомъ: у входа въ госпитали, кругомъ ихъ, на улицахъ, нагромождены были кучи труповъ, среди коихъ безсознательно шевелились несчастные, сохранившіе искру жизни, затѣмъ только, чтобы она потухла въ мученіяхъ голода, жажды и стужи. Больные и раненые валялись на голомъ полу, въ сырыхъ нетопленыхъ комнатахъ, покрытые насѣкомыми и грязью; трупы умершихъ оставались въ госпиталяхъ по цѣлымъ днямъ, пока больничные служители, либо нарочно наряженныя команды, успѣвали ихъ выбросить на улицу. Въ такихъ обстоятельствахъ, страдальцы, не получавшіе никакой пищи, кромѣ сухарей, неимѣвшіе даже достаточно воды для утоленія снѣдавшей ихъ жажды, умирали тысячами отъ злокачественнаго тифа. „Такова была участь плѣнныхъ—говоритъ французскій историкъ войны 1812 года—когда Александръ, слѣдуя внушенію своего сердца, пожелалъ видѣть собственными глазами ихъ положеніе; онъ неустрашился посѣтить эти ужасныя зло-

вонныя жилища, въ которыхъ зараженный воздухъ былъ губительнымъ проводникомъ болѣзни. Боже! Какое зрѣлище открылось взорамъ властителя, упоеннаго торжествомъ побѣды! Монархъ Россіи! Въ этотъ день ты совершилъ одинъ изъ лучшихъ подвиговъ твоей жизни" ([78]). Великій Князь Константинъ Павловичъ, соревнуя въ дѣлѣ добра съ своимъ вѣнчаннымъ братомъ, спасъ жизнь многихъ обреченныхъ смерти ([79]). Императоръ Александръ, поручивъ попеченіе о больныхъ и раненыхъ плѣнныхъ одному изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, графу Сенъ-Пріесту, показавшему себя достойнымъ исполнителемъ воли милостиваго Монарха, иногда самъ сопровождалъ его при осмотрѣ госпиталей. Случалось, что плѣнные, не зная Государя, принимали его за Сенъ-Пріестова адъютанта и обращались къ нему съ просьбами, въ коихъ никогда небыло отказа. Говоря съ графинею Тизенгаузъ, послѣ одного изъ такихъ осмотровъ, Императоръ Александръ изъявилъ сожалѣніе о Наполеонѣ, который могъ дать миръ Европѣ и не далъ его. „Увидимъ, что̀ лучше удастся—заставить себя бояться, или заставить себя любить" (Nous verrons ce qui réussira le mieux, de se faire craindre ou de se faire aimer) ([80]) — сказалъ Александръ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXVI.

(1) Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,374.

(2) Именной указъ Сенату, 15 марта 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,496).

(3) Манифестъ 27 сентября 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,634).

(4) Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. №№ 22,634 и 22,636.

(5) Полн. Собр. Зак. №№ 23,263, 23,848, 24,369, 24,772 и 25,051. По послѣднему набору назначено по одному рекруту съ 500 душъ, въ губерніяхъ: кіевской, волынской и лифляндской, на которыхъ, по нахожденію въ нихъ войскъ, лежали другія повинности.

(6) Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,261. — Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Часть I. Стр. 157.

(7) Полн. Собр. Зак. Т. XXX. №№ 22,835 и 22,836.

(8) Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,496.

(9) Манифестъ 2 февраля 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,116).

(10) Манифестъ 27-го мая 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,244).

(11) Манифестъ 10 сентября 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,346).

(12) Протоколъ департамента Экономіи, Государственнаго Совѣта, 31 декабря 1811 года.

(13) Манифестъ 20 іюня 1811 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,264).

(14) Манифестъ 29 августа 1811 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,334).

(15) Баронъ М. А. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. I. 122 — 123.

(16) Учрежденіе объ управленіи водяными и сухопутными сообщеніями, 20 ноября 1809 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,996).

(17) Манифестъ 25-го іюля 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,307). — Воспоминанія Вигеля.

([18]) Манифестъ 25 іюня 1811 года (Полн. Собр. Зак. Т XXXI. № 24,686).

([19]) Б. Корфъ. Жизнь Сперанскаго. I. 126.

([20]) Сперанскій. Пермское письмо.

([21]) Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 24,975.

([22]) Императоръ Александръ I и его сподвижники. V. Жизнеописаніе Барклая де-Толли.

([23]) Б. Корфъ. Жизнь Сперанскаго. I. 128 — 130.

([24]) Журналъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, 24 іюля 1811 года.

([25]) Журналъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, 31 іюля 1811 года.

([26]) Журналъ общаго собранія Государственнаго Совѣта, 7 августа 1811 года.

([27]) Б. Корфъ. Жизнь Сперанскаго. I. 130 — 131.

([28]) Погодинъ. Н. М. Карамзинъ. II. 78 — 81 и 83.

([29]) Именной указъ Сенату, 3 апрѣля 1809 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,559).

([30]) Воспоминанія Вигеля. Часть 3-я.

([31]) Указъ 16 декабря 1790 года (Полн. Собр. Зак. № 16,930).

([32]) Указъ 9 декабря 1799 года (Полн. Собр. Зак. № 19,219).

([33]) Именной указъ Сенату, 26 генваря 1803 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXVII. № 20,597).

([34]) Воспоминанія Вигеля.

([35]) Б. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. I. 178.

([36]) Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,771.

([37]) Б. Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. I. 184 — 186.

([38]) Манифестъ 11 декабря 1811 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,907).

([39]) Высочайше утвержденный докладъ министра внутреннихъ дѣлъ. 8 генваря 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 21,989).

([40]) Высочайше утвержденный докладъ министра внутреннихъ дѣлъ. 20 апрѣля 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,103).

([41]) Именные указы Сенату, 11-го ноября 1805 и 14-го декабря 1806 годовъ.

([42]) Отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1807 годъ.

([43]) Именной указъ министру внутреннихъ дѣлъ, 23 іюня 1808 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,106) и Высочайше утвержденный докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, 10 іюля 1808 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,151).

([44]) Именные указы Сенату, 7 мая и 29 октября 1809 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. №№ 23,631 и 23,940).

([45]) Высочайше утвержденный докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 21 октября 1809 (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,922).

([46]) Именной указъ литовскому военному губернатору Голенищеву-Кутузову, 28 февраля 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,137).

([47]) Манифестъ 5 ноября 1811 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXI. № 24,851).

([48]) Именной указъ Сенату, 29 іюня 1806 года (Полн. Собр. Закон.

Т. XXIX. № 21,189).—Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Часть I. Стран. 163.

(49) Высочайше утвержденный докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, 23 ноября 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,367).

(50) Именной указъ, объявленный военнымъ министромъ министру внутреннихъ дѣлъ, 9 іюля 1810 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXI. № 24,288).

(51) Высочайше утвержденный докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, 17 марта 1808 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 22,902).

(52) Именной указъ министру внутреннихъ дѣлъ, 25 февраля 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,131).

(53) Сенатскій указъ 24 сентября 1806 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. № 22,284) и Именной указъ оренбургскому военному губернатору, 23 мая 1808 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,039).

(54) Именной указъ Сенату, 19 мая 1806 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. № 22,135).

(55) Именной указъ, 26 іюля 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,226) и Сенатскій указъ, 25 октября 1807 года (Полн. Собр, Зак. Т. XXIX. № 22,659).

(56) Именной указъ сибирскому генералъ-губернатору, 26 іюля 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,571).

(57) Полн. Собр. Зак. Т. XXVIII. № 21,442.

(58) Карамзинъ. О древней и новой Россіи.

(59) Журналъ Государственнаго Совѣта, 4 февраля 1807 года. Мнѣніе Совѣта по дѣлу помѣщицы Страховой.

(60) Журналъ Государственнаго Совѣта, 18 марта 1807 года.

(61) Именной указъ Сенату, 14 іюля 1808 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXX. № 23,157).

(62) Именной указъ херсонскому военному губернатору, 28 марта 1808 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 22,925).

(63) Высочайше утвержденное Положеніе Комитета министровъ, 3 мая 1811 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,622).

(64) Протоколъ Государственнаго Совѣта, въ соединенномъ засѣданіи двухъ департаментовъ, Военнаго и Гражданскихъ и Духовныхъ дѣлъ 29 августа 1810 года.

(65) Высочайше утвержденная записка министра военно-сухопутныхъ силъ, 7 мая 1808 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,004).

(66) Высочайше утвержденный докладъ министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго, 26 іюня 1808 года (Полн. Собр. Зак. XXX. № 23,121).

(67) Высочайше утвержденный докладъ министра внутреннихъ дѣлъ 30 іюня 1808 года (Полн. Собр. Зак. XXX. № 21,131).

(68) Именной указъ товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, 13 мая 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,227).

(69) Высочайше утвержденное мнѣніе общаго собранія Государственнаго Совѣта, 27 генваря 1811 г. (Полн. Собр. Закон. Т. XXXI. № 24,501).

(70) Манифестъ 1 генваря 1807 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. № 22,418).

(71) Именной указъ Сенату, 17 мая 1808 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXX № 23,027).

([72]) Сенатскій указъ, 28 августа 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,599).

([73]) Именной указъ каменецъ-подольскому военному губернатору, 19 октября 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,651).

([74]) Сенатскій указъ, 15 февраля 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,027).

([75]) Баронъ Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. Т. I. 148—149 и 157.

([76]) Бар. Корфъ. Т. I. 155.

([77]) Бар. Корфъ. Т. I. 157 — 160.

([78]) Карамзинъ. О древней и новой Россіи.

([79]) Именные указы, 3 іюля и 3 ноября 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. №№ 22,191 и 22,340).

([80]) Высочайше утвержденное Постановленіе о Лицеѣ, 12 августа 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,325).

([81]) Указъ 28 февраля 1721 года (Полн. Собр. Закон. Т. VI. № 3,720).

([82]) Именной указъ Синоду, отъ 26 іюня 1808 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,122).

([83]) Русск. Вѣстн. 1868. IV. 494 — 497.

([84]) Именной указъ министру народнаго просвѣщенія, 31 марта 1811 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,574).

([85]) Высочайше утвержденный докладъ министра народнаго просвѣщенія 5 августа 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,314).

([86]) Высочайше утвержденный докладъ министра народнаго просвѣщенія, 1 сентября 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,262).

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXVII.

---

(1) Вообще, вмѣстѣ съ прежними, было выпущено ассигнацій:

въ 1800 году	 212,689,335	рубл.
» 1801 »	 221,488,335	»
» 1802 »	 230,464,425	»
» 1803 »	 247,624,665	»
» 1804 »	 260,658,550	»

(2) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1806 годъ (Въ особомъ Приложеніи).

(3) Серебряный рубль ходилъ на ассигнаціи:

въ 1805 году	. . . . 1 р. 25	коп.
» 1806 »	. . . . 1 » 40	»
» 1807 »	. . . . 1 » 50	»

(4) Ассигнацій выпущено:

въ 1805 году	 31,540,560	рубл.
» 1806 »	 27,040,850	»
» 1807 »	 63,089,545	»

Слѣдовательно въ эти три года выпущено ассигнацій болѣе нежели, на 120 милл. рублей, а вмѣстѣ съ прежними ихъ было на 382,329,505 рублей.

(5) Генеральный отчетъ о государственныхъ доходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1807 годъ (Въ особомъ Приложеніи).

(6) Серебряный рубль ходилъ на ассигнаціи:

въ маѣ 1808 года по	. . . . 1 р. 78	коп.
» іюнѣ — » »	. . . . 2 » ½	»
» декабрѣ » »	. . . . 1 » 98	»

Ассигнацій въ 1808 году выпущено на 95,039,175 рублей, что̀ составило вмѣстѣ съ прежними 477,368,580 рублей.

(7) Генеральный отчетъ о государственныхъ доходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1808 годъ (Въ особомъ Приложеніи).

(8) Серебряный рубль ходилъ на ассигнаціи:

въ маѣ 1809 года по		2 р.	11 коп.
» августѣ » »		2 »	40 »
» сентябрѣ » »		2 »	25 »
» ноябрѣ » »		2 »	80 »

Ассигнацій въ 1809 году выпущено на 55,832,720 рублей, что составило вмѣстѣ съ прежними 533,201,300 рублей.

(9) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1810 годъ (Въ особомъ Приложеніи).

(10) Извлечено изъ протокола департамента Экономіи Государственнаго Совѣта, отъ 21 генваря 1810 года.

(11) Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,116.

(12) Протоколы Государственнаго Совѣта, въ разныхъ числахъ мая 1810 года.

(13) Протоколъ департамента Экономіи Государственнаго Совѣта, 30 іюля 1810 года.

(14) Манифестъ 10 сентября 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,346).

(15) Положеніе 19 декабря 1810 года о неутральной торговлѣ на 1811 годъ, въ портахъ Бѣлаго, Балтійскаго, Чернаго и Азовскаго морей и по всей западной сухопутной границѣ (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,464).

(16) Серебряный рубль ходилъ на ассигнаціи:

въ генварѣ 1810 года по		2 р.	44 коп.
» іюлѣ » »		3 »	2 »
» сентябрѣ » »		3 »	75 »
» декабрѣ » »		4 »	1 »

Средняя цѣна серебрянаго рубля была въ продолженіи года около 3 р. 10 к. ассигнаціями.

Ассигнацій въ 1810 году выпущено на 43,798,700 рублей, что составило вмѣстѣ съ прежними 577 милліоновъ рублей.

(17) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1810 годъ (Въ особомъ Приложеніи).

(18) Протоколы Государственнаго Совѣта.

(19) Серебряный рубль ходилъ на ассигнаціи:

въ генварѣ 1811 года по		4 р.	5 коп.
» февралѣ — » »		3 »	84 »
» маѣ — » »		4 »	4 »
» октябрѣ — » »		4 »	9 »
» декабрѣ — » »		3 »	75 »

(20) Генеральный отчетъ о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ, за 1811 годъ (Въ особомъ Приложеніи).

Общая вѣдомость государственнымъ приходамъ съ 1806-го по 1811-й годъ.

1806 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1806 года . . .	21,789,924	63¾
Недоимокъ	4,233,350	97½
Доходовъ	98,085,950	61¾
Разнаго рода взысканій, остатковъ отъ некомплекта, и проч. . .	2,120,828	69¾
Итого . . .	126,230,054	92¾
Сверхъ того поступило въ приходъ:		
Разныхъ долговыхъ суммъ	824,973	36½
Отъ размѣна золотой и серебряной монеты .	362,722	45¼
Изъ Ассигнаціоннаго Банка	8,223,592	55¼
Изъ Заемнаго Банка .	65,000	—
Изъ Опекунскаго Совѣта	100,000	—
Изъ Удѣльнаго Департамента	1,740,000	—
Изъ Почтоваго Департамента	1,676,191	87½
Изъ суммъ, собранныхъ съ пограничныхъ жителей, вмѣсто поставки рекрутъ натурою, и принадлежащихъ Коммисаріату	737,839	24
Изъ особыхъ суммъ Государственнаго Казначейства, съ возвратомъ въ 1807 году	2,852,069	98
Всего . . .	142,812,446	39¼

1807 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1807 года . .	20,353,564	13½
Недоимокъ	5,624,848	49¼
Доходовъ	121,620,909	88
Разнаго рода взысканій, остатковъ отъ некомплекта, и проч. . .	1,657,778	67½
Итого . . .	149,257,095	18¼
Сверхъ того поступило въ приходъ:		
Разныхъ долговыхъ суммъ	447,476	81¾
Отъ размѣна золотой и серебряной монеты .	670,571	5½
Изъ Ассигнаціоннаго Банка	24,546,620	7
Изъ Заемнаго Банка .	4,062,922	50
Изъ Опекунскаго Совѣта	4,862,850	—
Отъ придворн. банкира барона Раля, 278,000 р. сер. на ассигнац. . . .	416,999	83¾
Изъ Почтоваго Департамента	500,000	—
Отъ англійскаго правительства, въ счетъ субсидій, 1,785,990 испанскихъ піастровъ, на ассигнаціи	2,457,185	59
Изъ особыхъ суммъ Государственнаго Казначейства, съ возвратомъ въ 1808 году	5,254,186	23½
Всего . . .	192,475,907	28¾

1808 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1808 года . .	33,454,985	19 1/4
Недоимокъ . . .	6,400,507	5 1/4
Доходовъ	111,318,152	28 3/4
Разнаго рода взысканій, остатковъ отъ некомплекта, и проч. . .	5,132,249	94
Итого . . .	156,305,894	47 1/4
Сверхъ того поступило въ приходъ:		
Разныхъ долговыхъ суммъ	788,985	13 3/4
Отъ размѣна золота и серебра	555,477	32
Изъ Ассигнаціоннаго Банка . . безвозврат.	67,406,098	9
Изъ Ассигнаціоннаго Банка . . съ возврат.	24,643,227	9 1/4
Изъ Заемнаго Банка .	23,395,000	—
Изъ Опекунскаго Совѣта	18,027,500	—
Изъ Удѣльнаго Департамента, на уплату прусскому правительству 100,000 голл. черв. . .	530,000	—
Изъ Почтоваго Департамента	1,666,034	34 1/4
Взято изъ С.-Петербургскаго казначейства	1,597,000	—
Изъ особыхъ суммъ Государственнаго казначейства, съ возвратомъ въ 1809 году	5,227,379	42
Всего . . .	300,142,595	87 1/2

1809 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1809 года . .	51,929,689	41
Незаплоченныхъ за прежніе годы	8,233,835	92 1/2
весь остатокъ . .	60,163,525	33 1/2
Недоимокъ	7,558,628	77 1/4
Доходовъ	126,422,124	21 1/2
Прочихъ суммъ . .	423,025	68 1/2
Доходъ по Бѣлостокской области	355,306	45 3/4
Доходъ по Грузіи . .	177,233	95
Итого . . .	195,099,844	41 1/2
Сверхъ того поступило въ приходъ:		
Изъ Ассигнаціоннаго Банка . . безвозврат.	54,089,137	11
Изъ Ассигнаціоннаго Банка . . съ возврат.	70,526,974	25
Изъ Заемнаго Банка .	14,500,000	—
Изъ Опекунскаго Совѣта	17,071,075	—
Доходовъ разнымъ мѣстамъ принадлежащихъ .	373,220	89 1/2
По внутреннему займу	1,612,958	—
Прибыли отъ размѣна и передѣлки золота и серебра	3,649,314	62 1/2
Всего . . .	356,922,524	29 1/2

1810 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1810 года . .	78,467,916	16
Недоимокъ	8,704,792	31¼
Доходовъ на 1810-й г.	190,947,165	11½
Доходовъ на 1811 и 1812 годы	488,610	73¾
Итого . . .	278,608,484	32½
Сверхъ того поступило въ приходъ:		
Изъ Ассигнаціоннаго Банка безвозвратно . .	24,250,630	25½
Съ возвратомъ . . .	12,618,137	52½
Изъ Заемнаго Банка съ возвратомъ	1,007,860	—
Изъ Опекунскаго Совѣта заимообразно . .	542,548	94½
Оставшихся по заграничнымъ займамъ . . .	1,391,280	—
Остатковъ и экономическихъ суммъ	11,823.419	60
Доходовъ разнымъ мѣстамъ принадлежащихъ .	3,025,823	7
Прибыли отъ размѣна и передѣлки золота и серебра	1,951,493	16
Всего . . .	335,219,676	88

1811 г.	рубли.	коп.
Оставалось къ 1-му генваря 1811 года:		
Серебромъ 7,038,330 р. 31½ к. по курсу на ассигнаціи	21,114,990	94½
Ассигнаціями . . .	42,160,479	5½
Всего-же остатковъ на ассигнаціи 63,275,470 р.		
Недоимокъ	17,533,831	23½
Доходовъ на 1811 годъ	256,134,541	75¾
Доходовъ на 1812, 1813 и 1814 годы	445,830	7¼
Итого . . .	337,389,673	6½
Сверхъ того поступило въ приходъ:		
Изъ Ассигнаціоннаго Банка	6,407,991	53½
Доходовъ изъ Грузіи	750,281	46
Добыто въ Валахіи золотаго песку на . . .	14,478	43¾
Найдено въ Новградѣ Волынскомъ древней монеты на	815	25
Доходовъ разнымъ мѣстамъ принадлежащихъ, съ возвратомъ	8,837,840	14¼
Прибыли отъ размѣна и передѣлки золота и серебра	2,152,184	28½
Всего . . .	355,553,264	17½

Общая вѣдомость государственнымъ расходамъ съ 1806-го по 1811 годъ.

1806 г.	рубли.	коп.	1807 г.	рубли.	коп.
Высочайшій Дворъ .	9,842,329	40¾	Высочайшій Дворъ .	10,178,313	33¾
Духовный штатъ . .	1,529,945	9¾	Духовный штатъ . .	1,687,763	91¼
Министерства:			Министерства:		
Военно-сухопутн. силъ	44,303,475	43	Военно-сухопутн. силъ	63,402,463	45¾
Морскихъ силъ . . .	14,836,293	47½	Морскихъ силъ . . .	17,154,778	8¾
Иностранныхъ дѣлъ .	1,804,410	92¾	Иностранныхъ дѣлъ .	1,808,100	7¼
Внутреннихъ дѣлъ . .	18,740,779	95½	Внутреннихъ дѣлъ .	21,100,115	10
Народнаго Просвѣщенія	2,766,512	8¼	Народнаго Просвѣщенія	2,946,994	25
Юстиціи	2,728,360	26¼	Юстиціи	2,774,345	71¼
Финансовъ	22,885,451	68¼	Финансовъ	32,272,466	28¼
Коммерціи	2,832,824	55¼	Коммерція	4,883,849	67¼
На счетъ другихъ вѣдомствъ, съ возвратомъ въ 1807 году	188,497	38½	На счетъ другихъ вѣдомствъ, съ возвратомъ въ 1808 году	791,732	21
Итого въ расходѣ.	122,458,880	25¾	Итого въ расходѣ	159,020,922	9½
Оставалось къ 1-му генваря 1807 года . . .	20,353,564	13½	Оставалось къ 1-му генваря 1808 года . .	33,454,985	19¼

1808 г.	рубли.	коп.
Высочайшій Дворъ .	10,754,613	$4\frac{1}{4}$
Духовный штатъ . .	1,671,401	$49\frac{1}{2}$
Министерства:		
Военное	118,524,852	22
Морское	20,824,152	5
Иностранныхъ дѣлъ .	2,407,082	20
Внутреннихъ дѣлъ . .	27,998,141	48
Народнаго Просвѣщенія	3,153,367	$88\frac{1}{4}$
Юстиціи	2,787,682	$37\frac{1}{2}$
Финансовъ	54,349,143	$45\frac{1}{2}$
Коммерціи	5,446,899	$7\frac{1}{2}$
На счетъ другихъ вѣдомствъ, съ возвратомъ въ 1809 году	295,571	19
Итого въ расходѣ .	248,212,906	$46\frac{1}{2}$
Оставалось къ 1-му генваря 1809 года . .	51,929,689	41

1809 г.	рубли.	коп.
Высочайшій Дворъ .	11,951,813	29
Духовный штатъ . .	2,600,986	36
Министерства:		
Военное	112,279,288	$51\frac{1}{4}$
Морское	23,756,693	$41\frac{1}{4}$
Иностранныхъ дѣлъ .	2,242,807	$74\frac{1}{2}$
Внутреннихъ дѣлъ .	32,449,811	96
Народнаго Просвѣщенія	3,603,544	$10\frac{1}{2}$
Юстиціи	2,648,497	$15\frac{1}{2}$
Финансовъ	82,779,890	32
Коммерціи	4,141,275	$27\frac{1}{4}$
Итого въ расходѣ .	278,454,608	$13\frac{1}{4}$
Оставалось къ 1-му генваря 1810 года . .	78,467,916	16

1810 г.	рубли.	коп.	1811 г.	рубли.	коп.
Высочайшій Дворъ .	14,515,857	94¼	Высочайшій Дворъ .	12,720,073	72¾
Духовный штатъ . .	1,940,778	78½	Духовный штатъ . .	2,389,336	76½
Министерства:			Министерства:		
Военное	127,936,594	73½	Военное	122,413,722	16
Морское	19,613,682	37¼	Морское	14,490,260	97½
Иностранныхъ дѣлъ .	2,580,506	26¼	Иностранныхъ дѣлъ .	4,014,561	19¾
Внутреннихъ дѣлъ . .	28,195,604	84	Внутреннихъ дѣлъ .	7,241,352	69¼
Народнаго Просвѣщенія	2,509,110	69	Народнаго Просвѣщенія	3,504,490	80
Юстиціи	3,062,542	36¼	Юстиціи	3,100,201	64
Финансовъ	73,711,839	43	Финансовъ	90,964,599	78
Коммерціи	1,230,254	91	Путей Сообщенія . .	3,376,062	93
Путей Сообщенія . .	3,685,764	93	Полиціи	7,940,322	70
Итого въ расходѣ .	278,982,537	20	Итого въ расходѣ .	272,154,985	36¾
Оставалось къ 1-му генваря 1811 года . .	56,237,139	68	Оставалось къ 1-му генваря 1812 года . .	83,398,278	81
На капиталъ въ серебряной монетѣ прибыло лажа	7,038,330	32			
Всего въ остаткѣ . .	63,275,470	—			

	РБЛИ.	КОП.
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ		
о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1806-й годъ.		
Приходъ.		
По отчету за 1805-й годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1806 года суммъ, всего	21,789,924	63¾
(Въ томъ числѣ: неуплаченныхъ за прежнее время расходовъ 6,390,070 р. 94½ к. поступившихъ изъ Ассигнаціоннаго банка 11,672,051 р. запасная сумма 91,171 р. 25 коп. и чистый остатокъ 3,636,631 р. 44¼ коп.).		
Поступило въ приходъ:		
Недоимокъ	4,233,350	97½
Доходовъ	98,085,950	61¾
Разныхъ взысканій, остатковъ отъ некомплекта, и проч. . .	2,120,828	69¾
Итого, кромѣ оставшихся отъ 1805 года . . .	104,440,130	29
Сверхъ того, поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
1. Разныхъ долговъ	824,973	36½
2. Отъ размѣна золота и серебра	362,722	45¼
3. Изъ Ассигнаціоннаго Банка	8,223,592	55¼
(Въ томъ числѣ: безвозвратно, въ пособіе Государственному Казначейству, 7,839,421 р. 60¾ коп. Съ возвратомъ: на построеніе Казанскаго Собора 200,000 р. и на платежъ внутренняго долга 184,170 р. 94½ коп.).		
4. Изъ Заемнаго Банка, на обстройку дома, занимаемаго Экспедиціей о государственныхъ доходахъ	65,000	—
5. Изъ Опекунскаго Совѣта, на окончательную постройку Маріинскаго канала	100,000	—
6. Изъ Удѣльнаго департамента, безвозвратно, въ пособіе Государственному казначейству	1,740,000	—
7. Изъ Почтоваго департамента въ пособіе Государственному казначейству: ассигнаціями 1,500,000 рублей и 104,410 талеровъ, по курсу на ассигнаціи 176,191 р. 87½ коп. всего	1,676,191	87½
8. Изъ суммъ собранныхъ съ пограничныхъ жителей, въ замѣну поставки рекрутъ	737,839	24
9. Изъ особыхъ суммъ Государственнаго казначейства, съ возвратомъ въ 1807 году	2,852,069	98
Всего-же въ приходѣ . . .	142,812,446	39¼
Расходъ.		
По росписи на 1806-й годъ, ассигновано было 108,529,460 р. 95¼ к. въ дѣйствительности-же издержано	122,458,882	25¾

Именно:	рубл.	коп.
На Высочайшій Дворъ	9,842,329	40¾
(Въ томъ числѣ: въ Кабинетъ Его Величества 3,800,000 рубл. въ Придворную Контору и проч. 3,680,689 р. 97½ коп. и на театры 313,966 р.).		
На Духовный штатъ	1,529,945	9¾
(Въ томъ числѣ на иновѣрческія духовенства 96,677 р. 9¼ к.).		
На Министерство Военно-сухопутныхъ силъ	44,303,475	43
(Въ томъ числѣ: въ Коммисаріатскій департаментъ 24,162,893 р. 33 к. въ Провіантскій департаментъ 11,733,299 р. 56¾ к. по части артиллеріи 1,724,921 р. 80 к. по инженерной части 1,692,282 р. на исправленіе тульскаго завода 117,782 р. въ вѣдѣніе генералъ-интенданта князя Волынскаго, на учрежденіе для войскъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ 1,800,952 р. и на заготовленіе и перевозку къ арміи провіанта 442,072 р. 79 к. на покупку свинца 97,500 р. пожаловано генералу отъ инфантеріи Мих. Ил. Голенищеву-Кутузову, на уплату долговъ, 50,000 р.).		
На Министерство Морскихъ силъ	14,836,295	47½
» » Иностранныхъ дѣлъ . .	1,804,410	92¾
» » Внутреннихъ дѣлъ . . .	18,740,779	95½
(Въ томъ числѣ: на извлеченіе и развозку соли 7,873,633 р. 42 к. на составленіе соляныхъ запасовъ 141,885 р. на содержаніе присутственныхъ мѣстъ 4,376,386 р. 43½ к. на постройку общественныхъ зданій 1,061,938 р. 50½ к. на водвореніе иностранныхъ колонистовъ 586,071 р. и на покупку дома для Грузинской Царицы Даріи 50,000 рубл.).		
На Министерство Народнаго Просвѣщенія	2,766,512	8¼
(Въ томъ числѣ: на содержаніе университетовъ, гимназій и училищъ 2,430,687 рубл. на содержаніе виленскаго учебнаго округа 240,580 р. и на обстройку дома училища Св. Екатерины 40,000 рублей).		
На Министерство Юстиціи	2,728,360	26¼
» » Финансовъ	22,885,451	68¼
(Въ томъ числѣ: на содержаніе учрежденій его 1,939,488 р. на содержаніе лѣснаго управленія 440,518 р. на пенсіи статскимъ чиновникамъ 115,215 р. и на временныя пенсіи 2,120,843 р. Аренды 1,453,959 р. на заплату винныхъ		

поставщикамъ 4,984,673 р. расходъ по горной части 1,345,757 р. въ Заемный Банкъ и 25-ти лѣтнюю экспедицію сего Банка, капитала и процентовъ 1,024,343 р. въ Удѣльный департаментъ капитала 200,000 р и процентовъ 18,750 р. въ Ассигнаціонный Банкъ 2,383,021 р. за купленное у герцогини курляндской имѣніе 197,933 р. сложено съ откупщиковъ 120,747 р. на платежъ внутренняго долга 197,508 р. купцу Кремеру заимообразно на 10 лѣтъ безъ процентовъ 128,584 р. пенсія князю Іосифу Понятовскому, съ 15-го мая 1802 года по 1807 годъ, 92,555 р. генералъ-лейтенанту князю Багратіону, подъ залогъ имѣнія жены его, 2,200 душъ, 250,000 рублей).	рубл.	коп.		
На Министерство Коммерціи	2,832,824	55¼		
(Въ томъ числѣ: на содержаніе учрежденій его 92,888 р. на таможни 685,900 р. на производство работъ и водяныхъ сообщеній 624,724 р.)				
На счетъ другихъ вѣдомствъ, съ возвратомъ въ 1807 г.	188,497	38½		
За тѣмъ оставалось къ 1-му генваря 1807 года			20,353,564	13½
Въ томъ числѣ заключались:				
Поступившіе изъ Ассигнаціоннаго Банка въ Госуд. казнач. для безостановочной уплаты суммъ Провіантскимъ и Морскимъ департаментами	11,672,051	—		
Принадлежащіе запасной суммѣ, за употребленные въ 1806 году, по особымъ Высочайшимъ указамъ, серебромъ 60,049 р. а на ассигнаціи по курсу съ лажемъ по 25%, 75,061 р. 25 к. и кромѣ того ассигнаціями 11,150 рубл. всего-же	86,211	25		
Слѣдующихъ на удовлетвореніе неуплаченныхъ расходовъ за прошлое время и за 1806 г.	8,195,117	46¼		
Итого . . .	19,953,379	71¼		
А за тѣмъ чистый остатокъ	400,184	42¼		

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ расходахъ и остаткахъ за 1807-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1806-й годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1807 года суммъ, всего	20,353,564	13½

Поступило въ приходъ:		
Недоимокъ	5,624,842	49¼
Доходовъ	121,620,909	88
Разнаго рода взысканій и остатковъ	1,657,778	67½
Итого, кромѣ оставшихся отъ 1806 года . . .	128,903,531	4¾
Сверхъ того поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
1. Разныхъ долговъ	447,476	81¾
2. Отъ размѣна золота и серебра	670,571	5½
3. Изъ Ассигнаціоннаго Банка	24,546,620	7
(Въ томъ числѣ: безвозвратно, въ пособіе Государственному Казначейству 10,508,014 р. 92 к. Съ возвратомъ: на расходы по арміи и флоту 5,416,435 р. на уплату внутренняго долга 36,840 р. 15 к. и въ капиталъ Государственнаго казначейства, для безостановочной выдачи суммъ Военнымъ департаментамъ 8,585,330 рублей).		
4. Изъ Заемнаго Банка	4,062,922	50
(Въ томъ числѣ: въ пособіе Государственному казначейству 4,000,000 рубл. Дѣйствительному тайному совѣтнику Измайлову, подъ залогъ крестьянъ отпущенныхъ имъ въ свободные хлѣбопашцы 40,000 р. на обстройку дома занимаемаго Экспедиціей о государственныхъ доходахъ 22,922 р. 50 к.).		
5. Изъ Опекунскаго Совѣта	8,862,850	—
(Въ томъ числѣ: на уплату чрезвычайныхъ расходовъ по Военнымъ департаментамъ и Государственному казначейству серебромъ 350,000 р. а на ассигнаціи съ лажемъ 25% 437,500 р. да ассигнаціями 3,974,000 р., на сооруженіе Казанскаго собора 300,000 рубл., Надворному совѣтнику Березину, за купленныхъ у него въ казну лоцмановъ Боровичскихъ пороговъ, 121,350 р. и на покупку мѣста съ каменнымъ домомъ, смѣжнаго съ дѣвичьимъ училищемъ Военно-сиротскаго дома 30,000 рублей).		
6. Отъ придворнаго банкира барона Раля занято, на расходы по Молдавской арміи, серебромъ 278,000 рублей, по курсу на ассигнаціи	416,999	83¾
7. Изъ Почтоваго департамента, безвозвратно, остатокъ недоплаченной въ 1806 году суммы 1,000,000 рублей	500,000	—
8. Отъ англійскаго правительства, въ счетъ субсидій, 1,785,990 испанскихъ піастровъ, на ассигнаціи	2,457,185	59
9. Изъ особыхъ суммъ Государственнаго казначейства, съ возвратомъ въ 1808 году	5,254,186	23½
Всего-же въ приходѣ . . .	192,475,907	28¾
Расходъ.		
По росписи на 1807-й годъ, ассигновано было 123,841,706 р. 37½ к. въ дѣйствительности-же издержано	159,020,922	9½

Именно:	рубл.	коп.
На Высочайшій Дворъ	10,198,313	33¾
(Въ томъ числѣ: въ Кабинетъ Его Величества 4,300,000 р. въ Придворную контору 3,608,457 р. на перестройку Кремля 363,434 р. за купленныхъ у помѣщика Сталыпина для московскаго театра пѣвцовъ и музыкантовъ 32,000 р.).		
На Духовный штатъ	1,687,763	91¼
(Въ томъ числѣ на иновѣрческія духовенства 92,470 р.).		
На Министерство Военно-сухопутныхъ силъ	63,402,463	45¾
(Въ томъ числѣ: Коммисаріатскому департаменту, на жалованье, обмундированіе, обозы, госпитали и на пенсіи вдовамъ и сиротамъ, а также на вновь сформированные полки и на укомплектованіе войскъ, въ счетъ исчисленныхъ 27,353,655 рублей, за исключеніемъ на заграничные корпусы, снабженіе коихъ отнесено на суммы бывшія въ распоряженіи умершаго министра финансовъ графа Васильева (18,412,679—20,351,256 рубл.); Провіантскому департаменту 15,842,039 р. по части артиллеріи 2,493,443 р. на усиленіе пороховыхъ фабрикъ 159,277 р. по части инженерной 2,383,789 р. въ Провіантскую экспедицію и на перевозку провіанта для заграничныхъ войскъ 3,023,500 рубл. Коммисаріатской экспедиціи, на сверхштатные расходы 2,588,180 р. въ вѣдѣніе министра военно-сухопутныхъ силъ, на жалованье и проч. за майскую треть десяти дивизіямъ, за границею находящимся 1,752,267 р. Коммисаріатской экспедиціи, на текущіе расходы 2,000,000 р.).		
На Министерство Морскихъ силъ . . .	17,154,778	8¾
(Въ томъ числѣ: содержаніе Адмиралтействъ-Коллегіи, построеніе гаваней, и пр. 11,590,287 рубл., прочія постройки 1,000,000 р., на кораблестроеніе 2,000,000 р., на мѣдь для обшивки судовъ и проч. 815,745 р. Чичагову на разные расходы 100,000 р. на экстраординарные расходы по Черноморскому флоту 200,000 рубл. эскадрѣ Сенявина въ Корфу до 30,000 р. Жалованье чинамъ сей эскадры 780,000 р. двойное жалованье и морская порція чинамъ Охотской экспедиціи 148,576 р.)		
На Министерство Иностранныхъ дѣлъ . .	1,808,100	7¼
(Въ томъ числѣ: на содержаніе Коллегіи 932,584 р. иностранныя миссіи 333,270 рубл.).		

	руб.	коп.		
На Министерство Внутреннихъ дѣлъ . .	21,100,115	10		
(Въ томъ числѣ: на извлеченіе соли 8,934,467 рублей и солянымъ поставщикамъ 536.892 р. Содержаніе карантиновъ 372.432 р. на присутственныя мѣста 4,833,694 р. на построеніе разныхъ казенныхъ зданій 1,255,320 рубл. на постройку Казанскаго Собора 670,000 рубл. На водвореніе иностранныхъ колонистовъ 666,664 рубля. На покупку быковъ для австрійскаго правительства 81,042 р. и на усиленіе пограничныхъ аптекъ 398,825 рублей).				
На Министерство Народнаго Просвѣщенія	2,946,994	25		
(Въ томъ числѣ на университеты и училища 1,468,923 рубля).				
На Министерство Юстиціи	2.774.345	71¼		
» » Финансовъ	32,272,466	28¼		
(Въ томъ числѣ: на содержаніе учрежденій министерства 1,912,156 р., расходы по горной части 2,871,141 рубл. Виннымъ поставщикамъ 5,880.766 р. за доставленное въ разное время вино 927,245 р. На лѣсное управленіе 465,155 р. Пенсіи статскимъ чиновникамъ 117,367 р. и временныя пенсіи 2.286.156 р. Въ Заемный Банкъ капитала и процентовъ 1,360,000 рубл. Въ Воспитательный Домъ 1,923,955 рубл. Въ Удѣльный департаментъ 150.540 р. Въ Ассигнаціонный Банкъ 1.601,472 р Въ С.-Петербургскій Опекунскій Совѣтъ 132.450 рубл. На уплату внѣшнихъ долговъ 4,000,000 р. За купленныя въ казну имѣнія 340,690 р. Сложено долга съ откупщиковъ 117,075 р. Въ Коммисаріатскую коллегію 63.369 р. Въ Провіантскую и Морскую коллегіи 1,464,806 рублей).				
На Министерство Коммерціи	4,883,849	67¼		
На счетъ другихъ вѣдомствъ, съ возвратомъ въ 1808 году	791,732	21		
За тѣмъ оставалось къ 1-му генваря 1808 года			33,454,985	19¼
Въ томъ числѣ заключались:				
Поступившіе изъ Ассигнаціоннаго Банка въ Государственное казначейство, для безостановочной уплаты суммъ Провіантскимъ и Морскимъ департаментами 20.257,381 р.				
Причисленные къ запасной суммѣ, за употребленными въ 1807 году, по особымъ Высочайшимъ указамъ, серебромъ 162,411 р. 70½ коп. а на ассигнаціи 203,014 р. 63 к. да особо ассигнаціями				

	руб.	коп.
379,357 р. $90\frac{1}{2}$ к. всего-же	582,372	$53\frac{1}{2}$
На уплату прежнихъ расходовъ	10,782,139	$45\frac{1}{2}$
Итого . . .	31,621,892	99
За тѣмъ чистый остатокъ . . .	1.833,092	$20\frac{1}{4}$

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ доходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1808-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1807-й годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1808 года суммъ	33,454,985	$19\frac{1}{4}$
Поступило въ приходъ:		
Недоимокъ	6,400,507	$5\frac{1}{4}$
Доходовъ	111,318,152	$28\frac{3}{4}$
Разныхъ взысканій и остатковъ	5,132,249	94
Итого въ приходѣ . . .	122,850.909	28
Сверхъ того, поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
1. Разныхъ долговъ	788.985	$13\frac{3}{4}$
2. Отъ размѣна золота и серебра	555,477	31
3. Изъ Ассигнаціоннаго Банка	92,049,325	$18\frac{1}{4}$
(Въ томъ числѣ: безвозвратно, въ пособіе Государственному казначейству 67,406,098 р. 9 к. и съ возвратомъ, въ подкрѣпленіе Государственному казначейству 8,000,000 р. На чрезвычайные расходы по военной и гражданской частямъ 16,630,437 р. 50 к. и на платежъ внутренняго долга 12,789 р. 59 коп).		
4. Изъ Опекунскаго Совѣта	18,027,500	—
(Въ томъ числѣ: на чрезвычайные расходы по военной и гражданской части 16,790,000 р. да серебромъ 830,000 р. по курсу на ассигнаціи съ лажемъ 25% 1,037,500 р. На построеніе Маріинскаго канала 200,000 р).		
5. Изъ Заемнаго Банка	23,395,000	—
(Въ томъ числѣ: въ пособіе Государственному казначейству 3,000,000 р. На чрезвычайные расходы 18,500.000 р. и серебромъ 300,000 р. по курсу ассигнаціями 375,000 р. на удовлетвореніе иностранныхъ поставщиковъ аптечныхъ товаровъ 150,000 рубл. На покупку въ С.-Петербургскіе запасные магазины 60,000 четв. муки 500,000 р. Г. Колокольцову, на постройку изобрѣтеннаго имъ судна 20,000 р. Для выдачи въ ссуду баронессѣ Строгановой 100,000 р. Заимообразно частному эстляндскому банку		

600,000 р. Статсь-секретарю Энгелю 50,000 р. и въ ссуду кіевскому градскому обществу 500,000 р.).		
6. Изъ Удѣльнаго департамента, для уплаты прусскому правительству употребленной имъ въ 1806 и 1807 годахъ суммы 100,000 голландскихъ червонцевъ на покупку жизненныхъ припасовъ для русскихъ войскъ, всего ассигнаціями	530,000	—
7. Отъ Почтоваго департамента, въ число суммы опредѣленной въ пособіе Государственному казначейству	1,666,034	34¼
8. Взято изъ капитала даннаго екатеринбургскому казначейству	1,597,000	—
9. Изъ особыхъ суммъ Государственнаго казначейства, съ возвратомъ въ 1809 году	5,227,379	42
Всего-же въ приходѣ . . .	300,142,595	87½

Расходъ.

По росписи на 1808-й годъ, было ассигновано 134,405,470 р. 71¼ к. въ дѣйствительности-же издержано	248,212,906	46½

Именно:	рубл.	коп.
На Высочайшій Дворъ	10,754,613	4¼
(Въ томъ числѣ: въ Кабинетъ Его Величества 3,800,000 р. и въ запасъ 500,000 р. въ придворную контору 3,699,311 р. на московскій театръ 58,666 р. Оберъ-гофмаршалу графу Толстому, по случаю возвышенія цѣнъ на поставки для Двора, 200,000 р. Великому Князю Константину Павловичу, въ замѣнъ перешедшаго въ вѣдомство гофъ-интендантской конторы, 150,000 р.).		
Въ Духовный штатъ	1,671,401	49½
(Въ томъ числѣ на иновѣрческое духовенство 93,616 рублей).		
На Военное Министерство	118,524,852	22

(Въ томъ числѣ: Коммисаріатскому департаменту 27,627,704 р. а за исключеніемъ отпущенныхъ въ 1807 году, изъ особо отложенной по Ассигнаціонному Банку на чрезвычайные военные расходы суммы, 4-хъ милліоновъ, и изъ доходовъ Государственнаго Казначейства 2-хъ милліоновъ, остальные 21,627,704 рубля. Провіантскому департаменту 15,723,869 р. По части артиллеріи, за вычетомъ отпущенныхъ въ 1807 году, изъ суммы по Ассигнаціонному Банку на чрезвычайные расходы двухъ сотъ тысячъ рублей, остальные 2,940,607 рубл. По инженерной части 1,848,511 рубл. Помѣщикамъ за рекрутскія квитанціи 708,300 р. Сложено за 1809-й годъ податей съ ратниковъ поступившихъ въ милицію 368,702 рубля. Жалованье и провіантъ милиціи 3,201,211 р. Жалованье и на ремонтъ двумъ дивизіямъ Молдавской арміи за сентябрьскую треть 700,522 р. На золотыя медали служившимъ въ милиціи чиновникамъ 103,268 р. На содержаніе плѣнныхъ Ту-

рокъ 522,000 р. Прусскому правительству, за съѣстные припасы купленные для русскихъ войскъ, 530,000 р. На экстренные по арміи расходы, въ распоряженіе князя Прозоровскаго, серебромъ 1,711,476 р. или на ассигнаціи 3,089,474 рубл. и кромѣ того ассигнаціями 300,000 рубл. Финляндской арміи Буксгевдена 1,540,841 р. Добавочныхъ денегъ на жалованье за 1808-й годъ: для Молдавской арміи 2,372,847 р. Финляндской 1,745,887 р. и для войскъ въ Грузіи 709,960 (всего-же 4,828,694 рубля). На содержаніе госпиталей Молдавской арміи 211,200 р. На раціоны офицерамъ сей арміи 529,643 р. Коммисаріатской экспедиціи, въ возвратъ передержанныхъ въ 1807 году 600,000 р. и на обмундированіе прибавленныхъ въ полки 19-й и 20-й дивизій людей 1,168,266 р. Князю Прозоровскому, на перевозку осадныхъ орудій, 120,000 рубл. и на покупку лошадей, въ замѣну убитыхъ и павшихъ, 60,320 р. Въ Провіантскую экспедицію, добавочныхъ, по случаю увеличенія цѣнъ, 500,000 р. Графу Буксгевдену, на инженерныя работы во вновь присоединенной Финляндіи 100,000 р. На госпитали по границѣ и внѣ государства 2,000,000 рубл. На провозъ къ арміи аммуниціи и одежды 700,000 р. По случаю возвышенія цѣнъ на коммисаріатскія вещи 2,115,540 р. Въ вѣдѣніе военнаго министра графа Аракчеева, на отпускъ офицерамъ внесенныхъ ими въ бытность за границею собственныхъ денегъ, употребленныхъ на общіе расходы, по Коммисаріатскому и Провіантскому вѣдомствамъ, 570,100 р. Въ Коммисаріатскую экспедицію, въ возвратъ 470,000 р. издержанныхъ въ 1807 году на учрежденіе въ Молдавской арміи артиллерійскихъ парковъ 128,746 р. За хлѣбъ, взятый изъ запасныхъ магазиновъ виленской и гродненской губерній 1,198,041 р. На выдачу единовременно третнаго жалованья воинскимъ чинамъ, бывшимъ въ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау 225,816 р. На приведеніе въ оборонительное положеніе крѣпостей, пріобрѣтенныхъ отъ Швеціи 230,000 рубл. На раціоны офицерамъ и на винную порцію войскамъ Финляндской арміи 810,506 р. Генералъ-фельдмаршалу графу Гудовичу, на продовольствованіе въ 1808 году вновь прибывшихъ людей 19-й и 20-й дивизій, 822,445 рубл. На продовольствованіе плѣнныхъ Шведовъ 195,335 р. Всемилостивѣйше пожалованное не въ зачетъ третное жалованье войскамъ, бывшимъ при осадѣ Свеаборга 53,000 р. На покупку сѣры 293,331 р. Въ Провіантскую экспедицію, въ возвратъ передержанныхъ въ 1808 году на вымѣнъ серебряной монеты 2,415,602 рубля, и для доставки хлѣба въ Финляндію, Ревель и Нарву 564,355 рубл. На покупку и доставку провіанта и фуража въ Финляндію 410,126 р. На продовольствіе сухимъ фуражемъ лошадей въ арміяхъ 1,380,270 р. На содержаніе въ запасныхъ депо 58 тысячъ рекрутъ 2,522,284 р. Графу Буксгевдену на продовольствіе арміи въ 1808 году 503,000 р. Въ Провіантскую экспедицію, передержанныя въ 1808 году по продовольствію войскъ въ окрестностяхъ Петербурга 1,516,556 рубл. На

выдачу Финляндской арміи, вмѣсто винной и мясной порціи, двойнаго жалованья съ 16-го сентября 1808-го по 1809-й годъ 469,400 рублей).

	рубл.	коп.
На Морское Министерство	20,824,152	5
(Въ томъ числѣ: содержаніе Морскаго департамента 10,934,045 рублей. На постройки 3,076,486 р. На кораблестроеніе 3,509,686 р. На укрѣпленія Кронштадтскаго порта 357,393 рубл. На выдачу въ награду за взятыя въ Анапѣ орудія 88,843 р. На производство двойнаго жалованья и морскія порціи чинамъ Охотской экспедиціи 185,137 рублей).		
На Министерство Иностранныхъ дѣлъ . .	2,407,082	20
(Въ томъ числѣ: на содержаніе Коллегіи 932,576 р. На иностранныя миссіи 334,450 р.).		
На Министерство Внутреннихъ дѣлъ . . .	27,998,141	48
(Въ томъ числѣ: на извлеченіе соли 10,001,365 рубл. и на закупку иностранной соли 665,300 р. солянымъ поставщикамъ за провозъ 849,419 рубл. На покупку хлѣба для жителей псковской губерніи 172,264 р. На покупку муки для С.-Петербургскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ 1,322,806 р. На водвореніе Евреевъ и чиншовой шляхты 300,000 р. и на водвореніе иностранцевъ 508,038 р. На содержаніе карантиновъ 217,457 р. На построеніе Казанскаго Собора 400,000 р. На больницы и госпитали 64,930 р. На присутственныя мѣста 4,866,351 р. и на построеніе разныхъ казенныхъ заведеній 1,038,217 р.).		
На Министерство Народнаго Просвѣщенія	3,153,367	88¼
(Въ томъ числѣ: на содержаніе Академій и обществъ благородныхъ дѣвицъ 1,296,952 р. На университеты и училища 1,295,772 р.).		
На Министерство Юстиціи	2,787,682	37½
» » Финансовъ	54,349,143	45½
(Въ томъ числѣ: на содержаніе учрежденій 1,938,156 р. На лѣсное управленіе 463,247 р. Расходы по горной части 2,222,744 р. Виннымъ поставщикамъ 6,652,049 р. Придворнымъ банкирамъ, на извѣстное Его Величеству употребленіе 9,428,860 р. Въ Заемный Банкъ и въ 25-ти лѣтнюю экспедицію сего Банка 1,468,185 рубл. Въ Воспитательный домъ 3,163,031 р. Въ Удѣльный департаментъ 811,650 рубл. Въ Ассигнаціонный Банкъ 4,459,070 рубл. Пенсіи статскимъ чиновникамъ 110,120 р. Арендные		

доходы съ пожалованныхъ имѣній 1,492,909 р. Принцу Александру виртембергскому заимообразно на двадцать лѣтъ 100,000 р. Баронессѣ Строгановой заимообразно на десять лѣтъ 100,000 р. Эстляндскому Банку заимообразно 600,000 рубл. На отправленіе фельдъегерей за границу 147,684 р. Лифляндскому вице-губернатору, статскому совѣтнику Дюгамелю, на секретные расходы въ Ригѣ, извѣстные Его Величеству 5,720,089 р. Прусскому посланнику, барону Шладеру, на извѣстное Его Величеству употребленіе 1,954,500 рубл.).

На Министерство Коммерціи 5,446,899 7½

(Въ томъ числѣ: на содержаніе министерства 235,000 р. На таможни 818,939 р. На производство работъ по водянымъ сообщеніямъ и на исправленіе государственныхъ дорогъ 3,647,866 рублей. На построеніе новой биржи и проч. 168,607 р.).

На счетъ другихъ вѣдомствъ, съ возвратомъ въ 1809-мъ году 295,571 19

За тѣмъ оставалось къ 1-му генваря 1809 года 51,929,689 41

Въ томъ числѣ:

	руб.	коп.
Поступившіе изъ Ассигнаціоннаго Банка въ Государственное казначейство, для безостановочнаго производства Провіантскому и Морскому департаментамъ опредѣленныхъ суммъ	20,257,381	—
Принадлежащихъ запасной суммѣ	806,597	61½
На удовлетвореніе расходовъ за прежнее время и за 1808-й годъ	18,929,104	70
Итого . . .	39,993,083	31½
За тѣмъ чистый остатокъ	11,936,606	9½

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ доходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1809-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1808-й годъ, состояло остававшихся къ 1-му генваря 1809 года суммъ 51,929,689 р. 41 к. да отложенныхъ на уплату расходовъ за прежнее время 8,233,835 р. 92½ к. всего . 60,163,525 33½

Поступило въ приходъ:				
Недоимокъ			7,558,628	77¼
Доходовъ 1809 года			126,422,124	21½
Доходовъ 1810, 1811, 1812 и 1813 годовъ			423,025	68½
Доходъ по бѣлостокской области			355,306	45¾
Доходъ по Грузіи			177,233	95
Итого въ приходѣ			195,099,844	41½
Сверхъ того, поступили на приходъ слѣдующія суммы:				
1. Изъ Ассигнаціоннаго Банка			124,616,111	36
(Въ томъ числѣ: безвозвратно 54,089,137 р. 11 к. и съ возвратомъ 70,526,974 р. 25 к.).				
2. Изъ Заемнаго Банка			14,500,000	—
3. Изъ Опекунскаго Совѣта			17,071,075	—
4. Доходовъ разнымъ мѣстамъ принадлежащихъ			373,220	89½
5. По внутреннему займу			1,612,958	—
6. Прибыли отъ промѣна золота и серебра			3,649,314	62½
Всего-же въ приходѣ			356,922,524	29½
Расходъ.				
Въ 1809-мъ году дѣйствительно израсходовано			278,454,608	13¼
Именно:	рубл.	коп.		
На Высочайшій Дворъ	11,951,813	29		
(Въ томъ числѣ: въ Кабинетъ Его Величества 3,800,000 рубл. Въ Придворную контору 3,979,975 р. 31½ к. Придворной конторѣ, въ замѣнъ издержекъ по случаю пребыванія въ Петербургѣ Короля и Королевы Прусскихъ 423,906 р. Гофмаршалу графу Толстому, по случаю возвышенія цѣнъ на товары 500,000 р.).				
На Духовный Штатъ	2,600,986	36		
(Въ томъ числѣ на иновѣрческое духовенство 103,550 р. 82 к.).				
На Военное Министерство	112,279,288	51¼		
(Въ томъ числѣ: Коммисаріатскому департаменту 29,255,470 р. 71 к. Провіантскому департаменту 31,445,485 р. 42 к. По артиллерійской части 3,422,150 р. 34 к. По инженерной части 1,680,230 р. 50 к. Сложено податей съ ратниковъ поступившихъ въ милицію 203,756 р. Содержаніе турецкихъ плѣнныхъ 211,223 р. Въ тульскій заводъ, на оружіе, 282,666 р. на отливку орудій 213,547 р. 33½ к. На покупку суконъ 1,796,158 р. 33½ к. и содержателямъ				

фабрикъ, изъявившимъ согласіе на поставку суконъ 495,380 р. 93½ коп. На покупку сѣры 233,985 р. На рекрутскую одежду 489.274 р. 19½ к. Коммисаріатской экспедиціи 5,032,648 р. 99¾ к. Провіантской экспедиціи 11,398,421 р. 82 коп. Продовольствіе войскъ въ Финляндіи 1.991,662 р. 8 к. Провіантской экспедиціи, въ замѣнъ передержанныхъ на покупку муки для войскъ въ Финляндіи 624,187 р. 56 к. На приведеніе въ оборонительное состояніе приморскихъ укрѣпленій 367,526 р. Въ распоряженіе главнокомандующихъ на экстраординарные расходы 6,271,860 р. Генералу отъ инфантеріи Кноррингу, на извѣстные Его Величеству расходы 200,656 р. Молдавской арміи, на винную и мясную порціи 869,381 р. 76 к. На удовлетвореніе нижнихъ чиновъ не въ зачетъ третнымъ жалованьемъ за Прейсишъ-Эйлау 67,359 рубл. 61¾ к. Казачьимъ полкамъ, за продовольствіе вьючныхъ лошадей въ кампанію 1807 года противъ Французовъ 300,000 р. Добавочное жалованье Финляндской арміи за майскую треть 1809 года 1,061,266 р. 22½ к.).		
На Морское Министерство	23,756,693	41¼
(Въ томъ числѣ: на содержаніе и пр. 10,351,080 р. 34 к. На строенія 2,863,885 р. 98¾ к. На кораблестроеніе 2,824,868 р. На расходы для эскадры Сенявина 811,335 р. 8 к. На экстренные расходы по финляндской гребной флотиліи 127,050 р. Въ Адмиралтейскую коллегію 1,428,805 р. 66 к.).		
На Министерство Иностранныхъ дѣлъ . .	2.242,807	74½
(Въ томъ числѣ: на пенсіи, подарки, курьеровъ 932,576 р. 89 к. на иностранныя миссіи 396,357 р. 20 к.).		
На Министерство Внутреннихъ дѣлъ . . .	32,449,811	96
(Въ томъ числѣ: извлеченіе и развозка соли 10,120,204 р. 14 к. и солянымъ поставщикамъ за провозъ соли 4,249,887 р. 66 к. Содержаніе министерства 6,015,833 р. 95 к. На губернскія присутственныя мѣста 14,748,494 р. На содержаніе карантиновъ 204,836 р. 15 к. На покупку хлѣба въ С.-Петербургскіе запасные магазины 1,736,804 р. На построеніе Казанскаго Собора 477,000 р. Въ 3-ю экспедицію министерства, по случаю свирѣпствовавшихъ въ разныхъ губерніяхъ заразительныхъ болѣзней		

	руб.	коп.	руб.	коп.
18,425 р. 65 к. и на закупку аптечныхъ матеріаловъ 266,997 р. 95 к.).				
На Министерство Народнаго Просвѣщенія (Въ томъ числѣ: на содержаніе университетовъ, гимназій и училищъ 1,805,590 р. 20 к.).	3,603,544	10½		
На Министерство Юстиціи . . . . . . (Въ томъ числѣ на присутственныя мѣста 2,401,831 р.).	2,648,497	15½		
На Министерство Финансовъ . . . . . (Въ томъ числѣ: содержаніе министерства 2,367,626 р. 51 к. Временныя пенсіи 2,527,575 рубл. Арендныхъ доходовъ съ пожалованныхъ разнымъ лицамъ имѣній 1,784,709 р. На расходы по горной части 2,545,265 р. Виннымъ поставщикамъ за вино 7,340,623 р. Лифляндскому и Эстляндскому дворянскимъ банкамъ, съ возвратомъ черезъ 25 лѣтъ за ассигнаціи, вмѣсто процентовъ, серебромъ 1,150,000 рубл. Крестьянамъ пермской и вятской губерній, причисленнымъ къ казеннымъ горнымъ заводамъ, на 14 лѣтъ, 1,186,067 рубл. Банкирамъ Штиглицу, Берингу и Бетлингу, на извѣстное Его Величеству употребленіе 12,574,066 р. и 658,000 р. Прусскому посланнику барону Шладену 2,570,625 р. Негоціанту Миллеру 1,134,751 рубл. Процентовъ по генуэзскому долгу 140,000 рубл. Придворнымъ банкирамъ, на разные заграничные расходы 4,684,000 р.).	82,779,890	32		
На Министерство Коммерціи . . . . . . (Въ томъ числѣ: на содержаніе министерства и на водяныя сообщенія 1,483,480 р. На окончаніе Маріинскаго и Вышневолоцкаго каналовъ 103,000 р.).	4,141,275	27¼		
За тѣмъ оставалось къ 1-му генваря 1810 года			78,467,916	16
Въ томъ числѣ:				
Капиталы Государственнаго казначейства, для безостановочнаго удовлетворенія расходовъ по военной части	6,084,303	94		
	18,425,738	16½		
На неуплаченные расходы прежняго времени	29,329,397	36½		
Итого . . .	53,839,439	47		
За тѣмъ чистый остатокъ	24,628,476	69		

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ доходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1810-й годъ.

Приходъ.

	руб.	коп.
По отчету за 1809-й годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1810 года суммъ, всего	78,467,916	16
Поступило въ приходъ:		
Недоимокъ	8,704,792	31¼
Доходовъ на 1810-й годъ	190,947,165	11½
Доходовъ на 1811 и 1812 годы	488.610	73¾
Итого	278,608,484	32½
Сверхъ того, поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
Изъ Ассигнаціоннаго Банка, съ возвратомъ	12,618,137	52½
» » » безвозвратно	24,250,630	25½
Изъ Заемнаго Банка, съ возвратомъ	1,007,860	—
Изъ Опекунскаго Совѣта, заимообразно	542,548	94½
Оставшихся по заграничнымъ займамъ	1,391,280	—
Остатковъ и экономическихъ суммъ	11,823,419	60
Доходовъ разнымъ мѣстамъ принадлежащихъ	3,025,823	7
Прибыли отъ размѣна и передѣлки золота и серебра	1,951,493	16
Всего-же въ приходѣ	335,219,676	88

Расходъ.

По росписи на 1810-й годъ, ассигновано было 184,717,411 р. 42¾ к. въ дѣйствительности-же израсходовано			278,982,537	20
Именно:	руб.	коп.		
На Высочайшій Дворъ	14,515,857	94¼		
(Въ томъ числѣ: въ Придворную Контору 4,361,899 р. 50½ к. и по случаю возвышенія цѣнъ на товары 1,127,508 р. 90 к. С.-Петербургской театральной дирекціи 331,333 р. 15 к. Въ Департаментъ Удѣловъ, въ возвратъ отпущенныхъ имъ на извѣстные Его Величеству расходы 2,000,000 р.).				
На Духовный Штатъ	1,940,778	78½		
(Въ томъ числѣ на иновѣрческое духовенство 119,197 р. 70¼ к.).				
На Военное Министерство	127,936,591	73½		
(Въ томъ числѣ: Коммисаріатскому департаменту 40,714,650 р. 61½ к. Провіантскому де-				

партаменту 44,590,549 р. По артиллерійской части 3.940,509 р. $72\frac{3}{4}$ к. По инженерной части и на жалованье Молдавской арміи 2,693,698 рубл. сер. и 5,162,012 р. 63 к. ассигнаціями, всего 10,628,310 р. $5\frac{1}{2}$ к. Провіантской экспедиціи 1,151,996 р. $26\frac{3}{4}$ к. за сукна 1,121,381 рубл. $38\frac{1}{4}$ к. За свинецъ 200,994 р. $59\frac{1}{2}$ к. На изготовленіе ручнаго оружія 408,937 рубл. Сестрорѣцкому оружейному заводу 410,737 р. 50 к. Въ Молдавскую армію князю Багратіону и графу Каменскому, на экстраординарные расходы 8,628,413 р. 87 к. Князю Багратіону, на содержаніе госпиталей 2,500,000 р. Мясная и винная порціи войскамъ расположеннымъ въ Крыму 169,000 р. Князю Багратіону, добавочное жалованье Молдавской арміи за 1810-й годъ, 1,958,473 р. 50 к. Графу Каменскому, на устройство подвижныхъ магазиновъ 373,920 р. и на покупку фуръ и воловъ 1,158,308 рубл. $69\frac{1}{2}$ к. На перевозку провіанта въ Молдавскую армію 811,500 р. На окончаніе Свеаборгской крѣпости 148,000 р. На окончаніе Бобруйской крѣпости 66,000 р. На сооруженіе Динабургской крѣпости 100,000 р.).		
На Морское Министерство	19,613,682	$37\frac{1}{4}$
(Въ томъ числѣ: штатное содержаніе Адмиралтейской коллегіи 10,116,558 рубл. 97 к. и сверхштатное 1,462,952 р. $30\frac{3}{4}$ к. Кораблестроеніе и постройка зданій 4,350,221 рубл. 8 к. Эскадрѣ капитанъ-командора Быченскаго 1,760,805 р. На постройку въ Кронштадтѣ батарей и другія работы 584,871 р. 75 к.).		
На Министерство Иностранныхъ дѣлъ . .	2,580,506	$26\frac{1}{4}$
(Въ томъ числѣ: на содержаніе иностранныхъ миссій и консульствъ 473,187 р. 20 коп. На отправленіе курьеровъ 100,000 р. Послу въ Парижѣ, князю Куракину 102,185 р. 79 к.).		
На Министерство Внутреннихъ дѣлъ . . .	28,195,604	84
(Въ томъ числѣ: на изготовленіе и развозъ соли 12,652,056 р. Коммисіонерамъ на доставку соли 450,969 р. 50 к. На построеніе казенныхъ магазиновъ и поставщикамъ соли 2,783,280 р. 51 к. На содержаніе министерства и подвѣдомственныхъ учрежденій 5,198,083 р. 89 коп. и 117,118 р. $77\frac{1}{2}$ к. На водвореніе колонистовъ 2,000.000 р. Въ Московскую медицинскую ком-		

мисію, на выписку иностранныхъ лекарствъ 507,652 р. 29 к. На содержаніе карантиновъ 215,200 р. На построеніе Казанскаго Собора 288,180 р.).				
На Министерство Народнаго Просвѣщенія (Въ томъ числѣ: на содержаніе министерства 42,032 р. 75 к. Академіи наукъ и художествъ 362,547 р. 48 к. университеты и проч. 1,679,459 р. 18½ к.).	2,509,110	69		
На Министерство Юстиціи	3,062,542	36¼		
» » Финансовъ . . . . . . (Въ томъ числѣ: на пенсіи 4,650,522 рубля. Арендныхъ доходовъ съ пожалованныхъ имѣній 2,468,538 р. 25 к. Расходы по горной части 2,923,517 р. 23¾ к. Виннымъ поставщикамъ 3,908,315 р. 84¼ к. На покупку и доставку хлѣба въ С.-Петербургскіе магазины 4,500,000 рублей. Прусскому двору 1,500,000 талеровъ (3,000,000 р.); Придворнымъ банкирамъ, на извѣстные Его Величеству расходы 248,444 р. 12 к. Лифляндскому банку, въ счетъ назначенной ему ссуды 538,708 р. 25 к.).	73,711,839	43		
На Министерство Коммерціи . . . . . (Въ томъ числѣ: на содержаніе министерства и зависящихъ отъ него учрежденій 212,992 р. 95 коп. На таможни и проч. 571,122 р.).	1,230,254	91		
На Управленіе Путей Сообщенія	3,685,764	93		
(Въ томъ числѣ: на содержаніе управленія 832,705 р. На сооруженія 1,367,914 рубл. На улучшеніе всѣхъ водныхъ системъ ведущихъ къ Петербургу 370,458 р. 30½ к. Статскому совѣтнику Шадурскому, на окончаніе Свирскаго канала, въ ссуду на пять лѣтъ, 200,000 рубл. На проведеніе канала изъ Мсты въ Волховъ 250,000 р.).				
За тѣмъ оставалось къ 1-му генваря 1811 года			56,237,139	68½
(Въ томъ числѣ: серебромъ 7,038,330 р. 31½ к. по курсу на ассигнаціи, считая 1 рубль серебра за три рубля ассигнаціями, 21,114,990 р. 94½ к. и ассигнаціями 42,160,479 р. 5½ коп. всего 63,275,470 рубл. ассигнаціями).				
Въ томъ числѣ на удовлетвореніе расходовъ за прежнее время . . . . 35,758,726 р. 70¼ к.				
За тѣмъ чистый остатокъ . . . . . 27,516,743 р. 29¾ к.				

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ОТЧЕТЪ

о государственныхъ приходахъ, расходахъ и остаткахъ за 1811-й годъ.

Приходъ.

По отчету за 1810-й годъ, состояло оставшихся къ 1-му генваря 1811 года суммъ, серебромъ 7,038,330 р. 31½ к. по курсу на ассигнаціи, считая 1 рубль серебромъ въ три рубля ассигнаціями 21,114,990 р. 94½ к. и ассигнаціями 42,160,479 р. 5½ к. всего-же	63,275,470	—
Поступило въ приходъ:		
Недоимокъ	17,533,831	23½
Доходовъ на 1811-й годъ	256,134,541	75¾
Доходовъ на 1812, 1813 и 1814 годы	445,830	7¼
Итого . . .	337,389,673	6½
Сверхъ того, поступили на приходъ слѣдующія суммы:		
Изъ Ассигнаціоннаго Банка	6,407,991	53½
Доходовъ изъ Грузіи	750,281	46
Добыто въ Валахіи золотаго песку на	14,478	43¾
Найдено въ Новградѣ Волынскомъ древней монеты на . . .	815	25
Доходовъ разнымъ мѣстамъ принадлежащихъ, съ возвратомъ	8,837,840	14½
Прибыли отъ размѣна и передѣлки золота и серебра . . .	2,152,184	28½
Всего-же въ приходѣ . . .	355,553,264	17¾

Расходъ.

По росписи на 1811-й годъ ассигновано было 274,036,662 р. 98 к. въ дѣйствительности-же израсходовано			272,154,985	36¾
Именно:	рубл.	коп.		
На Высочайшій Дворъ	12,720,073	72¾		
(Въ томъ числѣ: въ Кабинетъ Его Величества 4,315,000 р. Придворной Конторѣ 4,181,319 рубл. 82½ к. Придворной Конторѣ недоставшіе 677,000 р. На шталмейстерскую часть 312,958 р. 66 к.).				
На Духовный Штатъ	2,389,336	76½		
(Въ томъ числѣ: на иновѣрческое духовенство 244,745 р. 43¼ к. На содержаніе миссіи отправленной въ Пекинъ 124,883 р. 90½ к.).				
На Военное Министерство	122,413,722	16		
(Въ томъ числѣ: Коммисаріатскому департаменту 49,663,986 р. 49¼ к. Провіантскому де-				

партаменту 42,253,158 р. 31¾ к. и на чрезвычайные расходы 1,500,000 р. Фабрикантамъ, добавочныхъ за поставку суконъ 1,125,000 р. По артиллерійской части 6,754,499 р. 26 коп. По инженерной части 4,269,567 р. 75 к. На жалованье войскамъ въ Грузіи и на чрезвычайные расходы 930,096 р. 11 коп. Добавочнаго лажа, сверхъ 20%, еще по курсу, 3,223,301 р. 81 к. На заготовленіе обмундированія для рекрутъ 986,529 р. 61½ коп. Пенсіи 796,352 р. 26¼ к. и на конскую сбрую 300,000 рубл.).		
На Морское Министерство	14,490,260	97½
(Въ томъ числѣ: содержаніе министерства 503,536 р. 10½ к. Жалованье, обмундированіе и продовольствіе 8,144,072 р. 87¾ к. Содержаніе госпиталей 1,004,999 р. 13¼ к. Кораблестроеніе и постройки 2,319,424 р. и 449,077 р. 33 к. Содержаніе Морскаго корпуса 300,000 р.).		
На Министерство Иностранныхъ дѣлъ . .	4,014,561	19¼
(Въ томъ числѣ: миссіи и консульства 571,905 рубл. 20 к. Курьеры 85,000 р. На дополненіе вексельнаго курса, при переводѣ суммъ за границу 1,375,000 р. Послу въ Парижѣ 480,000 р.).		
На Министерство Внутреннихъ дѣлъ . . .	7,241,352	69¼
(Въ томъ числѣ: на общественныя постройки 2,000,000 р. На водвореніе колонистовъ 818,168 р. 45 к. За возку почтъ и эстафетъ 119,972 р.).		
На Министерство Народнаго Просвѣщенія	3,504,190	80
(Въ томъ числѣ: Университеты, гимназіи, училища, Академіи: Наукъ, Художествъ, Медико-Хирургическая 3,032,324 р. 86¼ к.).		
На Министерство Юстиціи	3,100,201	64
» » Финансовъ	90,964,599	78
(Въ томъ числѣ: на пенсіи 5,248,281 р. Расходы по горной части 4,218,626 р. 1½ к. Виннымъ поставщикамъ 21,575,927 р. 30 к. и на заготовленіе и поставку вина для петербургской губерніи 2,987,929 р. 24½ к. Еще нѣкоторымъ виннымъ поставщикамъ 1,132,218 р. 49½ коп. На казенные винокуренные заводы 2,056,672 рубл. 25 коп. На извлеченіе соли 16,766,705 р. 96 к. и на вывозъ соли съ Дедюхинскихъ заводовъ 1,264,870 р. 59¾ к. Содержаніе министерства и проч. 1,916,142 р. 40 к. Ассигнаціонному Банку, за мелкія ассигнаціи, высланныя въ казенныя палаты, для об-		

мѣна крупныхъ, кои употреблены на общіе по губерніямъ расходы, 1,773,180 р. На покупку недостающаго серебра 7,585,000 р. Воспитательнымъ домамъ 9,071,834 р. 36 к. Заемному Банку 2.220,000 р. и 25-ти-лѣтней экспедиціи его 218,979 р. 17 к. Департаменту Удѣловъ 124,320 р. Прусскому двору 1,560,000 р. Въ уплату долга за военное министерство 2,000,000 рубл. и проч.).		
На Управленіе Путей Сообщенія 3,376,062 93		
(Въ томъ числѣ: на содержаніе управленія и десяти округовъ 876,510 р. На гидро-техническія работы 174,000 р. На разныя сооруженія 1,454,792 рубл. 12 коп. На исправленіе дорогъ 100,000 р. и проч.).		
На Министерство Полиціи 7,940,322 70		
(Въ томъ числѣ: на содержаніе министерства и гражданскаго штата 1,523,642 р. 67 к. На врачебныя управы 451,331 р. 70¼ к. и проч.).		
За тѣмъ оставалось къ 1-му генваря 1812 года	83,398,278	81

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXVIII.

---

(1) Воспоминанія Вигеля. Ч. 3-я.—М. Лонгиновъ. Библіографическія записки. (Современникъ. 1856).—Литературныя воспоминанія (Современникъ. 1851).

(2) М. Лонгиновъ. Общество любителей россійской словесности при Императорскомъ московскомъ университетѣ (Русск. Вѣстникъ. 1858. Т. XV. 596 — 599).

(3) Н. Поповъ. Общество любителей отечественной словесности и періодическая литература въ Казани, съ 1805 по 1834 годъ.

(4) Высочайше утвержденный докладъ министра народнаго просвѣщенія, 2 декабря 1810 года. — Уставъ общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, Высочайше одобренный 21 генваря 1811 года. — Шевыревъ. Исторія московскаго университета. 401.

(5) Уставъ общества математиковъ (Полн. Собр. Зак. № 24,614).

(6) Шевыревъ. 402.

(7) Шевыревъ. 352.

(8) Шевыревъ. 387 — 388.

(9) Шевыревъ. 351 — 352.

(10) Воспоминанія Вигеля. Ч. 3-я.

(11) Погодинъ. Н. М. Карамзинъ. II. 24 и 68.

(12) Погодинъ, II. 103.

(13) Воспоминанія Вигеля. Ч. 3-я.—Показанія современниковъ.

(14) Сухомлиновъ. Матеріалы для Исторіи образованія въ Россіи. Отдѣлъ II.

(15) Сборникъ Шлюйпа (рукопись).

(16) Воспоминанія Вигеля. Ч. 3-я.

(17) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1810. № XXVII.

(18) Высочайше утвержденный журналъ комитета министровъ, 5 генваря 1810.

(19) Журналъ Государственнаго Совѣта, 16 іюня 1806 года.

(20) Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1806. № XIV.

([21]) Тамъ-же 1809. № XXII.

([22]) Тамъ-же 1810. № XXV.

([23]) Тамъ-же 1810. № XXVI.

([24]) Тамъ-же 1810. № XXVII.

([25]) Тамъ-же 1811. № XXVIII.

([26]) Варадиновъ. Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Часть I. 226. — Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,743.

([27]) Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. I. 246.

([28]) Высочайше утвержденный докладъ министра внутреннихъ дѣлъ, 1 марта 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 24,142).

([29]) Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. Часть II. Кн. I. 113.

([30]) Тамъ-же. 169 — 171.

([31]) Капиталы приказовъ, въ началѣ 1810 года, состояли изъ слѣдующихъ суммъ: 5,165,410 р. 8 коп. ассигнаціями; 114,510 р. 84½ коп. серебромъ, 976 червонцевъ, 32,114 талеровъ и 8⅓ марокъ.

Въ 1810 году поступило на приходъ: 1,189,740 р. 4½ коп. ассигнаціями; 15,812 р. 30½ коп. серебромъ, 58 червонцевъ, 6,038 талеровъ, 4 марки и 25 фердинговъ.

Въ томъ же году израсходовано: 1,301,727 р. 53 коп. ассигнаціями; 27,624 р. 51¼ коп. серебромъ, 22 червонца, 5,022 талера и 17 фердинговъ.

Въ 1811 году оставалось: 5,353,422 р. 59½ к. ассигнаціями; 102,698 р. 63¾ к. серебромъ, 1,012 червонцевъ, 33,130 талеровъ, 12⅓ марокъ, и 8 фердинговъ.

О капиталахъ приказовъ, въ 1811 году, точныхъ свѣдѣній не имѣется.

Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ. II. 110 и 167 — 168.

([32]) Именной указъ литовскому военному губернатору Римскому-Корсакову, 15-го февраля 1808 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXX. № 22,825).

([33]) Именной указъ министру Коммерціи, 9 марта 1806 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,053).

([34]) Именной указъ главному директору водяныхъ коммуникацій, графу Румянцеву, 25 генваря 1807 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXIX. № 22,434 *а*).

([35]) Именной указъ ему-же, 31 марта 1809 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXX. № 23,554).

([36]) Именной указъ Сенату, 14 февраля 1809 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 23,483).

([37]) Полн. Собр. Закон. Т. XXX. № 23,996 и № 24,356.

([38]) Именной указъ министру Коммерціи, 28 октября 1807 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXIX. № 22,664).

([39]) Положеніе о нейтральной торговлѣ на 1811 годъ, 19 декабря 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXX. № 24,464).

ЗАМѢТКА О ХОДѢ ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

Война 1805—1807 годовъ, съ Франціей, Тильзитскій миръ и разрывъ съ Англіей имѣли весьма невыгодное вліяніе на нашу заграничную торговлю. Отпускъ за границу русскихъ товаровъ, вообще простиравшійся въ 1803 году на сумму до 67-ми милліоновъ, въ 1804 до 59-ти милліоновъ, и дошедшій въ 1805 году до 72½ милліоновъ рублей ассигнаціями (по курсу около 55½ милліоновъ рублей серебромъ), уменьшался быстро въ слѣдующіе годы: въ 1806 году отпущено за границу русскихъ товаровъ на 62,549.556 (по курсу около 46 милл. рубл. серебр.), а въ 1807 на 53.564.901 рубл. (по курсу около 36 милл. рубл. серебр.). Главнѣйшее-же уменьшеніе отпускныхъ товаровъ состояло въ различнаго рода хлѣбѣ и въ салѣ. Въ 1804 году отпущено за границу хлѣба вообще на 8.143,883 и сала на 10.415,119 рублей, а въ 1807 году—хлѣба всего на 4,460,530 и сала на 6,686,407 рублей ассигнаціями.

Привозъ иностранныхъ товаровъ, вообще простиравшійся въ 1803 г. на сумму 55½ милліоновъ, уменьшился въ слѣдующемъ году до 49½ милліоновъ, дошелъ въ 1805 году опять до 55½ милліоновъ, и уменьшился въ 1806 году до 51,641,466, (около 37,700.000 рубл. серебр.), а въ 1807—до 40.403.662 рублей (около 27,300,000 рубл. серебр.). Въ особенности-же уменьшеніе ввоза оказалось на товарахъ въ различныхъ издѣліяхъ, коихъ прибыло въ 1803 году почти на 10,000,000, а въ 1807 г. только на 4,300,000 рублей ассигнаціями *).

*) *Государственная торговля въ разныхъ ся видахъ.*

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXIX.

---

(1) Донесеніе Государю князя Куракина, отъ 8 (20) декабря 1809 года, изъ Парижа, о свиданіи съ голландскимъ маршаломъ Вергюелемъ (Verhuel), передавшимъ русскому послу собственноручное письмо Короля Голландскаго Людовика къ Императору Александру, съ просьбою о принятіи Голландіи подъ покровительство Россіи (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(2) Копія Мемуара, при письмѣ къ Государю князя Куракина, отъ 23 февраля (7 марта) 1809 г. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(3) Письмо къ Государю князя Куракина, отъ 27 марта (8 апрѣля) 1809 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(4) Донесенія Государю князя Куракина, отъ 21 октября (2 ноября) и 2 (14) ноября 1809 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(5) Изъ письма князя Куракина графу Румянцову, отъ 5 (17) іюня 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(6) Письмо князю Куракину графа Кадорскаго (Champagny), отъ 10 сентября н. ст. 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(7) Любопытныя подробности объ избраніи Бернадота и отношеніяхъ его къ Наполеону содержатся въ шведскомъ сочиненіи Сведеруса (Нѣмецкій переводъ Фриша, подъ заглавіемъ: Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808 bis 1814. I. 96 — 112).

(8) Письмо графу Румянцову князя Куракина, отъ 24 августа (5 сентября) 1810 года изъ замка Клиши (Clichy). (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(9) Garden. Histoire des traités de paix etc. XIII. 174.

(10) Lebensbilder aus dem Befreiungskriege. III. 401.

(11) Во всѣхъ низшихъ школахъ Французской Имперіи преподавали Катехизисъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано, что самъ Богъ поставилъ Наполеона Великаго своимъ представителемъ на землѣ. и что по тому всякое вѣроломство въ отношеніи особы Императора Французовъ подвергаетъ виновнаго вѣчному проклятію.

(12) Scherr. Blücher, seine Zeit und sein Leben. II. 436.

(13) Изъ 172 милліоновъ душъ тогдашняго населенія Европы, (не

считая Турокъ, тогда чуждыхъ общей политикѣ нашей части Свѣта), повиновались Наполеону:

Французская Имперія	42,000,000
Италійское Королевство	6,000,000
Неаполитанское Королевство, Лукка и Піомбино	4,000,000
Иллирія	1,100,000
Вестфальское королевство	2,100,000
Рейнскій Союзъ	11,000,000
Швейцарія	1,600,000
Варшавское Герцогство	3,600,000
Всего	71,400,000

(14) Декретъ, изданный въ Рамбульѐ, 9 іюля н. ст. 1810 года. — Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. XII. 52 — 54, 86 — 92, 124 — 135 et 172 — 188.

(15) Письмо къ Румянцову князя Куракина, отъ 29 ноября (11 декабря) 1810 года, съ приложеніемъ копіи съ письма къ герцогу Кадорскому (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(16) Письмо Румянцову князя Куракина, отъ 30 ноября (12 декабря) 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(17) Письмо его-же, отъ 1 (13) декабря 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(18) Письмо князю Куракину графа Румянцова, отъ 9 (21) генваря 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(19) Отношеніе къ графу Румянцову князя Куракина, отъ 27 генваря (8 февраля) 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(20) Rapport fait à l'Empereur Napoléon par le Ministre des Relations Extérieures.

(21) Письмо графу Румянцову князя Куракина, отъ 8 (20) февраля 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(22) Отношеніе графа Румянцова князю Куракину, отъ 11 марта ст. ст. 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(23) «Sa Majesté Jmpériale de toutes les Russies a appris avec surprise que S. M. l'Empereur des Français, Roi d'Italie, son allié, donnant par un senatus-consulte des nouvelles limites à son Empire, y a compris le Duché d'Oldenbourg. Sa Majesté a exposé à l'attention de l'Empereur, son allié, comme elle le fait à celle de l'Europe entière, que nommément le traité de Tilsitt assure la paisible possession de ce Duché à son légitime Souverain.

«S. M. a rappellé à ce monarque, et le fait à toutes les Puissances, que la Russie, par le traité provisoire de 1767 et celui de 1773, abandonna au roi de Danemark tout ce qu'elle possedait dans le Duché de Holstein, et reçut en échange les Comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst, qui par des transactions connues, aux quelles plusieurs Puissances durent nécessairement prendre part, furent érigés en un Duché souverain en faveur d'une branche cadette de cette même maison de Holstein-Gottorp, à la quelle S. M. J-le appartient par le lien du sang le plus direct.

«L'Empereur juge que cet Etat, créé par la générosité de son Empire, ne peut être annullé sans blesser toute justice et Ses droits. Il Se voit par conséquent obligé d'user du droit de réservation et de mettre à couvert, comme

il le fait par le présent office, en son propre nom et celui de ses héritiers au trone, à perpetuite, tous les droits et obligations qui dérivents des traités ci dessus mentionnés.

«Quel prix pourraients conserver les alliances si les traités qui les fondent ne conservaient pas le leur? Mais S. M. afin de ne point donner sujet à aucune méprise, declare ici qu'un grand intérêt politique a produit son alliance avec S. M. l'Empereur des Français; que cet intérêt subsiste, et qu'Elle Se propose par conséquent de veiller à la conservation de cette alliance, et s'attend a un soin pareil et reciproque de la d'un monarque, à l'amitié du quel Elle a des droits.

«Cette union de l'intérêt de deux Empires, conçue par Pierre le Grand, et qui dès lors et depuis rencontra tant d'obstacles, a déja procuré des avantages a l'Empire de Sa Majesté, et la France de même en a recueilli de son côté.

«Il parait donc de l'utilité des deux Empires de s'appliquer à conserver cette alliance, et S. M. y consacrera tous Ses soins».

(24) Наполеонъ, желая довести до крайности Пруссію, упрекалъ саксонскаго резидента, графа Эйнзиделя, въ томъ, что его правительство, по неумѣстной честности, (par un motif deplacé de probité), согласилось заплатить Пруссіи долгъ, лежавшій на герцогствѣ варшавскомъ, который, какъ утверждалъ Наполеонъ, принадлежалъ ему, по праву завоеванія, и былъ уступленъ имъ Саксоніи. Изъ письма графу Румянцову князя Куракина, отъ 1 (13) октября 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(25) Изъ письма его-же, отъ 2 (14) октября 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(26) Thiers. XII. 42 — 46

(27) Письмо графа Румянцова князю Куракину, отъ 25 сентября ст. ст. 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(28) Изъ депеши графа Румянцова, отъ 24 ноября ст. ст. 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(29) Письмо герцога Виченцскаго (Коленкура) къ герцогу Кадорскому (Шампаньи), въ ноябрѣ 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(30) Отношеніе князя Куракина графу Румянцову, отъ 30 ноября (12 декабря) 1810 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(31) Отношеніе князя Куракина графу Румянцову, отъ 28 генваря (9 февраля) 1811 года (Арх. Минист. Иностр. Дѣлъ).

(32) Высочайше утвержденные доклады военнаго министра, 9 іюня и 10 августа 1810 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. №№ 24,254 и 24,321).

(33) Именные указы, объявленные военной коллегіи военнымъ министромъ 26-го и 28-го октября 1810 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXI. №№ 24,386 и 24,389).

(34) Указъ изъ военной коллегіи, въ октябрѣ 1810 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXI. № 24,400).

(35) Изъ письма Государю флигель-адъютанта Чернышева, отъ 3 (15) генваря 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(36) Письмо къ Государю флигель-адъютанта Чернышева, отъ 9 (21) апрѣля 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(37) Garden. XIII. 182.

(38) Jos. Lemestre. Correspondance politique. I. 9.

(39) Thiers. XII. 515 — 516 et XIII. 60 — 62.

(40) Jos. Lemestre. I. 9.

(41) Thiers. XIII. 67 — 72.

(42) Письмо графу Румянцову князя Куракина, отъ 15 (27) апрѣля 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(43) Депеша князя Куракина, отъ 3 (15) августа 1811 года.—Thiers. XIII. 203 — 210.

(44) Отношеніе графа Румянцова князю Куракину, отъ 25 сентября ст. ст. 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

Помѣщено въ подлинникѣ, въ концѣ приложеній сей главы.

(45) Письмо графа Румянцова князю Куракину, отъ 25 сентября ст. ст. 1811 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(46) Письмо къ графу Румянцову флигель-адъютанта Чернышева, отъ 31 декабря 1811 (12 генваря 1812) года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(47) Изъ письма князя Долгорукова къ графу Румянцову, отъ 25 декабря 1811 (6 генваря 1812) года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ).

(48) Mémoires de Stedingk. III. 173.

Projet de depêche du Chancelier de l'Empire à l'ambassadeur Prince Kourakin, à Paris. (Апробовано 25 сентября 1811).

J'ai mis successivement sous les yeux de l'Empereur les différentes depêches que Vous m'avez adressées, mon Prince, et notamment celle dans la quelle Vous avez rendu compte de la conversation que S. M. l'Empereur Napoléon a eu avec Votre Excellence au cercle du 15 Août.

Sa Majesté leur a donné une juste attention, et n'y a rien trouvé qui dût La porter à la moindre déviation de Ses principes politiques, ni motiver un changement quelconque dans les ordres qu'Elle Vous avait donné précedemment, ni dans les déterminations qu'Elle a jugé devoir prendre jusqu'ici. Ferme dans Son alliance avec la France, parce qu'Elle sait apprecier toute l'utilité qui en resulte pour Son Empire comme pour le bien général, Sa Majesté Impériale n'a d'autre voeu que celui de conserver cette même Alliance et d'écarter tout ce qui peut en relâcher les liens.

L'Empereur me charge de Vous dire, mon Prince, que Vous ne sauriez trop souvent répeter là où Vous êtes, que telle a toujours été la base fondamentale du système politique de Sa Majesté depuis la paix de Tilsit, et que telles seront constamment Ses dispositions à l'égard de la France, tant qu'Elle trouvera une juste réciprocité dans la conduite de cette Puissance. Vous ajouterez, Monsieur l'Ambassadeur, que *dans ce moment-ci Sa Majesté ne croit pouvoir donner un témoignage plus irréfragable de la sincérité de Ses sentimens, qu'en Se déclarant de nouveau et comme Elle l'a déjà fait* *), prête à écouter telle proposition que l'Empereur Son Allié voudra Lui faire pour écarter les objets de discussion qui sont survenus entre les deux Cours, et dont Vous connaissez si bien, mon Prince, tous les détails. Elle Vous recommande spécialement, Monsieur l'Ambassadeur, de recueillir avec soin et de Lui transmettre sans délai les ouvertures que l'on jugera à propos de Vous faire dans cette vue.

En prenant connaissance de plusieurs de vos dernières depêches, mon Prince, notre auguste Souverain a observé avec autant de surprise que de peine, que l'Empereur des Français semble être dans l'opinion que Sa Ma-

---

*) Императоръ Александръ Собственноручно замѣнилъ означенное курсивомъ словами: „Sa Majesté fidèle à ce qu'Elle a énoncé précédement, ne Se croyait pas dans le cas de rien proposer, mais était“.....

esté désire la possession de Danzig ou de quelque partie du Duché de Varsovie, et Vous l'a dit. L'Empereur ne saurait Se rendre compte de ce qui a pu donner lieu à une pareille supposition; mais comme elle est absolument denuée de tout fondement, Sa Majesté Vous prescrit de déclarer, de la manière la plus positive, mon Prince, qu'Elle ne forme aucune vue quelconque *sur Danzig, ni sur le Duché de Varsovie* *), et qu'Elle n'a nul désir de les posséder; que satisfaite de l'étendue comme de la puissance de l'Empire que la Providence Lui a confié, Sa Majesté Impériale n'ambitionne rien de ce qui appartient à autrui, et qu'Elle ne songe qu'à conserver le repos et la tranquilité générale, si nécéssaires pour cicatriser les plaies profondes, produites par vingt années de calamités et de souffrance.

L'Empereur me prescrit aussi de Vous faire part, Monsieur l'Ambassadeur, qu'il vient d'ordonner pour cette année *un recrutement de 4 hommes sur 500* **). Quelque peu faite que soit cette détermination de Sa Majesté pour éveiller l'attention des Puissances étrangères, puisque c'est un usage reçu en Russie de recruter tous les ans l'armée à l'époque actuelle, il se pourrait cependant que la legère augmentation qui a lieu dans le recrutement de cette année-ci, comparativement à celui de 1810, prêtat matière aux interpretations de la malveillance.

Pour prévenir et rectifier toute tentation à cet égard, si jamais elle pouvait avoir lieu dans l'endroit de votre résidence, Vous voudrez bien faire observer, Monsieur l'Ambassadeur, que sous le règne de l'Imperatrice Cathérine, les recrutemens annuels s'effectuaient communement sur le pied d'un homme sur cent; que depuis, Empereur regnant a été le premier à modifier quelquefois ce sacrifice que demande à Ses peuples l'entretien de Son armée; que cette année-ci Sa Majesté *ne s'est vue obligée à porter ce nombre de 3 à 4 sur 500 que par la nécéssité absolue de remplir le déchet considérable* ***) produit dans Ses armées, autant par l'effet de la guerre qu'Elle continue à soutenir contre les Turcs et les Persans, que par les maladies aux quelles sont exposées Ses troupes sous l'influence maligne des climats de l'un et l'autre théatre de ces guerres. *Cette legère augmentation a encore été rendue indispensable par la circonstance que le nombre des soldats qui ont fini leurs années de service et qui dès lors, d'après nos règlemens, retournent dans leurs foyers, se trouve être, par un effet du hasard, beaucoup plus considérable cette année-ci que dans les années précédentes* ****).

Il résulte de tout ceci que le produit du recrutement que Sa Majesté vient

---

*) Вмѣсто означеннаго курсивомъ, Собственноручно приписано Государемъ: «ni sur Danzig, ni sur aucune partie du Duché de Varsovie».

**) Вмѣсто означеннаго курсивомъ, Собственноручно приписано Государемъ: «le recrutement habituel».

***) Вмѣсто означеннаго курсивомъ, Собственноручно приписано Государемъ: «s'est vu obligée à porter ce nombre à 4 sur 500 par la nécéssité absolue de remplir le déchet habituel»...

****) Вмѣсто означеннаго курсивомъ, Собственноручно приписано Государемъ: «Si le recrutement de l'année dernière a paru en apparence être un peu inférieur à celui-ci, en réalité il ne l'était pas cependant, puisque les gouvernemens qui n'avaient pas fourni la milice, continuaient à fournir leurs arrérages, ce qui pour cette année-ci se trouve fini».

d'ordonner, *loin de pouvoir servir à augmenter la force effective de Ses armées, ne suffira qu'à peine à remplir le déficit qui s'y trouve et à les reporter au complet* *).

En Vous autorisant, Monsieur l'Ambassadeur, à entrer dans ces explications avec le Ministère français, si les circonstances pouvaient l'exiger, Sa Majesté croit donner à l'Empereur Son allié un témoignage bien convaincant du soin qu'Elle apporte sans cesse à écarter et à prévenir tout ce qui pourrait lui donner le moindre ombrage **).

---

*) Вмѣсто означеннаго курсивомъ, Собственноручно приписано Государемъ: «n'augmente pas la force effective de l'armée, mais sert uniquement à la tenir au complet».

**) Далѣе въ депешѣ упоминается о нѣсколькихъ англійскихъ корабляхъ, нагруженныхъ селитрою, которые пришли въ Петербургъ, но были отосланы назадъ, несмотря на то, что мы тогда имѣли большую нужду въ селитрѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXX.

(¹) Рапортъ Государю князя Цыціанова, отъ 29-го генваря 1805 года

(²) Рапортъ князю Цыціанову полковника Карягина, отъ 28-го іюня 1805 года.

(³) Рапортъ князю Цыціанову полковника Карягина, отъ 9-го іюля.— Разсказъ со словъ армянина Аванеса, служившаго проводникомъ отряду Карягина. (Помѣщенъ въ приложеніяхъ къ сочиненію графа Соллогуба: «Біографія генерала Котляревскаго»). — Бытъ русскаго дворянина въ разныя эпохи его жизни. Библіот. для Чт. 1848.

(⁴) Составъ войскъ князя Цыціанова, при движеніи его въ помощь Карягину: гренадерскій баталіонъ Тифлисскаго полка, два баталіона Севастопольскаго полка, шесть ротъ 9-го егерскаго полка, десять орудій, 100 козаковъ.

(⁵) Составъ войскъ князя Цыціанова, при движеніи къ Баку: два баталіона Севастопольскаго полка, шесть ротъ 9-го егерскаго, 128 человѣкъ Тифлисскаго полка, 187 казаковъ, 150 Казахскихъ Татаръ и десять орудій. (Донесеніе Государю князя Цыціанова, отъ 28-го ноября 1805 года).

(⁶) Донесеніе Государю генерала Завалишина, 15-го февраля 1806 года.

(⁷) Изъ донесенія Государю князя Цыціанова, отъ 28-го февраля 1804 года.

(⁸) Рапортъ графу Гудовичу, генералъ-маіора Небольсина, отъ 5-го іюля 1806 года.

(⁹) Рапортъ графу Гудовичу, генералъ-маіора Небольсина, отъ 15-го февраля 1809 года.

(¹⁰) Рапортъ военному министру графу Аракчееву, генерала отъ кавалеріи Тормасова, 10-го сентября 1809 года.

(¹¹) Донесеніе Государю и письмо военному министру Барклаю де-Толли генерала Тормасова, 13-го апрѣля 1810 года.

(¹²) Рапортъ военному министру генерала Тормасова, отъ 20-го сентября 1810 года, съ приложеніемъ выписки изъ донесенія капитанъ-лейтенанта Додта, о занятіи крѣпости Сухумъ-Кале.

([13]) Донесеніе военному министру командира 13-й дивизіи, дюка де-Ришельё, 15-го генваря 1811 года.

([14]) Письмо военному министру генерала Тормасова, отъ 10-го октября 1810 года. (Архивъ Главнаго Штаба № 25,074-й).

([15]) Сообщено Н. Н. Забудскимъ.

([16]) Донесеніе Государю Тормасова, 5-го іюля 1810 года. — Донесеніе Котляревскаго о взятіи Мигри.

([17]) Предписаніе Небольсину, 2-го іюля 1810 года.

([18]) Донесеніе Государю Тормасова, отъ 26-го іюля 1810 г.

([19]) Донесеніе Государю Тормасова, отъ 19-го сентября 1810 года.

([20]) Донесеніе Государю Тормасова, отъ 19-го декабря 1810 года.

([21]) Рапортъ Государю маркиза Паулуччи, 14-го декабря 1811 года.

([22]) Графъ Соллогубъ. Біографія генерала Котляревскаго.

([23]) Рапортъ Котляревскаго, отъ 22-го марта 1812 года.

([24]) Графъ Соллогубъ. Біографія Котляревскаго.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXI.

---

(1) Донесеніе Государю флигель-адъютанта Чернышева, въ февралѣ 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(2) Переписка Императора Александра съ Наполеономъ помѣщена въ сочиненіи моемъ: *Исторія Отечественной войны 1812 года.*

(3) Mémoires du duc de Rovigo (Savary). V. 208—216.

(4) C-te Garden. Histoire des traités de paix etc. XIII. 235—239.

(5) Pertz. Das Leben des Ministers Freiherrn v. Stein. III. 26.

(6) Ioh. Scherr. Blücher, seine Zeit und sein Leben. II. 461—462.

(7) Garden. XIII. 244—245.

(8) Swederus. Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808 bis 1814. I. 146—149.

(9) Нота герцога Бассано, 7-го марта н. ст. 1812 года. — Донесеніе Государю генерала Сухтелена, 18 марта н. ст. 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(10) Письмо къ Наполеону Наслѣднаго принца шведскаго, отъ 27-го марта н. ст. 1812 года.

(11) Союзный трактатъ между Россіею и Швеціей, 24-го марта (5-го апрѣля), за подписью графа Румянцова и графа Левенгельма (Löwenhielm).

(12) Swederus. I. 187—188.

(13) Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff. 1855. 6—8.

(14) Императоръ Александръ и Его сподвижники, въ 1812—1815 г. III. Жизнеописаніе князя Кутузова-Смоленскаго.

(15) М. Иванинъ. Заслуги князя Кутузова, какъ дипломата на Кавказѣ.

(16) Письма къ Императору Александру адмирала Чичагова, отъ 20 іюня и 22 іюля 1812 года изъ Бухареста.

(17) Императоръ Александръ и Его сподвижники. III.

(18) Декларація 26 октября (7 ноября) и нота, врученная англійскому посланнику лорду Гоуэру (Gower), 27 октября (8 ноября) 1807 г.

(19) Отзывы канцлеру графу Румянцеву князя Куракина, въ 1811 г. (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

([20]) Schreckenstein. Die Kavalerie in der Schlacht an der Moskwa 6—7. По свидѣтельству его, въ числѣ 453 тысячъ пѣхоты «Великой арміи», было около 224 тысячъ Французовъ и до 230 тысячъ иностранцевъ, а въ числѣ 80 тысячъ кавалеріи — 38 тысячъ Французовъ и 42 тысячи иностранцевъ.

([21]) Изъ перехваченныхъ французскихъ депешей (Арх. Минист. Иностранн. дѣлъ).

([22]) Высочайшій приказъ 17 генваря и указъ на имя военнаго министра 6 ноября 1811 года.

([23]) Полн. Собран. Закон. Т. XXXI. №№ 24,822-й и 24,858-й.

([24]) Полн. Собран. Закон. Т. XXXI. № 24,725-й.

([25]) Высочайшимъ приказомъ 12 октября 1811 года учреждены кирасирскіе полки: Астраханскій и Новгородскій.

([26]) Росписаніе артиллеріи 1811 года.

([27]) Молдавская (Дунайская) армія, подъ начальствомъ Кутузова и потомъ Чичагова, состояла изъ дивизій пѣхотныхъ: 8-й, части 9-й, 10-й, 16-й и 22-й, и кавалерійскихъ 6-й и 7-й, всего до . 87,000 чел.

Въ Крыму и Новороссійскомъ краѣ, подъ начальствомъ герцога Ришельё, 13-я пѣхотная и восемь запасныхъ баталіоновъ 9-й, 8-я кавалерійская, всего-же . . . . 19,500 чел

Въ Грузіи и на Кавказской линіи, подъ начальствомъ генераловъ Паулуччи и Ртищева, 19-я и 20-я пѣхотныя дивизіи и три драгунскихъ полка . . . . 34,000 чел.

Въ Финляндіи, подъ начальствомъ генерала Штейнгеля, 6-я, 21-я и 25-я пѣхотныя дивизіи и два драгунскихъ полка . . . 30,000 чел.

Въ Москвѣ формировалась новая 27-я пѣхотная дивизія въ числѣ . . . . 8,000 чел.

Войскъ, невошедшихъ въ составъ дивизій, было до . 12,000 чел.

На западной границѣ Имперіи стояли дивизіи: 1-я, 2-я и Сводная гренадерскія; 3-я, 4-я, 5-я, 7-я, 11-я, 12-я, 14-я, 15-я, 17-я, 18-я, 23-я, 24-я и 26-я пѣхотныя; 1-я и 2-я кирасирскія; 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я кавалерійскія, вообще-же по штатамъ до 290-ти, въ дѣйствительности-же отъ 270-ти до 280-ти тысячъ, а за исключеніемъ запасныхъ баталіоновъ и эскадроновъ до . . . . 200,000 чел.

([28]) Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. Zw. Aufl. I. 258—259.

([29]) Росписанія войскъ — Полн. Собр. Закон. Т. XXXII. № 25,036-й.

([30]) Полн. Собр. Закон. Т. XXXII № 25,039-й. — Дивизіямъ, составленнымъ изъ гарнизонныхъ войскъ Оренбургскаго и Сибирскаго края, даны №№ 28-й и 29-й; а дивизіи, сформированныя изъ запасныхъ войскъ, получили №№: пѣхотныя отъ 30-го до 47-го, а кавалерійскія—отъ 9-го до 16-го.

([31]) Краткая вѣдомость о Высочайше повелѣнныхъ запасахъ, за подписью генералъ-провіантмейстера Лабы (Арх. В. Т. Депо № 32,417-й).

([32]) Graf Cancrin. Ueber die Militair-Oeconomie. I.

([33]) G-l Dumas. Précis des événemens militaires. XIX. 448.

([34]) Bernhardi. I. 273—276.

([35]) Мемуаръ графа д'Аллонвиля (Арх. В. Т. Депо № 43,096-й).

([36]) Изъ письма къ графу Румянцову флигель-адъютанта Чернышева, отъ 7-го (19) сентября 1811 года, изъ Парижа (Арх. Мин. Иностр. дѣлъ).

(37) Донесеніе императору Александру князя Куракина, 19-го (31-го) марта 1812 года (Арх. Мин. Иностр. дѣлъ).

(38) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. XI. 287—291. — Smitt. Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812. 309.

(39) Mémoires de Michel Oginski. III. 41—43 et 71.

(40) Denkschrift des General-Lieutenant v. Phull über den Kriegsplan für den Feldzug von 1812.

(41) Предписаніе военнаго министра, отъ 1-го марта ст. ст. 1812 года.

(42) Секретное предписаніе военнаго министра, отъ 1-го апрѣля 1812 года.

(43) Предписаніе военнаго министра, отъ 10-го апрѣля 1812 года.

(44) Донесеніе князя Куракина, отъ 15 (27) апрѣля 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(45) Донесеніе князя Куракина, отъ 26 апрѣля (8 мая) 1812 года. — Garden. XIII. 314—316.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXII.

(1) Графъ Сперанскій. Соч. М. Н. Лонгинова. — Записки Александра Яковл. Булгакова.

(2) Баронъ Корфъ. Жизнь графа Сперанскаго. II. 12—13.

(3) Тамъ-же. II. 13—14.

(4) Слышано отъ Ѳ. П. Л. долго служившаго при Сперанскомъ.

(5) Баронъ Корфъ. II. 15—16.

(6) Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій родился въ 1778 году. Окончивъ съ блистательнымъ успѣхомъ курсъ наукъ въ московскомъ университетѣ, онъ поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ, потомъ служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, а съ 1803-го года, сдѣлавшись извѣстнымъ Сперанскому, пріобрѣлъ его довѣріе, въ послѣдствіи былъ ближайшимъ сотрудникомъ его и 1-го генваря 1810 года назначенъ статсъ-секретаремъ въ департаментъ законовъ государственнаго совѣта. Магницкій былъ одаренъ замѣчательными способностями и пользовался ими, не щадя никого и ничего для своего возвышенія. Русскій Вѣстникъ. 1864. VI. Магницкій. Е. М. Ѳеоктистова.

(7) И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь. 193—194 и 196.

(8) Баронъ Корфъ. II. 19.

(9) Воспоминанія Вигеля. II.

(10) Баронъ Корфъ. II. 42—44.

(11) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопамятныхъ людей русской земли. 1847. III. 106—124. — Воспоминанія Вигеля. II. — Письмо графа Растопчина къ князю Павлу Дмитр. Циціанову, 3 іюня 1803 года, изъ села Воронова.

(12) Въ письмѣ Наполеона къ его брату Іерониму, отъ 26 мая н. ст. 1812 года изъ Дрездена, находимъ: «Faites commander à Lublin 10,000 rations du pain bisquité et repandez le bruit de votre arrivée de ce coté avec 100.000 hommes. Il faut faire toutes les démonstrations pour faire croire que vous allez vous réunir aux Autrichiens avec 100,000 hommes, mais le vrai est que votre mouvement sera inverse, ce que je ne vous confie que pour vous seul, et ce que je désire que vous teniez très secret, sans le communiquer même à votre chef d'état—major»...

([13]) Составъ 1-й Западной арміи.

1-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна: 5-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Берга, 14-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Сазонова и 1-я кавалерійская дивизія, генералъ-маіора Каховскаго, всего 28 баталіоновъ, 16 эскадроновъ и 3 казачьихъ полка съ 108-ю орудіями.

2-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Багговута: 4-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора принца Евгенія виртембергскаго и 17-я пѣхотная, генералъ-лейтенанта Олсуфьева; Елисаветградскій гусарскій полкъ, всего 24 баталіона и 8 эскадроновъ съ 84-мя орудіями.

3-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Тучкова 1-го: 1-я гренадерская дивизія, генералъ-маіора графа Строганова и 3-я пѣхотная, генералъ-лейтенанта Коновницына; Лейбъ-гвардіи казачій и 1-й Тептярскій полки, всего 24 баталіона, 4 эскадрона, 5 сотень, съ 80-ю орудіями.

4-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта графа Шувалова (потомъ графа Остермана-Толстаго): 11-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Бахметьева 2-го и 23-я пѣхотная, генералъ-маіора Бахметьева 1-го; Изюмскій гусарскій полкъ, всего 23 баталіона и 8 эскадроновъ съ 64-мя орудіями.

5-й пѣхотный (резервный) корпусъ, Великаго Князя Константина Павловича: гвардейская пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Ермолова (потомъ, съ 1-го іюля, графа Шувалова, и съ 23-го іюля генералъ-лейтенанта Лаврова); 1-я Сводная гренадерская дивизія и 1-я кирасирская дивизія, генералъ-лейтенанта Депрерадовича. Всего 26 баталіоновъ и 20 эскадроновъ съ 64-мя орудіями.

6-й пѣхотный корпусъ, генерала отъ инфантеріи Дохтурова: 7-я пѣхотная дивизія, генералъ-лейтенанта Капцевича и 24-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Лихачева; Сумскій гусарскій полкъ, всего 24, баталіона и 8 эскадроновъ съ 74-мя орудіями.

1-й кавалерійскій корпусъ, генералъ-адъютанта Уварова, 20 эскадроновъ съ 12-ю орудіями.

2-й кавалерійскій корпусъ, генералъ-адъютанта барона Корфа, 24 эскадрона съ 12-ю орудіями.

3-й кавалерійскій корпусъ, генералъ-маіора графа Палена, 24 эскадрона съ 12-ю орудіями.

14 казачьихъ полковъ съ 12-ю донскими конными орудіями, подъ начальствомъ генерала отъ кавалеріи, атамана войска донскаго, Платова.

Артиллерійскій резервъ, 36 орудій.

Примѣч. Число войскъ въ каждомъ пѣхотномъ корпусѣ было отъ 15-ти до 25-ти тысячъ человѣкъ; въ каждой пѣхотной дивизіи отъ 7-ти до 10-ти тысячъ; въ баталіонѣ отъ 600 до 700 человѣкъ; въ кавалерійскомъ корпусѣ до 2,500 человѣкъ; въ эскадронѣ отъ 100 до 120-ти; пѣхотные полки гвардейскіе были въ трехъ-баталіонномъ, армейскіе— въ двухъ-баталіонномъ составѣ. Въ полкахъ кирасирскихъ и драгунскихъ было по 4 эскадрона, а въ полкахъ гусарскихъ и уланскихъ — по 8-ми.

([14]) Составъ 2-й Западной арміи.

7-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Раевскаго: 26-я пѣхот-

ная дивизія генералъ-маіора Паскевича и 12-я пѣхотная дивизія генералъ-маіора Колюбакина; Ахтырскій гусарскій полкъ. Всего 24 баталіона и 8 эскадроновъ съ 84-мя орудіями.

8-й пѣхотный корпусъ, генералъ-лейтенанта Бороздина 1-го: 2-я гренадерская дивизія, принца Карла Мекленбургскаго; 2-я Сводная гренадерская, генералъ-маіора графа Воронцова, и 2-я кирасирская, генералъ-маіора Кноррипга. Всего 22 баталіона и 20 эскадроновъ съ 60-ю орудіями.

4-й кавалерійскій корпусъ, генералъ-маіора графа Сиверса, 24 эскадрона съ 12-ю орудіями.

9 казачьихъ полковъ съ 12-ю донскими конными орудіями, подъ начальствомъ генералъ-маіора Иловайскаго 5-го.

Артиллерійскій резервъ, 48 орудій.

(16) Составъ 3-й Резервной Обсерваціонной арміи.

Корпусъ генерала отъ инфантеріи *графа Каменскаго* (Серг. Мих.): 18-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора князя Щербатова; Сводная гренадерская бригада; Павлоградскій гусарскій полкъ; всего 18 баталіоновъ и 8 эскадроновъ съ 46-ю орудіями.

Корпусъ генералъ-лейтенанта *Маркова* (Евг. Иван.): 9-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Удома, и 15-я пѣхотная, генералъ-маіора Назимова. Александрійскій гусарскій полкъ. Всего 24 баталіона и 8 эскадроновъ съ 82-мя орудіями.

Корпусъ генералъ-лейтенанта *Сакена:* 36-я пѣхотная дивизія, генералъ-маіора Сорокина, и 11-я кавалерійская дивизія; Лубенскій гусарскій полкъ. Всего 12 баталіоновъ и 24 эскадрона съ 24-мя орудіями.

Кавалерійскій корпусъ, генералъ-маіора *графа Ламберта.* 36 эскадроновъ.

9 казачьихъ полковъ.

Артиллерійскій резервъ: 12 орудій.

(16) .... «Il faut améliorer le sort de nos officiers et bas-officiers, qui sont vraiment plus mal à leur aise que nos soldats, car, pour ces derniers, il ne leur faut qu'un meilleur traitement, c'est-à-dire qu'on les croye hommes doués de sentimens et de patriotisme, si ce dernier n'est pas étouffé par des coups de baton»... Изъ записки Барклая де-Толли, читанной Государемъ 22-го генваря 1812 года).

(17) Краткія записки адмирала Шишкова. 2-е изд. 6—7. — Штейнъ прибылъ въ Вильну 12-го іюня н. ст. изъ Праги, получивъ тамъ слѣдующее собственноручное письмо Императора Александра:

«L'estime, Monsieur, que je Vous ai toujours portée, n'a reçu aucune altération par les événements qui Vous ont éloigné du timon des affaires. L'énergie de votre caractère et vos talens éminents Vous l'ont acquise. Les circonstances decisives du moment doivent rallier tous les êtres bien pensants. Amis de l'humanité et des idées liberales. Il s'agit de les sauver de la barbarie et de l'esclavage qui se preparent à les engloutir.

«Napoléon veut achever l'envahissement de l'Europe et pour y atteindre il lui faut abbattre la Russie. Depuis longtems l'on s'y prépare à cette lutte et les moyens de resistance les plus énergiques y sont préparés de longue main. *Cette guerre va être probablement la dernière.* Elle decidera du salut ou de la perte de l'Europe.

«Les amis de la Vertu et tous les êtres animés des sentimens d'indépendance et d'amour pour l'humanité sont tous intéressés au succès de cette lutte. Vous, Monsieur le Baron, qui avez marqué d'une manière si brillante entre eux, Vous ne pouvez nourrir d'autres sentimens que ceux de contribuer à faire reussir les efforts qu'on va faire dans le Nord pour triompher du despotisme envahissant de Napoléon.

«Je Vous invite, de la manière la plus instante, à me communiquer vos idées, soit par ecrit, d'une manière sure, soit de bouche en venant me joindre à Vilna. Le C-te Lieven Vous communiquera, à cet effet, un passeport d'entrée. Votre présence en Bohême, il est vrai, pourrait être d'une grande utilité, étant pour ainsi dire placé à dos des armées françaises; mais la faiblesse de l'Autriche et la toute apparence qu'elle va entrer sous les drapeaux de la France pourraient compromettre votre sureté, du moins celle de notre correspondance. Ce que je Vous dis sur l'Autriche, est de source certaine; je Vous engage donc à reflechir, Monsieur, sur l'importance de toutes ces circonstances et de choisir le parti le plus propre à l'utilité de la grande cause, à la quelle nous appartenons tous deux. Je n'ai pas besoin de Vous assurer que Vous serez reçu en Russie à bras ouverts. Tous les sentimens que je Vous porte, vous en sont un sûr garant.»

(18) Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état. XI. 373—375.—Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Ed. de Brux. XIII. 591—592.—Villemain. Souvenirs contemporains. I. 187.

(19) Pertz. Leben des Minist. Freih. v. Stein. III. 54—55.

(20) Pertz. III. 77.

(21) C-sse de Choiseul-Gouffier. Mémoires historiques sur l'Empereur Alexandre. 86—88.—Mémoires d'un homme d'état. XI. 376—377.—Записки графа Комаровскаго.

(22) Ducasse. Mémoires sur la campagne de 1812. 69—70.

(23) Составъ наполеоновыхъ войскъ, собранныхъ противъ Ковна:

1-й корпусъ Даву, изъ пяти пѣхотныхъ дивизій и двухъ легкихъ кавалерійскихъ бригадъ, всего 88 баталіоновъ и 16 эскадроновъ въ числѣ 72-хъ тысячъ человѣкъ.

2-й корпусъ Удино, изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій и двухъ легкихъ кавалерійскихъ бригадъ, всего 51 баталіонъ и 20 эскадроновъ, въ числѣ 37,000 человѣкъ

3-й корпусъ Нея, изъ трехъ пѣхотныхъ и легкой кавалерійской дивизій, всего 48 баталіоновъ и 24 эскадрона. въ числѣ 40,000 человѣкъ.

1-й резервный кавалерійскій корпусъ Нансути, изъ трехъ дивизій: 60 эскадроновъ, въ числѣ 12,000 человѣкъ.

2-й резервный кавалерійскій корпусъ Монбрюна, изъ трехъ дивизій: 60 эскадроновъ, въ числѣ 10,400 человѣкъ.

Гвардія, изъ трехъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ дивизій, всего 54 баталіона и 35 эскадроновъ, въ числѣ 47,000 человѣкъ.

(24) Составъ войскъ вице-короля:

4-й пѣхотный корпусъ, вице-короля италійскаго, изъ четырехъ пѣхотныхъ и одной легкой кавалерійской дивизій, всего 57 баталіоновъ и 24 эскадрона, въ числѣ 45,000 человѣкъ.

6-й баварскій корпусъ, Сенъ-Сира, изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій и двухъ легкихъ кавалерійскихъ бригадъ, всего 28 баталіоновъ и 16 эскадроновъ, въ числѣ 25,000 человѣкъ.

3-й резервный кавалерійскій корпусъ. Груши, изъ трехъ дивизій: 60 эскадроновъ, въ числѣ 10,000 человѣкъ.

(25) Составъ войскъ Короля Вестфальскаго:

5-й польскій корпусъ, князя Понятовскаго, изъ двухъ пѣхотныхъ, одной сводной и одной кавалерійской дивизій, всего 44 баталіона и 20 эскадроновъ, въ числѣ 36,000 человѣкъ.

7-й саксонскій корпусъ, Рейнье, изъ двухъ пѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизіи, всего 18 баталіоновъ и 16 эскадроновъ, въ числѣ 17,000 человѣкъ.

8-й вестфальскій корпусъ, Вандамма (потомъ Жюно), изъ двухъ пѣхотныхъ дивизіи и полуторы кавалерійской бригады, всего 16 баталіоновъ и 12 эскадроновъ, въ числѣ 18,000 человѣкъ

4-й резервный кавалерійскій корпусъ, Латуръ-Мобура, изъ двухъ дивизій: 44 эскадрона, въ числѣ 8,000 человѣкъ.

(26) Fr. v. Smitt. Zur näheren Aufklärung über den Krieg von 1812. 376 — 382.

(27) Воззваніе Наполеона было разослано во всѣ войска «Великой арміи», кромѣ макдональдова корпуса, которому возвѣщено объ открытіи военныхъ дѣйствій особымъ приказомъ. Garden. XIII. 372—373.

(28) Отношеніе Барклая де-Толли князю Багратіону и повелѣнія Барклая Платову и корпуснымъ командирамъ 1-й Западной арміи, отъ 12 іюня 1812 года.

(29) Краткія записки Шишкова. 7—8.

(30) Изъ собственноручной записки Балашова.

(31) Высочайшее повелѣніе князю Багратіону, отъ 16 іюня 1812 года.

(32) Изъ собственноручной записки Балашова.

(33) C-sse Choiseul - Gouffier. 113.

(34) Soltyk. Napoléon en 1812. 53—63.

(35) Joh. Scherr. Blücher, seine Zeit und sein Leben. II. 474.

(36) Журналъ дѣйствій 3-й Резервной Обсерваціонной арміи, Тормасова.

(37) Pertz. III. 103—104.

(38) Манифестъ 1-го іюля 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII № 25,172-й). Повелѣно набрать по пяти рекрутъ съ 500 душъ въ губерніяхъ: витебской, могилевской, волынской, подольской, эстляндской и финляндской, а въ сибирскихъ губерніяхъ, вмѣсто рекрутъ, собрать за каждаго по 2,000 рублей. (Послѣднее распоряженіе въ послѣдствіи было отмѣнено).

(39) Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. №№ 25,099-й и 25,166-й. Эти полки потомъ были расформированы для укомплектованія прочихъ.

(40) Собственноручное письмо Императора Александра къ Барклаю де-Толли, отъ 27 іюня 1812 года.

(41) Донесеніе Государю Барклаю де-Толли, отъ 25 іюня, изъ Бельмонта.

(42) Изъ записокъ П. А. Тучкова 3-го, хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба

(43) Журналъ дѣйствій 1-й Западной арміи, составленный Толемъ.

Вольцогенъ пишетъ, будтобы отступленіе изъ дрисскаго лагеря совершено по его совѣту.

(44) Журналъ дѣйствій 1-й Западной арміи —Записки Ермолова

(45) Краткія записки Шишкова. 13—25.

(46) Первопрестольной столицѣ Нашей, Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любимое Наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакоже, по отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности. Да невозникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу! Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся Мы къ древней столицѣ предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она была всегда главою прочихъ городовъ Россійскихъ: она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны Отечества, для защиты онаго. Никогда не настало въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства, того требуютъ. И такъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша Церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа Своего въ сей столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и, освобожденная отъ рабства Европа, да возвеличитъ имя Россіи».

Высочайшій манифестъ.

«Непріятель вступилъ въ предѣлы Наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ, несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска Наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли Нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство, полагаемъ Мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли-бы вторую ограду, въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

«Мы уже воззвали къ первопрестольному граду Нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ

съ Нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ — Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ — Минина. Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ Отечества. Святѣйшій синодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи. Народъ Русскій! Храброе потомство храбрыхъ Славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

«Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты Отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель».

(47) Записки Серг. Ник. Глинки. — Записки генералъ-адъютанта графа Комаровскаго.

(48) По свидѣтельству графа Комаровскаго, Государь сказалъ: «Я много ожидалъ отъ московскаго дворянства, но оно превзошло Мое ожиданіе.»

(49) Записки С. Н. Глинки. Графъ Комаровскій пишетъ, что еще прежде, нежели Государь вошелъ въ залу купеческаго собранія, сдѣланы были подписки на нѣсколько милліоновъ.

(50) Записки графа Комаровскаго.

(51) Garden. XIII. 407—409.

(52) Письмо Императора Александра графу Николаю Ивановичу Салтыкову, отъ 15-го іюля 1812 года.

(53) Манифестъ о составленіи ополченія, 18 іюля 1812 года (Полн. Собр. Закон. Т. XXXII. № 25,188-й).

(54) Высочайше утвержденное предположеніе Великой Княгини Екатерины Павловны, 3-го іюля 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,174-й). На подлинномъ написано собственноручно Государемъ: «Съ живѣйшею признательностью пріемлю».

(55) Именной указъ сената 31 іюля 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,193-й).

(56) Манифестъ 4-го августа 1812 года (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,198-й). Эстляндская губернія симъ манифестомъ также была освобождена отъ набора; но дворянство, полагая, что Латыши могли принять сборъ ополченія за самовольное распоряженіе помѣщиковъ, ходатайствовало о замѣнѣ земскаго вооруженія рекрутскими наборами и въ продолженіи 1812 года поставило по 17-ти рекрутъ съ 500 душъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXIII.

(¹) Краткій журналъ военныхъ дѣйствій Первой арміи, составленный полковникомъ Толемъ.—Изображеніе дѣйствій Первой арміи (Зап. сост. Барклаемъ де-Толли). Походныя записки артиллериста. I. 82. — Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. I. 222 et 226—234. — Denniée. Itinéraire de Napoléon pendant la campagne de 1812. — Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Graf. v. Toll. Zw. Aufl. I. 352—364.

(²) Противъ князя Багратіона были направлены: двѣ дивизіи корпуса Даву: Дессѐ и Компана; 5-й корпусъ (польскій), князя Понятовскаго; 8-й корпусъ (вестфальскій); резервные кавалерійскіе корпусы: Груши (кромѣ кирасировъ Думерка, приданныхъ корпусу Удинò) и Латуръ-Мобура; польская дивизія Клапареда; легкая кавалерія Пажоля (корпуса Монбрюна). Саксонскій-же корпусъ Рейньѐ былъ посланъ на Волынь.

(³) Boutourlin. Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. I. 245. — Bernhardi. I. 373.

(⁴) Письма Государя отъ 28 іюля 1812 года.

(⁵) Армія Наполеона, въ первый мѣсяцъ вторженія въ Россію, понесла слѣдующую потерю:

Корпусъ Даву	19,000	чел.
„ Нея	14,000	„
„ Вице-короля	13,000	„
„ Понятовскаго	8,000	„
„ Сенъ-Сира	14,000	„
„ Вестфальскій	8,000	„
Корпусы 1-й и 2-й резервные кавалерійскіе	8,000	„
„ 3-й (безъ дивизіи Думерка) и 4-й резервные кавалерійскіе	7.000	„
Гвардія съ дивизіей Клапареда	13,000	„
Всего	104.000	чел.

Изъ войскъ оставленныхъ на Двинѣ:

Корпусъ Удино съ дивизіей Думерка	15,000 чел.
„ Макдональда	6,000 „
Всего . . .	21,000 чел.

Изъ войскъ дѣйствовавшихъ на Волыни:

Корпусъ Ренье	4,000 чел.

Вообще-же до 130,000 человѣкъ.

(Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. XIV. 177—181).

(6) Рапортъ Государю Барклая де-Толли, отъ 25 іюля, за № 605. — Wolzogen. Memoiren. 115—118. — Bernhardi. I. 384—389.

(7) Рескриптъ главнокомандующему арміею, генералу отъ инфантеріи Барклаю де-Толли.

(8) Рапортъ Государю Барклая де-Толли, отъ 25 іюля за № 605-мъ.

(9) Bernhardi. I. 389—390.

(10) Краткій журналъ, составленный Толемъ. — Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи. — Донесенія Государю его-же, отъ 27 и 28 іюля. — Въ дѣлѣ при Молевомъ-болотѣ участвовали полки: казачьи: Атаманскій, Мельникова 3-го, Харитонова 7-го; Симферопольскій татарскій; гусарскіе: Изюмскій, Сумскій и Маріупольскій.

(11) Bernhardi. I. 403—404. — Thiers. Ed. de Brux. XIV. 223—224. Кромѣ 120-ти тысячъ человѣкъ, подъ непосредственнымъ начальствомъ Наполеона, и 60-ти тысячъ, подъ начальствомъ Даву, были оставлены: 3 баталіона и 8 эскадроновъ въ Суражѣ, противъ отряда Винцингероде, и дивизія Домбровскаго съ одною изъ бригадъ Латуръ-Мобура для наблюденія Бобруйска и стоявшаго у Мозыря отряда Эртеля.

(12) Bernhardi. I. 402—404.—Thiers. XIV. 224—226.

(13) Краткій журналъ, составленный Толемъ.—Chambray. I. 302—304.—Bernhardi. I. 404—405.—Thiers. XIV. 227—228.

(14) «Je suis entré dans de plus grands détails que ne le comportait l'importance de ce combat, parce qu'il offre un exemple mémorable de la supériorité d'une infanterie aguerrie et bien conduite sur la cavalerie.» Chambray. I. 304.—«Newerowskoi fit une retraite de lion.» Ségur. I. 264.

(15) Thiers. XIV. 228.

(16) Записка Раевскаго (Арх. Глав. Штаба). — Описаніе сраженія при Смоленскѣ, составленное Толемъ (рукопись).—Thiers. XIV. 230—233.

(17) Донесеніе Государю князя Багратіона, отъ 5 августа, за № 475-мъ.

(18) G-l Boutourlin. I. 263—264.

(19) Thiers. XIV. 237.

(20) Soltyk. Napoléon en 1812.

(22) Описаніе сраженія при Смоленскѣ, составленное Толемъ (рукопись).—Chambray. I. 315—332.—Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée. I. 280. — Memoiren des Herzogs Eugen v. Würtemberg. II. 1—8. „Au milieu d'une belle nuit d'Août, Smolensk offrait aux Français le spectacle qu'offre aux habitants de Naples une éruption de Vésuve.“ (13-me bulletin)

(23) Изъ свѣдѣній доставленныхъ мѣстнымъ начальствомъ смоленской губерніи (Арх. Главнаго Штаба).

(24) Chambray. I. 332. — Eugen v. Würtemberg. II. 8. — Sir R. Wilson

Narrative of events during the invasion of Russia. 2-d edit. 89. — Въ бумагахъ отбитыхъ у непріятеля показанъ уронъ его до 14,000 чел.

(25) Fezensac. Journal de la campagne de Russie en 1812, 32.

(26) Изъ письма къ Государю графа Сенъ-Пріеста, отъ 8 августа 1812 года.

(27) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи.

(28) Bernhardi. I. 422—423.

(29) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій и проч.—Wilson. 90—91.

(30) Подъ начальствомъ принца Евгенія виртембергскаго, на позиціи у Гедеонова, были полки: 17-й пѣхотной дивизіи Бѣлозерскій и Вильманстрандскій; 4-й пѣхотной дивизіи Тобольскій, два взвода Изюмскихъ гусаръ; 4 орудія.

(31) Chambray I. 324.

(32) Eugen v. Würtemberg. II. 25—36.

(33) Fain. Manuscript de 1812. I. 318—321.—Soltyk. 161—163. — Thiers, XIV. 261.

(34) Записки Тучкова 3-го.—Записки Ермолова (рукопись).—Въ журналѣ 1-й арміи, составленномъ Толемъ, упоминается, что „генералу Тучкову 3-му было приказано слѣдовать форсированнымъ маршемъ, и не только занять перекрестокъ дорогъ, но и податься сколько возможно далѣе по большой дорогѣ къ Смоленску, на подкрѣпленіе генералъ-маіору Карпову“.

(35) Описаніе сраженія при Лубинѣ, изъ записокъ графа Орлова-Денисова.—Реляція о сраженіи 7 августа, поданная Барклаю де-Толли Ермоловымъ 22 августа.

(36) Краткій журналъ военныхъ дѣйствій 1-й арміи, составленный Толемъ.

(37) Изъ записокъ графа Орлова-Денисова.—Bernhardi. I. 437—439.—Thiers. XIV. 266—267.

(38) Краткій журналъ военныхъ дѣйствій, составленный Толемъ.

(39) Краткій журналъ дѣйствій составленный Толемъ. — Реляція о сраженіи 7-го августа, поданная Ермоловымъ.

(40) Краткій журналъ дѣйствій, составленный Толемъ.

(41) Изъ записокъ графа Орлова-Денисова. — Краткій журналъ дѣйствій, составленный Толемъ.

(42) Изъ записокъ Тучкова 3-го. — Краткій журналъ дѣйствій, составленный Толемъ.

(43) Изъ бумагъ отбитыхъ у непріятеля.

(44) G-l Boutourlin. I. 285.

(45) Въ сраженіи на Страгани, находилось частью въ дѣйствительномъ бою, частью въ резервѣ:

Со стороны Русскихъ:

	По показанію Бутурлина.	Принца Евгенія
3-й пѣхотный корпусъ . . .	13,500 чел.	
4-го пѣхотнаго корпуса . .	9,500 „	
1-й кавалерійскій корпусъ .	3,700 „	
Всего . . .	26,700 чел.	23,000 чел.

Со стороны Наполеона:

По показанію принца Евгенія:

3-й пѣхотный корпусъ	19,500 чел.
Дивизія Гюдена, 1-го корпуса	8,000 „
1-й и 2-й кавалерійскіе корпусы	8,700 „
8-й пѣхотный корпусъ	13,600 „
Всего . .	49,800 чел.

(Eugen v. Würtemberg. II. 56 und 59).

(46) Барклай. Изображеніе дѣйствій 1-й арміи. — Краткій журналъ дѣйствій, составленный Толемъ.—G-l Boutourlin. I. 286.

(47) Wilson. 111—113.

(48) Précis de la campagne du 1-r Corps pendant l'année 1812. (Арх. Главн. Штаба 29,200-й). — Донесенія графу Витгенштейну псковскаго гражданскаго губернатора, князя Шаховскаго, и генералъ-провіантмейстера Лабы.

(49) Барклай. Изображеніе дѣйствій 1-й арміи.

(50) Письма графу Аракчееву князя Багратіона, отъ 26 и 29 іюля 1812 года.

(51) Копія съ подлиннаго журнала Чрезвычайнаго Комитета для избранія главнокомандующаго хранится въ Архивѣ Главнаго Штаба.

(52) Thiers. XIV. 328—330.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXIV.

(¹) Письмо къ Императору Александру Наслѣднаго шведскаго принца, отъ 6-го февраля н. ст. 1812 года (Архива Минист. Иностр. дѣлъ).

(²) Письмо Императора Александра I, отъ 13(25) февраля 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(³) .... «Je me suis empressé d'expédier le général Souchtelen à Stockholm pour achever l'oeuvre si bien commencée d'une union etroite des Puissances du Nord; c'est elle seule qui peut opposer un contrepoids à la puissance toujours croissante de la France, appuyée par les Etats qui lui sont tributaires. La Suède et la Russie vont donner l'exemple. Il y a à esperer qu'il sera suivi par d'autres Puissances. Les talens éminents de V. A. R. seconderont essentiellement cette grande oeuvre. Il Lui est réservé de jouer un bien grand rôle et marchant sur les traces de Gustave-Adolphe, d'achever ce qu'il n'a pu que commencer. Mais à cette oeuvre politique se joint une autre beaucoup plus essentielle encore d'après ma manière de voir. C'est celle de faire renaitre les idées libérales en Europe, de la préserver de cette barbarie à la quelle elle marche à si grands pas, celle enfin de tourner la conception au bonheur de cette malheureuse humanite oppressée si impitoyablement depuis tant d'années».... Извлечено изъ письма Императора Александра I Наслѣдному принцу, отъ 26 февраля (9 марта) 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(⁴) Письмо Наслѣднаго шведскаго принца, отъ 1-го апрѣля н. ст 1812 года (Арх. Минист. Иностр дѣлъ).

(⁵) Трактатъ, заключенный въ Петербургѣ, 24 марта (5 апрѣля), прибывшимъ изъ Стокгольма графомъ Левенгельмомъ.

(⁶) .... «Un grand plan me semble devoir être embrassé: les nations Slaves, belliqueuses par leur nature, étant stimulées, formeront un ensemble imposant et reunies aux mecontents de la Hongrie, produiront une diversion puissante contre l'Autriche et les possessions françaises de l'Adriatique. Dans des chances heureuses il ne sera pas impossible même de pénetrer par la Bosnie et la Croatie assez avant pour se mettre en contact avec les Tyroliens et par là avec la Suisse. J'envoie l'amiral Tchitchagoff, homme de tête, tout or-

ganiser en consequence, mais il serait urgent que l'Angleterre voulût nous seconder puissament tant sur la Baltique, par ses armements maritimes, et en prenant à sa solde les bataillons allemands, qu'on pourra former si la désertion s'introduit dans les trouppes de la confédération, qu'en fournissant de l'argent et des munitions aux Slaves qui agiront pour la cause de l'indépendance générale».... Извлечено изъ письма Императора Александра къ Наслѣдному шведскому принцу, отъ 9 (21) апрѣля 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(7) Письмо Императора Александра къ Наслѣдному шведскому принцу, отъ 17 (29) іюля 1812 года.

(8) Изъ письма Императору Александру I Наслѣднаго шведскаго принца, отъ 15 (27) іюня 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(9) Изъ письма Императора Александра Наслѣдному принцу, отъ 22 іюня (4 іюля) 1812 года изъ Видзы (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

.... «Je continuerai d'instruire V. A. successivement des évènements de cette guerre importante. En attendant, qu'Elle se persuade, que puisqu'une fois elle est commencée, ma ferme resolution est de la faire durer des années, dusse-je combattre sur les rives de Wolga» ...

(10) Изъ письма Императора Александра Наслѣдному принцу, отъ 17 (29) іюля 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(11) Изъ Абоскихъ вѣдомостей, 1812 года. №№ 101 и 105-й.

(12) Garden. Histoire des traités de paix, etc. XIII. 410—411.

(13) Извлечено изъ копіи договора, заключеннаго въ Або, 18 (30) августа 1812 года (Арх. Минист. Иностр. дѣлъ).

(14) Swederus. Schwedens Politik und Kriege in den Jahren 1808—1814. I. 213—215.

(15) Garden. XIII. 412—413.

(16) Swederus. I. 206—211.

(17) R. Wilson. Narrative of events during the invasion of Russia. 2 Edit. 114—117 and 119.

(18) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1812 года.—Въ Запискѣ о войнѣ 1812 года, князя А. Б. Голицына, бывшаго на безсмѣнныхъ ординарцахъ при Кутузовѣ, напротивъ того сказано: «Когда въ первый разъ Кутузовъ обозрѣвалъ позицію подъ Бородинымъ — это было послѣ обѣда — исполинскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Анштетъ первый это замѣтилъ и толкамъ не было конца». Тоже самое находимъ и въ сочиненіи Ѳ. Н. Глинки. Очерки Бородинскаго сраженія. Стр. 39.

(19) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 19 августа.

(20) Memoiren des Herzogs Eugen v. Würtemberg. II. 70—74.

(21) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. II. 37. — Beitzke. Geschichte des russischen Krieges im Jahre 1812. 152 und 168. — Denniée. Itinéraire de l'Empereur Napoléon. 59.

(22) Предписаніе генералу отъ кавалеріи Тормасову, отъ 20 августа, за № 47-мъ, и отношеніе адмиралу Чичагову, отъ того-же числа, за № 48-мъ.

(23) Приказы князя Кутузова, отъ 18, 19 и 20 августа. — Краткій военный журналъ, составленный Толемъ.

(24) Ordre du jour du 2 septembre 1812. — Письма Наполеона къ на-

чальнику штаба арміи (major-général), отъ 2-го и 3-го сентября 1812 года. — Chambray. II. 34.

(25) Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. I. 354 — 355.

(26) Bernhardi. Denkwürdigk. des Gr. v. Toll. Zw. Aufl. II. 19.

(27) Приказъ по арміямъ князя Кутузова, отъ 23 августа, за № 6-мъ. Диспозиція на 24-е августа.

(28) G-l Boutourlin. Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. I. 308 — 309. — Bernhardi. II. 28 — 29.

(29) Рапортъ князю Кутузову генералъ-маіора графа Сиверса, отъ 26 сентября.—Boutourlin. I. 310—314. — Chambray. II. 43—44. — Ségur. I. 370—372. — Bernhardi. II. 33—38.

(30) Записка Толя о Бородинскомъ сраженіи (рукопись).—Bernhardi. II. 56—57.

(31) Chambray. II. 60.—Fain. Manuscrit de 1812. II. 18 — Свѣдѣнія извлеченныя изъ бумагъ отбитыхъ у Французовъ.

(32) Chambray. II. 46.

(33) Ѳ. Глинка. Очерки Бородинскаго сраженія. 39—41.—Chambray. II. 52.

(34) Рапортъ князю Кутузову генерала графа Сиверса, отъ 26 сентября.—Hofmann. Die Schlacht von Borodino mit einer Uebersicht des Feldzugs von 1812. 49.—Chambray. II. 61—62.—Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. XIV. Edit. de Brux. 355 et 357—358.

(35) Chambray. II. 63.—Thiers. XIV. 356—357.

(36) Bernhardi. II. 70.

(37) Записка Толя о Бородинскомъ сраженіи. — Рапортъ генералу Дохтурову генералъ-лейтенанта Лаврова, отъ 3 сентября 1812 года. — Bernhardi. II. 71 — 72.

(38) Рапорты князю Кутузову генералъ-лейтенанта Коновницына, отъ 19 сентября, и генералъ-маіора графа Сиверса, отъ 26 сентября 1812 года.—Boutourlin. I. 330.—Hofmann. 50.—Bernhardi. II. 73—75.

(39) Fain. Manuscrit de 1812. II. 24 — 25. — Chambray. II. 65—66. По свидѣтельству Шамбре, Ней просилъ о подкрѣпленіи уже по прибытіи Багговута на лѣвое крыло нашей позиціи.

(40) Записка Толя. — Bernhardi. II. 81.

(41) Pelet. Bataille de la Moscowa.

(42) Записка Толя. — Boutourlin. I. 330 — 331.

(43) Рапортъ генералъ-лейтенанту Коновницыну полковника Удома. отъ 31 августа. — Beitzke. 203 — 206. — Bernhardi. II. 85.

(44) Записка Толя. — Рапорты полковниковъ Козлянинова и Удома. Историческое обозрѣніе Л. Гв. Измайловскаго полка. — Bernhardi. II. 91 — 92.

(45) Chambray. II. 66—67. — Bernhardi. II. 92—95. — Schreckenstein. Die Kavalerie in der Schlacht an der Moskwa. 51 — 73.

(46) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи.

(47) Hofmann. 53. — Bernhardi. II. 97.

(48) Hofmann. 52 — 53 und 58. — Bernhardi. II. 75 — 76.

(49) Рапортъ Дохтурову Раевскаго, отъ 11 сентября 1812 года. — Письмо Раевскаго генералу Жомини о Бородинскомъ сраженіи.

(50) Рапортъ Барклаю де-Толли генерала Ермолова, отъ 20 сентября 1812 года. Описывая взятіе кургана нашими войсками, Ермоловъ говоритъ: «Высота сія, повелѣвавшая всѣмъ пространствомъ, на коемъ устроены были обѣ арміи, 18 орудій доставшихся непріятелю, были слишкомъ важнымъ обстоятельствомъ, чтобы не испытать—возвратить сдѣланную потерю. Нужна была дерзость и мое счастіе, и—я успѣлъ. Взявъ одинъ только 3-й баталіонъ Уфимскаго пѣхотнаго полка, остановилъ я бѣгущихъ и толпою, въ образѣ колонны, ударилъ въ штыки. Непріятель защищался жестоко, батареи его дѣлали страшное опустошеніе, но ничто не устояло. 3-й баталіонъ Уфимскаго полка и 18-й егерскій полкъ бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й егерскіе—по лѣвую сторону оной, и въ четверть часа наказана дерзость непріятеля. Батарея во власти нашей, вся высота и поле оной покрыты тѣлами, и бригадный генералъ Бонами былъ одинъ изъ непріятелей снискавшій пощаду».... —Рапортъ Дохтурову Раевскаго, отъ 11 сентября.— Письмо Раевскаго къ генералу Жомини о Бородинскомъ сраженіи. — Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій 1-й арміи. — Записки Крейца. — Chambray. II. 68. — Thiers. XIV. 362—363 et 367 — 369. — Fain. II. 25. — Bernhardi. II. 88 — 89.

(51) Императоръ Александръ и его сподвижники въ 1812—1815 годахъ. I. Жизнеописаніе графа Кутайсова.

(52) Pr. Eugen v. Würtemberg. II. 99 — 101 und 102 — 106.

(53) Записка Толя о Бородинскомъ сраженіи. — Chambray. II. 63. — Soltyk. Napoléon en 1812. 227 — 228. — Bernhardi. II. 84 — 85.

(54) Рапортъ Барклаю де-Толли генералъ-лейтенанта Уварова, отъ 3 сентября 1812 года.

(55) Chambray. II. 69.

(56) Рапортъ князю Кутузову генералъ-лейтенанта Уварова, отъ 27 сентября 1812 года.

(57) Рапортъ Уварова. — Clausewitz. Der russische Feldzug v. 1812. 155 — 159. — Schreckenstein. 37 — 39.

(58) Chambray. II. 70. — Thiers. XIV. 376.

(59) Записка Толя. — Schreckenstein. 124.

(60) Boutourlin. I. 342—343. — Bernhardi. II. 105—107. — Schreckenstein. 84 — 124. — Императоръ Александръ I и его сподвижники въ 1812 1815 годахъ. I. Жизнеописаніе Лихачева. Отправленный во Францію, Лихачевъ умеръ на пути, въ Кёнигсбергѣ.

(61) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи — Thiers. XIV. 379 — 380. — Императоръ Александръ и его сподвижники въ 1812 — 1815 годахъ. I. Жизнеописаніе Костенецкаго.

(62) Boutourlin. I. 344. — Исторія Кавалергардовъ и Кавалергардскаго полка. 88 — 90. — Исторія Л. Гв. Коннаго полка. II. 72.

(63) Барклай. Изображеніе дѣйствій и проч. — Записки Толя. — Bernhardi. II. 106 — 108.

(64) Донесеніе Кутузову Барклая де-Толли, отъ 26 сентября. — Hofmann. 62—63.—Chambray. II. 66—67.—Clausewitz. 158—159.—Boutourlin. I. 345 — 346.

(65) Pr. Eugen v. Würtemberg. II. 112—113.—Hofmann. 64—65.—Soltyk. Napoléon en 1812.

([66]) Барклай. Изображеніе дѣйствій и проч. — Hofmann. 62 — 63.

([67]) Ségur. I. 415—416. — Gourgaud. Examen critique de l'ouvrage de M. le comte de Ségur.—Pélet. Bataille de la Moscowa.—Bernhardi. II. 109—110.

([68]) Wolzogen. Memoiren. 145 — 146. — Изъ записки самаго Барклая де-Толли (Изображеніе дѣйствій и проч.) видно, что онъ вовсе не считалъ положенія арміи такъ опаснымъ, какъ представилъ его Кутузову Вольцогенъ.

([69]) Hofmann. 66. — Bernhardi. II. 113 — 114.

([70]) Барклай. Изображеніе дѣйствій Первой арміи.

([71]) Вѣдомость объ уронѣ Первой арміи, за подписью дежурнаго генерала Кикина.—Hofmann. 66. — Pr. Eugen v. Würtemberg. II. 115. По его показанію, мы потеряли до 1700 офицеровъ, но, принявъ во вниманіе, что въ одной Первой арміи выбыло изъ фронта болѣе 1400 офицеровъ, оказывается, что Вторая армія, по соразмѣрности съ Первою, должна была потерять не менѣе 600 офицеровъ, и что мы потеряли вообще до 2000 офицеровъ.

([72]) Denniée. 80 — 81. — Ségur. II. 28. — Thiers. XIV. 386.

([73]) Записка Толя. — Chambray. II. 75 — 76.

([74]) Denniée. 80 — 81.

([75]) Pelet. Bataille de la Moscowa.

([76]) Denkwürdigkeiten eines Livländers (Löwenstern). I. 230.

([77]) Pr. Eugen v. Würtemberg. II. 126 — 127.

([78]) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 27 августа (Архива Главнаго Штаба № 46,692-й).

([79]) Высочайшій рескриптъ князю Кутузову, отъ 31 августа 1812 г.

([80]) Высочайшій рескриптъ князю Багратіону, отъ августа 1812 года.

ПИСЬМА ГРАФА Ѳ. В. РАСТОПЧИНА КЪ КНЯЗЮ П. И. БАГРАТІОНУ.

I.

От̃ъ 6-го Августа, 1812 года.
Изъ матушки каменной Москвы.

Ну-ка, мой отецъ, генералъ по образу и подобію Суворова! поговоримъ съ глазу на глазъ, а поговорить есть о чемъ! Что сдѣлано, тому такъ и быть, да не шалите вы впередъ и не выкиньте такой штуки, какъ въ старину князья Трубецкой и Пожарскій: одинъ смотрѣлъ, какъ другаго били. Подумайте, что здѣсь дѣло не въ томъ, чтобъ бить непріятеля, писать реляціи и привѣшивать кресты — вамъ слава безсмертная: спасеніе отечества, избавленіе Европы, гибель злодѣю рода человѣческаго! Благодаренъ зѣло за письмецо. Въ Москвѣ говорятъ: Дай лишь волю, а Багратіонъ пужнетъ. Мнѣ кажется, что онъ васъ займетъ, да и проберется на Полоцкъ, на Псковъ, пить невскую воду. Милорадовичъ съ 31-ю тысячами славнаго войска стоитъ отъ Калуги къ Можайску. У меня здѣсь до 10,000 рекрутъ формируется. Силы московской въ семи смѣжныхъ губерніяхъ до 120 тыс. и тутъ прелихая есть конница. У Лобанова 26 тыс. свѣжей пѣхоты. Деньги есть на нужду и хлѣба будетъ до сыта. Неужели послѣ того и совсѣмъ этимъ Москву осквернитъ Французъ? Ваше дѣло ее беречь, а наше держать въ чистотѣ. У меня здѣсь такъ смирно, что и самъ дивлюсь. Счастье, что любятъ и слушаются. Пришаливаютъ Французы; сперва я просилъ, чтобы жили смирно, потомъ грозилъ, потомъ посылалъ за городъ гулять, въ Пермь и въ Оренбургъ. Не унимаются!... Впрочемъ, злоба къ Бонапарте такъ велика, что и хитрость его не дѣйствуетъ, и эта пружина лопнула, а онъ навѣрное шелъ на бунтъ. Я, право, въ усъ не дую; мнѣ все кажется, что это дурной сонъ, но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ!

За симъ обнимаю
И точно пребываю,
Безъ словъ и безъ лести,
А просто по чести,

Вамъ преданный
Графъ Ѳ. Растопчинъ.

P. S. Тѣхъ офицеровъ, кои ранены и могутъ доѣхать до Москвы, присылайте прямо ко мнѣ. Я тремъ стамъ найму покои. Въ моемъ домѣ городскомъ на Лубянкѣ 50 кроватей, и всѣ хотятъ ходить и беречь героевъ, защитниковъ отечества.

II.

От 12-го Августа, 1812 г.
Москва.

Принимая во всей мѣрѣ признательности довѣренное письмо вашего сіятельства, съ крайнимъ прискорбіемъ узналъ о потерѣ Смоленска. Извѣстіе сіе поразило чрезвычайно, и нѣкоторые оставляютъ Москву, чему я чрезмѣрно радъ, ибо пребываніе трусовъ заражаетъ страхомъ, а мы болѣзни сей здѣсь не знаемъ. Здѣсь очень дивились бездѣйствію нашихъ войскъ противъ наступающаго непріятеля. Но лучше-бы ничего ему не дѣлать, чѣмъ выигравъ баталію предать Смоленскъ злодѣю. Я не скрою отъ васъ, что все сіе приписываютъ несогласію двухъ начальниковъ и зависти ко взаимнымъ успѣхамъ, а такъ, какъ общество во мнѣніяхъ своихъ мѣры не знаетъ, то и увѣрило само себя въ нелѣпицахъ. Теперь должно уже у васъ быть извѣстно, какія послѣдствія будетъ имѣть отступленіе отъ Смоленска. Москва-ли предметъ дѣйствій непріятельскихъ или Петербургъ, а мнѣ кажется, что онъ держа васъ тамъ, гдѣ вы, станетъ отдѣльными корпусами занимать мѣста и къ петербургской и къ московской дорогѣ, и къ Калугѣ, дабы пресѣкая сообщенія нанести болѣе безпокойства и потрясти духъ русскій. Ополченіе здѣшнее готово и завтра 6 тыс. будутъ на бивуакѣ. Остальные-же сводятся къ Вереѣ и къ Можайску. Ружей, пороху и свинцу пропасть; пушекъ 145 готовыхъ, а патроновъ 4,980,000. Я не могу себѣ представить, чтобы непріятель могъ придти въ Москву. Когда-бы случилось, чтобы вы отступили къ Вязьмѣ, тогда я примусь за отправленіе всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю каждаго убираться, а народъ здѣшній, по вѣрности къ Государю и любви къ отечеству, рѣшительно умретъ у стѣнъ московскихъ, а если Богъ ему не поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, слѣдуя русскому правилу: *не доставайся злодѣю*, обратитъ городъ въ пепелъ, и Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была столица. О семъ не дурно и ему дать знать, чтобы онъ не считалъ на милліоны и магазейны хлѣба, ибо онъ найдетъ уголь и золу. Обнимая васъ дружески и по русски отъ души, остаюсь хладнокровно, но съ сокрушеніемъ отъ происшествій,

Вамъ преданный
Графъ Растопчинъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXV.

(1) Отзывы князя Кутузова графу Растопчину: отъ 22 августа за № 17-мъ; отъ 23-го, за № 25-мъ; отъ 24-го, за № 31-мъ; отъ 26-го, за № 68-мъ, и отъ 27-го, *съ позиціи при Бородинѣ*, за № 71-мъ.

(2) Memoiren des Herzogs Eugen von Würtemberg. II. 151 — 152.

(3) Clausewitz. Der russische Feldzug von 1812. 167 — 172.

(4) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. II. 82—83.—Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Graf. v. Toll. Zw. Aufl. II. 125 — 126.

(5) Lemasurier. Medicinische Geschichte des russischen Feldzuges von 1812.—Chambray. II. 90 — 91. — Bernhardi. II. 125.

(6) G-l Boutourlin. Histoire militaire de la campagne de 1812 en Russie. I. 353 — 356.

(7) Приказъ по арміямъ, 30 августа, за № 14-мъ.

(8) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи.—Краткій журналъ, составленный Толемъ. — Bernhardi. II. 134—135. — Eugen v. Würtemberg. II. 152 — 155.

(9) Свѣдѣнія о Военномъ Совѣтѣ въ Филяхъ извлечены изъ донесеній Императору Александру Барклая де-Толли и Беннигсена, Записокъ Раевскаго и частныхъ писемъ.

(10) Chambray. II. 124. — Bernhardi. II. 143. По его свидѣтельству оставлено въ Москвѣ болѣе десяти тысячъ раненыхъ и больныхъ.

(11) Записка о войнѣ 1812 года, составленная княземъ А. Б. Голицынымъ, находившимся на безсмѣнныхъ ординарцахъ при князѣ Кутузовѣ.

(12) Снегиревъ. Жизнь московскаго митрополита Платона. 1856. II. 47 — 50.

(13) Свѣдѣнія, доставленныя бывшимъ московскимъ слѣдственнымъ приставомъ Вороненко. — Журналъ французской коммисіи военнаго суда о московскомъ пожарѣ.

(14) Собственноручныя записки Бестужева-Рюмина. — Histoire de l'incendie de Moscou en 1812, par M. l'abbé Surrugues. — Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей россійскихъ. 1866. IV. 256 — 257.

([15]) Рапортъ князю Кутузову графа Растопчина, отъ 28 октября 1812 года за № 41-мъ. — Chambray. II. 104 — 105.

([16]) Erinnerungen aus dem Feldzuge des Jahres 1812, v. dem Herzog Eugen von Würtemberg. 98—100. — Походныя записки артиллериста. I. 169 — 170.

([17]) Записка составленная княземъ А. Б. Голицынымъ.

([18]) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи.—Denkwürdigkeiten eines Livländers (Löwenstern). I. 240.

([19]) Изъ записокъ Акинфова (въ послѣдствіи сенатора), посланнаго Милорадовичемъ въ непріятельскій авангардъ, въ качествѣ парламентера. — Bernhardi. II. 153 — 154.

([20]) Bernhardi. II. 150 — 151.

([21]) Корбелецкій. Краткое повѣствованіе о вторженіи Французовъ въ Москву. 23 — 27. — Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée pend. l'année 1812. II. 36 — 38.

([22]) Корбелецкій. 29 — 30. — Chambray. II. 114 — 118. — Fain. Manuscrit de 1812. II. 45 — 46.

([23]) Корбелецкій. 29 — 30. — Монитёръ 29-го октября 1812 года. № 303-й.

([24]) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. XIV. 421 — 426.

([25]) Chambray. II. 131 — 132. — Ségur. II. 66 — 67. — Thiers. XIV. 427 — 429.

([26]) Письма графа Растопчина къ князю Багратіону, отъ 12 и 21 августа 1812 года ст. ст.

([27]) Показаніе бывшаго московскаго слѣдственнаго пристава Вороненко.

([28]) Сочиненія графа Растопчина. 1853. 212 — 213.

([29]) Löwenstern. I. 242 — 243.

([30]) Донесеніе отъ 1-го сентября.

([31]) Изъ бумагъ хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба.

([32]) Письмо Мишо́ къ бывшему флигель-адъютанту Михайловскому-Данилевскому (Копія хранится въ Архивѣ Главнаго Штаба).

([33]) Высочайшее повелѣніе князю Кутузову, отъ 14 сентября, за № 142-мъ.

([34]) Донесеніе князя Кутузова, изъ Жилина (на маршѣ къ Боровскому-мосту), отъ 4 сентября ст. ст.

([35]) Подлинникъ этого письма на нѣмецкомъ языкѣ хранится въ Архивѣ Главнаго Штаба, № 46,692-й. — На приложенномъ къ нему русскомъ переводѣ сдѣлана помѣтка: отвѣтъ посланъ съ полковникомъ Мишо́ 14 сентября.

([36]) Correspondance diplomatique de J. de Maistre. I. 187.

([37]) Pertz. Leben des Ministers Freih. v. Stein. Zw. Aufl. III. 158. — Bernhardi. II. 173.

([38]) Собственноручное письмо Императора Александра I, отъ 19-го сентября 1812 года.

([39]) Письмо графа Ливена, отъ 21 сентября (Архива Министр. Иностр. дѣлъ).

([40]) Составъ отряда генерала Винцингероде: полки Лейбъ-казачій,

Казанскій драгунскій и Изюмскій гусарскій; казачьи: Иловайскаго 4-го, Иловайскаго 12-го, Чернозубова 8-го и Иловайскаго 7-го (послѣдній на ярославской дорогѣ), Ставропольскій калмыцкій и Перекопскій татарскій; Черноморская сотня; два орудія 5-й конной роты (Строевой рапортъ, отъ 6 сентября, за подписью генерала Винцингероде).

(41) Высочайшія повелѣнія, отъ 9 и 10 сентября, за № 122-мъ, № 123-мъ и № 125-мъ. Генералъ-адъютанту Кутузову было поручено образовать тверское ополченіе.

(42) Высочайшее повелѣніе управляющему военнымъ министерствомъ, отъ 12 сентября, за № 129-мъ.

(43) Pertz. Stein's Leben. III. 159 — 160.

(44) Объявленіе отъ 20 сентября.

(45) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи (Арх. Главнаго Штаба № 29,179-й).

(46) Письмо Бертье къ Королю Неаполитанскому (Мюрату), отъ 23 сентября н. ст. Составъ войскъ Мюрата: корпусъ Понятовскаго, дивизіи Клапареда и Дюфура, легкая кавалерія корпусовъ Даву и Нея, (кромѣ одной бригады 1-го корпуса), и вся резервная кавалерія (кромѣ корпуса Лагуссé, бывшаго прежде подъ начальствомъ Груши). — Chambray. II. 145 et 216.

(47) Письмо Бертье къ герцогу Истрійскому (Бессьеру), отъ 22 сентября н. ст. Составъ войскъ Бессьера: дивизія Фридрихса (бывшая Дессè), одна легкая кавалерійская бригада 1-го пѣхотнаго корпуса, резервный кавалерійскій корпусъ Лагуссè и гвардейская уланская бригада Кольбера. Chambray. II. 148.

(48) Thiers. XIV. 442.

(49) Походныя записки артиллериста, съ 1812-го по 1816-й годъ. 1835. I. 166—167. — Письма польскаго уланскаго полка поручика Бискупскаго, находившагося въ 1812 году въ отрядѣ Фигнера. (рукопись).

(50) Донесенія дежурному генералу Коновницыну генералъ-маіора Дорохова, отъ 9, 10 и 11 сентября (Арх. Главнаго Штаба № 29,172-й). Въ отрядѣ Дорохова находились полки: Лейбъ-драгунскій, Елисаветградскій гусарскій и три казачьи съ двумя донскими орудіями.

(51) Рескриптъ князю Кутузову, отъ 1 сентября 1812 г.

(52) Рапортъ Барклаю де-Толли графа Остермана, отъ 14 сентября.

(53) Барклай де-Толли. Изображеніе дѣйствій Первой арміи. — Записка о войнѣ 1812 года князя А. Б. Голицына. — Bernhardi. II. 185 — 186.

(54) S. R. Wilson. 178—180. — Сочиненія Растопчина. 1853. 197—198.

(55) Военный журналъ главной дѣйствующей арміи.

(56) Вѣдомость, поданная Наполеону начальникомъ штаба Бертье, 28 сентября н. ст. Chambray. II. 153 — 154.

РАСТОПЧИНСКІЯ АФИШКИ.

I.

Отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ.

Здѣсь есть слухъ и есть люди, кои ему вѣрятъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Еслибы это было такъ, тогда на заставахъ были-бы караулы и по нѣсколько тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ, и родню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились безъ возврату. Если по нихъ есть опасность, то непристойно, а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнію отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ по чему: въ арміяхъ 130 тысячъ войска славнаго, 1,800 пушекъ и свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода русскихъ силъ и надо всѣми начальникъ; у него сзади непріятеля генералы Тормасовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тысячъ славнаго войска; генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 тысячами пѣхоты, 3,800 кавалеріи и 84 пушками, пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дни придетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальныя 7 тысячъ въ слѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ, 14 тысячъ пѣхоты. А если мало этого для погибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну, дружина московская! пойдемъ и мы! И выйдемъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ иверскую Божію Матерь, да 150 пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля-же своихъ и сволочи 150,000 человѣкъ, кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ, что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и Государь Императоръ на-дняхъ изволитъ прибыть въ свою столицу. Прочитайте; понять можно все, а толковать нечего.

II.

Славу Богу! все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить, и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да

въ армію ихъ отправлять. А за насъ предъ Богомъ заступники: Божія Матерь и московскіе Чудотворцы, предъ свѣтомъ милосердый Государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты христолюбивое воинство; а чтобъ скорѣе дѣло рѣшить, Государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, и они рады съ вами жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами; на войну идти, передъ вами; а отдыхать за вами. Не бойтесь ничего — нашла туча, да мы ее отдуемъ; все перемелется, мука будетъ; а берегитесь одного: пьяницъ, да дураковъ; они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ; а его дѣло кожу драть: обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу свободу; а всѣхъ ловитъ за виски, да въ тиски, и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ. И для сего и прошу: если кто изъ нашихъ, или изъ чужихъ, станетъ его выхвалять и сулить, и то, и другое, то какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на съѣзжую: тотъ, кто возьметъ, тому честь, слава и награда; а кого возьмутъ, съ тѣмъ я раздѣлаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мнѣ на то и власть дана, и Государь изволилъ приказать беречь матушку Москву; а комужъ беречь мать, какъ не дѣткамъ! Ей Богу, братцы, Государь на васъ, какъ на Кремль, надѣется, а я за васъ присягнуть готовъ. Не введите въ слово. А я вѣрный слуга царской, русскій баринъ и православный Христіанинъ.

Вотъ моя и молитва:

Господи Царю Небесный! Продли дни благочестиваго земнаго Царя нашего! Продли благодать Твою на православную Россію, продли мужество христолюбиваго воинства, продли вѣрность и любовь къ отечеству православнаго русскаго народа! Направь стопы воиновъ на гибель враговъ, просвѣти и укрѣпи ихъ силою Животворящаго Креста, чело ихъ охраняюща, и симъ знаменіемъ побѣдиша.

III.

Здѣсь мнѣ поручено отъ Государя было сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ, куда захотятъ, и по вѣтру и противъ вѣтра, а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь. Если погода будетъ хороша, то завтра, или послѣ завтра, ко мнѣ будетъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели.

Генералъ Платовъ, по приказанію Государя, и думая, что Е. И. В. уже въ Москвѣ, пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ и ѣдетъ послѣ обѣда обратно въ армію, и поспѣетъ къ баталіи, чтобъ тамъ пѣть благодарный молебенъ и Тебѣ Бога хвалимъ!

IV.

Отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ.

18-го Августа.

По полученнымъ мною извѣстіямъ, авангардъ стоитъ 13 верстъ передъ Вязьмой. Главная квартира въ Вязьмѣ. Непріятель стоитъ на одномъ мѣстѣ. Отрядовъ отъ него нѣтъ. Корпусъ генерала Милорадовича весь на походѣ. Авангардъ его, изъ 8,000 человѣкъ составленный, пошелъ сего дня изъ Можайска къ Гжати, подъ командою генералъ-маіора Вадковскаго. Прочія войска сего корпуса идутъ изъ Боровска и Вереи. Ополченіе тверское готово, и 13,000 человѣкъ съ кавалеріею подъ командою генераль-маіора Тыртова идутъ въ Клинъ; свѣтлѣйшій князь Кутузовъ прибылъ вчера въ Вязьму.

Графъ Витгенштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуетъ далѣе; весь тотъ край очищенъ отъ проказы, и Французовъ нѣтъ.

Многіе изъ жителей желаютъ вооружиться, а оружія тысячъ на десять есть въ арсеналѣ, которое куплено и дешево на Макарьевской ярмаркѣ; всякое утро желающіе могутъ покупать въ арсеналѣ ружья, пистолеты и сабли; цѣны тутъ означены; за это мнѣ скажутъ спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряда, но воля ихъ, Богъ ихъ проститъ!

V.

Главная квартира между Гжати и Можайска.

Нашъ авангардъ подъ Гжатью; мѣсто, нашими войсками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію; теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ войскъ. Черезъ два дни, у насъ еще прибудетъ 20,000; но наши войска русскія, единаго закона, единаго Царя, защищаютъ церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели-же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай, какъ звали.

Вы знаете, что я знаю все, что въ Москвѣ дѣлается; а что было вчера — не хорошо, и побранить есть за что: два Нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть-ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны, а для этого допросить должно; это мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату русскому; и что за диковинка ста человѣкамъ прибить костянова Француза, или въ парикѣ окуренова Нѣмца! Охота руки марать! и кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ, ну! веди ко мнѣ, а не бей, и не дѣлай нареканія Русскимъ; войска-та французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ, я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вить они за васъ дрались, не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это государевы вѣрные слуги и наши друзья — какъ имъ не помочь!

VI.

Августа 26-го.

«Курьеръ, отправленный вчера въ десять часовъ вечера изъ армiи, принесъ извѣстiе, что, кромѣ перестрѣлки егерей, ничего не произошло во весь день.

Въ суботу Французовъ хорошо попарили; видно отдыхаютъ! У князя Багратiона на лѣвомъ флангѣ передъ одною батареею сочтено больше 2,000 убитыхъ.

VII.

Два курьера, отправленные съ мѣста сраженiя, привезли отъ главнокомандующаго армiями слѣдующiя извѣстiя.

Вчерашнiй день 26-го было весьма жаркое и кровопролитное сраженiе; съ помощiю Божiею русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непрiятель съ отчаянiемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я, возлагая мое упованiе на Бога и на московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться.

Потеря непрiятеля неизчетная; онъ отдалъ въ приказѣ, чтобъ въ плѣнъ не брать, (да и брать не кого), и что Французамъ должно побѣдить, или погибнуть. Когда сего дня съ помощiю Божiею онъ отраженъ еще разъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча.

Я посылаю въ армiю 4,000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 50 пушекъ снаряды, провiанта. Православные! будьте спокойны. Кровь нашихъ проливается за спасенiе отечества, наша готова, и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска; Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ русской!

27-го августа, 1812 года.

VIII.

Свѣтлѣйшiй князь, чтобъ скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непрiятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ, съ снарядами, а свѣтлѣйшiй говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы! не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцевъ и городскихъ, и деревенскихъ; я кличь кликну дни за два, а теперь не надо; я и молчу! Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки; Французъ не тяжеле снопа ржанаго. Завтра послѣ обѣда я поднимаю Иверскую въ Екатерининской госпиталь къ раненымъ. Тамъ воду освятимъ, они скоро выздоровѣютъ, и я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба!

30 августа 1812 года.

IX.

Братцы! сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество, не впустить злодѣя въ Москву. Но должно пособить, и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкой своихъ выдавать. Москва наша мать. Она васъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе, возьмите только на три дни хлѣба; идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей, и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ; я буду съ вами — вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ! Вѣчная память, кто мертвой ляжетъ! Горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!

X.

Я завтра рано ѣду къ свѣтлѣйшему князю, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ; станемъ и мы изъ нихъ духъ искоренять и этихъ гостей къ чорту отправлять; я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, додѣлаемъ, и злодѣевъ отдѣлаемъ.

31 августа, 1812.
суббота.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXVI.

(¹) Вѣдомость о наличномъ числѣ войскъ, при рапортѣ Государю князя Кутузова, отъ 22 сентября 1812 года.

(²) Приказъ по арміи князя Кутузова, отъ 16 сентября, за №-26-мъ.

(³) Письмо Императору Александру I Барклая де-Толли, изъ Татариновой (близъ Бородина), отъ 26 августа.

(⁴) Письмо изъ Красной-Пахры, отъ 11 сентября.

(⁵) Копія этого письма хранится въ Архивѣ Канцеляріи Военнаго Министерства.

(⁶) Denkwürdigkeiten eines Livländers (Löwenstern). I. 246—247.

(⁷) Императоръ Александръ и Его сподвижники въ 1812—1815 годахъ. — Löwenstern. I. 247 — 248.

(⁸) Письмо Императора Александра I, отъ 24 ноября 1812 года (Арх. Главнаго Штаба).

(⁹) Походныя записки артиллериста. I. 196—199.—Löwenstern I. 251.

(¹⁰) Fain. Manuscrit de 1812. II. 121—123. Повелѣнія герцогу Бассано (Марè), отъ 24 сентября, 6-го и 17-го октября н. ст.

(¹¹) Декретъ о ремонтахъ 2-го октября н. ст.

(¹²) Fain II. 118 — 119.—Повелѣнія генералу Ларибуасьеру, отъ 18 сентября и 3 октября н. ст.

(¹³) Предписанія начальнику штаба Великой арміи, отъ 23 сентября и 10 октября н. ст.

(¹⁴) Histoire de la destruction de Moscou en 1812, par de B.....ch, ancien officier au service de Russie 141.

(¹⁵) Извлечено изъ свѣдѣній, доставленныхъ мѣстными губернскими начальствами, хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба. Изъ всѣхъ губерній, въ которыхъ образовалось ополченіе, только въ одной пензенской произошли безпокойствія, поводомъ чему были злоупотребленія нѣкоторыхъ изъ полковыхъ командировъ, по части продовольствованія ратниковъ. Но когда самъ начальникъ ополченія 3-го округа, графъ Петръ Александр. Толстой прискакалъ въ Саранскъ, то все пришло въ порядокъ, безъ всякихъ строгихъ мѣръ, и пензенское ополченіе отправилось въ Кіевъ, и въ послѣдствіи — за границу.

([16]) Изъ свѣдѣній о смоленской губерніи, хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба.

([17]) Указъ сенату, отъ 30 августа 1813 года.

([18]) Сочиненія Д. В. Давыдова. Изданіе 4-е. I. 19.

([19]) Описаніе стычекъ крестьянъ вохненской волости съ непріятелемъ въ 1812 году (Архива Главнаго Штаба № 47,352-й). Куринъ и сподвижникъ его Стуловъ были награждены знаками отличія Военнаго Ордена.

([20]) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. II. 172 — 174.

([21]) Изъ неизданныхъ записокъ Александра Андреевича Щербинина.

([22]) Сочиненія Н. Дуровой.

([23]) Извлечено изъ свѣдѣній, хранящихся въ Архивѣ Главнаго Штаба.

([24]) Предписаніе генералу Дорохову, отъ 26 сентября (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й). Составъ отряда Дорохова: пѣхотные полки Вильманстранскій и Полоцкій; одинъ баталіонъ 19-го егерскаго полка; четыре эскадрона Елисаветградскихъ гусаръ; казачьи полки Коммисарова и Иловайскаго 11-го; четыре пѣшихъ и четыре конныхъ орудія.

([25]) Донесеніе Дорохова отъ 29 сентября.

([26]) Донесеніе Государю князя Кутузова, 29 сентября. — Донесенія Государю генералъ-адъютанта Винцингероде, 10-го, 13-го, 16-го, 20-го, 24-го, 26-го и 29-го сентября.

([27]) Histoire de la destruction de Moscou en 1812. 148 et 150.—Labaume. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. — Lemasurier. Medicinische Geschichte des russischen Feldzugs von 1812.

([28]) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 23 сентября ст. ст.— Императоръ Александръ I и Его сподвижники въ 1812—1815 годахъ. Т. III. Жизнеописаніе князя Кутузова. — Т. IV. Жизнеописаніе князя Волконскаго.

([29]) Высочайшій рескриптъ князю Кутузову, отъ 4 октября.

([30]) Изъ записокъ Александра Андреевича Щербинина.

([31]) ..... «Il en résulta une suspension d'armes par une espèce de convention tacite».... Chambray. II. 209.—Thiers. Hist. du Consul. et de l'Empire. Ed. de Brux. XIV. 506.—Gourgaud. Examen crit. de l'ouvrage de M-r le comte de Ségur. Livre VIII. Ch. XI.

([32]) Chambray. II. 215 et 230.

([33]) Записка, поданная князю Кутузову генераломъ Беннигсеномъ, 3 октября 1812 года.

«Monsieur le Maréchal!

«Il parait d'après tous les renseignemens et les rapports que nous avons reçu, que les renforts que l'ennemi attend, sous les ordres du maréchal Victor, se trouvent effectivement en marche et peu eloignés de nous; il me parait donc que les intérêts de notre Souverain et de l'Etat demandent que nous attaquions, sans perte de tems, avec toutes les forces concentrées sous les ordres de Votre Altesse, l'ennemi qui se trouve vis-à-vis de nous sous les ordres du Roi de Naples, avant que ces renforts mentionnés puissent atteindre l'armée française. Cette mésure est, selon moi, d'autant plus nécessaire à prendre sans delai, que tous les avis que nous avons reçus, portent que Na-

poléon lui-même, avec tout le corps de ses gardes, se trouve encore à Moscou et que le Roi de Naples a peu d'artillerie avec lui et que toute sa cavalerie se monte, tout au plus, à 8,000 hommes.

«Votre Altesse, qui certainement mieux que moi saura juger l'importance de la proposition que je prends la liberté de lui faire, daignera, dans le cas qu'Elle approuvera mon projet, me donner Ses ordres, pour que je puisse avoir l'honneur de Lui présenter pour Son approbation la disposition de cette attaque, qui sera d'autant plus facile à exécuter que nous n'avons que des plaines devant nous entremelées de quelques petites forêts. Je crois nécessaire d'ajouter ici que l'ennemi, depuis quelques jours, a forcé la chaine de nos avant-postes et qu'il a placé la sienne sur une hauteur de la quelle chacune de ses vedettes peut voir ce qui se passe dans notre camp». (Арх. Главн. Штаба. № 49,692-й. Портф. 4-й).

(34) Диспозиція, составленная Толемъ (Архива Главнаго Штаба № 46,692, Портф. 4).

(35) Предписаніе Дорохову, отъ 4-го октября (Исходящ. журнала № 154-й).

(36) Записки Щербинина.

(37) Записки Щербинина.—Изъ записокъ князя А. Б. Голицына.

(38) Журналъ военныхъ дѣйствій, за подписью князя Кутузова. — Memoiren des Herzogs Eugen v. Würtemberg. II. 173—182.

(39) Herz. Eugen. II. 182.—Вѣдомость, за подписью полковника Кикина.

(40) Изъ записокъ Щербинина. — Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Grafen v. Toll. Zw. Aufl. II. 242.

(41) Журналъ военныхъ дѣйствій, за подписью князя Кутузова.

(42) Изъ собственноручной записки полковника Мишо́. По свидѣтельству самого Мишо́, Императоръ Александръ, приказавъ ему сказать фельдмаршалу, чтобы онъ выгналъ непріятелей изъ Россіи, прибавилъ: «и тогда Я поѣду къ нему на встрѣчу и ввезу его торжественно въ столицу».

(43) Bernhardi, II. 244—245.

(44) Изъ записокъ Толя.

(45) Письмо Бертье князю Кутузову. — Chambray. II. 319.

(46) Копія письма князя Кутузова, хранящаяся въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(47) Вѣдомость о числѣ наполеоновыхъ войскъ.—Chambray. II. 314—315. (Число войскъ показано приблизительно).

	Пѣхоты съ арт.	Кавалеріи съ арт.	Орудій.
Гвардія . . . . . . : .	17,871	4,609	112
1-й пѣхотный корпусъ .	27,449	1,500	144
3-й пѣхотный корпусъ .	9,597	901	71
4-й пѣхотный корпусъ .	23,963	1,661	92
5-й пѣхотный корпусъ .	4,844	868	49
8-й пѣхотный корпусъ .	1,916	775	34
Бригада спѣшенныхъ кавалеристовъ	4,000	—	—
Резервная кавалерія . .	—	5,000	67
И того . . .	89,640	15,314	569

Бернгарди весьма основательно полагаетъ число строевыхъ французской арміи въ сто семь тысячъ человѣкъ, потому что у Шамбрѐ сила 8-го (вестфальскаго) корпуса показана тремя тысячами человѣкъ менѣе дѣйствительнаго числа войскъ. Bernhardi. Zw. Aufl. II. 266.

(48) Chambray. II. 313 — 316.

(49) Предписаніе отъ 18 октября н. ст.

(50) Chambray. II. 316 — 318. — Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. 4-me édit. II. 112—113.—Bernhardi. II. 249 — 250.

(51) Предписанія 20-го и 21 октября н. ст.

(52) Предписаніе 22 октября н. ст.

(53) Журналъ входящимъ и исходящимъ бумагамъ 1812 года (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й).—Записки Ермолова.

(54) Записки Ермолова.—Императоръ Александръ 1 и Его сподвижники. Жизнеописаніе генерала Дохтурова. — М. Семевскаго. Партизанъ Сеславинъ. (Отечественныя Записки. 1860).

(55) Предписанія Платову и Милорадовичу, отъ 11 октября, за №№ 214-мъ и 218-мъ. — Донесеніе Милорадовича, отъ 11 октября, за № 42-мъ.—Предписаніе генералъ-лейтенанту князю Голицыну, отъ 11 октября, за № 227-мъ.—Журналъ военныхъ дѣйствій.

(56) Вѣдомость о состояніи арміи, 6 октября 1812 года.

(57) Chambray. II. 326—327.—Labaume. Histoire circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. 4-me édit. 255.

(58) Описаніе сраженія при Малоярославцѣ, изъ Журнала военныхъ дѣйствій.—Записки Ермолова (рукопись).—Chambray. II. 330.—Labaume. 257. — Ségur. II. 120 — 121.

(59) Записки Ермолова.—Chambray. II. 330—333.—Labaume. 257—260.

(60) Письмо Раевскаго къ генералу Жомини о разныхъ событіяхъ войны 1812 года. —Labaume. 260 — 262.

(61) Описаніе сраженія при Малоярославцѣ, изъ Журнала военныхъ дѣйствій. — Chambray. II. 333—334. — Soltyk. Napoléon en 1812. 356.

(62) Записки Ермолова.—Denkwürdigkeiten eines Livländers. I. 257—259.

(63) Записки Ермолова.—Chambray. II. 338.—Bernhardi. II. 264.

(64) Denkwürdigkeiten eines Livländers. 259 — 260.

(65) Chambray. II. 334 — 335.

(66) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Chambray. II. 335—336. — Soltyk. 360 — 362.

(67) Bernhardi. II. 269 — 270.

(68) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Soltyk. 369.

(69) Донесеніе князя Кутузова о сраженіи при Малоярославцѣ.

(70) Chambray. II. 338 — 339. — Bernhardi. II. 266 — 267.

(71) Изъ донесенія Государю князя Кутузова, отъ 13 октября. — Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны 1812 года.

(72) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Eugen v. Würtemberg. II. 196—197

(73) Chambray. II. 339 — 340.

(74) Журналъ военныхъ дѣйствій.—Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 16 октября, изъ Полотняныхъ-Заводовъ.

(75) Повелѣніе графу Витгенштейну, отъ 16 октября.

(76) Chambray. II. 354. — Soltyk. 369.

(77) Собственноручная записка ротмистра Нарышкина. — Донесеніе Государю генер.-маіора Иловайскаго 4-го, отъ 11-го октября.

(78) Письмо князя Кутузова начальнику штаба французской арміи, отъ 29-го октября (Архива Главнаго Штаба № 46,692-й, Портф. 4).

(79) Повелѣнія князя Кутузова генераламъ: Милорадовичу, Платову, графу Ожаровскому, и проч. отъ 16-го и 17-го октября (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й). — Журналъ военныхъ дѣйствій. — Записки Ермолова.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXVII.

(¹) Lettre du major-général (Berthier) á Davoust, le 29 octobre n. st.

(²) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. II. 356—357. — Fain. Manuscrit de 1812. II. 217—218.

(³) C-te Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée pendant l'année 1812. 4-me édit. II. 164. — Fezensac. Journal de la campagne de Russie en 1812. 74.

(⁴) Chambray II. 358—359. — Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Graf. v. Toll. Zw. Aufl. II. 291.—Письмо Бертьѐ къ генералу Шарпантьѐ, 1-го ноября н. ст.

(⁵) Memoiren des Herzogs Eugen v. Würtemberg. II. 197—199.

(⁶) Число французскихъ войскъ подъ Вязьмою:

Въ 1-мъ корпусѣ	13,000 чел.
» 3-мъ »	6,000 »
» 4-мъ »	12,000 »
» 5-мъ »	3,500 »
Кавалерія	3,000 »
Всего . . .	37,500 чел.

Chambray II. 371.

(⁷) Число русскихъ войскъ въ окрестностяхъ Вязьмы:

Во 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ	7,000 чел.
Въ 4-мъ » »	7,000 »
Во 2-мъ и 4-мъ кавалерійскихъ корпусахъ .	3,500 »
Всего у Милорадовича .	17,500 чел.
Въ 26-й пѣхотной дивизіи	4,000 чел.
» казачьихъ полкахъ	3,000 »
Всего у Платова . . .	7,000 чел.

Вѣдомости о числѣ войскъ. — Въ запискахъ принца Евгенія показано число войскъ вообще: 16,000 чел. пѣхоты и 9,000 регулярной кавалеріи и казаковъ.

([8]) Записки Ермолова.—C-te Ségur. II. 170.—Eugen v. Würtemberg. II. 202—204.

([9]) Chambray. II. 360.

([10]) Журналъ военныхъ дѣйствій русской арміи. — Записки Ермолова.

([11]) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Записки Ермолова. — Labaume. Relation circonstanciée de la campagne de Russie en 1812. 288—293. Chambray. II. 368—372. — Eugen v. Würtemberg. II. 221—230.

([12]) Донесеніе Нея отъ 4 ноября н. ст. — Fezenzac. 79—80.

([13]) Chambray. II. 382—384.—Roos. Ein Jahr aus meinem Leben. 187.

([14]) Fain. II. 239—241.

([15]) Puibusque. Lettres sur la guerre de Russie. 122—132.

([16]) Сочиненія Давыдова. 4-е Изд. I. 78—82. По свидѣтельству его, взято въ плѣнъ 60 офицеровъ и 2,000 нижнихъ чиновъ. — Донесеніе Государю Кутузова, отъ 1 ноября.

([17]) Донесеніе князю Кутузову Платова, отъ 29 октября. — Labaume. 313—332.

([18]) Chambray. II. 436.

([19]) Повелѣніе Императора Александра, объявленное въ запискѣ графа Аракчеева князю А. И. Горчакову, отъ 28-го августа 1812 года. (Арх. Главнаго Штаба 46,692-й, кн. за № 7-мъ).

([20]) Повелѣнія и инструкціи принцу Экмюльскому (Даву) и герцогу Эльхингенскому (Нею), 14 ноября н. ст.

([21]) Журналъ военныхъ дѣйствій.

([22]) Eugen v. Würtemberg. II. 234.

([23]) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Донесеніе Кутузову Милорадовича, отъ 7-го ноября.—Eugen v. Würtemberg. II. 242.

([24]) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Chambray. II. 437.

([25]) Labaume. 344—345.

([26]) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Донесеніе Кутузову Милорадовича, отъ 7 ноября. — Записки Ермолова. — Eugen v. Würtemberg. II 247.—Labaume. 347—355.

([27]) Диспозиція на 5-е ноября. — Записки Ермолова.

([28]) Bernhardi. II. 324.

([29]) Chambray. II. 444—445.

([30]) Ségur. II. 263—264.

([31]) Chambray. II. 446—447. — Eugen v. Würtemberg II. 247.

([32]) Boutourlin. Histoire militaire de la campagne de Russie en 1812. II. 220—221. — Записки Александра Андреевича Щербинина (рукопись).

([33]) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Донесеніе Кутузову Тормасова, отъ 7 ноября.—Рапортъ Тормасову князя Голицына, отъ 12 ноября.— Записки Ермолова. — Chambray. II 447—450.

([34]) Журналъ военныхъ дѣйствій. — Донесеніе Государю Кутузова, отъ 8 ноября.

([35]) Приказъ по арміи, отъ 3-го ноября, за № 62-мъ. — Предписаніе принцу Карлу Мекленбургскому, отъ 9 ноября, за № 475-мъ.

([36]) Fezensac. 96—98. — Chambray. II. 463—464.

([37]) Рапорты Кутузову Платова, отъ 5 и 7 ноября. — Предписаніе Платова маіору Горихвосту, отъ 5 ноября, гдѣ сказано: «Раненыхъ и

больныхъ непріятелей, которые найдутся въ Смоленскѣ, продовольствовать, сколько по человѣчеству, столько и по тому, что плѣнные большею частію нѣмецкихъ націй и Итальянцы, и дабы чрезъ то показать имъ, что россійское правительство поступаетъ съ военно-плѣнными совсѣмъ не такъ, какъ имъ внушено. Россійскимъ-же больнымъ и раненымъ, если они есть здѣсь, оказывать особенное призрѣніе......»

(38) Fezensac. 101.—Изъ записокъ генерала Раевскаго.—Рапортъ генералу Коновницыну генералъ-адъютанта барона Меллера-Закомельскаго, отъ 7-го ноября.—Исходящій журналъ архива Лейбъ-уланскаго полка.

(39) Донесеніе Кутузову Милорадовича, отъ 7 ноября.—Въ приказѣ Милорадовича послѣ Красненскихъ дѣлъ сказано: «Сіе дѣло рѣшило, что русская пѣхота первая въ свѣтѣ».

(40) Донесеніе Кутузову Платова, отъ 8 ноября, изъ деревни Макаровой, близъ Якубова.—Перехваченное письмо офицера французскаго генеральнаго штаба, отъ 22 ноября н. ст. изъ Орши.—Fezensac. 106—119. Labaume. 373.

(41) Журналъ военныхъ дѣйствій.

(42) Eugen v. Würtemberg. II. 275.

(43) Fain. II. 268—269.

(44) Предписаніе начальнику штаба Бертье, отъ 18 ноября н. ст.—Предписаніе маршалу Виктору, отъ 19-го ноября н. ст.—Chambray. II. 451—452.

(45) Приказъ по войскамъ отъ 19 ноября н. ст.

(46) Fain. II. 274—275.—Chambray. III. 10—13.

(47) Fain. II. 277.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ГЛАВѢ XXXVIII.

(1) Составъ авангарда подъ начальствомъ Ермолова: полки Л. Гв. Егерскій и Финляндскій, кирасирскіе Его и Ея Величествъ, гвардейская артиллерія, шесть баталіоновъ 6-го пѣхотнаго корпуса и два казачьихъ полка. Записки Ермолова.

(2) Повелѣнія подполковнику Давыдову, отъ 9 ноября, и капитану Сеславину, отъ 11-го ноября (Журнала исходящихъ бумагъ № 473-й и № 490-й).

(3) Предписанія генераламъ Ермолову и Милорадовичу, отъ 11-го ноября, за №№ 493-мъ и 494-мъ.—Рапортъ генералу Коновницыну Ермолова, отъ 13 ноября.—Записки Ермолова.

(4) Mémoires inédits de l'amiral Tchitchagoff. 74 et 81—82.

(5) Chambray. Histoire de l'expédition de Russie. III. 15.

(6) Thiers. Histoire du Consulat et de l'Empire. Edit. de Brux. XIV. 658 — 663. — Предписанія маршаламъ Удино и Викторy. отъ 23-го ноября н. ст.

(7) Предписанія отъ 24 ноября н. ст. — Chambray. III. 32—34 — Ségur. Histoire de Napoléon et de la grande armée. II 330.

(8) По свидѣтельству подполковника Малиновскаго, (Записки о переправѣ черезъ Березину) число войскъ Дунайской арміи тогда простиралось до 33-хъ тысячъ человѣкъ, а по весьма сомнительному показанію самаго Чичагова (Mémoires inédits. 59), всего до 20-ти тысячъ человѣкъ.

(9) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи. — Записки подполковника Малиновскаго.—Записки графа Ламберта.

(10) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи —Mémoires de Tchitchagoff. 57.

(11) Журналъ Дунайской арміи.

(12) Précis de la campagne du 1-r Corps de l'armée d'Occident pendant l'année 1812. (Архива Главнаго Штаба № 29,200)

(13) Chambray. III 34—35.

(14) Ségur. II. 332—333.—Soltyk. Napoléon en 1812. 439.

(15) Chambray. III. 36—38.

(16) Записки дѣйствительнаго статскаго совѣтника Храповицкаго,

служившаго въ арміи Чичагова въ 1812-мъ году.—Chambray. III. 39.—Ségur. 338—339.

(17) Предписанія Чичагова графу Ланжерону и Чаплицу, отъ 13-го ноября.

(18) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи. — Записка о Березинской переправѣ, генерала Арнольди.—Tchaplitz. Remarques sur la campagne de 1812. (Архива Главнаго Штаба № 44,712-й).—Chambray. III. 43.

(19) Chambray. III. 49—51.—Fain. Manuscrit de 1812. II. 315—317.

(20) Chambray. III. 51—53.—Soltyk. 443.—Tshaplitz. Remarques etc.

(21) Показанія о числѣ наполеоновыхъ войскъ на Березинѣ весьма различны: у Шамбрè (III. 50) около 30-ти тысячъ; у Fain'а (II. 334) 40 тысячъ, кромѣ 45-ти или 50-ти тысячъ отсталыхъ и безоружныхъ; у Солтыка (441—442) 50 тысячъ.

(22) Chambray. III. 55—57. — Fain. II. 323 — 325.

(23) Донесенія Государю графа Витгенштейна (Архива Главнаго Штаба № 44,585-й).—Précis de la campagne du 1-r Corps (Архива Главнаго Штаба № 29,200-й).—Донесеніе генералу Коновницыну капитана Сеславина, отъ 17 ноября.—Chambray. III. 60—62.—Fain. 341—342.

(24) Mémoires de Tchitchagoff. 73 — 74. — Précis de la campagne du I-r Corps — Записки Ермолова.

(25) Chambray. III. 63. Таково самое умѣренное показаніе о числѣ наполеоновыхъ войскъ. По свидѣтельству-же прочихъ французскихъ историковъ, у Наполеона, 16 (28) ноября, на лѣвой сторонѣ Березины было десять тысячъ, а на правой отъ 25-ти до 28-ми тысячъ человѣкъ. Fain. II. 334.—Soltyk. 445.

(26) Chambray. III. 68—69.—Soltyk. 451.

(27) Журналъ Дунайской арміи.—Записка Арнольди о Березинской переправѣ.—Chambray. III. 67.—Fain. II. 338—339.—Soltyk. 451.

(28) Précis de la campagne du 1-r Corps.—Chambray. III. 67.

(29) Precis de la campagne du 1-r Corps.—Chambray. III. 71.—Ségur. II. 369—373.

(30) Chambray. III. 49—50 et 93—94.—Fain. II. 334.

(31) Précis de la campagne du 1-r Corps. — Донесеніе князю Кутузову адмирала Чичагова, отъ 19 ноября. — Рапортъ генералъ-лейтенанту Опперману генералъ-маіора Фёрстера, посланнаго, по приказанію фельдмаршала, въ Борисовъ, для собранія свѣдѣній о военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ на Березинѣ.

(32) Въ одной изъ раскольничьихъ рукописей «Греческій Златоструй» сказано, что, при нашествіи Наполеона въ 1812 году, Богъ даровалъ побѣду «благочестивой небрѣемой рати, Христовымъ стрѣльцамъ» т. е казакамъ старообрядцамъ. (Русскій Вѣстникъ. 1866. IX. 15).

(33) Записки Александра Андреевича Щербинина.

(34) Донесеніе Государю князя Кутузова, 21 ноября, за № 989-мъ, и повелѣнія Кутузова генераламъ: Шепелеву, Богданову и Лебедеву. (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й).

(35) Письмо герцога де-Бассано (Марè) князю Шварценбергу, отъ 2 декабря н. ст. изъ Вильны.—Fain. II. 351—352.

(36) Bourgeois. Tableau de la campagne de Moscou en 1812. 156—169.—Lemasurier. Medicinische Geschichte des russischen Feldzuges von 1812.

(37) Журналы военныхъ дѣйствій Главной и Дунайской арміи. — Précis de la campagne du 1-r Corps.

(38) Chambray. III. 106.—Fain. II. 354—357. — Soltyk. 456.

(39) Повелѣніе начальнику штаба, съ приложеніемъ инструкціи Мюрату, отъ 5 декабря н. ст.

(40) Rückzug der Franzosen bis zum Niemen. 39.

(41) Bernhardi. Denkwürdigkeiten des Graf. v. Toll. Zw. Aufl. II. 361—362.

(42) Chambray. III. 107—110 et 218—219.—Письмо къ Прусскому Королю Гумбольдта, изъ Вѣны, отъ 19 декабря н. ст.

(43) Донесеніе полковника Сеславина, отъ 27 ноября. — Журналы военныхъ дѣйствій — Précis de la campagne du 1-r Corps. — Chambray. III. 131.

(44) Число наполеоновыхъ войскъ по достиженіи Вильны:

	Пѣхоты.	Кавалеріи.	
Старая гвардія	600	800	чел.
Молодая »	100	—	»
Баварскій корпусъ и дивизія Луазона	2,300	200	»
1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 9-й корпусы	300	—	
Всего	3,300	1,000	чел.

Chambray. III. 131.

(45) Письма начальника штаба Бертье къ Нею, графу Дарю, Шварценбергу и Макдональду, отъ 9-го декабря н. ст.

(45) Рапортъ князю Кутузову графа Платова, отъ 29 ноября, за № 222-мъ. — Chambray. III. 130—132.—Labaume. Relation circonstanciée etc. 422.—Bourgeois. 178—180.

(47) Журналъ дѣйствій Дунайской арміи.—Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 2 декабря, за № 647-мъ.

(48) Письмо къ Государю князя Кутузова, отъ 7 декабря, изъ Вильны, съ приложеніемъ Записки о состояніи войскъ.

(49) Донесеніе Кутузова, отъ 25 ноября, за № 599-мъ (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й).

(50) Высочайшій рескриптъ, 2 декабря.

(51) Именной указъ Сенату, 30 ноября (Полн. Собр. Зак. Т. XXXII. № 25,280-й).

Изъ набора исключены губерніи: полтавская, черниговская, курляндская, виленская, гродненская, минская, а также Грузія и области Бѣлостокская и тарнопольская. О губерніяхъ сибирскихъ сдѣлано было особое распоряженіе. Дворянскія имѣнія, выставившія ополченіе, и селенія внутреннихъ губерній Имперіи, потерпѣвшія разореніе отъ непріятеля, были освобождены отъ набора.

Незадолго предъ тѣмъ повелѣно сдѣлать наборъ въ лифляндской губерніи, по одному рекруту съ 50-ти душъ. Именной указъ генералъ-лейтенанту маркизу Паулуччи, 9 ноября (Полн. Собр. Зак. Т. XXXI. № 25,261).

(52) Высочайшія повелѣнія управляющему военнымъ министерствомъ, генералъ-лейтенанту князю Горчакову, отъ 11 октября, за № 198-мъ отъ 20 октября, за № 230-мъ; 5 ноября, за № 294-мъ, и 29 ноября, за № 366-мъ. — Высочайшій рескриптъ князю Лобанову-Ростовскому, отъ 5 декабря.

(53) Высочайшія повелѣнія князю Кутузову, отъ 9-го ноября, за № 316-мъ и № 317-мъ.

(54) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 8 декабря (Архива Главнаго Штаба № 46,692-й).

(55) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 1 декабря (Архива Главнаго Штаба № 29,172-й).

(56) Chambray. III. 137.—Thiers. XIV. 738—739.—Souvenirs du lieut. général Dumas. III. 138.

(57) Донесеніе Чичагову графа Платова, отъ 3 декабря, за № 230-мъ

(58) Chambray. III 138.

(59) Донесеніе Государю князя Кутузова, отъ 7 декабря за № 689-мъ.

(60) Funck. Erinnerungen aus dem Feldzuge in Russland im Jahr 1812. 192 — 194.

(61) Донесенія графа Ожаровскаго Тормасову и Коновницыну, отъ 1 и 3 декабря.—Рапортъ Коновницыну генералъ-адъютанта Васильчикова, отъ 13 декабря.

(62) Составъ авангарда Винцингероде.

Запасные баталіоны полковъ 12-й дивизіи: Смоленскаго, Нарвскаго, Алексопольскаго, Новоингерманландскаго, 6-го и 41-го егерскихъ, всего въ 6-ти баталіонахъ	1,030 чел.
Запасные баталіоны полковъ 15-й дивизіи: Козловскаго, Колыванскаго, Куринскаго, 13-го и 14-го егерскихъ, всего въ 5-ти баталіонахъ	1,389 »
Запасные баталіоны полковъ 18-й дивизіи: Владимірскаго, Тамбовскаго, Днѣпровскаго, Костромскаго и 32-го егерскаго, всего въ 5-ти баталіонахъ	1,091 »
Запасные баталіоны полковъ 26-й дивизіи: Полтавскаго и 5-го егерскаго, всего въ 2-хъ баталіонахъ	496 »
9-й дивизіи, Ряжскаго полка, въ 2-хъ баталіонахъ . .	567 »
Рекрутскіе баталіоны полковъ: Архангелогородскаго, Староингерманландскаго, Украинскаго и 37-го егерскаго, всего въ 4-хъ баталіонахъ	1,094 »
75-й корабельный экипажъ	294 »
Татарскій уланскій полкъ, въ составѣ 8-ми эскадроновъ, и 12 запасныхъ эскадроновъ полковъ: Иркутскаго, Сумскаго и Ахтырскаго гусарскихъ; Черниговскаго конно-егерскаго, Литовскаго уланскаго; Курляндскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Новороссійскаго драгунскихъ, всего .	1,582 »
Донскіе казачьи полки Грекова 9-го и Семенчикова, и 4 команды, всего	1,123 »
Артиллеріи, при 21-мъ орудіи	315 »

2-й пѣхотный корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго.

По два баталіона полковъ 3-й дивизіи: Муромскаго, Ревельскаго; Черниговскаго и 20-го егерскаго, и 4-й дивизіи: Тобольскаго, Волынскаго, Кременчугскаго и 4-го егерскаго, всего въ 16-ти баталіонахъ	2,500 »
Артиллеріи три пѣшихъ роты и конная рота Никитина.	
Два донскихъ казачьихъ полка, всего	400 »

Отрядъ генералъ-маіора Ланскаго.

Полки Александрійскій и Бѣлорусскій гусарскіе, Лифляндскій конно-егерскій, всего въ 20-ти эскадронахъ, и въ 3-мъ Уральскомъ полку	1,527	чел.
1-й и 3-й Украинскіе казачьи полки	1,812	»

Отрядъ полковника Давыдова:

Два казачьихъ полка и команда гусаръ	550	»
Итого въ авангардѣ Винцингероде:		
Пѣхоты сорокъ баталіоновъ.	8,461	»
Кавалеріи сорокъ эскадроновъ, девять казачьихъ полковъ и четыре команды	6.994	»
Артиллеріи при 69-ти орудіяхъ	1,000	»
Всего-же . .	16,455	чел.

(Архива Главнаго Штаба № 29,172).

([63] Генеральная диспозиція, по случаю перехода Главной арміи чрезъ границу, приложенная при повелѣніи генералу Дохтурову, отъ 30-го декабря, за № 822-мъ. Повелѣнія генераламъ Сакену и Милорадовичу, отъ 31 декабря, за №№ 831-мъ и 833-мъ. (Архивъ Главнаго Штаба № 29,172-й).

([64]) Составъ отряда Дибича: Гродненскій гусарскій и три казачьихъ полка; сто двадцать человѣкъ 23-го егерскаго полка; шесть орудій 1-й конной роты.

([65]) Chambray, III. 149—151.—Clausewitz. Der russische Feldzug von 1812. 210 — 211.

([66]) Рапортъ Государю генерала Паулуччи, отъ 2-го ноября.—Письмо Паулуччи къ Іорку, отъ 2 ноября. Письмо Іорка къ Паулуччи, отъ 26 ноября (8 декабря). (Архива Главнаго Штаба № 46,692-й). — Précis des opérations du 1-r Corps pendant la campagne de 1812. (Архива Главнаго Штаба № 29.200-й) — Clausewitz. 209 — 228.

([67]) Письмо Іорка къ Макдональду.

«Послѣ нѣсколькихъ весьма трудныхъ переходовъ, я не могъ продолжать ихъ, не подвергаясь нападеніямъ съ фланговъ и тыла, что замедлило соединеніе мое съ вашими войсками. Оставалось мнѣ двигаться далѣе съ потерею большей части моихъ войскъ и всего обоза, заключавшаго въ себѣ единственныя средства къ продовольствованію моего корпуса, либо спасти все: я счелъ долгомъ заключить договоръ, на основаніи котораго прусскія войска должны собраться въ части восточной Пруссіи, занятой, по отступленіи французской арміи, русскими войсками.

«Прусскія войска останутся неутральными; ихъ жребій рѣшится переговорами, которые будутъ ведены между воюющими Державами.

«Спѣшу извѣстить Ваше Превосходительство о поступкѣ, къ которому побудить меня могли только лишь чрезвычайныя обстоятельства

«Какой-бы приговоръ не произнесло надо мною общее мнѣніе—не забочусь о томъ. Я исполнилъ долгъ свой въ отношеніи къ войскамъ моимъ, слѣдуя зрѣло обдуманному внушенію разсудка,» и проч.

(68) Брульонъ подлиннаго письма на французскомъ языкѣ хранится въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ.

(69) Sporschill. Die grosse Chronik. I. Th. 1 Bd. 43 — 44. — Clausewitz. 235—236. — Pertz. Das Leben des Ministers Freiherrn v. Stein. III. 275—276.

(70) Précis des opérations du 1-r Corps. — (Архива Главнаго Штаба № 29,200-й). — Донесенія генерала Шепелева, отъ 18 и 20 декабря (Архива Главнаго Штаба № 44.585-й) — Chambray. III. 159 et 164

(71) C-sse de Choiseul-Gouffier. Mémoires historiques sur l'empereur Alexandre. 152—153.

(72) Wilson. 356—357.

(73) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1812 года. IV. — Записки Шишкова. 74. — C-sse de Choiseul-Gouffier. 151 et 155.

(74) Собраніе Высочайшихъ манифестовъ и проч. 1812—1816 годовъ. 1816. 91 — 93.

(75) Высочайшія повелѣнія, 17-го и 18-го декабря, за №№ 428-мъ и 432-мъ. — Приказы по арміямъ князя Кутузова. — Записки Ермолова.

(76) Повелѣнія управляющему военнымъ министерствомъ, князю Горчакову, 17-го и 27-го декабря, за №№ 422-мъ и 455-мъ.

(77) Повелѣнія генералъ-лейтенанту Опперману, отъ 20 декабря за № 436-мъ, и управляющему военнымъ министерствомъ, 27 декабря, за № 456-мъ.

(78) Chambray. III. 147.

(79) Chambray. III. 148.—Vaudoncourt. Mémoires pour servir à l'histoire de la guerre entre la France et la Russie en 1812. 324.

(80) C-sse Choiseul-Gouffier. 161—162.

